

ВРЕМЕНА ГРЁЗ

Вырвавшись из плена семейных интриг, Софи надеется получить свою жизнь в свои руки, но едва она достигает королевского дворца Целестии, как чужие тайны с новой силой тянут ее в водоворот событий, где миссия, данная отцом, оказывается лишь нитью в общем полотне чьих-то планов.

«I must be cruel, only to be kind: Thus bad begins and worse remains behind. Я должен быть жестоким, только чтобы быть добрым: Так начинается плохое, а худшее остается позади. Шекспир, Гамлет, акт III, сцена 4»

— Славка.

Представшая картина абсолютно не укладывалась в голове, будто я невольно оказалась не на балу, а в собственном кошмаре. Дыхание перехватило, захотелось вскрикнуть, отпрянуть, сбежать, внушить себе, что всё это безумный бред, и я оказалась под воздействием чужих чар, но нет. Я не верила глазам, но сердце точно подсказало правду. Моя бесшабашная подруга, моя спутница во всех рискованных авантюрах, моя соседка с малых лет, встала с места и, поприветствовав кого-то среди подданных, улыбнулась так знакомо, что я не сдержала тихий всхлип.

Да как же такое возможно...

— Сэра, прошу тебя, тише.

— Она, это она, я уверена, боги, что же делать?

Каин осторожно подхватил меня под локоть и, потянув из зала, увел в пустынные боковые коридоры, где среди множества комнат нашлись уборные для гостей. Там, оставшись наедине, он вытащил платок из кармана и дал мне убрать собравшиеся в уголках глаз слёзы.

— Софи, сейчас не время сдаваться и плакать, соберись, прошу тебя, это важно.

— Но как же Слава?

— Ты уверена, что знаешь ее?

— Это моя подруга, я с ней полжизни провела, как я могу ее не знать?

— Хорошо, пускай и так, но ты видишь, на чьей она стороне.

Чуть не разрыдавшись, я замотала головой, потянув руки к лицу, но Каин вовремя перехватил их и прижал к себе. Снаружи комнаты послышался отдаленный цокот каблучков по мраморному полу. Я глубже вдохнула и с мольбой взглянула на наставника.

— Мне нужно время, хотя бы пять минут. Надо прийти в себя.

Каин кивнул и, отпустив ладони, аккуратно прикоснулся к моим щекам, почти невесомо мимолетным касанием дотронувшись губами до моего лба.

— Я должен быть жесток, чтоб добрым быть.

Зло начато, и зло не отвратить.

Замерев, я дождалась, пока наставник не скроется за дверью, став стражем моего покоя, и повернулась к зеркалу, что висело на стене за моей спиной. Пара широких раковин отделяли меня от отражения, мягкие пуфы, обитые бархатом, у стены сбоку манили присесть и перевести дух. Столь неожиданные и резкие эмоциональные горки вытянули, кажется, все силы.

В голове роилась тысяча вопросов, но самый главный из них, будто дамоклов меч, повис над моей душой.

Стоит ли мне встать на сторону Славы?

Да, мысль сумасшедшая, особенно сейчас, когда мы по разные стороны баррикад, но если случилось так, что я просто чего-то не знаю, не понимаю всего, сужу однобоко. Может,

стоит хотя бы поговорить с ней? Выслушать, может, даже попросить помощи или предупредить. Боги, встретить я ее хотя бы полгода назад, навряд ли колебалась бы, тут же бросившись к подруге и рассказав ей всё, умоляя спрятать и забрать к себе. К тому же, я разве должна решать судьбу двух стран? Я едва окончила вуз, себя не смогла спасти, ни помочь, а тут убийца, подумать только, как высоко я прыгнула. Пожалуй, даже выше собственной головы. Заигралась как девчонка, с чего-то подумала, что навязанная роль мне к лицу, и я имею право вершить жизни. С какой такой стати? С чего я вдруг должна идти на поводу чужой воли? Если я останусь, если поговорю со Славкой, она точно меня узнает, поймет, как бы сильно моя внешность не изменилась. Мы определенно найдем выход, и я смогу вернуть себе кусочек утраченного прошлого. Разве попаданки не должны держаться рядом? Разве всё не шло к тому, что мы обязаны быть вместе как единственный оплот той жизни, что не знакома никому в этом мире? И вместе вернуться домой, если такой вариант осуществим, конечно. Мне стоило так долго готовиться, так долго ждать, чтобы получить в свои руки эту крохотную, зыбкую надежду.

Пока я размышляла об этом, мое сердце глодал неприятный, гаденький червячок, что раз за разом пытался напомнить о том, как много всего произошло за год в новом мире. О том, что я, к сожалению, не вернусь домой той, что была, и все эти попытки уцепиться за такое понятное и простое прошлое глупы и несвоевременны, но привязанности, симпатии и чувства, что невидимыми нитями меня связывали с моей новой семьей, сейчас казались лишним грузом, который можно просто отцепить от себя, скинуть, как морок, и забыть, едва я переступлю порог собственной квартиры. Где меня всё еще ждет Макс. Боги, я почти забыла, как он выглядит и как заботился обо мне тогда. Все его касания и осторожные объятия смели новые переживания, оставив в памяти только мимолетное ощущение тепла, как единственный весенний день среди затянувшейся зимы. Стыдно, конечно, невероятно стыдно, но, думаю, он поймет, поддержит меня даже сейчас.

— Ты не посмеешь предать Блэквудов.

Я вздрогнула, услышав собственный голос. Вскинув голову и оторвав взгляд от раковины, я с ужасом встретила собственное отражение, потянувшееся ко мне, словно нас никогда не разделяла полоска стекла.

— Что?

— Они твоя семья и никто другой, забудь о прежней жизни, той Софи больше нет. Она погибла так же, как и твоя подруга, ты сама ее хоронила, и ты должна понять, что случилось год назад с тобой.

Стиснув в руках край раковины, я застыла, не в силах двинуться с места. Я смотрела в свои глаза напротив, на античное золото, переливающееся в них, и запоздало почувствовала, как рука, протянувшаяся вперед, ткнула указательным пальцем мне в грудь. Казалось, надави она чуть сильнее и без труда скользнет в грудную клетку к сердцу, схватив его в цепкие объятия.

— Ты Блэквуд, твоя кровь — часть этой семьи. Не смей предавать ее.

— Не посмею.

Мои губы шевельнулись будто сами собой, но сейчас я не могла ответить никак иначе. Принять собственную смерть будет тяжело, но теперь, отделяя сознание от этой вспыхнувшей ностальгии и тоске по прежней жизни, я понимала, что отражение говорит правду.

Славка погибла, и даже попади она сюда, в этот мир, не могла остаться той же, что и

раньше. Мое сознание, мировоззрение и тело изменилось за год, она же... у нее уже есть маленький сын. Сколько времени она тут провела?

— Серафина, нам пора идти.

Каин осторожно вошел в уборную и приблизился ко мне. Наваждение в зеркале пропало, едва я услышала его голос. На миг даже показалось, что всё это было бредом, безумной игрой воображения, но на груди я заметила красноватый след.

— Сэра?

— Д-да, извини, я уже готова.

Собираясь с мыслями, я глубоко вздохнула, чтобы унять дрожь, и уже повернулась к выходу, когда наставник поймал меня за плечи и приблизил к себе.

— Помнишь, что я говорил тебе об эмоциях? Держи их в узде, иначе ты рискуешь погибнуть.

Забрав у меня платок, он осторожно убрал что-то над моей губой. До меня запоздало добрался неприятный, тошнотворный запах разложения и гнили. Поморщив нос, я скривилась.

— Отвратительно.

— Ничего страшного, просто будь внимательней и сосредоточься на главном. Неважно кого и что ты увидишь, пока ты не узнаешь их истинных стремлений, считай, что все вокруг враги.

— Это будет несложно.

Каин внимательно посмотрел на меня, встретившись взглядом, и, прикоснувшись к скуле, провел пальцами по коже, будто поправляя скрывший щеку локон волос.

— Я тебе не враг, Сэра. Я знаю, что сделал достаточно, чтобы ты чувствовала ко мне неприязнь, и не всегда мы могли друг друга понять, но тем не менее я тебе не враг.

— Еще скажи, что никогда не хотел причинить мне боль и просто не доверял.

— Не скажу, потому что намеренно давил на тебя даже на простых тренировках. Мне нужно было, чтобы ты как можно скорее смогла всему научиться и помогать мне. В конце концов, я рассчитывал получить не тебя, а Ньярла. Опытного, сильного мага, а не девчонку...

Он явно хотел сказать что-то еще, но замолк на середине фразы. Впрочем, я и без этого поняла, о чем он, Ньярлу ребенок был бы ни к чему, даже думать об этом странно. Опустив голову, я инстинктивно сжала зубы.

— Это все еще не оправдывает тебя.

— И не оправдает, но в твоих силах сделать так, чтобы всё это не было зря.

За дверью уборной вновь послышались шаги, на этот раз намного ближе и громче. Высокие и звонкие голоса незнакомых девиц заставили поторопиться и поскорее выйти в коридор, по пути удостоверившись, что от прикосновения отражения и небольшого эмоционального всплеска ничего не осталось.

Я вновь взяла Каина под руку, глубоко вздохнула, пытаюсь вернуть хотя бы часть того внутреннего задора, что был со мной еще полчаса назад, но обстановка дворца теперь будто бы давила. Богатство, красота и помпезность Санктума отдавали высокомерием, белый цвет удушающее ярко выделялся и в украшениях, и на стенах, и в цветах. Я ощутила себя лишней, черным пятном на кипенно-белом полотне, и внутренне сжалась, впервые за долгое время почувствовав какой-то застарелый, почти забытый страх. Каждый шаг к главному залу казался настоящим испытанием. Отчаянно хотелось спрятаться, исчезнуть, чтобы меня

никто не трогал.

— Сэра, расправь плечи, держись уверенней. Ты съежилась и выглядишь так, будто тебя ведут на казнь, а не на бал.

Каин старался говорить так, чтобы его никто не услышал, чуть наклонившись, зашептав и прижав к себе мою руку, привлекая внимание. На какое-то мимолетное мгновение в голове промелькнуло ожидание удара. Едва не сбившись с шага, я резко подняла голову, запоздало осознав, отчего вдруг ухудшилось мое состояние.

— Сэра?

— Кажется, старая знакомая разбудила во мне крайне неприятные воспоминания из очень далекого прошлого.

Мы остановились у прохода в зал. Торжество вот-вот должно было начаться, большая часть гостей уже заняли свои места. В коридорах осталось лишь несколько пар приглашенных: поджидающих кого-то девушек и мужчин, увлеченных разговором. Каин выглядел раздраженным и будто уже уставшим от вечера. На меня он не смотрел, предпочитая сверлить взглядом толпу в зале.

— У нас нет больше времени.

— Мне и не нужно.

Я удостоилась внимания, хоть добрее наставник и не выглядел.

— Точно?

— Ты же станцуешь со мной?

— Конечно куда я денусь.

— Я хочу, чтобы всё прошло именно так, как ты описывал мне тогда, просто поддержи меня.

На губах Каина вновь появилась лукавая улыбка.

— Хочешь войти, как королева?

— Чтобы кто-нибудь сдох от зависти.

Он покачал головой и легким жестом помог мне расправить плечи, аккуратным движением подтер макияж у глаз и чуть поправил свободные локоны у лица. Мужчины, увлеченно поддерживающие разговор, неожиданно замолчали, недоуменно смотря на нас, но Каин этого даже не заметил. Закончив приготовления, он замер на мгновение и наклонился ко мне, шепнув на ухо.

— Не отказывай себе в том, чего сама желаешь.

Оторопев от негодования, я хотела было возмутиться, но Каин быстро подхватил меня под руку и потянул в главный зал, где с нашим приходом стало заметно тише, несмотря на работу музыкантов. Люди постепенно поворачивали головы, обращая внимание на необычных для этого места гостей, замолкали ненадолго, а затем с новой силой пускались в обсуждение.

— Я же говорила, что они здесь.

— О, Солар, хватило же наглости явиться.

— О таком стоило бы предупредить заранее.

Задержавшись наверху лестницы меньше минуты, мы начали спускаться к остальным гостям, не слишком надеясь на радушный прием, учитывая уже доносившиеся до нас недобрые шепотки. Каин, придерживая меня под руку, холодно и спокойно смотрел на окружающих, будто бы не видя отдельных лиц и не отмечая никого в толпе, но уверенно ступая по мраморному полу. Я послушно шла в такт, чуть горделиво приподняв голову и не

пытаясь одарить кого-то ласковым взглядом. Все мое внимание оказалось приковано к королевской чете, что, завидев нас, приветственно поднялась с кресел. Был ли хоть какой-то крошечный шанс того, что королева меня узнает? Едва ли. В своем новом образе и в этом платье я была как никогда ближе к Ньярлу, чем к собственному прошлому.

— Приветствую вас, Каин, рад, что вы откликнулись на мое приглашение.

— Его сложно было бы проигнорировать.

Авель позволил себе чуть улыбнуться, когда мы подошли близко к возвышению с тронном, и, переведя взгляд с наставника, радушно кивнул мне, как долгожданному гостю. Каин поспешил меня представить, дав знак поклониться.

— Моя дочь, Серафина Блэквуд.

Я склонила голову, как того требовал местный этикет, и вновь посмотрела на светлого. Видеть его лицо, такое знакомое и чуждое одновременно, было странно и жутко, будто кто-то содрал кожу Каина и нацепил на себя, пытаюсь походить на него. Я бы предпочла отвернуться или перевести взгляд на кого-то иного, но смотреть на Славку не было никаких сил. На ее ребенка и подавно. Юный принц послушно стоял с матерью, дальше всех от меня, и отчетливо пялился на нас с наставником. Полагаю, мы были первые темные маги в его жизни.

— Я надеюсь на вашу помощь, леди Серафина, и предлагаю также свою в делах Сомны. Возможно, у нас получится найти новые пути к сотрудничеству.

Король жестом отпустил нас, закончив короткую аудиенцию, и мы с Каином прошли к краю зала, заняв место рядом с высоким, коротко стриженным блондином средних лет, с сединой на висках и военной выправкой. Повернувшись к нам, он едва заметно кивнул наставнику и вновь повернулся в сторону Авеля, прислушиваясь к словам какого-то министра, выступающего с длинной хвалебной речью. Быстро заскучав, я украдкой стала рассматривать соседа, прикидывая, кем он мог являться. Внешне он едва ли выделялся среди других гостей, но от нас не отошел, как остальные, и не попытался сохранить дистанцию.

Вскоре возле уха послышался тихий шепот Каина.

— Таранис Данган, дядя Ив Уэст.

— Это он вылечил Аван и помог тебе вернуться в Сомну?

— Да.

Взглянув на соседа по-новому, я попыталась найти в нем знакомые черты от Мэгги, что меня лечила, или от Ив, что оставила мне смешанные впечатления от похода в ее больницу, но помимо цвета волос у них едва ли нашлось что-то общее. Расчерченный мелкими шрамами, с горбинкой когда-то сломанного носа, с гусиными лапками возле уголков глаз и почти незаметной россыпью веснушек на чуть загорелых щеках он походил на героя из кельтских сказок.

— Да здравствует король Аврелиан!

Речь министра неожиданно закончилась, и весь зал, как по команде, поздравил Авеля. Вздвогнув, я даже рта не успела открыть для приличия. Каин, явно следивший за происходящим, намеренно не потрудился поздравить брата.

Вновь заиграл оркестр, знакомый музыкальный такт призвал к танцу, объединяя гостей в пары. Замешкавшись, я чуть было не отступила к стене, стараясь не мешать остальным, но наставник вовремя встал передо мной.

— Пора показать всё, чему ты так долго училась, Серафина.

Он протянул руку, и я смело вложила в нее ладонь, сделав шаг вперед. Теплая, гладкая

ткань его перчатки мягко коснулось моей открытой спины, и я запоздало осознала какую пакость проделал Каин, оставив оголенной кожу. Тонкий материал ощущался на ней как прямое прикосновение, вызывая мурашки и заставляя раз за разом чувствовать, как пальцы наставника скользят, невесомо поглаживая меня при очередном па.

— Как ты мог выбрать такой фасон?

— Он тебе вроде бы понравился на примерке.

— На примерке мы не танцевали.

— Тебе ничего не мешало это сделать.

— Ты специально оставил спину открытой.

— Не мог отказать себе в удовольствии, она выглядит просто чудесно.

В возмущении я едва не зашипела, стараясь говорить так, чтобы нас не услышали окружающие.

— Каин.

— Тогда у меня еще была надежда на то, что ты приедешь сюда в другом статусе.

Я ощутила, как стыд опалил щеки, но постаралась сохранить лицо, не давая Каину лишнего повода для ехидства. Наставник это тут же заметил, улыбнулся и посмотрел на меня со смесью гордости и печали, будто мастер, прощающийся со своим любимым творением.

— Ты еще прекраснее, чем я тогда представлял, мой идеальный черный бриллиант. Я буду по тебе скучать.

— Я, увы, навряд ли буду мучиться тем же после этого вечера.

— Значит, я оказал тебе услугу. Можешь не благодарить.

— Я и не собиралась.

Глупая перепалка вернула мне прежний задор, словно люди вокруг вновь перестали иметь хоть какие-то значение, и в странных декорациях остались только мы с Каином, плавно вальсирующие под живую музыку. Звонко заиграли скрипки, своими струнами будто сжав мое сердце, и я выскользнула из рук наставника, чтобы через мгновение снова быть пойманной в его объятия, прижавшись спиной к его груди. Порывистое дыхание опалило мою шею, мы сделали еще несколько шагов вперед, и, развернувшись, я усилием воли отвела взгляд от глаз Каина, не желая увидеть в них то, что и так мне было понятно. Вместо этого, я мимолетно посмотрела на гостей, не желавших приблизиться к нам и ожидающих своей возможности потанцевать. На незнакомых лицах отразилось недовольство, будто я уже убила их короля, и лишь одна единственная девушка, стоящая подле тронов, смотрела на нас с нескрываемым восхищением, чуть прикрыв ладонью рот. Смутившись, я подумала было, что ей наверняка понравился Каин, он многим нравился, что и говорить, но сам наставник не видел ничего вокруг и, дождавшись, пока я обращу на него внимание, подхватил меня за талию, закружив в танце.

— Сегодня наш вечер.

Его шепот прозвучал почти ревниво, но он даже не попытался выглядеть серьезно, кажется, действительно расслабившись и позволив себе просто получать удовольствие. Сильные руки направляли меня, став прекрасной огранкой бриллианту, а мягкие, почти ласковые прикосновения чуть было не выдавали его чувств. Следуя за Каином и невольно поддаваясь его чарам, я самодовольно улыбнулась, ощутив себя героиней настоящей сказки, где, несмотря на клевету толпы, лишь я знала имя истинного короля и только я могла привести его на трон, свергнув самозванца.

Чуть сжав плечо наставника, я отклонилась назад, на поддерживающую меня ладонь,

что даже скользнув на ткань моего платья чувствовалась горячей. Спустя всего миг, я вновь выпрямилась и, едва успев сделать вдох, вновь последовала за Каином, ощущая, как кровь прилила к лицу.

Белые стены с лепниной и серебристыми узорами, многоцветные пятна платьев, запах цветов, чужие голоса и последние отблески заката в просторном зале с множеством огромных окон, выходящих во внутренний двор замка, будто по щелчку пальцев неведомого бога стали фоном для нас двоих. Легкой поступью мы словно вычерчивали диковинный узор на гладких каменных плитах, став продолжением друг друга, танцуя в свое удовольствие, будто бросая вызов всему миру и светлый дворец уже принадлежал нам.

Вальс подошел к концу, оркестр грянул и резко замолчал, заставив пары в зале замереть с последними нотами. Мое дыхание сбилось, улыбка не сходила с лица, и, сделав от Каина шаг назад, я запоздало понадеялась, что мы выглядели всё же в границах приличия. Наставник, поймав мою ладонь, поцеловал кончики пальцев и довольно ухмыльнулся.

— Ты вся сияешь, Серафина.

— Спасибо.

Сжав его руку, я хотела было потянуть нас к краю зала, но рядом, словно из ниоткуда, возникла еще одна высокая фигура в белом.

— Позволите?

Чужие интересы

Я с некоторым недоумением посмотрела на Авеля, вежливо протянувшего мне руку. В голову не сразу пришло понимание этого жеста.

Он хочет танцевать? Со мной? Зачем? Это какая-то насмешка? Издевка? Хитрый план? Я вообще могу отказать королю? Наверное, нет.

— Да, конечно.

Покосившись на Каина, я заметила его короткий кивок и уверенно прикоснулась пальцами к чужой ладони. Авель, не стесняясь, повел меня к середине зала, пользуясь тем, что его подданные послушно расступаются, пропуская монарха. Король чуть улыбался, но выглядел крайне спокойно, будто ничего особенного не происходило. Будто он каждый день водит некроманток потанцевать, а люди в зале просто еще не привыкли, оттого и смотрят так удивленно, явно не веря своим глазам.

Вновь заиграла музыка, и мы впервые оказались совсем близко друг к другу, едва не разделив один вдох. Я внутренне сжалась, а тело словно закаменело, я ощущала себя деревянной куклой, не более, и в попытке хоть как-то отстраниться от происходящего постаралась сосредоточиться на танце, на узоре ткани белого камзола, на переливчатом пении оркестра.

— Вы отлично танцуете, леди Серафина.

— Благодарю.

— Учились где-то?

— У отца.

— Как и некромантии?

— Конечно.

Мы ненадолго задержались, чтобы Авель, вытянув руку, позволил мне сделать оборот и вновь попасть в его странный плен. На мгновение меня окутал сладкий аромат запаха ирисов и ванили. Ладонь, скрытая мягкой тканью перчатки, чуть скользнула по моей спине, будто специально огладив открытую кожу. Огромного труда стоило не вздрогнуть от этого жеста, король будто проверял, насколько покладистой я буду в его объятьях.

— Как я могу вас называть, леди Серафина?

— По имени, и без «леди», можно просто Сэра.

— Что ж, Сэра, позвольте мне еще один вопрос, как долго вы собираетесь прятать от меня взгляд?

— Что?

— Я так сильно не нравлюсь вам?

— Не в этом дело.

Он неожиданно остановился и, сжав мою ладонь сильнее, дал понять, что не сдвинется с места, пока я не посмотрю на него. Повернувшись, я встретилась взглядом со светлыми голубыми глазами, смотрящими на меня внимательно, даже с легким укором. Захотелось по привычке послать это лицо к черту.

— Неужели вы боитесь меня, Сэра?

— Вам честно ответить?

Авель покачал головой и вновь повел меня в танце, подстроившись под скорый темп и не давая мне вновь отстраниться.

— Ложь королю карается законом.

— Вы правда устроите надо мной суд?

— Нет, я надеюсь, что вы не станете скрывать правду.

Развернувшись спиной к Авелю, я сделала пару шагов в бок вместе с ним, чувствуя, как он осторожно положил одну руку на талию, а второй придержал ладонь.

— Я не боюсь вас. Ни капли.

Позади послышался смешок, король склонился к моему уху.

— Чувствую себя оскорбленным.

— Боюсь, это только ваша проблема.

Я повернулась лицом к Авелю, с удивлением встретив его улыбку и едва сдерживаемый смех.

— Я знал, что с вами будет интересно и не прогадал.

Интересно? Что ж, у меня тоже нашлось бы пара эпитетов этой встрече, но каждый из них довольно оскорбителен.

Оставив этот выпад без внимания, я вновь потерялась в танце, получив возможность промолчать и не сказать что-то неприличное в ответ. В конце концов, я когда-нибудь смогу вволю отыгаться за любые нападки.

От красоты вокруг перехватывало дух. Солнце окончательно зашло, погрузив пространство за стеклянной крышей зала в полумрак. Золото в отблесках света массивных люстр и бра переливалось с новой силой, подчеркивая узоры в украшениях дворца. Мир вокруг предстал подобным ночному небосводу, полному сияния звезд.

— Вы снова замолчали.

— Вам мало танца?

— Думаю, что да, мало. Вы можете улыбнуться?

Не удержавшись, я приподняла бровь, вновь встретившись взглядом с Авелем. В нем ярко читалось любопытство.

— Пускай это будет подарок. Ваша первая улыбка мне.

Как он себе это представляет?

— Хорошо, тогда я оставляю за собой право выполнить эту просьбу, когда сама того захочу

— Например?

— Когда рассмешите меня или обрадуете чем-то

— Сэра, я же не шут.

— Я тоже приехала не развлекать вас, а учить.

На звонкой ноте оркестр закончил свою игру, заставив нас послушно замереть. Я чувствовала себя уставшей и от пикировок, и танца, а Авель в противовес мне лучился довольством, с каким-то странным восхищением смотря на меня и придержав мою руку.

— Принимаю поражение, леди Серафина, и надеюсь, наши уроки будут такими же захватывающими.

Он невесомо прикоснулся губами к кончикам пальцев и, отпустив меня, вернулся к трону, не дожидаясь ответа. Гости, стоящие рядом, проводили короля взглядом и будто разом решили просто проигнорировать мое существование, отворачиваясь и подспудно стараясь не приближаться ко мне.

Не то чтобы я действительно пыталась заговорить с кем-то, но люди, окружающие меня, вдруг показались какими-то неживыми, словно я стояла не среди толпы, а в лесу с

шуршащими вокруг деревьями. Оглядевшись, я попробовала отыскать Каина, но его нигде не было, а из знакомых лиц неподалеку остался только Таранис. К нему я и направилась, аккуратно обходя танцующих и подхватив с подноса одного из слуг бокал шампанского. Мужчина, заметив мое приближение, приветственно кивнул, явно выражая желание поговорить.

— Кажется, мы так и не успели познакомиться. Я Таранис Данган, помощник вашей семьи в Санктуме.

— Серафина Блэквуд, рада вас видеть. Гемера много о вас рассказывала.

Светлый улыбнулся уголком губ, его взгляд на миг показался каким-то уставшим и грустным.

— Надеюсь, ей перестали сниться кошмары.

— Нет, но думаю это всё еще поправимо.

— Может быть. Вы приехали только с Каином? Без Аван?

— Она осталась в Кадате. После гибели мужа у нее стало ещё больше обязанностей. Боюсь, она ещё не скоро появится на подобных мероприятиях.

Я отпила из своего бокала, отметив довольно приятный, легкий вкус шампанского. Тар, смотря куда-то мимо меня, растеряно протянул.

— Что? Простите, я... — он замешкался, потирая щеку и пытаясь найти нужные слова. — Эреб погиб? Но от чего?

Удивленно воззрившись на светлого, я отдала свой бокал одному из слуг в зале, чувствуя, что мне стоит придержать язык за зубами.

— Это было несколько месяцев назад, я думала тут уже знают.

— Новости из Кадата до нас почти не доходят

— Что ж, наверное, я это зря...

— Но вы уже обмолвились, прошу объясните, что произошло.

— Эм... Эреб подстроил покушение на Каина, был взрыв прямо в здании администрации. За это его казнили.

Тар замолчал, поджав губы и задумчиво глядя на зал. Люди вокруг, сливаясь в общую пеструю массу, напоминали театральный фон для какой-то пьесы, где подтанцовка никогда не обращает внимание на драму актеров на сцене.

Что ж, где-то здесь должна решиться чья-то судьба.

Светлый резко развернулся ко мне.

— Сэра, я могу вас попросить об одной услуге?

— Какой?

— Вы приплыли в Санктум на своем корабле?

— Да, напрямиком из Провиденса.

— Вы можете поговорить с отцом, чтобы меня взяли в обратный путь до Сомны?

— П-простите, я не уверена, что Каин согласится, хоть вы и помогали нашей семье...

Тар подхватил мои руки, сжав их в ладонях. Я ощутила его мелкую дрожь, голос показался тихим и взволнованным.

— Прошу вас, мне нужен этот шанс.

Мое сердце сжалось. Стоило бы догадаться, что он не просто так спрашивал об Аван, и при осаде, помогая ей и ее детям, видимо, у него не было шанса не полюбить эту женщину. Как же долго этот мужчина молчал о своей симпатии?

— Что ж вы сразу не остались в Кадате, после осады?

— Я нужен был ей здесь, не вернись я на свое место при дворе, мы бы не спасли Каина, и... я не посмел бы влезть в чужую семью.

Опустив глаза, я тяжело вздохнула. Просьба была, мягко говоря, не из легких. Тара могут принять за шпиона и, не дай боги, узнают о его чувствах. Наверное, стоило бы отказать, поостеречься, но мне хотелось ему верить.

— Я сделаю всё возможное, но отправление уже завтра в обед. Вы успеете собраться?

— Да, если начну прямо сейчас.

— Тогда приходите утром к нам, я сообщу, получилось ли мне найти для вас место.

— Если нет, я просто пойду пешком.

— Через две страны?

— Хоть через полмира, если у меня будет возможность встретиться с ней и поговорить хотя бы раз. Я думал похоронить в себе эти чувства, а сейчас будто восстал из мертвых. Простите.

— Все в порядке, я видела Эреба всего раз, но даже так, уверена, что вы позаботитесь о моей тете лучше него.

— Спасибо. Тогда до завтра?

— До завтра.

Склонившись, Таранис порывисто поцеловал мои руки и быстро скрылся в толпе, словно его и не было здесь, а я говорила лишь с мимолетным видением из сна. Всего какое-то мгновение, и я осталась одна в чужом водовороте страстей. Каина все еще не было видно, хотя на какой-то миг мне показалось, что он танцует у трона.

Не прошло и минуты в одиночестве, как рядом, словно черт из табакерки, появилась девушка, замеченная мной ранее при танце с наставником. Ее голос звонкий и восторженный заставил меня вздрогнуть от неожиданности.

— Леди Серафина! Вы ведь некромантка, я правильно поняла?

— Да-а, вы правильно поняли.

Губы светлой расплылись в счастливой улыбке, она тут же вцепилась в мою ладонь и подошла почти вплотную, заглядывая в глаза. Нежное кремовое платье объемной юбкой прижалось ко мне.

— Потрясающе! Вы такая красивая, я сразу заметила, что вы не из местных, и платье какое! Восхитительно! А колье вы у нас заказывали или у своих мастеров? Оно словно кровь переливается, так завораживающе! Мне безумно понравилось смотреть, как вы танцуете и ступаете так легко-легко, прям дух захватывает. Долго учились? Ой, наверное в Сомне сложно найти хороших учителей, но у вас замечательно получается. А вы к нас надолго? Мне так хочется обо всем узнать, не хотите прогуляться в саду? Там не так душно и цветов море-море. Пойдем?

Растерявшись от такого напора, я беспомощно открыла рот и не подумала отказать, засмотревшись на блеск пшеничных кудрей, диадемы из белого золота, напоминавшей по форме венков, и почти бесконечное любопытство в горящем взгляде незнакомки.

— Да-а, конечно.

Тонкая бледная рука потянула меня из зала куда-то в боковые коридоры, где спустя один довольно длинный переход в соседнее крыло дворца мы неожиданно оказались на террасе, спускающейся в небольшой кровавых оттенков сад. Впереди, будто спрятанные от чужих глаз красной пеленой винограда на стенах, яркой алой изгородью возле дорожек росли кустарники барбариса, за ними чуть поодаль среди багровых клумб возвышались

небольшие деревца огненных кленов.

— Увидела вас и припомнила это местечко, мне кажется, вы прекрасно впишитесь. Отсюда даже музыку слышно, а если мы пройдем чуть дальше вперед и зайдем в замок с другой стороны, то можем снова вернуться в зал.

Припомнив о каком именно проходе и месте говорит незнакомка, я с удивлением отметила, что такой путь открыт далеко не каждому во дворце, так как коридоры в этой части замка были близко к личным покоям короля.

— Вы хорошо осведомлены.

— Ой, да глупости какие, я тут всю жизнь прожила, еще такое могу вам показать! Даже брат таких секретов не знает!

— А вы... вы...

Подхватив меня под руку, девушка вновь расплылась в улыбке, уже спокойнее потянув меня по тропинкам кровавого сада.

— Что? Ах, да, я Уна, кухня его величества. Моя мама была сводной сестрой короля Адама. Вам, наверное, это ничего не говорит, но моя бабушка единственная из женщин того Короля бастардов, что смогла вписать свою дочь в королевский род.

— Удивительно, что это удалось хоть кому-то.

— Этот кобель прямо на первом же ее балу осилил, так что свидетелей нашлось достаточно, и наш род имел немалое влияние при дворе, так что бабушка пока не родила дочь, почти год была королевой.

— Почему только год?

— Потому что новой связи они не имели, а дочь на трон не посадишь. Родился бы тогда сын, и нам бы достался трон, но привилегий родственников нам тоже хватает.

Я смотрела на Уну в легком недоумении от ее открытости и дружелюбия. Мы точно не встречались раньше, и она определенно светлая, но общается со мной так, будто мы старые подруги. Может, она пьяна? Или просто... странная.

— Пол так важен?

— Королева не может править одна, точнее в большинстве случаев она к правлению никакого отношения не имеет. Максимум интересы сына представить до его взросления, но даже так нужен какой-то опекун из мужчин.

Интересно, не на это ли целится Каин? Хотя в таком случае мальчишка не доживет до восемнадцати, зато наставник бы успел перекроить власть под себя. Может быть, в таком случае стоит рассмотреть вариант с побегом Славки и сына из страны? Конечно, за ответную услугу мне. Исцеление, например.

— Нынешней королеве, наверное, такое не слишком нравится.

— Нет, насколько знаю, Мирру всё устраивает. Авель дает ей достаточно свободы, чтобы заниматься всем, чем вздумается, а в управление она не суется.

— То есть она даже не пыталась изменить порядок вещей в королевстве? Простите, я у вас совсем недавно, но до этого общалась с магом из Целестии, и он меня, мягко говоря, шокировал своим мировоззрением.

— Боюсь, наша королева не из тех людей, что переживают за остальных. Ее саму всё устраивает.

Уна заметно погрузнела при этих словах, но постаралась снова улыбнуться. Получилось натянуто и абсолютно фальшиво. Зачем она вообще это сделала?

— Серафина, а вам нравится у нас в Санктуме?

— Ещё не знаю, я толком ничего не видела.

— Ох, понимаю, нашу столицу не так просто обойти, здесь много интересных мест.

— Да, я думаю займусь экскурсией в ближайшие дни

— Обязательно позовите меня, я вам всё покажу. Знаю столько красивых местечек, вы будете в восторге!

— Наверно, надеюсь. Помимо Кадата я мало где бывала.

— Ой, я знаю Кадат, он будто сразу после рождения надел саван. Я видела его мрачные стены и острые шпили на гравюрах и фотокарточках, и простите, конечно, но место довольно странное, даже из рисунков сочится скорбь. Как же вы там вообще живёте?

— Вполне неплохо.

— «Неплохо» это мало, нужно лучше, больше, веселее! Вот взять хотя бы наш прекрасный Санктум, это место праздника, солнца, света, тепла и зелени, а мы тут словно обласканные любовью дети: растем, цветем, питаемся дарами богатых земель и ухаживаем за столицей как за любимым родителем.

— Я рада за вас.

— Вы это оцените, не сомневаюсь. Кстати, вы уже пробовали кофе?

— Простите?

— Божественный напиток! Наша семья не первый век занимается поставками зерен из Ориаба. На том острове добывают особый камень для статуэток с ликом местного божества, а на отработанных террасах высаживают кофе, перевозя плодородные земли из Целестии.

— Вы так хорошо осведомлены.

— Ох, да это мелочи, у нас это каждый знает, но вот перед вами удалось покрасоваться, спасибо.

— Пожалуйста.

Я не могла не заметить с какой горячностью и гордостью Уна рассказывает о своей жизни, будто стараясь как можно большим поделиться за короткий срок. Мне она напомнила дитя, что завидев нового гостя в доме, бежала показывать все любимые игрушки.

Сад кончился, мы достигли порога противоположной террасы и снова зашли в коридор замка. Прошло всего мгновение, я переступила порог замка первой и тут же услышала, как звякнули доспехи стражей, они словно по команде повернулись ко мне и только появление Уны заставило их остаться на месте. Девушка поморщила носик и, одарив мужчин неприязненным взглядом, потянула меня в сторону зала, игнорируя пристальное внимание защитников.

— Не обращай на них внимания, все стражи как один идиоты безмозглые, я давно прошу брата обновить хотя бы отряд у личных покоев, но он и слышать не хочет. Считает их хорошими воинами, вот только я вижу их гнилую натуру, таких как они ко дворцу и на пушечный выстрел подпускать нельзя.

— Ни один страж не будет рад видеть меня, Уна. Я все же темная, ты не забыла?

— И что? Я ценю это в тебе больше всего.

После этих слов, я ощутила себя чьим-то питомцем, без спроса принесенным в дом. Уна, несмотря на свою лояльность, кажется, понятия не имела, что делает, и будто капризный ребенок просто творила, что вздумается. Как же ее разбаловали здесь, и вместе с тем, словно не давали внимания всё это время.

Мы преодолели коридор и вошли в ярко освещенный зал в разгар очередной мелодии. Я хотела было поискать Каина, но Уна вновь вцепилась в мою ладонь.

— Серафина, мне еще столько нужно тебе рассказать.

— Подожди...

— У нас еще целый вечер впереди!

— Уна...

За спиной почувствовалось движение воздуха и чья-то рука приобняла меня за плечи, хвойный аромат коснулся носа.

— Нам пора уходить, я всюду тебя искал, Сэра.

Уна отпустила меня, с испугом посмотрев на Каина, а тот, даже не дав попрощаться, повел меня к лестнице и выходу, зачем-то торопясь и будто опасаясь, что любое промедление может стоить нам жизни. Сказка, в которую я погрузилась совсем ненадолго, обернулась побегом и странными встречами. Не сказать, что я действительно рассчитывала на чью-то благосклонность или новые связи, но итог вечера оказался довольно смутным. Только поездка Тараниса как-то скрашивала общее впечатление. Этот шанс мог принести в семью Блэквудов отличного помощника и опору для Аван, только стоило сначала уговорить Каина.

Преодолев путь домой и краткий пересказ увиденного семье Карвен, я оказалась в собственной спальне, наконец-то распустив сложную прическу и избавившись от надоевших туфель. Время близилось к полуночи, завтрашний день не обещал быть легким, но, собрав остатки сил, я решительно направилась к спальне Каина, постучав в его дверь.

— Войдите.

Заглянув внутрь, я увидела, что наставник уже избавился от пиджака, расстегнул рубашку и привычно закатал рукава. Стоя возле письменного стола, он налил себе немного виски из графина и заинтересованно посмотрел на меня.

— Что-то случилось?

Закрыв за собой дверь, я прошла ближе, чувствуя, что мне тоже неплохо было бы выпить для храбрости. Кажется, я впервые прошу о чем-то действительно серьезном.

— Можно и так сказать. Я хотела бы попросить об одной услуге.

— Рассказывай.

— Ты можешь забрать с собой в Кадат Тараниса? Он хочет переехать к семье.

— К семье?

— Да.

— К какой?

— Ив, она...

— Едва о нем вспоминает. Я знаком с ней получше тебя, разумеется.

Каин отпил из стакана виски и, поставив его на стол, скрестил руки на груди.

— Ну? Что еще ты мне расскажешь?

— Каин я... у него должен быть шанс встретиться с Аван.

— Это ты так решила?

— Н-нет, но я думаю, это было бы справедливо.

— Для кого? Для моей сестры, похоронившей мужа?

— Для Тара, он стольким помогал и...

— Потребовал плату?

— Нет конечно.

— Софи, я не собираюсь везти в Кадат мужика, получившего отмашку о том, что моя сестра теперь свободна, тем более, что он светлый.

— Она и сама может решить нужен он ей или нет, это всего лишь встреча...

— Она уже один раз решила и сделала так, как посчитала нужным. Последствия мы разгребаем до сих пор, и я не собираюсь повторять этот опыт.

Каин отвернулся от меня, показывая, что разговор закончен, но я успела поймать его за локоть, чуть сжав в руках ткань рубашки.

— Пожалуйста, она и так всегда рядом с тобой, на виду, дай ей еще один шанс на счастье, если не веришь в Тара, то хотя бы в Аван поверь. Даже если ничего не получится, у тебя будет хороший помощник.

— Или шпион.

— Ему нет смысла вам вредить, он столько сделал ради твоего благополучия, сделай хоть что-то в ответ.

— То есть я теперь Тару обязан за то, что он выпустил меня из тюрьмы, куда меня уpekла его светлая королева, после того как захватила мою страну? Ты здесь совсем недолго, а уже рассуждаешь, как целестинцы.

— Каин, прошу тебя.

— Хватит, это бесполезный разговор.

Наставник дернул рукой, пытаясь освободиться, но я лишь сильнее сжала ее. К горлу подкатил ком, было до ужаса обидно и за себя, и за Тара. Я видела его, видела, как он дрожал и с какой надеждой говорил о встрече с Аван. Неужели ничего нельзя сделать? Из-за этого упрямства пострадают все.

— Он всё равно рано или поздно придет и добьется встречи.

— Что ж, я успею поставить капканы.

— Каин, я впервые о чем-то прошу, неужели так сложно думать не только о себе?

Усталость давала о себе знать. Хотелось разозлиться и топтать ногами, пока некромант не согласится сделать то, что мне нужно, а не искать какие-то обходные пути и торговаться за призрачную возможность соединить чьи-то судьбы. Не знаю, отразилось ли мое настроение на лице, но Каин, внимательно посмотрев на меня, вдруг кивнул.

— Несложно, совсем. Я бы даже сказал, что это сможешь сделать и ты, Софи.

— Что?

— Поцелуй, всего один поцелуй, и я заберу Тараниса в обратный путь до Кадата.

Тёплый приём

Обида стиснула мое горло так, что я едва могла издать хоть звук, но ненависть где-то в груди будто раскалила сердце, подмешав к моим чувствам злость.

— Ты обещал...

— Я ничего не обещал тебе и клятв не давал.

— И это всё равно подло! Я надеялась, что ты понял, насколько это отвратительно и неправильно.

— Я надеялся, что ты осознала — верить светлым нельзя.

Он протянул руку и осторожно коснулся кровавых бусин моего ожерелья, напоминая мне в очередной раз, на кого я похожа и почему. Хотелось сорвать это чертово украшение, чужим бременем лежащее на моей груди, и выкинуть его в окно, лишь бы мне перестали припоминать ошибку Лилит. Я не она, в конце концов, и поступаю так, как считаю нужным.

— Ты что, проучить меня решил? Или это всё лишь для того, чтобы я отступилась?

— И не совершала чужих ошибок.

Посмотрев исподлобья на Каина, я отпустила его рубашку и, сделав полшага вперед, дернула за воротник к себе, не давая отстраниться. Мои губы накрыли его, заставляя ответить на поцелуй, так же властно, как это когда-то сделал он. Каин подался назад, но наткнулся на стол, чуть не сбив ладонью стакан, а я, пытаюсь сохранить равновесие, неловко завалилась на наставника, чувствуя, как постыдно начали пылать щеки. Меня почти опьянил вкус виски, ладони будто сами собой легли на напряженные плечи, обтянутые тонкой тканью. Краткий выброс адреналина, что подпитал мой гнев, сменился смущением и дрожью во всем теле, будто у меня озноб. Разорвав поцелуй, я хотела было отстраниться, но Каин придержал мой подбородок свободной рукой, заставив посмотреть в глаза.

— Оно того стоило?

— Да, теперь это только моя ошибка.

Каин покачал головой, в голосе послышались нотки ехидства, перерастающего в злость.

— Это неправильно и отвратительно.

— Ты же сам выставил это условие!

— И ты не должна была его выполнять. Сколько ты выпила на балу?

— Полбокала шампанского.

— И такой эффект.

— Ты же понимаешь, что оно тут не при чем.

— Тогда зачем ты это сделала? Так переживаешь за светлого?

— Ты не оставил мне иного выхода.

Его пальцы надавили на мою кожу чуть сильнее, будто он побоялся, что я уйду прямо сейчас.

— Я уже представил тебя остальным как часть семьи.

— Я и есть часть семьи, а ты хоть раз пытался соответствовать этой роли? Вырез на платье, танец на балу, комплименты, ревность по пустякам, ты ведёшь себя так, будто я твоя собственность. Кукла, которой можно похвастаться и на кого-нибудь натравить.

— Софи...

— Тар придет к нам утром. У тебя есть время смириться.

— Я прирежу его, едва он сойдёт на берег.

— Тогда мне стоит предупредить Аван о его приезде.

Пристально глядя на меня, он нахмурился, словно пытаюсь придумать наказание. На миг я показалась букашкой в его руках.

— Сумасбродная дура.

— Упрямый осёл.

Я отстранилась от Каина и развернулась к выходу, надеясь, что некроманту не придет в голову меня остановить. За спиной послышался шорох, показалось, что он вот-вот поймает мою ладонь или край платья, но я успела выскользнуть в коридор и позволила себе от души хлопнуть дверью.

Софи?

Я... неужели я действительно не права, и мне не стоило помогать Тару?

Ты правда хочешь знать мое мнение?

Да!

Я не имею права осуждать тебя или Аван за помощь этому человеку, но тебе стоило предупредить хотя бы Ив о его приезде. Таранис наверняка прежде всего поедет к своей племяннице, а уже она могла бы рассказать Аван о переезде дяди. Тогда это не выглядело бы, как сватовство.

Вернувшись в свою спальню, я с трудом сняла платье и ожерелье, бросив их прямо на пол. Тяжелое золоченое зеркало в полный рост напротив гардероба отразило мое покрасневшее от натуги лицо и полуголое тело в редких полосках от складок ткани. Пригладив волосы, я встала прямо перед ним, поджав губы, рассматривая серебристую гладь и не узнавая представшую мне девушку. Я еще помнила свои редкие растяжки на бедрах, бледную кожу, покрытую россыпью родинок, и угловатые плечи, в которые я упорно втягивала голову, чтобы как можно меньше выделяться ростом, но сейчас едва ли что-то осталось от прежнего образа.

Я изменилась внешне, но внутренне... жизнь была бы проще сейчас, если бы я была Ньярлом. Если бы окончательно умерла там в гаражах, а не это всё.

Ты правда думаешь, что это мое посмертие?

Я могу это предположить, пускай мы и не знаем, как Слава попала в наш мир.

Спросить бы ее. Надо было подойти к ней на балу, но мне было так неловко и страшно. Она кажется сейчас совсем другой. Далеко не той девчонкой, что я знала ранее.

У тебя еще будет возможность. К тому же это просто опасно.

Наверно.

Постояв немного у зеркала, я глубоко вдохнула, окончательно успокоившись. Руки наконец-то перестали дрожать.

Извини.

За что?

Я делаю глупости, а тебе приходится в этом участвовать.

Ньярл помолчал немного и будто бы вздохнул, насколько это было возможно в моем сознании.

Рано или поздно ты можешь встретить кого-то, с кем захочешь провести остаток жизни. Я стараюсь относиться к этому философски и не хочу обрекать тебя на одиночество из-за чьего-то ритуала.

Даже если бы Каин добился своего?

Это самый отвратительный и жуткий вариант, но даже так я бы нашел выход, со

временем просто скрывшись в твоих воспоминаниях.

Звучит не слишком приятно.

Так и есть.

Сделав несколько шагов назад, я выдохнула, чувствуя, как мои мысли вновь стали ясными и понятными мне. Преодолев расстояние до ванной комнаты, я скрылась в ней, готовясь выстроить ближайший план действий.

Мое утро началось с ранних гостей. Горничная Карвенон постучала в мою дверь, сообщив о визите, и через минуту я, заспанная и укутанная в халат, прошла в прихожую, где меня уже ждали. Таранис с присущей ему военной выправкой стоял посередине комнаты, словно изваяние, и только руки, нервно перебирающие коричневую фетровую шляпу, выдавали его беспокойство. Завидев меня, Тар вздрогнул и чуть было не кинулся навстречу.

— Доброго утра, леди Серафина...

— У меня получилось уговорить отца, но он не будет вам рад. Советую прежде чем идти к Аван, попросить Ив сообщить о вашем приезде, чтобы появление не было слишком неожиданным.

Поморщившись от утреннего солнца, я подошла ближе к светлону, заметив неприкрытую радость в его взгляде. Тар заметно расслабился, выдохнув и перестав походить на каменную статую.

— Я ваш должник.

— Могу попросить только одно — не облажайтесь. Меня рядом не будет, и от гнева Каина вас ничего не спасет.

— Понимаю, еще раз спасибо. Когда вы поедете в порт?

— После завтрака, и, если семейство Карвен не против, вы можете подождать здесь, в саду, например.

— Да, я поговорю с Джозефом.

Кивнув, я попросила горничную провести гостя к хозяину дома и вернулась в свою спальню, вновь завалившись в кровать. Таранис выглядел крайне целеустремленно, и, снова встретившись с ним, я почувствовала, что вся затея была не зря. Что-то было в нем такое, располагающее к себе, будто заранее понимаешь — это тот человек, на которого можно положиться. В Каине это тоже иногда ощущалось, но все портила его какая-то подспудная порочность. Будто его помощь это лишь внимание хозяина к собственной вещи, и только к сестре он относится как к равной.

Доброе утро, Ньярл.

Доброе.

Завернувшись в одеяло, я сбросила тапочки на пол и уставилась на противоположную от окна стену, наблюдая, как солнечные зайчики прыгают по гигантским кремовым лепесткам, пробиваясь через пелену роз.

Дом Карвенон утопал в зелени, словно случайно затесавшись среди огромного сада. С улицы доносился запах жасмина и тепла, какое бывает в жаркие дни. В своем вынужденном заключении я чуть ли не в каждом соседнем дворе видела оранжереи из прозрачного, зеленоватого стекла в оправе металла. Они клетью обрамляли особенно ценные кустарники, выделяющихся в окнах яркими пятнами. Пионы, георгины, гортензии, лилии, космеи, хризантемы и множество других цветов прятались в саду самих Карвенон, тщательно лелеянные Элизой и ее садовниками. Меня к особенно ценным экземплярам не подпустили,

позволив любоваться только с почтительного расстояния, но я даже не обиделась. Некрос плохо влияет на растения. Помнится, моя мама тоже ругалась, если я срывала что-то на даче или играла в опасной близости от ее капризных благоухающих роз.

Хм, если я умерла, то какие цветы несут к моей могиле? У меня не было любимых, но Макс часто дарил мне герберы, предлагая погадать на них, как на ромашках.

В коридоре послышались шаги и невнятный голос Каина. Кажется, он начал последние сборы, стоит собираться и мне. В порт я должна поехать вместе с остальными, проводив мужчин, и по возможности хотя бы немного прогуляться по городу.

С улицы послышалась птичья трель, обитатели дома окончательно проснулись и, сбросив оковы сонливости, начали повседневные дела. В дальней части коридора пробежала маленькая Энн, собираясь на учебу, Элиза отдавала распоряжения горничным, где-то недалеко от моего окна во дворе прогуливались Джозеф и Таранис.

Пришлось встать и начать утренние процедуры, приводя в порядок высохшие кое-как за ночь волосы, надев костюм, подобный тому, что часто надевала Аван в Кадате: с брюками, подчеркивающими талию и бедра, свободной рубашкой и пиджаком. Мысли вяло перетекали в голове, не желая отходить от давно не посещавшего меня воспоминания. Макс с букетом в руках на мой пятнадцатый день рождения. Тогда он, кажется, подарил плеер, заранее накачав туда любимые мной песни. Специально откладывал, копил полгода деньги, и вот. Я была вне себя от счастья, расплакалась и, вцепившись в родные плечи, не хотела отпускать. Как давно это было.

Наверное, он и на могилу тоже выбрал герберы. Языку цветов Макс не обучен, так что просто выберет то, с чем я ассоциируюсь и... по возможности открытый гроб. Раны я получила уже в этом мире, так что сильно изуродовать меня не могли, если, конечно, нашли быстро. До того как до меня добрались бы бродячие собаки, иначе это какой удар будет для родителей и Макса. Я думала, что каждый в мире хочет, чтобы его помнили и скорбели по нему годами, но сейчас... Мне так неловко думать, что кто-то убивается по мне. Льет слезы над хладным трупом, переживает утрату. Приходит на могилу поговорить.

Я будто стесняю других своим отсутствием, но ничего не могу поделать. Подспудно хочется извиниться, попросить прощения за неудобства. Мои дорогие, я крайне сожалею о том, что я мертва. Вам придется привыкнуть к этому и впредь, пожалуйста, не заостряйте на этом внимание. Оно того совсем не стоит, вам лучше заняться своими делами. Я знаю, что событие не из приятных, но вы живы, и у вас есть много интересных занятий.

В конце концов, мне от скорби уже не жарко и не холодно, а все обряды, проводы и прочее вы делаете прежде всего для собственного успокоения, надеясь ритуалами как-то упорядочить свои чувства.

Надеюсь, Макс не слишком сильно потратится на психолога, и не хотелось бы, чтобы он скорбел остаток жизни. Лучше бы нашел кого-то себе. Завидный жених всё-таки, с квартирой, и детская уже готова со всеми атрибутами.

Жаль, срок у меня был маленький. Может, смогли бы хотя бы ребенка спасти?

Но...

Он умер здесь или там? Раньше или позже меня? Что если я пришла в этот мир уже с мертвым плодом? Может, поэтому у меня ничего не осталось? Я никогда не спрашивала об этом, да и как... как о таком спросишь?

— Сэра?

Голос Тараниса оказался настолько неожиданным, что я вздрогнула. Скопившиеся в

уголках глаз слезы сорвались с ресниц, упав на колени. Наша машина с тихим шелестом преодолела очередной перекресток, проезжая мимо центра города. Тар, сидевший напротив, чуть наклонился ко мне.

— Все в порядке?

— Да, я просто переживаю немного, остаюсь одна в незнакомом городе...

— Карвены тебе во всем помогут и подскажут.

Каин, разделивший со мной один диванчик, протянул платок, настороженно вглядываясь в мое лицо. Выдавив из себя подобие улыбки, я осторожно убрала остатки слез.

— Знаю, знаю, считайте, я чересчур нервничаю, только и всего.

Таранис кивнул и уже спокойнее откинулся на спинку дивана.

— Каин, вы так поспешно уезжаете, я думал, у вас есть еще дела в городе.

— Я решил их до бала. Некоторые обстоятельства вынуждают меня оставаться в тени и все задачи в Целестии решать до выхода на публику.

— Вы боитесь, что у вас появятся проблемы с лишним вниманием общественности?

— Скажем так, я не боюсь, а жду этих проблем, зная точно, что они будут.

Повернувшись к наставнику, я заметила, что он и правда настороже. Его выдавали чуть нахмуренные брови, излишне прямая спина и поджатые губы. Каин будто ждал удара и старался не отвлекаться надолго от чуть приоткрытого окна.

Машина остановилась у светофора на окраине торгового квартала, пестрящего акциями, распродажами и новым товаром на плакатах. Глянув на улицу, я заметила вывеску какого-то цветочного магазина и множество людей, собравшихся на тротуаре. Рабочие, клерки, разносчики газет, люди среднего и низкого достатка, в отглаженных костюмах и замаранных комбинезонах — все поглядывали то на дорогу, то часы на руках, то на циферблат у здания рядом.

— У вас всегда таклюдно? Сегодня даже не выходной.

Завесив окно, я перевела взгляд на Тара в ожидании ответа, но он лишь непонимающе посмотрел на меня, чуть покачав головой. Пересев на край дивана, он поднял руку и потянулся к шторе на своей стороне, но не успел даже прикоснуться к ней. На улице послышался чей-то выкрик, и спустя мгновение машину вдруг заметно качнуло, будто какой-то неведомый великан попытался ее перевернуть. Соскользнув с места, я попыталась ухватиться за подлокотник, но пальцы лишь мазнули в воздухе. Я запоздало подумала о том, что стоило прежде всего закрыть голову, но, налетев спиной на Каина, ощутила, как он сам, поймав меня, ладонью прикрыл мне затылок. Сжавшись, я дождалась, пока пол снова замрет. Со стороны водителя хлопнула дверь. Мы остались одни в салоне, словно в клетке посередине города.

— Что это было?

Выглянув из-за плеча Каина, я осмотрелась, проверяя не расшибся ли светлый, но он в отличии от меня, успел ухватиться за дверную ручку. Я хотела было привстать, но наставник прижал меня к себе сильнее, напряженно прислушавшись.

— Тише, это не всё.

Снаружи послышался нарастающий шум, толпа у перехода галдела, люди перебивали друг друга, но стоило кому-то вновь громко выкрикнуть команду, как машина снова качнулась, на этот раз сильнее, с треском окончательно завалившись на бок.

Мир перевернулся, и места в нашей клетке оказалось еще меньше. Каин, все еще придерживая меня, смягчил падение, но сам зашипел от боли. Где-то под нами послышался

хруст стекла. Таранис, так и не отпустив ручку, упал чуть лучше и смог быстро подняться на ноги, осторожно пригибаясь и прислушиваясь к происходящему.

Сверху на машину кто-то залез, попытавшись открыть дверь, но она была либо заблокирована, либо замок сломался от веса светлого. Недовольные выкрики и оскорбления в толпе на улице перемежались чьими-то советами просто выбить окна, поорудовать клинком или дать хорошенько ногой по замку. Чувствуя, что ситуация накаляется, я попыталась нашарить трость, но Каин быстро выдернул ее из-под моих рук.

— Нельзя. Если кто-то пострадает от некромантии, нам ни за что не поверят, что мы защищались.

— Да в смысле не поверят?! Они буквально перевернули нашу машину!

— Их много, и они все скажут, что мы напали первыми.

Чуть не лопнув от негодования, я, словно рыба на суше, беспомощно открывала и закрывала рот, не зная, какие слова подобрать для объяснения всей гаммы чувств, что сейчас меня накрыли с головой. Так, черт возьми, не бывает! Должен же хоть кто-то сказать правду!

— Тар!

Повернувшись к светлomu, я заметила его смятение. Кажется, он тоже не представлял, как выбраться из машины не разогнав толпу силой.

— Сэра, я постараюсь, но станут ли меня слушать.

— Да ну хоть что-то! Неужели тут хотя бы стражу позвать нельзя?

Каин подо мной нерадостно хмыкнул, привставая на локтях.

— Ну да, уж стража нам и поможет.

Таранис хотел что-то сказать, но над ним послышались удары по окну и корпусу автомобиля. Всего через пару секунд после этого светлого осыпало стеклом и чьи-то руки, словно щупальца неведомого чудовища, тут же ринулись внутрь, пытаясь нашарить нас в салоне. Пригнувшись, я постаралась спрятаться как можно дальше, но тут же вскрикнула, когда чьи-то пальцы вдруг вцепились в мои волосы, безжалостно дернув к себе.

Низкий незнакомый голос снаружи завопил:

— Поймал! Поймал!

Каин дернулся вперед и ударил тростью нападавшего, освободив меня из чужой хватки. Он ловко сдвинул меня в самый угол, поменявшись местами и вновь отгораживая от опасности. Глухо разбилось второе окно над нами, и, отодвинув штору, еще несколько рук залезли в салон, слепо шаря внутри.

Воздух вокруг будто сгустился, возня десятка тел на машине, запах крови, пота и дорожной пыли смешался в отвратительном, душном букете, сдавливая легкие. Голова гудела от голосов, пространство словно сжалось до размеров крохотного склепа. Клаустрофобия, которой я никогда не страдала, навалилась с какой-то чудовищной силой. Не зная, как помочь, я наблюдала, как Тар, забрав трость у Каина, не церемонясь, начал ломать влезавшие в окна конечности, отбивая желание вновь их совать. Наставник, безоружный, ограничился повреждением чужих пальцев и резкими рывками за рукава, чтобы лбы на наружной стороне болезненно соприкасались с стенами.

— Что вообще им надо?

Я прикрыла ладонями лицо. Смотреть, как тебя пытаются достать, было невероятно мерзко и пугающе, но закрыть глаза полностью было еще хуже. Всё происходящее показалось кошмаром. Еще вчера танцевала во дворце с королем, а сейчас, словно зверь в конуре, пытаюсь спрятаться от разъяренной толпы.

— Полагаю, наша смерть.

Каин ударил чью-то сунувшуюся в проем голову и тяжело выдохнул, получив короткий перерыв. На его лице я заметила несколько царапин от чужих ногтей. Где-то в салоне должна была быть аптечка, но воспользоваться ей мы могли, только если нападение наконец кончится.

Безумно захотелось прибить парочку человек, получив бесценную возможность не возвращаться в этот чертов Санктум больше никогда в жизни.

На улице послышался громкий протяжный свист. Люди, окружившие машину, разом схлынули, внезапно оставив нас в покое. В наступившей тишине резко стихли даже чужие шаги на тротуаре.

— Всё?

Я постаралась подняться на ноги, ощущая неприятное покалывание в них. Таранис отдал мне трость и тут же протиснулся через окно, оглядывая улицу. Послышался шелест подъезжающей машины, хлопок двери и новый незнакомый голос.

— Попали в аварию господин Данган?

— Можно и так сказать, на нас напали.

Тар вылез наружу полностью и не без труда открыл заевшую дверь, применив немного магии. Короткая белая вспышка у замка позволила мне с Каином наконец-то выбраться, и мы немного ошалело оглядывали уже спокойную улицу. Некоторые из прохожих заинтересованно останавливались, но, едва завидев трость и отличающую фасоном одежду, предпочитали отвернуться, делая вид, что вовсе не заметили нас.

— Какое чудовищное происшествие! Никогда бы не подумал, что тут такое может случиться. Надо будет поговорить с нашими чудными цветочницами, чтобы хотя бы пару недель их кто-то забирал из магазина после работы.

Я повернулась к незнакомцу, что, пожав руку Таранису, совершенно спокойно воспринял появление еще двух некромантов. Внешне мужчина выглядел как типичный целестинец: дорогой костюм, выучено вежливые движения, темно-русого оттенка волосы, аккуратные усы и нарочито мягкий тембр голоса. Ничего особенного, если подумать, но отчего-то он напоминал мне хозяина фабрики игрушек или Вилли Вонку чуть за тридцать и пока без садистских наклонностей. Высокий, с открытым живым лицом, хитроватым прищуром и добродушной улыбкой, он охотно поздоровался с Каином и кивнул мне.

— Вам нужна помощь?

— Да, мы не отказались бы.

— В таком случае, можете пересесть ко мне. Водитель перенесет ваши вещи.

Мужчина легко указал ладонью в сторону своего автомобиля, предлагая мне пройти к нему первой. Каин, оглянувшись на остатки нашей машины, покачал головой.

— Нам нужно отвезти ее обратно Карвенам или...

— Я предупрежу стражей, они отвезут ее на стоянку. Вас куда подбросить?

— В порт.

— О, замечательно, это недалеко. Запрыгивайте. Как вас зовут, если не секрет?

— Каин Блэквуд.

— Серафина Блэквуд.

— О, слышан о вашей семье. Я Аластор Кейн, предприниматель и хозяин того чудного магазина цветов. Заехал проверить, как поживает мое дельце, а тут вы.

Ал отдал распоряжения водителю и тут же повел нас к автомобилю. Двери передо мной услужливо распахнулись, Каин подтолкнул меня внутрь и сел следом, словно подспудно старался оградить меня от остальных и всё еще опасался нападения. Таранис, выглядевший невероятно усталым, сел на сидение напротив меня и расслабленно опустил плечи. Его руки и лицо, как и у Каина, оказались исцарапанными, пальцы чуть подрагивали. На помятой ткани пиджака поблескивали мелкие крупинки стекла.

Оценив состояние обоих мужчин, я чуть подалась вперед к вошедшему Аластору, но тот, опередив мой вопрос, сунул в руки небольшой аптечный короб, выкрашенный в красный цвет.

— Спасибо.

— Ох, это пустяки. Лучше расскажите, что случилось, кто на вас напал?

Не желая строить догадок, я занялась обработкой ран, отыскав в аптечке спирт и вату. Хотелось бы еще получить пинцет и умыться по-хорошему, чтобы убрать остатки стекла, но

обстоятельства не располагали к подобному везению. Перевязав волосы, чтобы не мешали, я краем уха следила за ответами Тараниса.

— Обычные люди, прохожие.

— Точно не банда?

— Точно.

Машина зашелестела шинами и сдвинулась с места, унося нас от злополучного перекрестка, на котором будто только мы видели разбитую машину. В голове мелькала куча вопросов, было непонятно, куда делся водитель, подставил ли он нас или просто от него избавились, спланировал ли кто-то нападение и кому вообще нужно было досаждать уже уезжающим некромантам. Поежившись, я постаралась со стороны посмотреть на произошедшее, но, вновь оказавшись в салоне автомобиля, больше не чувствовала себя в безопасности. Всё еще казалось, что вот-вот кто-то разобьет окно и попытается влезть внутрь, схватив меня за волосы.

— Какой ужас.

— Взялись из ниоткуда и перевернули машину.

— Что, прям голыми руками?

— Да, всей толпой.

— Боги, куда смотрит стража.

Вздыхнув поглубже, я смочила вату и развернулась к Каину. Он всего мгновение посмотрел на мои руки с непониманием, будто я предлагала ему не обработку, а чашку крысиного яда, но все же нагнулся, позволив осторожно прикоснуться к его царапинам на лице. Кажется, впервые я ему помогаю с подобным, а не он мне.

Каин прикрыл веки, и я заметила, как они подрагивают, когда я проходила по наиболее глубоким порезам. Брови невольно сошлись над переносицей, придав ему нарочито грозный вид, и я, не удержавшись, мягко надавила пальцем на морщинку между ними.

— Не кукожься, я не смогу везде пройти, если ты сморщишься, как изюм.

— До изюма мне еще не меньше полувека жить.

Дождавшись, пока Каин расслабит лицо и перестанет болтать, я закончила обработку, с некоторым интересом отметив, что морок, меняющий лицо некроманта, не мешал показу ран.

Отщипнув еще немного ваты от аккуратного плотного мотка, я повернулась к Тару и тот охотно наклонился ко мне, подставившись под руки, словно послушный пес. Наставник, получив возможность высказаться, продолжил разговор с Аластором.

— Навряд ли стража помогла бы.

— Но вас же назначил для управления Сомной сам король! Вы не последний человек в Целестии.

— Да уж, сильно нам это помогло.

— Кажется, Авель совершенно не контролирует то, что происходит на улицах прямо у него под носом.

— Видимо так.

— Отвратительно. Сначала пропажа людей, теперь это.

— Пропаж?

— Ох, простите, я не должен был... боюсь, это могут быть не более, чем слухи.

Отвлечшись от работы, я тут же встрепенулась, недовольно нахмурившись.

— Нет, говорите, мне ещё тут жить.

— Ох, правда? Тогда я бы на вашем месте задумался над охраной. Пока пропажи происходят только в бедных районах, но кто знает, к чему они приведут. Авель закрывает глаза на исчезновения стариков, больных или проституток, но такое положение не может быть вечно. Боюсь, не ровен час, и в благополучных районах матери недосчитаются своих отпрысков после занятий в школе.

— Может, и нападение на нас с этим как-то связано?

— Наверяд ли, но в столице явно творится что-то неладное.

— Что ж, спасибо за предупреждение.

Поджав губы, я вновь повернулась к Таранису и получила в ответ его ободряющую улыбку. Он выглядел чуть виновато, но я даже не думала обижаться на то, что остаюсь в Санктуме без его поддержки. В конце концов, мне стоило научиться справляться самой, а нападение лишь еще раз показало, что расслабляться у светлых рано. За все время у Карвенов и на балу я не получила столь открытого проявления ненависти и уже в тайне надеялась, что так будет всегда.

Дальнейший наш путь прошел преимущественно молча. Аластор всего раз попытался завести разговор, спросив про вчерашний вечер, но обсуждать было нечего. Я вновь погрузилась в собственные мысли, пытаюсь собрать воедино все представленные мне факты и самое главное, «пропажи», которыми так мягко Ал окрестил настоящие похищения. Они явно возникли не просто так, и единственное хорошее в этой истории было то, что преступления не могли повесить на меня или Каина. Мы приехали ненадолго, и началось всё явно раньше, но у Карвенов, пожалуй, стоит расспросить об этом побольше. Сразу после того, как узнаю степень ненависти целестинцев к моей персоне. Возможно, мне всё-таки нужно завести охрану?

— Приехали. Как хорошо, что без вас корабль никуда не уплывет. Было бы обидно опоздать из-за этого происшествия.

Машина остановилась, и Аластор вышел первым, довольно набрав в грудь свежего морского воздуха. В салон тут же забрался прохладный ветерок, пахнувший йодом и, как ни странно, специями. Таранис вышел вторым, воспользовавшись моментом, чтобы снять пиджак и стряхнуть остатки стекла. Каин прошел следом и, поддерживая под руку, помог выйти мне. Оглядевшись, я с интересом отметила светлые пассажирские корабли целестинцев, по технологиям явно ушедшие значительно дальше наших судов в Сомне. Помпезные белые пассажирские лайнеры горделиво взирали на толпу у пирса, но совсем не впечатляли меня. В сравнении с земными аналогами корабли были сильно меньше, и у Санктума, в технической столице мира, их было не так много. Полагаю, всё из-за тех же ограничений в добыче кристаллов, на которых здесь работали все сложные механизмы. Дорогостоящий энергоресурс для таких махин нужен был просто колоссальный.

— Я дам отмашку морякам, Сэра, прошу, подожди здесь.

Рядом послышался голос Каина, машинально кивнув ему, я продолжила рассматривать корабли, на этот раз обратив внимание на деревянные длинные судна с двумя мачтами и косыми парусами. Из них на пирс вышли загорелые почти дочерна беллаторцы в длинных одеяниях и с татуировками на открытых частях кожи. По виду они были весьма богаты: золотые украшения с драгоценными камнями, дорогая яркая ткань и высокомерный взгляд на окружающих словно возвышали их над встречающими делегацию целестинцами. Объединившись со светлыми в единую группу они было двинулись к зданию порта, как из

кораблей, словно из муравьишки, вылезло еще десятка два-три слуг. Они были без меток рабов и без ошейников, но подспудно пытались вести себя тихо и незаметно, тенью последовав за хозяевами и перетаскивая тяжелые сумки с вещами.

От созерцания беллаторцев меня на этот раз отвлек Аластор, осторожно прикоснувшись к моему локтю.

— Леди Серафина?

— Да?

— Я могу подождать вас до отправления.

— Мне кажется, это будет слишком, мы и так отвлекли вас от работы.

— Какие мелочи, вы были в беде, и я не мог пройти мимо, к тому же, вам придется как-то вернуться домой, я правильно понимаю?

Не дав мне ответить самой, Таранис влез в разговор, уже накинув на себя заметно подпорченный пиджак.

— Да, леди Серафина живет у Карвенов, и без вашей помощи ей придется в одиночку пройти через половину города.

— О, это я никак не могу допустить.

Мысленно дав пинка Тару, я постаралась как можно скорее придумать какой-то компромисс, чтобы не ехать домой с малознакомым мужчиной.

— Тогда, вы можете прислать за мной машину, когда уже доберетесь до своего магазина. Я буду крайне признательна.

— Отличный вариант! Так и поступим, только обещайте мне, что никуда не уйдете с вокзала.

— Обещаю.

— Замечательно! Тогда всего доброго вам, при случае заходите в цветочные магазинчики за букетом или подарком.

— До свидания.

Аластор быстро поклонился, будто только и ждал возможности уехать, и вернулся в машину. Через мгновение зашелестел мотор, и нас с Таранисом оставили одних у черного, просмоленного корабля Сомны. Повернувшись к соседу, я выдохнула, почувствовав себя спокойнее.

— Магазинчики? У него вроде один только был.

— О, он чуточку приукрасил. Аластор Кейн владеет обширной сетью цветочных лавок, и у него же покупают удобрения для своих садов самые знатные люди Целестии.

— Я не знала, что светлые так помешаны на цветах.

— Цветы это почти как люди. Мы зависим от солнца, поклоняемся ему, и растения живут только благодаря свету.

— Поэтому богачи соревнуются в садоводчестве?

— Конечно я бы даже сказал, что сад есть показатель любви Солара к тому или иному дому, а удобрение Кейнов помогает эту любовь продемонстрировать.

— Руководствуясь этой логикой, можно сказать, что Зар самое благостное место для Солара.

— Там же почти ничего не растет, кругом пустыня.

— Зато солнца хоть отбавляй.

— Пожалуй, вы правы.

Тар не сдержал озорной улыбки и повернулся к подошедшему Кайну. Получив от него

знак о готовности к отправлению, светлый поклонился мне и, поцеловав тыльную сторону ладони, еще раз поблагодарил, оставив нас с наставником наедине.

— Не потеряй кулон, иначе я не смогу с тобой связаться, и защищать тебя от проявлений Завесы будет нечему.

— Я постараюсь.

— И постарайся подружиться с Карвенном, он талантливый алхимик, и его знания тебе могут пригодиться.

— Хорошо.

Каин стоял прямо передо мной, но почему-то не решался посмотреть в глаза, предпочитая сверлить взглядом мои руки. Невольно сжав пальцы, я поняла, что тоже почти незаметно нервничаю.

— Каин...

— Не доверяй светлым, и я прошу тебя, думай дважды перед тем, чтобы что-то сделать.

— Д-да, конечно.

Выдохнув, словно перед прыжком в воду, наставник сделал полшага вперед и осторожно обнял меня за плечи. Без тени пошлости и будто вспомнив, кем меня представил для остальных, что было редкостью для Каина. Обняв его в ответ, я вдруг поняла, какую глупость сказала во время бала.

Невозможно не скучать по тому, с кем провела так много времени.

Положив ладонь на мой затылок, наставник добавил чуть тише:

— Я постараюсь не затягивать это.

— Буду ждать.

Отпустив, он всё же взглянул мне в лицо. Уголки его губ дрогнули, и я не смогла не улыбнуться в ответ. Каин на миг показался мне растерянным, но он тут же скрыл это за легким поклоном и, развернувшись, быстро зашагал к кораблю.

Через несколько минут моряки из Провиденса распорядились отдать швартовый тросс и, развернув серые паруса угольного галеона, двинулись в обратный путь до Сомны.

Оставшись на пирсе одна, я проводила взглядом корабль, сжимая в руках трость, и неожиданно для себя ощутила, как защипало глаза. Я почувствовала себя опустошенной и непривычно одинокой, спустя целый год вместе с огромной семьей Блэквудов, что всегда была рядом, пусть и не всегда мне нравилась. Остаться без них в огромном враждебном городе оказалось сложнее, чем я представляла. Уже сейчас хотелось прикоснуться к медальону, позвать и попросить Каина забрать меня с собой подальше от яркого, слепящего солнца, стеклянных витрин оранжерей и пугающего безразличия незнакомцев.

Я всё еще с тобой, Софи.

Это всё же другое. Ты часть меня. Семья же ощущается иначе, даже если их не любишь, ты чувствуешь, что они рядом. Знаешь, что они на кухне, в соседней комнате или скоро придут домой, и что бы не случилось, ты ощутишь их присутствие, увидишь, услышишь голос, заметишь чашку или книгу на столе, почувствуешь запах духов в прихожей.

Ты говоришь только о варианте, когда твоя семья живет с тобой.

Да, и я не понимаю, как ты выдержал разлуку с Марьей, Гекатой или Лилит.

Так же, как и ты живешь без родителей, или Макса. С тобой твои родные или нет, главное, чтобы они жили дальше, остальное лишь мелочи.

Может быть.

Поежившись от прохладного морского ветра, я повернулась к выходу с пирса и тут же

приметила уже знакомую мне машину Аластора, припаркованную у здания порта. Поторопившись, я быстро дошла до авто и, кивнув водителю, забралась в салон. Проводы Каина и Тараниса отобрали у меня последние силы. Хотелось сбросить туфли, неудобную одежду и наконец-то вытянуться в теплой ванне, заев после все переживания за день.

Открывать окно в этот раз и даже поглядывать в него я не решилась, стиснув в руках трость и уставившись в потолок, лишь постаралась собрать мысли воедино, обдумывая скорую встречу с Авелем. Хорошо бы доехать до замка также инкогнито, и вообще проводить уроки подальше от придворных, но я пока не представляла, как организуют мое пребывание в замке. Отведут в специальную комнату? Под конвоем? Заставят надеть свои же браслеты или как-то иначе меня ограничат? Стоит ли рассказывать королю о нападении? Как мне вообще вести себя с ним?

Чего или кого мне на самом деле стоит опасаться?

— Приехали, леди Серафина.

— Ох, спасибо.

Машина мягко остановилась у тротуара перед коваными воротами дома Карвенов, чуть коснувшись боком раскидистых веток чубушника, разделяющего тропинку и проезжую часть. Подхватив трость, я попрощалась с водителем и вышла на улицу, попав в плен ярких лучей солнца, что после полумрака салона неумолимо слепил глаза. Кое-как добравшись до ворот, я клятвенно пообещала себе найти солнцезащитные очки, и если их тут не существовало, то придумать и сделать вручную любым возможным способом.

— Леди Серафина, вы только вернулись из порта?

Проморгавшись и дождавшись, пока зрение привыкнет к свету, я подняла голову и различила двух человек в тени вяза, накрывавшего часть тротуара. Присмотревшись, я узнала в одной фигуре тонкий, хрупкий стан Энн Карвен, облаченной в целомудренное ученическое платье пыльно-голубого оттенка, но рядом с ней показался незнакомый мне молодой человек, поддерживающий девушку под руку.

— День добрый, да, у нас возникла небольшая проблема в пути, неплохо бы было поговорить с твоим отцом.

— Насколько я знаю, он с мамой уехал по делам и вернется только к вечеру.

Разочарованно вздохнув, я подошла ближе к паре, спрятавшись от солнца. Мне не хотелось их смущать лишней раз, но Энн, замкнутая и пугливая, сейчас неожиданно спокойно отвечала мне и, кажется, совсем не боялась. Посмотрев на парня явно беллаторской внешности, сопровождавшего девушку, я могла только догадываться, где же она его откопала. Он был вроде бы не старше Энн, но выше и значительно шире в плечах, чем подростки его возраста. Черные волосы аккуратно подстрижены и зачесаны назад, темные, цвета кофе глаза смотрели лукаво, будто молчаливый незнакомец знал обо мне больше, чем я о нем.

— А ты, значит, пользуешься моментом?

Переведя взгляд на Энн, я заметила, как ее лицо тут же стало пунцовым.

— Я надеюсь, вы не скажете маме, что меня провожали.

— Конечно нет.

— Благодарю.

Незнакомец вдруг выступил вперед и протянул мне ладонь, доброжелательно улыбнувшись. Девушка покраснела еще больше, видимо, осознав, что так и не представила мне «гостя», но парень, кажется, был не в обиде.

— Алан.

Ответив на рукопожатие, я с удивлением отметила, сколько силы было в этом юноше, и краем глаза заметила в качестве ученической формы военный китель.

— Серафина Блэквуд.

— О, из темных. Наслышан. После вашего вчерашнего появления на балу вся академия на ушах стоит. Все разговоры то и дело сводятся к защите от некроса на случай атаки.

— Да, мы ж детей есть приехали, а не дипломатию налаживать.

— Ха, я тоже самое им говорил, но ребята хотят себя показать, чуть ли не из штанов выпрыгивают.

— А ты, значит, не хочешь?

— Мне незачем, я и так всех опережаю в учебе, мне нечего доказывать.

Алан повернулся к Энн и, вежливо поклонившись, поцеловал тыльную сторону ее ладони.

— Я хотел бы провести с вами еще хотя бы капельку времени, но, боюсь, мне уже пора. Хорошего вам вечера, и, Энни, не стесняйся обращаться ко мне даже по таким пустякам, я всегда рад помочь.

— Д-да, спасибо, еще раз.

— Надеюсь, до скорой встречи.

Девушка стиснула свободной рукой ткань подола и, дождавшись, пока Алан уйдет, прижала ладони к груди, стараясь перевести дух. На мгновение мне показалось, что пунцовым цветом были окрашены даже корни ее светлых, чуть выгоревших на солнце волос.

— Какая милая сцена.

— Ой, простите, я совсем не хотела, и я даже не думала, просто девчонки мне совсем голову заморочили своими ужасиками. Рассказывают всякое, что людей на улице среди бела дня похищают, что девушек в машины без спроса заталкивают, и вообще маньяк по городу ходит, а тут еще и водитель не приехал забрать меня с учебы. Так страшно стало самой домой идти.

— И ты попросила Алана?

— Ну-у, да. Мне неловко было учителей просить, а кадетский корпус у нас рядом. Поймала чуть ли не первого встречного, и он такой хороший оказался. Не посмеялся, сразу всё понял и даже по дороге меня развлек, чтобы я успокоилась и не нервничала. Он так много всего знает...

Замолчав, Энн поджала губы и жалобно взглянула на меня, сложив руки чуть не в мольбе.

— Только маме не говорите, она с расспросами мне покоя не даст.

— Я уже пообещала, всё в порядке.

— Спасибо.

Девушка робко улыбнулась и, окончательно успокоившись, прошла вперед меня к дому, невольно прикоснувшись тыльной стороной ладони к своим губам, будто передавая через это невесомое движение чужой мимолетный поцелуй.

— Водитель всё еще не найден.

— Может ли он быть причастным к нападению на нас?

— Вполне вероятно, раз он не остался в машине с вами и смог сбежать.

Опустив голову, я вновь принялась за завтрак, разделявая на тарелке уже привычную мне аккуратную яичницу с поджаренным ароматным беконом и полукопченными колбасками. Джозеф Карвен сидел за столом напротив меня, попивая свой утренний кофе и разбирая письма, пришедшие небольшой пухлой стопкой со всей Целестии. Открывая очередное из них специальным ножом, он чуть поджал губы и со вздохом приник к чашке.

Несколько смущенно я решила продолжить разговор.

— Автомобиль еще можно починить, или нужно будет покупать новый на замену? Я могу попросить у отца возместить ущерб или отдать из своего жалования, как только уточню его размер.

— Всё это ни к чему. Машину я видел, ее чувствительно потрепали, но кристаллы в двигателе целы. Мои помощники без проблем заберут их и поместят в новую оболочку. Корпус авто обходится дешево.

— А сколько вообще стоит подобный камень в Санктуме?

— Много, и как бы не пытался Кейн удешевить его, подобные экземпляры всё равно может купить не каждый. Большинство машин сейчас работают лишь для передвижения на малых расстояниях, чтобы хватало заряда.

— Простите, Кейн?

— Да, его семья издревле разрабатывает горные жилы с божественной кровью.

— Я думала, он занимается цветами, он рассказывал только об удобрениях.

— О, это дело появилось сравнительно недавно, и молодежь знает Аластора как владельца сети цветочных салонов. Я же знаю, что все месторождения кристаллов, известные на данный момент, принадлежат роду Кейн, пускай на этом и не акцентируется внимание. Сами камни в чистом виде все равно почти не используются, поэтому больше знают механизмы и компании, работающие с кристаллами.

Съев последний кусочек яичницы, я отложила вилку и, промокнув губы салфеткой, потянулась к своей чашке ароматного, свежесваренного кофе в изящной фарфоровой чашке. Самое то, для бодрого и продуктивного начала дня.

На миг мысли едва не ускользнули в обдумывание наилучшего расположения приборов на столе, чтобы из этого можно было сделать полноценный натюрморт под названием «Целестинский завтрак».

— При встрече Аластор не показался высокомерным и охотно помог нам. Даже не верится, что он настолько важная особа.

— Самый большой предприниматель страны. Отчасти благодаря старым связям, оставшимся с тех пор, как его отец был советником короля.

Да, помню, как печально оборвалась его жизнь.

Я не желал ему такой участи и не думал, что Адам зайдет настолько далеко.

Знаю, король в тот момент, кажется, уже основательно сошел с ума.

Получив краткую инструкцию о том, когда и как я буду появляться в светлом дворце, я распрощалась с Джозефом и поспешила к себе в спальню, подспудно чувствуя, что машина,

присланная за мной, вот-вот должна подъехать к дому. По пути обходя семенящих служанок с бельем и завернув в коридор, я чуть не столкнулась с Энн, рассеяно бредущей в ночной сорочке к лестнице. Меня она будто не увидела, и, поймав девушку за плечи, я постаралась немного встряхнуть ее, дождавшись, пока чуть более осмысленный взгляд остановится на мне.

— Ох, леди Серафина, я вас и не заметила.

— Ты, кажется, сейчас вообще ничего не замечаешь.

— Наверное, не выспалась. Сон сегодня был такой странный, такой непонятный и тревожный.

— Как ты себя чувствуешь?

— Неплохо, только я всё еще хочу спать. Простите, я думаю, мне стоит всего лишь перекусить, и я тут же взбодрюсь. Сладости с чаем всегда давали мне новые силы.

Улыбнувшись, я кивнула, удовлетворившись ответом, и отпустила Энн, давая ей спуститься в столовую. Учеба у девушки начиналась обычно чуть позже, чем работа у ее отца, но сегодня она могла бы немного поболтать с Джозефом, если они успеют пересечься внизу. Возможно, он подскажет, как защититься от ночных кошмаров.

На первом этаже послышался звонок в дверь и неожиданно запел граммофон в гостиной. Легкий ненавязчивый джаз разнесся радостной трелью по всему дому, будто подчиняя домашних своему игривому темпу. Губы невольно растянулись в улыбке. День не предвещал ничего хорошего или особенного, но с музыкой практически любое утро казалось лучше. Пристрастие Элизы к джазу, особенно во время работы по дому или уходу за садом, поднимало настроение даже ее помощницам-горничным.

— Серафина, за тобой приехали!

Голос супруги Карвен прозвучал совсем недалеко. Сделав шаг к перилам лестницы, я посмотрела вниз и встретилась взглядом с Элизой.

— Уже иду, мне нужно лишь пару минут.

— Я передам водителю. Не задерживайся, король не будет ждать тебя вечно.

Достав с пояса садового фартука перчатки, женщина кивнула кому-то и тут же направилась к проходу на задний двор. За ней понуро, словно на эшафот, поплелся наемный садовник, появляющийся в доме пару раз в неделю. Тон Элизы стал строже, кажется, она едва сдерживала свое недовольство.

— Итак еще раз, никаких железных украшений и никаких инструментов из железа в моем дворе быть не должно. Это просто недопустимо.

— Леди Карвен, я клянусь, их и не было, я сам всё проверяю.

Мысленно поддержав мужчину, я прошла в спальню и к брючному костюму с жилеткой и легкой блузой прихватила пиджак и шляпку, надеясь, что ее поля хотя бы немного спасут меня от солнца.

Спустившись в прихожую и быстро направившись к двери, я краем глаза заметила собравшихся помощниц Элизы в конце коридора у кухни. Держа в руках тонкие фарфоровые блюда, наполненные молоком, они тихо о чем-то перешептывались, чуть не сталкиваясь головами и нервно поглядывая в сторону сада.

— Леди Серафина, вы готовы?

— Да, конечно. Что-то у нас суетно с самого утра.

Повернувшись к ожидающему меня водителю в белом форменном костюме с серебряной вышивкой королевского дворца, я скользнула на улицу, напомнив себе позже

расспросить, что же такое случилось в доме всего за одну ночь.

Санктум, центр светлой страны, предстал передо мной сегодня в еще пуще красе и зелени, чем раньше. Делясь последними красками бабьего лета и передавая осени права, здесь пышно цвели георгины и гортензии под окнами и витринами, выглядывая из-под старых раскидистых ясеней, тисов и вязов, обрамляющих дороги, словно вечные стражи. На клумбах и в подвесных горшках дрожали от дуновения ветра цветастые анемоны, старые здания любовно обняла покрывала из плюща и девичьего винограда, коего здесь оказалось в избытке. Чем ближе к центру города мы подъезжали, тем чаще во дворах я видела красные полотна, затянувшие беседки, каменные стены и крыши, будто все богачи столицы внезапно решили отдать свои дома под опеку этой лианы.

Я полагаю, это небольшой отголосок прошлой моды?

Да, что-то искоренить не смог даже Адам. Как бы не пытался.

Помню картину с Лилит на фоне девичьего винограда.

Ее наверняка уничтожили.

Наверняка.

Поджав губы, я с сожалением посмотрела на очередное одетое словно в диковинную шубу здание.

Если так посмотреть, то Лилит еще живёт, пускай, лишь тенью, но живёт и здравствует, несмотря ни на что. Знает ли Авель, об этом? В курсе ли он, что она рядом? Что именно ее след кровавым пятном растекается по всей столице к каждому дню рождения своего младшего сына? Будто алые бусины ожерелья вокруг белого дворца на холме в центре Санктума.

Едва ли он когда-либо узнает о том, что совершил его отец.

Мне кажется это немного неправильным.

Возможно, но иного выбора у нас нет. В этом Каин был несомненно прав.

Сжав в руках край пиджака, я тяжело вздохнула. На улице промелькнул еще один флористический салон Кейна, радовавший прохожих большими искусными букетами и обилием зелени в окнах. Невольно я задумалась, поддержит ли Аластор новую власть в Целестии или возглавит сопротивление? О столь далеком будущем мне думать не хотелось, и представить это место под властью Каина было невероятно сложно, но, наблюдая за окружающими, я будто мысленно делаю ставку на то, как бы они отнеслись к таким переменам в стране. Возможно, кому-то это будет даже на руку.

Преодолев путь до высоких защитных стен, что окружали королевскую обитель, машина свернула от главного входа к малому, почти незаметному проезду через скромного вида ворота, где стражи, внимательно оглядев меня, удостоверились, что я имею право попасть внутрь. Водитель, поймав мой взгляд через зеркало, кивнул вперед, указывая на хозяйственное крыло замка.

— Пройдете внутрь со слугами, а там на третий этаж. Вас встретят и укажут нужный кабинет.

— Хорошо, а как мне попасть домой после?

— Как только урок кончится, меня или моего коллегу позовут помощники короля. Не беспокойтесь. Вам никто не даст провести во дворце больше положенного времени.

— Думаю, это на руку нам всем.

— Вам не нравится здесь?

— Скорее беспокойно.

— Хм, я вас понимаю. Тут очень много людей.

Я думала сначала возразить, но, в итоге поразмыслив, решила, что жители этого благостного места могут принести мне больше всего проблем. Хотелось бы сказать, что я в состоянии справиться с чем угодно во дворце, но, как оказалось, я могу многого не знать о тайнах, что скрывались здесь от взора Ньярла. Мысленно я взмолилась всем известным богам в надежде, что сегодня наши пути со Славкой разойдутся. Я не знала, как отреагирует на мою персону бывшая подруга, и надеялась, что смогу узнать о ней чуть больше, не попадаясь на глаза раньше времени.

— Приехали. На всякий случай предупрежу, строго направляйтесь к лестнице и никуда не заглядывайте по пути. Стража может решить, что вы шпионите во дворце.

— Хорошо, спасибо.

Улыбнувшись напоследок, я придержала шляпку и вышла на улицу к широкому крыльцу, где у складских ворот рабочие перетаскивали с мощеной площадки ящики и мешки с провиантом. Обогнув их и отыскав тяжелую дубовую дверь для прислуги, я взошла на крыльцо и заглянула внутрь, оказавшись в длинном, просторном коридоре со множеством дверей. В воздухе нестерпимо приятно запахло кашей на молоке, свежей выпечкой и чем-то жареным. Где-то за стеной что-то булькало, шкворчало и шумело, пока несколько женских голосов обсуждали рецепт яблочных пирогов на вечер.

Стараясь не привлекать лишнего внимания, я прошла вперед, заметив в конце коридора первые ступеньки лестницы наверх. Оставалось совсем немного, когда сбоку в широком дверном проеме показалась огромная дворцовая кухня, где, помимо нескольких печей, длинных рабочих столов и множества шкафов, у дальней стены обнаружилась небольшая обеденная с потертой, но опрятной мебелью. Там, сгорбившись над тарелкой, сидел один единственный работник, по виду напоминавший стража. Он рассеяно глядел то на кухарок, то на завтрак, сдвинув брови и сжимая поставленные на столешницу кулаки.

Заметив грозный вид незнакомца, я невзначай остановилась, пытаюсь понять, что с этим мужчиной было не так, но промелькнувшие у лестницы слуги тут же перехватили мое внимание. Стоило поторопиться, пока работники не решили, что я пытаюсь тут что-то вынюхать. Двинувшись дальше к ступенькам, я уже было занесла ногу, чтобы подняться, как из кухни вдруг послышался женский крик и шум бьющейся посуды.

Развернувшись, я бросилась обратно, пробежав к проему и по привычке потянув руку к поясу, но пальцы мазнули пустоту. Трость осталась дома у Карвенов, я и не подумала, что она может мне пригодиться сегодня здесь, и с утра голова была забита совершенно другим. Чертыхнувшись, я мысленно порадовалась, что хотя бы магия всегда остается со мной.

Тем временем незнакомец, замеченный мною раньше, тащил одну из кухарок за руку к своему столу, с силой стиснув ее запястье. Девушка, как могла, упиралась ногами и свободной рукой колотила мужчину по плечу.

— Пусти!

— Ты называешь это едой? Отравить меня вздумала?!

— Отстань от меня!

Я дернулась вперед к кухарке, пока остальные работницы, охнув, выбежали из зала, взывая о помощи. Голос Ньярла вновь раздался в моем сознании, кольнув недовольным тоном.

Софи, оставь их, нам нужно идти.

Но как же...

Ты не в том положении, чтобы влезать в неприятности.

Носа коснулся неприятный кислый запах пива и немытого тела. Мужчина был явно пьян, либо отходил от бурного вечера.

Ньярл, я не могу иначе.

Не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Оказавшись ближе, я мельком заметила красные, воспаленные глаза незнакомца. Огромной мозолистой ладонью дебошир крепко схватил девушку за косу, склонив ее голову так, будто собирался ткнуть лицом в свою тарелку, как нашкодившего котенка. Подхватив один из стульев, я, не раздумывая, обрушила его на затылок мужчины, надеясь, что этого хватит, чтобы его утихомирить, но незнакомец лишь качнулся и замер, с некоторой оторопью отпустив кухарку и поворачиваясь ко мне.

— Ты... — он нахмурился, явно недовольный моим поведением, но, приглядевшись, вдруг замолчал на несколько мгновений, удивленно распахнув глаза. Вместо угроз мужчина, взревев, словно раненный зверь, выдал абсолютное неожиданное: — Ве-едьма... Чертова ведьма! Лесная дрянь! Ты снова явилась за мной?! Я не вернусь! Не вернусь в этот лес!

Наблюдая за тем, как быстро свирепеет незнакомец, я только сейчас поняла, что он не был обычным человеком. Совсем нет. Стоило ему выпрямиться и окончательно потерять контроль над собой, мне предстал поистине крупный оборотень. Грудь словно дубовая бочка, бурая шерсть затягивала все открытые участки кожи, кулаки, каждый размером с добрую пивную кружку, угрожающе сжались, глаза и без того темные полностью закрыла звериная черная радужка. Чтобы разобраться с таким, потребовалось бы немало магии, а для сильного удара пришлось бы добраться до головы.

Шагнув назад, я бегло огляделась в поисках пути к отступлению, но даже в проеме коридора уже набились зеваки, с интересом и ужасом смотревшие за происходящим. Освобожденная девушка попятилась к плитам, не отрывая испуганного взгляда от оборотня. Рядом с ней в стене я заметила еще одну дверь, закрытую на засов и обозначенную небольшой, истершейся табличкой.

— Склад! Открой склад! Живо!

Вторя мне, медведь вдруг зарычал и тут же ринулся вперед, норовя зацепить лапой. Двигался он шустро и необыкновенно ловко для такого крупного зверя, но, сиганув назад через обеденный стол, я смогла отгородиться, не давая себя задеть. До побледневшей кухарки запоздало дошла моя просьба, но, глянув на двери, она покачала головой и не решилась подойти. Оборотень стоял слишком близко к складу.

— Да чтоб тебя.

— Ве-едьма!

Искаженный рёв медведя почти оглушил меня. Люди у прохода зароптали, часть из них заблаговременно сбежала, дабы не попасть случайно под горячую руку, но стражи всё еще не было видно. Оценив обстановку, я не нашла иного выбора, кроме как отступить, уводя оборотня за собой в угол зала и надеясь, что в нужный момент я смогу увернуться от его лап.

Вытянув руку, я подхватила еще один стул, используя его как щит, и, сделав пару шагов назад, отпрыгнула за еще один обеденный стол, но медведь не стал обходить мебель, бесцеремонно двинувшись ко мне, сбивая всё на своем пути, словно ледокол промерзшие плиты. Кухарка тут же бросилась к складу, отпирая засов и с силой оттолкнув дверь. Петли громко скрипнули, но оборотень будто не видел никого и ничего кроме меня. Отбросив последнюю преграду, он резко замахнулся, раскрыв пасть и взревев. Я выставила стул вперед

по наитию, попав ножкой по острым зубам. Древесина жалобно затрещала, когти царапнули бок, но по ощущениям лишь порвали ткань пиджака, не достав кожу. Надавив всем весом, медведь заставил меня присесть, сжавшись за своим единственным хлипким щитом. Досчитав до трех, я со всей силы оттолкнула стул и проскользнула в бок под опасно чиркнувшей над головой лапой.

— Куда?!

Кухарка, получив возможность сбежать, уже примкнула к зрителям у входа. Я со всех ног побежала к дверному проему, перепрыгивая разбросанную мебель и чуть не споткнувшись о неровный порог. То, что я приняла за отдельную комнату с провизией, где у меня получилось бы закрыть оборотня, на поверку оказалось еще одним узким коротким коридором с закрытыми дверьми по бокам и выходом на улицу в конце. Недолго думая, я рванула к выходу, мысленно взмолившись о том, чтобы здесь не был закрыт засов, но, ударившись о твердое, обитое металлом полотно, тут же заметила массивную, чуть заржавевшую щеколду. За спиной послышался скрип досок и тяжелые быстрые шаги. Каждый из них ударом напуганного сердца отдавался в груди. Трясущиеся руки потянули рукоять и длинный язычок неохотно шевельнулся в пазу, рассыпая рыжую пыль.

По спине пробежала крупная дрожь, едва я ощутила движение воздуха позади. Над головой резко раскрылась чужая пасть, одарив меня смрадом звериного дыхания, огромная когтистая лапа вытянулась вперед. Воздух кончился в легких, а время растянулось, словно не желая выносить мне смертный приговор. Вместо того, чтобы биться о запертую дверь, я резко сдала назад и отдала каблуком ногу медведя, отклоняясь в бок и избегая когтей, но вторая лапа тут же поймала меня. Взыв, оборотень не смог вовремя остановиться и на всех парах вылетел на улицу, сбив заевший замок и утягивая меня за собой.

Яркий солнечный свет ударил в глаза, больная нога медведя соскользнула с каменных ступеней, и, вцепившись в меня, он кубарем скатился на лужайку. Мне при падении почти не досталось, но оборотень, недовольно зарычав, на миг замер, лежа на спине не в силах сразу подняться. Этого времени мне хватило, чтобы вытянуть ладонь и приложить ее к голове незнакомца, легкой вспышкой некроза заставляя его потерять сознание.

Хватка лап тут же ослабла. Мужчина начал принимать человеческий облик, безмятежно закрыв глаза, словно в полуденной дреме, в то время как мое бешено стучащее сердце отдавалось где-то в горле. Выпутавшись из чужих рук, я встала на подгибающихся ногах и облегченно выдохнула, развернувшись к входу на склад. Хотелось передохнуть, посидеть немного в покое, подождать, пока я окончательно приду в себя, и лишь затем отправляться к королю, но тут на лужайку у старого прохода на кухню внезапно высыпало не меньше десятка королевских стражей, как-то нехорошо ошетилившихся оружием в мою сторону.

— Он спит. Скоро придет в себя, и все будет в порядке.

Вперед из открытого проема неожиданно вышел командир держа в руках до боли знакомое мне оружие. Посох с голубым, мерцающим кристаллом на навершии качнулся к моей груди, едва-едва коснувшись одежды.

— От имени королевы Миррианы, вы обвиняетесь в использовании некромантии в стенах королевского дворца.

— Что? Подождите, я учитель...

Камень хищно ткнулся мне в солнечное сплетение, точным разрядом молнии лишив возможности даже вдохнуть. Мир разом погрузился во тьму, спасая меня от слепящих лучей светила, но вместе с этим жуткая боль прошила мое тело, заставив мышцы мучительно

напрячься в судороге.

Острова блаженных

«Там изредка выпадают слабые дожди, постоянно дуют мягкие и влажные ветры; на этих островах не только можно сеять и сажать на доброй и тучной земле — нет, народ там, не обременяя себя ни трудами, ни хлопотами, в изобилии собирает сладкие плоды, которые растут сами по себе. Воздух на островах животворен благодаря мягкости климата и отсутствию резкой разницы меж временами года, ибо северные и восточные вихри, рождённые в наших пределах, из-за дальности расстояния слабеют, рассеиваются на бескрайних просторах и теряют мощь, а дующие с моря южные и западные ветры изредка приносят слабый дождь, чаще же их влажное и прохладное дыхание только смягчает зной и питает землю.» «Легенды и предания страны Грѐз». Кратейя

Послышался далекий крик чаек и мерный, почти гипнотизирующий шум волн.

Среди просторных улочек, вымощенных белым мрамором, я шел к своей обители, что расположилась на краю Эйры возле скал, у спуска к бескрайнему теплому океану. Легкий бриз трепал мои выгоревшие льняные волосы, а предвкушение встречи было столь волнующим, что я то и дело мыслями срывался в подготовку к ритуалу. Моя первая служба, в первом храме богини среди моих преданных послушников, что своими руками камень за камнем помогали выстраивать длинные анфилады и величественные стены, украшенные вязью точеных орнаментов. Я был счастлив и воодушевлен, я мог с гордостью представить наше творение и принимать верующих у нас в залах, но было и то, что меня еще тревожило. У каждого из богов в их храмах были скульптуры, чтобы каждый, кто приходил на службу, видел своего кумира и знал, кому был обязан своей жизнью, но Луна... Она редко показывалась на глаза, и еще реже я мог узнать, как она выглядела при этом, и ни одно новое описание не совпадало с предыдущим. Моя госпожа переменчива, как погода в горах, и скрытна, как затаившаяся кошка. Я день и ночь искал ее в глазах других людей, в незнакомых лицах, в случайных знакомствах, в мимолетных встречах, в одиночестве, которое ее сопровождало, но нигде не находил сияющих глаз из плавленного серебра и волос, струящихся, словно жидкий шелк. Что и сказать, мне было обидно видеть, как другие храмы бахвалились красотой своих богов, а я, словно потерянное дитя, молил о снисхождении, о взгляде, одном единственном, чтобы своими руками запечатлеть светлый лик госпожи в камне. Тогда каждый в храме узнает, что наша богиня прекраснее всех.

— Боги, сжальтесь надо мной, сегодня наша первая церемония, мы обязаны увидеть Луну и приветствовать ее на нашей земле, — я приложил ладонь к груди и, помолившись про себя, встал на тропинку, ведущую через священную рощу прямо к храму.

Я стоял перед жертвенным алтарем, через пламя окидывая взглядом столы, ломившиеся от даров богине, приносимых верующими. Изысканные вина, искусные сладости, спелые, свежие фрукты и восхитительной красоты цветы лежали перед смиренно склоняющимися помощниками, но я сам негодовал, считая минуты.

Неужели этого оказалось мало?

Сердце обожгло обидой, словно жгучим, едким ядом, а тот растекался под ребрами болезненной, мучительной волной.

Я был потерян.

Мы собрали пиршество, провели жертвоприношение, украсили наш главный зал, так что не снилось даже солнцепоклонникам, но я все еще не видел свою богиню. Один из послушников дотронулся до моего плеча, стараясь успокоить, но сила, кипящая в мне от эмоций, требовала выхода наружу. Опозоренный, униженный и отвергнутый Луной я стоял, как истукан, перед всеми верующими, что так надеялись на внимание своей хозяйки. А я не знал, что сказать в свое оправдание. Мы столько времени и сил потратили для того, чтобы появление Луны было безукоризненным, потрясающим, но нет! Она просто не пришла к нам! Проигнорировала наши молитвы, оставила нас здесь одних, сгорбленных и одиноких в своей вере. Боги, за что она так с нами...

К горлу подкатил ком, и чуть не вырвались неподобающие слова. Махнув рукой, я оставил помощников, дав им возможность самим закончить службу и едва ступил на землю со священных ступеней, как силы меня покинули. С трудом я добрался до жилого крыла, срывая по пути украшения на хитоне, и, обогнув основное здание, вошел в невысокую башню из светлого камня. Там, поднявшись на свой этаж, я, измученный переживаниями, прошел на балкон, с толикой облегчения ощущая, как прохладный ветер остужает мое разгоряченное тело. Впереди, насколько хватало глаз, закатное солнце скрывалось в воде, превращая море в кровавое вино. Моя злость сходила на нет, но разочарование тисками сжимало обрывки души.

Я всю жизнь упорно верил в свою госпожу, неужели я не достоин ее внимания?

Не достоин всего капли любви?

Оставив попытки найти ответ, я скрепя сердце вернулся в комнату и упал на софу, зарывшись в многоцветье подушек. Я буду проклят, но я увижу свою богиню, ту, чей голос слышу во сне, когда она зовет меня в свою небесную обитель.

Ночью я неожиданно проснулся от шелеста листьев и шороха веток у стен и окна. У башни был разбит фруктовый сад, но никому кроме послушников нельзя было притрагиваться к веткам.

Неужели кто-то не спит в темный час? Или это вор пробрался в наш храм, дабы осквернить землю?

Встав, я тихо прошел на балкон и внизу, среди деревьев, заметил какое-то движение и чей-то промелькнувший белесый силуэт. Недолго думая, я перепрыгнул через перила, магией смягчив свое приземление. Рядом, в нескольких шагах от меня, кто-то стоял на ветке яблони, тонкая ткань платья чуть свисала из кроны, выдавая воришку. Затаившись, я огляделся и, убедившись, что больше в саду никого нет, громко произнёс:

— Эти плоды священны, и только служители Дианы могут их есть.

Шуршание в листве утихло, я быстро подошел к стволу дерева, посмотрев на нарушителя и надеясь, что он не попытается трусливо сбежать. С такой высоты легко было переломать себе ноги.

— Спускайся, иначе мне придется убить тебя за вероломство и неуважение к нашей богине.

Листья закрывали от меня воришку, но тонкий девичий голос послышался сверху, удивив меня ласковым тоном, звучащим, как переливы мельхиоровых колокольчиков.

— Простите, а вы можете помочь мне слезть?

— Да, прыгай, я поймаю тебя.

Из-под ткани промелькнули бледные небольшие ступни, незнакомка на миг присела на ветке и легко спрыгнула в мои объятия. Я хотел бы тут же отпустить ее, но едва увидел лицо, как мое сердце пустилось вскачь. Глаза прекрасные, будто переливы лунного света в океане, смотрели на меня, а хрупкое тело, словно вылитое из фарфора, закрывали рассыпавшиеся по плечам серебряные волосы. Платье девушки едва закрывало ее грудь, нежная тоньше шелка и легче паутинки ткань почти не мешала рассмотреть фигуру.

— Луна?

— Достанешь мне яблочко, Вирбий? Я так хочу есть и так устала лазать по дереву.

Ее изящные черты лица притягивали взгляд, а просящие нотки почти безукоризненно подчиняли своей воле, но руки не слушались меня и, словно обретя самое драгоценное в моей жизни, обнимали богиню, не давая ей своими прелестными ножками ступить на землю.

— Вирбий?

— Мы для вас подготовили сегодня пир, там было много еды, я думаю, там еще осталось, чтобы покормить вас.

— Да? Это будет замечательно.

— Но почему вы не пришли? Я ждал и молил вас.

— Я не могла, закат в день осеннего солнцестояния, время смены власти братьев, и быть с ними как никогда важно, но я видела, как ты украсил зал, мне очень понравилось, особенно белые лилии.

Не веря своим ушам, я сильнее стиснул девушку в своих руках и, уткнувшись ей в плечо, вдыхал аромат далеких звезд и запах прохладной темной полуночи.

— Простите меня, простите, я был так зол, так глуп, решив, что вы про нас забыли. Я должен был понять, что это время не подходит.

Тонкие руки погладили меня по затылку, утешая. Луна обняла меня в ответ, нисколько не стесняясь и с нежностью прижимая к себе.

— Ты не виноват, я совсем забыла предупредить, я привыкла говорить с тобой только по ночам.

Не желая терять ни мгновения наедине с Луной, я подхватил богиню на руки и понес ее в сторону кухни. Дежурящие у входа послушники удивленно проводили нас взглядами, но ничего не сказали. Мы прошли мимо все еще украшенного зала, где аромат цветов пьянил не хуже забродивших нектаров, и, забрав белесый, точно призрачный цветок лилии из вазы, я отдал его своей госпоже, за что получил в ответ смущенную невинную улыбку.

Оказавшись на кухне, я посадил Луну за стол и достал для нее оставшиеся деликатесы, мясо и фрукты, налил в бокал медовый напиток. Богиня вновь улыбнулась мне, но уже смелее и, поблагодарив, принялась за трапезу. Я, совершенно огушенный в своем счастье, замер рядом и смотрел, как прекрасные, словно розовые лепестки, губы краснеют от сока, как проявляется на кукольных щеках бледный румянец, как беззаботно она болтает ногами, сидя на слишком высоком для нее стуле. Луна казалась совсем юной, хрупкой и восхитительной, будто хрустальная статуэтка. Как молодая богиня она усердно работала, помогала старшим братьям, но, появляясь на земле, представляла в облике милых юношей или таких фарфоровых девиц, чем неизменно притягивая взгляды прохожих.

— Большое спасибо.

Луна промокнула рот салфеткой и посмотрела на меня, всего лишь легким движением ресниц заставив обомлеть и потерять дар речи. В ее глазах читался интерес, и мое сердце

постыдно замирало в предвкушении.

— Я могу остаться, пока ты завершишь скульптуру.

Всего лишь одна фраза, мягкая уступка, и моя несбыточная мечта сбылась, но я тут же ощутил, как горят мои уши. До нее явно дошли мои мысли вне молитв, и постыдная обида наверняка тоже.

— Я буду благодарен вам за это, мы можем выделить вам лучшие покои.

— Нет, я хочу спать в твоих, ты не против?

— Если пожелаете, я освобожу их сейчас же...

— Нет, ты останешься, я не хочу жить там одна, я не хочу быть одинока. Ты будешь помогать мне, охранять и записывать, как правильно проводить ритуалы в мою честь.

— Госпожа, но я простой смертный, мне нельзя жить с вами...

— Поздно! Я уже все решила, а слова богини — закон. Возьми меня на руки, у вас ужасно холодный пол.

Ошарашенный новостью я, почти не раздумывая, смиренно поднял Луну, вновь разомлев от близости к ней, и аккуратно понес в сторону башни. Я не мог представить, даже просто в мыслях допустить себе возможность переночевать в одной спальне с госпожой, даже учитывая, что ее голос часто навещал меня во время сна. Моя ласковая богиня была достойна большего, но она, словно капризное дитя, сама придумывала правила, и кощунственной была б идея нарушить ее просьбу или пойти наперекор словам.

Тем временем Луна притихла, положив голову ко мне на плечо и беззастенчиво рассматривая мое лицо, пока я силой воли заставлял себя не пялиться в ответ. Позже, уже у дверей своей комнаты, я заметил прикрытые глаза, а ее мерное дыхание защекотало шею. Стараясь не разбудить богиню, я ветряным хлыстом открыл проход в покои, так чтобы и скрипа не было слышать, и прошел внутрь. В спальне, в моей запущенной обители, в беспорядочном количестве рукописей и книг у шкафов лежали мягкие подушки, записные книжки и простые чертежи. У приоткрытого окна стоял рабочий стол с подрагивающими листами песнопений, а чуть поодаль расположилась софа, покрытая менее важными бумагами и личными записями, единственным чистым и убраным место была моя кровать с балдахинном, туда я редко добирался из-за работы и без стеснения положил Луну, накрыв ее легким шелковым одеялом.

Оставив свою ношу, я с некоторым облегчением уже потянулся уйти, но просящий, тихий голос тут же окликнул меня.

— Не уходи, ляг рядом.

Бледная рука богини поймала край хитона, сонные печальные глаза приоткрылись, умоляюще взглянув на меня. Пожелай она тогда, чтобы я отдал свою жизнь ради нее на мраморном жертвеннике, и я не раздумывая бы взошел на костер, прославляя имя своей прекрасной Луны.

— Да, конечно, моя госпожа.

Я осторожно пристроился на одеяле, не раздеваясь, и дал богине обнять себя. Ее хорошенькая голова приютилась на моем плече, а тонкие руки обхватили грудь, будто я в миг стал любимой игрушкой Луны. Мое сердце ликовало, но страшно было даже вздохнуть, и, подарив покой своей богине, я сам уснул лишь с разгорающимся на горизонте рассветом.

— Не плачь, мое сокровище, не стоит.

Прохладная нежная ладонь коснулась моей щеки, утирая влагу. Я с удивлением осознала, что действительно плачу, а под ребрами разливается глухая, безумная тоска и печаль. Шмыгнув, я усилием воли распахнула веки и встретила взгляд бездонных серебряных глаз, напоминавших мне отраженный лунный свет на водах хмурого, неприветливого моря Скай, но вместе с тем мне стало ясно — передо мной богиня. Настоящая, о каких пишут в сказках и легендах, о покровительстве которой молят ежедневно и еженощно, и о чьем внимании мечтал сам Ньярл. Не зная, что сказать и как отреагировать на ее появление, я с трудом выдавила из себя:

— Луна?

— Она самая.

Горло разом пересохло. Я не понимала, страшно ли мне или наоборот трепетно от ее присутствия. Ньярл как назло затих, хоть я и ощущала отголоски его переживаний, но помощником он тут точно не был. Не меньше моего он был в смятении, наблюдая, как уже заметно повзрослевшая, но все еще нечеловечески прекрасная Луна осторожно положила мою голову к себе на колени, не боясь запачкать ткань тончайшего, словно иней на стекле, платья, чьи свободные рукава, едва касаясь, огладили мое лицо. Запоздало я поняла, что нахожусь не в спальне, не в Кадате и не у Карвенев. Последние события отрывками всплыли в памяти, как и нарастающая боль в ноющем теле. Я явно находилась в небольшой каменной тюремной камере, среди ночи, потому что даже с учетом крохотного окна в стене свет излучала только Луна, окрашивая мир рядом с собой в потусторонние призрачные оттенки серого.

На миг показалось, будто я и не уходила из этой камеры никогда, и не было тех долгих трехсот лет на Саррубе. Что только вчера кончился пир нового короля Леброна, а я по собственной глупости попала в подвалы.

Попал.

— Я не Ньярл.

Сказала это вслух, наверно, даже больше для себя, чем для богини. Воспоминания, пережитые во снах моего невольного попутчика, ощущались как никогда своими, и я панически чувствовала потребность отстраниться от них, отгородиться и постараться не потерять границу себя.

— Я знаю, ты моё сокровище. Изумительный, дорогой дар для меня. Ты не представляешь, как долго я тебя ждала и как мечтала оказаться рядом.

— 3-зачем?

— Чтобы ты помогла мне, как и мой возлюбленный когда-то. Вы оба мне нужны и миру, а вашу силу сложно переоценить.

В груди что-то задрожало в предвкушении. Ньярл бессознательно тянулся к богине, будто подспудно всю жизнь и все посмертие стремился прикоснуться к ней, но тело мое все еще принадлежало мне.

Она все еще меня любит?

— Позволь лишь капельку тебе помочь, тебе силы пригодятся завтра.

Тонкие пальцы Луны очертили мои скулы в мимолетной ласке. Нежная, сердечная улыбка приблизилась к щеке, но в миг, когда я думала, что кожи моей лишь на мгновение коснется чужое дыхание, богиня невесомо поцеловала меня, обнимая и прижимая к себе. Ее

ладони легли на мой живот и шею, будто стараясь спрятать меня в складках ткани. Драгоценное полотно платиновых волос единой пеленой закрыло весь остальной мир, и не оказалось ничего важнее на всем белом свете, чем теплые любящие губы на моей щеке.

Потеряв дар речи, я беспомощно открыла рот, едва не задохнувшись от затопившего меня смущения. Будь Ньярл жив сейчас, он бы тут же помер от стыда, а легкий, на грани слышимости, смешок богини, всё сделал только хуже. Не в силах сдержать эмоции, я закрыла руками лицо, ощущая, как на глаза вновь наворачиваются слезы. Носа коснулся знакомый запах звезд и ночи, а голос Луны, словно стаей колокольчиков, отдавался в моей голове.

— Полагаю, ты не против мне помочь.

Позорно всхлипнув, я предпочла поменяться с Ньярлом местами, вытолкнув к разговору его сознание вместо себя.

— Но что мне делать, моя госпожа?

— Ох, мой милый Ньярл...

— Кажется, в том сне ты называла меня иначе.

— Да, тогда я тебя называла Вирбий.

Она произносила прежнее мое имя так особенно, будто в нем скрывалось куда больше чувств, чем я своей оскудевшей фантазией мог бы когда-то вообразить. Убрав ладони от лица, я самонадеянно решил взгянуть на Луну, но от ее печально полуопущенных век чуть не остановилось сердце. Как много она скрывает трагедий в душе? Боятся ли одиночества теперь? Спустя три тысячи лет с постройки моего первого храма в ее честь остался ли хоть камень от обителя? Лишь представив этот огромный путь, я захотел как можно крепче прижать к себе хрупкое, кукольное тело госпожи, чтобы все оставшиеся годы до последнего вздоха посвятить только ей. Зацеловать, лелеять, залюбить, не отпускать, пока фарфоровые щеки не примут оттенок цветущего миндаля, а губы не зардеют, словно лепестки прекрасной чайной розы.

Осторожно сжав пальцами аккуратные ладошки Луны, я вновь припомнил те стихи, что складывал когда-то очень давно для нее.

— Когда я прижимал тебя к груди своей,
Любви и счастья полн и примирен с судьбою,
Я думал: только смерть нас разлучит с тобою.

— Но даже смерти я не дала нас разделить.

Богиня отчего-то покраснела будто маковое поле.

— Мой дорогой Ньярл, мне нужно, чтобы вы распорядились своей жизнью как сами того пожелаете, не слушая других.

— Снова?

— Снова. Это важно, безумно важно, я прошу, не слушайте никого кроме себя и не забывайте, что помимо светлых и темных, есть те, из-за чьего присутствия мне не удастся вам помочь.

— Как в Кадате.

— Ни одно божество не должно пересекаться с магией, что хранится в Некрономиконе, ибо тот иной бог за Завесой жаждет нашего могущества.

Едва услышав о черном океане, я хотел было задать еще вопросы, что мучали меня не первое столетие, но разум мой, будто утомившись, затерялся, как в тумане. Темнота с новой силой поглотила сознание, и на этот раз сон был недолгим и совершенно без видений.

— Э-эй! Стра-аж! Выпускай меня! Слы-ышь!

Басовитый ор отражался от стен камер и пробежал волной по полупустым коридорам из темно-серого камня, но действия не возымел. Оборотень напрасно надрывал глотку, гремел кандалами по решетке и крыл благим матом охранников в надежде на хоть какую-то реакцию. Ответом ему было собственное эхо и тихий шелест ветра за каменной стеной.

Закрыв глаза и не желая лишней раз шевелиться, я молча слушала возню оборотня, спрятавшись в ночных воспоминаниях. Мне все еще чудились мягкие, нежные руки Луны, ее теплые губы, ее легкое дыхание на моей щеке и прикосновения. Казалось бы, простые касания, но они до сих пор будоражили меня, сжимая сердце и заставляя все нутро трепетать, а мимолетный поцелуй и вовсе бросал в краску, заставляя чуть ли не выть от восторга.

Впервые я поняла отчего Ньярл был так предан своей богине и так сильно любил ее, что даже после смерти, потеряв самого себя и большую часть чувств, он упорно продолжил служить Луне, руководствуясь лишь отголосками прошлого и старой привычкой почитать эту прекрасную деву. Появление богини было невероятным, ее присутствие наполнило меня какой-то особенной радостью, а мысль о том, что она верит в меня и наблюдает за мной, давала сил бороться с чем угодно.

И лишь на самых дальних задворках разума испуганным зайцем металось осознание того, что из-за нее я потеряла так много в своей жизни. Не помоги она тогда Ганиму, я бы жила спокойной и счастливо с Максом и уже подрастающим дитя в нашей общей квартире.

— Я чую тебя, ведьма! Ты здесь!

— Боги, тебя еще не хватало.

По стене соседней камеры что-то громко чиркнуло и заскреблось. Поморщившись, я на всякий случай отползла подальше, попутно ощущая, как болезненно ноют затекшие мышцы и солнечное сплетение от прошившего их разряда тока. В горле собрался неприятный ком, будто меня вот-вот должно было стошнить, желудок неприятно скрутило от голода.

Сколько я уже здесь? Только день или уже дольше?

— Ве-едьма... я тебе за всё отомщу. За всех, кого ты угробила в том проклятом лесу. Я помню тебя, помню, не думай, что я забыл.

— Иди к черту.

— Кто тебя вообще пустил во дворец?

— Я королевский учитель, а ты, как понимаю, старый тупой алкаш с галлюцинациями.

— Ха! Темную пустили к королю! Так я и поверил!

— Больно надо, чтобы ты мне верил.

Оглядевшись, я не обнаружила в камере ни койки, ни ведра, ни миски с водой, только пустые голые стены и крохотное оконце под крышей. Долго в таком месте держать нас не должны были, но отсутствие стражи поблизости все же немного нервировало. Словно о нас специально забыли и не вспоминают. Потрогав аккуратную каменную кладку, я попыталась приложить немного магии, но кривоватый, полустершийся знак на толстенной деревянной двери камеры тут же вспыхнул, мучительно подавив мои силы и вызвав легкое головокружение. Экспериментировать больше не хотелось, я с тоской подумала о сне, но мой сосед не давал и шанса на покой.

— Ненавижу-ненавижу-ненавижу вас всех, столько наших погубили своей мерзкой, противоестественной ворожкой.

— Бедняжки какие, вы посмотрите. Пришли, значит, в Сомну грабить, насиловать и убивать, а им дали отпор, возмутительно.

— Да кому вы были нужны, вас грабить! Нам всего-то нужны были земли до Мискатоника, чтобы прокормить своих детей! Вас бы никто и пальцем не тронул!

В груди озлобленно заворочалась Ненависть, согревая мое сердце и ладони. Оружие просилось наружу, стоило лишь мне припомнить, из-за кого Гемера так боялась мужских прикосновений. Никто бы не тронул, да как же. Тот оборотень пришел не за едой и не спасался от страшных некромантов, а лишь заметил одинокую девушку на поляне в лесу, тут же определив ее в жертвы.

— Ты сам-то в это веришь?

— Сдайся тот безумный некромант сразу, все бы решилось мирно, это были не его земли, и он права не имел их отбирать у Целестии.

— Ньярл помогал людям выжить.

— Людям? Этим чудовищам?

— Ты себя во время превращения в зеркало вообще видел хоть раз?

— Не сравнивай проклятую магию со звериной сутью! И вообще, ты даже не представляешь, через что я прошел на этой убогой земле! Я едва остался жив, и до сих пор меня мучают кошмары!

— Хах, заруби себе на носу, косолапый, не ты чудом спасся из леса, а Геточке твое лицо косматое не понравилось. Не захотела она, чтобы ты ещё три века у ее забора прозрачной тенью слонялся в поисках прохода в родные горы. А ты, поди, благородства ради, наверняка еще и в не одиночку вызвался пересечь хребет, ввалившись в лес Ведьминого дола незванным гостем. Таких как ты, наглецов, темные уже не одно столетие гнали в шею, не давая разорять свои города.

За стенкой послышался басовитый, утробный рык. Оборотно разговор явно не нравился, да и мне собственно тоже. Смысла пререкаться не было, каждый из нас останется при своем мнении, это и ежу понятно, но больше в пустой темнице было нечем заняться, да и крохотный шанс, что кто-то услышит нас и придет на голос, вселял надежду.

— Заткнись! Много ты понимаешь, ведьма! Нам нужны были эти территории, нам нужно выживать, и Избранная обещала отдать часть Сомны для пашен за помощь.

Хохотнув, я не смогла сдержать улыбки и очередной колкости.

— Поделили шкуру неубитого медведя, значит. Поди Гибрис к этому тоже руку приложил, он, помнится, в свите Избранной болтался. Обманул своих же и продал как бесплатную рабочую силу ради юбки тогда еще будущей королевы. Ай да засранец, ай да молодец.

В каменную кладку что-то гулко ударило, рев стал громче, голос соседа потерял на время человеческие черты сливаясь в одно протяжное невнятное «не смей».

— Бедные-бедные оборотни, как же мне вас жаль, вас вела такая благородная цель. Охотиться и убивать, чтобы выжить. Поистине, звериная суть, ну как же вас можно осуждать. Интересно только, почему те же Зарцы, выживая в пустыне, не нападают на чужие страны, прикрываясь той же моралью. Ах да, подождите, у них ведь совесть и разум имеются для того, чтобы честным путем получать выгоду от всех своих соседей.

Перекастистое недовольное рычание разносилось по всему этажу тюрьмы, возвращаясь к

нам искаженным эхом. С улицы послышался растревоженный крик ворон и отдаленные голоса случайных прохожих, им вторил скрип прутьев в соседней камере, скреб когтей по камню и глухие удары.

Поджав губы, я не без удовольствия прислушивалась к буйству медведя.

Заде-ело, чувствую, что задело. Вот бы он размахнулся поудобнее, да размозжил свою пустую черепушку о стену.

— Ты-ы! У-убью!

— Попробуй, я в этот раз даже магии не пожалею. Жалко только трость дома оставила, клинок в ней уже встречал одного медведя. Славная вышла шкурка на праздник.

За очередным ревом оборотня, эхо неожиданно принесло звуки шагов в отдалении. Подобравшись, я постаралась встать и, вслушиваясь, смогла определить, что некто идет один, как раз к нашим камерам. За дверью раздался до боли знакомый голос.

— Боги, что тут происходит?

Чуть не охнув от облегчения, я приложила ладонь к груди, чувствуя, что готова расцеловать этого мальчишку.

— Дей! Вытащи меня отсюда, прошу тебя.

— Сэра?!

Послышался звон ключей и скрежет отпираемого замка. Я подошла ближе, не веря своей удаче. Оборотень рядом, судя по звукам, принимал человеческий облик, но пока кроме невнятного ворчания ничего не мог выдать. Дей открыл дверь, тут же нетерпеливо вцепившись в мои руки.

— О, Солар, весь дворец на ушах стоит, я с ног сбился, пока тебя искал. Что ты вообще здесь забыла?

— Какой прекрасный вопрос, можешь уточнить этот момент у вашей славной королевы. Оказывается, мне нельзя пользоваться некрсом в пределах королевского замка.

— Что? Что за чушь? Идем скорее, Авелю плохо, ему нужна твоя помощь.

Светлый, не теряя ни минуты, потянул меня за собой, стиснув ладонь железной хваткой и даже не посмотрев в сторону моего соседа. Я не успела и рта открыть, как мы чуть ли не бегом понеслись по темным, пыльным коридорам тюрьмы среди множества пустых камер. В этом крыле, помимо меня с оборотнем, не оказалось никого, а стража нашлась только значительно дальше, за поворотом, у лестницы на верхние этажи.

— Дей, ты же вернешься потом за медведем?

— Кем? Ах да, конечно, я пошлю кого-нибудь. Забудь, сейчас важнее помочь королю.

— Но что случилось-то?

— Ты сама всё увидишь.

Мы прошли еще несколько постов стражи и небольшой тренировочный корпус, за ним по по вымощенным серыми плитами дорожке, через запущенный сад, к внешним складам, где хранились припасы дворца. В боку закололо, усталость и голод наложили свой отпечаток, хотелось остановиться хотя бы на минуту, но стоило мне хоть немного замедлить бег, как Дей вновь подначивал меня и тянул с еще большей силой вперед, чуть ли не волоком готовый тащить к хозяйственной башне у знакомого мне крыла.

Вновь слышались переговоры рабочих, из открытой двери мучительно пахло овсянкой на молоке и спелыми фруктами, но, влетев в служебный коридор, мы ни на секунду не остановились у кухни. Светлый повел меня к вчерашней лестнице, шустро взобравшись на нужный этаж.

— Дай мне хотя бы немного дух перевести перед встречей, я и так выгляжу, как...

— Какая разница, это все неважно, идем!

Меня провели из рабочей части дворца куда-то ближе к тронной. Простые и аккуратные интерьеры сменились богатыми украшениями на стенах, изящной мебелью в нишах и серебряными бра, блестящими в полуденном слепящем солнце.

Я перестала запоминать бесконечные коридоры и повороты, когда мы наконец-то вышли к проходу в один из совещательных залов короля. Здесь, насколько помнил Ньярл, собирались советники, министры и прочие руководители страны для обсуждения насущных проблем, но в данный момент все мужчины в безумно дорогих костюмах и с надменными выражениями лиц толпились возле дверей, как студенты, заждавшиеся экзамена. Когда проходила мимо них, стало даже неловко. Мой пиджак был грязен, порван и помят, я сама покраснелась от бега, волосы, аккуратно убранные вчера, уже давно растрепались. Спасибо, что хоть штаны остались в приличном состоянии.

— Ну вот мы и пришли, удачи тебе, Сэра!

Дей, не дав мне опомниться, ловко приоткрыл дверь и, буквально впихнув меня внутрь, тут же закрыл ее обратно едва ли не на замок. Пути назад не осталось. В просторном зале с огромными окнами, занимающими большую часть стен, расположились в два ряда столы для помощников, и отдельно на краю этой вереницы рабочее место для самого короля, в данный момент безнадежно заваленное кучей документов, папок и листов, скорбно подрагивающих и чернеющих под растекающейся силой некрота.

— А-авель?

Оторопев на мгновение, я замерла, словно напуганный кролик, пытаюсь понять, что происходит. Руки мужчины безнадежно смяли бумаги, он тяжело опирался о стол, опустив голову так, что его платиновые волосы скрыли лицо, но, даже не видя его, я могла с точностью сказать, что Авель чуть ли не стирает эмаль зубов, пытаюсь хоть как-то сдержать вырывающуюся из-под контроля силу. Темная магия, словно мягкий, ласковый, черный туман, буквально стекала с короля по его дрожащему от натуги телу невесомым потоком, собираясь у ног.

— Что ты стоишь? Помоги мне!

— О-ох, что ж, я попытаюсь.

Авель кое-как сохранял вертикальное положение и боялся даже пошевелиться лишней раз, чтобы разбуженный, растревоженный некрот не затопил весь зал в неумелых, необученных руках мага.

Наверное со мной случалось бы тоже самое, не дай мне Каин кулон для контроля сил. Как там Ньярл говорил? Мало владеть магией, нужно еще обучиться ее использовать, иначе она овладеет тобой.

Расслабившись, я взяла себя в руки и направилась к королю, прихватив с собой еще один стул. Ноги после пробежки по всей территории замка отчаянно болели, и вкупе с ночью, проведенной на каменном полу, это ощущалось настоящим издевательством над моим бедным телом.

Недолго думая, я устроилась перед Авелем, словно учитель перед классом младшеклассников. Протянув ладонь, я осторожно похлопала короля по руке, выразив всю возможную на данный момент поддержку.

— Ну-ну, боритесь, я в вас верю.

— Какого черта?! — Авель поднял голову, колко и злобно взглянув мне в глаза. Голубая

радужка неестественно ярко выглядела на фоне красных капилляров белка. — Используй свою силу! Я не смогу долго сдерживать некрот!

Спокойно пожав плечами, я горестно вздохнула, стараясь показать, насколько сильно меня печалит сложившаяся ситуация.

— Да, я вижу, но как ни прискорбно об этом заявлять, я не имею права использовать темную магию в стенах дворца, таков ваш закон. Мне очень жаль, но это всё, чем я могу вам помочь. Мужайтесь, рано или поздно это прекратится, и запас ваших сил иссякнет.

— Что?! Что за чушь?!

Авель наклонился ко мне через стол, сжав в руках край столешницы. Дорогое светлое дерево жалобно скрипнуло и начало осыпаться на пол, заставив короля отшатнуться и закрыть ладонями покрасневшее лицо в попытке хоть как-то унять свой гнев и всполошенную силу.

— Вчера я честно пришла к вам для обучения, но на кухне произошел инцидент, в ходе которого мне пришлось применить свои способности для самообороны. Тогда же королевская стража именем вашей супруги взяла меня под арест и поместила в камеру. Простите, я и рада была бы вас выручить, но не могу, меня и так выпустили по чистой случайности, и я не желаю больше нарушать ваши законы.

— Бо-оги, чего же ты хочешь от меня?

— Статус посла Сомны и исключительное право использовать некрот в пределах вашей страны.

Его пальцы задрожали. Авель посмотрел на меня сквозь них и, сгорбившись, отодвинул свой стул, но так и не присел, держась за спинку с искусной обивкой из тонкой украшенной вензелями ткани. Магия постепенно съедала прекрасный рисунок, оставляя отпечаток ладони владельца.

— Хорошо, как король я обещаю предоставить тебе эти права.

— Нет-нет-нет, поклянитесь.

Кулак с силой грохнул по столу, едва не сломав и без того потрепанную мебель. Голос почти сорвался на рык.

— Серафина! Ты испытываешь мое терпение!

— Что ж, приятно было поболтать.

Я не успела даже дернуться по направлению к выходу, как крепкая хватка Авеля поймала мое запястье, сжав его, словно в металлических тисках.

— Я клянусь! Клянусь, тебя не станут наказывать за использование некрота, только помоги мне!

— Ой, с радостью, ваше величество.

Поднявшись на ноги, я осторожно приблизилась к королю и, поймав его вторую руку, зажгла на своих ладонях немного магии, легко перетянув себе излишек, изливавшийся из Авеля.

— Бо-оги, как хорошо, я будто снова живу.

Обессилено упав на стул, мужчина вцепился в предплечья, заставляя меня присесть перед ним на одно колено, и, не стесняясь, уткнулся лбом в мое плечо, тихо застонав от облегчения. Не ожидав такой реакции, я буквально оцепенела, стараясь лишней раз не шевелиться. В груди сжался противный, нервный ком, лишней раз заставляя меня паниковать рядом с малознакомым мужчиной. Хотелось спрятаться, убежать куда-то, но Авель едва не плакал от облегчения, его тонкая рубашка пропиталась потом и прилипла к

телу, сбившееся тяжелое дыхание щекотало шею, покрывшиеся испариной лицо и уши облепили бледные, мокрые волосы.

— Спасибо-спасибо, я так благодарен, ты просто не представляешь.

— П-пожалуйста.

Я было решила, что на этом всё, но король не дал мне даже посмотреть в сторону выхода.

— О, Солар, подожди так хотя бы минутку, прошу тебя, я так хочу отдохнуть.

— Л-ладно, что же вы раньше делали с этой проблемой?

— Раньше? Терпел, пил успокоительные, принимал ванны, а когда стало хуже появилась Мирра. Она спасла меня, ее магия тушила эти вспышки, но сейчас даже ее не хватает, и некрос... к сожалению, он приносит моей королеве боль.

— Да, сил у вас и правда немало. Не пробовали найти учителя еще лет двадцать назад?

— Пробовал, я честно пытался, но не мог найти обученного некроманта. Все... все они были слабы или тоже не представляли, что делать с даром.

Ехидно ухмыльнувшись, я не смогла не пустить в свой голос немного яда.

— Надо же, оказывается, если некромантов истреблять, то их может не оказаться в нужный момент.

Авель замычал, явно сдерживаясь, чтобы не ответить мне грубо.

— Я... я не поддерживал это, никогда, лишь в качестве защиты, если... если кто-то начинал бушевать или вызывал тварь.

— Ну да, конечно.

Ньярл охотно подсунил мне свои старые воспоминания, где отношение к темным явно не тянуло на акт самообороны. Он гневался не хуже Авеля пару минут назад, и, казалось, еще чуть-чуть и вытеснит меня из сознания, влезая в наш со светлым спор.

— Нет, я старался... стараюсь не прибегать к крайним мерам... и... честно говоря, долгое время считал, что это проклятье.

— Чего? Какое проклятье?

— Мне сказали, что такое может быть, что тот некромант, Ньярлатхотеп, проклял меня и единственная возможность спастись, это убить его. Как видишь, не помогло.

Стиснув руки, я с ужасом посмотрела на Авеля, чуть не отпихнув его от себя подальше, но он цеплялся за меня достаточно крепко. По коже пробежал холодок и волна мурашек.

— Что?! Кто это сказал?! С какой это стати?! Вы вообще в своем уме здесь в Целестии?!

— Да, сейчас звучит как бред, но тогда это показалось правдоподобным, тем более из уст близких мне людей и нелюдей.

Поджав губы, я ощутила негодование Ньярла и собственную разгорающуюся злость. Хотелось дать этому мальчишке как минимум затрещину за настолько глупую и губительную для целой страны мысль.

Как он вообще мог поверить в эту чушь?!

Кто ему сказал подобное?!

— Отпустите меня.

— Нет, подожди, дай мне еще немного времени, так мне легче, намного легче. Мне нужно прийти в себя.

— Я уже жалею, что согласилась на эту работу. Мне бы стоило оставить вас дальше разбираться с этим самому.

— Хах, но уже поздно, тебе всё же придется помочь мне.

Авель наконец-то оторвал голову от моего плеча и вымученно улыбнулся, все еще держась за меня, как за последнюю соломинку.

— Помочь тому, кто из-за идиотских суеверий погубил величайшего в мире мага? Не разобравшись, послушав чей-то дурной совет. Seriously?

— Не только, Солар направил Мирру к нам, дабы уничтожить зло в виде Ньярла. Разве могу я пойти наперекор воле бога?

— И как? Уничтожили? Полагаю, во всей Целестии сейчас не найдётся ни одного бедного, немощного, больного или просто несчастного человека?

— Сэра, хватит отчитывать меня как какого-то подростка. Я король, в конце концов.

— Король, что понятия не имеет ни о том, что делает, ни о своей силе!

С силой стряхнув руки Авеля, я попыталась встать, но он быстро сжал мои плечи, сильнее притянув к себе. Его лицо оказалось слишком близко, а едва вспыхнувший огонек некроса на тыльной стороне ладони, охотно соскользнул ко мне, исчезнув в складках пиджака. Король заметно нахмурился.

— Потому ты и здесь. Как мой учитель ты должна обучить меня, объяснить мои ошибки и наконец-то дать мне разобраться во всем.

Сейчас Авель особенно сильно напомнил мне Каина и не только сердитым взглядом, но и желанием вытрясти из меня всё, что ему нужно.

— Что ж, я рада, что начало твоему обучению положено и хотя бы о природе приступов ты в курсе.

— О, это заслуга Аван, на переговорах с ней я был крайне зол, в Сомне была потеряна огромная часть армии, а Мирра... Ей тогда уже нельзя было мне помогать, это навредило бы ребенку. Твоя дражайшая тетя выручила меня и объяснила, что происходит.

Король неожиданно смягчился, то ли не злясь на меня по-настоящему, то ли банально устав. Тяжело выдохнув, он опустил плечи.

— Ты так легко мне рассказываешь обо всем.

— А... да, мне больше некому говорить об этом, к тому же, я всё ещё считаю, что поступал правильно. Сарруб так или иначе принадлежит Целестии, а происходящее на нем вышло из всяких рамок. Мне нужно было вернуть контроль над территориями, и без смерти Ньярла этого не получилось бы.

Испортив о себе всё впечатление, Авель говорил спокойно и просто о том, что совершил, будто действительно не волнуясь об огромном количестве жертв, оставшихся позади. Поморщившись, я подумала, что вот здесь, прямо сейчас, после этих слов была бы идеальна его смерть. Отдать слишком много магии обратно, свернуть шею или проклясть. Король слишком сильно доверился мне, пускай и вынужденно, и совершенно зря полагает, что я не воспользуюсь однажды такой удобной возможностью отомстить.

Обида, печаль и злость Ньярла цыганской иглой застряла в моем сердце, выдавая разочарование. Хотелось утешить его, оградить от этого неразумного дурного дитя, на которое когда-то было возложено слишком много надежд.

Стоила ли смерть Лилит жизни этого наглеца?

За стеной послышались едва пробивающиеся голоса.

— Простите, вам не стоит...

— Пустите меня!

Двери зала резко распахнулись, на пороге показалась Славка во всей красе, сияющая новеньким, перламутровым платьем с белесым летящим шлейфом под стать крыльям феи.

Взглянув на нас с Авелем, она заметно вздрогнула и с таким глубоким отвращением посмотрела на меня, что стало дурно. Живот не к месту заурчал, напоминая о всех пропущенных обедах.

— Авель, душа моя, как ты? Что случилось? Почему меня не позвали к тебе?

— Мирра, я... — при появлении супруги король словно расцвел, заметно взбодрившись и тепло улыбнувшись ей. Его руки тут же слетели с моих плеч. — Сэра, ты можешь идти, мне уже намного лучше, спасибо.

Медленно поднявшись, я мельком кивнула и, пробормотав что-то на прощание, постаралась поскорее выйти из зала, по дуге обходя старую подругу, от которой буквально веяло то ли ревностью к королю, то ли ненавистью ко мне.

— Серафина!

В собравшейся у дверей зала толпе я вдруг услышала голос Карвена и, двинувшись навстречу, чуть не ткнулась носом в его грудь.

— Джозеф? Откуда вы здесь?

— Вы не явились домой вчера, мне пришлось вас искать.

— Ой, простите, что заставила волноваться. Я всё расскажу позже, это был тяжелый день.

— Уже знаю, идем, нас ждет машина, тебе пора немного отдохнуть.

Поддерживая под локоть, Джозеф увел меня из дворца, стараясь идти как можно быстрее, но не настолько, чтобы я запнулась на ступеньке или растянулась на пороге. Он выглядел хмурым, безумно сосредоточенным, сдвинув брови, но не злым.

— Леди Серафина! Леди!

Резко остановившись у злополучной кухни, где так невыносимо вкусно пахли остатки завтрака и заготовки на обед, я увидела, как ко мне бежит знакомая мне работница, покрасневшись и прижимая к груди сверток из вощенной бумаги. Ее пшеничные локоны выбились из-под косынки и торчали мягким ореолом у лица, а глаза, блестящие и будто бы светящиеся изнутри, смотрели на меня, как на ожившую святыню.

— Спасибо, спасибо огромное, я за вас буду молиться.

Теплый, пышущий корицей с яблоками сверток тут же переключался в мои руки, и вместе с тем розовые мягкие губы мимолетно коснулись щеки, выразив крайнюю степень благодарности. Смутившись, я хотела было что-то ответить, но под недобрый взглядом Джозефа кухарка не стала задерживаться и быстро вернулась к работе, оставив после себя только легкий аромат мыла, розовой воды и свежей выпечки. Мне ничего не оставалось, кроме как продолжить путь на улицу.

Миновав остаток коридора и дубовые двери, мы оказались рядом с новеньким, блестящим авто с именной витиеватой «К» на дверце. Водитель, как я успела мельком заметить, тоже был мне еще незнаком. Сев внутрь, я наконец-то смогла хоть немного расслабиться, жалея, что не могу прямо сейчас закинуть ноги на сидение. Машина тут же двинулась к выезду с территории замка, мы с Карвеном оказались в относительной безопасности, но заговорил он, только когда за окнами промелькнул первый квартал близ королевской обители.

— Почему вы не послали сразу за мной в город?

— Я какое-то время провела без сознания, а охранники, увы, не были настолько добры, чтобы выслушать меня. Честно говоря, создалось ощущение, будто нас специально запрятали как можно дальше, чтобы позже случайно забыть.

Поджав губы, Джозеф серьезно посмотрел на меня и кивнул, отвернувшись к стеклу и огладив свою темную, с небольшими вкраплениями седины, бородку. Ощущая себя безумно неловко, я попыталась вновь оправдаться. Мне не приходило в голову, что Карвены могут действительно переживать за гостью.

— Простите, я заставила вас поволноваться и отняла время. Честно говоря, я даже не ожидала, что я могу принести столько неудобств и наверняка отвлекла вас от работы.

— Ничего, вы в этом не виноваты, на вашем месте, встретив этого медведя, я поступил бы точно так же, но...

— Но?

— Энн плохо себя чувствует с утра, я не хотел бы отлучаться надолго от нее.

В груди словно повеяло холодом, дурное, отвратительное предчувствие шевельнулось где-то на краю сознания.

— Что-то случилось?

— Не знаю, не должно было, но сегодня она вышла на завтрак бледной и такой уставшей, будто не спала вовсе.

— Вы вызывали врача?

— Да, он не сказал ничего определенного и предложил есть больше фруктов и красного мяса, но Энн и без того хорошо питается, мы следим за ее здоровьем, и даже, простите, некоторые женские недомогания у нее проходят обычно легко.

Опустив глаза, я припомнила свою последнюю встречу с девочкой, она была жутко рассеяна и словно не выпалась, но ее щеки были еще розовыми, а взгляд блестел, стоило ей чуточку взбодриться. Что могло произойти буквально за день?

— Причину не уточнили?

— Нет, мы продолжаем наблюдения и пока оставили ее дома.

— А вчера она посещала школу?

— Да, хотя после занятий она задержалась, сославшись на слабость. К сожалению, оборудование новой машины не позволило мне забрать ее самому.

Сцепив руки в замок, я попыталась прогнать волну стыда, затопившую меня при одном только предположении, что беды Энн могли случиться из-за ее нового друга. С другой стороны, что такого нужно сделать, чтобы она слегла от усталости?

Ни одной мало-мальски приличной идеи в голове не было, и саму девочку спрашивать о таком было крайне неудобно.

— Что ж, тогда, может, в родных стенах под присмотром ей действительно будет лучше.

Через каких-то полчаса я вновь оказалась в своей временной спальне и смогла наконец-то принять душ, привести себя в порядок и впервые за два дня пообедать. Время завтрака к этому моменту, увы, уже прошло.

Только тогда, устроившись в объемном, мягком кресле у окна и достав старые записи Джозефа, я смогла обдумать произошедшее за чаем с подаренными пирожками. Глаза лениво следили за строчками формул и выводов, дополнениями на полях, пока голова отчаянно работала над сопоставлением фактов.

Едва ли нападение медведя вчера было подстроеным, никто не мог знать, что я брошусь помогать, но стража очень лихо подросла и точно знала, кого нужно припрятать в тюрьму. Будто они заранее готовы были обвинить меня во всех смертных грехах, и, видимо, у них было для этого особое расположение, и не от кого-то, а от Мирры, о чем они не стеснялись сказать. Сияющая королева страсть как меня не любит, при чем даже не скрывает это, несмотря на нужду мужа, но готова ли она действительно просто наблюдать, как Авель страдает? Может, у нее был свой план по его спасению? Навряд ли, учитывая, что я всё же заняла свою должность. Более крайнего варианта, чем вмешательство некроманта, и придумать сложно.

Перелистнув пару страниц, я заметила, что помимо обычных аккуратных записей в дневниках наблюдений, Карвен оставил дополнительные заметки на полях неровным, кривоватым подчеркиком, будто он спешил что-то отметить для себя. Пытаясь разобрать их, я продолжила свою мысль относительно Мирры.

В случае смерти короля она ведь не станет единоличной правительницей? Даже учитывая сына.

Не станет, но, возможно, у нее есть помощник на примете, хотя, как говорила Уна, королева не очень-то интересуется политикой.

Она и без этого может жаждать власти. Это не значит, что она будет править или исполнять обязанности, скорее только использовать имеющиеся возможности в своих целях.

Стоит за ней присмотреть?

Нет, лучше держись подальше и не давай поводов для ревности. Чем сильнее ты будешь нервировать Мирру, тем выше шанс оказаться в изгнании. Ты не сможешь выполнить задание, если тебя перестанут пускать в замок.

Черт...

На следующей странице глаз зацепился за ряд магических формул. Они занимали несколько строк, шли одна за другой, но при этом почти все были перечеркнуты, кроме двух странных символов и невнятной подписи к ним. Формулы состояли из двух параллельных столбцов; над одним был начертано название «Восходящий узел», а над вторым «Нисходящий узел». Заклинания или определенный порядок слов для призыва сил повторяли друг друга, но с переставленными строками и слогами. Исключение составляли последние несовпадающие строки и оставленное неизменным имя Йог-Сотот, не встречаемое мной ранее.

Хмуря брови, я раз за разом перечитывала про себя эти странные формулы, но понять их не получалось, а на ближайших листках не было никакой расшифровки этих знаний. Будто часть страниц из дневника исчезли, или какими-то выводами Джозеф не торопился поделиться даже с бумагой.

Крайне озадаченно я постаралась продолжить чтение, отмечая смысл формул, но записи становились все более отрывистыми и хаотичными, словно владелец писал мысли на ходу, как придется. Единственная более-менее вменяемая часть текста оставляла еще больше вопросов.

«...подобным же способом из основных Солей, содержащихся в человеческом прахе, философ может, не прибегая к запретной Некромантии, воссоздать форму любого усопшего предка, где бы его тело погребено не было...»

Соли из праха? Воссоздание формы? То есть тела, получается?

Пустой оболочки, я полагаю, все души после смерти переходят Мундусу, а то, что описано здесь, похоже на давнюю мечту Герберта Уэста о разговорах с мертвецами. Ни одни подобные опыты не могут вернуть саму жизнь.

— Больше похоже на бред, но стоит об этом спросить Карвена.

Захлопнув дневник, я поднялась с кресла, размявшись и проверив остатки в чайнике. Безумно вкусные пирожки улетели вмиг, но в комнате все еще витал их аромат вперемешку с запахом чая с чабрецом. Насколько могла, я воссоздала ту смесь, что делала мне дома Аван по вечерам, к ужину, для отдыха и успокоения после тренировок. Сейчас даже такое простое напоминание о Кадате разливалось теплом где-то в груди. Будто я действительно ощущала поддержку Блэквудов.

Интересно, повторятся ли когда-нибудь подобные тихие вечера, когда я, уставшая до изнеможения, мокрая после ванной, могла просто молча посидеть с Аван на кухне, наблюдая, как покачиваются на ветру кусты лиловых гортензий во дворе.

Машинально повернувшись к окну, я встретила взглядом решетку, затянутую мелкими красными бутонами роз, а за ней — мельтешение фигур у стен. Несколько рабочих несли огромные мешки удобрений в сторону сада. На светлой упаковке, разрисованной словно акварелью, под гибкими стеблями цветастых лилий и ирисов изящным, округлым шрифтом было выведено «Великолепное средство Аластора Кейн. Ваш сад в надежных руках».

— Серафина, я могу вас попросить?

Только сейчас, внизу, чуть поодаль от мужчин, я заметила Элизу в своем любимом садовом фартуке с просторными карманами и перчатками наперевес. Она сверлила меня

тяжелым взглядом, лишь изредка отвлекаясь на рабочих, и явно была чем-то недовольна, сведя брови к переносице и поджимая губы. Мне невольно захотелось вжать голову в плечи.

— Да, леди Карвен?

— Воздержитесь, пожалуйста, от прогулок по саду, хотя бы на неделю или две.

— Что-то случилось?

— Можно и так сказать.

— Хорошо, как скажете, но можно хотя бы посещать беседку на краю двора?

— М-м, да, пожалуй, там вы не можете помешать.

— Спасибо.

Желая поскорее скрыться с глаз Элизы, я тут же отступила вглубь спальни. Не хотелось попасть под горячую руку, да и присутствие некромантки, видимо, чем-то тяготило хозяйку дома. Осталось понять, чем. Подхватив поднос и последний прочитанный дневник с записями Карвена, я вышла из комнаты и направилась на кухню, поглядывая за творящимся дома. Горничные снова нервно перешептывались меж собой, но теперь вскользь, пересекаясь в коридорах и обмениваясь поручениями так же часто, как и сплетнями.

— Мне еще портьеры в гостиной остались...

— Ты видела? Видела следы под окнами? Может, кто-то специально спугнул брауни.

— Типун тебе на язык, помолчи и займись хрусталем, пока хозяйка не услышала твои глупости.

Остановившись, я только рот успела открыть, как девушки тут же разбежались по делам, будто лишний раз специально обходя меня стороной и не задерживаясь поблизости. Спросить о происходящем было решительно не у кого. Я снова ощутила себя так же беспомощно и нелепо, как тогда, посередине дороги, у разбитой машины, невидимая для прохожих.

— Да чтоб вас.

Оглянувшись, я продолжила путь и всё же вернула посуду на кухню. Миниатюрная кухарка, что-то помешивающая в большой кастрюле на плите, лишь мельком посмотрела на меня и вновь уткнулась в книгу рецептов, показательно водя пальчиком по строчкам. Не желая отвлекать ее, я не стала задерживаться, понадеявшись всё же поймать кого-то из домочадцев в гостиной или прихожей. К моему вящему изумлению это даже получилось, у лестницы на второй этаж я успела пересечься с Энн. Девочка зябко куталась в шерстяную шаль и выглядела несколько бледной и напряженной, но при виде меня она не попыталась сбежать и встретила относительно приветливо.

— Леди Серафина, я слышала у вас были проблемы. Вы не ночевали дома.

— Да, но это уже в прошлом.

— Мама говорила, что вы нарушили закон, использовав запретную магию.

— Можно и так сказать, но можете не переживать, король дал мне свое официальное разрешение в пользовании некрсом.

— Вы хотите кого-то убить?

— Нет конечно, только защитить себя как в случае с поездкой в порт.

Стоя на первой ступеньке, Энн внимательно смотрела на меня и постепенно оттаивала, будто бы удостоверившись, что я не планирую уничтожить парочку кварталов. Мне все больше казалось, что ее предвзятое отношение лишь результат общения с кем-то из взрослых и, вероятнее всего, с Элизой.

— Энн, я слышала тебе нездоровится.

— Пустяки, родители раздувают из мухи слона.

— Надеюсь это так, но всё же странно, что так много неприятностей свалилось буквально за пару дней. Пропажа фейри и...

— Это никак не связано!

Энн поджала губы в точности как мать и, отвернувшись, пробежала по ступенькам вверх, считая разговор оконченным. Выдохнув, я проводила ее взглядом, чувствуя, что попала прямо в точку. Маленькая хозяйка наверняка знала, как именно связано всё происходящее в доме.

Помявшись у лестницы, я дождалась, пока наверху хлопнет дверь, и хотела было тоже подняться к себе, но за спиной послышались шаги и знакомые голоса.

— Не ожидал, что вы привезете заказ сами.

— О, памятуя о недавних событиях, я хотел бы удостовериться, что у вас всё в порядке. Увы, хоть роль советника и не досталась мне после смерти отца, но в рамках собственной фирмы я привык заботиться о клиентах.

Повернувшись к выходу из дома, я застала появление Аластора и Джозефа на пороге и, кажется, была озадачена появлением гостя так же сильно, как и глава семьи. В голове всполошенной птицей пронеслась мысль, что, возможно, мне стоит уйти и не мешать общению, но Кейн, натянув дружелюбную улыбку, целенаправленно двинулся ко мне, кивнув в знак приветствия еще из прихожей, пока Карвен следовал за ним на полшага позади, послушно отчитываясь.

— Благодарю за оказанное внимание, к сожалению, водитель всё еще не найден.

— Полагаю, он трусит, не судите его строго, это был действительно вопиющий случай.

— И тем не менее, нашим гостям было во много раз хуже.

Аластор остановился рядом, в полупоклоне выжидающе посмотрев на меня. С запозданием я протянула руку, чтобы гость мог мимолетно прикоснуться губами к тыльной стороне ладони.

— Леди Серафина, рад снова вас видеть, надеюсь, вы уже оправились от потрясения. Я надо сказать, предлагал Джозефу для вас выкупить отдельную машину, пошире и посвободнее, чтобы стены не давили на вас.

— Не стоит, я уже в полном порядке.

— Счастлив это слышать. Как вам первые дни в Санктуме?

Не сдержав вдоха, я постаралась подобрать наиболее корректное определение.

— Насыщенно.

— Понимаю, незнакомый город всегда таит незнакомые приключения.

— Можно и так сказать. А вы приехали вместе с удобрениями?

— Скорее удобрения со мной.

— А, ну да. Не подскажите, что в них великолепного? Я была весьма наслышана, но не понимаю, отчего так много шума.

Джозеф, сверкнув на меня глазами, вновь вклинился в разговор, словно остро наточенный нож в податливую древесину ели.

— Сэра, это невежливо.

Гость, наоборот, просияв и приосанившись, будто приготовился продать публике годовой запас товара по двойной цене. По одному этому виду можно было сказать, что торгаш своего точно не упустит и, вытянув все накопления клиентов, получит в качестве чаевых еще и бесконечную благодарность за это.

— Ну что вы, Джозеф, я всегда готов похвастать своими достижениями, тем более, что мой ассортимент не представлен в Сомне. Никогда не задумывался о надобности, но теперь вижу это дикое упущение, — опершись на витую ручку лестницы, Аластор продолжил тоном профессионального оратора: — Я готов сообщить по секрету всему свету о том, что главный неотъемлемый, эффективный компонент моих удобрений, это всего-навсего зола! Забавно, не правда ли? Какая-то мелочь, сор из каминов, отход из котелен, хозяйки редко обращают внимание на нее, а именитые агрономы отдают предпочтение новомодному гуано, но все же зола в моих удобрениях есть и остаётся самым верным помощником в саду, знаете почему?

— Даже представить сложно.

— Такой золы, как у меня, нет ни в одном костре или камине! Ха! Она собирается от сожженных деревьев, что росли близ месторождения божественной крови. Вы только представьте это! Корни местных исполинов веками копили в себе природную магию, и, будучи верным образом переработанными, они готовы поделиться накопленными силами с нашими садовыми любимцами.

Поднявшись на ступеньку выше гостя, я добавила с долей скепсиса.

— Это ж сколько деревьев уходит на сожжение.

— Не так много, как кажется, концентрация веществ тоже важна. Избыток магии влияет так же негативно, как и ее недостаток. Кстати об этом, а с какой бедой столкнулись вы, Джозеф? Интересуюсь только для себя, в качестве мониторинга болезней и вредителей в районах.

Сквозь маску сдержанности и меланхоличного безразличия Карвена начала проглядывать откровенная усталость. Ответил он чуть с задержкой, будто до конца не решаясь поделиться с Кейном интересующей его информацией.

— С цветами у нас всё в порядке, проблема возникла с фейри, они неожиданно пропали из сада. Элиза крайне переживает по этому поводу и перепробовала уже все... гм... народные методы.

— Ах, маленький народец, понимаю-понимаю. Насколько помню, ваша супруга рано лишилась своего божественного дара, жуткая потеря, а без помощников и магии уход за таким большим домом представляется поистине страшным испытанием для хозяйки.

— Мне кажется, вы забываете, что сила Элизы была темной. Это не было лишением, скорее избавлением.

— Ох, извините, я понимаю вас, но, честно сказать, не поддерживаю подобные разделения. Магия, как и искусство, должна развиваться без ограничений спектра, иначе это всё равно, что рисовать все картины только одним тоном краски.

Я с удивлением проследила, как Аластор подмигнул мне, лукаво улыбнувшись, и вновь продолжил разговор с Джозефом.

— Но, смею заверить, мои удобрения приходятся по душе даже фейри.

— Да. Надеюсь. Я был наслышан об их действии. Задержитесь у нас на чай? Элиза наверняка захочет с вами обсудить покупку.

— Конечно! Я всегда готов поговорить о своей работе. О, вы бы только знали, как сильно надоел подчинённым. Один из моих самых приближенных помощников сейчас вовсе отказывается поддерживать со мной диалог дольше десяти минут. Даже специально время засекает!

— И вы позволяете подобное?

— Сущие мелочи, я ему слишком многим обязан, а его знания поистине бесценны.

Гость вновь кивнул мне, на этот раз прощаясь, и направился с Каверном в сторону гостиной. Где-то рядом хлопнула дверь в сад. Несколько ошарашенная диалогом я поспешила подняться к себе, раздумывая о неожиданной симпатии Аластора к темным и ко мне, в частности.

Старые обиды

На новый урок король пригласил меня только через неделю, заранее отправив посыльного с точной датой и местом встречи. К этому времени Энн уже пошла на поправку под чутким присмотром родителей и докторов, а я успела немного изучить окрестности дома, обнаружив на соседней улице лавку Макдоннелл, с аккуратными жестяными коробками кофейных зерен на полках из темного дерева. Внутри за стойкой маячил консультант, поочередно показывая клиентке сорта, чуть дальше в глубине зала зерна жарились и мололись вручную, на виду у покупателей. На небольших пакетиках из вощенной бумаги от руки писались названия сорта или сбора, а к горловине цеплялась готовая инструкция: как именно и с чем можно варить кофе. На симпатичных плакатах у магазинчика я узнала свою случайную знакомую на балу, художник удачно показал открытую улыбку Уны и ее лукавый взгляд. Золотистые вихры торчали из-под шляпки, румянец на щеках придавал кокетства, тонкие пальчики, обтянутые белоснежными перчатками, держали утонченную фарфоровую чашечку полную темно-коричневого напитка, исходящего паром. В лавку быстро зашел прохожий, на миг выпустив на улицу яркий запах мускатного ореха, апельсина, корицы и, конечно же, кофе. Душа требовала зайти и взять хотя бы что-то на пробу, но время поджимало, нужно было вернуться к дому до того, как за мной приедет машина из замка.

Потоптавшись на пороге и нервно стукнув стальным наконечником трости о тротуар, я развернулась и отправилась в обратный путь через небольшой сквер на углу улицы, где под сенью падуба на изогнутых скамейках отдыхали люди. Из окна ближайшего дома играла музыка, слов было не разобрать, но звук походил на знакомые мне композиции оркестра Гленна Миллера, из-за чего создавалось ощущение, будто я попала то ли в мультфильмы раннего Диснея, то ли в «Особняк Красная роза» Стивена Кинга. Во всяком случае окружающие выглядели весьма идилично: две подружки в прямых элегантных платьях с заниженной талией и только входящими в моду короткими стрижками щебетали между собой, обсуждая какого-то кавалера-южанина, группа мужчин, с виду простых рабочих, в плотных и будто чуть великоватых им костюмах обменивались сигаретами, пока один из них хвастался новыми наручными часами. Я со своей монстрообразной тростью и мрачноватым псевдовикторианским стилем на общем фоне выглядела так, словно сбежала из фильма Тима Бертона. Каин честно пытался добиться от швей более современного варианта одежды, чтобы мне было комфортно у светлых, но целестинские модельеры уже успели шагнуть в новую эпоху, а я всё осталась иной и непохожей на других. Посматривая на местные витрины с нарочито андрогинными силуэтами, я была даже благодарна за такую оплошность.

Город утопал в зелени, отражался солнечными зайчиками в стекле огромных витрин, блестел ажурными арками плетистых роз, дышал праздником и благоухал цветами на многочисленных клумбах, пока я старалась держаться в тени и недовольно шурилась от яркости города.

— Леди Серафина! Я как раз за вами.

Оказавшись на подъездной дорожке дома, я и шагу не успела ступить ко входу, когда меня окликнул знакомый водитель. В своем белом костюме, с поблескивающей у высокой горловины пиджака вышивкой, он был мне поистине противен, светясь в десятки раз ярче,

чем любой другой прохожий. Поморщившись, я невольно втянула голову в плечи и разве что не зашипела, чувствуя, как начинают ныть глаза.

— О, уже, я думала, что успею зайти домой за блокнотом и ручкой.

— Не стоит, если нужно, король всё выдаст вам и так, не переживайте.

— Х-хорошо.

Дверь авто, припаркованного в тени вяза, тут же открылась, водитель улыбнулся и протянул мне руку.

— Надеюсь, сегодня вы всё же дойдете до места встречи с господином.

— Если не найдется дел поважнее.

Опершись на чужую ладонь, я забралась внутрь машины и, сев на диван, позволила себе расслабиться. Между тем, пальцы словно сами потянулись к шторам на окнах, желая спрятаться от чужого внимания и оставить в салоне приятный полумрак. На улице всего на мгновение мелькнул удаляющийся дом Карвенов, прежде чем плотная ткань закрыла мне обзор.

Водитель, выезжая на главную дорогу, чуть повернулся ко мне, не сводя взгляда с пути.

— Разрешите поинтересоваться, как вы себя чувствуете? Прошлый визит не доставил серьезных проблем?

— Все в порядке, но повторять не хотелось бы.

— Если вы не против, я провожу вас до места встречи.

— Если это нужно.

— Только мне, за вашу своевременную доставку я отвечаю головой.

Я не смогла сдержать улыбки, хоть и искренне посочувствовала его роли. Да, неделю назад всё вышло крайне неловко.

— Сильно досталось?

— Я отговорился тем, что не обязан был вести вас до кабинета, но во второй раз, боюсь, это не сработает.

— Понимаю, что ж, так и быть, мне придется появиться вовремя на встрече с королем.

— Я ценю вашу жертву.

— Не стоит, я лишь надеюсь, что мне не каждую неделю будут попадаться дамы в беде.

— Честно говоря, даже обидно, что вы не мужчина, в благодарных девицах не было бы отбоя.

— О, знаете, мне и так неплохо живется, спасенная кухарка угостила меня потрясающими пирожками.

— Искренне завидую, давно не баловал себя подобным.

За легкой беседой я и не заметила, как мы въехали на хозяйственный двор, а оказавшись на пороге замка, даже пожалела о том, что не могу еще хотя бы пару часиков просто посидеть в машине, болтая с водителем и желательно всё же посматривая на столицу в окно. Вокруг вновь сновали рабочие, на кухне в столовой собралась пересмена охраны, а я едва не пропустила нужный поворот, желая как и в прошлый раз подняться по лестнице к кабинету, но мой провожатый вовремя подхватил меня под локоть, уводя куда-то дальше, по галерее первого этажа. Я запоздало припомнила «сад пряных трав» как место встречи, обозначенное в письме пару дней назад.

— Вы очень ответственные.

— И не люблю наказания.

— Их никто не любит.

— Отнюдь, я бы поспорил, но мы уже пришли.

Миновав отдаленное и самое старое крыло замка, мы оказались на террасе, своими светлыми ступенями уходящей в аккуратный, словно по линейке построенный сад, от которого уже приятно тянуло лавандой и тимьяном. Успев обрадоваться пейзажу, я не сразу подметила отсутствие самого короля в этом чудном месте. Водитель отпустил мою руку и чуть поклонился.

— Господин скоро подойдет, а обратно я заберу вас сам. Если от запаха вдруг закружится голова, обязательно сообщите, но, надеюсь, вам понравится здесь.

— Благодарю, вы крайне любезны.

— Даже чересчур. Финиан, ты же был в Кадате, неужели тебе там было мало девок? Или не досталось тогда?

Непроизвольно вздрогнув от нового голоса, оказавшегося совсем рядом, я резко повернулась к говорящему: на вид ничем не примечательный министр или граф, хотя лицо на миг показалось знакомым. Подтянутый, невысокий, невыразительной внешности лет пятидесяти, мимо такого пройдешь и не заметишь, и лишь самодовольная улыбка привлекала внимание, как и помои, что сплошным потоком неслись из размыкаемых губ.

— Не понимаю, о чем вы, и впредь попрошу воздержаться от подобных высказываний, господин Фоули.

— Не дорос еще, чтобы мне указывать, пошел вон отсюда.

Финиан сжал челюсть, но промолчал, вновь склонив голову передо мной. Силы были неравны, одного взгляда хватило бы, чтобы отметить дорогие украшения, новый костюм и холеное лицо «министра». Водитель ушел, оставив нас наедине, а мое сознание разрывалось между двумя равноценно важными мыслями.

Фоули. Где-то я уже слышала эту фамилию.

Девушки Кадата? О чем-то таком говорила мне Ив, когда проверяла то, что осталось от моей прошлой жизни.

«...после войны мы имеем полно материала для исследований... Некоторые из женщин даже специально остаются работать здесь, в надежде помочь себе или другим...»

Глаза предательски защипало, металлический набалдашник трости предупредительно нагрелся под ладонью. Мне потребовались все моральные силы, чтобы медленно выдохнуть и нацепить на лицо подобие ухмылки.

— Фоули, говорите? А Тристан случайно не был вашим сыном?

Мужчина рядом почти незаметно напрягся, его брови грозно сошлись на переносице.

— Был.

— Какая жалость, что он так рано и скоропостижно скончался.

Я не смогла сдержать улыбку на лице, вложив в свой голос столько яда, сколько было в том злополучном яблоке на званом ужине в поместье Блэквудов. Мне показалось в высшей степени милосердным сдержать свое ехидство, вспоминая незадачливого интенданта стражи, захлебнувшегося собственной рвотой под хозяйкой борделя, а потому я, больше не стесняясь, расправила плечи и полностью развернулась к министру.

— Говорят, если вести беспорядочные половые связи, можно сильно заболеть и неприлично рано сдохнуть. Соболезную вам, господин Фоули, надеюсь, у вас был запасной сын.

Всего какую-то секунду министр стоял на месте, переваривая сказанное мной, но не успела я и глазом моргнуть, как он оказался рядом, дернув к себе за воротник жилетки.

— А ну-ка повтори, дрянь! Повтори, что ты сказала! Мало я таких шлюх, как ты, голыми руками передушил, нужно было больше.

— Не расскажете об этом подробнее, Фоули?

Спокойный и вкрадчивый голос Авеля прозвучал тихо, но его невозможно было не услышать. Фоули, словно закаменев, нерешительно разжал ладонь. Я не шелохнулась, хоть и готова была подхватить трость для своего фирменного удара, успел бы он мне навредить или нет, было неважно, абсолютное моральное удовлетворение я получила уже от признания министра. Интересно было, какотреагирует король на это.

— Мой король, я лишь исполнял свой долг в военное время.

— Правда? Что-то говорит мне о другом.

— Солар упаси вам врать, готов поклясться, что от моей руки не пала ни одна невинная некромантка.

К горлу подкатила неприятная тошнота. Что именно он подразумевает под словом «невинная»? Почему король вообще медлит?

— Авель...

— Хорошо, я понял тебя. Иди.

Фоули раскланялся и тут же скользнул за стены замка, скрывшись от моих глаз. Потеряв дар речи от такой наглости, я не могла поверить своим ушам и глазам. Душу отчаянно жгла месть и ненависть, и не знала, что из них больше. Авель, усталый и какой-то отчужденный, окинул меня равнодушным взглядом и отвернулся, направившись с террасы в сторону сада.

— Ты правда ему поверил? Seriously?

— С чего ты это решила?

— Но ты отпустил его.

— А должен был убить на месте?

Поджав губы, я осталась стоять на месте, наблюдая, как Авель спускается по ступеням. Невольно захотелось чуть вздернуть подбородок, чтобы наблюдать за королем свысока, как это обычно делал Ньярл, пока бесновался его подопечный.

Нет ни единой причины оставить его в живых.

Я жалею, что не могу это сделать сейчас.

Будто почуяв неладное, Авель остановился на последней ступени и обернулся ко мне, протянув ладонь.

— Ты заставляешь меня ждать.

— Я не собираюсь помогать вам, пока вы не объясните свой поступок.

— Что я должен тебе объяснить?

— Почему вы защищаете этого подонка.

— У меня нет доказательств для суда, его делом займутся специально обученные люди, — король, не опуская руку, строго взглянул на меня. Я видела, как быстро тает его терпение. — Или вы собрались собственноручно наказывать каждого, кто вам не нравится?

— По мне это вполне справедливо, учитывая, в чем именно признался Фоули.

— А мне кажется, что вы здесь не для разборок на кулаках, а для моего обучения.

Напряжение, охватившее меня, постепенно спало, позволив всё же пройти навстречу Авелю и вложить в его ладонь свою.

— Он успеет уйти, и к тому же, какие доказательства вам нужны, вы же король.

— Сэра, прекрати мне выкать, я уже понял, что ты недовольна, но даже полномочия короля не дают права убивать подданных без суда и следствия.

— Твой отец с тобой бы поспорил.

— Именно потому я не желаю стать похожим на него.

Еще одна марионетка министров.

Король невесомо прикоснулся губами к моей руке и положил ее себе на локоть. Не дожидаясь моего ответа, он продолжил говорить, направившись вглубь ароматного сада.

— Ты уже единожды была под стражей, неужели тебя это ничему не научило? К чему ты лезешь на рожон?

— А с чего бы я должна молчать и просто наблюдать? То есть нужно было просто оставить кухарку наедине с пьяным оборотнем, а министра просто слушать и кивать, когда он буквально признается в преступлении?

— Нужно быть умнее и звать стражу, или использовать информацию в своих целях.

— И ни за что не бить в ответ. Да, хорошая тактика. В последний раз она мне обошлась синяками и выданным клоком волос, а Каину и Таранису множеством царапин от стекла, потому что мы не имели права отбиваться от стаи рабочих, что решили меня убить.

Мы резко остановились где-то близ клумб тимьяна. Запах трав быстро наполнил легкие и будто бы слегка опьянил. В сочетании с почти летним теплом и легкой дрожью после всплеска злости я чувствовала себя словно в муторном, неприятном сне, из которого не было пути к пробуждению.

— О чем ты?

— Ты правда не знаешь? Ох, не зря говорят, что ты вообще не контролируешь свое королевство, даже столицу.

Резко вцепившись в мою кисть, Авель потянул меня вперед, к аркам благоухающих, сливочного цвета роз, за которыми вдруг открылась светлая, поистине прекрасная беседка с ажурной решеткой и покрывалом алых листьев винограда.

Узнав это место, я захотела повернуть назад и сбежать отсюда как можно скорее. Сознание Ньярла вспыхнуло болью и сожалением. Едва держась на ногах, я села за стол, мысленно поблагодарив богов за то, что передом ной не оказалось чайника с парой чашек.

— Теперь объясни по порядку. Что произошло?

— Когда я провожала отца в порт, на нас напали рабочие, они выглядели как обычные прохожие. Перевернули машину, выбили окна и попытались нас убить. Водитель сбежал и его до сих пор не нашли.

— Мне никто это не говорил.

— Видимо, это было недостойно твоего внимания.

— Не ёрничай, я правда не всё могу контролировать и физически не могу заниматься сразу всеми проблемами королевства. Для этого и есть министры.

— Да, я заметила, какие люди работают под твоим началом.

— Это исключение.

— Правда, что ли? А если я копну еще чуть глубже?

Не в силах усидеть на месте, Авель принялся ходить взад-вперед по беседке, потирая между пальцев случайно сорванный стебель тимьяна. Сиреневые цветки-звездочки печально слетали на пол, незамеченные хозяином.

— Ты меня просил рассказать о некромантах, и я расскажу тебе, какой позиции придерживался Ньярл: подобные личности, как Фоули, после своих преступлений не заслуживают высокого звания «человека», и их ценность не выше куска мяса на рынке. Ты же знаешь, что в Сомне не было тюрем? Вместо них был алтарь, и за вредительство человек

обязан был жертвовать кровью или плотью, чтобы возместить ущерб и быть хоть в чем-то полезным окружающим.

— Меня всегда поражало потребительское отношение некромантов к чужому телу.

— О-о-о, ну давай, расскажи мне о потребительском отношении, король страны, где половина жителей воспринимается не более чем удобной мебелью.

— Что?

— Женщины, я о женщинах, неужели не приходило в голову, что им не нужен надзиратель в течении жизни? Даже вдовы могут распоряжаться своим кошельком и свободой только в исключительных случаях.

— Ты перевираешь факты, это сделано только для их блага.

— О да, я заметила. Даже удивительно, отчего им в Сомне не нужна такая забота и благо.

Авель остановился, отбросив остаток измочаленного стебля. Он хотел было открыть рот, но в последний момент промолчал, хотя его лицо выглядело красноречивее слов.

— Если ты скажешь, что им пригодилась бы защита во время войны, я встану и уйду прямо сейчас.

— Нет, конечно, нет, я не имел это в виду.

Он отвернулся, будто попытавшись скрыть свои эмоции, но я успела разглядеть кривую усмешку в которой изогнулись его губы.

— Скорее я упомяну о том, что даже в мирное время ваши принципы и внимательность не помогли распознать шпиона в Эребе. Подумать только, как много времени он оставался рядом. Уверен, если бы за жизнью Аван лучше присматривал ее брат или покровитель, они не допустили бы такой оплошности.

От спины по телу прошла волна холода, мурашками пробежав по затылку. Ответа не находилось. Никакого. Ньярл вместо меня рвался наружу, словно ужаленный этой новостью, и, забрав, кажется, всю мою ненависть себе. С трудом разлепив губы, я заставила себя произнести хотя бы что-то. Голос звучал сипло, будто бы чужой.

— Что?

— Вы разве не из-за этого его казнили? Вы же объявили его предателем.

— По другой причине.

Спрятав дрожащие руки под столешницу, я почувствовала, что вот-вот разрыдаюсь. Ужас и такое бесконечное отчаяние легли на плечи, будто огромный отрезок моей жизни пропал впустую. Боги, что будет с Аван, когда она узнает? А с Герой и Ганимом? И даже с Момом, он вообще больше всех верил отцу и ненавидел светлых, выстраивая свою жизнь вокруг Эреба.

— Сэра?

— Думаю сегодняшний урок был вышел крайне продуктивным, мне пора домой.

— Я не отпускал вас.

— Хотите, чтобы я осталась? Вы уверены?

— Снова на «вы», Сэра, не всё же мне краснеть перед вами, темные тоже совершают ошибки.

— Вы называете «ошибкой» множество оборванных жизней и рождение трех детей от врага и обманщика.

Авель осекся, за пеленой слез я не видела его лица, но фигура разом ссутулилась, словно он действительно чувствовал неудобство из-за произошедшего.

— Я... не это имел в виду, и это не была моя идея. Его семья была отправлена в Сомну уже давно.

— Чтобы вы почувствовали, если бы я сказала, что ваш отец предатель, убийца и просто недостойный человек?

— Я бы вам не поверил и был рассержен.

— А если бы у меня нашлись доказательства?

Длинные, аккуратные пальцы огладили спинку стула в раздумье.

— Не знаю. Был бы расстроен. Очень сильно.

Я не смогла не улыбнуться, горько и грустно, как получилось. Ни о каком уроке не шло и речи. Этот день всё сильнее напоминал мне кошмарный сон, где среди прочих страхов неожиданно замешался новый, наиболее актуальный из всех: кого я отправила с Каином в Кадат? Еще одного шпиона?

— До встречи, Авель.

Я добралась до водителя как во сне и была крайне благодарна Финиану за понимание. Ему хватило лишь одного взгляда, чтобы отложить свое привычное игривое настроение и просто молча отвезти меня домой, не задавая лишних вопросов, даже когда я, съезжившись на заднем сидении, не смогла сдержать слёз. Закрыв лицо руками, я хотела выть на одной ноте, ощутив терзания Ньярла. Он бесновался в моем сознании, словно в адском котле, не в силах справиться с накатывающей злостью.

С самого начала, ещё тогда, больше полувека назад, он был против этого брака, был против того, чтобы Аван уходила из Храма, и теперь, получив подтверждение своим словам, он не мог не корить себя за то, что не был достаточно строг, чтобы избавиться от Эреба, когда он ещё не успел испортить так много.

Сердце разрывалось от одного только воспоминания о ночи, когда я увидела дражайшую тетю на кухне. Бесконечно уставшую, уязвимую и потерянную, будто в момент у нее выбили почву из-под ног.

Тебе нужно связаться с Каином как можно скорее и предупредить его.

Я знаю, но мне так не хочется.

В собственных глазах я была тем посланцем, которого стоило бы наказать за дурную весть. Мне нужно было передать информацию, это было безумно важно, но я никак не могла отделаться от чувства вины за ту боль, которую принесу Аван. Это было нечестно, на ее долю и так выпало слишком много бед.

Машина остановилась. За приоткрытым окном показался дом Карвенов. На миг я пожалела, что не могу сейчас же приказать Финиану продолжить путь и уехать так далеко, насколько это возможно, лишь бы не пришлось говорить с Блэквудами.

— Серафина, я могу чем-то помочь?

Водитель открыл дверцу, но не торопил меня, замерев в проеме. Я заметила в его глазах беспокойство, казалось, он честно хочет поддержать меня, проявить участие, и от этого стало еще более совестно.

Не моя это беда, не моя, и от этого только больней.

— Увы, нет.

— Тогда, если вам станет хоть чуточку легче, я могу пообещать вас выручить единожды, если вам нужно будет уехать куда-то в тайне от короля или министров.

— Мне кажется, это немного незаконно.

— Нет такого закона, который бы запретил помогать даме в беде.

Легким движением руки Финиан достал из нагрудного кармана платок, протянув его мне. Выглядел он при этом как заправский фокусник, доставший для ребенка конфету из уха. Я не смогла сдержать улыбки, вытирая глаза. Наверное, на таких людях держится любой мир, они умеют быть рядом и ненавязчиво выказывать внимание к чужой судьбе.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Собрав волю в кулак, я заставила себя выбраться из машины. От слёз разболелась голова, чувства Ньярла осели горечью на языке. Нестерпимо захотелось сладкого, спрятаться ото всех и немного побыть одной. Отдать управление моему второму я, залезть в ванну и выпить весь чай в доме. Начать план я решила с последнего.

Пользуясь возможностью, я заглянула на кухню и собрала на поднос тарелку мягкого розового зефира с малиновым запахом, фарфоровую чайную пару, чайник с бледными лилиями на боках и маленький белый молочник. Подхватив круглое серебряное блюдо с ручками в виде стеблей плюща, я вышла через заднюю дверь, во двор, и, не углубляясь в сад, прошла по краю участка, забравшись в самый дальний угол, где среди не слишком важных и любимых кустов барбариса и спиреи, затесалась старая беседка. Она была не чета той, королевской, из изящного воздушного металла, наоборот, здешняя ротонда была из дерева, выкрашенного белой, слегка облупившейся краской, а внутри нее разместился круглый простой стол и пара плетеных кресел с торчащими кое-где прутиками. Самое место для уединения, и едва ли кто-то еще решил бы заглянуть ко мне. Дом был почти полностью скрыт линией яблонь и зеленой изгородью, а вместо украшения по колоннам беседки взбирался простой сиреневый вьюнок, обычно выводимый из сада всеми правдами и неправдами как надоедливый сорняк.

Софи, не медли.

Я стараюсь.

Выпив первую чашку чая чуть ли не залпом, я выдохнула, как перед прыжком в воду, и прикоснулась к кулону на шее. Огромных трудов стоило произнести имя «отчима» и не отдернуть ладонь, как только в голове возник его тихий, чуть хриловатый голос.

— Что-то случилось Софи?

Без приветствий и лишних прелюдий, так, будто он уже чувствовал отголосок дурных новостей.

— Д-да, и нет... я... я была на уроке с Авелем.

— Так?

Из сознания выпали все знакомые слова, я будто забыла, как выражать свои мысли и строить предложения, вместо них воображение рисовало образ некроманта где-то в его кабинете на работе или дома в гостиной.

Я даже не представляла, как сильно соскучилась по Кадату и такому привычному, понятному злу как Каин.

— Софи, у меня не так много времени на разговоры.

— Знаю-знаю, это... Он случайно признался, что Эреб был предателем, его семью послали соглядатаями в Сомну еще при Адаме.

Послышался вздох, а за ним молчание. Отодвинув поднос, я положила голову на сложенные руки и, постепенно сгорая от стыда, стала гипнотизировать взглядом чуть трепещущие на ветру плоды барбариса.

— Каин?

— Это точно?

— Да, он сказал это только потому, что считал, что мы знаем.

— Ясно.

Теперь голос холодный, словно сталь и острый как наточенный клинок. Лишь тенью укора он мог бы сделать больно, но пока то ли щадил меня, то ли оттягивал момент. Пришлось уточнить.

— Таранис, он, наверное, тоже...

— Да, скорей всего.

Почему я просто не могу вычеркнуть из памяти тот вечер перед отъездом? Вернуться в прошлое и дать себе леца за эту идиотскую выходку. Также мне, сваха. Еще и полезла

целовать. Боже, дай мне провалиться на месте.

— Прости меня. Это было невероятно глупо.

— Не беспокойся, я с этим разберусь.

— Спасибо.

— Будь осторожна.

— Угу.

Кулон нагрелся, чуть обжигая кожу, и связь пропала. Закрыв лицо ладонями, я постучала головой об столешницу, для профилактики. Может и не стоит ближайšie пару лет возвращаться домой, я всё равно не смогу смотреть в глаза ни Каину, ни Аван.

Еще чаю?

И сладостей, много-много-много сладостей. Я хочу всё это заесть.

Ты сделала всё правильно, он сможет защитить сестру и поддержит ее, как и всегда. Это главное.

А что делать с Авелем? Если так продолжится, он умрет намного раньше положенного времени.

Это нельзя допустить. Без поддержки Каина и его воинов смерть короля бессмысленна. Тебе придется набраться терпения.

Может, ты будешь на уроках вместо меня? Я физически не могу промолчать, когда вижу ублюдков, как Фоули, это выше моих сил. Ненависть жжет меня изнутри, требует ответить, ударить, уничтожить. Как я могу сдерживать этот порыв, если вижу насилие, слышу насилие и в лицо получаю признание в нем. Это невозможно, просто невозможно, нереально, терпеть.

Я понимаю, но боюсь, мое поведение будет подозрительным, и, услышав что-то о некромантах, тоже поведу в спор.

Зажмурившись, я дождалась, пока за пеленой век исчезнет свет и прохладные сухие руки лягут на голову. Не глядя, я обняла Ньярла, уткнувшись в его хитон. На миг показалось, что носа почти коснулся запах старых книг, пыли и цветущих лилий с алтаря Храма, где когда-то погиб некромант. Рядом с ним я ощутила себя спокойно и легко, как ребенок под защитой заботливого родителя. Стоило сказать «я в домике» и спрятать лицо в складках ткани, чтобы ни одна проблема или человек больше не смогли до меня добраться.

— Вот бы так вечность просидеть.

— Успеешь еще. Если Луна не отпустит нас после этой жизни, мы еще немало времени проведем вместе.

Невольно вспомнился тот легкий поцелуй в камере и ласковый взгляд богини. Без сомнений не отпустит, оставит при себе, как личные «сокровища», но за это никак не получалось возненавидеть ее или даже просто разозлиться.

— Ты счастлив встрече с ней?

— Безумно, хоть и не могу сказать, что это меня это не тяготит.

Длинные пальцы мага зарылись в мои волосы, не спеша перебирая спутавшиеся пряди. Приоткрыв глаза, я наблюдала за тем, как локоны падают на плечи, и могла поклясться, что мысли в голове стали яснее, понятнее, будто смятенный разум кто-то хорошенько причесал.

— Ее внимание пугает.

— Понимаю и сам частенько думаю о том, что было бы без вмешательства богов. Может без них было бы лучше?

— Судя по моему миру — нет, не лучше. Люди без магии выдумывают себе идолов и поклоняются им, убивая друг друга и развязывая войны.

— Печально это слышать.

Распустив последний узелок, Ньярл мягко огладил свою работу и, наклонившись, поцеловал меня в макушку. Я чувствовала, что мне пора возвращаться в сад, как бы не хотелось остаться чуть дольше в чертогах разума.

— Спасибо.

— Я всегда рад помочь.

Темная комната, полная горящих свеч, истаяла, сменившись бабьим летом и остывшим чаем на столе. Где-то рядом, под боком, послышался тихий тонкий шепот множества голосов. Вздвогнув, я огляделась и заметила что-то, мелькнувшее в зарослях тимьяна и клевера у подножья беседки. Замерев, я попыталась не спугнуть неожиданных гостей и не смотреть на них в упор, оставив чуть размытые, неясные образы на краю обзора.

— Возле окна терновник проклюнулся, еще маленький, но через неделю уже кусаться начнет.

— Иглы такие длинные.

— Как у кустов на родине...

— Ах, бедный Аргиан...

— Такой был милый мальчик.

Звонкие, словно серебряные колокольчики, девичьи голоса доносились поблизости, но их хозяйки будто игнорировали меня, занимаясь своими делами, в то время как я забыла, как дышать. Боюсь, если Элиза узнает, что я спугнула ее фейри, она просто выгонит меня из дома. Слишком долго она возилась в саду с маленьким народцем.

— Бери-бери, она не помешает.

На моих глазах тонкая, словно кукольная, ручка обхватила ручку молочника и потащила к краю стола. Испугавшись за сохранность посуды, я решила открыть рот.

— Я могу в блюде налить, если нужно, и принести еще молока.

За спиной послышался смех и легчайшее дуновение ветра, будто от крыльев вспорхнувшей птицы. У стола показалось какое-то движение, и через мгновение я увидела худую, тонкокостную, изящную девочку с раскосыми, широко расставленными глазами-бусинами и по-детски округлым лицом. Ее взгляд был лукавым, недобрый, как и изгиб пухлых губ, из-за которых их хозяйка казалась чем-то обиженной. Зеленые короткие волосы накрывал венок из лобелий с вкраплениями крохотных ягод голубики. Фейри забрала молочник, но уходить не торопилась, будто наблюдая, не решу ли я забрать его обратно.

— Ты смешная.

— Правда?

— И глупая.

Я не нашла, что ответить. Девочку это позабавило. Обернувшись на подружек, она шикнула им в ответ на смешки. На миг показались края ее стрекозиных крыльев на спине. Заставив остальных замолчать, фейри вновь повернулась ко мне.

— Он придет сегодня ночью, не смей смыкать глаз, а не то всё пропустишь.

Алые губы растянулись в странной, неестественной улыбке, а еще спустя секунду они раздвинулись, оголив ровные ряды хищных, острых зубов, как у маленькой акулы. Последнее очарование слетело с лица ребенка, показав ее мне пугающим маленьким зверьком, готовым чуть что откусить мне руку. При виде открывшегося зрелища по спине пробежал холодок, волосы на затылке зашевелились. Фейри бросила взгляд в сторону дорожки к дому и тут же поспешила спрятаться под яблоней.

Не успела я выдохнуть, как у беседки послышались чужие шаги. Голос Элизы раздался неожиданно тихо и вкрадчиво.

— Пикси вернулись.

— Видимо, да, я не разбираюсь в них.

— Куда вам темным, хотя, насколько помню, на Саррубе своих чудес хватает.

— Да-а, есть такое.

Она поднялась по ступенькам, остановившись у края стола, но в мою сторону так и не посмотрела, нервно сжав в руках подол простого домашнего платья и впившись взглядом в заросли клевера.

— Что-то взяли?

— Молочник.

— Полный?

— Да.

— Это хорошо, это очень хорошо.

Стало безумно неловко перед хозяйкой, я ей была мало интересна, а пикси будто нарочно прятались от Элизы, не желая с ней пересекаться и специально заставляя ее нервничать. Наблюдая за тем, как сильно бывшая магичка хочет удержать в руках то единственное чудо, что у нее осталось, я наконец-то поняла слова Аластора при нашей последней встрече. Неважно какой дар был у человека, отбирать его жестоко, даже если это нужно, чтобы остаться жить у светлых.

Недолго думая, я стала собирать остатки чая и уже через минуту возвращалась по тропинке к дому, надеясь продолжить отдых в комнате. Элиза попрощалась со мной коротким кивком и, едва сев в кресло, попросила прислать горничных с новой порцией молока.

Взяв на вооружение случайное предупреждение пикси, я не стала ложиться спать и, после заката подхватив один из дневников Джозефа, забралась в кресло.

Очень не хватало музыки, хоть каких-то звуков, помимо обычного шума в саду с его шуршанием листьев, стрекотом насекомых, последними переговорами домашних и редким свистом ветра. Даже фейри перестали шептать, хотя их голоса и без того были едва различимы, напоминая больше возню мелкого зверья в высокой траве. В комнате стало тихо-тихо. Покой нарушали только дыхание и редкий шорох страниц дневника. В тексте Карвен больше не упоминал о соли, сводя все разговоры к историческим выдержкам и редким рассуждениям о важности математических формул для магии. Мне это было, мягко говоря, не близко и не понятно, скука постепенно овладевала разумом, переживания в течении дня отзывались сейчас ленью и усталостью во всем теле. Внимание то и дело соскальзывало с аккуратных строк, заставляя меня перечитывать одно и то же, без тени осознания происходящего.

В какой-то момент к тяжести собственного тела примешалось такое липкое, удушливое безразличие, запрещающее мне думать о том, почему собственно, я не должна уснуть прямо сейчас.

Какие мелочи, неужели я не заслужила немного отдыха?

День был таким тяжелым.

И глаза все еще болят после слёз.

А веки опухли и стали совсем неподъемными.

Милосердная тьма заботливо обняла меня, позволяя уронить голову на высокую мягкую спинку кресла. На пол что-то упало, но это уже не было важно. Запах летнего луга, спелых фруктов и соленого ветра поджидал меня за гранью сна, как и чужое приятное присутствие, казалось, еще чуть-чуть, и я почувствую тепло мягких рук, чьи-то ласковые объятья и редкое, подлинное умиротворение, всегда скрывавшееся где-то за гранью моего беспокойного мира.

На языке вертелось имя, я слышала о нем, но почти не использовала ранее. Сейчас оно миражом дрожало на краю сознания, и, потянувшись, я почти что вспомнила его в тот момент, когда сквозь пелену сна послышался стон Энн. Вздогнув, как от удара током, я тут же оказалась на ногах, а они в свою очередь сами понесли меня прочь из комнаты. За резко участившимся пульсом больше ничего не было слышно, но я словно нутром чувствовала, что происходит что-то ужасное.

Оказавшись возле двери в девичью спальню, я всего на долю секунды задумалась, а можно ли мне вообще в нее заглянуть. Прохладный сквозняк, лизнувший босые ноги, с легкостью развеял мои сомнения. Ладонь обхватила ручку и, провернув, толкнула дверь, открывая мне тревожную картину. Полупрозрачные белесые занавески взметнулись в воздух, будто испуганные призраки, распахнутое окно скрипнуло ставнями. Энн, откинув одеяло, тихо застонала в постели, словно от кошмара. Ее брови сошлись к переносице, слабый всхлип сорвался с губ. Она силилась заплакать, но сон не отпускал ее из своего плена, заставляя страдальчески ворочаться на простынях. Влажная челка прилипла к лбу, и без того бледное лицо в свете луны показалось совсем бескровным, и только на шее я заметила мелькнувшее пятно.

Нервы натянулись, словно стальная пружина, и огромных усилий стоило сделать шаг вперед, к девушке, приглядываясь к ее горлу. Пятно, замеченное ранее, исчезало прямо на глазах, как и ранки под ним. Дернувшись, будто деревянная марионетка, я почти упала на пол рядом с Энн и попыталась ее, мечущуюся, как при лихорадке, успокоить и обнять, надеясь, что ужас, терзавший ее сознание, сжалится и отпустит свою жертву.

— Почему он ушел... почему...

— Энн, тише-тише, успокойся.

— Оставил меня...

— Кто оставил? Что случилось?

Девушка пыталась выпутаться из моих рук, и все также не открывала глаз. В доме заскрипела лестница, кто-то явно торопился, поднимаясь по ней. Энн, словно вторя и без того пугающей ночи, вскрикнула и, застонав, почти разрыдалась.

— Алан... где Алан... где...

Застыв, словно изваяние, я как зачарованная наблюдала за угасающим плачем девушки. Ее слова стали неразборчивее, перешли в бессвязный шепот. Джозеф, возникший на пороге спальни, поджал губы, встревоженно вперив взгляд в дочь. Он был одет так же, как и днем, и по-видимому не спал всё это время, проводя время за книгами или может в лаборатории, где и без того прятался от домашних целыми днями.

— Что случилось?

— Не знаю, я проснулась, когда она вскрикнула. Пришла в комнату, а тут окно открыто, и Энн... не понимаю, что произошло.

— Позови Элизу и иди к себе.

— Хорошо, если что-то еще потребуется, говорите.

Отпустив плечи спящей, я с трудом поднялась с колен и осторожно, медленно

скользнула к выходу, чувствуя, как смятение напололам со стыдом терзают мою душу.

Нужно было рассказать о встрече с Аланом. Нужно было предупредить Карвеню, но предьявить парнишке было нечего, кроме того, что возможно, Энн сняться кошмары с ним. Следы на шее не в счет, они исчезли спустя минуту после моего появления, и доказать, что они мне не привиделись, я не могла.

Ньярл, ты знаешь что это было?

Мне не доводилось встречать такое ранее. Извини.

Очень жаль.

Пошатываясь на ослабевших ногах, я добралась до хозяйской спальни и чуть было не ввалилась как к себе домой, даже не постучав. Нормы и правила этикета в такие моменты, конечно, отсутствовали, но тряхти Элизу за плечи, бесцеремонно распахнув двери, было всё же слишком сейчас. Как в трансе, я подняла руку и постучалась. Пришлось подождать с минуту, пока на пороге не появится заспанная хозяйка, зябко кутающаяся в длинный тонкий халат.

— Серафина?

— С Энн что-то случилось.

Формулировка, конечно, вышла отменная, самое то, чтобы за доли секунд вогнать мать в панику из-за страха за свое дитя, но других слов не нашлось. Я действительно понятия не имела, а что собственно произошло, и почему девушке было плохо. При виде округлившихся глаз Элизы волна стыда начала пересиливать первый испуг и недоумение. Хозяйка единым движением обошла меня и быстро пробежала в спальню дочери.

Мне оставалось лишь вернуться в собственную комнату в надежде, если не уснуть, то хотя бы дождаться каких-то результатов, но Энн не проснулась. Ни тогда, ни утром, ни в следующую ночь, словно блуждание в грёзах забрало все ее силы.

— Генерал Данган, к вам пришла Ив.

Подчиненный заглянул ко мне в палатку без предупреждения и надлежащего регламента, но меня это не смутило и не разгневало, наоборот, новость эта была столь долгожданной, что я едва не начал приплясывать. Первая встреча с племянницей спустя много лет после ее бегства вышла настолько отвратительной, что я мог лишь надеяться на внимание Ив. Мне казалось, что компромисс, найденный мной в отношении ее госпиталя в столице, немного сблизит нас, и племянница поймет, что я ей не враг, но Ив за прошедшие годы закалила свой характер. Всеми правдами и неправдами я выбил возможность сохранить суверенитет ее маленького замка, наполненного больными и ранеными со всего Кадата, но никак не мог повлиять на то, что творится в городе. Поэтому, утопая в чужой боли, крови и смертях, она, может, и была бы благодарна мне за поддержку, но точно не сейчас, и даже просто увидеться отказалась, передавая послания через посредников.

Сослуживцы увели меня от лагеря, сославшись на то, что Ив боится подходить к отряду, и я это понял. Это звучало правдиво и логично, даже когда мы направились в сторону старого поместья, когда-то принадлежавшего семье Кейн. Сейчас, насколько я знал, его заняли Блэквуды, устроив свой госпиталь прямо в стенах дома. Именно оттуда ко мне якобы пришла племянница. На вопрос «как она попала в поместье из столицы?» я просто закрыл глаза. Мало ли какие секреты спрятаны в этой древней обители, наши телепорты здесь не работают, но, возможно, темная магия справляется с ними без труда.

— Не слишком ли близко мы прошли к особняку?

Я старался идти тихо, как и остальные. Всего пара человек вели меня сквозь лес, еще пара обещали не пускать сюда никого, пока я веду «переговоры». Один из сопровождающих с хитрецей посмотрел на меня.

— Боитесь, что до нас доберется тот призрак? Кроважадный убийца, вызванный чьей-то грязной магией из самой бездны! Кажется, это о нем рассказывают?

— Вы уже и историю ему придумали? Это просто хороший воин, скрытный и мастерски владеющий своими клинками, только и всего.

Второй, вдруг остановившись, огляделся и кивнул на заросли впереди.

— Точно, это место. Мы подождем вас.

— Спасибо.

Без тени страха я шагнул вперед, надеясь увидеть родное лицо, поговорить и, может, обнять свою племянницу, единственную, кто остался из всей нашей когда-то обширной семьи, но тут силок, незаметный в траве, вдруг дернул меня за ноги и, свалив на спину, вытянул вниз головой над землей. Цепкая рука тут же сорвала с шеи защитный амулет, а с кисти — фамильные часы, ограждавшие меня от чужого ментального влияния.

— Впервые хочется, чтобы этот призрак нас нашел как можно скорее.

Пытаясь осознать произошедшее, я беспомощно болтался на веревке, словно рыба, вытасченная из воды. Ладонь потянулась к ноге, чтобы освободить себя магией, но чужой удар в солнечное сплетение выбил из меня дух. Кровь прилила к голове, еще один кулак пришелся в скулу, а за ним дождем посыпались новые удары по всему телу, не давая мне даже вдохнуть. Закрыв затылок руками, я попытался воззвать к совести сослуживцев, что, будто озверев, били меня, словно грушу.

— Что вы творите?!

Кто-то резко дернул меня за волосы, заставляя остальных остановиться. Сквозь красную пелену боли я увидел искаженное ненавистью лицо.

— Достойный суд над тем, кто защищает темных. Ты выродок, и бегство твоей шлюхи-племянницы должно быть клеймом и на тебя, жаль, король не поверил, что ты такой же предатель, как и она. Нам приходится разгрести это дерьмо за ним.

Послышался плевков и спустя мгновение висок словно облили кипятком. Сознание оставило меня, вернувшись только значительно позже, когда ветка дерева, удерживавшего веревку, надломилась и уронила меня в кустарник рядом. Инстинктивно постаравшись зарыться глубже в стебли, я пропустил момент, когда передо мной возникла высокая женская фигура. От гематом глаза заплыли, и я едва ли мог разглядеть ее, но отголоски некроза, окружавшие ее, сообщили мне достаточно.

— Уходи... уходи... они могут быть рядом...

Губы едва двигались, но я надеялся, что девушка меня поймет и прислушается. Тяжелый всхлип вырвался из моего горла, рот наполнился кровью. Мягкий, спокойный голос послышался за пеленой шума в голове.

— Мом, это ты сделал?

— Если бы это сделал я, то он был бы уже мертв. Добей его уже и пойдем, мы слишком близко к лагерю.

— Погоди.

Юноша в коротком плаще на одно плечо вышел из тени, сжимая в руках черные клинки. Увидев его, я готов был поклясться, что это и был тот самый «призрак», бесшумно принёсший смерть множеству моих ребят. Смесь злости и отчаяния накрыла меня тяжелой ношей. Я не раз видел работу этого парня и потерял немало сил, пытаюсь его отловить, но сейчас я не понимал, что мне стоит сделать. Я ненавидел этого темного, но вместе с тем... кто я был такой, чтобы его осуждать? Меня попытались убить собственные сослуживцы и намеренно оставили в лесу, чтобы этот «призрак» смог уничтожить меня за то, что я близко подобрался к его дому.

Глупо было представить, что Ив действительно придет ко мне, даже после того, как я попытался ее защитить. Я знал, что творили светлые в столице, знал, но не хотел думать о том, что настоящие чудовища были не в подчинении некромантов, а за моей спиной, готовые меня самого удавить за малейшее проявление человечности.

— Как ты здесь оказался?

Вынырнув из омута самобичевания, я с удивлением обнаружил, что темная присела передо мной, внимательно разглядывая мои раны. Открыв рот, я закашлялся и, сглотнув кровь, попытался объяснить кратко.

— Меня предали. Светлые. Они еще могут быть рядом, уходите, пожалуйста.

Девушка повернулась к парню и кивнула, тот молчаливо исчез в тени деревьев, оставив нас наедине.

— Идти можешь?

Не поняв вопроса, я замотал головой.

— Мне нельзя обратно, оставьте меня.

— Ты пойдешь с нами.

Не слушая возражений, незнакомка помогла мне встать и опереться на ее плечо. Ноги не слушались, голову заполнил неприятный звон, но даже так, когда я почти не различал

дорогу, мне помогли медленно добраться до поместья.

Я плохо помню последующие несколько дней, только шум однажды ночью. Кто-то ссорился, слышались удары, но всё быстро затихло, стоило настороженному девичьему шепоту отчитать кого-то невидимого мне.

— Мом, убирайся отсюда, или я всё расскажу матери. Она приняла этого светлого в дом, значит, он имеет право быть здесь.

Послышались торопливые шаги, моей руки на краю постели коснулся женский подол. Запах лекарств, витающий рядом, усилился, но к нему примешался мягкий аромат садовой мяты и ромашкового чая. Мой утомленный разум покинул меня даже раньше, чем я успел осознать, насколько приятным тогда показалось чужое присутствие.

Еще через пару дней я окончательно пришел в себя, чем тут же воспользовались темные.

— Как тебя зовут?

— Таранис Данган.

Лежа на одеяле в какой-то камерке, подальше от некромантов и их магии, я как никогда чувствовал себя ничтожным и беспомощным, но девушка, нашедшая меня в лесу, будто не замечала этого. Она стояла рядом и смотрела на меня спокойно, в ее глазах не было ни тени ненависти или злости, только усталость. Усталость и такая бесконечная печаль, что мое сердце невольно сжалось. Казалось, что лишь безумное, противоестественное упрямство заставляло ее всё еще бороться за свой маленький клочок земли и те жизни, что собрались под крышей поместья.

— А вы?

— Аван.

— И вы здесь главная?

— Да, верно.

Хотелось еще о многом спросить: и о ней, и об этом месте, — но я побоялся, что вопросы мои могут понять превратно.

— И кто же ты такой, Таранис Данган?

— Генерал-майор.

— О как.

— Был.

— Полагаю, что всё еще являетесь.

— Лучше бы вы оставили меня в лесу.

— Почему?

— Я бесполезен.

— Возможно.

Аван села на пол и задумчиво подняла голову к крохотному окну у дальней стены. Мебели в комнате не было, но зато была раковина в самом углу. Мне показалось, что это должна была быть спальня для прислуги. Не дождавшись новых вопросов и набравшись смелости, я всё же продолжил уговоры.

— Я полагаю, у вас не так много ресурсов, чтобы тратить их на меня.

— Откуда у вас такое стремление уйти?

— Откуда у вас желание помочь светлому?

Аван покивала головой, посмотрев на меня. Сейчас я впервые мог ее разглядеть как следует, и чем больше я видел, тем сильнее в груди сжималось сердце. Я узнавал эти черты, отдаленно, но всё же достаточно, чтобы прийти к неутешительным для себя выводам.

— Вы же Блэквуд?

— Да, угадали.

— Мне жаль.

Это вырвалось прежде, чем я успел подумать. Не стоило намекать Аван, что я узнал ее, ох не стоило. Прикусив язык, я зажмурился, но даже так будто кожей ощущал злость некромантки.

— Жаль, что? Или кого? Меня с тремя детьми и полусотней больных? Моего наставника, вырастившего меня, или моего брата, что стал его правой рукой? Или мужа, что даже не был темным? Или м... неважно.

— Поэтому я считаю, что вы зря спасли меня. Это неправильно.

— Я сама решу, что правильно, а что нет. Это только мое дело.

— И тем не менее вы поступаете глупо. Меня нельзя обменять как заложника, и просить выкуп тоже не у кого.

— Какая жалость, а ведь нам тут как раз не хватало пары сотен золотых. Как думаете, хватило бы их откупиться от Авеля?

Щеки вспыхнули, словно охваченные пламенем, и, замерев, я готов был провалиться под землю от стыда. Стоило прикусить язык и отвечать на вопросы максимально кратко и по делу, дабы не совершить еще большей глупости.

— Простите...

— За что вас так?

Не видя препятствий, я решил рассказать всё честно.

— Сослуживцы не оценили мое заступничество. Я... Моя племянница Ив, может, вы ее знаете?

— Да, знаю, на ней с Гербертом держится вся медицина Сомны.

Распахнув веки, я во все глаза уставился на Аван, вновь сменившую гнев на милость.

— Вы правда ее знаете?

— Да.

— Расскажите о ней, прошу, я не смог ее увидеть.

— Сначала вы ответьте на вопрос.

— Ах да, я выбил возможность не трогать ее госпиталь. Он до сих пор должен работать в Кадате.

— Надо же.

Отвернувшись от меня, некромантка вновь задумалась, но продолжила говорить, только намного тише.

— Она замужем, попала к нам уже беременной, и Ньярл был не против ей помочь, он всем помогал. Даже принял участие в строительстве того самого госпиталя. До нападения у нее было трое детей. Старший, Август, любил рисовать и дружил с моей дочерью, даже подумывал посвататься к ней. Из них вышла бы милая пара. Насколько я знаю, он одним из первых темных ушел к берегу защищать границы. Средняя, Мэгги, провела детство за анатомическими атласами и пошла по стопам матери, используя светлый дар. Младший, Титус, совсем карапуз, ему едва исполнился год. Надеюсь, за ним хорошо присматривают в госпитале, и всего хватает.

Я жадно слушал каждое слово, напрягшись и стараясь запомнить имена всех своих внуков. Представить сложно, какой на самом деле большой стала моя семья, хотя, это было ожидаемо. Неважно, что я сам не мог поучаствовать, а теперь уже и защитить их. Само

осознание, что я на этом свете не один, и где-то там живет свою жизнь моя когда-то совсем маленькая племянница, пролилось бальзамом на душу. Я почти потерял веру в то, что вновь смогу увидеть ее с тех пор, как она сбежала из Санктума.

Единственное, что меня смутило, это уточнение, прозвучавшее в начале рассказа.

— Было до нападения?

— Август попал к нам в госпиталь где-то четыре-пять месяцев назад, с побережья. У него было слишком много ожогов, и у нас не получилось ему помочь. Попал бы он к Ив, его наверняка смогли бы спасти, но здесь... это случилось, еще когда госпиталь был в старом здании, тело мы похоронили там же рядом. Мне жаль.

После этих слов Аван поднялась на ноги и молча вышла из комнаты, оставив меня одного. Я был признателен ей за это, хотя еще больше был бы благодарен за собственную смерть.

Меня продолжили лечить так же, как и остальных темных воинов, а позже представили всей семье Блэквудов. Гемера, моя первая посетительница, старалась находиться поблизости, ограждая меня от своего среднего брата. Мом не терял надежды избавиться от меня, похоже чувствуя прямо-таки навязчивое желание перерезать мне глотку.

Когда я встал на ноги и смог достаточно окрепнуть, чтобы при случае самостоятельно дать ему отпор, Мом погряз в постоянной охоте, возвращаясь в родные стены только для того, чтобы принести тушу кабана или оленя. Близился конец лета, нужно было собрать как можно больше провианта для того, чтобы пережить осень и зиму. Едва ли кто-то действительно считал, что осада продержится так долго, но все работали не покладая рук. Светлые, видимо, решив закончить всё до наступления первого снегопада, усилили и участили атаки. Я, оказавшись заложником ситуации, считал, что ничем не могу помочь, и лишь по мелочи выручал Гани или лекарей, наблюдая за всем будто со стороны.

Так продолжалось до тех пор, пока купол, защищавший поместье, не пробили при очередном нападении, а вместе с ним тяжело ранили того единственного человека, на ком держалась вся оборона.

Когда бесчувственную Аван внесли в главный зал, я услышал тихий, задушенный вскрик ее дочери. Гера бросилась к матери первой, трясущимися руками пытаюсь осмотреть рану. Я подошел вслед за ней, рассчитав, что толика магии исцеления может помочь сейчас, но стоило Гемере оголить плечо Аван, я тут же увидел тонкие, полупрозрачные кристаллы, прорастающие через ее бледную кожу. Надежда на скорое выздоровление некромантки истаяла прямо на глазах.

— Что это такое?

Гера прикоснулась рукой к одному из камней и тот, охотно впитав чужую магию, разросся сильнее, паразитируя на теле Аван. Девушка охнула и отшатнулась, в ужасе прикрыв рот ладонью. Я присел рядом и постарался оценить масштаб бедствия. Удар пришелся чуть ниже ключицы, позволив заклинанию глубоко войти в тело, но не задеть сердце или другие важные органы. Можно сказать, ей повезло, если не учитывать тот факт, что мага подобное оружие убивает почти со стопроцентным успехом.

— Никакой магии, эти кристаллы вытягивают ее при контакте. Лучше дайте обезболивающее.

Подняв голову на подошедшего лекаря, я дождался, пока Аван помогут и осторожно перенесут в ее комнату. Гера тут же заставила рассказать ей всё, что я знаю о подобных заклинаниях и чем это грозит.

— Эти кристаллы, это был эксперимент, случайный, но результаты позволили опробовать здесь. Полагаю, столь дорогостоящее оружие было удобно для уничтожения сильных магов, — я чувствовал, как сжимается мое горло при этих словах, но старался сохранить спокойствие, хотя бы сейчас. — Нужно аккуратно и не спеша очистить рану, убрав кристаллы, иначе они продолжают расти, вытягивая из крови Аван все силы.

— Вы сможете это сделать?

— Да, только нужно разорвать все связанные с ней нити заклятий. Пока используется магия, остановить процесс паразитирования сложно.

Девушка поджала губы и втянула голову в плечи. Только сейчас я заметил, как она дрожит, изо всех сил обняв себя за плечи.

— Это невозможно.

— Что? Почему?

— С мамой связан ее демон, это всё, что осталось от нашей защиты.

— Волчица? Она тянет силы Аван?

— Да, демон может скрыться за Завесу, но без нее нам не выдержать нынешние атаки. Это самоубийство.

— Либо так, либо вы потеряете обеих.

Гера посмотрела на меня, и помимо слез я увидел в них столько страха и боли, сколько хватило бы на жизнь сразу нескольких человек.

— Я поняла вас.

Ее слабый, тихий голос прозвучал неожиданно твердо, будто поставив точку в размышлениях девушки. Мне хотелось поддержать ее, помочь еще хоть чем-то, но Гемера ушла, приняв управление поместья на себя, и еще несколько дней подряд я наблюдал, как она с неожиданной рассудительностью управляет с текущими делами. Лишь единожды я застал, как она, отпустив свои чувства, срываясь на крик, чуть ли не с кулаками отчитала за что-то одного из темных лекарей. Позже, когда конфликт был исчерпан, я узнал, что он предложил отступить в горы, пока Аван могла давать силы волчице и кристаллы не поглотили тело некромантки полностью. Пожалуй, расскажи он подобное мне, я бы не сдержался и ударил. Использование живого человека в качестве аккумулятора мне представало совершенно чудовищным поступком.

Через день после этого я случайно заметил, как в сумерках Гера вышла из поместья и направилась в сторону леса. Сердце неприятно кольнуло. Девушка вышла совсем одна и, судя по предыдущим ее вылазкам, вновь отправилась за травами. Чувствуя неладное, я, как замороженный, двинулся следом за ней. Безоружный, не зная толком местности, в темноте я быстро потерял из виду темный плащ и шел вперед лишь по наитию, пока среди привычного шума ветра, шелеста крон и шороха листьев под ногами, не услышал еще один звук, молнией пробивший все мое тело.

Это был смех, явно мужской.

За ним последовал треск ткани и хрип. Дернувшись, я как по команде побежал вперед, пытаясь разглядеть среди деревьев хоть что-то, пока в нескольких метрах от меня не показалась темная большая фигура, распластанная по земле, а под ней всего на миг мелькнула тонкая девичья рука, беспомощно пытающаяся оттолкнуть нападавшего. Послышался тихий довольный рык. Забыв, как дышать, я замотал головой в поисках оружия. В траве ничего не было видно, но я каким-то чудом, запнувшись, смог отыскать обломок ствола, лежащий под ногами. Недолго думая, я подхватил его и сколько было сил

размахнулся, ударив по затылку мужчину. Грузное тело накренилось в бок и медленно завалилось на землю, только тогда я смог увидеть Гемеру.

Девушка хватала ртом воздух, инстинктивно пытаясь прикрыть обнаженную грудь остатками рубашки. Стянув кофту, я тут же присел рядом, помогая ей прийти в себя и одеться, стараясь не смотреть на кожу, расцвеченную красными пятнами от чужих рук.

— Вставай, он может быть здесь не один, оборотни редко ходят по одному.

Гера замотала головой не в силах сказать ни слова. Ее сильно трясло, слезы катились по покрасневшимся щекам. Казалось, еще немного, и ее накроет истерика. Дойти в таком состоянии до дома было бы невероятно сложно.

Крепко закутав девушку в плащ, я чуть сжал ее плечи, сказав то единственное, что могло заставить ее встать и уйти от этого проклятого места.

— Дыши глубже. Давай, дыши, тебе нужно успокоиться, Гемера. Я верю в тебя, ты сильная девочка, ты нужна своей маме, помнишь? Аван ждет тебя.

— Мама?

— Да, нужно идти, скорее.

Растерянно открыв рот, Гера тут же огляделась, нашарив под рукой собранные травы. Я помог ей подняться на ноги и уже повернулся к поместью, когда среди деревьев заметил знакомый до боли силуэт «призрака». Он просто стоял и наблюдал за происходящим, даже не шевельнувшись в сторону сестры. Я готов был поклясться, что он провел там всё время, пока она отбивалась от оборотня. Чуть не дрожа от ярости, я тысячу раз пожалел, что не могу проклинать, а этот мальчишка еще нужен был своей семье.

Гемере я ничего тогда не сказал, молча проводив ее домой. Оказавшись в родных стенах, девушка стала заметно спокойнее и, коротко поблагодарив, ушла к себе в спальню. Уже на следующее утро я видел, как она вновь погрузилась в работу, коротко срезав волосы и скрыв за свободной, мешковатой одеждой Гани все последствия вчерашнего вечера. Еще через день я узнал, для чего ей нужны были те травы, за которыми она отправилась в лес.

Позвав Мома и одного из врачей, практически в тайне от всех остальных, Гера увела их к внутреннему двору близ кухонь. Там, вручив брату наточенный топор, она села перед пнем для разделки мяса.

Я заметил происходящее из окна второго этажа и сначала даже не понял, что происходит. Пока стальное лезвие четким движением не отсекло левую руку девушки примерно по локоть. Внутренне похолодев, я не мог ни вскрикнуть, ни отвести взгляд наблюдая творящийся ужас. Раскаленная металлическая лопатка прижгла оставшуюся рану. Гани, вылетев из дверей кухни набросился на Мома, что-то крича, но Гера тут же его осадила. Отметив кончиком ножа на предплечье несколько знаков, она призвала волчицу Аван и отдала ей свой жуткий дар. Рука промелькнула в разверзшейся пасти, и тонкая нить связи на миг показалась между девушкой и демоном.

Аван получила свой шанс выжить, хотя цена этой возможности показалась мне чудовищно велика.

Следующий месяц я провел возле кровати некромантки, постепенно убирая кристаллы из ее раны и по чуть-чуть отвоевывая ее жизнь, сантиметр за сантиметром освобождая от паразитирующего заклинания. Будучи прикованным к ней, как добровольный узник, я сам не заметил того, насколько легким и правильным показалось мне это соседство.

Я спал на полу возле ее постели. Дни напролет корпел над раной. Изредка вставал и прохаживался по комнате, стараясь размяться. Следил, чтобы у Аван не было пролежней.

Послушно уходил в смежную ванную, наскоро принимая душ, пока Гера занимается матерью.

Время текло будто в отрыве от окружающей реальности. Иногда казалось, что кроме нас двоих никого не осталось во всем мире, но из кухни приносили еду, а Гера исправно готовила укрепляющие зелья для меня и Аван. Жизнь продолжалась, хотя люди в поместье старались лишней раз не подходить к нашей комнате. Поначалу я даже удивился такому доверию, но позже понял, что иного выбора у них просто не было. Я единственный, кто хоть что-то знал, и лишь в моих руках было будущее Блэквудов.

Склонившись у постели, смотря на заострившиеся черты лица Аван, я чутко следил за подрагивающими веками, стараясь не делать ей больно, пока убирал самые большие осколки. За время, проведенное рядом, я выучил ее внешность, запомнил и линию шеи, и изгиб бровей, и оттенок ее губ. На последних я всё чаще останавливал взгляд, чувствуя, как к щекам приливает кровь. Все происходящее напоминало мне злую сказку, где я отчаянно пытался расколдовать принцессу. Только почему-то вместо поцелуя выбрал пинцет и тонкие щипцы.

Задумавшись в очередной раз, я отвлекся, чтобы размять спину и приоткрыть окно, впуская в спальню чистый воздух и запах опавшей листвы. Вернувшись, я вновь взялся за инструменты и склонился над чуть выпирающей ключицей девушки. Вынув наполовину окровавленный осколок, я обработал рану и посмотрел на лицо Аван. Мне показалось, что оно изменилось, и я никак не мог понять, как, пока не встретился взглядом с ее завораживающими темно-серыми глазами.

— А-аван?

— Да, это я. Всё еще.

Ее голос был сиплым, отвыкшим от речи, но настолько желанным для меня, что радость легкой дрожью пробралась под ребра и мурашками разлилась по телу. Выронив инструменты из рук, я запоздало кивнул, не зная, что собственно сказать. Я пытаюсь помочь? Вы ранены? Она и так это видит.

— Сильно меня задело?

— Вы месяц были без сознания.

— Долго.

— Да, думаю, по вам уже сильно соскучились.

Отвернувшись, Аван уставилась в потолок, о чем-то задумавшись. Подобрал пинцет, я мягко прикоснулся к ее плечу. В тот момент это показалось даже более интимным, чем раньше, будто я наконец-то работал с живым человеком, а не куклой.

— Я продолжу, если вы не против.

— Конечно. Расскажите, что это такое?

— Это... те же камни, что используются для механизмов, но в данном случае они осквернены, без должной обработки они продолжат расти и вытягивать магию.

— И как же вам пришло такое в голову?

— Я бы сам хотел знать, но говорят, идея не принадлежит светлым, кто-то другой случайно испортил божественную кровь при добыче в рудниках и нашел способ использования ее в таком виде.

— Надо же, светлые как всегда ни в чем не виноваты.

Вынув еще один кусок кристалла, я потянулся за зельями и наткнулся рукой на стакан с морсом, оставшийся после обеда.

— Хотите попить?

— Да, пожалуйста, только вам придется мне помочь.

Сев на край постели, я послушно приподнял Аван, давая ей сесть и опереться на меня. Тогда она показалась мне особенно ранимой, настолько, что мое неловкое движение могло причинить ей боль. Вместе с этим хотелось спрятать ее объятьях, боясь выпустить во всё еще ненавистный и враждебный мир. В грёзах ей наверняка было намного спокойнее и счастливее, чем в яви.

Протянув стакан, я дождался, пока Аван выпьет содержимое и хотел было опустить ее обратно, но девушка придержала мою руку.

— Дай мне посидеть. Я так устала лежать.

— Если вы останетесь в сознании, можем хоть завтра начать потихоньку разминаться.

— Да, было бы неплохо, неплохо....

Веки, обрамленные черными как ночь ресницами, вновь сомкнулись. Аван уснула, положив голову мне на грудь и обняв ее, я позволил себе на минуту задержаться, осторожно погладить по волосам, пережидая заполосный стук собственного сердца. Я знал, что всё нормально, что она еще проснется и ей просто нужно еще немного сил, но все равно на миг стало безумно страшно, будто Аван умерла на моих руках. Мысленно я отчитал себя за эти мысли и заставил осторожно отпустить хрупкие плечи, укладывая девушку обратно на подушки. Предстояло еще немало сделать для ее выздоровления, но погибнуть ей уже не грозило.

Чем меньше кристаллов оставалось, тем чаще и на более долгий срок просыпалась Аван. Наконец-то я видел результат своей работы и впервые за всё мое время в поместье смог поговорить с некроманткой, занимая все те долгие часы и дни, что мы вынужденно проводили вместе. Образ, который я сам себе невольно выдумал, смотря на спящую девушку, стал меняться, дополняться и раскрываться с совершенно новой стороны. Она точно не была принцессой, по крайней мере не из тех сказок, что я слышал в детстве. Ей чуждо было постоянное принижение себя и оправдание собственных поступков истинно женской слабостью, коей светлых девиц учили с малолетства. Ей не нужно было мое одобрение или поддержка, она не стеснялась осадить меня или обозначить свою точку зрения на что-то. Аван не боялась занимать место, и представить ее в типичной целестинской семье было просто невозможно. Поначалу меня это даже несколько шокировало, я за годы на родине привык к совершенно иному. Последние мои собеседницы в Санктуме старались быть тихими и незаметными, благодаря меня за доброту и терпение, с коими я принимал их малодушие и несовершенства. Аван же благодарила меня за помощь и заботу, и это ощущалось гораздо ценнее, чем притворное заискивание, коим я был окружен ранее.

Для себя я также открыл возможность не только любоваться девушкой, но и слушать ее с таким огромным удовольствием, что работа над кристаллами стала моим наваждением. Мне хотелось продлить бодрствование Аван, хотелось спросить о миллионе разных вещей, узнать, что она думает, ее мнение, ее взгляд, и я не мог насытиться нашим общением, чуть ли не умоляя рассказать еще хоть что-нибудь.

Тогда же я узнал и то, что, наверное, не следовало бы знать такому человеку, как я. Это вышло почти случайно. Аван многое поведала мне о своей семье, но еще большее недоговаривала, пока я не вспомнил статую, увиденную в Кадате. Тогда я узнал девушку, выточенную в камне, и немало удивился, заметив имя «Лилит» на постаменте. Некромантка честно ответила, что это изображена ее мать, но я не поверил, и пустой поначалу спор чуть

не перерос в настоящую ссору. Мне казалось, темные просто присвоили себе образ бывшей королевы, обозвав ее новым именем и возведя чуть ли не в святые, что, конечно, было чудовищным богохульством по отношению к светлым, но правда оказалась несколько иной. Принять ее не без доли скепсиса я смог только когда увидел портрет Каина и прочитал книгу, где местная ведьма рассказывала свои странные сказки. Там, среди, как мне казалось, откровенного бреда, я внезапно нашел и себя. Короткий отрывок из моего прошлого, пересказанный так, будто неведомая писательница журила меня и отчитывала, как маленького ребенка. Чуть не сгорев от стыда, я закрыл книгу, спорить окончательно расхотелось.

В день, когда я убрал последний осколок, Аван попросила меня позвать детей, и я едва смог сохранить спокойное выражение лица, только представив ее реакцию на появление дочери. Гера, получив мое приглашение, послушно собрала братьев и зашла в спальню первой, дрожа, словно осинový лист. Не зная, куда деть культу, она сначала попыталась скрыть ее кофтой, безуспешно стараясь не волновать мать, но та быстро заметила неладное. И без того бледное, еще болезненно худое лицо застыло восковой маской. Протянув руки, Аван осторожно притянула дочь к себе и, сжав в объятьях, неверяще коснулась края пустого рукава.

— Что это?

— Я накормила волчицу, как рассказывал Ньярл, чтобы Тар мог тебя вылечить. Ничего страшного, рука это мелочь, мам, главное, что ты снова с нами.

Аван сжала губы, изо всех сил стараясь не заплакать, и, уткнувшись Гемере в макушку, судорожно выдохнула, жестом привлекая Мома и Гани к себе. Младший тут же подошел и сел рядом, средний задержался неловко, переступая с ноги на ногу. Обратив на него внимание, я к собственному удивлению заметил в его взгляде вину и даже тень раскаяния. Гера, отвлекшись от матери, протянула ладонь брату.

Я чуть было не открыл рот, чтобы предупредить ее, но вовремя остановился, поняв, что сейчас не время для обвинений. Мом послушно прошел к сестре и матери, обняв обеих, будто в момент став чуточку человечнее и вспомнив, кто он такой. Я хотел бы поверить, что он действительно понял свою ошибку, что он не специально замер на окраине опушки в лесу, что он любит свою семью, но чутье говорило мне обратное, и я не представлял, как можно рассказать Аван об опасности. Мне хотелось бы защитить свою случайную спасительницу, я отплатил ей добром за добро, но все же не являлся частью семьи. В моих силах было не так много. Впрочем. Кое-что пришло мне в голову, пока я был в вынужденном заточении.

Самонадеянный и хлипкий план по спасению поместья выстраивался на моем знании характера Авеля и надежде на хрупкое перемирие. Я рассказал его Аван, едва мы вновь остались наедине, и сильно сомневался в том, что некромантка готова сдаться светлым, в обмен на безопасность, но... Она согласилась. Вытянув из меня всю возможную информацию, она готова была сделать свою страну колонией, лишь бы жителей оставили в покое и дали возможность отстроить свою жизнь заново. Я видел, что это решение далось ей нелегко, я понимал, как много она ставит на кон, вновь вверяя свою жизнь в мои руки, но в тот момент я уже готов был биться до конца, до собственной смерти, отстаивая ее интересы.

Привыкнув к обществу Аван, я не хотел отпускать ее и в тайне даже от себя надеялся, что ее муж не вернется, что он погиб, и как только я решу все свои дела в Целестии, смогу вернуться в Кадат к ней, но судьба решила всё иначе.

Стоило только целестинцам уйти с полуострова, как Эреб оказался дома. Целый и невредимый, он выглядел так, будто совершил что-то поистине героическое, но на все вопросы отвечал уклончиво, так и не рассказав, как пережил войну и где скрывался до этого.

Он смотрел на меня волком, ненавидел мое присутствие и всячески старался оградить от Аван, не давая нам решить даже самые простые рабочие моменты. Я хотел бы ответить ему тем же. Закричать, что он и пальца своей жены не достоин и вытрясти из него признание в том, где прятался этот горделивый глупец всё то время, пока Аван с трудом боролась за жизнь. Обида, ненависть и банальная ревность настолько застилали мне глаза, что, не будь во мне хоть капли благоразумия, я бы выбил из Эреба весь дух.

Мне пришлось отстраниться, ограничиться общением письмами и помогать Аван из Санктума, надеясь на редкие встречи с ней в столице. Я знал, что поступаю неправильно, что обязан был забыть о чувствах к замужней девушке, к тому же еще и темной, но всё равно не хотел сдаваться. Расставило всё по местам появление Каина.

Закончив с основными организационными вопросами, я занялся просмотром данных о заключенных в темнице светлого дворца и совершенно случайно наткнулся на информацию о брате Аван. Конечно, я тут же сообщил об этом ей и дождался приезда, чтобы забрать мужчину из камеры, но даже не подумал, что я сам должен был прийти туда первым, еще только когда увидел данные в картотеке. Мне нужно было проверить, жив ли Каин, в каком он состоянии, и тут же отдать его под опеку лекарей, но я был слишком взволнован приездом некромантки. Поэтому, когда мы вместе спустились в темницы, я оказался шокирован чуть ли не больше, чем Блэквуды.

То, что показали нам, я даже не сразу принял за человека. Нет, он был жив, определенно жив, я уверен, но... я сам не стал бы предпочитать такую жизнь смерти. Не в его случае.

Меня до конца жизни будет преследовать картина рыдающей Аван, прижимавшей к себе то, что осталось от ее брата.

Я хотел бы ее утешить, хотел бы помочь, но это было просто невозможно. Невозможно сгладить или извиниться за ту жестокость, что проявили мои сослуживцы. Ни в каком кошмаре я не представил бы ситуации хуже. Измученный, покрытый шрамами, исхудавший и заросший Каин больше походил на труп, и я с огромным удивлением встретил тот факт, что его раны не загноились в таком жутком месте. По всем меркам он должен был давно погибнуть, но, видимо, Блэквудское упрямство сыграло свою роль и здесь.

Подхватив Каина на руки, я сам вынес его из камеры и, приехав домой, собрал самых лучших лекарей со всей светлой столицы, но почти все из них, узнав, что будут иметь дело с темным, тут же отказали в помощи. Я готов был рвать на себе волосы и обязал всех своих знакомых подключиться к поискам врача. С горем пополам мы нашли парочку, они осмотрели мужчину и дали неутешительные прогнозы. Никакие деньги не смогли бы решить эту проблему, но лечение всё же началось, мы направили все свои силы на выздоровление Каина.

В конце концов, это принесло свои плоды, но печать стыда и вины за случившееся тяжелым грузом легла на мое сердце. Я решил оставить в покое Аван и дал ей жить своей собственной жизнью, не опекая больше, но также сотрудничая, когда это было необходимо.

Ее образ не раз приходил ко мне во снах, тогда я мог к ней прикоснуться. Я искал ее черты в окружающих, словно слепец, рыщущий в темноте в поисках факела. Я запомнил ее лицо так точно, что, наверное, мог бы нарисовать, но боялся потерять рассудок в тщетном воссоздании таких знакомых мне губ на бумаге.

Мне хотелось ей написать. Не о работе или делах, не о сложных связях двух государств, а о себе или о самой Аван. Спросить, как она, не ноют ли шрамы, не мучают ли кошмары, защищает ли ее Эреб во сне, ограждает ли от призраков прошлого?

Иногда в забытьи, по ночам, или в алкогольном тумане я даже писал, собирал письма, изливал в них все, что накопело в душе.

«Уважаемая миссис Блэквуд,

Сегодня на прогулке я впервые за долгое время смог надеть свой единственный черный костюм, что уже долгое время ждал своего часа в закромах моего гардероба. К сожалению, по неразумению своему я ранее принимал этот наряд только как траурный и не видел возможности выйти в нем в будний или выходной день на улицу. Но сегодня, будто волей чего-то высшего, разразился крайне мрачный и пасмурный день, прямо под стать моему мрачному и пасмурному настроению. Лик нашего благостного бога оказался затянут тучами, дождь настиг меня далеко от дома, но я не посмел скрыться от прохладных капель, любуясь столь редким оттенком небосклона, напомнившим мне цвет ваших глаз.»

«Любезная миссис Блэквуд,

Как часто вы задумываетесь о перипетиях судьбы, что, словно огромная паутина, вбирает всё сущее в единую, крайне запутанную и сложную сеть, в которой мы, словно слепая мошкара, болтаемся и строим наши жизни на волнующемся и хрупком фундаменте постоянно меняющегося будущего? Мне раньше не приходило это в голову. Рассчитывая собственные годы, я не загадывал далеко вперед и жил лишь настоящим, но теперь я будто бы не просто лишился какой-то важной своей части, без которой мне не решить, для чего я существую на этом свете. Кажется, я забыл безумно дорогое, безумно нужное для жизни. Могу ли я рассчитывать на то, что вы поможете эту пропажу мне найти?»

«Моя Дорогая миссис Блэквуд,

Вы снова мне приснились.

Можно ли мне надеяться на ваш приезд ко Дню Рождения Авеля? Возможно ли попросить напомнить вам о важности присутствия на празднике? Также появилось несколько вопросов по поводу... поводу...

Я так скучаю.»

Я собирал листочки, отрывки и конверты, надписанные и вымазанные сургучом, а затем сжигал, стоило только наступить утру, скрывая свою привязанность и запрещая себе думать о чужой жене. Мне казалось это правильным. Прятал все чувства в дальний короб, на самое дно, закрывал другими переживаниями, притворялся, что все хорошо, но стоило на балу встретить Софи, как всё сокрытое вновь восстало передо мной укоряющим, жестоким призраком застарелой боли.

Случайный разговор, случайная фраза, случайное знание, и вот я уже прощаюсь с высоким постом при дворе, с знакомыми, с друзьями, коих почти не осталось, и, собирая всё самое необходимое, глаз не смыкаю до утра, измеряя шагами комнату.

За этим следовала авария, корабль, Провиденс и Кадат. Дом моей племянницы, что едва не схватилась за сердце при виде меня, и мои долгие извинения перед ней, но... она всё же оценила мою помощь тогда, посреди военных действий, пускай и только спустя шесть лет.

Я обрел свой дом, вернул утерянную часть семьи и только после этого готов был

встретиться с Аван.

Нервничая, как школьник, подбирая слова и раздумывая, стоило ли взять с собой цветы, я оказался на пороге дома с флюгером в виде медведя и луны. Аккуратно позвонив в звонок, я про себя невольно отсчитывал секунды, надеялся, что мне откроет она, но в дверях показался Каин. Недобро окинув меня взглядом, он покачал головой.

— Мы не принимаем гостей.

— Каин, мне нужно увидеться с ней, хотя бы просто поздороваться, прошу.

— Сестра больна. Как только ей станет лучше, я обязательно передам ей, что ты заходил.

— Если бы она была больна, это знала бы Ив.

— Мы в этот раз ее не звали.

— Да вы полжизни лечитесь у нее. Каин, прошу тебя, мне нужно поговорить. Я не займу много времени.

— Тебе нужно, а Аван — нет.

— Тогда пусть сама мне об этом скажет.

Начиная закипать, я смотрел на спокойное лицо некроманта и недоумевал, почему он настолько предвзят. Хотелось закричать, позвать девушку прямо на пороге, в надежде, что она услышит, но Каин вдруг сделал шаг назад, впуская меня. В его взгляде я почувствовал что-то настораживающее.

— Пожалуйста.

От одного этого слова отчего-то побежали по спине мурашки. Я послушно вошел в дом, дверь за моей спиной закрылась. Каин молчаливо повел меня в гостиную, никак не объяснив смены решения. Интуиция, присущая любому военному, завопила где-то в моей голове, но опасности я не видел и без возражений прошел в середину комнаты, неожиданно ощутив себя словно на арене с тигром. Некромант прошел к небольшому бару в углу.

— Каин, я...

— Виски?

— Нет, спасибо.

— Зря, он очень неплох.

Отпив из стакана, Каин почти доброжелательно улыбнулся и приглашающим жестом махнул рукой в сторону дивана.

— Присядешь?

— Нет, я лучше постою.

— Нервы?

— Да, старая привычка.

— Понимаю.

Он прошел мимо меня в сторону коридора, и я на миг подумал, что Каин позовет сейчас сестру, но чужой удар под колени и резко защёлкнувшиеся наручники на запястьях меня резко переубедили в этом.

Чуть не протаранив носом ковер, я почувствовал себя совершенно оглушенным и тут же попытался освободиться, но металл предупреждающе нагрелся, чуть не обжигая кожу. Магия оставила меня впервые с тех пор, как мне исполнилось восемь, и по ощущениям это было так, словно меня разом лишили половины органов чувств. Я всё видел, всё осознавал и всё слышал, но будто через пелену, укрытый тяжелым, ватным одеялом.

— Каин... Что ты творишь?

— Защищаю свою семью от преступника.

Некромант сел передо мной в кресло. В его руках помимо стакана показался еще и кинжал, лезвие многообещающе блеснуло и чуть коснулось моей шеи.

— В чем меня обвиняют?

— В пособничестве светлым.

— Но я оставил всё в Санктуме. Дом, службу при дворе и всех друзей, чтобы быть здесь. У меня нет никакой возможности помогать светлым и что-то им докладывать.

— Как мы выяснили, возможности есть всегда.

— О чем вы?

— Вы знали Эреба?

— Только то, что он был мужем Аван.

— Странно, а Авель, оказывается, его хорошо знал, особенно его семью, что стали соглядатаями в Кадате.

— Простите, я...

— А ведь говорил Ньярлу, что его доброта обернется нам боком. Ваша племянница, надеюсь, не с вами же?

— Я едва не погиб от рук своих же подчинённых, защищая ее, не говорите ерунды.

— Что ж, как скажешь.

— Эреб был предателем?

— Да, это подтвердил Авель, и видишь ли, вот какая интересная закономерность, ты появился здесь, едва мы избавились от него. Какое занятное совпадение, метишь на его место?

— Я могу поклясться вам в верности, доказать, что я здесь лишь чтобы помочь, как и ранее.

— И что, меня должно это убедить?

— Я умру, если не сдержу клятву, неужели этого мало?

— Чуть больше, чем ничего, я бы сказал. Нанесенный вред может носить долгосрочный характер, ценность жизни определяется лишь вами и вашим окружением, а так как о личных интересах мы сейчас не говорим, то, боюсь, больше некому поручиться за вашу голову.

Позади, у входа, я вдруг услышал шелест ткани, и, кажется, все мои чувства в тот момент обратились к вошедшей. Даже не видя ее, я тут же понял, что это Аван, узнав по звуку шагов и по легкому запаху бергамота и жасмина.

— Я могу поручиться.

— Аван...

Каин укоризненно покачал головой и отставил бокал, поднявшись навстречу сестре. Увидев девушку, я почувствовал, как мое сердце болезненно сжалось. Аван была печальна, она выглядела уставшей, измученной и слабой. Не такой, как при первой нашей встрече, но было заметно, что последние новости значительно пошатнули ее здоровье и душевный покой.

— Он помог нам, и у него не раз была возможность убить нас обоих, но он это не сделал.

— Тогда не было приказа?

Брат с сестрой странно переглянулись, словно в тайне от меня они мимолетно обсудили что-то, еще не предназначенное для моих ушей.

— Он заслуживает хотя бы один шанс.

— А я должен просто смотреть, как ты совершаешь одни и те же ошибки?!

Аван сжала руки, в упор смотря на некроманта. Ее голос почти срывался в плач.

— Я лишь надеюсь на то, что хотя бы часть моей жизни не является обманом.

Каин вздрогнул и, будто разом забыв обо мне, отложил клинок, заполошно обняв сестру и целуя ее в висок.

— Тише-тише, сестрёнка, прошу тебя, не плачь. Моя милая, пойми меня, я себе не прошу, если снова допущу подобное, если снова тебе сделают больно. У меня никого кроме тебя нет.

— Но мне нужен этот шанс, мне прежде всего.

Он крепче обнял Аван, зажмурившись на миг и уткнувшись в ее волосы. Я не смел открыть рот и, кажется, даже забыл, как дышать, заметив, что в уголках глаз Каина блеснула влага. Он не выдерживал и намека на страдание сестры.

— Ты правда этого хочешь?

— Да, пожалуйста.

— Боги... — он тяжело вздохнул и вдруг повернулся ко мне. — Ты дашь клятву Аван, и, если я замечу хотя бы какой-то намёк на предательство, она тебя больше не увидит.

— Каин.

Некромант успокаивающе огладил ее волосы, покачав головой.

— Он просто потеряется в лесу, заплутает в Кадате или случайно упадет в Каар, и никакого упоминания светлых в нашем доме больше не будет, — он добавил чуть тише, на ухо сестре. — Я даже смотреть в твою сторону им запрещаю, чтобы больше никогда никто не смог тебя обидеть

Аван послушно покивала, обняв брата в ответ, и тихо поблагодарила его. Каин оставил нас наедине, как только убедился, что сестра успокоилась и чувствует себя лучше, но будто бы случайно забыл освободить меня из наручников.

Девушка судорожно выдохнула и впервые обратилась ко мне.

— Извини за эту сцену, он старается меня защитить.

— Всё в порядке, мне кажется, на его месте я поступил бы так же.

Я поднял голову и вдруг заметил, как румянец окрасил щеки Аван. Она приняла мои слова за комплимент? Засмотревшись, я не нашел слов, чтобы хоть как-то продолжить разговор. Девушка в свою очередь зашла мне за спину и сняла наручники, позволив мне вновь ощущать мир во всех его красках, но я остался на коленях и не торопился вставать.

— Мне нужно принести клятву.

— Тар, это не обязательно.

— Но я хочу.

Дождавшись, пока Аван вновь встанет передо мной, я протянул ладонь, желая прикоснуться, но вместе с тонкими пальцами девушки в руку опустилась золотая цепочка с кулоном из зеленоватого янтаря в виде гранатового зернышка. В изумлении посмотрел на Аван, встретившись с ее уставшим взглядом и спокойной улыбкой.

— Ведьма дала мне выбор, и я его сделала.

Невесомо поцеловав теплую мягкую кожу, я склонил голову, дождавшись, пока украшение застегнут на шее. Бессознательно губы шептали слова клятвы, выдуманной буквально на ходу. Мое сердце само подсказывало то, что я обязан был произнести.

— Тар?

— ...и в горе, и в радости, днём и ночью я клянусь служить тебе, стоять за тобой и

хранить тебя, как небесный покров охраняет солнце и луну на небосклоне.

Мои руки, словно во сне, обняли подол платья Аван. Я чувствовал себя как страждущий, обретший свою святыню, и готов был в исступлении молиться той единственной, что освещала мне путь во тьме. Уткнувшись лицом в живот девушки, я рвано выдохнул и всеми лёгкими вдохнул ее аромат, чувствуя себя наконец-то дома, на месте, там, где должен был быть всё это время. Ласковые пальцы скользнули к моему затылку. Аван тоже обняла меня, почти бесшумно заплакав, но на этот раз, я был уверен, не от большой печали, а от счастья.

Мнимые тени

Я не раз наблюдала за мерно поднимающейся грудью, накрытой мягким воздушным одеялом, и не могла поверить, что эта внешне здоровая, такая юная девушка не в силах сбросить оковы сна, чтобы наконец-то порадовать своих родителей и вывести весь дом из молчаливого траура, в который, словно муха в сироп, погрузились даже горничные.

Я не слышала музыки, не слышала привычных обсуждений обедов, планов на день, распорядка дел и строгих, четких наставлений Элизы. Хозяйка, прикованная к постели дочери, лишь изредка просила дежуривших рядом с ней слуг или мужа принести поесть или помочь сменить капельницу Энн. Врачи, навещавшие их чуть ли не каждый день, разводили руками, виня во всем малокровие, а кошмары, волнующие спящую по ночам, списывали на проявление неизвестной болезни, что испортила кровь девушки. Они предлагали отдать Энн в больницу, провести глубокое обследование и собрать консилиум, но Элиза наотрез отказывалась выносить дочь из дома, свято веря, что вновь затаившиеся фейри смогут как-то помочь, стоит только подождать.

Карвен, наблюдая за этим, поддерживал жену и просил назначить домашнее лечение. Он не выглядел уверенным в своих словах, но явно не представлял, чем еще может помочь в сложившейся ситуации. Мне было тяжело его видеть, тяжело молчать при нем, кошки скребли душу, гнетущие настроения занимали все мысли, но рассказать об Алане я не решалась. Девушка больше не говорила о нем во сне, лишь изредка бормотала что-то бессвязное. Я не была уверена в своих выводах и не имела никаких доказательств, потому, прячась в спальне, словно улитка в панцире, старалась не показываться на глаза лишней раз, подспудно вслушиваясь по ночам в тихий голос Энн.

— Леди Серафина, к вам пришли.

Застыв на пороге комнаты, горничная с некоторой опаской посмотрела на меня, едва заметно переступая с ноги на ногу и теребя край фартука в руках. Ей явно не нравилось находиться рядом со мной, но долг обязывал получить ответ, прежде чем сбежать от страшной некромантки. Оторвав голову от подушки после очередной бессонной ночи, я, не спеша встать, приподнялась на локтях.

— Кто?

— Из замка. Представился как Мастер по особым делам, Дей Уинн.

— Хорошо, пусти его сюда и принеси чай.

Собираясь уже принять исходное положение, я заметила, как щеки горничной стыдливо покраснели.

— М-миледи, это неприлично.

— Боже ты мой, неприлично, веди уже, и про чай не забудь. Будто он в пижаме меня никогда не видел.

— Х-хорошо.

Повернувшись неловко, словно деревянная кукла, она вышла за дверь, даже забыв ее прикрыть за собой. Не повезло «напарнику», чую слухи о его «связи» со мной разнесутся по городу еще до обеда.

Спустя несколько минут из коридора вновь слышались шаги, с порога слышался слегка взволнованный голос Дея.

— Сэра? Ты еще спишь?

— Уже нет, как видишь.

— Нам нужно поговорить, не могла бы ты встать?

— Могла бы, но пока я не знаю, стоит ли.

— Определённо стоит, ведь я приглашаю тебя как эксперта в расследовании порученного мне дела.

— О-о-о...

Сев в постели, я дождалась, пока на письменный стол горничная выставит все чайные принадлежности и даже завтрак. Все еще смущаясь, она держала голову опущенной, стараясь не смотреть ни на кого из нас. Дей, уже привыкший к моему скверному характеру, расположился в кресле у стены, стараясь держать лицо с его фирменной вежливой полуулыбкой, какая бывает у продавцов-консультантов в магазинах подороже.

Плавно переместившись поближе к еде, я выложила часть яблочного джема из вазочки в утреннюю кашу.

— Так во что ты меня собираешься втянуть?

— О, это крайне важное дело, Аврелиан дал мне высочайший приоритет на него и настоял, чтобы все отчеты шли в первую очередь к нему.

— Надо же.

— Да, так что на время я стал его личным помощником и надеюсь с твоей помощью решить один вопрос.

— И какой же?

— Является ли некромантом маг, что похищает людей в бедных кварталах.

Хмура глянув на Дея, я попыталась понять, шутит ли он, но, несмотря на некоторую дурашливость, всегда присущую напарнику, сейчас он выглядел серьезным, и даже нервозным, чуть подрагивая ногой, словно в нетерпении.

Почему сразу некромант? Неужели совсем нет иных идей?

Видимо, они решили идти по проторенной дорожке? Что бы плохого не случилось в Целестии, в этом всегда будут виноваты некроманты.

Так они никогда не решат свои проблемы.

Пока я пребывала в замешательстве, Дей порывисто поднялся на ноги и подхватил свою чашку, едва не расплескав весь чай.

— Да, я понимаю, звучит не слишком хорошо, но это первое, что приходит в голову при поиске виновного. Ну вот подумай, зачем светлому нужны дети, больные, старики и проститутки? Какой с них толк? Продажа рабов? Эксперименты? Жажда убийства? Все выглядит как бред, но стоит только представить, что людей собирает некромант, как правильный ответ находится сам: кто-то устраивает жертвоприношения. Вот и всё.

— Как у тебя всё просто.

— Но это само напрашивается, какой смысл кому-то еще воровать нищих? От них же толку никакого.

— Думаешь, некромантам такие нужны?

— Пользы явно больше, чем при продаже в Тэт или еще куда, и лучше сразу отработать этот вариант, прежде чем гнаться за более редкими и спорными версиями.

— То, что кому-то понадобилось столько жертв, чтобы напугать весь город, и есть спорная версия, Дей. Это чужь чистой воды, ни один некромант не будет подставляться и забирать столько человеческих жизней. К слову, сколько их? Сколько пропавших, и есть ли хоть что-то о их местонахождении?

Залпом допив чай, напарник неловко поставил чашку на блюдце, чуть было не уронив ее. Улыбка на его лице стала шире, но теперь она выглядела словно с трудом натянутая маска, бегающие глаза выдавали всё больше беспокойства.

— Это... это очень хороший вопрос.

— Ну?

— Мы не знаем точное количество, этих людей никто не считает, и они сами далеко не всегда обращаются к нам, так что подсчет вести весьма затруднительно в виду обстоятельств...

— Не тяни kota за хвост, у вас же есть конкретные цифры заявлений, откуда-то вы получаете информацию о том, что жертвы вообще есть.

— Да, конечно, есть...

Дей вытер ладони о штаны и, стоя передо мной, словно перед строгим преподавателем на экзамене, бледнел, потел и старался не пересекаться взглядом. Вся ситуация стала похожа на сплошной фарс.

— Сколько?

— Три человека.

— Сколько?!

— Три, всего три, это все заявления, что я нашел. Их просто не принимали, а те, что принимали, часто терялись.

— Чего?! Как это вообще возможно?

— Не у всех бедняков есть документы, а без них доказать, что кто-то исчез, нет никакой возможности. У проституток документы как правило отбирают, и их... работодатели не заинтересованы в огласке, поэтому ищут женщин своими силами. Дети, в свою очередь, рождаются и живут первые лет десять без каких-либо свидетельств из-за высокой смертности, а старики... они сами по себе часто теряются в трущобах.

Откинувшись на спинку стула, я потёрла ладонями лицо, пытаюсь осознать масштаб бедствия. Три, всего три из... сотни? Или десятка? Как вообще в таком случае понять, где охотится похититель, кого предпочитает, когда, в какие дни и время суток, и есть ли какие-то связи между жертвами кроме того, что они бедны.

— Ты вот мне это сейчас рассказываешь и хоть понимаешь, насколько глупо выглядят стражи города и какими людоедами предстают?

— Сэра, ты преувеличиваешь.

— Я преуменьшаю, мой нерадивый друг, — опустив руки, я вновь посмотрела на Дея, он уже заметно успокоился, наконец-то выдав самую щекотливую часть этой истории. — А те заявления, что теряются? Где? Как?

— Это чуточку сложнее, но было несколько обращений, канувших в лету из-за того, что родственники «потеряшек» забирали заявления или переставали выходить на связь. Еще парочка документов исчезла на пути в замок, в приемную министров, но надо отдать должное, там всегда много работы, прошения приходят со всей страны.

Покачав головой, я быстро доела завтрак и, также одним махом выпив чай, отправилась к шкафу, откапывая в нем самую удобную одежду для прогулок.

— И где же ты собрался искать вора?

— У меня на руках есть сегодняшнее обращение о пропаже мальчика. Отец ребенка точно указал, где его сын находился последний раз, там можем и поискать улики.

— И когда это случилось?

— День назад.

— Многовато, едва ли мы что-то отыщем там, где уже потоптались люди.

— Мы хотя бы можем опросить свидетелей. Мальчишка торговал цветами рядом с магазином, район более-менее приличный, и продавщица могла что-то заметить.

— Это будет чудом, учитывая, как сильно напуганы жители.

Отправив Дея обратно на улицу, я наскоро переоделась и, собрав волосы в хвост, прицепила к ремню брюк трость. Неведомое чудище на миг мигнуло мне своими рубиновыми глазами. Искусные, тонко выплавленные щупальца, казалось, вот-вот дрогнут, освобождая клинок или только рукоять от недовольного монстра. Пальцы охотливо огладили серебряные переплетения конечностей.

— Нам пора.

Сама не зная, кому именно адресовалась эта фраза, я выглянула в окно, заметив помимо неожиданно бледного солнца еще и морось, какая, бывает, неделями тянется осенью. Поразмыслив немного, к рубашке и жилетке в серую клетку, я взяла еще и пиджак из тонкой шерсти. Была бы возможность, я бы вообще не вылезала из костюма-тройки, но остатки летнего тепла всё еще терзали земли Санктума.

Собравшись, я спустилась к Дею и, предупредив горничных об отъезде, отправилась с ним в «трущобы» города. Стоит также отметить, «трущобами» кварталы бедняков называли бы только светлые. Припоминая тесную, разномастную и шаткую набережную улицу Каара, я планировала встретить подобное и в здешней столице, но она меня удивила. Мы достаточно долго ехали к нужному месту, пересекая почти весь город, к северу Санктума, и чем дальше мы пробирались к неблагополучному району, тем старше и страннее становились здания, окружавшие нас в пути. То, что я назвала бы историческим центром, оставшимся со времен эльфов, здесь было отдано на милость судьбе, и безумно красивые, удивительные дома доживали свой век в пыли, грязи и остатках водорослей.

Здесь безумно пахло сыростью, соленым морем, рыбой и влажной, заболоченной землей. Оставшиеся в целости стекла были затянуты остатками тины и ярким зеленым мхом. Потрясающие в своей искусности витражи сохранились только там, куда не мог бы попасть человек. Стены с растительными узорами, словно сплетенные из податливых стволов деревьев и увековеченные в измазанном грязью камне, прихотливо изогнутые арки, напоминающие чуть склоненные в поклоне стебли подснежников, были завешаны старой пожелтевшей парусиной, обозначающей вход в чужое убогое жилище, сложенное на узкой улочке.

Где-то вдалеке послышался шум воды, Скай, переменчивая в своем настроении, мягко омывала берег, пока только шаловливо играясь с верхними ступеньками широкой тропы, ведущей к морю. Она явно здесь была хозяйкой и рано или поздно добиралась до домов, захватывая их увядшую красоту и ненадолго закрывая изгвазданный илом и песком пол. Совсем скоро, возможно ближе к ночи, это место будет снова во власти воды, напоминая своим видом декорации для безумно печальной сказки, в которой некогда прославленный народ оставил свои владения, чтобы переместиться в холодные, неприветливые леса.

— Как давно эльфы оставили свои дома здесь?

— Сложно сказать, когда сюда пришли первые Целестинцы, мы еще долгое время жили бок о бок. Большая часть длинноухого народа, конечно, предпочла занять новые земли, но такие вот кварталы тоже оставались, с теми, кто не желал покинуть свои исконные владения. Со временем их кровь смешалась с человеческой, растворилась в веках, а последние

постройки заняла разлившаяся сверх меры Скай. Это произошло постепенно, настолько незаметно, что, когда люди спохватились, спасти тут уже было нечего.

— Как всегда.

Я вновь прикинула к стеклу, наблюдая, как после очередного поворота впереди показались витрины небольшой торговой улочки. Подъехав ближе, я заметила на одном из плакатов профиль полуобнаженной красивой девушки с закрытыми глазами. На фиолетовом фоне с зигзагообразной окантовкой выделялись ее золотые волосы, прорисованные так, словно они были подобны вьющимся лозам, а в изящной ручке лежала закуренная сигарета, дым от которой тонкой струйкой уходил под название компании, выпускающей папиросную бумагу. Художник нарисовал свою работу так, что в лице незнакомки легко было прочесть чувственное удовольствие, блуждающая на губах улыбка и расслабленная поза притягивали взгляд, будто речь в рекламе шла не о курении, а о чем-то большем.

Даже сигаретку захотелось.

Голос напарника бесцеремонно вывел меня из созидательного транса.

— Мы проедем еще немного вперед, на восток, на границу кварталов, там нас встретит Рейчел Бойд и, надеюсь, подскажет что-нибудь касательно пропаж.

— Фамилия какая-то знакомая.

Дей пожал плечами, заглядывая в свою скудную папку с бумагами дела, но затем понимающе покивал.

— У вас какое-то время работал ее кузен Иден.

— Точно, контрабандист.

— Только ей не вздумай говорить об этом! Мы столько сил приложили, чтобы эта чудовищная казнь была оправдана и не выглядела как... как...

— Расправа?

— Вот именно!

— Учту, но только если она не будет такой же язвой, как отец Тристана.

— Лоркан между прочим успел пожаловаться Аврелиану на твою дерзость, он считает, что тебе дали слишком много прав, и просит приставить к тебе опекуна.

— А Авель что?

— Обещал принять меры, навряд ли он действительно станет что-то делать, но точно попросит быть сговорчивее.

— Уже просил, но на опекуна я бы посмотрела, Фоули, надеюсь, сам не вызвался «помогать» мне?

— Нет, хотя насколько я понял, он был бы не против.

Не сдержав плотоядной ухмылки, я с нежностью огладила рукоять трости. Так же легко, как и сын, Лоркан не отделался бы при встрече.

— Хм, я теперь даже не знаю, чего хочу больше: чтобы у Авеля хватило мозгов отказать или чтобы мне наконец-то дали в распоряжении эту тушу насквозь гнилого мяса, что вы по ошибке называете министром.

Покривив лицо, Дей показательно одарил меня недовольным, осуждающим взглядом.

— Я сделаю вид, что этого не слышал.

— Как пожелаешь, но я и в глаза могу это повторить.

Папка в руках светлого тут же была отброшена на сиденье рядом. Юноша театрально всплеснул руками, будто мы затронули мучившую его тему.

— И именно поэтому на тебя сыплются беды. Промолчи ты хоть раз, Сэра, неужели это

так сложно? Ты же девушка, меньше яда, ты создана, чтобы нравиться людям, а не огрызаться, как собака на привязи.

— Ой, как интересно, и для чего же еще я создана?

— Для любви! Прояви ты хоть каплю терпимости, воспользуйся ты хотя бы толикой женского обаяния, сразу бы получила всё чего пожелаешь в этой жизни.

— Отдай свою задницу богатому папику, и работать больше бы не пришлось, чего же ты не идешь на это, Дей?

Кровь тут же прилила к лицу напарника, заставив его заметно покраснеть. Почти половину минуты в салоне было тихо, водитель направил машину к концу торговой улицы.

— Я... Это же совершенно другое.

— Ну конечно, другое. Знаешь, что? Свой совет себе посоветуй, а в мою жизнь не лезь.

— Я пытаюсь помочь!

— Ох, знаю я одного южанина, который бы твою симпатичную мордашку с радостью всеми богатствами и вниманием одарил.

Накрыв ладонями пылающие уши, Дей выглядел как ребенок, спрятавшийся от неприятной ему темы. Уткнувшись взглядом в пол, он замотал головой.

— Сэ-эра!

— И не только мордашку, ты же с мужчинами еще не был? Так выйдет даже гораздо ценней.

— Прекрати нести эту похабщину.

— Я для тебя стараюсь, хочу сделать как лучше.

— Это чудовищная пошлость, и я даже задумываться не хочу, откуда ты знаешь подобные тонкости.

— Ну разве это тонкости, вот если бы ты еще танцевать умел...

Машина остановилась возле очередного магазинчика Кейна, и Дей, получив возможность сбежать, вылетел на улицу быстрее выстрела пробки от шампанского, громко хлопнув дверью. Его все еще смущенная, сгорбленная фигура промелькнула перед окнами и скрылась за зеленой кованной дверью, украшенной металлическими стеблями и лепестками лилейника.

— Какие мы нежные.

Последовав за напарником, я не спеша вышла наружу, к большой стеклянной витрине, полной комнатных растений в симпатичных глиняных горшках. За ними, словно за стеной джунглей, показалась дородного вида девушка с русыми, аккуратно завитыми кудряшками, торчащими из-под тканевого ободка. Приятное овальное лицо еще не покинула детская пухлость щек, и вкупе с яркими губами и выкрашенными в черный цвет длинными ресницами она слегка напоминала фарфорового пупса, каких обычно в огромном количестве собирают на полках старые девы. Отчаянно жестикулируя, цветочница что-то втолковывала Дею, перегнувшись через прилавок и постукивая кулаком по столешнице. Не решаясь прервать тираду, я зашла, только когда напарник как-то обреченно начал поглядывать в мою сторону.

Толкнув дверь магазина, я услышала звон колокольчика над головой, носа коснулся особенный запах цветов и травы, какой бывает только в таких магазинах. Растянув губы в максимально вежливой улыбке, я хотела было представиться, но Рейчел, дернувшись ко мне, резко рывкнула.

— Закрыто! Приходите позже!

— П-простите...

Тотчас решив, что разговор окончен, цветочница повернулась к Дею и, не стесняясь моего присутствия, продолжила монолог как ни в чем не бывало.

— Так вот, эта падаль, этот маленький засранец посмел торговать своими вшивыми цветочками прямо у нашего магазина! Я ему раз сказала, два сказала, а он только отходил на время и вновь возвращался, стоило мне только заняться клиентами! На третий раз я его отходила шваброй по хребту и приказала убираться отсюда, так он такой вой поднял, мол, денег совсем нет! Папке долг отдавать нечем! А я вот, что скажу, нечего было за игральный стол садиться, раз денег нет! Азартные игры, они же только для богатых, на кой черт его отец вообще полез туда? Бездельник и алкоголик, лучше бы нормальную работу нашел и сына к делу пристроил, а то только болтаются по городу, да попрошайничают, смотреть противно! Правильно этот похититель делает, нечего его искать, он же санитар леса! Всем нам услугу оказывает, очищает город от таких бесстыжих, бестолковых, грязных, больных уродов, что плодятся в трущобах, как крысы помойные! Не ровен час, принесут в нормальные районы заразу или вшей, что тогда делать будем?!

Напарник, понимающе покивав для вида, попытался вставить хотя бы один вопрос.

— М-мисс Рейчел, м-может вы всё же видели...

— Да пропади они все пропадом!

— Я-ясно...

Осторожно отступив, я воспользовалась моментом, чтобы выйти обратно на улицу. Дей, успев только повернуться ко мне, тут же был пойман цветочницей за руку и обязан был оправдаться перед ней за нерешительность властей, проблемы на улицах и множество других вещей, что с невероятным тщанием припоминала Рейчел. Оставив их наедине, я решила немного прогуляться вокруг магазина, в наивной попытке отыскать следы мальчишки.

На узкой торговой улице в разгар дня было удивительно немногочленно. По серой мостовой в основном спешили работники, разнося заказы в дома побогаче на противоположной от нас стороне улицы. Гуляющих я насчитала человека три от силы. Еще один был почтальоном с каким-то коробом в руках. Никого подозрительного, никого знакомого, будто в этом месте всегда царила идиллия. Представить затесавшегося между магазинами мальчишку было сложно, несмотря на довольно темный переулок прямо за цветочным. Оценив обстановку, я нырнула туда, желая обогнуть здание, но стоило мне оказаться в полутьме под навесом крыш, вниманию открылся узкий длинный проход, ведущий прямо к трущобам. Недолго думая, я двинулась вперед, стараясь внимательно смотреть под ноги. В нос ударил запах мочи и чего-то гнилого, среди каких-то тряпиц и мусора на земле мелькнули пожухлые лепестки мелких фиалок и колокольчиков.

По хребту, значит, отходила, ну и сука же ты, Рейчел.

Мальчишка не был для нее человеком.

Для меня она тоже теряет всякий человеческий вид.

Где-то впереди, в конце прохода, послышался странный звук, словно кто-то осторожно свистнул, над головой вспорхнула птица с красным брюшком и черными крыльями. Пролетев вперед, она завернула за угол, откуда снова издала это странное пение. Поспешив за ней, я успела расслышать хриплый, чуть скрипящий голос старика.

— Прошу вас, верните его, умоляю, я сделал ошибку...

Раздалось шарканье, словно кто-то пытался ползти на коленях. Ответивший был явно моложе, говорил с тоном учителя, отчитывающего ученика, и его голос звучал неожиданно

глухо.

— Ты получил свои деньги, договор нельзя расторгнуть.

— Нет-нет, оно того не стоит, ничего не стоит его жизни!

— Ты слишком поздно это осознал.

— Но ведь еще можно повернуть это вспять? Можно же? Я верну деньги.

— М-м-м... Я могу принести тебе его часть.

Медленно, стараясь даже не дышать, я подходила к полуразрушенной арке, ведущей в крохотный пяточок между домами. Взгляду медленно предстали двое: старик с жидкой бородкой, лысиной в пигментных пятнах, в перепачканном тряпье, и высокий мужчина в длинном угольном, словно поглощающем свет плаще с глубоким капюшоном.

Положив ладонь на ручку трости, я сдвинула щупальца, уже делая шаг вперед, но тихий щелчок замка тут же заставил незнакомцев развернуться. Мужчина в черном резко поднял голову, на его лице показалась гротескная театральная маска. Одним взмахом руки он создал темную, как ночь, дымку, заполнившую все пространство и обжёгшую меня столь знакомой мертвой магией.

Всё-таки некромант...

Вопрос чести

Отступив на мгновение, я невольно дала фору некроманту, и, скрывшись за плотной завесой, он быстро нырнул в один из мелких переулков за своей спиной. Мужчина, сидевший на коленях, приглушенно застонал, схватившись за лицо, некрос оставил на его коже красные пятна и мелкие волдыри, какие обычно бывают от ожогов. Легко отделался, если подумать, благодаря собственной магии я смогла отгородиться от неприятного воздействия, но для обычного человека всё могло кончиться серьезными язвами на лице.

Обогнув жертву, я последовала за незнакомцем в маске и, едва сунувшись в узкий проход между домами, поняла, что оказалась в настоящем лабиринте улиц и стихийных построек между руинами когда-то богатых и прекрасных районов. В длинном прямом коридоре нашлось не меньше десятка боковых переулков, и, пробегая между ними за почти незаметно мелькнувшей фигурой в темном плаще, я замечала дырявые куски парусины, изгвазданные в грязи и натянутые между остатками древних стен. Хибарки, скроенные из прогнившего дерева, подобные наростам на мертвом каменном исполине, бывшим некогда то ли храмом, то ли просто богатым домом. Мелкие, тусклые костры и чуть тлеющие угли в очагах из мраморных обломков пилястр и капителей. Покрытые тиной и остатками водорослей скользкие дорожки, где, кажется, никогда не успевает просохнуть земля, оттого во всем районе стоял неприятный смрад из запаха гнилой рыбы, стоялой воды, гари и мусора, что складировался на улочках посвободнее. Некромант не стеснялся вести меня в самые жуткие и мерзкие места, будто надеясь вызвать у меня если не приступ брезгливости, то хотя бы тошноту. Он лихо обходил завалы, легко уворачивался от растянутых бельевых веревок и ловко скользил на поворотах, там, где я едва могла устоять на ногах, отчаянно стараясь не касаться руками подозрительного подвижного покрытия каменных плит.

— Да, чтоб тебя!

Перепрыгнув кучу мусора, неожиданно сунувшуюся в ноги прямо за углом очередного здания, я болезненно приложилась плечом об арку. С нее охотно просыпались мелкие камешки и что-то шевелящееся, тотчас скинутое на землю ладонью. Незнакомец, не дожидаясь меня, скрылся в конце коридора.

Нужно было бежать, снова пускаться в погоню, хотя прогулка на воздухе мне окончательно надоела. Большая часть одежды покрылась грязью, несмотря на все мои попытки двигаться аккуратно. Легкие словно горели пламенем, и не тем, что обычно тянуло меня в бой, наоборот, оно словно выжигало мои силы изнутри, я не удивилась бы, узнав, что подцепила что-то здесь и заболела. Мелкие каналы и речки, коими пестрил старый район, собирали в себе помой жителей трущоб и впадали в море, иных источников воды, кроме, может быть, совсем старых колодцев, я тут не видела.

Возмущение Рейчел перестало казаться столь странным и высокомерным, отчаянно хотелось в душ и к доктору, хотя бы просто проверить, всё ли в порядке.

Отделившись от арки, я сжала руки в кулаки и двинулась вперед, крутя головой и активно озираясь. Мне нужен был хотя бы намек на срез, чтобы догнать и поймать подозреваемого в похищениях. Я видела, куда он свернул, и могла бы тихо пройти к нему через параллельную улицу, ослабив бдительность, но для этого нужно было самой проявить внимательность, приглядевшись в сумрачные, скрытые от солнечного света крошащимися тяжелыми крышами проулки.

Недалеко от меня вновь послышался странный переливчатый свист птицы, красное брюшко мелькнуло над домом рядом и скрылось в едва заметном проходе. Недолго думая, я бросилась вслед, словно гончая, почуявшая приближение цели. Под ногами снова что-то хлопнуло и издало последний писк, мерзкое зловоние перекрыло запах моря и спасительный бриз. Быстро проскочив маленький сквер, я нырнула уже в частично затопленный квартал. Земля здесь и каменные плиты улиц заметно просели и лежали под наклоном, постепенно сползая в соленые воды. Самостроя здесь оказалось гораздо меньше, но на дорожках то и дело попадались валуны и рассыпавшиеся части колонн и забытых галерей, будто намеренно скрывшиеся в воде и ошетилившиеся острыми каменными углами, как диковинные ежи. Передвигаться стало намного сложнее, каждый шаг пришлось выверять, цепляясь за скользкие стены и уповая на то, что обувь выдержит это жуткое испытание. Крика птицы больше не было слышно, я шла вперед, держась только на собственном упрямстве, и спустя не больше четверти часа наконец-то ощутила отголосок некроса, легкий флёр, скрывшийся за искусной постройкой на бывшем берегу. Вокруг нее воды было почти по колено, но на единственной сохранившейся платформе, одной стороной открытой морю, оказалось почти сухо. Обогнув ее так, чтобы отрезать некроманту путь назад, я, почти не дыша и не издавая ни звука, поднялась по пристенной лестнице. Черная фигура с неестественно черным, чуть подрагивающим плащом, стояла совсем рядом, спиной ко мне, будто прислушиваясь к чему-то. Не теряя ни секунды, я бросилась вперед, упав сверху и тут же обхватив шею мужчины. Пригнувшись от неожиданности, незнакомец не сразу дал отпор, стараясь сохранить равновесие и сделав пару шагов вперед. Оголенный клинок в моей руке опасно приблизился к маске, еще чуть-чуть и полоснув лезвием по шее или фарфоровой поверхности гротескной, жуткой улыбки под капюшоном. Некромант на миг замер, будто испугавшись оружия, но спустя всего мгновение попытался скинуть меня, вцепившись в руки.

Затрещала ткань пиджака, крепкие пальцы с силой дернули меня вперед, пытаюсь сбросить через голову мужчины. Чуть не выронив клинок, я обхватила незнакомца ногами, стараясь удержаться на его спине. На каменные плиты упала вторая часть трости, вылетев из специального паза в ремне, и, опасно прокатившись под некромантом, подобралась к самому краю платформы.

— Не дергайся!

— Только после вас.

Сдавленный голос мужчины вновь показался мне знакомым, в какой-то миг даже показалось, что я вот-вот вспомню, где слышала его раньше, но, именно в этот момент подавшись назад, некромант резко ударил меня о стену. На миг воздух выбило из легких, в глазах потемнело, и чужие руки мощным рывком небрежно скинули меня на землю. Где-то под нами вдруг раздался шум и оглушающе громкий всплеск воды.

Несколько безумно долгих секунд я не понимала, что творится и почему, упав, словно скользила куда-то вниз, будто не только мужчина, но и сама платформа вознамерилась избавиться от меня. Инстинктивно попытавшись уцепиться за стык плит, я тут же ощутила, что они подвижны и, сдвигаясь, чуть не зажали мои пальцы в крепких тисках. Поднялась пыль, море зашумело чересчур близко. Жутко накренившись, остаток постройки быстро сползал в Скай, забирая меня с собой, как неожиданную добычу, и только незнакомец, зацепившись за остаток стены и словно неожиданно проникнув ко мне сочувствием, вдруг попытался вновь поймать меня, не дав утонуть вместе с тяжелеными грязными

плитами.

— Держись!

Я как могла приподнялась на локтях и вытянула руку, на какое-то краткое мгновение наши пальцы соприкоснулись, но накренившийся камень тут же вырос между нами, с легкостью сбросив меня в соленые ледяные воды, быстрым течением огибавшие древний район.

Стремительный поток вытянул меня из-под накрывшей сверху глыбы и подхватил, словно мелкую тростинку, унося куда-то к границе города. Хотелось закричать, позвать на помощь. Грудь болезненно сдавило, воздух уже кончился, но, пытаясь вынырнуть, высунуть хотя бы нос из Скай, я неизбежно глотала воду и давилась, не в силах сделать хотя бы один полный вдох. Рукоять клинка, зажатого мной словно в судороге, вдруг нагрелась и даже не от моей силы, а будто сама по себе, вторя моей беззвучной мольбе или почувствовав себя в родной стихии. Что-то шевельнулось под пальцами, щупальца дрогнули, и море, равнодушное к моей бессмысленной борьбе, вдруг всколыхнулось, направив свои серые волны к берегу и спасая меня от возможности потеряться в открытой воде. Где-то перед глазами, на краткий миг вдоха, мелькнул древний канал, ведущий вглубь кварталов. Скай несла меня к нему, небрежно подбрасывая и словно играясь, но каждый раз, когда я погружалась под воду, моих ушей достигал неестественный, жуткий звук, будто что-то поистине огромное неразборчиво напевало или бормотало незнакомые мне слова, насильно заставляя вслушиваться в текст, тем самым мешая попыткам спасти свою жизнь.

Софи, воткни клинок в камень, попробуй зацепиться хоть за что-то!

Голос Ньярла возник в моей голове столь неожиданно, что перекрыл собой странное притягательное влияние незнакомого существа где-то глубоко в море, но его зов всё еще слышался и никак не желал отступить. Не теряя времени даром, я постаралась вытянуть руку, это вышло нелегко, замерзшие конечности едва шевелились, а лезвие неприятно, мерзко чикнуло по камню, заставляя меня мысленно поежиться. Я не верила в свои силы, честно говоря, тогда я уже не верила ни во что, удерживая в сознании лишь команду Ньярла. Остальная часть разума была потрачена на возможность противостоять усилившемуся зову, повторяющему что-то отвратительно жуткое и противоестественное в своих нечеловеческих текстах. Ни одна глотка не могла бы издавать такие звуки, и ничто живое не смогло бы произнести такие безумные, непонятные, чужеродные слова. На какое-то мгновение я ощутила себя мухой в сиропе. Где-то поблизости были силы, намного превосходящие меня и всё сущее, на их фоне распри двух стран показались детским лепетом, игрой в песочнице, под наблюдением существ намного сложнее и сильнее, чем мы.

Софи, держись крепче!

Несмотря на потеплевшую рукоять клинка, мои пальцы словно примерзли к ручке, вновь поднеся лезвие к каменной стене канала, я переждала неприятное соприкосновение и, вцепившись обеими руками, смогла-таки вонзить металл в стык плит, зацепившись и болтаясь на воде, будто осенний лист в придорожной канаве.

Еще чуть-чуть, давай, еще немного.

Ньярл как мог давал мне силы, заставляя меня шевелиться и перебирать ногами, чтобы развернуться и, получив опору, подтянуться к краю канала. Перевалившись через низенький борт, я ощутила, как подо мной вновь осыпается камень. Куски зеленоватого порфира громко падали в воду, вызывая тучу брызг, пока я на четвереньках отползала подальше от канала, чувствуя, как морской бриз еще сильнее холодит промокшую одежду.

Ты молодец, ты очень хорошо справилась, но нам нужно двигаться дальше, иначе ты замерзнешь.

Покивав в ответ, я забралась в ближайшие развалины, спрятавшись от ветра, желудок болезненно сжался и выдал обратно часть проглоченной воды. Меня тошнило до тех пор, пока в стиснутом спазмом желудке не осталось даже желчи, но отвратительный, грязный и соленый привкус Скай всё еще блуждал на губах. В голову пришло гадкое, неуместное сравнение: я будто целовалась с шлюхой, или я сама...

— Кто здесь?

Из темноты прохода в соседнюю комнату показался чей-то силуэт. Худая, словно неловко вырезанная из древесины женщина выставила перед собой фонарь с крохотным, тусклым, но еще светящимся камнем. Повернувшись к ней, я хотела было извиниться или попросить помочь, но мне не дали и слова вставить. Жуткий, истошный визг неприятно резанул по ушам. Где-то за хлипкими деревянными стенами послышалась возня и торопливые шаги.

— Клинок! Клинок! Здесь некромант! Помогите!

Я не успела и глазом моргнуть, как в комнату набились еще несколько человек, опасно сторонящихся меня, но вооруженных кухонными ножами, кочергой и даже лопатой. Не решаясь встать и притулившись у дальней стены, я честно попыталась оправдаться, но из горла раздался только сип. Всё, что мне осталось, это спрятать клинок за спину и замотать головой. От усталости, холода и боли, растекающейся по телу, стало почти до слёз обидно за себя. Я же пыталась помочь этим людям и точно не выгляжу так, словно пришла их убить, мне хотя бы просто устоять на ногах.

— Свяжем?

— Только сначала обезоружить.

— Порезет ведь небось, ты глянь, какие глаза злющие.

— Да ударь ты ее посильнее по голове!

— Ну так поддержи, я и ударю.

— Сам поддержи! Мне еще жизнь дорога.

— А одежда-то неплоха, может и в карманах, что найдется.

Закашлявшись, я сильнее вжалась в стену и, опираясь на нее, встала, вновь выставив клинок.

— Не подходите.

Мой тихий голос потонул в шуме чужого спора, в глубине дома послышались еще шаги. Кто-то бежал по старым, скрипучим доскам и через несколько мгновений в проеме комнаты возникла белесая голова моего напарника.

— Всё в порядке! Можете расходиться! Дей Уинн, Мастер по особым делам его величества Аврелиана, данная особа мой помощник, можете не волноваться.

Ловко просочившись через толпящихся у порога людей, Дей тут же скинул пиджак и, оказавшись рядом, накинул его на меня, крепко обняв одной рукой и будто пытаясь загородить от остальных. Вежливо улыбаясь разочарованной публике, свободной рукой он быстро выудил из-под рубашки кулон в виде солнца и, продемонстрировав окружающим, быстро потянул меня из дома.

— Как ты меня вообще нашел?

— Почувствовал всплеск некроа у магазина, нашел старика и даже попытался пойти за тобой, но я, кажется, растерял форму. Гулял по району, опрашивал людей, пока не услышал

крик.

— Спасибо.

Преодолев длинный деревянный коридор, соединяющий сразу несколько хибар, мы оказались на улице. Напарник уверенно направился вверх по дороге, оглядываясь и помогая мне идти.

— Ты видела, кем был похититель?

— Нет, у него была старая театральная маска, фарфоровая, с улыбкой, и странный черный плащ.

— А магия? Ты тогда бросила заклинание у магазина или он?

Поморщившись, я помолчала недолго, не зная, как поступить. Признаваться совершенно не хотелось. Страшно было только представить, какой вой поднимется среди светлых, узнай они о некроманте. Столица наполнилась слухами, количество жертв не было известно, но болтливые языки с радостью додумают нужную цифру, приумножат и приукрасят, дополнив соответствующими подробностями о страшных, кровавых ритуалах. Смогу ли я остаться здесь после этого, и какая волна ненависти меня ждет в высшем обществе? Не посадят ли меня саму, на всякий случай? Не устроят ли самосуд над всеми, кто хоть чуть-чуть похож на некроманта?

Память охотно напомнила о недавней «аварии». Люди действовали так слаженно, что едва ли это было случайное нападение. Возможно, среди министров есть человек, особенно питающий нелюбовь к темным. Тот же Лоркан мог собрать рабочих для расправы, хотя от него я бы ожидала скорее собственное похищение и подвал с пытками. Значит, есть кто-то еще? Но некромантов ненавидят или опасаются абсолютно все, кроме, кажется, Аластора, по непонятным мне пока причинам. Поиски в этом направлении бесполезны, остается лишь защищаться и по-возможности избегать обострения ситуации. Так будет лучше для меня.

Но сможешь ли ты просто забрать шанс остановить похищения? Позволить этому продолжиться, наблюдая за тем, как раз за разом исчезают люди? Даже Энн этого боялась, и не вернись она однажды из школы, ты простишь себе это?

— Сэра?

— Да, это был он.

Впереди показался очередной магазин Кейна, на этот раз частично заросший плетистыми розами, занявшими часть витрины и свисающими с крыши над входом. Мелкие, кроваво-красные лепестки россыпью выглядывали из-под темно-зеленых листьев, лишь кое-где ошетилившись мелкими иглами. На зеленой окованной железом двери в свете редких лучей солнца поблескивала медная ручка в форме раскрытого бутона.

— Ты понимаешь, что мне придется передать это Авелю?

— Понимаю.

— И не только ему.

— Мне стоило промолчать?

— Нет конечно, просто... я хочу предупредить, чтобы ты была осторожнее и... спасибо, что рассказала об этом.

— Пожалуйста, но, если моя жертва будет напрасной, я тебе это не прошу.

Мы поднялись по ступенькам из красного кирпича на крыльцо, Дей услужливо открыл мне дверь и помог зайти внутрь, в пропитанный ароматом цветов магазин, показавшийся мне удивительно прохладным даже по сравнению с улицей.

— Извините, можете нам помочь?

Напарник всё еще придерживал мои плечи, будто опасаясь, что я сбегу или упаду в обморок. Его ладони показались невероятно теплыми даже через ткань одежды, но ни их, ни промокшего на мне пиджака уже не хватало, чтобы хоть капельку согреться.

— Да-да, секундочку.

Из подсобного помещения выглянула девушка, неожиданно привлекая остаток моего внимания. Она не выглядела как целестинка, волосы угольные, распущенные, подвязанные небольшой лентой с кружевом по краю. Лицо крайне бледное, глаза темные будто без радужек и большие, словно у куклы, смотрели с долей интереса. Аккуратный фартук плотно перетягивал талию свободного платья с пышной юбкой, спокойная полуулыбка затронула алые, словно лепестки роз губы.

— Вы что-то хотели?

Дей, явно засмотревшись на цветочницу, чуть вздрогнул и снова выудил из-под рубашки свой медальон.

— Да, простите, я Дей Уинн, мастер особых дел короля Авреллиана, а это моя помощница Сэра Блэквуд. Мы оказались в этом районе по крайне важному поручению и столкнулись с трудностями. Если это возможно, прошу вас, присмотрите за Сэрой, пока я сбегаяю за машиной, и напоите ее горячим чаем, я буду очень благодарен вашей помощи.

Ощувив, как желудок вновь болезненно сжался, я невольно втянула голову в плечи, повернувшись к напарнику.

— Чай, наверное, будет лишним.

Его руки на миг сильнее стиснули мои плечи, словно предостерегая от дальнейших возражений. Цветочница с готовностью покивала и подошла ближе, осторожно взяв меня за ладонь. Ее кожа на ощупь была чуть ли не холоднее моей, словно у настоящей фарфоровой куклы.

— Конечно, никаких проблем, я присмотрю за леди, можете идти.

— Еще раз спасибо.

— Пожалуйста.

Коротко кивнув мне, Дей развернулся к выходу. Медный колокольчик над дверью звякнул, и единственный источник тепла покинул магазин, оставив меня в холодильнике для срезанных цветов и уже готовых букетов, выстроившихся рядом у дальней стены.

— Кажется, у меня был здесь плед на случай поздних поставок, сейчас поищу, а пока проходите, располагайтесь.

Девушка потянула меня в подсобку, где в просторном, с половину главного зала, опрятном помещении изысканной резной ширмой была отделена маленькая кухня и место отдыха со стареньким мягким диваном. Бросив взгляд на гобеленовую тканевую обивку, я было замешкалась, но цветочница настойчиво усадила меня и, отыскав на рабочих стеллажах ворсистый хлопковый плед, завернула меня в него, скинув промокший пиджак.

— Если хочешь, можешь умыться и привести себя в порядок, пока я грею воду. Дверь сразу за полками.

— Спасибо, а как вас зовут?

— Ой, А...Алиса, да, приятно познакомиться.

— Взаимно.

Вновь поднявшись на ноги, я, осторожно кутаясь, прошла в туалет, встав перед раковиной. Из кухни донеслась легкая, ненавязчивая музыка, застучала посуда, и слышалось тихое мычание Алисы в такт песне. Ее лицо Ньярлу кого-то напоминало, и судя по внешнему

виду она могла быть родственницей кого-то из Сомны. Моя же физиономия, отразившаяся в зеркале, повергла в тихий ужас, грязные коричневые и зеленые разводы после воды в канале выглядели как плесень на мертвце. Волосы выбились из хвоста и прилипли ко лбу вместе с мелкими остатками водорослей, губы потрескались и выглядели совсем бескровными. Глаза в обрамлении покрасневших век неприятно пощипывало от остатков соли на коже.

— Жесть какая.

Поправив клинок, болтающийся за поясом, я начала полоскать рот и умываться, отчаянно пытаюсь убрать хотя бы часть того неприятного, мерзкого налета, оставшегося на одежде и лице. Мысли и чувства постоянно возвращались к тому зову, что я услышала в Скай.

Что это было?

Не знаю, но, видимо, нечто отреагировало на твой клинок. Его рукоять была заменена давным-давно, и только мастер сможет сказать, какое чудовище он изобразил на ней.

Мне стоит опасаться?

Не думаю, я бы посоветовал больше не падать с клинком в воду, да и без него тоже не рекомендовал бы.

Голос Ньярла был спокоен, но я ощущала, что он устал не меньше меня и всё еще переживал за мое состояние. Хотелось подгадать минутку и сбежать к нему в собственную голову, чтобы прикоснуться к той умиротворенности и заботе, что всегда дарил мне этот мертвый маг, но пока на это не было ни времени, ни возможности.

Перевязав волосы и удовлетворившись внешним видом, я посильнее спряталась в плед, выглянув на кухню. Алиса расставила на кофейном столике цветастые чайные пары и выложила в небольшую вазочку печенье с джемом. Встретившись со мной взглядом, она кивнула на диван и вернулась к чайнику на плите.

— Не думала, что в Санктуме появится кто-то из Блэквудов, вы, верно, дочь Аван?

— Что? А, нет, я дочь Каина, он отправил меня сюда поучить Авеля магии, а Дей попросил помочь с похищениями, только как-то не задалось.

Серебристая ложка, полная высушенных листьев, упала на пол, тихо звякнув. Вздрогнув, я повернулась к цветочнице, но она лишь с легкой улыбкой помахала рукой.

— Извините, я бываю неуклюжей.

Смутившись, я понимающе кивнула и втянула голову в плечи, стараясь немного согреть уши пледом. Помолчав немного, Алиса подошла к столику с заварником и осторожно налила мне чай. Во рту всё еще оставались отголоски соли и будто бы прогорклого масла, но отказываться снова не было никаких сил. Замявшись, я аккуратно взяла чашку в руки, просто довольствуясь ее мягким жаром. Цветочница села за стол на потертый домашний пуфик, оставив мне всё место на диване.

— Не слышала, чтобы Каин был женат. Пока я жила в Кадате, он вообще прослыл... довольно ветреным человеком, если можно так сказать.

— Вы жили в Сомне?

— Мои родители оттуда, я там провела детство и юность.

— Не представляла, что могу встретить кого-то из темных здесь.

— У меня нет дара, так что все пути открыты, к тому же господин Аластор не делает различий в происхождении.

— Я о нем слышу в Санктуме чуть ли не больше, чем о короле.

— С его связями в этом нет ничего удивительного, он важный человек в столице во

многих аспектах, особенно в торговле, его мнение намного ценнее и весомее, чем королевское.

— И Авеля устраивает это?

— Не знаю, вам виднее, обычные люди видят короля только по большим праздникам.

— Да, понимаю.

Неловко сгорбившись, я всмотрелась в чуть трепещущую поверхность чая. Меня бил легкий озноб, но тепло и уютная обстановка окончательно разморили. Еще полчаса назад я тряслась на краю канала и размышляла, смогу ли отбиться от жителей так, чтобы меня не кинули в темницу, а сейчас словно перенеслась в иной мир, где не существует ни страшных подводных богов, ни некромантах в подворотнях, ни жаждущих наживы нищих, готовых раздеть за пару монет в карманах. То ли из-за такой резкой перемены, то ли из-за подступающей простуды, всё окружающее казалось таким нереальным, словно сон. Сознание было почти уверено, что мягкий желтоватый свет из ажурных ламп, сладких запах сахарных лакомств и удобное сидение дивана — просто бред тела, оставшегося на полу грязной хибары.

— Вы приехали сюда с отцом?

Голос Алисы вывел меня из легкого, сонного забытья, видимо, она заметила, что я уже готова была отключиться до прихода Дея.

— Я... да, но он уже уехал. В Сомне полно дел.

— А ваша мать? Помогает ему в работе?

— Азура погибла несколько лет назад, во время нападения светлых, успела только передать меня Каину, чтобы он продолжил мое обучение.

— Оу... про-остите...

Алиса странно посмотрела на меня, забыв даже отпить чай из поднесенной ко рту чашки. Замерев на несколько секунд, она отставила посуду и придвинулась ближе.

— Вы дочь Азуры?

— Да, вы ее знали?

— Знала ли я ее?! Знала?! Кхм, какие глупости, конечно, немного, мы были знакомы, но я не припомню, чтобы у нее с Блэквудом был ребенок.

— Она получила его в Храме, как и многие некромантки.

— Надо же, и он, что же, не забыл Азуру и даже принял вас в семью?

— Да, и он с теплотой отзывается о матери, она была очень умной магичкой, и ему жаль, что она умерла так рано.

— Правда? Он так говорит?

— Д-да.

— Бо-оги... он так говорит...

Прижав руки к груди, Алиса на миг зажмурилась, мне показалось, что она вот-вот расплачется, но на ее лице застыла радостная, поистине счастливая улыбка. Ни я, ни Ньярл не понимали, от чего она вдруг стала такой счастливой.

Не желая мешать цветочнице, я всё же потянулась за чаем, чтобы хоть как-то скрасить неловкое молчание, но холодные фарфоровые руки тут же выдернули чашку из моих пальцев.

— Ох, простите, давайте я заварю новый, здесь должно быть всё уже остыло.

— Подождите...

— Не переживайте, это несложно, я рада, что вы заглянули ко мне.

Подскочив, как на пожар, Алиса забрала еще и заварник и, скрывшись за ширмой, включила воду, хорошенько промывая посуду. Растерянно оглядевшись, я потянулась за печеньем и съела хотя бы его, чувствуя, как мерзкий привкус смешивается с сахаром. Неприятно, но лучше, чем ничего.

— Вот держи, этот свежий, очень вкусный, я очень советую попробовать. Я добавила в сбор немного монарды, она отлично помогает при переутомлении и простуде.

— С-спасибо.

Я получила новую порцию чая, Алиса села рядом, с неожиданным воодушевлением глядя на меня. Смутившись, я предпочла скрыться за чашкой, отпив крепкий, чуть пряный напиток. В зале послышался звон колокольчика, и через несколько секунд в дверном проеме показался Дей, взмыленный и заметно запыхавшийся, будто он бегом бежал к магазину.

— Еще раз благодарю за помощь, Сэра, нам нужно идти, я отвезу тебя к врачу и домой, по пути расскажу новости.

— Хорошо, только если ты не против, я загляну в уборную перед этим.

— Конечно, я жду на улице в машине, не задерживайся.

Стараясь не смотреть на цветочницу, я залпом допила чай и быстро скрылась за дверью туалета. Когда я вернулась, кофейный столик уже пустовал, на кухне никого не оказалось. Алиса нашлась в зале магазина за рабочей стойкой, специальными щипцами проходясь по колючим стеблям длинных крупных роз с распахнутыми лепестками. Лишние листья и срезанные шипы с тихим шелестом падали к ногам девушки, пока на кукольном лице с непроницаемыми, черными глазами играла счастливая, немного пугающая улыбка.

— Вы уже уходите?

— Да, мне пора.

— Что ж, очень жаль, приходите ко мне еще, если будете поблизости, я всегда угощу вас чаем, и если это возможно, прошу, передайте мои слова своему отцу.

— Д-да, конечно, какие?

Алиса взяла очередной стебель и, обхватив его гнутыми лезвиями щипцов, отточенным движением провела от бутона вниз, оставив лишь пару темно-зеленых игольчатых листов у кровавой головки. Отложив работу, она подняла взгляд на меня, уголки ее губ дрогнули, словно я сказала ей какую-то забавную шутку.

— То, что меня нет, не значит, что мимик не подглядывает.

— Что?

— Он поймет. Спасибо большое.

— И вам.

Чувствуя, как усиливается озноб, я оставила плед на диване и поспешила выйти из магазина, коротко попрощавшись с его странной цветочницей.

Неприятные открытия

В машине Дея было необычайно тепло, но я никак не могла согреться. Съежившись на сидении и прикрыв глаза, я старалась отвлечься и не уснуть, но веки то и дело закрывались сами по себе. Сознание стало еще более спутанным, тягостным, мрачным, словно я упустила что-то безумно важное или не могла вспомнить какую-то вещь.

Ньярл.

Автомобиль подскочил на выбоине, меня тряхнуло чуть, прогоняя сон. Я смогла сосредоточиться на собственном внутреннем голосе.

Отзовись же.

— Сэра, я могу отвезти тебя к деду, он хороший лекарь.

Напарник присел передо мной и осторожно взял за руки. Его кожа показалась почти нестерпимо холодной.

— Не надо, у Карвенов тоже хватает врачей, с Энн явно кто-то должен быть сейчас.

— Тогда я могу ненадолго оттянуть разговор с Авелем, пока ты не поправишься, и мы не уточним еще пару моментов.

— Было бы неплохо.

— Я должен сказать две важных вещи, постарайся их запомнить.

Чуть влажные мягкие пальцы сильнее сжали мои запястья и потянули к себе, заставив меня наклониться к Дею. Серо-зеленые глаза в полумраке салона странно блеснули, и только сейчас я заметила дерганый взгляд парня и его заметную нервозность.

— Я слушаю.

— Кто бы что бы не спросил, никому ничего не рассказывай, особенно о том, что в трущобах есть некромант. Желательно, конечно, чтобы тебя вообще здесь не видели, но это я уже испортил.

— Что? Почему?

— Мужчина, которого ты встретила в подворотне с некромантом, найден мертвым, а я не могу поклясться, что видел, что ты кого-то преследуешь.

— То есть...

— Тебя могут обвинить в убийстве.

— Это глупость, похищения начались раньше, чем я приехала.

— Но заявления есть только последние, на то время, когда ты уже была в столице.

Сгорбившись и поджав губы, я кивнула, чувствуя себя еще паршивей, чем раньше. Хотелось тут же развернуться к порту и найти корабль до Провиденса, пускай с пересадками, но подальше отсюда и здешних пауков в банке. Я словно переступала лужу, а оказалась в болоте, жуткой засасывающей трясине, которую не обойти и не объехать.

— Думаешь, кто-то специально меня подставил?

— То, что произошло сегодня, невозможно было продумать заранее, но оно очень на руку тем, кто не хотел бы видеть тебя в Санктуме.

— Если бы мужчина выжил, у нас был бы крайне удобный свидетель, он, кажется, знал похитителя, по крайней мере я застала разговор, где он просил вернуть сына, которого забрали то ли в качестве залога, то ли за долги.

— Работоторговля? Этим обычно занимаются южане, но посмели бы они работать подобным образом...

— Когда я провожала Каина в порту, я видела корабль из Тэта.

— Я проверю, но шансов мало, хотя есть еще один вариант.

Замолчав на полуслове, Дей поморщился и опустил голову, рассматривая то ли пол, то ли мои ладони. Освободив руки, я отодвинула напарника от себя, заставляя вновь посмотреть мне в глаза.

— Какой вариант?

— Ориабцы. Они тоже своего рода южане и... некроманты. Их магия ни на что не похожа, но жертвоприношения у них в ходу, и один такой маг сейчас есть в столице. На правах посла один из жрецов их Царицы приплыл к нам полгода назад, затребовав жертву из знати для поддержания торговых путей и дипломатических отношений.

— А что, так можно было?

— Конечно нет! Но такова воля Древнейшей из жриц. Она каждой из стран делала такое предложение, согласились только Ломар, Зар, Тэт и Целестия при короле Адаме. Он отправил к ним помощника королевского мага.

— Этого было мало?

— Нет, просто Царица сменилась и теперь просит обновить договоренности.

— Значит, есть шанс, что это их рук дело?

— Очень мизерный, я бы не рассчитывал, но проверить стоит. Я назначу встречу с послом, но не уверен, что смогу помочь на ней в случае чего.

— Ничего, я сама поговорю и сравню с тем, кого я видела в трущобах, вдруг нам повезет.

— Спасибо.

Слегка повеселев и воодушевившись, Дей быстро улыбнулся и отвел взгляд, словно смутившись. За окном промелькнула знакомая улица, и спустя несколько мгновений мы остановились перед кованными воротами дома Карвенов. На подъездной дорожке красноречиво стояла болотно-зеленого цвета машина врача, отмеченная особым символом чаши и змеи.

— Надеюсь, я не отниму много времени.

— Я извинюсь перед Джозефом за неудобства, если нужно, могу возместить стоимость лечения.

— Не думаю, что это понадобится.

Опираясь на руку напарника, я вышла на улицу и не спеша прошла к крыльцу, чувствуя, как мир слегка покачивается и пылают от температуры щеки. Ладонь потянулась к ручке, но дверь резко открылась передо мной, явив Карвена в не самом приятном расположении духа. Он посмотрел на меня грозно и недовольно, а сделав какие-то свои выводы в голове, шагнул назад, пропуская нас в дом. Дей, подозрительно притихнув, словно бы стушевался перед отцом семейства, пока я, собрав всю волю в кулак, попыталась твердой походкой переступить порог и аккуратно примоститься у стенки.

— Спасибо, что проводил, Дей, дальше я сама.

Джозеф, не дожидаясь от него ответа, хлопнул дверью разделив нас. По спине поползли противные мурашки или что-то, что я подцепила в канале трущоб. Одежда на теле уже не так сильно прилипла, но была всё еще грязной, от чего мне уже захотелось чесаться.

— Сэра, вы что, пьяны?

— Никак нет, мастеру особых дел понадобилась помощь некроманта, но в ходе работы произошел несчастный случай. Я упала в воду и не сразу смогла выбраться. Если вы не

против, я бы одолжила у вас лекаря.

Не успела я договорить, как прохладная загрубевшая ладонь легла на мой лоб и тут же отдернулась. Ничуть не стесняясь, Карвен придержал меня за подбородок и осмотрел лицо, заметно расслабившись и покачав головой.

— Куда вас занесло в этот раз, леди Серафина?

— В труппы.

— Зачем?!

— Я не могу сказать, простите.

— А вы не пробовали ходить в магазины или в кафе, как все обычные девушки?

— Еще нет...

С сожалением вздохнув, Джозеф подставил плечо и помог подняться в свою комнату. Он больше не выглядел строго, скорее расстроено и нервно, будто перенося свои переживания с дочери на меня. Из-за этого к общему отвратительному состоянию в болезни прибавился жуткий стыд, благо врач не заставил себя ждать, не прошло и получаса с приезда, когда на письменный стол лег лист из газетной серой бумаги, исписанный вытянутым, почти нечитаемым подчерком, а Карвен послал одну из горничных в аптеку за нужными лекарствами.

Еще через час я привела свой внешний вид в относительный порядок, приняв ванну и выпив горьковатые микстуры, отдающие на вкус корнем солодки. На большее сил не хватило, даже суп, заботливо приготовленный для меня, остался нетронутым, я уснула, едва только голова коснулась подушки.

В постели, словно заразившись хандрой Энн, я провела еще три дня под неусыпным вниманием Джозефа. Он крайне ответственно подошел к моему выздоровлению и уделял время чуть ли не столько же, сколько и дочери. Меня это бесконечно смущало, особенно потому что Элиза не проявляла ко мне столько чувств и словно совсем позабыла о моем существовании. Поступи так же и глава семейства, мне, наверное, даже было бы проще жить, как минимум за счет того, что знание об Алане как невыполненное обязательство лежало бы на плечах не камнем осуждения, а лишь случайной недомолвкой.

Я была благодарна, в высшей степени тронута заботой, но душа моя словно варилась в адском котле. Не в силах терпеть это, в первые же дни просветления я взяла клинок, оставшийся без трости, и уехала в центр города, чтобы найти мастера для нового корпуса моего оружия.

Жар лета окончательно отпустил столицу, позволив небу хотя бы изредка скрывать солнце проплывающими мимо облаками, несущими в мир редкую морось, неуспевающую даже намочить мостовую. Впервые за всё время в Санктуме мне стало чуточку легче дышать.

Машина с водителем Карвенов ехала не спеша, позволяя мне ознакомиться с рядами маленьких магазинчиков близ основных улиц. Нагромождение цветастых вывесок привлекало внимание и подчеркивало узнаваемый стиль города. Плавные линии и растительный орнамент, подобный творениям Уиллиса Морриса, блаженные дамы в пестрых изысканных нарядах с бокалами шампанского напоминали мне работы Альфонса Мухи. Целестинцы взяли всё самое лучшее у эльфов, переработали и придумали что-то свое, оглядываясь на искусство прежних хозяев земель и отчасти упрощая его в угоду массовости. На всё это было интересно посмотреть, оценить, сравнить с собственным миром и попытаться отыскать в чужеродном пространстве тонкие отголоски прежней жизни. О нынешних проблемах думать естественно не хотелось. Встреча с некромантом и странной

цветочницей выбила меня из колеи, казалось, что, только прикоснувшись к расследованию, я впуталась в странную, сложную сеть чьих-то интересов. Паутина прилипла к руке, паук извещен о вторжении, и он не один. Кто еще пожелает разделить мою шкуру?

Ньярл, ты понял, о чем говорила Алиса, прощаясь?

Не совсем.

Но у тебя есть предположения?

Мы проехали по краю огромной площади, вымощенной светлыми плитами и ведущей к огромному белому храму. Его архитектура была более сдержанной, чем у соседних домов, узоры на камне вплетались точно и собирались в основном возле огромных стеклянных окон, в которых витражами были выложены герметичные рисунки солнца, его лучей и множества бликов на схематичном орнаменте в виде рассветного неба. Не веря своим глазам, я вдруг заметила, что рисунок чуть дрожит и переливается, словно живой.

Нет, никаких.

Маг думал долго, слишком долго для такого ответа, и это выглядело странно, но я не стала задавать еще больше вопросов. Мало ли, что задумала цветочница, едва ли мы еще раз встретимся с ней в городе. Вместо этого я присмотрелась к диковинным витражам, изображение определённо двигалось, при этом оставаясь на месте. Я бы списала всё на магию или какие-то специальные приспособления светлых, но тут мы свернули ближе к храму, и возле монументальных стен неожиданно показались водяные каналы, свет и отражение которых я приняла чуть ли не за волшебную уловку.

Ощувив себя обманутой, я покачала головой как раз в тот момент, когда местный священник повернулся ко мне, будто почувствовав мое присутствие. Взгляд его светлых глаз окатил меня такой волной презрения, что я поспешила задернуть штору, проехав остаток пути до мастерской в закрытом полумраке салона.

В небольшой лавке углового дома на пересечении рынка и одной из главных улиц Санктума меня встретил приятный улыбчивый мужчина средних лет с первыми отметинами седины на висках. Увидев остаток моей трости и хищную голову монстра, сверкавшего на незнакомца своими пугающими, кровавыми камнями, он несколько стусевался и, едва прикоснувшись к клинку, отказался работать над футляром, посоветовав обратиться к кочевникам на рынке.

Сдержанно поблагодарив его, я поспешила выйти из лавки, краем зрения отметив, как мастер осеняет себя знаменем Солара.

Его можно понять.

Но хочется ли.

Собрав волю в кулак, я направилась вглубь рыночной площади, занимавшей огромную территорию и, кажется, весь квартал, скрываясь за самодельными палантинами, аккуратными постоянными торговыми рядами и большой галереей посередине. Там, за каменными стенами, прятались самые дорогие товары. В нос ударил запах тмина, куркумы и корицы, продавцы из Зара наперебой нахваливали ткани, пряности, сладости, фрукты и украшения, пока я через набившуюся толпу пыталась понять, где именно мне могут заново собрать трость.

— Леди Серафина?

Из людского потока меня вдруг выдернула чья-то рука, но не успела я возмутиться, как всё негодование куда-то улетучилось, оставив за собой неожиданное и приятное успокоение. Осоловело похлопав глазами, я встретила с лукавым и восхищенным взглядом зеленых

глаз, уже знакомых мне по другому рынку в другой столице.

— Оу, вы... вы же продали мне лампу?

— Да, не думал, что вы запомнили меня.

— У вас очень яркий... — пространно помахав рукой возле головы, я припомнила, что на лице торговца должен был быть платок, но сейчас ничего не скрывало рыжие волосы и россыпь веснушек на покрасневших щеках. — Волосы. А это ничего, что я вас вижу?

Тонкие губы растянулись в улыбке, парень всё еще придерживал меня под локоть, но его прикосновения не казались неприятными, даже наоборот, от него будто исходило тепло приятного летнего вечера, а нос защекотал легкий запах зелени и моря.

— Наверное, это не очень хорошо, но мне это определенно простят. Вы что-то искали?

— Да, мне тут нужно починить одну вещь, сказали, что это могут сделать только кочевники.

Я аккуратно показала клинок и вновь посмотрела на торговца, его лицо на миг исказилось, будто он попытался скрыть отвращение или недовольство, но оно промелькнуло так быстро, что я готова была списать это на расшалившееся воображение.

— У кочевников и правда есть мастера, способные восстановить трость, но нужно ли вам это? Здесь изображено не самое приятное божество.

— Божество?

— Да.

— Никогда не думала об этом, что ж, она меня не раз выручала, думаю, стоит дать ей еще один шанс меня спасти.

Пальцы на моем предплечье чуть сжались и, отпустив меня, мягко прикоснулись к спине, в то время как свободная рука указала нужный торговый ряд. Вкрадчивый голос послышался над самым ухом.

— Самый край площади, палатки с синими палантинами.

— С-спасибо.

— Я надеюсь, она и правда вас спасет, но прошу, будьте осторожны.

Легкий толчок вынудил меня сделать шаг вперед и вновь влиться в поток покупателей и гуляющих. Огненная макушка быстро пропала из виду, как и домик на колесах, незамеченный мной сразу, но тоже запомнившийся еще на Кадатском рынке. В голову запоздало полезли вопросы: кто этот странный торговец? Почему он знает мое имя? Почему его присутствие так повлияло на меня? Обернувшись, я даже попыталась повернуть назад, но идти против толпы оказалось слишком неудобно, пришлось вновь направиться к границе рынка, списав необычную встречу на последствия болезни и мою известность в Сомне.

Место работы с металлами и оружием можно было найти даже по запаху, в воздухе заметно прослеживались керосиновые нотки и стойкий аромат грубой кожи. Обычные выкрики и разговоры у прилавков сменил шум затачиваемых лезвий, где-то рядом мастера орудовали ножами, вырезая различные мелочи из дерева, чуть дальше шарканье и редкий стук обозначал кожевников. Вся работа на рынке была в основном мелкой, на показ, что неумолимо привлекало детей и праздношатающихся жителей столицы. Для разговора с кочевниками мне пришлось поработать локтями и показать клинок, что тут же освободило пространство рядом.

— Простите, у вас найдется футляр?

Торговка в красных шароварах и свободной рубашке цвета охры легко подхватила клинок, со знанием дела взвесив его в руке. Тонкие узловатые пальцы прощлись по кромке

лезвия, поджатые губы зашевелились, что-то бубня под нос. Глянув на злые рубиновые глаза и серебряные щупальца, она и бровью не повела, отстраненно осмотрев его, как пациента на приеме у доктора. На выстиранную грубую ткань прилавка легли сразу несколько вариантов трости. Ни один из них не был таким же как раньше, но исполнение с темно-коричневым деревом и стальным скруглённым наконечником показалось близким к оригиналу.

— А как быть с механизмом?

— Только пазы вырезать под размер, это недолго, минут пять, можете пока погулять по рынку.

Ловко сунув руку под щупальца, торговка нажала на что-то изнутри, и раздался знакомый щелчок, отбрасывающий оболочку трости. На сердце вмиг будто стало спокойнее.

— Хорошо, спасибо, сколько я должна за работу?

Отдав мастерице нужную сумму, я отошла от палатки, оказавшись за границей рынка. Поток покупателей непрерывным ручьем проходил через кованые ворота, целестинцы с нескрываемым интересом вытягивали шеи уже на подходе, стараясь узнать, чем в этот раз их удивят кочевники. У каменных стен домов, ограничивающих площадь, своевременно заняли место нищие, подготовив мешки, посуду и просто открытые ладони в надежде на щедрость толпы.

— Давид!

Имя, услышанное по ту сторону людского течения, ударило по нервам, словно разряд тока. Ладонь по наитию потянулась к пустому ремню на поясе. Где-то за чужими спинами мелькнули знакомые до боли седые волосы мага, встреченного когда-то в Кадате. Его появление отчего-то заставило насторожиться, захотелось задать парочку вопросов к тому, что он вообще делает в Санктуме и не заходит ли случайно в трущобы, но рядом я вдруг заметила еще две фигуры. Первой была невысокая рыжая девушка, смутно похожая на торговца у дома на колесах, а вторым оказался Алан, с широкой улыбкой рассказывающий что-то Давиду.

Замерев, я будто приросла к своему месту. Отвратительное, жуткое предчувствие свернулось в груди под сердцем. Алан и Давид были знакомы и не просто знали друг друга, сейчас втроем они выглядели как настоящая семья, мило обсуждая что-то и с долей заботы уводя девицу под руки к магазинам готовой одежды и кафе.

Ньярл безмолвно заставил меня сдвинуться и незамеченной вновь влиться в толпу, вернувшись к торговке, моя торговке. Моя трость к этому времени была уже готова, почти бессознательно поблагодарив за работу, я повесила обновку обратно на пояс.

Можно ли поверить, что такое совпадение случайно? Что Алан не действовал по указке Давида и южанин не связан с внезапной болезнью юной Энн?

К горлу подкатил ком, захотелось уйти подальше от рынка, спрятаться и всё хорошенько обдумать без маячащих вокруг лиц и голосов. Домой возвращаться пока не хотелось, хотя в сознании уже укоренилась мысль о том, что я обязана рассказать Карвену о ночном госте. Неважно, видела я мальчишку или нет, был это ночной кошмар или что-то еще, поверит ли мне Джозеф и рассердится ли за молчание. На горизонте маячила опасность больше и неприятней, чем беспамятство девушки, но моральных сил, вернуться прямо сейчас и поговорить, у меня не находилось.

Ноги несли меня прочь с площади, толпа вокруг представлялась лишь какой-то неживой массой. Пришлось пройти к противоположному выходу, чтобы не встретиться с троицей вновь. Разум почти в панике перебирал варианты, куда я могу податься, но ни в одном

уголке светлой столицы меня не ждали, я везде представлялась чужой, ненавистой и лишней, куда не плюнь.

— Леди Серафина, рад вас видеть сегодня.

Голос Аластора раздался неожиданно и словно из неоткуда. Остановившись у ворот рынка, я с трудом вышла из общего потока людей и почти сразу попала в чьи-то руки. Кейн, мягко уводя меня в сторону, заботливо поддержал под локоть.

— Вы не поверите, но я как раз приехал за вами. Джозеф сказал, вы отправились починить свою трость. Честно говоря, я ожидал вас найти в местной лавке.

— Мне отказали в починке, отправив к кочевникам.

— Как неприятно.

Взглянув в глаза цвета осенних листьев, я не заметила на лице Аластора ни тени лукавства. Он как и всегда выглядел достаточно добродушно и плутовато, но не шутил и не издевался, честно высказывая свои мысли.

— Зачем вы меня искали?

— О, сразу о деле, что ж, я хотел бы предложить вам небольшую прогулку и приятную встречу.

— Встречу? С кем?

— Хотел бы сказать со мной, но увы тут я второстепенен, хотя знаю, чем вас удивить. Не соблаговолите ли вы повидаться с вашей главной помощницей в Санктуме? Гончая Лилит уже давно ждет вас в гости.

Учтиво поддержав меня, Аластор помог сесть в машину и, отдав распоряжение водителю, устроился напротив. На его локте блеснула трость из красного дерева с вычурной бронзовой ручкой в виде вытянутой морды борзой собаки. Заметив мой взгляд, Кейн просиял и погладил пса по гладкому отполированному носу.

— Был вдохновлен вашим примером и перетряхнул личные вещи отца. Ему эта штука досталась еще от моего деда, но мне передать ее, к сожалению, не успели. Возможно даже к лучшему, в юности я был жутко неаккуратен и только теперь могу оценить по достоинству этот ценный дар. Благодарю за наводку.

— Пожалуйста.

Почувствовав себя неловко, я предпочла отвернуться к окну, хотя смотреть там было не на что.

— Как думаете, мы сможем установить новую моду? Я бы с радостью поучаствовал в подобной аванюре. Уверен, скажи нашим светлым зазнайкам о том, что мне понравилась ваша трость, половина аристократии тут же бросится в магазины скупать сей предмет со всех полок, а особенно прозорливые закажут особенный дизайн с каким-нибудь мифическим сюжетом, гравировкой или вычурной инкрустацией перламутра.

Не сдержав улыбку, я вновь взглянула на Аластора. Он ухмыльнулся в ответ так, будто мы стали случайными сообщниками в не совсем честном деле. Внутреннее напряжение, сковавшее меня на рынке, медленно отпускало, позволив даже получить некоторое удовольствие от беседы.

— Не думала, что вы любите подобные игры на публику.

— О, что вы, это же самое интересное, что есть в высшем свете. Буквально. Каждый раз, когда нужно показаться людям, я умираю от скуки, от напыщенных речей, от бахвальства и общего желания показаться самым красивым, богатым и успешным. Иногда вынужденные встречи бывают настолько невыносимыми, что я придумываю какую-нибудь откровенную чушь и начинаю с серьезным видом рассказывать ее остальным.

— И вам верят?

— Верят конечно же! Даже мысли не допускают, что летательный аппарат, который я описываю, не может быть рабочим, а чертежи подводных кораблей лишь результат потребления большого количества сахара перед сном.

— По-моему, не такая уж и чушь.

— Ну что вы, леди Серафина, неужели вы тоже мечтательница?

— Наверное совсем немного.

— О! Тогда я обязан вам показать мои любимые игрушки, уверен, только вы поймете насколько это чудные вещи.

— Игрушки?

— Да! Искусные сооружения, сложнее, чем часы, передатчики на кристаллах и тому подобное. Я обнаружил их случайно через третьих лиц и до сих пор не уверен, что свет готов к подобному прогрессу, но я должен показать вам то, чего можно добиться с помощью нынешних технологий.

— Хорошо, но может, вы расскажете подробнее?

— Конечно-конечно, всё потом, а пока я прошу вас познакомить меня с собой.

Нахмурившись, я попыталась мысленно повторить последнюю фразу.

— Что?

— Насколько я видел, вы постоянно молчите и слушаете вместо того, чтобы говорить. Это мило, странно и невероятно интересно, уверен, вы прячете немало занимательных историй.

— Кхм, не все они приятны.

— Мне любопытно до изжоги.

— А что вы хотите знать?

— Ваш любимый напиток?

— Крепкий чай с лимоном и медом.

— Сладость?

— Овсяное печенье.

— Увлечение?

— Рисование.

— О, тогда я обязан показать свою картинную галерею, мы собирали ее не одно поколение.

— А есть что-то, что вы не собираете дома как в музей?

— Это очень сложный вопрос, достойный тщательного изучения, в свое время мы немало продали, пока я пытался научиться управлять делом отца, но спустя годы мне почти удалось всё вернуть и даже приумножить.

Неожиданно замолчав, Аластор чуть склонил голову к плечу и, потеряв подбородок, вдруг резко наклонился ко мне.

— Сегодня вы определенно увидите самую дорогую часть моей коллекции. Дороже ее ничего во всем мире не найдешь, особенно для вас.

— Вы умеете заинтриговать.

— Конечно, я еще тот интриган!

Усмехнувшись над собственным каламбуром, Кейн поставил трость на пол и, сложив на нее руки, повернулся к окну, позволив мне провести остаток поездки в собственных раздумьях. Как ни странно, меня это даже немного смутило, хотелось продолжить простую болтовню о чем угодно, хоть о погоде, лишь бы на душе было так же легко, как сейчас. Аластор умел расположить к себе и, кажется, мастерски втирался в доверие, но корить его за это не хотелось, скорее наоборот, поблагодарить за возможность отвлечься, почувствовать себя вновь человеком, а не заложницей ситуации.

Спустя еще четверть часа машина подъехала к багровой, поросшей диким виноградом ограде, скупно обозначившей въезд на территорию дома Кейн.

С любопытством глянув во двор, я увидела небольшой аккуратный особняк, облицованный бежевыми мраморными плитами с симпатичными серыми прожилками. Его стиль, как ни странно, отличался от обычных построек в Санктуме, сильно выделяясь геометричностью форм, отсутствием растительных элементов и сдержанной, абсолютно самодостаточной красотой почти современной для меня архитектуры. В доме было всего три этажа, над бледно-зеленой крышей возвышалась квадратная башня, украшенная бронзовыми фигурами мужчин, подобных титанам. По всем углам особняка тянулась округлая мозаика с контрастным темным узором, белые рамы квадратных окон повторялись в декоре полузакрытой террасы над вторым этажом.

— Внутри он еще красивее. Дед потратил прорву денег на строительство.

— Охотно верю.

Аластор, горделиво приосанившись и дождавшись остановки, поспешил выйти во двор, с готовностью поддерживая меня за ладонь, когда я последовала за ним. У входа в дом показались пара слуг, но только дворецкий подошел ближе, молчаливо склонив голову.

— Передайте матушке, что у нас гости, я буду ждать ее в малом зале, и еще принесите туда овсяного печенья и крепкий чай с лимоном и мёдом на всех троих.

— Слушаюсь.

Дворецкий кивнул и быстро скрылся в доме, забрав с собой горничную. Я ощутила, как медленно начали пылать уши. Стало жутко неловко от такого неожиданного проявления заботы. Кейн не стесняясь уложил мою руку к себе на предплечье.

— Леди Серафина, вы не против сразу пройти в наш небольшой музей? Не хочу задерживать встречу прогулкой по саду.

— Конечно, и можно просто Сэра.

— Сэра, как чудно, тогда пожалуйста на «ты».

Мы направились в особняк и не спеша вошли в просторный холл. Под ногами распростерся пол, сложенный из мелкой мозаики в узор наподобие шахматной доски. Стены внутри, как и снаружи здания, оказались облицованы тонкими пластинами мрамора цвета топленого молока, лишь в некоторых местах разбавляемые полосками орнамента. Там, преодолев уютную небольшую гостиную с нарочито угловатой мебелью из темного дерева и кожи, мы оказались в длинном зале с большими окнами, где в свете дня у стен были выставлены различные короба и накрытые плотной тканью экспонаты.

— Моя гордость и моя страсть, то немногое, что я нашел у редких, никому не знакомых мастеров, необработанных алмазах, непринимаемых обществом. Как говорил ранее, я часто строил небывлицы на основе собственных снов и выдумок, потому не ожидал, что это принесет такие плоды. Со временем ко мне стали обращаться изобретатели, корпевшие над своими идеями десятилетия, с просьбой оценить их труд, помочь или купить то, что уже получилось.

Усадив меня на софу в центре зала, Аластор, сияя, как новенькая золотая монета, прошел к первому укрытому изделию, формой напомиавшему шкаф. Движением заправского фокусника хозяин дома стянул ткань, открыв мне нечто, похожее на высокое пианино из дорогой резной древесины. Ловкие пальцы выудили из небольшого отверстия на боку кристалл размером с мизинец и, вставив его в нужный паз, приоткрыли специальную шторку в середине внешней панели, почти незаметно устроившейся между двух декоративных зеркал и мягко засветившихся ламп с хрустальными подвесками. Внутри за этой шторкой показалась бумажная перфолента и небольшая кнопка, на которую легко нажал Аластор. Станный механизм отчетливо щелкнул, и спустя всего пару секунд я услышала веселую мелодию, играемую сразу несколькими инструментами, словно рядом со мной вдруг зазвучал настоящий, хоть и совсем маленький оркестр невидимых слуг.

— Что это?

— Оркестрион, в нем мастера запрятали пианино, ксилофон, маленький орган и два барабана, один из них с тарелкой.

Хозяин дома сел на софу рядом со мной и, улыбаясь, как ребенок, подтолкнул меня локтем.

— Как вам такое?

— Потрясающе. Он правда играет сам по себе?

— Конечно, все выверено и перепроверено. Для смены композиции нужно только поменять перфоленту. Есть также отдельное приспособление для того, чтобы пианино играло со звуком мандолины.

— Это как?

— Небольшие хитрость, ничего необычного, так же, как и скрипка здесь.

Растерянно глядя на чудо-инструмент, я постаралась прислушаться к музыке и действительно уловила пение скрипки. Стоило мне повернуться к Аластору, как он с готовностью раскрыл и этот секрет.

— Так звучит орган, еще одна уловка подтверждающая искусность мастеров.

— И много таких сделано?

— Нет, вещь настолько же безумно дорогая, сколь и сложная, так что едва ли их найдется больше пяти по миру, хотя энергии оркестрионы требуют не так уж много. Хотел бы я пустить их в массовое производство, но пока это невозможно даже с учетом того, что я стараюсь удешевить хотя бы энергетические кристаллы.

— Я думала, вам наоборот выгоднее продавать их как можно дороже.

— Конечно нет, это же останавливает прогресс. Я хочу видеть, как гении создают свои творения.

— Звучит несколько наивно.

— Вы не верите в мою страсть?

— Скорее я чаще вижу иное применение власти и денег.

— А-а, понимаю ваш скептицизм и не могу винить в предвзятости.

Дождавшись, пока оркестрион доиграет, Аластор вынул из него побледневший кристалл и перешел к следующему экспонату, стягивая покрывало. За тканью показалась почти человеческая фигура Пьеро, сидящего за небольшим письменным столиком. Белая ткань его одеяния скрывала сложный механизм, чуть проглядывающий очертаниями при солнечном свете. Грустное лицо уставилось на столешницу, в правой руке оказалось зажато металлическое перо. Поставив камень в специальный отсек на спине, Кейн нажал на кнопку у основания шеи, голова куклы дернулась, чуть не уронив высокий светлый колпак. Будто проснувшись, Пьеро посмотрел куда-то вперед, затем на меня, механические веки дрогнули, словно куклу объяла дремота. За это время Аластор успел подsunуть на стол лист бумаги, чуть дрожащая рука начала старательно выводить аккуратные буквы с завитушками.

— Это автоматон, он умеет только писать, но есть экземпляры для званых вечеров с танцующими балеринами, фокусниками или гадалками. Мой дражайший друг, создавший одну из первых таких кукол, сейчас занимается автоматомон девушки, в будущем способной поддерживать беседу. Пока это не слишком получается, но у этой красавицы уже появился первый ухажер. Парень, кажется, даже не догадывается, что томно закатывающая глаза Олимпия, которой он читает свои стихи под восхищенное аханье мехов в механической груди, на самом деле и не человек вовсе.

— Звучит немного пугающе.

— Ох, бросьте, он сам виноват в своей глупости.

Пьеро закончил писать, звонко щелкнув напоследок, прежде чем вновь замереть. Поднявшись на ноги, я подошла к нему ближе, рассмотрев аккуратный витиеватый почерк. На листе было написано название модели и имя мастера, невнятное для меня из-за нарочитой сложности завитушек. Аластор в этот момент открыл новый экспонат, явив мне золотую клеть с безжизненной зеленой птахой. Спустя всего минуту крылья птицы

дрогнули, головка повернулась к нам, а маленький клюв, открывшись, издал чистое, звонкое пение. Не успев толком удивиться, я заметила, как Кейн прошел дальше и раскрыл мне автоматон с невысокой сгорбленной гадалкой в черном одеянии. По прихоти хозяйина она дрогнула, включившись, и тихо хрипло засмеялась, вызвав у меня неприятные мурашки по спине. Впалые темные глаза вдруг засветились красноватым цветом.

— Боюсь, времени у нас не осталось, но я хотел бы показать вам это. Дайте ей монету и возьмите карту, что она протянет.

— Это какой-то фокус?

— Почти. Карты внутри ее тайника перемешиваются при каждом использовании, так что это и правда можно назвать гаданием. Нет более непредвзятого помощника, чем бездушная кукла.

Автоматон снова засмеялся искусственным, пугающе сухим смехом и, подняв голову, протянул восковую ладонь к Аластору, ожидая от него плату. Голова с седыми торчащими, словно пакля, волосами, покачалась из стороны в сторону. Губы зашевелились, что-то прошамкав под кривым длинным носом.

Подходить к ней не хотелось, разве что только для того, чтобы выключить.

Жутковатую атмосферу разбавило появление горничной с подносом. Косо поглядывая на механическую старуху, девушка дрожащими руками поставила чай и тарелку печенья на тумбу возле софы. В воздухе успокаивающе запахло ванилью и лимоном. Набравшись решимости, я забрала у Кейна фальшивую монетку, положив ее в холодную морщинистую ладонь.

— Так?

— Да всё правильно.

Прикосновение вышло не из приятных, на миг показалось, что я вкладываю что-то в руку покойнику. Тихо зажужжав, механизм забрал монету, спрятав ее в складках потрепанной, специально состаренной ткани, слоями скрывавшей тело старухи. Оттуда же с секундной задержкой гадалка достала карту и протянула ее мне. С темного, мрачного изображения на меня смотрел человек в петле.

— Повешенный?

— Говорит о тупиковом положении, придется менять взгляд на некоторые вещи, чтобы выпутаться из сложившейся ситуации.

Аластор сказал это настолько спокойно и уверенно, что я не стала спорить, более того, этот странный знак показался мне чересчур ярким. Кажется, еще чуть-чуть, и я ощутила бы легкое трение стягивающейся веревки на своей коже. Шея ли или ноги будут подвешены, неважно, пока не вижу и не знаю той угрозы, что нависает надо мной, положение кажется поистине плачевным.

— Аластор, ты снова пугаешь гостей своими игрушками?

Мягкий женский голос послышался со стороны входа в зал. Кейн просиял и, отдав карту обратно гадалке, осторожно развернул меня за плечи к вошедшей.

— Прежде чем ты начнешь меня распекать за шалость, посмотри, кого я к тебе привел, матушка.

Стуча низкими каблуками по мраморному полу, к нам шла уже достаточно пожилая дама с гордой осанкой, множеством мелких морщин возле плотно сжатых губ и цепким, строгим взглядом аристократки. Подслеповато прищурившись, она посмотрела на меня и чем ближе подходила, тем медленнее становился ее шаг, пока дама совсем не замерла на

месте, будто пораженная громом.

— Здравствуйте, леди Катарина Кейн.

К горлу подступила тошнота. Я помнила, помнила ее по тем дням, когда Ньярл в чужом обличи предстал однажды перед Адамом. Тогда, стоя возле трона в качестве придворного мага, он с болью в сердце наблюдал, как Катарина винила короля в смерти супруга и просила объяснить, за что вообще советника пытали в собственном доме на глазах семьи. Стоило лишь обратиться к тем воспоминаниям, как в ушах снова раздавался плач и срывающийся крик смелой, но отчаявшейся женщины, потерявшей своего любимого мужа по чьей-то глупой прихоти. Вместе с ним, вторя голосу матери, я не могла не припомнить вырывающегося из рук стражей Аластора, услышавшего, что его мать собираются отправить под стражу ни за что, лишь из-за дурацкого платья и плохого настроения монарха.

И я отчасти был виновен в этой случайной смерти.

Неправда.

Правда, ты сама знаешь это, моя месть задела невиновных.

Я бы так не сказала. Все приказы отдавал король, к тому же ты сам знаешь, что творилось в его голове и о чем он думал в первую очередь, пока Катарина сходила с ума от этой несправедливости.

— О, боги, моя славная Лили, моя милая Лили, золотце моё...

Порывисто бросившись ко мне, леди обвила плечи руками и крепко накрепко прижала к себе, словно вновь обретенное дитя. По ее бледным щекам потекли слезы, губы заполошно расцеловали мою макушку. Повторяющиеся причитания быстро сменились всхлипами. Растерявшись, я замерла послушно, уткнувшись в худое плечо и отчаянно краснела, чувствуя себя невероятно неловко. Носа коснулся запах старомодного парфюма, мыла и совсем чуть-чуть старости.

— Ох, как же я скучала по тебе, как же я виновата, не уберегла, не уберегла от зла, не спрятала, не защитила, не спасла... ох, моя бедная, несчастная Лили...

— Простите...

— Нет-нет-нет, ты меня прости, прости, пожалуйста, я должна была ему помешать, должна...

Ноги Катарины начали слабеть, я ощутила, что она всё больше держится за меня, явно растеряв силы после нервного потрясения. Осторожно направив ее на софу, я села рядом, позволяя дальше обнимать меня. Несмотря на странность ситуации, мне не хотелось прерывать леди, позволяя ей выразить и озвучить все накопившиеся чувства. Слова и извинения снова закончились, но слезы всё еще щедро лились на мою голову. Теплые ладони гладили по волосам так, будто это мне нужно было успокоение, а не Катарине. Аластор, загремев посудой, подошел к матери и прикоснулся к ее плечу, протягивая чай.

— Матушка, возьми, выпей и не пугай гостью, а то она подумает, что ты и правда приняла ее за прошлую королеву.

— Ах, прошу прощения, я знаю, знаю, что она не вы, но это выше моих сил, я так долго корила себя, мучала, а тут...

Забрав напиток из рук сына, Катарина залпом выпила половину чашки. Огромных сил ей стоило отпустить меня и хотя бы попытаться успокоиться, но пальцы то и дело цеплялись за мой рукав, словно она боялась вновь меня потерять.

— Всё хорошо, я понимаю ваше состояние, хотя не знала, что вы с Лилит были близки.

— Еще как были, она появилась в Санктуме как знак свыше и сразу стала набирать

сторонников, чуть ли не культ для поиска детей и взрослых с темной крупницей дара. Это не могло пройти и мимо меня, в нашем роду издавна передаются тайные страницы для тех членов семьи, что могут их использовать.

Вытащив платок из кармана, леди Кейн промокнула уголки глаз. Аластор, присев рядом с нами, вручил мне печенье и чай.

— Матушка, я думаю вам стоит пройти в тайник.

— Да-да, конечно.

Опершись на руку сына, Катарина поднялась на ноги и потянула меня за собой. Стены зала, полного механических созданий, сменились на длинный коридор с дверьми в комнате по одной стороне и окнами в сад с другой. За ним, у лестницы на второй этаж, мы остановились и пошли в совершенно незаметный проем. Тайная дверь, неотличимая от обычной каменной панели дома, сдвинулась, стоило леди прикоснуться к гладкой поверхности. Там, спустившись на этаж ниже, мы оказались в небольшой комнате с множеством деревянных ящиков, большим платяным шкафом, парой стульев и книжной тумбой. Замерев посередине тесного помещения, я с удивлением оглядела пространство. Аластор остался наверху, со мной была только Катарина.

— Здесь весь перечень, держи.

Сунув мне в руки записную книжку с кожаной обложкой, леди по-хозяйски распахнула шкаф и вытащила один из специальных чехлов для хранения одежды. Спустя несколько мгновений чуть дрожащие пальцы показали мне знакомый изумрудный подол с игриво выглядывающими из-под него кружевами. Не веря своим глазам, я открыла было рот, спросить, как Катарина сохранила этот наряд, если его обязаны были сжечь, но вовремя прикусила язык. Меня не было тогда в Санктуме, и я никак не могла узнать о его судьбе.

— Это лишь одно из платьев Лилит, оно ей нравилось, очень нравилось, но после первых родов стало слишком большим.

— Большим?

— Лили много нервничала и первое время отказывалась есть.

Набрав в легкие как можно больше воздуха, я постаралась сдержать собравшиеся в уголках глаз слезы. Хотелось подойти ближе, снять наряд с вешалки и уткнуться в него лицом, надеясь хотя бы на секунду вновь почувствовать знакомый запах спелого винограда и осени, что всегда преследовал Лилит.

Смутившись, я отвела взгляд. Подавив болезненный порыв, раскрыла блокнот и вчиталась в строки, прописанные аккуратным старомодным почерком. Яркие угольные чернила складывались в названия вещей с кратким описанием, что и откуда было спасено после приказа Адама об уничтожении всех вещей почившей супруги. Катарина присела на один из свободных стульев, открыв ящик рядом. Внутри показались дорогие рамы некогда написанных картин.

— Первые два ребенка появились относительно легко, она потеряла много сил, роды длились долго, но после она дольше оправлялась от потери собственных детей, чем от обычной боли рожениц. С Авелем, конечно, вышло совсем иначе. У нее были разрывы, врачи больше заботились о младенце, чем о Лили. Она так кричала, так выла, но мужчины остались холодны к ее мольбам. Видимо, тогда Адам надеялся, что халатность сможет погубить королеву, чтобы не пришлось отдавать приказ и пачкать руки самому, но она выжила. Она упрямо желала получить свое дитя и защитить его от короля, и не было бы ничего, что могло ее остановить, даже собственная беспомощность.

На чуть пожелтевший от времени листок упала первая слеза. Я поскорее закрыла записную книжку и отложила ее на столик, чувствуя, как слабеют руки, а общее с некромантом сердце предательски заныло, словно в нем проворачивался чей-то острый, жестокий клинок. Не дожидаясь моего ответа, леди продолжила пытку.

— Меня не пускали к ней, мне не дали даже попрощаться. Адам избавился от нее подло, бесчестно, сразу после родов, не проявив ни капли уважения к матери собственного дитя. Поступила бы так хоть одна женщина? Смог бы так легко отказаться от своих первенцев мужчина? Я умоляла мужа уехать из Целестии, оставить этого безумца на его проклятом троне, спастись от его сумасбродных решений, но муж желал стать опорой принцу и научить его иному. К сожалению, не успел, не смог.

Каждое слово врезалось в разум, словно сотня отравленных игл. В пору было просить пощады, но горло сдавило в спазме, казалось, что еще немного, и я не смогу даже дышать, в ужасе съездившись в единый, ненавистный себе ком сожалений и самобичевания. Невольно сгорбившись и вжав голову в плечи, будто это могло спасти меня от боли, стараясь сделать хоть что-то, я присела перед ящиком и вытянула первую попавшуюся картину. На ней на фоне беседки, увитой диким виноградом, стояла Лилит, счастливо улыбаясь художнику. Такой счастливой Ньярл видел ее в последний раз только когда сам отправлял на смерть, доверившись наивному детскому обещанию беречь себя.

Давно на душе не было так паршиво.

— И что вы собираетесь сделать с этой коллекцией?

— Я надеялась, что Каин однажды ответит на мое приглашение и заберет это как семейную реликвию, но, кажется, для него это тоже слишком болезненная тема.

— Прекрасно его понимаю.

Поставив картину обратно, я потерла ладонями лицо, чтобы за пеленой слез вновь увидеть «самую дорогую коллекцию», как говорил Аластор. Сейчас я была с ним более чем согласна. Ценнее этих вещей ничего и быть не может, но как их отправить в Кадат, я не знала.

Нужно будет попросить прислать корабль или договориться с кочевниками, хотя с ними путь станет значительно дольше.

— Я свяжусь с Каином для переправки.

— Только перевозить стоит тайно, если в порту кто-то заинтересуется грузом, у нас могут быть неприятности. Все эти вещи должны были быть уничтожены уже очень давно.

— Попробуем что-то придумать.

— Ах да, и еще.

Спохватившись, Катарина выдвинула ящик в столе и, достав оттуда небольшую коробку с украшениями, выудила из бархатного нутра небольшой бронзовый ключ.

— Единственное, что я смогла отвоевать у Адама почти на законных правах, это комнату в башне, где в последние годы жила Лилит. Официально помещение на реконструкции, но туда никто не ходит, я позаботилась об этом, подкупив старшую горничную. Конечно, личных вещей там почти не осталось, но кое-что может быть найдется, вдруг там есть тайники. Я так и не смогла проверить сама, так что поручаю это тебе.

— Спасибо. Постараюсь заглянуть в это место.

— И навести ее в королевском склепе, думаю, она рада будет увидеть внучку, тем более так похожую на нее.

Забрав ключ, я положила его во внутренний карман ближе к сердцу. Леди вновь обняла

меня и мягко чмокнула в висок. В такие моменты я снова ощущала себя ребенком, которого навестила добрая тетя в честь Дня Рождения.

— Ты умная девочка, Серафина, постарайся защитить себя от этого враждебного мира и всегда рассчитывай на нашу помощь. Надеюсь, тебе не понадобится показывать свою силу, но в случае угрозы не мешкай. Я верю в тебя.

— Спасибо, я это не забуду.

Потратив еще не меньше получаса на просмотр самых важных драгоценностей в коллекции, чтобы представить примерный масштаб общего груза, я всё же вышла из тайника, оставив Катарину подготавливать вещи к отправке. Слугам дома, сколь бы не были они верными, леди не доверяла и заверила, что не будет таскать тяжести, а лишь отметит те места, где ей должен будет помочь сын. Вернувшись в длинный коридор, через который мы проходили ранее, я направилась к залу, в надежде отыскать Аластора там. За окном тихо зашуршала листва. Бледный, уже вполне осенний свет солнца казался сонным, лениво мелькая за облаками. Один из редких лучей упал на полотно, висевшее в конце прохода.

Подойдя ближе и повернув голову, я встретила взглядом с надменным и безумно прекрасным юношей с длинными черными волосами. Его темная, обласканная солнцем кожа, будто светясь изнутри, ярким пятном выделялась на фоне цветастых, узорчатых листьев, сплетающихся в единое завораживающее полотно за его спиной. Картина безусловно потрясающая, выполненная твердой рукой мастера, явно знающего свое дело. Мне она напомнила работы Климта и его полотно «Поцелуй», но вместо охристо-золотого рисунка были цветы и стебли тропического леса, а юноша обходился без одежды, ничуть не смущаясь наготы, будто это был его лучший костюм. Лишь небрежный кусок простыни закрывал от зрителя весь срам.

Кровь прилила к щекам, но взгляд незнакомца словно говорил: ты сама обратила внимание на меня, потревожила, а теперь смущаешься, в то время как я здесь на своем месте.

— Понравилось?

Аластор появился рядом словно из пустоты, заставив меня вздрогнуть от неожиданности.

— Очень хорошо написано.

— Понимаю, этот художник был просто гением. Сейчас с трудом получается найти его работы.

— А кто автор?

— Маркус из Беллатора. Погиб при смене власти. На полотне его любимая модель, с ним вышло огромное количество набросков и полноценных картин.

— Надо же, впервые слышу.

— Могу показать остальную коллекцию, если есть время.

— Нет, пожалуй, мне лучше вернуться сейчас домой, меня ждут организационные вопросы.

Надежды и чаяния

Аластор, несмотря на воодушевление и желание показать как можно больше редкостей в доме, отправил меня домой по первой же просьбе. Безликий водитель, дежуривший в гараже, без вопросов и уточнений отвез меня к Карвенам, пожелав хорошего дня напоследок. Я хотела ответить ему тем же, попрощаться и поблагодарить, но едва вышла на улицу в свет закатного солнца и запаха палой листвы, поняла, что и шага не могу ступить по подъездной дорожке.

Мне нужно было поговорить с Джозефом. Просто жизненно необходимо, но сил на это не осталось, и взять их было неоткуда. Я так устала, я бесконечно, безумно устала от чужих интриг, переживаний и сложных, неоднозначных выборов. Делая шаг вперед в понимании сложившейся вокруг ситуации, я словно сильнее запутывалась, и за какой-то миг мое движение оказывалось дрожанием мухи в паутине.

Из того, что я узнала сегодня, было ясно, что Лилит страдала и пыталась что-то изменить в этом мире, найти компромисс между светлыми и темными, стала хрупким мостиком надежды и лучом света среди крошечной тьмы полной ненависти. Но самое важное, она не оставила свои цели даже после смерти и продолжает влиять на мир. Столица носит ее кровавый отпечаток, вещи живут даже спустя почти сотню лет, память неискоренима, как бы ни желал обратного Адам. Люди, преданные ей, борются исподтишка, работая над сохранением темной магии этих земель. Если подумать, то сама я, мое лицо тоже было знаком присутствия бывшей королевы, как и мое кольцо, как и тайны, что она оставила.

Я бы хотела встретиться с Лилит, хотела бы поговорить хоть раз, совсем немного, чтобы понять, узнать ее получше и, может, найти в ее упертом характере свои черты.

Блэквудскую упрямость.

Что сказала бы Лилит, узнай она, зачем столь похожая на нее девица пришла в Санктум? Поняла бы меня? Поддержала ли? Отреклась бы от сына или, несмотря ни на что, продолжила его защищать? Хотя... едва ли Авель сотворил бы столько ошибок, будь она рядом. Лили не допустила бы разлада в семье, с ней действительно был шанс на лучший исход, но теперь...

Сзади послышался гудок. Я сошла с дорожки, пропуская машину Джозефа. В воздух взвился небольшой клуб пыли. Дождавшись, пока хозяин остановится у крыльца и выйдет, я подошла ближе, встретив несколько уставшего и помятого Карвена сдержанной улыбкой.

— Доброго дня.

— И тебе, Сэра, как твое самочувствие?

— Очень неплохо.

— Трость удалось починить?

— Да, кочевники помогли.

— Что ж, я рад.

Джозеф, неловко кивнув, захлопнул дверцу и, считая разговор законченным, прошел к крыльцу. Сейчас было самое время, чтобы признаться и окликнуть его. Всего ничего, лишь имя произнести, но язык словно присох к небу. Я беспомощно открыла рот, буравя чужую спину взглядом, но голос пропал, переживания стиснули горло, принуждая молчать и словно пытаясь придушить в попытке сохранить эту тайну.

Может, не время? У Карвена синяки под глазами, помятый пиджак и такой напряженный вид. К чему его лишний раз тревожить? Вдруг мне лишь кажутся важными те связи, что я заметила? И к тому же, с Энн сейчас всегда есть кто-то, Алан, если виновником болезни был он, не мог проникнуть к девушке, и мое признание сейчас ничего не решит, только на уши всех поднимет.

Наверное, не стоит, нужно прислушаться к внутреннему я и еще раз тщательно всё взвесить. Если я не права, если все пойдут по ложному пути из-за меня, Энн может пострадать даже сильнее. Мало ли, что подумают врачи. А родители? Элиза может надумать черте что. Нет, точно не сейчас, попозже расскажу, еще немного понаблюдаю за обстановкой.

Я глубоко вздохнула, и показалось, что даже жить стало легче. Воздух будто вновь расправил стиснутые судорогой легкие.

Это всё равно не мое дело, надо дважды подумать, прежде чем вмешиваться, пускай будет то, что будет.

Полная новой уверенности я смело вошла в дом. Возле входа напольные часы громко отбили время ужина.

— Джозеф! Джозеф! Срочно врача! Джо!

Вскочив в постели раньше, чем распахнула глаза, я осоловело замотала головой, пытаюсь понять, что происходит. В темный зев спальни не проходил ни единый луч света, сердце, сорвавшись в галоп, стучало в ушах, заглушая даже топот ног в коридоре.

— Элиза?

— Джозеф, ей хуже, нашей девочке хуже, умоляю, вызови врача, скорее!

— Да-да...

Голос Карвена потонул в шуме, раздававшемся из комнаты и всхлипах Элизы. Тяжелые шаги обозначили путь в кабинет. Почти неразличимый бубнеж мужчины я скорее почувствовала, нежели услышала. Где-то через комнату от меня что-то громко стучало, ходила ходуном кровать, слышались стоны и несвязное бормотание больной.

Напрягшись, я внутренне похолодела, застигнутая врасплох домашним ненастьем. Мне хотелось помочь, я обязана была помочь, но ужас происходящего надежно приковал меня к полу, я почти ощущала, как покрывшаяся испариной кожа медленно покрывается каменной коркой.

Что я наделала?

Он снова вернулся?

Нет, нет, быть того не могло. Алан не мог попасть в комнату девочки, там всегда дежурила ее мать, но... вдруг она отошла куда-то? В туалет или за лекарством? Может быть, даже сама она уснула и не почувствовала приближение чудовища. Или он сам как-то смог усыпить уставшую, изнеможенную мать.

Бо-оги, за что же им всё это.

Софи, походи в спальню, попробуй помочь.

Нет, я только наврежу, я не умею исцелять, у меня это выходит их рук вон плохо.

Ты можешь еще застать отметины.

Отметины. Подтверждение присутствия Алана. Явное доказательство его плотоядности. Едва ли они еще на месте...

В коридоре снова послышались шаги, на этот раз шли двое. Карвен торопливо что-то

объяснял, по-видимому доктору, и, проводив его в спальню дочери, захлопнул дверь. Про меня никто не вспомнил, но оно было и к лучшему. С трудом присев у собственной двери, я приложила ухо к отполированной древесине, прислушиваясь к шорохам ткани, инструментов и тихим переговорам. Незнакомый мужской голос констатировал почти отстраненно.

— Судороги плохой знак. Очень плохой.

Я прикусила губу. Спасибо, жизнь научила меня кое-чему. Славка говорила, что при тяжелой болезни в судорогах может остановиться сердце. Это явный знак близости к смерти.

— Маленькая Энн, что же с тобой случилось...

Подтянув колени к груди, я обхватила их руками, пальцами впиваясь в собственную кожу и незаметно для себя начала раскачиваться из стороны в сторону. Звуки из спальни стали еще громче, доктор отдавал короткие, понятные распоряжения Карвенам. Элиза находилась на грани истерики, но отчаянно цеплялась за разум, послушно выполняя указания.

— Переверните ее. Так. Хорошо. А теперь рукав. Отлично. Не трогайте больше. Принесите воду.

Спустя еще несколько минут манипуляций всё стало стихать. Энн больше не билась в судорогах, а с ней успокоился и весь оставшийся дом. В комнате не слышались шаги или разговоры. Всё замолкло, словно в ожидании или в скорби, но об этом я старалась не думать.

Стиснув пальцы, я почти что взывала от затянувшегося ожидания. В голову лезли нехорошие мысли, сердце будто бы на зло грохотало в груди, мешая мне сосредоточиться на шорохах. Во рту почудился привкус металла, прокушенная губа дала о себе знать, но даже это не отвлекло меня от слуха. Обратив всё свое внимание на звуки, я пыталась вычленить хотя бы какой-то намек на развитие событий.

Нет-нет-нет, маленькая Энн обязана выжить, она такая молодая, такая глупая, она должна вырасти, еще раз влюбиться и выкрасть невинное юношеское сердце у того, кто этого и правда достоин. Боги, если вы есть, умоляю, дайте ей шанс, клянусь, я расскажу Карвену всё, что угодно лишь бы она выжила.

Уткнувшись в ноги, я ощутила, как давление, ударившее в голову, рвется наружу. Хотелось взвыть, закричать, бросить что-нибудь в стену и хоть как-то ослабить тот узел нервов, что собрался под солнечным сплетением.

Не может быть такого, не может, ни за что не поверю, что такое случилось, это просто невозможно.

Тишина словно голодный, бездонный, прожорливый зверь навалилась всей тяжестью на мои плечи. Терпеть ее дальше просто не было сил.

— Энн?

— Мама?

— Моя деточка, мое солнышко, радость моя...

Слова Элизы быстро кончились, их заменила новая волна всхлипов и невнятный лепет матери, спасшей свое дитя. Голос Энн, отвечавшей ей невпопад, был слышен до того отчетливо, хоть и тихо, что я не могла даже чуть-чуть усомниться в его подлинности. Девушка очнулась, определенно очнулась и, несмотря на слабость, порадовала родителей так, как никогда раньше.

Прислонившись головой к двери, я стукнула ей разок. С души словно упал камень. Слезы облегчения хлынули из глаз.

Это не сон, это определенно не сон, значит всё взаправду, всё действительно кончилось

хорошо.

— Счастье моё, я так переживал, я так боялся, Энни...

Низкий голос Джозефа словно обволакивал лаской, казался теплым и вкрадчивым, будто уютное шерстяное одеяло. Я невольно улыбнулась, отметив, что впервые слышу такое отношение отца к дочери. Он конечно ее любил и раньше, но, как и многие отцы, не показывал свои чувства так открыто. Сейчас для этого выдался более чем подходящий повод.

Доктор, выждав приличествующее время для воссоединения семьи, отозвал Карвена для уточнения диагноза и последующих наставлений. Они еще некоторое время обсуждали рецепты и план лечения, пока в коридоре не послышались их шаги. Джозеф быстро проводил помощника обратно к машине, попутно благодаря за оказанную работу, и, проследив его возвращение к спальне дочери, я позволила себе приоткрыть дверь, тихо позвав отца семейства.

— Джозеф! Извините, пожалуйста, можно с вами поговорить?

Карвен удивленно огляделся и не сразу заметил меня в проеме. С пола я так и не поднялась, а с прокушенной губой и покрасневшими веками явно выглядела как обезумевшая ведьма.

— Сэра?

— Да, простите, я тоже очень переживала за Энн.

С некоторой неуверенностью Джозеф подошел ближе и, дождавшись, пока я встану, послушно прошел в спальню, попутно включив свет в ней.

— С Энн сейчас всё более-менее в порядке, если вы хотели это уточнить. Она еще слаба, ее здоровье безнадежно подорвано, но лекарь надеется, что всё поправимо.

— Да-да, я рада, я очень рада. Это было безумно страшно, мне казалось, что уже всё потеряно, но видимо в мире еще осталось добро и хотя бы крохи справедливости. Энн обязана была выжить, она еще так юна...

— Конечно, так и есть.

Карвен перебил меня, явно ощутив, что я болтаю по большей части из-за нервов и пережитого стресса. Он ждал, пока я перейду к делу и скажу ему что-то более весомое, чем растерянный лепет, но признание невидимо душило меня, заставляя опустить голову и сверлить пол взглядом. Спустя минуту мужчина дрогнул, отвернувшись к двери и явно собираясь уйти, но я вновь задержала его.

— Вы выяснили что-то о природе заболевания Энн?

— Что простите?

— Из-за чего ей так плохо?

Замерев на мгновение, Джозеф промолчал, будто собираясь с мыслями и перебирая в голове варианты.

Надеюсь, он не винит себя в этом.

Посмотрев на меня, Карвен явно что-то собирался ответить, но, открыв рот, вдруг переменялся в лице. Я запоздало ощутила, как слёзы вновь катятся по щекам. Взгляд мужчины стал строже, на скулах заходили желваки.

— Что вы знаете?

— Немного, и я совсем не уверена...

— Сэра!

— У Энн был друг, он недавно проводил ее до дома. Я заметила их вместе, когда вернулась из порта, девочка благодарила его за помощь, он назвал мне свое имя. Позже, во

время первого приступа, когда я только вошла в спальню Энни, она звала этого друга и просила его вернуться, а на ее щеке я, кажется, видела ранки. Было темно, и я не ручаюсь, что мне не показалось.

— Дверь балкона была открыта...

— Его зовут Алан, он кадет и учится рядом с школой Энн.

— Это всё?

— Да.

Джозеф покивал, явно повторив всю информацию в голове, чтобы не забыть. Его взгляд неизбежно встретился с моим, пригвоздив меня к месту. В выражении лица что-то неуловимо поменялось, я ощутила как всё доверие и поддержка, оказанные мне, неизбежно заканчиваются, просыпаясь, словно песок сквозь пальцы.

— Почему же вы молчали?

— Я обещала Энн сдержать всё в тайне.

— Но это глупо! Вы рисковали ее здоровьем!

— Простите, я правда не знала, связано ли это как-то. Вдруг я отправила бы вас по ложному пути?

Бескрайнее море вины омывало мой разум, как волны Скай подчиняли себе трупы. Все мои оправдания звучали как детский лепет, и не только я это сейчас ощущала. Карвен поджал губы и отвернулся, позволив мне вновь опустить в голову, рассматривая ноги. Чуть хриплый голос прозвучал с укором.

— Отчего же вы рассказали об этом сейчас? Совесть замучила?

— Да... и нет. Я переживала, правда переживала за Энн, но сегодня на рынке, пока чинила трость, увидела Алана с другим, не слишком хорошим человеком. Для меня это было знаком всё-таки предупредить вас.

Джозеф снова покивал, уголок его губ нервно дернулся.

— Очень вовремя, Серафина, очень вовремя. Элиза вышла всего на пару минут за водой сегодня ночью. Нам чудом удалось спасти Энн.

Не дожидаясь моего ответа, мужчина вышел в коридор, хлопнув дверью. Я вздрогнула от звука, словно от хлыста, и с ослабевшими ногами едва добрела до постели, упав в нее совершенно без сил. Хотелось выть, бить посуду и бежать куда глаза глядят, лишь бы стало хоть чуточку легче. Зарывшись лицом в подушку, я закричала, что было сил, и, съездившись на простыне, пролежала так до самого утра, чувствуя молчаливую поддержку Ньярла и его прохладную ладонь на своей голове.

Важный урок

Остаток недели до новой встречи с Авелем я проводила закрывшись в спальне или в многочисленных долгих прогулках по району, пытаясь хоть чем-то себя занять и реже показываться на глаза Джозефу. Он не ругал меня, не винил и никак не журил, выказывая свое отношение только равнодушным, отстраненным тоном в те редкие моменты, когда нужно было обсудить бытовые вопросы.

Я надеялась, что он меня простит, всё же поймет, и я перестану чувствовать себя так нелепо и стыдно перед ним, словно разочаровавшее дитя, но больше верилось в то, что мне придется привыкнуть к новому отношению. По крайней мере до полного выздоровления Энн, и тогда, может быть, мне повезет, и прошедший кризис хоть немного забудется, стертый счастливой улыбкой дочери.

А пока в промозглом городе всё сильнее бледнеющего солнца я ощущала себя особенно прохладно и отчужденно, будто потеряв последнее уютное пристанище в жизни. Мысли невольно возвращались к дому Аластора, там был кусочек прошлого Ньярла, и женщина, знавшая Лилит. Хотелось напроситься в гости и еще хотя бы одним глазком посмотреть на дневники, записи и портреты, но страх перед застарелой болью и глубоким шрамом на сердце мага гнал от этой идеи прочь по просторным мокрым улочкам Санктума, в пустынные парки и уютные кофейни Макдоннелл.

Я сама не заметила, как пришло время нового урока, и даже сидя в одном из кабинетов дворца в ожидании Авеля, словно в полусне наблюдала за моросью за окном, пока из своеобразного транса меня не вывел неожиданно нагретый кулон с цветком полыни. Прикоснувшись к нему, я тут же услышала знакомый голос.

— Сэра! Это я Ив.

— Здравствуй, ч...

— Что ты сказала этому вредному маленькому засранцу?

— Что? О ком...

— Авелю, Авелю, что ты сказала?

— О тебе?

— И обо мне в том числе!

Впав в ступор, я мельком проследила за пролетевшим у стекла кленовым листом. Сознание неохотно воспроизводило в голове события прошлой встречи с королем.

— Только то, что из-за его воинов у тебя полно работы.

— Ах, вот оно что! Тогда все ясно!

— Ясно?

— Сэра, знаешь, что он сделал? Он вообще говорил тебе об этом?

— Ив, я ничего не понимаю, объясни нормально.

— Я и объясняю! Этот светлый ублюдок решил, что сможет откупиться от нас целым отрядом профессоров и деньгами, направив их якобы для развития медицины в Кадате! Ты слышишь эту ересь? Развитие, мать его, медицины, после того как этот выродок припёрся к нам со всей своей проклятой армией и похерил все мои исследования за последние тридцать лет, вырезав одну половину страны и замучив вторую. Но даже это ещё не всё!

— Что-то ещё?

Сделав паузу, Ив явно отпила немного воды, но продолжила с прежним запалом.

— Этот доморощенный гений дипломатии послал ко мне в услужение не просто кого-то из своих желторотых практикантов, а этого старого гандона, что не дал мне закончить институт из-за общей с Гербом работы! Ха! Ты представляешь, эта старая дряхлая скотина теперь стоит на задних лапках и послушно виляет хвостиком, преданно заглядывая в глаза, хотя при последней встрече обещал бросить на костёр меня и весь мой род за связь с некромантом. О, ты бы видела, как сильно он меня ненавидел, я была уверена, что нас не выпустят из столицы и он собственноручно прирежет меня на пути к кораблю, но сейчас! Сейчас эта сволочь готова мне ноги целовать и бегать с полными утками по этажам, лишь бы от него был толк!

— Так, что ж...

— Передай Авелю мою благодарность и пошли его к черту за его жалкие подачки! Своими исследованиями я делиться не собираюсь!

— Я передам.

— Спасибо лапуль, ты сама как, все хорошо? Ничего не болит?

— Все в порядке, благодарю.

— Не забывай кушать, и как только появится время, приходи обследоваться

— Х-хорошо, а вы не могли бы передать Каину послание от его знакомой в Санктуме?

— Конечно! Очередное признание в любви? Или где-то объявился ребенок?

— Нет-нет-нет, что вы, она сказала: то, что меня нет, не значит, что мимик не подглядывает.

— Странно, звучит как бред.

— Она помогла мне и показалась достаточно милой.

— Что ж, ладно, передам, пускай сам с этим разбирается. Заряд кулона кончается. Сэра, будь осторожна и не забывай отдыхать. Пока-пока!

— Пока...

Едва сознание опустело, а украшение остыло, в голову закралась запоздалая мысль: нужно было спросить о Таранисе, жив ли он вообще.

Ив наверняка сказала бы, если бы с ним что-то случилось.

Наверно. Я надеюсь, что меня не обмануло впечатление о светлом, хотя карты Аластора говорят об обратном.

Если они вообще говорили об этом.

За спиной у входа тихо хлопнула дверь. Обернувшись, я встретила с Авелем взглядом и с легким удивлением отметила, что ему вновь стало плохо. Не так, как в наш первый урок, но достаточно заметно, чтобы светлые держались от него на приличном расстоянии.

— Извини, я задержался.

Король застыл посередине комнаты в нерешительности, поглядывая то на кресла, то на меня. Он выглядел уставшим и каким-то напряженным, словно перетянутая и покосившаяся деревянная кукла. С долей стыда я кивнула ему на кресло и подошла ближе, дождавшись, пока Авель сядет.

Приехала вроде бы помогать, но так ничему и не научила, даже азам.

— Дайте мне руки.

— Сэ-эра...

— Я не хочу начинать урок с перепалки.

— Тогда умоляю, не нужно выкать, это звучит отвратительно.

Опершись локтями в колени, король сгорбился, протянув мне ладони. Пришлось

присесть перед ним, чтобы взять за руки и осторожно забрать лишние силы. Я надеялась, что минимального контакта хватит, но жадные пальцы быстро вцепились в мои плечи. Держась за меня, как за спасательный круг, Авель судорожно вздохнул, невольно уткнувшись в мою шею.

— Спасибо.

— Не нужно так сильно сжимать...

— Просто дай мне отдохнуть, пожалуйста, я устал уговаривать о помощи. Это не так сложно, просто замереть ненадолго.

— Хорошо.

Закрыв глаза, я постаралась отвлечься от происходящего хотя бы мысленно, но рубашка в моих руках вновь стала влажной, прилипнув к телу. Авель, словно пробежав марафон, старался выровнять дыхание и заметно обмяк, почти повиснув на моей шее. Память услужливо напомнила мне о другом человеке, умоляющем меня лишней раз не дёргаться в его объятьях, но Ньярл тут же развеял почти забытый образ из далёкой прошлой жизни. Вместо него чувств коснулась чужая изнуренность, отголосок бури эмоций и раздражение, смешанное с совсем легкой, почти неощутимой благодарностью.

— Авель, из-за чего ты так злишься?

— Ч-что?

— Это ухудшает твоё состояние и приводит к дисбалансу магии.

Передернув плечами, он помолчал немного, будто собираясь с мыслями и пытаюсь для себя решить, что именно его больше всего бесит.

— Бесполезные совещания, нерешаемые текущие проблемы, постоянное сопротивление министров, что угодно, Сэра, я король в конце концов, у меня много не слишком приятных обязанностей.

— Что ж, допустим, а сейчас расслабься, отпусти меня и глубоко вздохни, позволь энергии течь, — осторожно отстранившись от Авеля, я помогла ему откинуться в кресле и, подвинув соседнее, села как можно ближе. — Тебе лучше? Хорошо. Создай небольшой светляк, вот, чувствуешь? Он прохладный, он яркий, белый, но прохладный, так как для любой магии созидания нужны силы извне, а не только твои собственные. Вита в твоей крови концентрируется в одном месте, ты привык с детства ее удерживать и сосредотачивать в своих руках, но с некрсом так не выйдет. Темное направление прежде всего отдаёт, выпускает энергию в окружающий мир и от сгорающих частиц идет тепло. Эту магию не нужно держать, не нужно пытаться сжать, от этого будет только хуже, при давлении некрс становится в разы опаснее, и справиться с ним становится сложнее. Ты сам это на себе ощущаешь.

Тяжело, словно мученик, король вздохнул и, расслабившись в кресле, отвернулся от меня, обдумывая услышанное. Судя по нахмуренным бровям знания не очень-то ему нравились.

— Если не буду сдерживаться, то начну задевать других.

— Не начнешь

— Я уже пробовал!

— Значит, плохо пробовал и нужно ещё. Авель, эта магия часть тебя, уже неотделимая и такая же равная, как и светлая. Будешь сопротивляться, сделаешь только хуже

— Куда хуже?

— Ты хочешь вовсе лишиться дара? Всего дара, потому что эти части есть единое целое,

которое ты мысленно пытаешься разбить и разобрать.

— Но я мог раньше обходиться без некроса.

— Без головы люди тоже живут, но никто не говорит, что это хорошо.

Поджав тонкие губы, Авель недовольно посмотрел на меня, словно я тут же должна была взять свои слова обратно. Не дождавшись реакции, он вновь уставился в стену напротив и кивнул, будто бы соглашаясь.

— Я понял тебя.

— Неужели придворные маги ничего тебе не рассказывали об этом?

— У нас нет придворного мага, с тех пор как Римман Хейс умер, а его единственного ученика отдали ориабцам еще до моего рождения.

— А ты сам не стал искать кого-то на эту роль?

— Нет, чем он мог бы мне помочь? Я сильнее любого известного мне мага в Санктуме, кроме, может быть, Мирры.

— Такой помощник получил бы кабинет во дворце.

— И что?

— И знания оттуда тоже. Странно, что сам Римман не получил их когда-то.

— В его время во дворце была реставрация и обширный ремонт, они и до сих пор продолжаются, такие здания не слишком удобно содержать, и работы тут почти не прекращаются. Где-то постоянно вылазят проблемы, трещины и прочее. Пока я был мал, Макдоннелл старался заниматься этим, но заместитель короля из него был неважный, больше внимания отнимало собственное кофейное дело.

— Это отец Уны?

— Да, когда Адама не стало, меня отправили к нему как к единственному родственнику.

Постучав пальцами по подлокотнику, я припомнила содержимое записей в кабинете. Выходило, что там была почти полная история служения Ньярла во дворце и некоторые заметки относительно защиты, магии и прочего. Собираясь в отставку, он тщательно подготовил место для преемника. Остались ли еще хоть какие-то сведения о жизни мага здесь? Поверит ли Авель тому, что великий и ужасный некромант приволок короля за шкуру к трону, как слепого котенка к миске молока.

— Тогда стоит проверить тайник.

— Сэра, ты издеваешься?

— Я абсолютно серьезна, нам нужно заглянуть туда и проверить остались ли документы.

— Хочешь сказать, в замке есть что-то, о чем я ещё не знаю?

— Конечно.

Потерев ладонями лицо, Авель вдруг выпрямился и, зачесав волосы назад, в точности как Адам, строго обратился ко мне.

— Прекрати, Сэра, ты должна обучать меня и только, не надо лезть, куда тебя не просят. Меня радует твой энтузиазм, но это уже третья встреча, а я так и не выучил ни одного нового заклинания или приёма.

Хотелось топнуть ногой или посетовать на то, что отец Авеля был таким же непроходимым тупицей, не желавшим ничего знать сверх необходимого, но эти мысли пришлось отставить. Если я начну очередную ссору, это ни к чему не приведет, а я сама однажды всё-таки смогу достать записи Ньярла о его жизни здесь.

Надо почаще обращаться к этому философскому взгляду, судьей всему станет смерть. Чья и когда, не важно, главное, что она есть.

— Может быть, ты и прав, не стоит ворошить неудобное прошлое.

Поднявшись с кресла, я взяла с рабочего стола в конце комнаты несколько листков и ручку. Пришло время бумажной работы, как много запомнит Авель за одно занятие? Нужно ли давать ему что-то действительно важное? Может просто вести занятие подобно тому, как это делал Ньярл? Прочитать небольшую лекцию для начала с самыми важными техниками и заклинаниями.

— Я думаю тебе лучше пересесть за стол, там писать будет проще.

Послышались шаги за спиной, я взглядом поискала второй стул у стены, чтобы сесть напротив, но король вдруг остановился передо мной.

— Что в том тайнике?

— О, теперь тебе интересно.

— Сэра...

— Полагаю, ничего важного для светлых, а теперь садись, мы и так задержали занятие. Первым я, пожалуй, расскажу о безопасности и умеренном использовании сил, чтобы приступы можно было купировать самостоятельно. Это не так сложно, как кажется, главное привыкнуть к магии...

— Сэра! Почему из тебя всю информацию нужно вытаскивать клещами?

— Ты перебил как раз, когда стоило меня послушать и получить нужные знания.

— Какое «неудобное» прошлое ты имела в виду?

— В словарях, насколько я припоминаю, слово «неудобный» расшифровывается в значении: плохо приспособленный для чего-нибудь и помимо этого: затруднительный или неприятный.

— При чем тут словарь?

— При том, что я здесь не для того, чтобы развлекать тебя, я учитель, и ты ясно дал мне это понять, вовремя напомнив о моей роли. Присаживайся и готовься слушать.

Его ладонь громко хлопнула по столу. Белоснежные листы бумаги для документов начали чернеть, словно от сильного жара, съеживаясь и рассыпаясь на глазах. На миг показалось, что этот удар предназначался далеко не мебели. Внутренне подобравшись, я посмотрела на короля спокойно и равнодушно, чувствуя, как неприятный холодок пробрался под ребра.

— Авель, ты никогда не думал, почему тебя так бесят мои попытки дистанцироваться?

— Нет.

— Советую проанализировать на досуге.

— Ты так и будешь паясничать, как ребенок, или всё-таки ответишь нормально?

Взглянув в хмурые голубые глаза, я наклонилась чуть ближе, не желая повышать голос, но надеясь, что мои слова прозвучат достаточно понятно и проникновенно для Авеля. Где-то в глубине души кипела злость, но разум в противовес этому едва не покрылся ледяной коркой отчуждения от происходящего.

— Меня безумно раздражает твоя манера влезать в чужое личное пространство как к себе домой, требовать особого отношения, как к близкому другу, и ничего не предоставлять взамен, используя людей, как вещи. Я не вижу смысла тебе что-то показывать или объяснять, потому что любая мысль помимо тех, что водятся в твоей собственной голове, будет отвергнута без раздумий.

— Ты чудовище, Сэра.

— Надеюсь, с этим приступом ты будешь способен справиться один, потренируйся, пока я опишу общую концепцию работы с некрсом.

Отшатнувшись от меня, Авель не глядя нащупал стул рядом и хотел было в него сесть, но передумал и, словно сосредоточившись на чем-то, вытащил из нагрудного кармана нечто зеленоватое. Сжав это в руке, он прикоснулся к находке губами и заметно расслабился, отпустив очередную волну магии на волю. Темный туман стек по плечам к полу, словно диковинный плащ, и тут же растворился в воздухе, будто его никогда не было. Лишь остатки бумаги на столе напоминали об очередном всплеске.

— Полегчало?

— Да, я, кажется, понял, что ты имела в виду.

В бледных пальцах мелькнула тряпичная голова в косынке. Ньярл, словно ужаленный, взвился в моей голове.

Эта кукла, ты видишь?

Вижу. Подобную Марья делала для Геты. Я помню.

Сердце неприятно кольнуло. Я сжала зубы, переживая нахлынувшие чувства некрманта. Там сплелись и нежность, и тоска, и боль, собранные словно за всё время без рыжей ведьмы.

— Идем, я покажу тебе тайник. Надеюсь, он еще остался.

Авель посмотрел на меня с удивлением, но спорить не стал. Я с благодарностью встретила его покорность, не хватало, чтобы он снова заартачился и решил, что теперь вновь настала моя очередь его уговаривать и заставлять. Дождавшись, пока король приведет свой внешний вид в относительный порядок, я вышла с ним из кабинета и свернула в нужную сторону. Ньярл направлял меня безмолвно, переживая из-за прошлых воспоминаний. Он уже не столько был заинтересован в дневниках, сколько в обереге Авеля, созданном явно рукой Лилит.

У Каина и Аван таких не было, бывшая королева то ли не успела передать их, то ли хотела сделать позже, или рука Адама добралась до заготовок. Она конечно бы вручила куклы всем детям, иначе и быть не могло, Лили любила первенцев ничуть не меньше, чем Авеля, но то, что такой драгоценный подарок есть только у этого незнающего слепца, неприятно коробило душу.

— Это самое старое крыло замка.

— Да, я знаю.

Думал ли Авель хоть когда-нибудь в жизни, почему у него одного во всей Целестии есть этот оберег? Вспоминал ли о матери хоть иногда? Адам наверняка ничего о ней не говорил, он и на сына почти не обращал внимания, словно это питомец, а не ребенок.

— Сэра, будь осторожнее, здесь ведутся работы.

Мы вошли в особенно древний коридор, отчасти заставленный различными ремонтными материалами. Кое-где меняли пожелтевшие настенные панели, под ногами пол закрывала грубая ткань и всюду лежали инструменты, доски и снятые бра, аккуратно закрытые белой тканью. Проскользнув через все преграды, я остановилась у безумно знакомой двери и, осторожно повернув ручку, на выдохе вошла внутрь, встретив такую же картину, какая была больше трех сотен лет назад.

— А кабинет неплохо сохранился.

Авель бесцеремонно влез передо мной и, оглядев пыльную, но абсолютно целую

комнату, тут же прошел с письменному столу. На столешнице из темного дерева, рядом со старомодной лампой показался знак, какой оставляли кочевники на своих стазисных ящиках. Чуть дрогнув и засветившись серебристым светом, руна треснула и рассыпалась в пыль, словно ее никогда не существовало здесь.

— Авель, не трогай ничего. Нужное лежит не здесь.

Похлопав по карманам, я не нашла в них даже ключей. Нужно было что-то придумать, едва ли дверь настенного тайника поддастся так легко, как раньше, даже с учетом сохраняющей магии. Оглядевшись, я подошла к настенной панели за рабочим местом и присела рядом, отыскав взглядом нужную щель. Рука сама потянулась к дереву, и стоило мне прикоснуться, как дверца открылась сама, словно кто-то некогда сломал скрытый замок. Внутри помимо дневников Ньярла я увидела еще какие-то записи и листы. Авель, заинтересовавшись, сунулся к ним, но я оказалась быстрее, вцепившись в незнакомые мне документы.

— Надеюсь, ты всё же дашь мне ознакомиться с тайником?

— Да, но сначала проверю сама, этого не должно здесь быть, может, кто-то еще оставил послание.

Повертев в руках плотный кремовый конверт, закрытый сургучом, я взялась за листы, исписанные дерганым, почти неразличимым, но красивым почерком. Увидев, чье имя на них стоит, я, не стесняясь, села на пол и как можно быстрее пробежала взглядом по строчкам. Внутри всё сильнее скручивался клубок нервов и воспоминаний.

Леброн, ты помнил обо мне...

С тобой мне было тяжело, но без тебя стало только хуже.

Я пожалел о своем решении, едва тебя увезли из замка, но пути назад уже не было.

Я искал тебя. Я хочу, чтобы ты узнал и понял, что я искал, но ты словно исчез, спрятался от меня, и сколько бы я не пытался, ничего не получилось.

Меня заставили жениться. Советники, министры, будто рой пчелиный, жужжали возле ушей на протяжении года, нахваливая мне очередную кандидатку. Не было никакой возможности отказаться, поэтому я принял ее как равную, как свою супругу, но потребовал поблажку. Я имею право завести любовника. Одного. Это место я оставил для тебя.

Прошу, вернись.

Это отвратительно.

Я выпил в брачную ночь и каждый раз пил после, пытаюсь хоть как-то заглушить чувства, но меня воротит от нее. Благо, она поняла и делала все, что нужно, сама, но меня до сих пор мутит.

Ньярл, обещай, что ты скоро вернешься. Поклянись, что я не останусь один в этом аду.

Почему ты не приходишь? Ты обещал мне помогать, и что теперь? Я единожды ошибся, ты сам был виноват в этом, ты обязан вернуться! Ты нужен мне здесь!

Я скучаю.

Я выпил, сейчас это случается часто. Кажется, я ударил королеву. Не помню ничего и

даже ее имени припомнить не могу.

Ньярл, ты должен вернуться и выгнать ее. Она лишняя.

Может быть, мне снова сбежать на Сарруб? Тогда ты ко мне придешь.

Знаешь, от министров иногда бывает толк. Они нашли мне любовника.

Он терпелив, добр и нежен. Он понимает меня и прощает мои ошибки.

В общем он лучше тебя, можешь не возвращаться.

Предатель.

Мне плохо. Мне плохо, мне плохо, мне плохо.

Так плохо, что я не могу перестать рыдать. Как представлю тебя и ту пигалицу... как ее там? Графиня? Маркиза? Неважно. Как ты вообще мог выбрать ее, а не меня?

Я тебя ненавижу

Прошу вернись, пожалуйста.

Мне так плохо без тебя.

Этот любовник со мной из-за денег. Мне тошно от этого, но, может, я смогу его сделать похожим на тебя?

У меня родился сын.

Не знаю, что сказать. Все рады, я, наверное, тоже должен быть.

Не понимаю.

Пускай этим займется советник. Я просто хочу побыть один.

Ньярл, ты же не мог умереть, правда? Не мог же?

Боже, вдруг тебя уже нет.

Из-за меня?

Нет, не может быть.

Я учусь жить без тебя. У меня почти получилось. Роза, моя супруга, поддерживает меня. Я благодарен ей и, кажется, впервые без тебя счастлив.

Прошло лет десять с тех пор, как я писал сюда последний раз. Разведчики сообщили, что на Саррубе появился новый неподконтрольный нам город.

Они говорят о тебе.

Не знаю, что сказать, но мне кажется, я должен поддержать тебя. Я постараюсь убедить совет, что нужно отдать те земли тебе. Я понимаю, для чего они тебе нужны.

Может быть, я хотя бы так смогу извиниться.

Меня не хотят слушать, я ничего не решаю в этой стране. Роза злится, но я ищу пути помочь.

Может быть, я в тайне отдам это место тебе, переписав на твое имя? В конце концов, ты всё еще мой придворный маг. Я не смог найти тебе замену, и по истечении ста лет изгнания

ты, может быть, вернешься. Меня уже не будет, но бумаги, документы — они сохранятся. Главное спрятать их в надежном месте.

Я всё сделал, но, кажется, мое время уже заканчивается.

Нет, я, конечно, еще молод, но чувствую себя... не очень хорошо.

У десерта сегодня был странный вкус.

Мне хуже день ото дня. Советники и Роза ведут себя так, будто меня уже нет.

Прости, мой милый Ньярл. Надеюсь, ты найдешь эти бумаги.

Время собирать камни

— Сэра, что ты там нашла?

Бледные пальцы потянулись к бумагам в моих руках, но я тут же шарахнулась в сторону, приложившись спиной о шкаф. С полок что-то упало, загрохотав по полу, Авель ошарашенно застыл и спустя мгновение нахмурился.

— Серафина.

— Заткнись.

Отбросив часть дневника, я открыла конверт и дрожащими пальцами развернула сложенный лист цвета топленого молока. На гладкой дорогой бумаге с королевской печатью угольно черными буквами было выявлено заявление о передаче земель Сарруба. Все территории полуострова переходили в руки Ньярлатхотепа, единственного придворного мага короля Леброна.

В груди что-то болезненно заныло, разлившись по телу холодком и отдаваясь на губах привкусом горечи, лишь спустя одно безумно долгое мгновение я осознала, что это была скорбь. Моя и Ньярла, разделенная в равной степени для нас двоих.

Я забыл про него, стоило мне уехать из Санктума, а он помнил.

Не говори так.

Я не вспоминал о нем столько времени.

Ньярл...

Как много можно было бы изменить, вернись я сюда хотя бы на день.

Прекрати, ты не мог знать об этом.

Мог! Если бы хоть раз поинтересовался его судьбой. Ничего этого не случилось бы, и стольких можно было бы спасти.

Я в жизни не поверю, что он действительно принял бы тебя обратно. Леброн осознал свою ошибку только потому что тебя не было. Не нужно додумывать что-то сверх этого. Ты всегда себя винишь в том, чего не сделал, недоглядел, не смог предотвратить, но я каждый раз в этом вижу только чужую глупость и жестокость. У них был выбор всё сделать иначе, всегда есть выбор, но светлые никогда не хотели ничего слышать и сначала действовали, а потом думали.

Авель бледный, словно покойник, вновь протянул ко мне руку, а я снова отпрянула, не давая ему даже взглянуть на лист. Во взгляде голубых глаз мелькнуло раздражение, отозвавшееся в моем сердце всполохом ненависти.

— Сэра, это тот документ?

— Да, но я не дам тебе его и пальцем тронуть.

— Сэра, я король, и эти бумаги в моем дворце.

— Но ты к ним не имеешь никакого отношения.

— Пока я не подтвержу их подлинность, они не вступят в силу

— Ну конечно, это же так удобно, сказать, что всё это подделка, а лучше уничтожить все доказательства, чтобы не пришлось извиняться за пролитую кровь.

Не на шутку распалившись, я попыталась встать с колен, но Авель поймал меня за рукав, дернув обратно. Его пальцы всего на мгновение коснулись кисти с дарственной, но этого хватило, чтобы я окончательно потеряла терпение, свободной рукой вцепившись в шею короля, уронив его и вжав в пол.

Такой же идиот, как и его отец, как и все в этом проклятом дворце. Неужели светлая магия так отупляет людей? Или это власть? Деньги? Отчего они так слепы?

— Без меня тебя всё равно никто не слушает, не делай глупостей.

— Ох, надо же, проверим так ли это?

Я надавила на его горло сильнее, склонившись над ним сверху, пока не услышала хрип. Авель попытался убрать мою ладонь, но, словно не желая по-настоящему отбиться, быстро сдался, вернувшись к уговорам.

— Я знаю, ты обижена...

— Да неужели?!

— У тебя есть на то основания...

— Потрясающая проницательность! Bravo!

С трудом сглотнув, он смотрел на меня неотрывно, даже не моргая и не показывая и тени страха или раздражения. Бескровные губы дрогнули, тихий голос звучал особенно спокойно.

— Сожми кулак, Сэра, сожми посильнее и ударь.

— Не буду отказывать себе в удовольствии!

Сунув лист дарственной за пазуху, я действительно сжала кулак и не стесняясь от всей души ударила Авеля по лицу. Ньярл запоздало всполошился, но не успел даже слова вставить. Левая скула короля тут же болезненно покраснела, предупреждая о будущей гематоме, но Авель лишь сипло добавил.

— Ещё.

Не заставив ждать, я ударила вновь. Кровь багровыми каплями испачкала белый воротник королевской рубашки, расшитой серебром. Губа треснула, словно тонкая кожура спелого фрукта. Зажмурившись, король переждал первые несколько секунд боли.

— Ещё.

В третий раз костяшки опасно угодили в глаз, но и тогда Авель молча снес это, лишь тяжело дыша и вновь прикрыв веки. От рассеченной брови скользнул еще один красный росчерк прямо к виску. Выпустив весь свой гнев, я замерла, не совсем осознавая, что я сделала. Под пальцами явственно билась жилка на чужой шее.

— Молодец-молодец.

Король выглядел спокойным и лишь покивал, когда я наконец отпустила его. Мой опустевший разум раздирало сомнение, странная легкость и недовольство Ньярла.

Это крайне опрометчиво, Софи.

Я понимаю.

Прямо сейчас он может вызвать охрану или отправить тебя обратно в Кадат.

Он не сделает этого, иначе не предложил бы себя ударить.

Осторожно слизнув кровь, Авель аккуратно пошевелил губами и попытался криво улыбнуться.

— Так-то лучше. Да... легче?

— Немного.

— Хорошо, очень хорошо. Нужно ещё?

— Нет.

— Ладно, теперь ты дашь мне этот несчастный лист? Клянусь жизнью, он вернется к тебе в целости и сохранности, как только я смогу найти его подтверждение в архиве.

— Верить светлым себе дороже.

— У тебя нет выбора, Сэра, у тебя здесь нет выбора. Придется довериться мне, иначе от этих бумаг не будет толку. Не больше, чем от исторических черновиков. Можешь сделать кораблик из них или оставить на память.

Отдышавшись, Авель прикоснулся к брови, но тут же отдернул пальцы, поморщившись. Создалось ощущение, что для него подобные разборки обычное дело, и мне не о чем было переживать, но разумная часть сознания вопила о жутчайшей ошибке, за которую наверняка придется заплатить.

Дрожащей рукой я вытащила лист и протянула его королю. Даже если я проведу остаток дней в подвалах замка, оно определенно того стоило, хотя злиться на Авеля уже просто не получалось. После всплеска эмоций душу заняло глухое безразличие, словно все силы ушли на эти три удара.

Кое-как развернув дарственную и стараясь ее не запачкать, король пробежал глазами по строкам и особенно тяжело вздохнул.

— Леброн, что ж ты наделал.

— Это ты его спрашиваешь?!

— Конечно, к нему больше всего вопросов. Придется долго разбираться в прошлом, как минимум найти подтверждение того, что Ньярлатхотеп действительно был придворным магом, во что верится с трудом. Едва ли кто-то интересовался тем временем даже для исторических исследований, но копии и отметки об указах должны быть. И не говори потом, что я ничего не делаю в ответ на помощь.

— Пара синяков не делают тебя отзывчивым и приятным человеком.

— Не преуменьшай моих заслуг, Сэра, ты могла меня убить, я дал тебе возможность это сделать.

Я поджала губы, запоздало поднимаясь с Авеля и собирая разбросанные рядом бумаги.

— Уже жалею, что не воспользовалась ей.

От короля послышался легкий смешок, рядом с ним стало прохладнее, зеленоватые искры магии сорвались с пальцев к ранам, затягивая их.

— А всё, уже поздно, теперь придется со мной дружить.

— Говоришь, как пятилетка.

— Да, Мирра тоже часто так ворчит.

Приподнявшись с пола, Авель поймал мою руку и тут же прикоснулся к костяшкам своей магией. По коже на несколько секунд словно пробежал разряд тока. Как ни в чем не бывало светлый продолжил:

— Думаю, сегодняшний урок прошел продуктивно.

— Крайне.

— Я позову тебя через неделю, надеюсь, к этому времени смогу что-то ещё отыскать. Бумаги останутся у меня, если ты не против, но ты можешь сообщить отцу обо всём.

— Сообщить о том, что я нашла документы на Сомну и оставила их у тебя? Он вперёд корабля помчится сюда откручивать мне голову.

— Хах, да, наверно, что ж, придется придержать это в секрете. Скорее всего так даже лучше, министрам нельзя ни о чем догадаться раньше времени, иначе мой десерт тоже приобретет странный привкус.

— Всё настолько плохо?

— Они не ожидали, что я буду столь своенравен, чтобы отстаивать своё мнение, а я не сразу почувствовал их влияние и власть в этой стране.

В мою ладонь лёг белый платок с вышитыми инициалами на углу. Я сжала его и, отвернувшись от Авеля, постаралась стереть кровь с рук.

— Значит, ты такой прекрасный и благородный, и во всем произошедшем виноваты только министры?

— Конечно нет, но это не значит, что я не могу изменить своих решений, если получу больше информации.

— Еще скажи, что вернешь Сарруб нам.

— Я ничего не могу обещать, но если об указе Леброна будут упоминания в архивах и почерк совпадет с тем, что у нас уже есть, мне придется многое переосмыслить.

Чуть пошатнувшись, АVELЬ поднялся на ноги и прошел к небольшому зеркалу на стене, рассматривая воротник и недовольно морщась.

— Ты же сможешь мне сопоставить факты?

— Откуда у тебя такое доверие ко мне, Авреллиан?

— Наверное оттого, что у меня тоже нет выбора. Ты явно знаешь больше, чем я, и твоя точка зрения единственная отличающаяся от мнения придворных.

— Но я могу солгать и выставить всё в выгодном для себя свете.

— Так я и не верю тебе на слово, как видишь, я собираюсь проверить найденные сведения.

Отдав платок, я перебрала документы из тайника и еще раз проверила его содержимое. Внутри стены было пусто, все бумаги были уже известны. Взгляд снова скользнул по строкам Леброна.

Поверить не могу, что сознательно отдам это светлomu. Кажется, я сошла с ума, хотя еще не поздно отказаться и забрать всё себе.

Ты можешь поступить и так, но замечу, что АVELЬ говорит правду, передав документы Каину, ты не решишь проблему, министры так или иначе должны подтвердить их подлинность, но для тебя в этой ситуации не изменилось ровным счетом ничего. Ты можешь убить короля вне зависимости от его решения, с указом Леброна или без.

Оставив в покое одежду и убрав последние отметины на лице, король повернулся ко мне и осторожно забрал бумаги, спрятав их под камзол. Серебряные нити в виде сплетенных цветочных лоз блеснули на пепельного цвета лацкане.

— И всё же я думала, ты более однозначно относишься к темным.

— Какое-то время это действительно было так благодаря риторике Мирры. Сложно игнорировать избранную, тем более когда она приходит в замок с поддержкой эльфов. Одно божественное оружие говорило о многом, и не было никакого сомнения в ее цели, ведь посланница солнца появилась в самом сердце народа, взявшего частицу Солара.

— А теперь сомнения есть?

— Есть вопросы. Они появились не на пустом месте, и Таранис в свое время заставил меня обратить внимание на многие вещи.

— Тар?

— Он отстаивал интересы своей племянницы с боем, пока мы были в Кадате, — АVELЬ внимательно посмотрел на меня, тихо выдохнув. — Надеюсь, он жив сейчас.

— Надеюсь. Ив благодарит тебя за помощь и шлёт к черту.

— Ожидаемо.

— Думал, что ее этим можно будет задобрить?

— Нет, это было бы слишком самонадеянно. Ни на твою семью, ни на Уэстов такой

жест повлиять конечно не мог, мне просто хотелось поступить правильно. Хотя выглядит наверняка жалко, я это признаю.

— Да неужели?

— Сэра, не смотри на меня так. Что бы я не сделал сейчас для Сомны, всё будет воспринято в штыки. Нет хорошего исхода. Я... должен быть жесток, лишь чтобы добрым быть, зло начато и его не отвратить.

По спине пробежал неприятный мороз. Где-то я уже слышала эти слова, где-то они уже были. Горло неприятно стиснула тревога.

Они оба говорят о неизбежности своего положения, но на самом ли деле всё настолько плохо? Видимо, здесь только я действительно хотела бы, чтобы всё наконец-то кончилось, и это противостояние перестало отбирать чужие жизни. Этого добивался Ньярл, он приложил столько сил, чтобы у темных был свой угол, неужели нельзя было оставить его в покое? Неужели нельзя разойтись сейчас, игнорируя друг друга еще хотя бы триста лет, раз появилась такая потрясающая возможность?

Каин ни за что не отступит и будет в своем праве.

Приведет сюда людей.

Заставит подчиниться.

Уничтожит любое сопротивление.

Выжившие узнают, какого сейчас Сомне.

Половина убита, половина замучена.

Это называется мстью, Софи.

На миг мне стало жутко от осознания происходящего. Неужели это действительно правильно?

Ты же Ненависть, Софи, ты лучше всех это должна понимать.

Именно поэтому я не вижу будущего в таком поведении.

Даже так? Тогда простила ли бы ты Фоули, зная, что он совершил?

Н-нет.

А Эреба?

Тем более, но они и не раскаивались.

Авель тоже, а значит мы продолжим делать то, что обязаны на нашем месте. В конце концов, покаяние не вернет нам погибших людей.

Дело не в мертвых, а еще живых жителях. Много ли таких, как Аластор, и скольких он может заразить своими взглядами.

— Сэра, ты идешь?

Вздвигнув от неожиданности, я обнаружила Авеля у выхода. Кивнув мне, он толкнул дверь и прошел первым. Испачканный воротник на его шее закрывал шейный платок, других следов драки не осталось.

Словно замороженная я прошла за ним в коридор, стараясь уложить в голове всё произошедшее за эти полчаса. Намного проще жить, когда в твоих бедах виновато конкретное лицо. Особенно, если это не ты сам. Можно искать пути побега, жить за счет ненависти или мести, стремиться уйти из-под влияния, но что делать, когда жизнь выстроенная только против кого-то неожиданно теряет смысл? Искать нового врага?

С приходом Каина к власти, как быстро светлые организуют сопротивление, чтобы сместить его? После чего очередь мстить снова вернется к нам.

Добравшись до дома словно в тумане, я отчаянно тонула в собственных невеселых

мыслях. Где-то глубоко в груди под сердцем было спрятано огромное, бескрайнее море злости и ненависти, копившееся с момента моего появления в этом мире. Оно напоминало о себе всполохами и всё время норовило перелиться через край, затопляя всё мое сознание, но я никогда не рассчитывала, что эти чувства могут служить ориентиром на жизненном пути.

Неправильно, неправильно, всё идёт как-то неверно.

Ступив на лужайку перед домом Карвенов, я не стала сразу подниматься к себе в спальню, а сунув руки в карманы, не спеша прошла вдоль ограды, затянутой диким виноградом и мхом, к саду на заднем дворе. День был довольно ясным, хоть и прохладным. На багровых листочках блестели прозрачные капли после недавнего дождя. Воздух, наполнившись влагой, был мутным, скрыв пеленой дальние дома. Под белой крышей беседки в дальнем углу мелькнул большой темный зонт и чья-то мертвенно бледная рука.

— Не думала, что вам уже разрешено вставать, мисс Энн.

Купол из плотной ткани с ажурными краями дрогнул, явив мне осунувшееся, бескровное и крайне недовольное личико девушки, за жизнь которой в последние дни болел каждый человек в доме.

— О, это вы, Серафина.

— Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно, очень... легко, я бы сказала, но всё еще быстро устаю.

— Я рада за вас.

— А я за вас не очень, вы меня предали и рассказали всё отцу.

— Да, мне пришлось.

Брови Энн сдвинулись к переносице, губы вытянулись в тонкую нить. Я с удивлением ощутила, что она не на шутку рассержена.

— Вы были не в праве разбалтывать всем мой секрет. Теперь мне не дадут видеться с Аланом.

— И я думаю, это правильно.

— Правильно?! Кем ты себя возомнила, чтобы это решать?! Это была моя любовь, моя привязанность...

— Это было опасно, и он чуть не убил тебя.

— Ты ничего не понимаешь в наших отношениях. Он предложил мне истинную свободу.

— От чего?

— От общества, от мира, от постоянного страха за себя!

Уже набрав в грудь воздуха, я всё же промолчала. Хотелось бы сказать, что она еще слишком молода и наивна, но это единственная вещь, которую точно не стоит говорить молодым и наивным людям.

Посчитав разговор оконченным, Энн, придерживав подол, спустилась на лужайку и поспешила в сторону дома. Зонтик чуть дрожал в ее руке и, несмотря на то, что дождя уже не было, тщательно закрывал хозяйку от осеннего блеклого солнца.

— То, что меня нет, не значит, что мимик не подглядывает.

— Не понимаю.

— Она так и передала, слово в слово.

Сжав в руках кулон с каплей непроницаемо черного оникса на длинной золотой цепочке, я попытался вспомнить, кто из ныне живущих мог передать подобное послание, но все известные мне демоны в услужении не имели такой славы. Конечно, среди них было немало тех, кто мог менять форму по желанию хозяина, но они не могли называться мимиками, ни один из них.

Единственный знакомый мне экземпляр должен был погибнуть около десяти лет назад, но я сам не мог за это ручаться. Всё, что я знал о хозяйке после возвращения в Сомну, основывалось на чужом честном слове.

— А муж твой сейчас где?

Поставив локти на столешницу рабочего стола, Ив сцепила пухлые пальцы в замок, нехорошо улыбнувшись. Ее золотые кудряшки упрямо торчали из-под лекарского старомодного чепца, освещаемые солнцем из окна за спиной. Щеки заливал приятный здоровый румянец. Глаза цвета весенней зелени в обрамлении белесых ресниц довершали образ невинной простушки. За всё время ее работы в Кадате люди не раз обманывались милостивой внешностью, слишком поздно замечая то, что за ней кроется.

— В венерологии консультирует студентов. Ты, кстати, когда последний раз туда заглядывал?

— Ив, не начинай.

— Что не начинать? Я всех твоих Кадатских девиц знаю в лицо и не только. Жалоб, конечно, не было, и лекарства от нежелательных последствий давно никто не покупал, но это истораживает. Завел кого-то еще? В Санктуме, или к Милане в поместье съездить успел?

Ощущая привычные мерзкие мурашки по коже от тона Ив, я постарался как можно спокойнее убрать разряженный кулон во внутренний карман пиджака. Уэсты никогда не славились тактичностью, скорее наоборот, были известны его отсутствием, и каждый раз создавалось впечатление, будто меня собираются препарировать, изучить или, как сейчас, залезть в штаны. Подобные вольности я даже от любовниц не готов был терпеть, но иного выбора не было. Безнравственная семейка была столь же гениальна, сколь и отвратительна в некоторых аспектах.

Вновь подняв голову на Ив, я устало посмотрел на нее, мысленно надеясь хотя бы на каплю ее понимания.

— Кабинет триста три. От лестницы налево.

— Спасибо, Ив.

— Не отвлекай его надолго, нам нужно обучить новичков как можно скорее и отправить в Аркхем. Стройка не ждет, и в город уже стекаются будущие ученики, у нас просто не хватает рук.

— Я помню, да.

— И витаминки попей, ты какой-то бледный. Рецепт возьмешь на первом этаже в регистратуре, скажешь девочкам, что ты от меня, они поймут.

Поднявшись с кресла, я поторопился покинуть кабинет, мысленно прокладывая маршрут по запутанным коридорам больницы и перебирая в памяти то небольшое, что осталось у меня после знакомства с Азурой.

Получилось так, что в предвоенные годы мы почти не общались, хотя она исправно помогала мне, отчасти заменив сестру на ее посту у Ньярла. Разговаривала она неохотно, всегда обиженно, словно упорно ждала извинений, но я был настолько занят, что списывал эти выкрутасы на непростой характер некромантки. К тому же насколько я помню, ее отношение ко мне обострилось после того, как я не ответил взаимностью на ее чувства, хоть и согласился лечь с ней на алтарь. Для меня тогда это было не более чем приятной формальностью. Я хорошо провел время, мне нравилась эта девушка, но обременять себя чужими чувствами откровенно не хотелось. Стоило ли тогда прислушаться к ней и поддержать общение? С какой стати? Даже получив известие о смерти Азуры, я переживал больше о потере сильной магички, а не о потенциальной любовнице.

Она была сильна настолько же, насколько и умна, но нелюдима и слегка заносчива. Ее жуткий мимик довершал неприятный образ, отпугивая случайных знакомых.

Свернув с лестницы в левый коридор, я запоздало увернулся от старика, едва дошедшего мне до плеч. Придерживая дрожащими руками какие-то склянки, он поправил очки в толстой оправе и, подняв голову, вздрогнул, чуть не уронив свою ношу.

— Господин Авель!

— Что?! Вы в своем уме?!

— Гос... ой... вы не... но как?

Глаза, и без того увеличенные толстыми стеклами, в удивлении распахнулись. Из грязных пробирок на белый халат доктора что-то вытекло, разлившись по ткани неприятным пятном.

— Вы как он...

— Вон отсюда! Нечего глазеть!

— Но вы... вы же как он... как такое может быть?!

Поджав губы, я отвернулся и направился к нужному кабинету, желая поскорее избавиться от сумасшедшего практиканта. Старик, дернувшись в мою сторону, брякнул стеклом, но не пошел следом, застыв, словно изваяние. Неизвестный реагент на его одежде чуть зашипел, разъедая ткань.

Стоит намекнуть Ив, что этот человек больше не должен связываться с целестинцами и уж тем более вернуться на родину. Подобная огласка сейчас будет не к месту.

— Посмотрите, посмотрите внимательнее, вот эта сыпь, вы видите? Вот здесь уже полноценная язвочка образовалась, ее очень легко заметить. Запомните, пожалуйста, этот пример, подобная беда может посетить каждого из вас. Сия болезнь происходит от предпочтения незнакомых постелей и затыкания дыр, кои лучше оставить в покое.

Из приоткрытой двери кабинета триста три явственно доносился голос Герберта. Заглянув внутрь, я оказался в небольшой комнате, предбаннике, где обычно медсестры занимались документами больных. Сейчас тут никого не было, но в проеме чуть дальше за письменными столами была видна белая ширма и головы нескольких учеников. Оттуда же послышалось невнятное бормотание и вновь голос доктора.

— Не волнуйтесь, голубчик, вылечим, и хорошо бы узнать имя вашей пассии, ей тоже не помешает помощь.

В ответ прозвучало что-то стыдливое и разочарованное. Воспользовавшись моментом, я

негромко постучал костяшками по дверному косяку, ожидая Герберта в приемной. Выглянув на мгновение в проем и заведев меня, он быстро раздал задания ученикам. Нестройный ряд недовольных и усталых голосов попрощался с доктором, отпустив его из процедурной.

— Рад видеть тебя, Каин, как бы странно это не звучало. Надеюсь, ты не за профессиональной помощью заглянул сюда?

— И да, и нет, на самом деле.

— О-о-о, какая интрига.

Прикрыв двери от любопытствующих, Герб подвинул бумаги на одном из столов и не стесняясь, словно подросток, сел на столешницу, приготовившись слушать. На его лице не было ни тени серьезности, и сколько я его помнил, в жизнерадостном некроманте никогда не угасал огонек нездорового азарта и поистине детского любопытства ко всему новому. Словно годы проведенные среди чужой боли, потерь и страданий не могли сломить его целеустремленность и желание помогать людям, а прошедшее время отразилось лишь сединой в светлых волосах и сеточкой морщин у век.

С долей вины, с горечью я подумал о том, что Август, его старший сын, наверняка вырос бы копией Герба.

— Насколько знаю, всеми мертвыми в Кадате занимался ты, собирал списки и организовывал захоронения.

В взгляде бледно-голубых глаз мелькнуло что-то нечитаемое, но Уэст с готовностью ответил.

— Конечно. Кто еще мог бы это сделать, кроме меня.

— Ты помнишь Азуру?

— Азуру?

— Некромантку из Храма, она помогала мне некоторое время.

— Ах, ту с мимиком. Помню, славная девчушка, жаль у вас тогда ничего не получилось, Ив советовала ей попробовать еще. Азура тогда частенько бывала у нас, предоставляя слабые яды для лекарств, лучше нее в этом деле никто не разбирался.

— Да-да, славная, ты занимался ее погребением? Помнишь, что с ней случилось?

— Каин, ты меня несколько переоцениваешь, навскидку я едва ли припомню кого-то конкретного из тех времен, но уверен, в нашем архиве хранятся все сведения, если тело попадало в мои руки, то я точно делал запись об этом.

— Ты можешь это проверить?

— Конечно, и прямо сейчас если нужно, но откуда такой интерес?

— Мне пришло сообщение из Санктума, будто от нее.

— Хах, если она действительно отмечена в архиве, то это навряд ли.

Спрыгнув со столешницы, Герберт легко скинул халат, оставив его на спинке одного из кресел и вытащив из кармана ключи. Я с удивлением оглядел старую потрепанную кофту с высоким горлом, явно не подходящую владельцу больницы по статусу, но Уэст, ничуть не смутившись, повел меня из кабинета обратно в коридор, кивая проходящим мимо коллегам.

— Заодно покажу тебе свое последнее приобретение, если можно так выразиться. С каталогизацией документов у нас всегда было туго, а мои скорые записи во время войны расшифровывали лишь единицы. Потому, приняв ответственное решение, я дождался очередного каравана и пошел кланяться кочевницам на рынок, умоляя выделить хотя бы временную работницу. Не первый раз уже кстати. До этого мне, конечно, отказывали, кто-то даже грозился порчу наслать, поколотили разок, а тут внезапно согласились, говорят,

девушка специально за этим в Кадат приехала, захотела посмотреть, найдется ли что-то нужное ее семье в наших архивах. Они у нее тоже лекари, не один десяток поколений занимаются врачеванием, да вот сама зарчанка страсть как не любит с людьми возиться, а с бумажками наоборот.

— И ты выхлопотал ее себе?

— Конечно! Жильё подготовили, питание предоставляем как и остальным работникам, а она, знай, запирается у нас в архивах и целыми днями папки разбирает. Только недавно начала пускать персонал с запросами, так что имей в виду. Все сведения у нее хранятся в строгости, сам ничего не вздумай трогать.

— Да, я понял.

Преодолев всё расстояние из больничного крыла в административное здание, мы спустились к регистратуре, где за обширным островом из добротного дерева в зале растревоженным ульем переговаривались работники и пациенты. На скамьях со стороны входа, собрались больные в ожидании срочного приёма, там же где-то плакал ребенок, кто-то тихо охал от боли, а у стойки среди переговоров выделялось едкое шипение женщины, требующей очередную справку. Стараясь не попадаться посетителям на глаза, мы тут же скользнули к стене за лестницу и, свернув в почти незаметный проём, оказались перед толстой дверью со скромной табличкой «Архив».

— И не спорь с ней, умоляю.

Не дожидаясь моего ответа, Герберт дёрнул ручку и вошёл внутрь, в обширный, хорошо освещенный зал с множеством аккуратных стеллажей, стоящих так ровно, что невольно рябило в глазах. В воздухе почти не пахло пылью или миндалем, как бывает в старых библиотеках, наоборот, в помещении чуть пахло лаком, деревом и типографскими чернилами новых книг. До ушей донеслось клацанье печатной машинки и скрип отодвигаемого стула.

— Доктор Уэст?

— Мерием, дорогая, нам нужна ваша помощь, найдите пожалуйста информацию...

Из-за широкого стола с сеткой мелких ящичков по стенке поднялась миниатюрная южанка в непривычном для кочевниц строгом костюме оливкового цвета. Ткань явно была привезена с родины девушки, но перешита на наш манер, удивительно подчеркивая светлокариые глаза, растерянно смотревшие на Уэста, и изящную талию, перехваченную кожаным ремнем.

Стоя за Гербертом без надобности поддерживать разговор, я невольно засмотрелся на архивистку. Мерием что-то уточняла, переспрашивала и искала среди множества ящичков, пока в моей голове крутилась только одна мысль: какая же она ладная, словно искусная статуэтка, ничего лишнего нет, и всё так гармонично выглядит, что образ в целом рассматривать можно как картину. Запястья тонкие, пальчики шустрые, одна прядка волнистых, почти черных, но заметно выгоревших волос выбилась из аккуратного низкого пучка, и, наверное, только это я хотел бы изменить в ней. Распустить локоны, позволить им упасть на плечи, и запустить руку в этот мягкий водопад.

Девушка ушла вглубь собственного лабиринта из шкафов, скрывшись из виду. Герберт, ткнув меня локтем в бок, кивнул в ее сторону.

— Ты выглядишь так, будто собрался ее расчленишь.

— Я просто задумался.

— А-а, ну тогда понятно, откуда у тебя столько любовниц, они просто боятся, что в

ответ на отказ ты их придушишь.

Нахмурившись сильнее, я посмотрел на доктора и, дождавшись, пока он первый отвернется, прислонился к столу. Шутливость Уэста начала, мягко говоря, раздражать. Вместо раскопок в архиве я бы сейчас с радостью уехал в поместье, потратив минимум неделю, чтобы перебрать вещи из Храма. Сколько лет прошло, а я так этим и не занялся. Даже Софи там уже была, но не я.

— Вот, пожалуйста, Азура, она же Хазура. Сирота, была подброшена к старейшине Лисмора в возрасте трех лет и спасена от цинги. После переправки в Храм получила должный уход и была определена в...

— Позвольте мне самому посмотреть документы, так будет проще.

Мерием остановилась рядом с рабочим местом и, воинственно сдвинув брови, покачала головой.

— Боюсь, это невозможно. Вы повредите бумаги. Лучше уточните, что именно вы ищите в ее досье.

Герберт, заметив, что я собираюсь препираться, замахал руками, пользуясь тем, что архивистка повернулась к нему спиной.

Не спорить с ней, точно, как же.

Хотелось гаркнуть, приказав зарчанке подчиниться, но многолетний опыт в переговорах подсказывал, что это действительно будет иметь обратный эффект. Вместо этого сдержав недовольство, я наклонился к темноволосой макушке и протянул руки ненавязчиво касаясь чужих прохладных пальцев.

— Вы проделали огромную работу здесь, и я, честно говоря, поражен тем, как умело и совершенно вы выстроили систему документов в таком сложном и беспокойном месте.

— Ох, что вы, какие глупости, у нас, в исконных землях, с детства учат...

Девушка оборвала себя на полуслове, будто испугавшись, что скажет лишнее. Воспользовавшись заминкой, я продолжил уговоры, стараясь сделать голос как можно мягче и тише, чтобы Мерием сама хотела потянуться ко мне, ощущая наш диалог более интимным.

— Прошу, разрешите мне воспользоваться этим ценным трудом? Обещаю, что не сделаю ничего предосудительного, и бумаги вернуться к вам в полном порядке. Мне жизненно важна ваша помощь, и только в вашей власти мне помочь.

Ненавязчиво обхватив ее запястья, я чуть сжал их всего на миг, подарив частицу своего тепла, и тут же скользнул по кистям вверх, возвращаясь к папке, словно опасаясь даже такой близости. Темные ресницы девушки чуть дрогнули, прикрывая глаза. Смуглые щеки залил румянец, подтверждая мой успех.

— Господин Каин.

— Я нуждаюсь в вас, Мерием.

— Раз вы так настаиваете...

— Благодарю. Вы очень великодушны.

Не спеша забрав документы, напоследок я подарил девушке благодарную улыбку в ответ на ее мимолетный смущенный взгляд. Герберт осуждающе покачал головой, едва не цокнув языком на мою выходку.

На это я мог лишь молча пожать плечами. Он просил меня не спорить, и я честно выполнил это условие.

Вернувшись к письменному столу, я пролистал бумаги до конца в поисках свидетельства о смерти. Среди множества исследований, анализов и заметок о болезнях

показался простой набросок тушью с портретом Азуры и отдельный, самый последний, особенно пожелтевший лист с неровным, дерганым почерком Уэста.

— Ты можешь расшифровать свои каракули, Герб?

— Да, пожалуйста.

Доктор подошел ближе и, стащив у меня страницу, погрузился в чтение. Мерием вновь вернулась к своему рабочему месту, протянув руки к пишущей машинке.

— К сожалению, я еще только в процессе перепечатывания некоторых документов.

— Не переживай, голубушка, никто и не говорит, что вы обязаны были сделать всё за полгода. Лично я уже в восторге от ваших результатов.

— Лъстецы.

— Каин, смотри, запись я делал после разрушения храма, Азуру нашли на площади среди тех, кто препятствовал продвижению светлых. На теле найдены ожоги и колотые раны, погибла, предположительно, от ранения мечом в легкое.

Пропустила удар, значит. Да, я помню, она собиралась охранять главный корпус, и именно туда пришли основные силы светлых. Даже мой демон не выдержал натиска.

— А место захоронения?

— Есть, она там же, где и все защитники Храма. Показать тебе точное место?

— Да, и мне понадобится лопата.

— Собираешься потревожить мертвых? Ньярл бы не одобрил.

— Я хочу знать, что она точно погибла. Если есть хотя бы мизерный шанс, что она смогла спастись, то ее нужно найти или хотя бы связаться.

— Ладно, твоя правда, инструменты принесу, подожди меня у дальнего выхода с территорий там, где начинается парк для больных. Там самый короткий путь к мемориалу и могилам.

Я вытащил из кармана пальто портсигар, протерев пальцем потускневшую крышку.

Осень в Кадате выдалась влажной и прохладной. Дожди минимум раз в неделю навещали мрачный город, наполняя его водой, но чаще всего в воздухе и без него постоянно держалась тяжелая влажная дымка тумана. Настолько плотная, что капли почти грозились стать моросью. Быстро забирались в швы на одежде, мешали полноценно дышать и обволакивали собой каждый сантиметр опавшей листвы, заставляя ее неприятно прилипать к сапогам.

Звуки Кадата тонули в этой пелене, отделяя жителей друг от друга, и создавалось впечатление, что ты остался совсем один среди мокрых каменных стен и под низкими серыми облаками. Особенно чувствительные люди поговаривали, что в такой неестественной тишине и тумане можно встретить старых знакомцев, потерянных уже очень давно, родных, близких. Всех тех, кто не мог бы вернуться на узкие улочки сам.

Врут, конечно.

Мне ли не знать, что пути назад после смерти нет.

Открыв исцарапанную крышку портсигара, я посмотрел на полный комплект сигарет, не решаясь вытащить хотя бы одну. Ожидание доктора растягивалось, словно я сам уже стал одним из призраков прошлого, но закурить значило принять поражение и вновь вернуться к вредной привычке, отделив от себя семью и возможных пассий. Никому не нравился запах

табака, даже мне, но всего одна сигарета успокаивала нервы. Не так хорошо, как вечер в объятьях девушки, но намного доступнее и проще.

Вновь заводить интрижку и видеть в чужих глазах надежду не было никаких сил.

— Уже успел заскучать?

Герберт оказался рядом, жуя что-то на ходу и тут же вручив мне старую лопату с потемневшим деревянным черенком. На выдавшую виды кофту он надел такую же потасканную кожаную куртку с потертыми пятнами в районе локтей и, не дожидаясь меня, прошел вперед, по устланной брусчаткой дорожке через парк.

— Герб, скажи честно, у вас не хватает финансирования в больницах?

— С чего ты взял?

— Ты выглядишь как нищий студент в отцовских обносках.

— Ой, да сдались тебе эти шмотки. Терпеть не могу ходить по магазинам, мне не до этого.

— Не позорил бы хотя бы Ив. Она выглядит намного лучше.

— Ну началось, не нравятся мне другие вещи. То жмет, то висит, то колется, то выглядит глупо.

— Сшей под себя.

— О-о-о, еще и швею хорошую найти, объяснить ей, чего я хочу, проследить, чтобы всё точно было. Нет уж. Я так как-нибудь.

Продолжив препирательство по большей части лишь бы не молчать по пути к могилам, я шел за Гербом, почти не замечая ничего вокруг. В поле зрения изредка попадали скамейки для персонала и пациентов, под ногами вяло шуршали оранжевые и красные листья, где-то вяло тек ручей у края тропы. Голове было то ли пусто, то ли мерзко от самого себя, на границе сознания маячило неоформившееся чувство вины. Мы свернули к боковому проходу и, преодолев остаток пути, шагнули за металлический забор с угрожающе торчащими шпильями.

— Сюда.

Уэст, уверенно направился вперед, осторожно огибая плиты. Большинство из них поставили уже значительно позже столкновения со светлыми, на некоторых не было ни имени, ни года рождения, только дата смерти и порядковый номер досье, хранящегося в архивах больницы. Констатированная смерть — всё, что осталось у этих незнакомцев. Без нее они будто и не жили вовсе.

Пальцы в кармане невольно забарабанили по гладкой металлической крышке.

— Как поживают твои исследования посмертия?

— Реагент для воскрешения? Не слишком хорошо, мне не хватает многих знаний. Последний шанс сделать прорыв в этой теме был, когда к нам приезжал владелец некоторых страниц Некрономикона. Он даже согласился подумать о продаже пары из них, но сделка сорвалась, он скоро уехал отсюда.

— А сам так и не достиг результатов?

— Смог бы, будь во мне столько же сил, сколько в том первом человеке, что научился говорить с мертвыми. Я, может быть, и гений, но совсем не всемогущ.

— Жаль, у нас всегда есть с кем поболтать из мертвых.

— Закатай губу обратно, реагент будет действовать только на свежие трупы, я бы сказал, едва сердце остановится. Ту же Азуру он не вернет, от нее сейчас только кости остались.

— Мы еще не проверили это.

— Считай, что уже почти. Вот, здесь ее место, можешь начинать.

Мы обогнули раскидистый кедр, своими ветвями закрывший немалую часть могил, и оказались у очередного камня, похожего на остальные и чуть возвышающегося мраморным обелиском над влажной землей. Мшистыми разводами были подчеркнуты имя, примерные даты рождения и смерти. Герберт, не торопясь оставлять меня одного, уселся на выступающий корень дерева и достал из кармана мешочек с орехами. На мой удивленный взгляд он почти беззаботно пожал плечами.

— Ты лишил меня обеда, к тому же только я могу точно сказать, ее ли тело тут лежит. Не думаешь же ты, что по прошествии почти десятка лет ее лицо сохранилось таким же прекрасным, как и при вашей последней встрече.

Я бы хотел ответить ему что-то колкое или злое, но не нашел для этого сил. Лопата тянула руку к земле, разум словно пытался потеряться в черепной коробке.

Что я творю? Правда ли это нужно?

Правда нужно. Не понимая до конца «зачем», я чувствовал свою обязанность найти Азуру, найти или возможно вернуть в Кадат, и отдать ей вещи из поместья. Там хватало коробок с ее именем.

Даже Софи туда уже залезла, а я нет.

Скинув пальто на одну из веток, я закатал рукава рубашки и поудобнее ухватился за черенок. Курить захотелось будто бы сильнее.

Воткнув металл в землю, я помог себе ногой и откинул первый ком тяжелой темной почвы. Выбор сделан, осталось понять, что меня так гонит к ней.

— Не думала, что такой как ты вообще может что-то из себя представлять.

— Почему?

— Казалось, что любимчик Ньярла лишь его хрупкая драгоценность. Не дай боги, тебя кто-то заденет.

— У нас с сестрой скорее наоборот.

Выдохнув очередную порцию дыма, я тяну сигарету к губам, но длинные пальцы девушки тут же выхватывают ее у меня. Закатное солнце отражается в карих глазах, они на несколько тонов светлее, чем обычно и словно светятся изнутри. Охра напоминает мне об осенних листьях.

Сделав затяжку, Азура кашляет. Явно никогда не пробовала табака, но улыбается так, словно я сказал какую-то забавную шутку.

— Отрава какая, даже хлеще моих. Целоваться с тобой наверняка отвратительно.

— Еще никто не жаловался.

Соврал конечно, но какое это имеет значение?

— Да? Дай-ка попробую.

Очередной шмат земли отлетает в сторону. Утерев лоб рукавом, я покосился на Герберта. Хруст у дерева закончился, доев последний орех, Уэст убрал мешок в карман, сонно зевнув.

— Уже устал?

— Нет, еще нет.

— Как вы познакомились?

— Случайно.

— В Храме?

— Почти. Закончив обучение там, она продолжала брать уроки у сильных магов, чтобы оставаться в форме. Я вовремя попался под руку.

Лопата вновь вошла в тяжелую неподатливую почву. Ладони уже немного жгло, и без того огрубевшая кожа грозилась покрыться мозолями. Для воина обычное дело, даже скорее вынужденная мера, словно тело сознательно старалось нарастить немного брони.

— Жесткие, как сапожная подошва.

— Ну так не трогай их.

— И позволить тискать этими лапищами других?

— Тискать?

— Не ласкать же.

— Да, не ласкать.

Порозовевшая щека Азуры привычно легла в мою ладонь, но, к сожалению для себя, я почти не ощущал ни ее мягкости, ни нежности, лишь теплоту. Тело привычно желало большего, но девушка ловко выскользнула из объятий, дразнила, заставляла переживать. Несмертельный яд.

Добей меня или отпусти.

— Каин, ляжешь со мной на алтарь?

— Ты же сильная магичка.

— У меня есть собственные цели.

— Конечно, не может не быть.

Перед единственным «свиданием» я даже заранее отказался от табака, вернув себе хотя бы часть обоняния. Хотелось испить эту чашу до дна, почувствовать всё, что я мог на данный момент, напомнить себе, что я жив.

Огрубевшая кожа рук защитила от прохлады алтарного камня, их место на теле Азуры заменили мне губы.

— Вы миленько смотрелись вместе.

Глухой звук и дрогнувший под пальцами черенок впервые обозначил короб. Я устало посмотрел на Герба, вытирая пот со лба. Доктор зябко кутался в куртку, прикрыв глаза. Еще немного, и уснет там под деревом.

— Мы не были вместе.

— И почему же?

— Не было времени.

Уэст молча поднял брови. Уж ему-то хватило часов в сутках и дней в году, чтобы за десятки лет в Кадате обзавестись тремя детьми, сохранить отношения с женой и выстроить работу больниц. Не говоря уже о кладбище и собственном исследовании.

Если бы во мне осталась толика стыда, я бы его непременно ощутил.

— Понимаю.

Сгорбившись, я вонзил лопату в землю. Лёгкие обжог мокрый холодный воздух.

Щека горела от пощечины, в ушах стоял звон.

— Ненавижу тебя.

В глазах цвета поздней осени блестели злые слёзы. Почти невыносимо.

— Понимаю.

Азура отвернулась так быстро, что на миг я ощутил, как ее волосы чуть коснулись моего лица.

Это была не последняя наша встреча, последняя состоялась перед нападением. Тонкая горделивая фигурка застыла рядом со мной в коридоре Храма. Во взгляде мелькнуло что-то невысказанное, но она промолчала. Я не настаивал, торопился.

— Еще увидимся.

Времени не хватало, да и не было его никогда. Аван сбежала, была занята семьей, Ньярл, теряя связь с реальностью, едва не покрылся паутиной. Все силы уходили, чтобы сохранить что-то: Храм, Кадат, людей, Сомну. Сам я ничего не создавал и вспоминал о собственных желаниях лишь прикасаясь к чужому телу.

Сейчас та же история.

Имею ли я право тревожить ее после стольких лет?

Ящики до сих пор не разобраны.

Я замер на краю ямы.

Герберт подошел ближе и, похлопав меня по плечу, стянул с себя и кофту, и куртку, вручив в руки.

— Смотри не урони. Не хочу их пачкать.

Машинально кивнув, я сжал еще теплую ткань в руках и опустил голову. Под пальцем на внутренней стороне воротника чьей-то заботливой рукой были вышиты инициалы: А.У.

Уэст спрыгнул в могилу, аккуратно приземлившись на бортик, и вытащил из кармана брюк потрепанный лист с переписанными наспех строчками. Размокшие гнилые доски гроба протестующе заскрипели, явив нам чьи-то останки. На одном из ребер явственно читался след от клинка.

— Да, это точно она.

Оголенные нервы. Оголенные кости.

— Увиделись.

— Мне жаль, Каин. Правда жаль.

— Зря я это затеял.

Край ямы осыпался. Герберт ловко вылез оттуда и, отряхнувшись, платком вытер руки. Я протянул ему вещи, и через половину минуты у меня забрали чужую скорбь, осталась только своя.

— Был шанс. Есть предположения, кто мог отправить тебе сообщение?

— Никаких. То, что меня нет, не значит, что мимик не подглядывает.

— Что ж, ее и правда уже нет.

— Мимику не прожить так долго в одиночестве.

Посмотрев вниз, я последний раз оглядел гроб.

А-зу-ра. Сознание отказывалось соотносить останки с этим именем. В моей памяти, в моем понимании она осталась своенравной магичкой, впервые робеющей передо мной в коридоре Храма. Я почти ощущал, как последнее напутствие вертится у нее на языке, почти срывается с губ, почти тонет в утренней тишине и свете летнего солнца.

— Каин.

Я встрепнулся и обнаружил себя уже в регистратуре. Забрав лопату, Герб усадил меня на одну из скамеек подальше от пациентов, у меня не нашлось никаких сил противиться этому и пойти домой. В голове звенела пустота, пальцы перебирали металлический футляр, то и дело щелкая его кнопкой. Во рту я почти ощутил привкус сигарет.

— Господин Каин, неважно выглядите.

Разношенные кожаные туфли мелькнули на полу передо мной. Запахло молоком, уютом и совсем немного лавандой, что обычно вешали к шерстяным вещам, отгоняя моль. Подняв взгляд, я поприветствовал знакомца кивком.

— Здравствуй, Геспер, вам тоже нездоровится?

— Ах, ничего страшного, мы просто немного заболели, но доктор уже пообещал, что всё будет хорошо.

Мы?

Присмотревшись, я заметил за спиной мага Мелету с ребенком на руках. Малыш, основательно запакованный в комбинезон с меховым подкладом, безнадежно поболтал руками в воздухе и, глянув на меня, надул ртом пузырь. Голос некроманта звучал тревожно.

— Вам, может быть, нужна помощь? Что-то случилось?

— Нет, я уже сделал то, что хотел, Герберт только что унес лопату.

— Стесняюсь спросить, зачем она вам в больнице.

— Не здесь, на кладбище. Нужно было навестить Азуру.

Осоловело помотав головой, я попытался найти Уэста, но его и след простыл. Просыпающееся сознание вело меня в два места, на крыльцо или в архив. Только там я мог бы хоть немного взбодриться.

— Ох, ее всё же накрыли обломки Храма, очень жаль.

— Нет, она погибла от удара мечом на площади, ко мне она не дошла.

Геспер на несколько секунд замолчал. Расслабившись, я достал портсигар и вновь нажал на кнопку.

— Но я отчетливо видел, что она зашла в северные двери. Я сам был там и даже попытался остановить, но она не послушала, и меня отвлекли светлые.

— А потом?

— Храм рухнул. Тело Ньярла спас алтарный камень, а вас — настоящее чудо, я даже не думал, что кто-то после такого может выжить.

— Это не могла быть она, к тому моменту Азура должна была уже погибнуть.

— Тогда...

— Мимик? После смерти хозяйки? Насколько это возможно?

Опасливо оглянувшись на супругу, занятую ребенком, Геспер сделал голос тише, явно переживая из-за того, что она может услышать.

— Возможно... если ему отдали последний приказ. Я сам отдал такой перед вторжением. Попросил демона защищать Мелету несмотря ни на что, даже после моей смерти.

— Геспер!

— Прости, душенька, я очень переживал.

— И что бы я без тебя делала, ты не подумал?

— Милая, родная моя, это правда было важнее.

— Важнее, чем ты?

— Конечно важнее, чем я.

Герберт нашел меня на скамейке у крыльца административного корпуса. Пуская в воздух колечки дыма, я наслаждался необычайным покоем, подаренным мне никотином. Загрубевшие пальцы почти не чувствовали жара от сигарет. В памяти маячила потрепанная коричневая обложка записной книжки на дне коробки, среди сборников реагентов, справочников трав и ядов.

— Ну что, будешь искать демона? Поедешь в Санктум?

— Нет.

— А что так?

— В ближайшую неделю я буду занят, мне нужно разобрать вещи в поместье и закончить один давний разговор.

Он объявился под конец времен

«Все знали, что настал последний час, И было так: сперва ушли моря, Потом разверзлась суша, и заря Скатила на оплоты смертных рас. В финале Хаос, вечное дитя, С лица Вселенной Землю стер шутя.» Г.Ф. Лавкрафт, «Ньярлатхотеп» цикл Грибы с Юггота

Утро встретило меня бледным солнцем в окнах и дурными предчувствиями. С момента последней встречи с Авелем уже прошло несколько дней, а я всё еще не была уверена в собственном выборе, но и не видела иного выхода. Неопределенность и туманные перспективы отдавались в груди подобием тошноты, словно меня укачало на извилистом пути в гору или на горке с множеством поворотов. Всё было до безумия неправильно, чужие проблемы тянули всё глубже в неизвестную трясину лишних чувств, желаний и мнений. Привычные догмы пошатнулись, хоть и всё еще выглядели крепкими.

Светлые однозначно должны были ответить за вторжение, но как? Своими жизнями? Деньгами? Переданной властью? Каин по праву может занять трон Целестии, но нужно ли это делать — очень большой вопрос. И что меня ждет после его «воцарения»? Я отправлюсь в Академию? Умру? Отправлюсь в Кадат и буду жить в доме Лилит на его деньги? Как при этом поступит Аван? Останется в Сомне или поедет к брату? Она тоже будет участвовать в перевороте? Согласится на шантаж Мирры и позволит в случае чего убить ее сына? Но она чуть ли не единственная из Блэквудов, кто действительно хотел всё рассказать Авелю и хоть как-то построить с ним отношения. Как много она знает о планах брата?

Я ничего не понимаю. Мне так надоело быть инструментом, но иного пути всё еще нет.

Кажется, ты слишком много на себя берешь.

Не много, в самый раз. Я то лезвие, то оружие, что должно пролить кровь, и пусть передо мной уже есть одна цель, только мне решать, сразить ли ее.

Уж не думаешь ли ты оставить Авелю жизнь?

Не думаю. Пока. Присматриваюсь ближе и стараюсь сама решить, как действовать сейчас.

Советую оставить это тем, кто разбирается больше тебя.

Я не дура, Ньярл, и у меня есть собственное мнение.

Да, и мы уже видим результат.

В комнате неподалеку привычно звякнули кольца задвигаемых штор. Энн раздражал яркий свет, и большую часть дня она проводила в полутьме спальни, недовольно высказывая матери любой сиюминутный каприз. Элиза, покорно подчиняясь почти потерянной дочери, гоняла в свою очередь слуг и требовала приносить всё желаемое в кратчайшие сроки, но едва ли маленькая бунтарка становилась счастливее от множества цветов, конфет и дорогих сорочек. Главной ее недостижимой целью остался Алан, которого она украдкой выжидала еженощно у окна, стоило только солнцу скрыть свои багровые лучи.

Но ухажёр не приходил, словно забыл о своей случайной симпатии, оттого по утрам Энн становилась всё более невыносимой, срываясь на слугах. Матери она пока не смела грубить напрямую, при отце всё еще старалась помалкивать и послушно опускать глаза, притворяясь послушным дитя, но едва ли его возможно было обмануть такой пантомимой.

Сам Карвен, к слову, вновь начал пропадать, не в своих таинственных лабораториях, а в

городе, возвращаясь день ото дня всё серее, словно где-то по пути у него каждый раз кто-то вытаскивал кошелек, либо тянул в бессмысленную драку. Его тяжелый, свинцовый взгляд смягчался только при виде дочери, но и то, стоило ему переступить порог детской, как мужчина будто бы съеживался, клонился к земле под грузом незримой беды. Каждый раз наблюдая это из-за замочной скважины в спальне или подглядывая из-за двери, я ощущала свою вину в произошедшем, и сердце кровью обливалось. Хотелось исправить хоть что-то, помочь, да хотя бы вновь извиниться, но Джозеф не давал даже подойти к нему. Единственный раз, когда я пересилила себя и дрожащим голосом озвучила предложение, он не дал мне ответа, равнодушно отвернувшись. Моё горло от нервов перехватило так, что я до конца дня не могла выдать из себя ни звука.

— Серафина, к вам гость.

Горничная заглянула ко мне, не постучав, и говорила тихо, словно переживая, что кто-то еще узнает о моем пребывании здесь. Быстро собравшись, я накинула на себя кофту потолще и потеплее для прохладных, осенних вечеров у камина, и, стараясь издавать как можно меньше шума, спустилась на первый этаж, заметив знакомую русую голову у двери.

— Сэра, извини, что так неожиданно появился здесь, но ждать нельзя.

Переминаясь с ноги на ногу, Дей теребил в руках кожаные перчатки, то и дело оглядываясь к окну во двор, где виднелась машина в конце подъездной дорожки. Заметив на его нервозность, самой подспудно захотелось поторопиться, но внутренний протест оказался сильнее. Напарник еще ничего не успел объяснить, и отчего-то при всей своей нетерпеливости тянул кота за хвост.

— Что случилось?

— Помнишь, я говорил про мага из Ориаба? Я полагал, что у нас есть время для встречи с ним, не обратился сразу за аудиенцией и только сегодня узнал, что он со дня на день уплывает обратно на свой остров.

— Так?

— Одевайся быстрее, мы должны успеть к завтраку в ресторан, где он обычно отдыхает, это единственный шанс его достать сейчас.

— Боги, Дей, где твоя голова?!

— Пока на плечах, но это не на долго. Сэра, прошу поторопись, потому что говорить с этим магом будешь только ты, мне как должностному лицу не дали разрешения провести допрос, остается только развести его на дружескую беседу, как некромант с некромантом.

Беспомощно открыв рот, я едва не всплеснула руками, не зная отчитать ли для начала напарника или всё же побежать обратно в спальню и сделать выговор позже. Где-то над нами хлопнула дверь одной из спален, и судя по звукам шагов Элиза начала суетиться над дочерью.

— Я сейчас.

Чуть не споткнувшись о первые ступеньки, я поднялась на этаж обходя горничных и, дождавшись, пока коридор опустеет, прошмыгнула к себе в спальню, заполошно потянувшись к шкафу.

Наряжаться не было времени, но, чтобы выглядеть хоть сколь-нибудь симпатично, я вытащила один из костюмов с плотной юбкой-карандаш чуть ниже колен и забрала волосы в чуть неряшливую высокую прическу. Короткие сапоги из тонкой кожи дополнили образ, трость за неимением пояса пришлось взять в руку. Сердце, разогнав свой ход, билось необычайно тревожно то ли из-за спешки, то ли в предвкушении встречи. Едва ли меня мог

поразить этот необычный маг, но сама мысль о нем отзывалась в душе нервозностью.

Спустившись вновь к Дею, я лишь мельком заметила удаляющуюся спину Карвена в конце коридора, по нервам будто ударило током. Сейчас он для меня был словно недобрый дух или демон, на глаза которому лучше не попадаться. Накинув пальто на плечи, я чуть ли не пинками вытолкнула напарника, пока меня не заметил хозяин дома.

— Ты хоть что-то о нем знаешь?

— О ком?

— О некроманте этом, Дей, соберись, объясни хотя бы, к кому и куда ты меня отправляешь, а то я тебя знаю, вытолкнешь на встречу и будь, что будет.

Быстро преодолев расстояние до машины, я дождалась, пока напарник откроет мне дверь и поможет забраться внутрь.

— Прости, всё очень сложно, Ориабцы довольно скрытый народ, они не слишком распространяются о себе и собственной культуре, но уверен, ты сможешь найти подход к этому магу.

— Ты излишне наивен, мой милый друг.

— Слышу это не в первый раз, но поверь, я искал как мог, информации крайне мало, и на все мои расспросы люди повторяли, что поделятся знаниями только с теми, кому подвластен некрот: «дети света ничего не смыслят в наших традициях и наших богах, им не будет понятна жизнь мертвых».

— То есть говорить смогут только со мной.

— И Жрец, к которому мы держим путь, тебя уже знает.

— Откуда?!

— Наслышан, может быть. Один из его приближенных сказал, что маг готов говорить только с тобой.

— Это странно и звучит очень нехорошо.

— У нас нет выбора. Кто-то должен это сделать, и мне остается лишь верить в твои силы.

— Очень удобно устроился.

— Да, ничего не скажешь.

Сидя передо мной, Дей упер локти в колени и потер лицо, отвернувшись к окну. На меня он будто бы не хотел или опасался смотреть. Отложив трость, я наклонилась к напарнику, привлекая внимание.

— Что-то еще случилось?

— А? Нет-нет, больше ничего.

Быстрый взгляд и нервная, натянутая улыбка сказали мне об обратном, но я не стала давить и продолжать расспросы, оставив Дея в покое. Повернувшись к улице, как он, постаралась успокоиться и отвлечься на пожелтевшие листья, дрожащие на ветру. Осень окутывала Санктум неохотно, стало прохладнее, но под солнцем всё еще приятно и тепло, дожди бывали, но не промозглые и холодные, а такие, чтобы прибить пыль дорог и умыть светлые фасады зданий. Легкая утренняя дымка заигрывала лишь с первыми жаворонками, исчезая уже ближе к завтраку. Хотелось прогуляться по городским паркам и вдохнуть запах опавшей листвы, как когда-то в родном городе, но вместе с отголосками ностальгии я рисковала припомнить свои годы в ВУЗе.

— Долго нам ехать?

— Нет, совсем нет.

— Коллеги или начальство интересовались нашей поездкой в трущобы?

— Едва ли. Я стараюсь не распространяться.

— А пропавшие?

— Пока больше нет, либо мы еще не знаем.

— Скорее второе.

— Я смотрю, ты не слишком веришь в хороший исход.

— Не было повода.

— Может быть.

Дей откинулся на спинку сидения и, выдохнув, сцепил руки в замок. Так он проехал весь путь до ресторана, словно замершая в камне статуя с застывшей на лице нерешительностью. Светлые глаза едва ли видели мир за пределами машины, разум был занят проблемами роившимися в голове. Мне казалось это странным и непривычным, но потревожить его я не решилась.

Дождавшись конца поездки, я вперед напарника вышла на улицу к небольшому уютному дворику с просторной, но пустующей сейчас террасой для гостей. По бокам от широкой белой лестницы в пару ступенек молчаливыми охранниками стояли свечи-кипарисы в кадках, цветастые петунии клонили головы с подвесных горшков у входа, а полотно фиолетовых клематисов лианами тянулось к крыше крыльца у самого фасада здания. Ресторан был относительно небольшой, в два этажа, на втором также виднелись места под солнцем, а вокруг здания растения, словно небольшой парк, отделяли отдыхающих от внешнего мира. Изнутри слышалась легкая музыка, в окнах, украшенных завитками каменного хмеля, виднелись снующие официанты. Образцовое заведение для светлых аристократов, но для темного жреца...

— Идем.

Не церемонясь, Дей подхватил меня под руку и быстро провел к входу, остановившись, только когда у порога ресторана нас встретила администратор. Миловидная девушка с вежливой улыбкой выслушала путанное объяснение светлого, не дрогнув, даже когда Уинн начал заметно отвлекаться, поглядывая то на машину, то вглубь зала. Услышав о Жреце, она понятливо покивала и с готовностью предложила пройти.

— Удачи, Сэра.

Дей неловко похлопал меня по плечу и тут же убрал руку. Кивнув ему в ответ, я поспешила за администратором, стараясь не пялиться на редких гостей. В начале дня залы были полупустые, посетители по большей части попивали чай или кофе, проводя время за газетой или беседой в компании друзей.

— Сюда, пожалуйста.

Девушка указала мне на пустующее место в углу небольшого зала, где между столиков, накрытых дорогой скатертью с узорчатым отливом, были плетистые перегородки с тонкими колоннами.

Сев, я вновь оказалась одна. Большое решетчатое окно, начинающееся вровень со столом, выходило к обширному заднему двору с множеством еще цветущих кустарников и лабиринтом живых изгородей. На темные листья зелени закапал ленивый редкий дождь, отголоски музыки притихли словно под влиянием погоды. Небо незаметно, но так сильно затянуло облаками, что мне инстинктивно захотелось включить свет.

Воздух сгустился, стал тяжелым и душным, как бывает у болот. Я сделала глубокий вдох и тут же поежилась от холода. В пустом зале не было ни единого сквозняка, но ноги словно

оказались в промерзшей земле, постепенно захватывая меня в жуткие, невидимые объятия.

Мне бы встать и пройтись хотя бы чуть-чуть, но я не была уверена, что устою, и голова, налитая чугуном, заставит тело пошевелиться.

Ньярл...

Тишина неестественная, неправильная. Ни мысли, ни звуки не могли ее потревожить. Я не чувствовала присутствия мага в сознании, вместо него был мутный кисель из сбивчивых, непонятных ощущений. Тяготящее, усталое спокойствие затапливало едва проклюнувшийся росток паники.

Совсем рядом послышались мерные шаги. Они, словно диковинное заклинание, разрушили плотный покров полусна, позволив мне вдохнуть полной грудью и встрепенуться на месте, но не встать. Нет. Тот, кто шел сюда, именно сюда, я в этом была уверена, не отпустил бы меня так легко, наоборот, наша встреча только началась, и появление здесь только начало.

Гнетущий рокот далеких нереальных флейт раздался вместо музыки, сжимая моё сознание в тиски.

Шаг, еще шаг.

За моей спиной едва дрогнул воздух. У меня не хватило бы сил повернуться, но оно и не нужно было, я нутром чувствовала, что посетитель совсем рядом. Мне не было страшно в полной мере, но на глаза навернулись слёзы. Сжав край пиджака и будто окаменев изнутри, я замерла.

— Здравствуйте, Софи, рад вас видеть.

Голос спокойный и зловещий не был мне знаком, но смутным, непонятным чувством отозвался в душе Ньярла. Подняв голову, я посмотрела на того, кто почти незаметно сел за столик и встретил мой растерянный взгляд невыразимой, странной улыбкой, в которой сплелись презрение, мудрость и насмешка.

— Здравствуйте.

Всё, что получилось сказать осипшим горлом, но давление от присутствия этого нечеловека будто начало спадать. Почти вечерняя тьма, затянувшая проем окна, отступила. Уши уловили редкий звон посуды в соседнем зале. Мир, будто оправившись от ужаса, стряхнул с себя остатки чужеродной магии и поспешил ожить.

— Вижу, мальчишка выполнил моё условие и привел вас сюда. Как и обещал, я готов ответить на несколько ваших вопросов.

— Условие? Вы лично виделись и сказали ему это сделать? Меня он не предупредил.

— С подобными тонкостями вы разберетесь меж собой сами.

— Да... простите.

К нашему столику подошла официантка и чуть дрожащей рукой выставила две аккуратные чашки темного, как безлунная ночь, кофе. Жрец поблагодарил ее кивком и, дождавшись, пока девушка уйдет, пригубил напиток.

— Из одних и тех же ориабских зерен, но кофе в Сантуме всё равно будто бы слаще. Никогда не понимал этого.

Уставившись на белый фарфор перед собой, я протянула руку и тоже отпила немного. В голове маячила дурацкая детская страшилка напололам с нервозностью. Черный-черный человек в черном-черном балахоне пьет черный-черный кофе...

— Что вы хотели узнать?

— Какова цель вашего приезда.

— Подготовка к ритуалу. Грядет время новой Царицы Ориаба, и для нее нужны жрецы.

— А вы разве не жрец?

От мужчины послышался смешок, колкий и неожиданный, как потерянная в постели швейная игла.

— Я иной, глашатай богов своей земли.

— Это разве не одно и то же?

— Конечно нет, как жрец иных божеств, я могу помочь царице, ведь она тоже служит Древним, но мы скорее коллеги, я не подчиняюсь ей. Моя работа лежит высоко в горах Нгранек, и здесь я лишь для того, чтобы забрать дань для новой фигуры у подножья своих владений.

— И вы получили эту дань?

— Да, и она вполне устраивает. Как сказал Авреллиан, мистер Фоули будет рад присоединиться к культуре царицы, возлечь с ней на алтаре и затем, будучи оскопленным, служить ей до самой её смерти.

— Её смерти?

— Всех жрецов царицы отправляют вслед за ней при помощи особого яда и укладывают на уровень выше нее в усыпальнице, чтобы даже после смерти слуги могли присматривать за своей хозяйкой.

— Я думала, что ваш народ тоже верит в перерождение.

— Верит, но ориабцам оно недоступно, будучи отвергнутыми и проклятыми, они на своей земле могут жить после смерти в некрополях, выходя на улицы лишь после заката солнца, но упокоятся навсегда лишь с позволения жрецов культа и после их особой церемонии. Такие, с позволения сказать, священники владеют душами в их загробной жизни, как пастухи, блюдушие стада. К этому труду приходят после долгой службы в храмах, а особенно горделивые ученики, иногда даже пытаются подняться ко мне на гору в поисках внимания богов.

— И получается?

— Крайне редко, я знаю всего пару-тройку случаев, а если и получается, то человек не возвращается.

— Почему?

— Он умирает. Это и есть внимание богов, не стоит тревожить их покой.

Кофе в чашке закончился, но на языке остался его горький вкус. Хотелось запить его водой, но подзывать официантку к столу было жалко. Уходя от нас, она уже была едва не белее скатерти.

— Значит, вы ничего не знаете об исчезновениях в городе?

— Почему же, знаю. Это крайне интересное дело, надеюсь, вам повезет его распутать. Мне крайне любопытно взглянуть на его исход.

— И всё?

— Всё, что я могу вам рассказать.

— Теперь мне кажется, что вы знаете больше.

Смотреть на жреца было сложно, как на то, что в этом мире вообще не должно было существовать, лишний, болезненный элемент, противный общей незримой гармонии, но когда он засмеялся, жутко, зловеще, настоящим сардоническим смехом, я не могла не поднять головы. Ньярл в моем сознании всполошился вихрем чувств. Он узнавал этот голос.

— Конечно. Мне ведомо намного больше, чем любой из смертных может себе

вообразить, и всего один день существования приносит мне больше знаний, чем каждый из ныне живущих может накопить за всю свою короткую жизнь.

— Почему-то мне в это охотно вериться.

— Потому что вы уже были в курсе причин моего пребывания здесь.

— Я не помню, чтобы мы встречались раньше.

— Это лишь до поры до времени, вы всё вспомните, не переживайте, но, пожалуй, я не стану навещать вас после этого и могу заверить, я выполнил свою часть нашей сделки сполна.

— Тогда скажите, зачем вы здесь? Я чувствую, вам тут не место.

— Жду, когда настанет последний час, уйдут моря, и развернется суша. В ваших силах как приблизить это время, так и отдалить, но какой бы выбор вы не сделали, для вас он не будет ни приятным, ни правильным, это есть часть нашего уговора.

— Не понимаю...

Он поднялся из-за стола, явно считая разговор оконченным, но, едва сделав шаг, задержался рядом со мной. Свет с каждым новым его словом тускнел, напоминая мне момент появления этого жреца.

— Живите так, как посчитаете нужным, в этом ваша ценность, а если всё же проиграете в этом маленьком сражении... ваши кости сгодятся для флейт, а кожа для барабанов в оркестр моему вечно ненасытному господину.

Длинный полог хитона оттенков бездны прошелестел мимо, шаги отдалились, и реальность, сбросив гнет марева иных богов, снова начала радовать меня красками. Мне хотелось встать и попытаться дойти до выхода, но я была не уверена, что ноги выдержат вес тела и вообще откликнутся на сигнал сознания. Руки заледенели от ужаса, пошевелить ими оказалось невероятно сложно.

Я знаю его, точно знаю, но откуда?

Мне это больше не интересно, я просто хочу домой.

Софи...

Никогда в жизни не сунусь в Ориаб, а увидев это чудище снова, буду бежать куда глаза глядят.

Прости. Я знаю, тебе тяжело, но мне кажется, он застал мой первый век, ту жизнь, которую уже не помню.

Плевать-плевать-плевать, хочу домой, хочу забыть всё это и пойти домой.

— Сэра!

Вздрогнув в испуге, я повернулась к выходу из зала. Оттуда бледный и встревоженный Дей пробежал ко мне и заполошно оглядел, словно боясь, что жрец успел откусить мою руку или ногу.

— Как я рад, что с тобой всё в порядке!

Моих сил хватило на то, чтобы вытянуть ладонь вперед и вложить в пощечину столько злости, чтобы голова светлого болезненно дернулась, а на щеке расцвело яркое красное пятно.

— Иди ты к черту, Дей.

— Извини, я правда думал предупредить, но разве к такому можно быть готовым...

Оттолкнув парня в сторону, я из чистого упрямства поднялась сама на ноги и направилась к выходу. Уинн, оторопев буквально на секунду, вновь приблизился и подхватил меня под руку.

— Пошел прочь от меня.

— Я только помогу сесть в машину, потерпи, пожалуйста.

Оперевшись на него, я честно дождалась, пока мы выйдем на улицу, и с трудом забралась внутрь салона. Дей в этот раз сел рядом, будто нарочно меня раздражая, и тут же прикоснулся к ладони. Отдернув ее, я отодвинулась подальше, стараясь сохранить расстояние.

— Что он сказал тебе?

— Что ты трус и предатель.

— Сэра...

— Он не замешан в исчезновениях, и это последнее, в чем я тебе помогу.

— Я дам тебе время успокоиться и отдохнуть.

— Не надо, разбирайся со всем сам.

Уинн замолчал, больше не стараясь ко мне прикоснуться. Мы проехали так почти весь путь до дома Карвенов, и только когда машина остановилась, Дей дернулся к двери, помогая мне выйти из салона, и проговорил на грани слышимости:

— Если бы мог это сделать сам, я бы не втягивал тебя.

Передернув плечами, я отвернулась к дому и не прощаясь прошла к крыльцу. Дей уехал, я искренне надеялась, что у него хватит ума не приезжать ко мне больше с очередной гениальной просьбой, но мысль об этом не успела даже до конца оформиться. Входные двери дома распахнулись, явив мне Джозефа Карвена.

— Серафина.

— Здравствуйте.

— Проходи, ты как раз вовремя.

На подгибающихся ногах я прошмыгнула внутрь, обнаружив в коридорах множество чемоданов, коробок и сумок. Помощники семейства беспокойно собирали в них вещи, не обратив на меня внимания. Повернувшись к хозяину дома, я робко подняла на него взгляд, в кои-то веки он выглядел спокойно, всё еще хмуро, но уже намного дружелюбнее, чем в последние недели.

— Что-то случилось?

— Я принял решение уехать из Санктума в наше старое имение у Белфаста. Мы давно не отдыхали там, и Энн на природе вдали от столицы будет безопаснее и полезнее для нервов.

Растерянно открыв рот, я хотела было озвучить один из тысячи вопросов, появившихся в моей голове, но Джозеф опередил меня.

— Тебе я готов оплачивать место в городе, оставить здесь в доме увы мы не можем, но я не забыл о своем уговоре с Каином. На поиск нового жилья у тебя есть несколько дней, думаю, ты справишься с этим.

— Д-да, я поняла вас.

— Когда вас забрать?

— Через час, я думаю. Должно хватить времени.

— Отлично, буду ждать. Зонтик нужен? На улице то и дело дождь льет.

— Да, пожалуй.

Финиан, хлопнув дверью машины, пробежал вперед, встав перед капотом. Там, подняв крышку, он выудил зонт-трость глубокого синего оттенка с серебряной гнутой ручкой.

— Вот, держите.

Он протянул находку мне, и, растерянно посмотрев на нее, я все же взяла в руку еще один аксессуар. Две трости в обеих ладонях выглядели, мягко говоря, экстравагантно. Отметив мое замешательство, Фин кивнул на капот.

— Можете оставить пока свое чудище здесь.

— Не-нет-нет, я слишком привыкла к нему, это же мой защитник.

— Да, эта штука даже на вид тяжелая. Ну что ж, придется вам походить так. До склепа вас точно не нужно довести? А то ведь потеряетесь, как в первую поездку.

— Тогда были исключительные условия.

— Поверю на слово, увидимся через час, и не задерживайтесь надолго. Я не против подождать, но машину нужно сдать вовремя.

— Понимаю, меня тоже ждет еще одна встреча.

Попрощавшись с водителем, я наспех натянула перчатки, шумно шмыгнув носом. Настроение с самого утра было ни к черту. Вчера я так и не отдохнула толком, раздраемая новыми заботами и полным смятением в душе. Хотелось лечь в постель и лежать там, пока проблемы не решатся сами собой, но взявшееся откуда-то чувство самосохранения заставляло меня встать и идти вперед на зло себе и другим.

Руки морозило, глаза всё еще немного жгло, но мир не собирался ждать, пока я переварю происходящее со мной.

Раскрыв темный купол ткани над головой, я не спеша направилась по широкой прогулочной дорожке вглубь старого сада, где аккуратными рядами выстроились молодые яблони, теряющие последнюю листву в разгар осени и сыплющие на голову прохожим остатки мелких, неказистых яблок. Здесь, у самой древней замковой стены, можно было быстрее всего пройти к почти забытым холодным склепам прежних королей. Все монархи до Адама были похоронены там, кроме самых первых, чей прах зарыт в подвалах замка как защитный оберег. Так гласили поверья, переданные мне Фином по пути сюда.

У меня такое чувство, будто всё ещё можно изменить, обратить вспять, если я вновь встречу с Леброном.

Так не бывает.

Я знаю, слишком многое пошло не так, и в большинстве бед виноват я сам.

Ньярл, не начинай. Не уничтожь ты дерево, всё было бы хуже, эта чудовищная выдумка могла бы породить множество тварей, подобных тем, что я видела в Кадате.

Возможно, но тогда мне стоило убить и плод, что я сохранил по незнанию, по глупости.

Младенца? Пока он не создал новое дерево?

Определенно.

Нам легко говорить, когда мы уже знаем исход. Тогда это было бы неправильно и

жестоко.

Теперь неправильно и жестоко поступают с нами.

Под ногой неприятно хрустнуло яблоко. На поросшей бурым мхом тропе я остановилась и, оглядевшись, отметила длинную галерею старой части замка, на краю которой островерхой крышей поверх деревьев возвышалась башня Лилит. От нее, как от прокаженного источника, тянулись тонкие лианы багрового винограда, охватившего светлые стены, забившегося в самые мелкие трещины и затопившего первые этажи самого близкого к саду корпуса. Бывшая королева захватывала место своей гибели, словно желая забрать его с собой в посмертие.

Из недружелюбных, грузных облаков над редкими белесыми шпилями раздался тихий рокот грома. Мелкий, почти незаметный дождь перерастал в настоящую непогоду. По зонтику с новой силой забарабанили капли, в лёгкие забился чистый и холодный порыв ветра.

Хочу отдохнуть, хотя бы ненадолго.

— Сейчас твоя встреча, а не моя.

Что ж, может быть.

Тело онемело на несколько долгих мгновений, едва не потеряв равновесие. Рука заплотшно стиснула трость, опершись на неё, как на единственного помощника.

В этот раз всё было сложнее, словно я подспудно не хотел возвращаться в неприветливые чертоги почти забытой жизни. Прошло почти четыре века. Почти. Осталось ли хоть что-то с того, времени помимо каменных стен?

У нас не так много времени.

Да, я помню.

Первые шаги были медленными, неловкими, на миг стало страшно, что чувства подведут, но чем дальше я шел вперёд, тем легче давались движения. Влезая в чужую шкуру, я заново привыкал к тяжести живой плоти, облекшей неприкаянное сознание. До сих пор это ощущалось странно, инородно, мышечная память мягко бунтовала, заставляя меня подстраиваться под привычки и движения хозяйки.

Я помню, когда-то ты грозилась выкинуть трость, если снова попытаюсь взять верх над телом.

Это было давно.

По моим меркам словно вчера.

Хочешь сказать, что я зря это делаю? Мне стоит вернуть контроль?

Нет, просто я рад, действительно рад, что ты стараешься мне помочь и... понять. Мы могли бы стать соперниками или даже врагами в этом теле.

Это было бы сложно.

И всё же. Я благодарен тебе, Софи, и надеюсь, когда-нибудь перестану тебя обременять.

Она замолчала, но от меня не укрылось ее смущение и симпатия, едва не поблагодарила в ответ, но природная упрямость и вредность так и не дали ей оформить мысль для диалога. Обстоятельства нашей встречи и странной жизни не давали ей делиться хоть каким-то положительными ощущениями.

Обогнув укрытую алым башню, я преодолел ещё один крохотный сквер, разделяющий территорию живыми изгородями, а уже за ним показалось старинное здание молельни, к которой вплотную прилегалo последнее пристанище мертвых королей.

Ты был тут раньше?

На похоронах отца Леброна. И намного позже, когда хотел попрощаться с Лилит.

Она тоже здесь?

Я не решился перенести ее тело, хотя это, конечно, нужно было сделать.

Ступив на небольшую, засыпанную опавшей листвой площадку, я приблизился к двери, обитой металлом, и потянул ручку на себя. За когда-то белокаменными высокими стенами показался зал с множеством скамей и небольшим алтарем, под который уходила лестница, соединяющая часовню и склеп. Огромные окна с узором солнечных лучей блекло светились в полумраке, едва очерчивая высокую фигуру в дальнем углу зала. В тишине, растревоженной моим появлением и шумом дождя снаружи, послышался шорох ткани.

— Таким, как ты, запрещено появляться в светлых храмах.

Голос незнакомца звучал рассержено и немного высокомерно.

— У меня есть право навестить мертвых. Я не собираюсь вредить, лишь почтить память.

— Чью? Ни один человек здесь не может быть связан с вами.

— Может. На этом закончим наш спор.

— Спор? — фигура у окна шелохнулась и двинулась ближе. — Сразу видно, вы женщина из темных, одичавших земель, раз не знаете своего места. Здесь нет никакого спора, вы просто должны уйти.

Он остановился передо мной, будто бы специально показав себя. Высокий рост, худое лицо, короткие почти бесцветные волосы, очерченные складки возле уголков губ и белесые, словно колотый лёд, глаза. Они смотрели с нескрываемым презрением. Софи всполошилась в закоулках собственной головы.

Я видела его! Видела! На площади возле главного храма в центре города, в день когда отправилась чинить трость. Он увидел меня в машине, смотрел так же гадко.

— Мне придется обратиться за поддержкой к королю. Едва ли он будет доволен тем, что вы выгоняете меня.

— С каких пор такая, как вы, прислуживаете Авелю?

— Я его учитель.

— И чему женщина вообще в состоянии научить?

— Некромантии. Вы, видимо, не в курсе последних событий, но я официально работаю в замке и была приглашена сюда Авреллианом.

— Для вас это слишком высокая позиция, вы не находите?

— Нет. Позиция вполне достаточна. Всего доброго.

— Я не отпускал вас и не заканчивал разговор.

— Можете поговорить наедине с собой.

Не желая терять и минуты в неприятном обществе, я свернул было к лестнице, но длинная рука в свободной робе остановила меня, поймав за плечо. Цепкие пальцы сжались так, будто намеренно желали причинить боль, в нос забилась удушливый запах ладана.

— Стоять. Что это у тебя здесь?

Проследив за взглядом, я понял, что священник имел в виду трость. Подняв ее выше, я сделал шаг назад, избавляясь от чужого прикосновения, но мужчина тут же подошел ближе, не давая отойти и на пару метров.

Высокомерно вздернув подбородок, он кивнул в сторону скамьи.

— Оставь это здесь. В склепе нельзя проводить ритуалы над мертвыми.

— Едва ли что-то можно сделать тростью.

— Пальто тоже оставь.

— Зачем?

— Что-то еще спрячешь под ним?

Ударь его, я умоляю, ударь.

— Ничего.

Сделав еще шаг назад, я отгородился скамьей от священника и послушно положил трость, на гладкое деревянное сидение.

Ньярл! Как ты можешь ее оставить!

Успокойся, Софи, она никуда не денется. Если светлый решит взять в руки творение в честь иных, ему же будет хуже.

Может и так, но даже видеть это тошно, ответь ему что-нибудь, ударь, оттолкни. Что он себе позволяет?!

Прошу тебя, не волнуйся зря.

Стянув пальто, я положил вместе с ним зонтик и перчатки, едва ли мне понадобится это у гранитной плиты, а для ритуала потребовалась бы лишь магия. Этот светлый мог упиваться могуществом, заключающемся лишь в том, что он сам будет присматривать за моими вещами, будто гардеробщица в театре.

— Всё?

Поправив рукава рубашки, я дождался, пока священник обойдет меня по кругу последний раз, стараясь отыскать на мне какой-нибудь страшный темный амулет.

— Допустим.

Он прошел за спину, будто желая что-то еще добавить, но я не стал ждать новых придинок и поспешил пройти по ступенькам. Мужчина остался стоять в зале, не дрогнув, но я чувствовал его неприязненный взгляд, зудящий между лопаток. Уверен, при следующем визите к Авелю нас обрадуют очередной жалобой с подробным описанием отвратительного поведения, выходящего за рамки всякой порядочной целестинской леди.

Некоторых людей власть настолько развращает, что они перестают казаться людьми или хоть сколь-нибудь разумными созданиями.

Ты помнишь, где лежит Леброн?

Конечно.

Здесь всегда было такое отвратительное отношение к женскому полу?

Наверняка, хотя раньше я не видел, чтобы столь многих высокопоставленных мужей оскорбляло наличие магички в замке.

Некромантки.

Ну да, конечно.

К тому же ты едва ли мог почувствовать это на себе.

Ты говоришь будто с упрёком.

Немного.

Что ж, пройди я свой путь в женском теле, едва ли бы что-то изменилось.

Геката бы не родилась.

Родилась, просто от кого-то другого, кто знает.

От того же Леброна?

Точно нет. Я бы тогда не смог его защищать, как раньше.

Софи неожиданно засмеялась, словно я рассказал ей какую-то забавную шутку, но пускай я и не совсем понял, что ее так развеселило, на душе будто стало теплее. Давно я не слышал, чтобы она искренне смеялась и вообще была хоть чему-то рада.

Иногда твое сознание мне кажется абсолютно безумным, но, возможно, именно поэтому ты смог за свою жизнь сделать так много. Ни один другой человек не мог бы так спокойно рассуждать о подобном.

Возможно.

Я прошел по одному из коридоров в левом крыле главного подземного прохода и среди множества комнат нашел ту, что принадлежала поколению Леброна. Каменные саркофаги его и королевы лежали рядом в центре небольшого зала. Лишь увидев его, я остановился на пороге и невольно вздрогнул, ощутив неприятный укол вины.

Здесь давно никого не было, никто не убирал пыль, не ставил цветы. Цветы. Я забыл хоть что-то взять с собой, а Софи была слишком расстроена переездом.

Похлопав по карманам, ничего не нашел и хотел было выйти и поискать хотя бы платок, но недовольный девичий голос остановил меня.

Хватит бегать, я уверена, он не будет обижен тем, что ты с пустыми руками.

Но, Софи...

Иди уже. Нам ещё ехать на встречу к Кейну, я не собираюсь заставлять его ждать.

Хорошо-хорошо, я понял тебя.

Каменные плиты в прохладном сухом помещении словно бы и не тронуло время, если не считать серого слоя на полу и крышках. Стараясь не поднять волну пыли в воздух, я осторожно прошел к постаменту и почти не дыша прикоснулся к гладкой поверхности одного из саркофагов.

— Давно не виделись, Леброн.

Мне казалось, что, посетив это место, я буду равнодушен, как и раньше, что не почувствую ничего, кроме стыда, что буду корить себя только за то, что забыл, но теперь...

— Жил дураком и умер дураком, зайчик. Трусливым, наивным дураком, которого я клялся когда-то оберегать. Что ж тебе не сиделось на месте.

Ньярл?

— Какого черта он вообще затеял передачу Сомны мне? Зачем?

Хотел помочь.

— Помог, но какой ценой. Какой смысл был у этой помощи? Я уезжал из столицы в надежде на то, что уничтожил всех, кто мог ему навредить, столько крови было на моих руках, столько голов открыто, а он... Не смог даже поддакивать вовремя, чтобы прожить подольше.

Ньярл, ну не злись на него, он был всего лишь влюбленным мальчишкой.

Судорожно вздохнув, я ощутил, что глаза вновь защипало, но слёз у Софи уже не осталось. Потерев лицо, я постарался отогнать лишние эмоции. Подземный холод начал пробираться через тонкую ткань рубашки, заставляя руки дрожать.

— Не злюсь. На него никогда, только на себя. Нельзя было его подпускать, наоборот, стоило бы сильнее запугать, чтобы мой отъезд был лучшим событием в его жизни. Чтобы даже думать не смел о помощи, о моём возвращении.

Вытянув ладонь, я стер пыль с имени, аккуратно выбитом в камне. Сейчас никто, кроме меня, не знает о том, каким он был. Не видел этой бесцветной кожи с синими венами, не восхищался белесыми ресницами, не засматривался на свет солнца в снежных волосах. О таком правителе никто не вспомнит, некому им гордиться и нечем похвастать, но от него и не требовалось многого. Выжить, всегда только выжить, и я старался ему помочь.

Иди ко мне.

Невесомое прикосновение утянуло меня в комнату полную свеч. Ощутил, как руки Софи обняли мои плечи, прижимая к себе, и я не нашел ни одной причины отказать себе в небольшой слабости, сев перед девушкой на колени.

— Ты слишком долго жил и брал всю вину на себя. Взваливал этот груз на свои плечи. Не может одна душа столько нести.

— Таков мой удел, я не умею иначе жить.

— Придется расстаться с этим грузом. Мне такой багаж незачем, а с тебя уже нечего спросить, ты мертв и имеешь все привилегии мертвеца. Всё, что должно, остается в прошлом.

— Легко тебе говорить.

— Легко, поэтому и говорю. Сердце разрывается каждый раз, когда ты себя коришь, а оно у нас, между прочим, одно на двоих.

— Софи...

Я горбился, чтобы держать голову на ее плече, и млел, пока мягкая ладонь порывисто гладила меня по голове. В ее руках было так легко, что на миг показалось: я снова оказался дома у Гекаты, и всех прошедших лет не было вовсе, я снова навещал ее и малышку Лилит.

— Заглянем к твоей внучке?

— Боюсь... у меня нет сил, это слишком большое испытание.

— Понимаю.

— У тебя уже наверняка всё тело заоченело.

— Пустяки, будто я еще не болела здесь. Проблемой больше, проблемой меньше.

— Всё равно нужно вставать, иначе мы так совсем потеряем счет времени.

Софи тихо вздохнула и обняла меня крепче за шею. Будь я менее осмотрителен, я бы даже попросил ее задержаться, просидев так еще хотя бы полчаса, но я слишком переживал за сохранность того подобия жизни, что имел. Нужно было беречь Софи, даже если она сама постоянно влезала в неприятности и не стеснялась распалать конфликты.

Ее полупрозрачный образ растаял в комнате свечей.

— Боги, как всё затекло.

Кое-как поднявшись на ноги, я ощутила, как болью обдало поясницу и замерзшие ступни. Стоило хотя бы немного прийти в себя, прежде чем двинуться в обратный путь по коридорам склепа.

Погладив крышку саркофага, я мысленно попрощалась с Леброном. Он был и правда довольно милым зайчиком, особенно когда не ерепенился при Ньярле. Больше всего мне нравились их отношения в доме Яги, когда принц, словно младший брат из сказок, ходил хвостом за старшим, даже стараясь слушаться. Жаль, что время нас разлучило с ним.

— Я баукать буду,

Приговаривать буду.

Закрывайте глазоньки,

Расскажу вам сказоньки.

Надеюсь, что теперь его сны были поистине счастливыми.

Вновь ощутив занемевшие конечности, я поковыляла к выходу, разминаясь, словно после ночи на ледяном полу. Если дела пойдут подобным образом и дальше, то я все свои финансы потрачу только на лекарства и врачей. Придется быть чуть осмотрительнее.

А я говорил, стоило поднять тебя раньше.

Иногда можно потерпеть, но к доктору всё равно обращусь.

Стук моих каблуков разносился по skleпу коротким эхом, но даже сквозь него сверху из зала часовни донесся скрип двери. Поторопившись, я выглянула на лестницу, встретившись почти нос к носу с Финианом.

— Я тебя уже заждался.

— Я надолго пропала? Тут время совсем не ощущается.

— Еще чуть-чуть, и не успею отвезти тебя на следующую встречу, пойдешь в кафе пешком.

— Ну уж нет.

Быстро поднявшись в зал, я взглядом отыскала свои вещи и, натянув пальто, подхватила зонт и трость.

— Перчатки...

— Сэра, поторопись.

— Да, я иду.

Заглянув под скамью и пошарив рукой, я не нашла пропажи. Оглянувшись и мельком осмотрев зал, я не нашла и священника, словно его тут и не было никогда. Открыв было рот, я ощутила, как Фин подхватил меня под руку.

— Пора бежать.

— Да-да, уговорил, идем.

— Давно не виделись, Серафина, я даже успел соскучиться.

Аластор поднялся мне навстречу, с улыбкой приветствуя на крытой и еще теплой террасе кафе почти в центре города. Совсем недалеко отсюда пролегла главная торговая улица, ведущая на самый большой рынок Санктума, а через него к порту, откуда стройной цепочкой шли грузы со всего мира.

Пожав протянутую руку, я постаралась улыбнуться в ответ. Кейн приехал так быстро, как только смог, стоило мне лишь передать ему предложение о встрече.

— Да, я тоже немного скучала.

— Надеюсь, у тебя всё хорошо? Ты так осунулась, что в пору переживать. Карвены достаточно о тебе заботятся?

— Более чем, они очень добры ко мне и всегда стараются помочь, хоть и не всегда могут.

Сев за стол, я наконец-то выдохнула, чувствуя, что ноющее тело постепенно расслабляется. Официант почти бесшумно подошел к нам, уточнив заказ. Аластор заказал кофе и десерты на нас двоих.

— К сожалению, обстоятельства складываются так, что Карвены уезжают в загородный дом близ Белфаста. Мне нужно будет подыскать себе новую квартиру, только не знаю, как и на что стоит обратить внимание. Если у вас есть совет, я его с радостью выслушаю.

— Дорогая Сэра, у меня только один совет: перебираться к нам, матушка будет рада тебя видеть, и ты ничуть нас не обременишь.

— Оу, я... Спасибо, я не совсем это имела в виду, но, пожалуй, возьму на заметку.

— Тебе не нравится предложение?

— Нет, оно прекрасное, но я оставлю его на крайний случай. У тебя замечательный

дом, но я боюсь стать постоянным напоминанием трагедии для леди Катарины.

— Что ж, звучит резонно, хотя уверен, она так даже легче бы забыла утрату.

— Я обещаю подумать над этим, но вернусь к предмету встречи. Ты знаешь жреца из Ориаба, что сейчас находится здесь в столице? Прости, я так и не узнала его имени, так что не могу сказать больше.

— Ему и не нужно имя, я понимаю о ком ты, крайне примечательная личность. Более нежелательного гостя светлым ещё нужно поискать.

— Да, я о том же, он пугает и отталкивает, но, получив свою жертву, он со дня на день отплывает обратно на остров. Я подумала, может быть, вещи Лилит получится передать через него в Кадат? Или хотя бы в Провиденс.

Постучав пальцами по столешнице, Кейн глубоко задумался. Официант принес нам по чашке капучино с небольшими шоколадными пирожными.

— А мысль довольно интересна. Учитывая, что торговые отношения с Ориабом Сомне может поддерживать на том же уровне, что и вся Целестия.

— Правда?

— Вы входите в состав светлого королевства, и жертва, данная Авелем, предоставляется сейчас в том числе от лица Сомны. Уверен, узнай об этом Каин, он тут же воспользуется шансом, чтобы отправить на остров часть своих людей для создания торговых связей, — в глазах Аластора блеснул нездоровый азарт, они чуть ли не засветились изнутри. — Я могу способствовать таким связям и проложить собственный путь через обе страны. Какая замечательная идея, только представить страшно, к чему может привести сотрудничество некромантов из двух стран.

— Аластор?

— А если получится подключить корабли Макдоннеллов, то всё выйдет еще выгоднее. В Кадат можно завести кофе.

— Кажется, Уна говорила, что ты сотрудничаешь с ее семьей.

— Да, можно и так сказать, сейчас я консультирую их и с разрешения Авеля, могу распоряжаться некоторыми вложениями.

Довольно посмотрев на меня, Кейн поднялся с места и, подхватив мою ладонь, поцеловал руку.

— Смею назвать тебя своей музой, благодарю за прекрасную идею.

— Пожалуйста.

— Обращайся, если потребуются средства или кров, меня это нисколько не обременит, но сейчас, если ты не против, я займусь делами. Нужно многое подготовить для переправки.

— Конечно, спасибо за то, что прислушался. Надеюсь, всё получится.

— Не сомневайся.

Подмигнув мне, Аластор направился к выходу с террасы, по пути что-то шепнув официанту. Посмотрев на опустевший стул перед собой, я хотела было уйти сама, но юноша, обслуживающий наш столик, вдруг поставил на скатерть еще одну тарелку.

— Ужин оплачен. Фруктовое парфе за счет заведения.

— Прошу сюда, леди Серафина.

Широкоплечий статный мужчина в кремовом кителе проводил меня через длинные ветвистые коридоры светлого замка всего лишь после получаса ожидания Авеля в кабинете.

С самого утра в доме Карвенов было шумно, и хотя это случалось уже не первый день, но именно сегодня гомон, скрип и топот показались совершенно непереносимыми. Им, словно нарочно, вторил гром, яростный стук дождя по стеклам и ветер, не на шутку разыгравшийся за окном. Осень в Санктуме оказалась не такой тихой и степенной, как в Кадате, наоборот, она будто сражалась с летом, отметая последние яркие лучи солнца и срывая последние зазевавшиеся на ветках листья цвета охры. Они исчезали с крон так же неотвратно, как и личные вещи приютившей меня семьи. За стенами и внутри их тепло иссякло, заставляя меня ежиться, заворачиваясь в плед, и молча наблюдать за последними чемоданами в прихожей.

Я думала провести целый день, сидя у лестницы и наблюдая за погрузкой личных вещей, но появление Финиана прервало мое невольное прощание с ушедшими днями.

— Что это у тебя в руках?

— Газета, водитель дал ее мне, у него как раз был свежий выпуск.

Я прошла на середину библиотечного зала с высокими, многоуровневыми стеллажами вдоль стен, обитых аккуратными деревянными панелями. Глаза разбегались от обилия книг. Тома с кожаными корешками, пожелтевшие рукописи, карты в золоченых тяжелых рамах, гравюры с полуисторическими сценами и редкие в своей красоте тяжеленные украшенные самоцветными камнями и драгоценным металлом древние магические издания. Всё на любой вкус и цвет, тщательно пронумерованное маленькими серебристыми бирками, прибитыми к краям шкафов, и с перечислением содержимого полок на торце в специальных карточках.

Покрутив головой, я повернулась к проходу, расположенному по правую руку, и наконец-то увидела Авреллиана. Взъерошенный и усталый, он устроился в глубине одного из эркеров, где почти незамеченным мог разложить на двух сдвинутых письменных столах несколько десятков книг, рукописей и сшитых в папки документов, припорошив их листками с собственными записями.

Единожды глянув на меня покрасневшими глазами из-под опухших без сна век, король вновь погрузился в чтение очередного приказа, нервно почесывая отросшую на щеках щетину. Помявшись перед ним, я ждала еще вопросов или хоть какого-то намека на начало занятия, но моё появление словно перестало иметь значение.

— У нас должен был быть урок.

— Да-да, я помню. Подожди немного.

Авель рассеянно отмахнулся, сгорбившись над листком перед собой. Не зная, куда себя деть, я отодвинула один из стульев у рабочего места короля, но показавшееся сидение оказалось занято подносом с остывшим завтраком.

Интересно, эти подносы занимают все стулья, или горничные их всё же уносят?

Задвинув находку обратно, я осторожно потянула за спинку следующего стула, и всё же нашла себе свободное место. Учитывая, насколько был погружен в чтение мой ученик, я могла потратить время с пользой, прошерстив объявления, находившиеся под колонкой с

последними новостями. Сероватая бумага с шелестом раскрылась в моих руках, зарябив обилием черных зарисовок и разноразмерных строк с вызывающими заголовками.

«В храме Лидни во время купания пропало золотое кольцо. Нашедшего прошу вернуть его за вознаграждение. Спросить Сильвиана.»

«СПАСИБО Аластору Кейну за его «Чудо-удобрение», благодаря которому мой сад снова зацвел, а то везде брала разные порошки под этим же названием, но ничего не помогало. Советую остерегаться подделок и брать только «ЧУДО-УДОБРЕНИЕ» КЕЙНА
Продажа везде. Склад: Санктум, Котельная улица, д. 6.»

«АКУШЕРКА. Массажистка и оспопрививательница. Приемный кабинет для секретно беременных в клинике «Энгуса и Каэр.»

«СПЕШИТЕ выслать фотографическую карточку. В 1 день 11 лунного месяца смешак все полученные карточки, из них выну 3, из коих выберу жену. Мне 30 лет, не урод, белокурый, на частной службе получаю достаточно. Не пью. Желательно не старше 28 лет. Адрес: Санктум, улица героя Передира, дом 9.»

«Архиепископ церкви Солнца напоминает о строгом запрете употреблять еду, полученную от фейри, и особенно алкоголь.»

Со стороны Авеля звучно скрипнул стул. Потерев ладонями лицо, король откинулся на спинку, обратив на меня внимание.

— Что ты читаешь?

— Объявления, ищу об аренде квартир. Мне в рекордные сроки нужно что-то найти, иначе придется просить Кейна о помощи, а это не слишком удобно.

— Боюсь, ему в скором времени будет не до тебя. Что-то случилось с Карвенами?

— Они уезжают и не могут оставить меня дома.

— Хм...

Длинные пальцы нервно покругили перьевую ручку, оставив на одном из черновиков росчерк мелких черных капель. Недовольно поморщившись, Авреллиан достал платок и собрал на него излишки чернил, стараясь не запачкать белые рукава рубашки.

— В таком случае ты можешь переехать сюда в замок и помочь мне в поисках.

— Что?

— Так будет даже удобнее.

Не веря тому, что услышала, я опустила газетные листы на стол, окончательно оставив поиски. Авель чуть дрожащими руками постарался привести в порядок записи перед ним, но страницы то и дело выскальзывали. Нарочито задумчиво он опустил голову, словно избегая встречи взглядом.

— В этом предложении точно есть подвох.

— Возможно.

— Что мне нужно сделать взамен?

— Небольшую услугу. Мелочь.

— Что именно?

Бросив бессмысленные попытки прибрать недельный бардак на рабочем месте, Авель резко выдохнул и опустил плечи. Его глаза рассеяно посмотрели в сторону стула с завтраком.

— Присмотреть за моей сестрой до ее свадьбы. Она крайне капризна в выборе охранников и не любит мужчин в последнее время особенно сильно. Она просит поставить ее защитником евнуха, коего у меня конечно нет. Оскопить кого-то для этого специально я пока не готов, а воинов-женщин у нас не водится.

— И насколько долго мне работать нянькой?

— Пару-тройку месяцев пока идет подготовка. Ничего сложного, только сопровождение ее вне дворца.

Сдвинув часть папок, я достала поднос и выставила его перед королем, получив в ответ благодарный взгляд.

— Я-я... встречала ее на балу, и тогда Она показалась мне довольно милой, хоть и легкомысленной.

— Она замечательная, я многим обязан ее отцу. Когда Адам погиб, Освальд забрал меня к себе и вырастил как родного сына. Сейчас я стараюсь выполнить его последнюю волю и позаботиться о сестре, но у меня просто не хватает рук.

— Я заметила.

Выпив залпом чашку холодного чая, Аврелиан потянулся было за остывшими блинами с медом, но на середине пути вновь поднял взгляд на меня.

— Ты же поможешь мне?

— Не вижу ни одной причины отказать. Это и правда было бы удобно.

— Чудно, очень чудно, я распоряжусь, чтобы тебе подготовили спальню.

— Но как на меня отреагируют придворные? И королева, в конце концов.

— Как на мою непосредственную помощницу. Надеюсь, меня окружают хоть сколь-нибудь разумные люди.

— Я бы на это не надеялась.

Скривив губы, король покачал головой и пододвинул тарелку поближе к себе. Судя по его внешнему виду пока посуда не опустеет, о хозяине дворца можно было забыть. Сложив уже ненужную газету, я наткнулась на потертую коричневую обложку одного из блокнотов на столе. Выдавленные буквы оказались удивительно знакомыми.

— Кстати, Сэра, ты даже не спросила меня о результатах моих поисков, а я тем временем нашел кое-что интересное. Точнее не нашел, но это тоже о многом говорит. Есть множество документов, ссылающихся на приказы и распоряжения человека, упоминание которого словно бы вымарано. Я рассчитывал, что люди прошлого будут переписывать бумаги и подделывать подписи, но они поступили проще, уничтожив те сведения, что напрямую говорили о личности придворного мага.

Сунув в рот вилку и запив блины новой порцией чая, Авель ненадолго замолчал, собираясь с мыслями. Я тем временем воспользовалась возможностью открыть блокнот, а точнее дневник некоего путешественника с записями на архаичном, но узнаваемом английском языке.

«Здесь, в мире снов, меня называют Куранес. Куранес. Не помню, как меня зовут на самом деле, но оно и не важно. Редко кто разговаривал со мной и мог бы напомнить, кем я был раньше. Наяву я промотал все свое состояние, мало заботясь об отношении к этому окружающим и предпочитая созерцать и описывать свои сны...»

— Так вот, мне кажется, если поискать чуть дольше, можно найти документы, которые «они» пропустили. Не знаю точно, кто мог убрать информацию о маге, королева или министр, и были ли они действительно замешаны в убийстве короля. В свидетельстве о смерти указано, что Леброн погиб от скоротечной болезни, правда, не упоминается какой. Весьма странно, учитывая, что речь идет о короле.

— Да-да-да...

Слушая вполуха, я не могла оторвать взгляд от строчек, мне казалось, что это сейчас важнее всего.

«Каких только чудесных открытий мы не совершаем в юности. Будучи детьми, мы слушаем сказки и мечтаем, но мысли наши несовершенны. Когда же, став взрослыми, мы пытаемся вернуть детские грезы, мы уже отравлены ядом повседневности, который делает нас скучными и прозаичными...»

— Среди массы бумаг я нашел пока только упоминание юноши, что предстал перед королем после пожара в деревне и приказ о его зачислении в столичную академию, но на этом путь обрывается. Институт пока не прислал подтверждения о том, что Ньярл мог там учиться, они крайне медленно готовят подобные документы.

— Он спас Леброна, привел его обратно в замок, за это Ньярл был награжден, об этом тоже должны были сохраниться записи.

— Хм... попробую уточнить. Сложно искать подобное, это было слишком давно, эти приказы столетиями не были никому интересны. Ничего не лежит на своих местах.

«Однажды мне приснился дом, где он родился. Село возле старого каменного замка, где жили тринадцать поколений предков и где я сам, когда настанет срок, хотел бы умереть. Все время я задавался вопросом, что именно — смерть или же просто сон — скрывалось под этими остроконечными крышами...»

— Мы обязаны их отыскать.

Погружаясь всё глубже в чтение, я не заметила, как Авель оказался рядом. Встав за моей спиной, он склонился, пытаясь рассмотреть, что лежит в моих руках.

— Что это? Ты можешь это прочитать?

— Да, конечно, а ты...

— Нет. Я думал это суцзя безделица или чужая шутка, случайно попавшая в архивы.

Смутившись, я едва не закрыла исписанные страницы, будто испугавшись, что там будет откровение про меня, но Аврелиан уже утратил интерес к дневнику и, убрав поднос, отдал его подошедшей горничной.

«Повинуясь далекому зову, я шагнул через край обрыва и полетел вниз, вниз, мимо темных, бесформенных, невиданных снов, мимо слабо мерцающих сфер, которые могли быть наполовину пригрезившимися снами, мимо веселящихся крылатых существ, которые, казалось, поднимали на смех всех в мире созерцателей снов. Затем передо мной словно бы открылся просвет во тьме, и я увидел долину и город, лучезарно сверкающий далеко внизу, море и небо, сходящиеся на горизонте, и высокую гору в снеговой шапке у самого побережья. Селефаис...»

— У меня нет никаких сил для занятий, хотя я чувствую определенное напряжение.

— Если мне можно будет переехать в ближайшие пару дней, то я могу отложить урок.

— О, это было бы замечательно. Если у тебя нет больше сведений о том, где можно отыскать информацию о Ньярле, то можем закончить на сегодня нашу встречу. У тебя будет время собрать вещи, а у меня отдохнуть. Послезавтра тебя переезд устроит?

— Да, вполне.

— Отлично, тогда ты можешь идти. Финиан не должен был далеко убежать за это время, и, если ты с ним еще не успела разругаться, он поможет с сумками.

Неохотно поднимаясь из-за стола, я отодвинула дневник, мысленно прощаясь с его необычным хозяином. В голове роилась тысяча мыслей, но самый главный вопрос почти неосознанно слетел с языка.

— Ты не знаешь, кто такой Куранес?

— Правитель, насколько помню, в легендах он заведовал древней землей Оот-Наргаи, а его двор находился в Селефаисе. Он как-то связан с Ньярлом?

— Нет, просто случайно увидела имя.

Авреллиан удовлетворенно кивнул и вновь погрузился в свои дела. Урок на сегодня был окончен, быстро попрощавшись, я прошла обратно по хозяйственному крылу и в столовой для слуг отыскивала Финиана.

— Ты как-то слишком скоро вернулась. Что-то не так?

— И да, и нет. Проблема с жильем неожиданно разрешилась. В выходные перееду во дворец, с твоей помощью, надеюсь.

— Эм... хорошо, наверное.

Дверь машины передо мной открылась, сев внутрь, я по привычке сбросила туфли и забралась с ногами на сидение. Фин, оказавшись на водительском месте, внимательно посмотрел на меня. Его взгляд показался мне встревоженным.

— Ты уверена в этой затее?

— Нет.

— Тогда, может, не стоит? Королева и так всё время на нервах, то, что вы еще не пересеклись в коридорах, настоящее чудо. Полагаю, Авель немало приложил к нему сил.

— Это очень удобный вариант по многим причинам. Грех от такого отказываться.

— Ну, как скажешь.

Водитель поджал недовольно губы, но послушно отвернулся к лобовому стеклу, включив мотор. Наклонившись к нему, я аккуратно коснулась его плеча.

— Довези меня до дома длинной дорогой, мне нужно о многом подумать.

Молча кивнув мне в ответ, Фин словно бы немного расслабился, дав мне наконец-то погрузиться в собственные мысли. Информации за такой короткий промежуток времени оказалось слишком много. Внутренний карман пиджака жёг ключ, переданный мне Катариной, находясь на свободном выгуле в замке, я смогла бы беспрепятственно посетить башню Лилит. Где-то там, возможно, лежит послание для того же Авеля или, если повезет, для Каина и Аван. Жаль только то, что я не попала туда раньше, чтобы в случае чего отправить находку вместе с вещами от Кейнов в Ориаб. Теперь придется ждать более удачного момента.

Если что-то найдем, то это уже хорошо.

Знаю-знаю, но и это не всё. Нужно будет помочь с документами, буду пытаться тебя вопросами о том, что и где могло остаться.

Для нашего же блага.

Да, и придется охранять Уну.

Она мне показалась довольно милой.

Лишь бы не совала нос, куда не просят. Интересно, держит ли Авель в секрете от жены свои находки.

Наверняка.

У меня дурное предчувствие.

Мы собираемся войти в еще более опасное болото, чем раньше.

Да, это точно. Где-то там нас уже поджидает Славка.

Что-то подсказывает, что твоя подруга не смирится с появлением некромантки в замке.

Не смирится. Придется действовать осторожно и обходить ее стороной.

Это получится, если она не увидит в тебе возможную любовницу Авеля.

Ньярл, что ты вообще такое говоришь.

Я лишь предполагаю развитие событий исходя из того, что ты с королем будешь проводить намного больше времени.

Ой, нет-нет-нет, только этого не хватало.

Как думаешь, она видела дневник в библиотеке?

Побарабанив пальцами по коленям, я проследила, как за окнами мелькнула очередная светлая церковь. На редких старых плакатах в кварталах поблизости встречалось лицо Мирры, нарисованное довольно просто, но гордо поднятое и в лучах солнца за ее спиной. Настоящая посланница Солнца.

Если да, то она должна была понимать, что помимо нее могут быть и другие «путешественники».

Может, поэтому она и нервничает?

Не знаю. Нам сейчас об этом сложно судить. Что ты сам знаешь о Куранесе?

Не больше, чем остальные. В легендах упоминается сказочный город Селефаис, в долине Оот-Наргай, что не подвержен течению времени. Голубая гавань, бронзовые ворота, ониксовые мостовые и бирюзовый храм Нат-Нортат. Кто-то считал, что где-то в тех краях спит бог, и если тебе повезет попасть в его сон, то ты сможешь увидеть этот чудо-город. Ты вообще уверена, что Куранес из твоего мира, а не из какого-то другого?

Очень похоже на это. Я же смогла прочитывать его записи, но в этот мир он попал через сон.

Неясно, остался ли он здесь.

Судя по легендам остался.

Это же всего лишь сказки, Софи.

Нам стоит дочитать тот дневник. Потом, как вернусь в замок.

Если ты так настаиваешь.

Вдруг благодаря грёзам в этом мире намного больше людей из моего мира?

И что? Что это тебе даст?

Не знаю, но было бы приятно поговорить с кем-то, кто, как и я, попал сюда случайно.

Вдруг они такие же, как Мирра?

Я сомневаюсь, что такие, как она, еще могут существовать. Арбор бы схлопнулся от избытка вредности.

В моей голове послышался едкий смешок Ньярла, и я мысленно вторила ему. Бардак в чувствах и эмоциях словно бы истаял, растерянность сменилась спокойствием и уверенностью. Что бы ни случилось дальше, у меня есть верный помощник и подсказчик, а это главное.

Послание

Наверное, всё же было бы неплохо переехать в собственную или условно собственную квартиру, где я могла бы по утрам готовить себе омлет с помидорами на чугунной сковороде, встречать рассветы с чашкой чая в руках по рецепту Аван и, лежа в постели, смотреть, как закатные лучи расчерчивают потолок.

Я могла бы наслаждаться редкими часами покоя, поглядывая за завтраком на проезжающие под окнами автомобили, слушала бы, как ругаются соседи, как где-то рядом, за стенкой лает чей-то пес, а по вечерам в ближайшем баре голосит очередная начинающая певица под одобрителный гогот аудитории.

Моему дому хватило бы одной комнаты, небольшой, чтобы помимо кровати в спальне был только шкаф для вещей. На обеденном столе скапливались бы газеты. Я не поленилась бы читать их каждое утро, отмечая карандашом интересные объявления, акции, новости. На полках была бы одна единственная кружка для меня и один комплект приборов, а всё остальное место занимали бы жестяные банки с сушеными травами приправ и акцентов к напиткам.

Для разнообразия на обед или ужин можно было бы спускаться в кофейню на первом этаже в доме. Поначалу конечно при параде, в аккуратных, выглаженных нарядах, в строгих костюмах, а как только ко мне привыкнут — заявиться в домашней одежде. Пошаркать тапками и сутулясь напугать посетителей чуть опухшим от сна лицом, пока бариста будут тихо оправдываться: не переживайте, это темная и слегка поехавшая, приехала из Кадата. Они несомненно были бы правы, но едва ли бы что-то сказали лично мне. Щедрые чаевые оплачивали улыбку мне и вежливое обращение.

В одиночестве будто познаешь себя, делаешь выводы, подводишь итоги, в голове сопоставляешь случайные факты и находишь прелесть в совершенно обычных вещах. Мне подобное не грозило, но даже с Ньярлом мы бы наконец-то могли потратить время на себя и, замерев посреди бушующего мира, бросили якорь, не давая течению времени нас смыть.

— Это всё?

— Да, мне больше не было нужно.

— Выглядит как-то скромно для девушки.

Фин подхватил массивный коричневый чемодан с металлическими углами и осторожно вынес его из комнаты, обозначив конец сборов.

Спальня чудовищно опустела, кровать и комод накрыли плотной тканью от пыли. Карвены не скоро собирались возвращаться в дом. Юная Энн и Элиза уже были в пути к Белфасту, но на подъездной дорожке вместе с королевским авто осталась последняя машина с вещами семьи.

— Сэра ты готова?

— Да. Уже ухожу.

Повернувшись к дверному проему, я встретила взглядом с Джозефом. Осунувшийся и уставший, он выглядел довольно угрюмо, но доброжелательно. Мне не хотелось его задерживать, но выйти из спальни он мне не дал.

— Еще не поздно передумать, можем прямо сейчас отправиться в агентство, где тебе подберут хорошее жилье, я всё оплачу.

— Не нужно, правда.

Тяжело вздохнув, Карвен поджал губы и, опустив взгляд на миг, вновь посмотрел на меня, но уже серьезнее. Его руки дрогнули и приглашающе потянулись ко мне.

— Тогда позволь...

— Да, конечно.

Неловко подавшись вперед, я позволила себя обнять, но не решилась проявить ответный жест. Показалось, что подобное будет слишком нагло с моей стороны после всего того, что случилось.

— Береги себя, Сэра.

— Я постараюсь.

— Надеюсь на это, и, если понадобится помощь, пиши или приезжай в Белфаст. Мы всегда будем рады тебя принять.

— Спасибо...

Дождавшись, пока теплые ладони соскользнут со спины, переступив с ноги на ногу, я всё же решилась задать мучающий меня вопрос.

— А вы узнали, кто это был? Кто такой Алан?

Джозеф неестественно ровно выпрямился и опустил плечи, словно на них разом навалился тяжкий груз.

— Да, узнал. Поэтому и принял решение уехать. У юноши сильные покровители.

— Ясно. Простите.

— Ничего, всё будет хорошо, я в это верю, и ты верь.

Тихий голос мага прозвучал уверенно. Послушно покивав, я постаралась улыбнуться, не хотелось расставаться на грустной ноте.

— До свидания, Серафина.

— До встречи, Джозеф.

Он позволил мне выйти, хоть и сам не торопился уходить, в последний раз проверяя дом. Я не стала ждать, пока он закончит. Последние слова были сказаны, прощание закончено. Фин ждал меня в машине, и, подходя к нему, я не обернулась, но мысленно припомнила, как выглядит дом Карвенов. Небольшой особнячок, сплетенный из каменных ветвей с дотошной, выверенной гармоничностью рисунка и узорчатыми, решетчатыми, словно стрекозиные крылья, окнами. Таким он должен остаться в моих воспоминаниях. Нагретым солнцем и спрятанным от дороги вязами.

Захотелось закурить.

— Едем?

— Едем.

Скинув обувь, я легла на сидение и, подложив под голову ладонь, уставилась в потолок. В груди разлилась странная безмятежность и покорность судьбе, словно что бы ни случилось в замке, мне было уже всё равно.

Интересно, Славка начнет строить козни? Прикажет слугам пакостить? Или она будет выше этого, выказывая свое неуважение лишь тоном и ненавистными взглядами при встрече?

Может, мне запретят ходить в ту часть замка, где находятся королевские покои, и я буду обитать только в хозяйственном крыле с слугами? Это на самом деле было бы даже неплохо, лишь бы комната только своя, а не поделенная с кем-то. Только смогу ли я оттуда пробраться в башню Лилит? Может, мне прямо сейчас отправиться туда? Разбирать вещи мне недолго, могут и подождать, а чужие тайны и так долго скрывались от глаз.

Тебе еще нужно встретиться с Уной.

Да, точно, Уна. Ну, это может подождать до завтра, едва ли меня кто-то ждет прямо сегодня.

Насколько помню, она была расположена к тебе доброжелательно.

Можно сказать и так.

Если найдешь с ней общий язык, то получишь союзника в замке.

Что-то мне подсказывает, что она в нем как в клети. Боюсь, что плюсов никаких.

И тем не менее она родственница короля.

Да-да. Я возьму на заметку.

Под тихий шелест кристаллов в диковинном моторе веки тяжелели с каждой секундой. Легкая качка убаюкивала. Облака плотно затянули небесное светило. Лежа на сидении ноги невозможно было разогнуть, но мне это и не потребовалось. Уткнувшись в мягкую спинку, я закрыла глаза, пожалев лишь о том, что не взяла с собой какой-нибудь плед, и позволила себе задремать. Ничего в жизни не могло усыпить меня так же легко, как дорога. Особенно ровная и без выбоин.

Сквозь пелену грёз я почти что услышала знакомый голос и запах моря, но стоило мне потянуться к нему, как Фин бесцеремонно разрушил всё, хлопнув дверью.

— Серафина, мы приехали.

Нахмурившись, я попыталась приподнять голову. И правда, остановились, за стеклом виднелся вход в хозяйственное крыло. Покой закончился слишком быстро.

— Мне снилось что-то приятное.

— Извини, но я должен показать тебе комнату.

— Там был кто-то знакомый, но не близкий, и пахло морем.

— Ну море и тут есть.

— Нет, здесь оно грязное и пахнет отвратительно.

Выбравшись из машины, я хотела забрать свой багаж, но Финиан не отдал его, взяв в руки и тут же направившись к входу в замок.

— Не отставай, а то заблудишься опять.

— Ла-адно.

Поспешив за проводником, я вошла в длинный коридор хозяйственного крыла и привычно оглядела окружающую суету. На кухне гремела посуда, стражи за обедом болтали и басисто обсуждали последние события, посыльные сновали с заметной ловкостью по комнатам и за доли секунд оглядывали присутствующих. Если им попадался кто-то нужный для поручения, юноши в простых шерстяных костюмах замирали и резко, как приказ, окликивали человека.

— Мелоуни! Вас просят явиться к начальнику стражи.

— Шли его к черту, у меня обед.

— Без вас сказали не возвращаться.

Я уже начала подниматься по лестнице вверх, когда за спиной в столовой послышалась недовольная ругань. Чем кончилась встреча, я не подглядела, но по коридору вскоре разнеслись громкие шаги. Фин потянул меня дальше вверх, посмотреть на обладателя знакомой фамилии не получилось, но я оставила себе зарубку в памяти. Тут есть кто-то из той своры, что отравилась яблоками на ужине в поместье. Боги, как же давно это было.

Тем временем мы поднялись на третий этаж, и Финиан довольно бодро повел меня из крыла слуг в более приличный, хоть и все еще простой проход к гостевым спальням. Ньярл

узнавал эти места и мысленно подкидывал образы из своей прошлой жизни. Вот тут постоянно терялись вельможи, здесь был удобный темный угол для прохода в тени. А вот там, да, там, если подняться на этаж выше и свернуть направо, можно попасть в крыло с покоями короля с отдельной гардеробной, как любил Леброн. Интересно, сохранилось ли его любимое трехстворчатое зеркало из белого золота и серебра. Оно по меркам трехсотлетней давности стоило целое состояние.

— Вот здесь.

Проводник неожиданно остановился у колонны и, достав из кармана ключи, протянул мне.

— Это особое распоряжение Авеля, обычно гости не могут запираются от других.

— О, секретики, я могу прятать в спальне любовников?

— Или тела.

— Твой вариант мне нравится больше.

Взяв ключ, я открыла дверь и, шагнув внутрь, замерла оглядывая комнату. Фин последовал за мной и поставил чемодан возле просторной постели с кипенно белым постельным бельем, чуть скрытым от глаз полупрозрачным балдахином на резных столбцах из светлого дерева.

— У тебя странный юмор, Сэра, но мне нравится. Совсем скоро я его освою в идеале.

— Боюсь, тогда ты останешься без работы. Светлый бомонд не выдержит такого испытания.

Я сделала еще несколько шагов вперед и, только почувствовав необычайную мягкость под ногами, додумалась остановиться и уйти с ковра.

— Всё такое белое, что страшно прикоснуться.

— Ничего, ты привыкнешь.

— Надеюсь.

Сначала показалось, что у мира отобрали все краски, оставив только белый лист в разводах пепла, но, привыкая к новому интерьеру, глаза начали улавливать оттенки. Шторы бледно-зеленого цвета, тяжелые и плотные. Ковер молочный, с длинным ворсом. Кровать цвета слоновой кости с резным орнаментом на спинке и столбах, если приглядеться, можно было даже различить забавные личики фейри в чудном танце. За ней показался небольшой письменный столик с секретером и замочной скважиной. Пол с деревянным ламинатом, тёмно-бежевым, самую каплю поскрипывал при ходьбе. Стулья с мягкими светлыми сиденьями и гнутыми ручками поджидали у камина в дальнем углу и у приоткрытого окна. Свежий воздух почти прогнал запах застоявшегося помещения, и уже этой ночью я могла спать здесь с комфортом, если забыть о странном цветовом решении.

Не люблю белые комнаты.

— Мне уже пора, подсказать что-то напоследок?

— Как пройти к башне старой королевы?

— Евы?

— Да.

— Вернись с хозяйственному крылу и спустись на второй этаж, там через галерею можно пройти к башне.

— А разве она не была связана как-то с основной королевской обителью?

— Если и была, то очень давно. Эта башня вообще не строилась для жизни, там долгое время была смотровая площадка и склад. Не знаю уж, что туда королеву потянуло, но

говорят, она с причудами была, так что подобное простительно.

В груди неприятно царапнула обида Ньярла. Мы, к сожалению, знали почему так сильно королева желала уединения и сделала всё, чтобы ее лишний раз не тревожили.

Я инстинктивно прикоснулась к внутреннему карману пиджака, проверяя, со мной ли ключ. Фин неловко пожал плечами и направился к выходу.

— Я всё еще остаюсь в твоём распоряжении, так что если понадобится, позови меня через посыльных или найди в столовой. Посетителей, которым я помогаю, не так уж много, только ты, южанин и посол из Ломара с редкими приездами.

— Да, спасибо. Ты не против, если я тебя провожу? Хочу запомнить дорогу.

— Конечно, только умоляю, если потеряешься, не проси помощи у стражников, начальник охраны замка протезе королевы.

Мы с Финианом вновь вышли в коридор, возвращаясь к хозяйственному крылу тем же путем. Поглядывая на стражей, стоящих в начале каждого этажа, я неловко передернула плечами, их ответное внимание подспудно ощущалось как угроза.

— Это его люди посадили меня в тюрьму?

— Полагаю, да.

— Ясно. Значит, заправляет всем Мирра?

— Не совсем. Охрана короля конечно тоже есть, но в основном работает на внешних стенах. Я хорошо с ними знаком, и это неплохие ребята. Занимаются подготовкой бойцов на другом краю замка, там же их казармы.

— Не дворец, а город в городе.

— Так и есть, река и ров огибают стены, выходов не так много, площадь большая, стены толстые и высокие, так что ничего за ними не видно до третьего этажа, да и стоим мы на огромном холме по сути. Настолько большом и древнем, что среди фейри ходят легенды о невиданных тайнах и сокровищах под землей, от стеклянного саркофага с ребенком их почившей королевы, до меча Воли первого короля Целестии.

— А о призраках не говорят?

— О них в основном рассказывают слуги, но Аврелиан не поощряет подобные страшилки, в них упоминается слишком много королевских родственников.

— Надо будет расспросить.

Мой проводник с укором взглянул на меня и покачал головой.

— Ты и дня не можешь прожить без скандала?

— Конечно нет.

Мы спустились к первым этажам хозяйственного крыла, и, заметив из окон галерею, увиденную ранее по пути к склепу, я остановилась, чтобы не потерять нужный этаж и коридор.

— Всё, думаю дальше я разберусь сама.

— Только не сломай там ничего. Место почти заброшено, обещали сделать ремонт, но все нанятые строители рано или поздно сбегали.

— Почему?

— Травмоопасно. Башня то ли построена неправильно, то ли накрена. В ней постоянно слышатся странные шумы, и всё валится из рук.

Вновь бросив взгляд в окно, я не заметила ни в кирпичной кладке, ни в силуэте здания ничего необычного. Это проделки Катарины? Чтобы вещи почившей королевы меньше трогали?

— Хорошо, спасибо.

— До встречи.

Финиан, улыбнувшись напоследок, направился в сторону столовой, еще на этаж ниже. Мой путь лежал дальше по коридору, к едва заметной двери в темном углу. Там, за очередной каменной колонной, я проверила, чтобы никто не пошел за мной следом и с заметным трудом открыла старый проход. В лицо дохнул холод осени, галерея, не приспособленная для зимовки, не отапливалась, влажность и чуть заметное движение воздуха из старых окон морозом пробежали по коже. На улице снова шел дождь. Мокрые листья прилипали к мутному стеклу. Каменный пол под ногами забирал тепло даже через обувь. Поторопившись, я поскорее дошла до башни, надеясь, что в ней стены хоть чуть-чуть закроют от промозглой погоды, но ржавые дверные петли поддавались столь неохотно, что я провозилась с входом не меньше четверти часа. К этому времени руки успели окончательно продрогнуть, а пальцы потерять чувствительность.

Надеюсь, я смогу выйти отсюда. Не представляю, чтобы Катарина сама пробиралась в башню.

После своего освобождения, она и под страхом смерти не вернется сюда.

Охотно верю.

Оглядев темный пустой колодец, я ощутила, что холод здесь и правда стал меньше, но вместе с этим все звуки с улицы доносились словно через ватную пелену, отражаясь от голых стен и винтовой лестницы, уходящей далеко вверх. Где-то там, под крышей этажа, перед смотровой площадкой тихо посвистывал ветер, сметая пыль с крутых ступеней. Хилые металлические перила, изъеденные временем, поскрипывали в такт порывам, заставляя многочисленные тени дрожать. Свет через окна-бойницы проходил так редко и блекло, что лучи напоминали застывшие силуэты в серых облаках.

Внутренне сжавшись в единый напряженный ком, я сделала первый шаг, ступив на нелегкий путь к возможным секретам королевы.

В твоих воспоминаниях это место было лучше. Сейчас тут будто бы поселилась скорбь и одиночество всего замка.

Я меньшего и не ожидал.

Кабинет сохранился лучше, хоть и был древнее.

Там была магия кочевников, видимо Леброн ухватило духа найти одного из зарцев, чтобы ему помогли сохранить бумаги.

Очень скоро мое дыхание сбилось. Держась за стену, забираться было нелегко, да и сама лестница не предназначалась для постоянных и удобных подъемов, но кончилась она неожиданно быстро. Стоило лишь задуматься о первом перерыве на ступеньках, как перед носом, словно по мановению руки неведомого волшебника, появилась еще одна дверь. Такая же старая, как и внизу, и такая же тяжелая на вид. Вцепившись в сыплющуюся шершавую ручку, я отдышалась и достала ключ, он неохотно вошел в скважину и еще сложнее провернулся в ней. Внутри замка что-то хрустнуло, ключ чуть не переломился, и доставать его я не решилась. Дверное полотно с отвратительным скрежетом подалось вперед, впуская меня в пыльное, продрогшее нутро комнаты.

— Бо-оги...

Столп пыли, поднявшийся с моим приходом, почти закрыл обзор. Скучное убранство, состоящее из простой постели и письменного стола, грудями лежало на полу, ножки мебели не выдержали испытание временем. Единственный шкаф возле входа стоял только за счет

того, что задняя стенка была когда-то прибита к каменной кладке.

На первый взгляд чуда не случилось. Здесь негде было прятаться, и всё то небольшое, что осталось в спальне старой королевы, давно превратилось в мусор. Если тайны и были, то Адам от них уже избавился, или они истлели за прошедшие года.

Загляни за шкаф на всякий случай.

Тяжело вздохнув, я несмело послушалась, осторожно ступая по полу. Где-то под ногами шевельнулась доска, и, вздрогнув, я впервые пожалела о том, что забралась в это ветхое строение.

Ну-ка сядь, посмотри пол.

А шкаф?

Оставь его пока, сначала пол.

Глянув на замусоленное, прогнившее дерево, я собрала в кулак побольше храбрости и встала на одно колено, ощупывая дощечки. Кое-где рассыпавшиеся гвозди перестали держать их, и, приложив еще немного усилий, я постепенно начала разбирать пол, открыв помимо грязных разводов и следов жизни насекомых еще и добротную шкатулку из потемневшего серебра. Небольшая, всего размером с ладонь, она чуть поблескивала заскорузлым растительным рисунком винограда. Не решаясь достать ее, я опустилась на колени и откинула маленькую крышку.

Красные лоскутики платьев двух тканевых кукол показались яркими сигнальными огнями в середине мертвенно серой комнаты.

— Это...

Я протянула ладонь, аккуратно прикоснувшись к подолу одной из них, чужая холодная рука тут же вцепилась в мою кисть железной хваткой. Не успев даже отшатнуться, я увидела перед собой бледное, веснушчатое лицо в обрамлении рыжих волн. Мое горло перехватило так, что я едва смогла выдавить тихое:

— Лили...

— Обещай их спасти.

— Что?

— Обещай помочь им, всем троим.

Бескровные губы скорбно поджались, возле глаз начали быстро собираться морщинки, словно их хозяйка всего за несколько мгновений постарела на четверть века. По когда-то румяным щекам прокатились первые слезы.

— Лили, прости...

— Обещай мне! — ее хватка стала еще сильнее, болезненно впиваясь пальцами в кожу, но вторая рука едва заметным движением огладила выпирающий под платьем живот. — Он тоже мой сын.

Чуть не задохнувшись от нахлынувшей паники, я шарахнулась назад, почти вылетев на лестницу. Видение исчезло столь же внезапно, как и появилось. В пустой продуваемой сквозняками спальне больше не было никого, лишь мои следы пыльными узорами виднелись на полу, но саднящая кисть мне всё еще говорила об обратном.

Единственная

Прижимая к себе серебряную шкатулку с вязью виноградных лоз, я вернулась в свою спальню и открыла единственный чемодан, что у меня был. В глубине его, под самым дорогим из платьев, нашелся бархатный футляр с ожерельем из ярких красных капель, собранных в причудливый узор. Туда, в небольшой тайник ниже подложки, я сложила обе берегини, принадлежащие Аван и Каину.

Жаль, что я не успела передать их вместе с вещами Лилит, они наверняка уже на пути в Ориаб.

Передашь их потом, как придет время.

Медленно выдохнув и коснувшись переливающихся в блеклом свете камней, я устало села на пол, прикрыв крышку футляра цвета зеленого янтаря. Ньярл не говорил со мной с тех пор, как видение рассеялось, и спрашивать о его мнении было страшно. Впервые за долгое время мне захотелось скрыть от него все свои мысли, чтобы он не вздумал осудить за них.

Я не знала, что в условиях постоянного перерождения у вас тут бывают призраки.

Это не было приведением в привычном твоём понимании, только отпечаток силы. Иссякшее ныне послание, защищавшее короб. Наверняка его основу для Лилит подготовила сама Катарина и направила тебя в ее башню не случайно.

И часто у вас делают такие вещи?

Нет, для этого нужно много сил и еще больше знаний, к тому же такие отпечатки можно править. Они ненадежны и по большей мере бесполезны.

Но как же этот? Ты думаешь, его тоже изменяли? Специально исказили?

Нет... Я верю, что он настоящий.

Значит, придется менять план...

Нет, не придется, тогда она не могла знать о том, что Авель пойдет против брата и сестры. Бессмысленно прислушиваться к эху прошлого.

Но она так просила, Ньярл.

Он просила спасти ребенка, а Авель уже не дитя, он вполне способен отдавать себе отчет о содеянном и давно строит свой путь в этом мире без оглядки на мать или отца.

Ладони похолодели. Растерев их и разогрев, я ощутила знакомое покалывание, словно в руки просилось чужое оружие. В груди стало тяжело и тошно, как бывает в безвыходных ситуациях. Ньярл был прав, как ни крути, он погиб из-за нерадивого правнука, потерял страну, он имеет право стоять на своем, но... Но. Когда это кровопролитие закончится? Когда кто-то даст отмашку, остановит круговорот мести и скажет «достаточно»?

Погладив футляр, я поморщилась, ощутив себя словно бы неправильным, неладным элементом общей картины. Моё нерожденное дитя убили, привели в образе Лилит сюда, называют ей, рассказывают о ней, но вместе с тем дают в руки оружие, чтобы пойти наперекор желанию Лили, убив ее долгожданного и любимого ребенка, доставшегося такой огромной ценой.

С каких пор ты переживаешь за светлых?

Я переживаю не за них.

Но похоже, что так. Авель не часть Блэквудов, Авель не часть семьи, Авель пошел по стопам своего отца, и никакого отношения к Лилит он не имеет и иметь не может. В нем мой дар, который я лично вручил ему в руки, чтобы этот паршивец пришел в Сомну и

разрушил тысячи чужих жизней.

Голос Ньярла набатом звучал в голове, так что мне пришлось зажать уши, переживая его вспышку гнева. Твердый, словно камень, и холодный, будто металл, тон, выбранный магом, не предполагал никакого дальнейшего обсуждения и даже тени сомнения в его словах.

Я признаю, что у Лилит был второй сын. Был, но его больше нет, он погиб в тот момент, когда первый отряд целестинцев ступил на берег Сарруба, и мне искренне жаль, что я не смог тогда его спасти. Видимо, эта смерть была неизбежной.

Зажмурившись, я дождалась, пока чужие эмоции, омывавшие мой разум своими ядовитыми волнами, наконец-то схлынут. По щекам пробежали слезы, я их быстро убрала, будто пытаюсь скрыть от Ньярла собственный ужас. Пальцы дрожали от внутреннего напряжения, горло сдавило, будто все оправдания комом застряли в нем. Нервы выкрутило в жгуты и резко отпустило, оставив на их месте ноющие от небывалой усталости мышцы.

Остаток дня я потратила на разбор вещей и полноценный отдых в ванной. Ньярл не соизволил со мной заговорить, угрюмо скрывшись в собственном закутке сознания.

— Будь осторожна, Уна часто влипает в неприятности из-за своего взбалмошного характера.

— Я понимаю.

Широким шагом, почти торопясь, Авель провел меня в коридор самого дорогого и богато украшенного крыла, где на разных этажах собрались спальни как для королевской четы, так и для их родственников. Стражники в отполированных подвижных доспехах проводили меня взглядом, словно сторожевые псы, но даже головы не повернули в нашу сторону, держась словно каменные изваяния. Они, недвижимые и будто вплавленные в интерьер замка, сливались с серебристыми узорами на стенах, толстыми колоннами, уходящими ввысь подобием каменных ветвей и типичными стройными изгибами для ар-деко. Иногда казалось, будто охрана это вообще лишь часть общего орнамента, переливающегося, блестящего и игриво отражающегося лучами утреннего солнца в алмазах на короне Авреллиана.

Чуть засмотревшись, я едва не отстала от него, но взгляды, провожавшие нас в коридоре, мелкими настороженными иголками пробежали по спине. Подобное ощущение возникает при встрече с уличной собакой, не делай резких движений, не маши руками, не привлекай внимания и не смотри в глаза, тогда всё будет хорошо.

— Деньги в распоряжении у нее есть, но не давай тратить всё сразу. Никаких сборищ в замке, никаких гостей, к Мирре по пустякам не приставать. Наедине с мужчиной оставлять нельзя, даже на пять минут — если кто-то увидит, будет скандал. Кстати, ты носишь с собой какой-нибудь клинок? Уверен, он должен быть.

Положив ладонь на набалдашник трости, я хотела было ответить, но меня перебил новый голос.

— Авель? Что-то случилось? Разве ты не должен быть на совещании?

— Нет, всё хорошо, я уже почти добрался, только познакомлю сестру с ее новым охранником.

Авреллиан остановился, поймав подошедшую супругу в объятия, и тут же склонился к ней, получив легкий приветственный поцелуй в щеку. Мирра огладила его плечи, будто удостоверившись, что ее король цел, и, только обняв его в ответ, заметила меня за спиной

Авеля. Розовые, аккуратные губы сжались в тонкую нить, на лице мелькнула тень тревоги.

— Она? Ты обещал, что я даже не замечу ее пребывания здесь.

— Так и есть.

Запрокинув голову, Мирра встретилась взглядом с мужем и, отступила от него, словно соглашаясь. Ее светлые волосы, украшенные едва заметной сеткой крохотных кристаллов, вспыхнули нимбом под утренними солнечными лучами. Ухоженные пальцы невесомо огладили легкий полупрозрачный шлейф длинного серебристого платья, сотканного будто из чудных инеевых узоров на оконном стекле.

Теперь понятно, как она смогла привлечь к себе короля, он даже сейчас наблюдал за супругой неотрывно, будто она святая. Всё в ней говорило о божественном происхождении, она сама будто светилась изнутри, горделиво и великодушно взирая на окружающий мир. Расточала небесную благодать, пока я, скрываясь в тени, впервые ощутила себя жрецом из Ориаба.

В мимолетной паузе Мирра будто не нарочно привлекла внимание и, чуть вздернув подбородок, наконец продолжила, слегка повысив голос, чтобы ее услышали не только мы, но и ее наблюдатели, сливающиеся со стенами.

— Надеюсь, это действительно будет так, но, свет мой, с каких пор темная лучше обученных, искуснейших стражей короля? Ты не доверяешь собственным слугам?

Королева едва подняла ладонь, но охрана, внимавшая ей, моментально подобралась, почти беззвучно дрогнув. Взгляды десятков пар глаз устремились на меня, будто проверяя, прощупывая, могу ли я потягаться хоть с кем-то из воинов. Сравнение было явно не в мою пользу, недовольство стражи повисло в воздухе, колкое, неприятное, как разряд статического электричества.

Сплошные манипуляции.

Ньярл, ты снова со мной.

— Уна не хочет, чтобы на прогулке в городе за ней следовал мужчина, ей неуютно. Насколько знаю, она тебе говорила об этом.

Смягчившись, Мирра невинно пожала плечами, выходя из образа церковной статуи.

— Твоя сестра так часто жалуется, что я совершенно перестала следить за тем, что ей не нравится в очередной раз.

— Тем не менее я хочу позаботиться о ее комфорте. Мужчине не пристало караулить женские примерочные даже в качестве охраны.

— Может, твоей сестре просто нужно немного отдохнуть в одиночестве? Она не хочет переехать в загородное поместье? Там спокойно тихо и намного меньше охраны, она может оставить в здании вообще только горничных да кухарок.

— Я не хочу отправлять ее куда-либо до свадьбы, мы и так совсем скоро расстанемся.

— Не навсегда, она всего лишь выходит замуж, Авель, к чему переживать, она попадет в хорошие, надежные руки.

— Я знаю, но хочу уделить ей больше времени, пока могу.

Сделав шаг вперед, Мирра печально улыбнулась, мягко коснувшись щеки Аврелиана. Тяжело вздохнув, я тактично отвернулась, выступление королевы уже прилично затянулось, королю ведь нужно было на совещание, так?

— Аврелиан, ты всегда занят даже для меня.

— Свет мой, я постараюсь исправиться.

— Это не получится, если ты не перестанешь тащить в замок кого попало.

Можно было бы и имя у меня спросить, хотя куда там, не подобными глупостями должна быть забита прекрасная светлая головушка Славы.

Славы.

Именно она, черт возьми, стоит передо мной и строит из себя не пойми что. Божественная, избранная, королева. Дорогая, я помню, как ты в пять лет, сидя со мной на детской площадке, на спор ела песок, как лила слёзы на Дне Рождения, потому что заветное письмо не принесла сова, как, впервые влюбившись в одноклассника, мы подкидывали ему валентинки: я отвлекала, а ты подсовывала их в портфель.

Обмениваясь кассетами и собираясь на просмотры Баффи, я и подумать не могла, что ты наделаешь столько бед впереди. Откуда эта тяга к завоеваниям? Откуда высокомерие и горделивость? Что произошло с ней здесь?

Если задуматься, то я конечно тоже хороша, и потрепало меня немало даже за год, но чтобы собрать военную кампанию...

Хотя не то чтобы я занималась тут чем-то иным.

Местная святыня прошла мимо меня, даже не повернув головы, нежности с Авелем наконец-то закончились. Будто стыдливо он склонил голову, прочищая горло.

— Извини, мы отвлеклись.

— Ты отвлекся.

Поправив шейный платок, король мельком посмотрел на меня, но ничего не ответил, хотя его красные щеки говорили сами за себя, не задерживаясь он вновь направился к комнате Уны. Уже на подходе из-за дверей раздалась ругань, чьи-то крики и уговоры.

— Ваша матушка будет тревожиться, не игнорируйте ее просьбы.

— Немедленно принести мне нормальный завтрак!

— Я не могу, вам нужно следить за фигурой, ваше платье...

Внутри что-то ударило в стену. Резко дернув дверную ручку, Авель хотел было сделать шаг внутрь, но из комнаты тут же выбежала молодая горничная, чуть не сбив короля с ног. За ней еще одна чуть постарше, она осталась стоять у дверей, медленно пятясь спиной к нам. Из глубины гостиной на нее что-то надвигалось.

— Ну так сшейте платье на мой размер, а не меня подгоняйте к платью! Неужели это так сложно? Казалось бы, элементарнейшая вещь доступная для понимания даже матери. Не надо морить меня голодом и заставляя есть эти дрянные шарики, ведь можно взять чуточку больше ткани на свадебный наряд!

— Но как же ваш жених...

— Если посмеет морить меня голодом, я загляну в квартал трущоб и куплю ему настолько отвратительный яд, что он не меньше часа будет корчиться в муках, пока мне не надоест следить за этим.

— Да как вы можете...

В горничную полетела ваза с цветами. Женщина вылетела из комнаты в мгновение ока, спасаясь от разъяренной невесты. Авель успел перехватить дорогой снаряд у самого пола.

— Уна, я не буду искать тебе еще и горничную.

— А мне не надо, еще один пропущенный прием пищи, и ты меня больше не увидишь, я умру от голода!

Не делая резких движений Аврелиан зашел в гостиную и, осторожно поставив вазу на журнальный стол, поймал сестру за руки, успокаивая ее и мягко обнимая за плечи. Девушка, покрасневшись, нервно поправила полы полупрозрачного белого халата, украшенного

снежным мехом по краям рукавов и подола. Такая накидка почти не скрывала нижнего белья и чулков на подвязках, но король тактично держал взгляд только на лице сестры.

— Я поговорю с мачехой, уверен, она поймет, что перегнула палку.

— Не поймет. Она никогда не понимает.

Голос Уны стал тише, мне показалось, что она вот-вот готова была расплакаться.

Я прикрыла дверь, стараясь не шуметь, на полу всюду были разбросаны мелкие ватные шарики, у стены использованным снарядом лежала жестяная коробка с изображением улыбающейся девушки с неестественно тонкой талией. Желудок болезненно сжался. В сравнении с этим баланда, коей Ньярла кормили в темнице, кажется настоящим деликатесом. Это хотя бы еда.

— Уна, обещаю, всё будет хорошо, я лично буду присылать тебе слуг с подносами. Лучше посмотри, кого я к тебе привел в качестве охраны.

— Кого?

Сделав шаг в бок, Авель приглашающим жестом, протянул ко мне ладонь. Послушно кивнув, я подошла к ним, наблюдая, как брови девушки ползут вверх. Прикрыв ладошкой рот, Уна удивленно ахнула и вновь густо покраснела.

— Серафина! Сэра! О, боги, прости меня за эту сцену, это наверняка выглядело жутко некрасиво. Поверь, я не всегда такая, чаще всего я довольно безобидна, но сейчас подготовка к свадьбе съедает все нервы, это обычная истерика невесты, ничего страшного, я постараюсь впредь держать себя в руках. Так неловко вышло...

— Всё в порядке, передо мной не нужно оправдываться, я всё понимаю.

— Ах, Солар, ты так великодушна.

Облегченно выдохнув, Аврелиан вежливо поцеловал руку сестры, отвлекая и прощаясь, но ее бледные пальчики тут же вцепились в ладонь брата.

— На этом я оставляю вас, Уна, молю, оденься, не вздумай выйти в таком виде в коридор.

— Конечно-конечно, спасибо, братец, я очень благодарна тебе за такой щедрый жест, ты самый-самый лучший на свете.

Заполосно расцеловав короля в обе щеки, девушка заметно расцвела и, чуть не подпрыгивая на месте, сияла, как мартовское солнце. Авель, смущенный и растерянный, заторможенно покачал головой.

— У-уна.

— Всё-всё-всё, отпускаю, хорошего тебе дня.

— И вам, дамы.

Аврелиан ободряюще улыбнулся сестре и, кивнув в качестве прощания, наконец-то оставил нас с Уной одних. Ничуть не смущаясь своего откровенного вида, девушка тут же подлетела ближе и поймала мою ладонь.

— Это событие нужно отметить! У меня как раз заказан столик под холмом, и... бо-оги, мне нужно моё жемчужное платье, оно у меня самое счастливое, Сэра, если это возможно, помоги его найти, я всех горничных распугала.

— К-конечно, без проблем.

Потянув меня в приоткрытую дверь гардеробной, Уна ловко перешагнула через брошенные как попало коробки из-под обуви и, распахнув единственную незапертую дверцу длинного стенного шкафа, уперла руки в бока. По всей комнате, насколько хватало глаз, на всех доступных поверхностях и полках развёзся суший хаос из раскиданных повсюду вещей.

Платья, сумки, шарфики, заколки, кольца, чулки, кардиганы, пальто, роскошные юбки и тонкие блузы, легкие накидки и замысловатые шляпки — всё планомерно разбросано будто полотно безумной картины, где единственными оплотами порядка были лишь огромные вазоны, наполненные благоухающими букетами цветов.

— Где-то оно было здесь, его только из чистки принесли, оказывается, пятна от вина крайне отвратительно убираются с ткани, я так переживала, что его не смогут отстирать, всех прачек на уши подняла. О, туфли.

— Как... много цветов.

— О, это всё жених, никак успокоиться не может. Они здесь появляются каждый день свежие.

Сунув подмышку пару переливающихся кремовых туфель на толстом невысоком каблуке, Уна скинула часть вещей с круглого сидения в центре комнаты. В ярком свете ламп блеснуло жемчужное приталенное платье.

— Нашла! Ты смотри, какая прелесть. Обожаю его, тебе что-нибудь подыскать?

— Нет, не нужно.

— Точно? У меня на тебя есть такой шикарный зеленый наряд, иди-ка сюда.

Вручив мне свою ношу, девушка выдвинула один из ящиков и достала чуть ли не единственное аккуратно сложенное платье из зеленого, мшистого цвета бархата. Расправив находку, она осторожно приложила наряд ко мне, проверяя, подходит ли размер. Мягкие пальцы щекотно пробежались по бокам.

— Бедра не войдут, как жаль, они такие красивые, мама бы убила меня за такие. Она из-за выросшей груди-то истерику устроила, первый год, едва оформившись, как девушка, я обязана была надевать корсеты, чтобы не выглядеть вульгарно и вызывающе.

Поджав губы, я невольно представила, как это смотрелось бы на Уне и внутренне содрогнулась. Фигура Монро не подходила для корсетов под мальчика, и уж тем более того модного прямого кроя с низкой талией, что сейчас активно выставлялся на витрины магазинов.

— Довольно жестоко.

Задумчиво складывая платье обратно, девушка склонила голову, белокурые локоны скрыли от меня ее лицо.

— Правда? Возможно, я не в курсе, как оно бывает в нормальных семьях. Моя мама не была плодом любви, и для нее нежные чувства к дочери это что-то из сказок. Она даже имя мне дала «УУна» только из-за надежды на то, что детей у нее больше не будет. Отец был расстроен. Ему нужен был наследник для передачи семейного дела, а не я, но эта женщина уперлась. Беременность была для нее настолько омерзительной, что почти девять месяцев она изводила всех вокруг, слуги менялись каждую неделю, а те, кто задерживался, приспособившись к этому кошмару, получали тройные-четверные надбавки. Большая часть таких сухарей-подхалимов до сих пор с ней, поддакивают ее ворчанию, говорят, какая я ужасная дочь, и передают свои отвратительные послания с ватой, сигаретами, корсетами и прочим. Я, как дура, искренне надеялась, что здесь она меня не достанет, но нет!

С силой задвинув ящик, Уна опустила плечи на миг, но тут же встрепенулась, испуганно посмотрев на меня.

— О, Солар, прости-прости-прости, я так заболталась, я правда не хотела тебе докучать, это так ужасно. Останови меня в следующий раз. Мы только познакомились, а я...я...

— Всё хорошо, всё хорошо, я готова тебя слушать сколько нужно.

Переложив наряд девушки на ближайшую полку, я неловко обняла Уну, стараясь подбодрить. Уже покрасневшие глаза посмотрели на меня с толикой надежды.

— Правда-правда?

— Правда-правда.

— Сэра... боги, ты такая хорошая, можно мы будем подругами? Я так рада, что Авель выбрал тебя, ты такое сокровище.

— Да... конечно. Я тоже рада.

Уна вновь улыбнулась, ее настроение казалось мне апрельской грозой, когда после мимолетного дождя мир расцветал яркими красками с новой силой. Обняв меня в ответ, она запустила руки под расстегнутый пиджак, огладив ладонями спину. Чуть вздрогнув от пробежавших мурашек, я поторопилась отвести взгляд. Мы были едва знакомы, но ее доверие и открытость подкупили меня, заставляя сопереживать и позволяя ей куда больше, чем кому-либо ещё за такой короткий срок.

— Спасибо. У меня никогда не было подруг.

— Никто тебя не поддерживал?

— Мама выбирала меня нескольких «подходящих» девушек, и я обсуждала с ними «подходящие» темы: детей, семью, погоду, будущих мужей, молитвы. Ничего общего с дружбой. По выходным иногда можно было встретиться в церкви с ними, но я часто сбегала с проповеди, чтобы заглянуть в кондитерскую через дорогу. Там были та-акие сладкие булочки с ванильным кремом и сахарной пудрой или шоколадной крошкой и малиновым джемом внутри. Я наедалась ими до икоты, пока меня не находила няня, совала их во все карманы, чтобы Моргану принести. За такое меня обычно ждали дома розги, но день считался удачным, десерт стоил недельной боли от порки.

Не стесняясь, Уна положила голову мне на плечо, предаваясь воспоминаниям, от ее волос я уловила сладкий аромат, будто девушка сама вдруг стала сдобно-сахарной.

— Неужели дома тебя не кормили?

— Мама запрещала десерты в доме, говорила, что дети от них становятся агрессивными и непослушными. Папа баловал меня в тайне, но это было нечасто, почти всё время он был занят.

— А Морган это...?

— Питомец, ох, на самом деле мой лучший друг, наверное, единственный друг, что у меня действительно был, но мамой он тоже не одобрялся.

— Собака?

Игриво хихикнув, она лукаво посмотрела на меня и, будто бы рассказывая секрет, сделала голос тише, заставив прислушаться.

— Нет, полуэльф, я его тебе покажу, мы как раз отправляемся к нему.

Оставив меня в некоторой растерянности, Уна без помощи горничных собралась удивительно быстро, не слишком беспокоясь о сезонности одежды и просто накинув на любимое платье тонкую шубку из белого меха. Ухоженные руки украсили длинные шелковые перчатки, даже на вид стоящие баснословных денег. На голове специальными заколками была закреплена легкомысленная шляпка с короткой вуалью на один бок. Полубовавшись собой в зеркале, Уна, недолго думая, подхватила одну из своих алых помад и, накрасив губы, попыталась поймать меня для той же процедуры, но я успела ускользнуть, сославшись на далеко не вечерний вид. Принцесса недовольно скривила рот и даже нахмурилась из-за моего упрямства, но слишком наигранно для того, чтобы я в это действительно поверила.

— Ничего, в следующий раз тебя наряжу как следует, не отвертись. Я обязана снова увидеть тебя в платье.

— Смею напомнить, что я прежде всего страж.

— Юбка и немного косметики не помешают тебе махать этой жуткой штукой на поясе.

— Я бы поспорила.

Вручив мне в руки кольцо из двух рядов мелких ровных жемчужин, Уна дождалась, пока я застегну его на тонкой девичьей шее. Ее глаза сияли нескрываемым азартом, будто принцесса в одночасье получила всё, о чем могла мечтать. Повиснув на моем локте, она не дала отстраниться и изобразить субординацию хотя бы для следящих в коридорах псов. Цепкие пальчики то и дело показывали мне куда идти, задорный голос пересказывал последние сплетни и новости, в том числе о том, как Мирра на днях заставила горничных сделать генеральную уборку во всем крыле из-за того, что ей до тошноты не нравился какой-то запах. Слуги сбились с ног, не понимая, на что королева реагировала так остро.

Заглянув ко мне в спальню за пальто и закончив импровизированный экскурс, мы спустились к выходу для «важных особ», в отличие от моего привычного прохода через хозяйственное крыло, здесь среди цветов и кресел, обитых бархатом, мужчины в дорогих костюмах встречали и провожали министров, послов и гостей из высших слоев знати. Увидев Уну, присутствующие вежливо покивали. Машина, забравшая нас от крыльца с мраморными ступеньками, выглядела поистине королевской, не чета той, в которой ездила я с Фином. Незнакомый водитель по просьбе принцессы повез нас к какому-то парфюмеру.

За окнами мелькнула довольно широкая река, пронизывающая весь город с востока на запад, из нее брали свое начало многочисленные каналы, в коих я уже успела побывать.

Повезло, что тогда еще не было заморозков.

Интересно, как там Дей.

Присев ближе на сидении, Уна чуть потянула меня за рукав, привлекая внимание. На фоне светлого салона, украшенного вышивкой с вензелями, она выглядела очаровательной фарфоровой куклой на тканевой подложке в футляре.

— Серафина, как тебе жизнь во дворце?

— Довольно суетно, но красиво.

— А кофе в Санктуме? Ты уже пробовала?

— Да, довелось, мне было интересно узнать, чем занимается твоя семья. Я взяла вариант кофе с твоим именем.

— О! С ванилью и сливками! Новички такое не берут, слишком крепкий, хоть и кажется на вид совсем простым.

— Мне понравилось, хотя я бы еще взяла с карамелью.

— Лучше кармель с апельсиновой цедрой. Мягкий вариант для уютных вечеров, — опустив глаза к полу, принцесса повела плечом. — Если хочешь, ты тоже можешь что-то придумать, а мы потом в кафе попробуем.

Запрокинув голову к спинке сидения, я попыталась вытащить из головы самые оригинальные варианты, встреченные в прошлой жизни. В свое время от одной только чашечки эспрессо с лимоном для бодрости перед парами я чуть не получила язву желудка.

— Кофе с перцем.

— Фу, извращение какое, боже.

— Ты просто не пробовала.

— Нет, спасибо, и не надо.

Я не смогла скрыть улыбку, Уна тут же улыбнулась мне в ответ, накручивая один из льняных локонов на палец.

— А ты скучаешь по дому? По Кадату? У тебя, кажется, довольно большая семья, а тут ты совсем одна осталась.

— Да, есть такое, но в основном скучаю по брату очень сильно, не знаю, как он там без меня.

— У тебя есть брат?!

— Кузен. Талантливый поэт со слишком доверчивым сердцем.

— Ах, как я его понимаю, только у меня совсем никаких талантов нет.

— Неужели?

— Правда-правда, даже слуха нет, все учителя музыки от меня отказались.

— Я музыке не училась, но некоторые песни пою просто для души.

— Споешь когда-нибудь для меня? Мне иногда бывает очень одиноко.

— Если хочешь.

Машина остановилась на краю торгового квартала посереде цветастой стайки бутиков и ювелирных магазинчиков, в обилии теснившихся у просторных пешеходных дорожек. Среди них, как белая ворона, самым последним в очереди старинных домов и долголетних лавок будто бы случайно оказался парфюмерный салон с резным изображением полупрозрачных, хрустальных цветов на просторной витрине.

Чистое, аккуратное и крайне модное местечко своей нарочитой легкостью и простотой словно укоряло соседние здания за их вычурность, явившуюся прямым образом из прошлых веков. Серо-зеленая вывеска над входной дверью гласила — «Парфюмы Грея».

Увидев кого-то в окне за искусным рисунком и образцами прозрачных флаконов, Уна заторопилась выйти на улицу и, наскоро попрощавшись с водителем, потянула меня к двери салона, по-хозяйски распахнув ее у кого-то перед носом. Ловкие пальчики вцепились в жилетку незнакомца, притягивая его к губам принцессы. Красная помада разукрасила бледные неровные щеки бедолаги.

— Морган! Я вновь с тобой! Меня выпустили из домашнего плена, и погляди, кого я к тебе привела! Ты же помнишь Серафину? Я рассказывала о ней, мы встретились на балу. Боги, ты не представляешь, как я рада тебя видеть!

— Я помню-помню, Уна, умоляю, пусти меня, ты так распугаешь клиенток.

— К черту всё! Мы должны это отметить! Морган, ты понимаешь, насколько это важно?

Морган, задумайся хотя бы на секунду, у меня появилась подруга!

Ничуть не стесняясь и едва не подпрыгивая в нетерпении, принцесса посмотрела в глаза юноши, ему пришлось заметно сгорбиться, но даже так было заметно, что полуэльф с чуть заострёнными ушами был достаточно высоким, тонкокостным и исключительно гибким, словно танцор или гимнаст. Его аккуратные, мягкие движения невольно завораживали и привлекали внимание своей нарочитой изящностью. Деликатно обхватив девичьи запястья, он постарался отстраниться под тихие смешки покупательниц у длинных стеклянных витрин в зале.

— Уна, дорогая, я всё понимаю, но давай это обсудим наедине, дай хотя бы предупредить помощниц.

— Конечно-конечно! Вот! — Отпустив жилетку, принцесса придержала Моргана за воротник и оставила яркий след от помады еще и на носу с чуть заметной горбинкой. — Теперь иди.

Пальцы Уны наконец-то разжались, но тут же потянулись к карману шубки, вытаскивая помаду и обновляя стершуюся на губах косметику у ближайшей зеркальной поверхности. Парфюмер, поправив вызывающий разрез на груди своей батистовой рубашки, повернулся к одной из подошедших работниц, полушепотом отдавая распоряжения. Щеки девушки заметно зарделись, взгляд перебегал с отсутствующих пуговиц на ярко расцелованное лицо. Воспользовавшись возможностью, я и сама присмотрелась к новому знакомому получше, пока принцесса, удовлетворившись отражением, перешла к изучению полки с новинками парфюмов.

В воздухе разлился аромат пионов, персика и роз. Одна из клиенток протянула Моргану платок, уточняя состав духов в ее руках, но белоснежная ткань едва очистила кожу, вместо этого только сильнее подчеркнув ассиметричные рваные шрамы исполосованного когда-то лица. Замерев, словно соляной столп, посередь зала, я не нашла сил отвернуться от этого зрелища, хоть и понимала, насколько отвратительно пялюсь. В голове возникло противоестественное и какое-то детское желание прикоснуться хоть раз к этому увечью, узнав его на ощупь.

Взгляд зеленых, поистине колдовских глаз пересекся с моим, заставив пристыженно опустить голову. Собственная щека нервно дрогнула, напоминая о том, как я сама на самом деле выгляжу, без магии, что подарил когда-то Каин. Коснувшись спрятанного рубца самыми кончиками пальцев, я услышала голос Моргана над собой.

— Не беспокойтесь, это незаразно.

Вскинувшись, я открыла было рот, чтобы оправдаться, но в руки парфюмера уже угодила Уна, заняв всё его внимание.

— Ты жепустишь нас под холм? Я хочу хорошенько отдохнуть и потанцевать.

— Выдался тяжелый день?

— Тяжелая жизнь.

Он тихо вздохнул, посмотрев на подругу со смесью нежности и укора, но всё же потянул нас обеих за собой куда-то внутрь зала, обогнув стойку продавцов и проводив мимо небольшого кабинета с отдельным стендом самой дорогой парфюмерии и туалетным столиком для самых важных господ прямо к невзрачной двери почти у подсобных помещений. За ней, спустившись по укрытой ковром лестнице на этаж вниз, мы прошли через опрятное подвальное помещение по короткому коридору меж укрытых тканью шкафов и запасных витрин к еще одной двери. Массивная, дубовая, обитая железом по углам и

украшенная странными узорами, она казалась рудиментом, по воле хозяев оставшимся в стене, но короткий особый стук Моргана по деревянному полотну подсказал, что проход еще рабочий. В странных узорах, написанных бурой краской не меньше века назад, что-то неуловимо изменилось, тихо щелкнул замок, и в беззвучно открывшуюся щель на нас взглянул маленький, неказистый человек с коричневой кожей, растрепанными волосами и в засаленном сюртуке.

Морган чуть поклонился, приветствуя его, и достал что-то из кармана.

— С нами новая гостя. Я за нее отвечаю.

В протянутую мозолистую ладонь незнакомца легла золотая монета, но человек лишь звучно причмокнул. Парфюмеру пришлось повторить плату, и только тогда, удовлетворенно покивав, страж открыл проход полностью, исчезнув в полумраке коридора за ним.

— Пропустили! Сэра, не отставай, а то потеряешься.

Принцесса подтолкнула меня вперед, уперев ладони в спину, Морган пошел последним и закрыл дверь, но я едва это отметила в сознании. Стоило лишь переступить порог, как на нас обрушились звуки, от неожиданности я чуть не отдала ногу Уне, но девушка помогла мне пройти дальше в зал, что начинался прямо под нашим балконом с винтовой металлической лестницей вниз. Поистине огромный клуб с просторной сценой у дальней стены и длинной барной стойкой, обрамляющей зону столиков, поражал воображение, причем не столько своим странным расположением, сколько гостями этого тайного заведения.

Громко зазвучал джаз, живой оркестр будто по команде разнузданно заиграл что-то веселое, танцевальное, призывая посетителей на танцпол. В складках легких девичьих платьев мелькали козлиные ноги и стрекозиные крылья, ткани из инея, утренней росы и узора первых заморозков соседствовали с юбками и жилетами, сотканными из разнотравных ростков клевера, тимьяна и фиалок. Высокие и низкие, хрупкие, как первые подснежники, и округлые, словно человекоподобные жабы, с кожей белой и прозрачной, как утренний туман, или темной, вырезанной из векового дерева — обитатели местечка «под холмом» высыпали к сцене, двигаясь в такт саксофонам, барабанам, тарелкам, трубе и контрабасу. Всего пара десятков гостей, не так уж и много для размеров такого заведения, но абсолютно безумно, если напомнить себе, что едва ли в этой толпе найдется хотя бы пять человек, включая нас с Уной.

Впервые вижу так много фейри в одном месте.

Впервые вижу так много фейри.

Моей руки коснулся теплый шелк, принцесса дождалась, пока я обращу на нее внимание. Ее светлое миловидное личико просияло, как у ребенка, дорвавшегося до конфет.

— Сэра, я так рада, что смогла привести тебя сюда. Мне кажется, мы отлично проведем время.

— Да-а, спасибо.

Мягко приобняв обеих, Морган подтолкнул нас к лестнице и, спустившись, указал на один из близких к сцене столиков с простой скатертью из светлого льна.

— Присаживайтесь, я схожу за напитками.

— Ой, а мне еще перекусить.

— Непременно.

Парфюмер наклонился к Уне и, что-то шепнув ей на ухо, забрал шубку. Принцесса умильно зарделась, погрозила другу пальцем.

— Эту похабщину оставь при себе.

— Разве я не прав?

— Прав, но можно было и промолчать.

Самодовольно ухмыльнувшись, Морган покачал головой и повернулся ко мне, забирая пальто. Изящные пальцы пианиста аккуратно, будто бы невзначай огладили мои руки, и от одного этого движения меня вдруг бросило в жар. Ко мне множество раз пытались приставать и выказывали знаки внимания, но сейчас это вышло так интимно и просто, словно мужчина уже не раз признавался мне в любви, а сам он выглядел настолько порочно и естественно, будто флирт — это просто еще одна часть его натуры. Каштановые волосы едва доходили до плеч и в теплом свете отдавали в рыжину, чувственные губы складывались в неуловимую полуулыбку, и он казался очарованным и влюбленным даже когда не смотрел на нас.

Стараясь сохранить лицо, я всё чаще переводила взгляд на принцессу, вежливо кивая в ответ на ее щebet.

— Морган нашел это место случайно, его пригласил сюда маленький народец, когда он только выкупил здание для первого магазина.

— Я думала, что фейри обитают в основном в Соларии с эльфами.

— Я тоже, но они говорят, что там почти не осталось магии, а тут она еще есть, ее здесь еще достаточно, чтобы они жили в довольствии, поэтому большинство возвращается на исконную родину.

Мы сели за столик, приготовившись ждать, но к нам довольно быстро подошла официантка с полным подносом в руках и выставила на льняную скатерть блюда с закусками. Ничего необычного: картофель, немного жареной рыбы и мяса. Единственная диковинка нашлась лишь под столом, когда что-то коснулось моей ноги, и из-под юбки официантки выглянул кончик коровьего хвоста.

Напомнив себе о неприятной сцене с Морганом, я заставила себя не пялиться и воспринимать всё как должное.

— И Авель не против?

— Не уверена, что Авель понимает масштабы, а привести его сюда я не могу, он ненадежен. Соларцы стараются скрыть тот факт, что благословенный народец отвернулся от них. Узнай об этом Мирра, и беды не миновать. Она либо устроит скандал, либо закроет глаза на происходящее, причем первый вариант более явный. В последнее время и так ползут слухи, что королева ищет сильного мага, предположительно для того, чтобы закрыть место придворного помощника, но пока никто не торопится ей помогать.

— Она же Избранная.

— Я тебя умоляю, после двух сокрушительных побед в Беллаторе и Сомне ее либо боятся, либо ненавидят. Далеко не всем понравились потери в обоих конфликтах и их столь близкое расположение по времени.

— Странно, мне казалось, к ней относятся с благоговением.

— Есть и такие, это в основном церковники, но им по статусу положено любить посланницу бога. Даже церковь строят в ее честь.

— Потрясающе.

Парфюмер вернулся к нам, ловко удерживая пару стаканов и бокал красного вина. Разобрав напитки, первый глоток мы все вместе сделали за встречу. Уна, чуть поморщившись, тут же напала на еду.

Не зная, о чем поговорить, я пригубила еще глоток виски и спросила самую банальную вещь, пришедшую в голову.

— А как вы познакомились?

Чуть не подавившись, принцесса прикрыла салфеткой рот и быстро отпила вина, давая знак Моргану.

— О, это презабавная история.

— Тогда одна из служанок разбила глиняный горшок, и я решил, что этот день будет самым счастливым в моей жизни.

— Папа впервые взял меня с собой, отправляясь в гости к архиепископу, прежде я никогда не посещала подобные места, мне было всего семь.

— Тогда у меня даже имени не было, как подкидыш я полностью принадлежал церкви, поэтому острый глиняный осколок стал моей первой драгоценностью, спрятанной под пологом винограда.

— Мне было скучно на приеме, отец сразу отпустил меня прогуляться в сад, я не знала, что в доме были еще дети.

— Моя внешность всегда привлекала внимание архиепископа, и был один единственный способ это исправить.

— Когда я нашла его, всё лицо было уже в крови, он делал четвертый надрез на щеке.

— Вцепилась в мои руки и отобрала осколок.

— Притащила к отцу и объявила, что забираю его с собой.

— Святоша был очень недоволен именно моим уродством, ему очень нравилось мое лицо.

— Папа смотрел на меня с гордостью, будто я поступила именно так, как он того желал, архиепископу пришлось согласиться на мои условия.

— Я был рад уже тому, что меня наконец-то увозят из того проклятого дома.

— И он стал моим питомцем.

Виски застрял где-то в горле, не давая мне даже вдохнуть во время их пересказа. Мой голос прозвучал сипло и тихо:

— Питомцем?

— Ну да, друзей у меня не было. Мама сетовала на мой ужасный характер, и я искренне этому верила, пока не встретила Моргана. Оказалось, что характер у меня нормальный, а вот мамина привычка подсовывать мне потенциальных женихов и тех, с кем «нужно» было дружить, сводит всё общение на нет. Отец конечно пытался это как-то восполнить, Морган тому хороший пример, но как только ему дали в руки воспитание Авеля, он тут же переключился на будущего короля.

Грей вновь улыбнулся, но на этот раз как-то горько и отчужденно.

— И остались в огромном доме Макдоннелл два одиноких затворника.

— У нас были неплохие няни.

— Уна ставила условием обучать меня так же, как и ее.

— И первое время его действительно обучали реверансам, шитью и прочим женским глупостям.

— Пока не пришла бывшая няня Кейнов. Она быстро навела порядок, и уже Уне пришлось учить математику и точные науки. Гувернантка, увидев во мне нечто большее, чем домашнюю зверушку, перешла на программу для мальчиков.

— Я правда всё равно терпеть не могу счёт и сложные формулы.

— Но выросла умнее многих сверстниц из высшего света.

— На свою голову. Была бы такой же глупой — стала бы счастливой.

— Тебе даже отец позволил распоряжаться своей жизнью как хочешь.

— Но только пока он был жив, теперь я с мамой и кофейной компанией просто балласт для Авеля.

— К уже имеющимся королевству и новой семье.

— Мирра спит и видит, как от нас избавится, а отец так и не признал Моргана сыном.

— Не мог, из-за Авеля. Не могут быть питомец и королевский сын быть в одной семье.

— И в мужья тебя не дают взять, хотя ты богаче многих в Санктуме.

— Но это крохи в сравнении с богатством Кейна.

На сердце словно плеснули ядом, я внутренне сжалась, переводя взгляд с неестественно спокойного Моргана на принцессу, покрасневшую и скорбно поджавшую пухлые губы. Мне захотелось ободрить ее, поддержать, но я понятия не имела, как это сделать. Печальное личико застыло как маска. Глаза Уны наполнились слезами, резко поднявшись, она забрала мой стакан и, выпив залпом остатки, преувеличенно весело объявила.

— Хочу танцевать, а не плакать!

— Уна...

Жемчужное платье блеснуло в теплом, мягком свете ламп, стройная фигурка скрылась в толпе фейри. Бокал вина на столе остался пустым.

— Ей не стоит так много пить, она даже толком не поела.

— Я всегда прошу бармена ей разбавлять алкоголь, а к концу мероприятия заменять его соком.

Морган повернулся к барной стойке и, дав знак работникам, дождался, пока обновят напитки. Я откинулась на спинку стула, пытаюсь уложить в голове произошедшее. Уна ждет свадьбы, не просто с кем-то, а с Аластором, и явно против своей воли.

Рука сама потянулась к стакану.

— И часто она так?

— Каждые выходные.

— Ты всегда ее сопровождаешь?

— Конечно.

Еще один глоток промочил горло, но вкус алкоголя совершенно не ощущался на языке. Опьянение тоже не чувствовалось, хотя огни и блеск клуба стал заметно ярче. Грей потер щеку, задумчиво глядя на стекло. До меня впервые дошло очевидное.

— Ты же любишь ее.

— Мы всю жизнь провели вместе и даже учились целоваться друг на друге.

Мой виски закончился слишком быстро, спрятаться за стаканом не получилось, но Морган не ждал моего ответа, уточнив сам:

— Но Уну не интересуют мужчины.

— Неловко вышло.

— Да, есть немного.

Он поднялся из-за стола, бросив взгляд на толпу, и расправил плечи словно сбросив тень грусти и тревоги, мутным налетом осевшей на лице.

— Потанцуем?

— Да, конечно.

Заботливо склонившись, он помог мне встать и, подхватив ладонь, вывел к краю

площадки. Танцевать что-то под джаз я не умела, но надеялась на опытность Моргана. Несмотря на общее впечатление порочности, мне было с ним удивительно комфортно, словно я заранее прониклась доверием к этому полуэльфу. Возможно, так сыграло отношение Уны к нему или его нарочитая мягкость в поведении, но близость в танце, прикосновения, тепло и дыхание Грея обволакивали, будоражили чувства, но не навязывались чужим липким желанием, как это бывало с другими мужчинами. Я была уверена, стоит мне сказать «нет», как Морган тут же отступит, не станет обузой и не разозлится, закончив свою ловкую игру, но поэтому же мне не хотелось его останавливать. Пускай манит, улыбается, будто невзначай его ладонь окажется чуть ниже, чем следовало, а запах цветов в жарком летнем саду накроет с головой. Мне тоже впервые хотелось танцевать, а не плакать.

Музыка замедлилась, позволяя танцорам отдохнуть. Губы Грея оказались в опасной близости от моей шеи.

— Надеюсь, ты понимаешь, что оказалась здесь не просто так.

— Что ты имеешь в виду?

— Уна в тебе заинтересована.

Постыдно смутившись, я ощутила, как в горле пересохло. Сводная сестра короля, милейшая и прекрасная, как весеннее утро, была невестой единственного человека в Санктуме, которому я могла бы доверять, пускай и с оговорками. Из этого не может выйти ничего хорошего.

— Я... Не думала об этом.

— Крайне советую обратить внимание, даже если ещё не было такого опыта.

— Мне кажется, ты не должен был мне раскрывать ее планов.

— Почему же? Я очень болею за Уну и желаю ей только добра, потому, если ты не готова к экспериментам, прошу сразу это обозначить ей, чтобы не произошло двусмысленной ситуации. Нашей принцессе нужно немного счастья перед вынужденной ссылкой.

Несколько мгновений он дал мне обдумать свое предупреждение, пока рука Моргана не обняла меня крепче. Подняв голову, я встретила взгляд его нечеловеческих глаз, навевавших мне воспоминания о лете, солнце и бескрайнем море зелени.

— Но если желаешь, то я могу стать твоим спутником на вечер.

— Наперекор Уне?

— Едва ли это можно считать соревнованием с ней, если ты...

— Если это не так?

Посмотрев на меня внимательней, он будто попытался понять, говорю ли я серьезно, не ослышался ли он, но я была серьезна как никогда. Безумна наверно или слишком пьяна, но серьезна. Тонкие губы Грея вытянулись в какой-то удивительно счастливой веселой улыбке.

— Так выйдет даже интереснее.

— Вир! Иди ко мне! Вода совсем теплая!

Я ступил на горячий белый песок и прищурился, прикрыв ладонью глаза от солнца. Пылкий молодой юноша пронесся по кромке моря, разгоняя тучу блестящих брызг, и, лишь на миг остановившись, поманил меня к себе широкой улыбкой на светлом лице и протянутой рукой. Его серебристые локоны драгоценным лунным ореолом взметнулись вокруг головы, прелестно курчавясь от соленого влажного бриза. Нетронутая загаром, неестественно бледная кожа сияла почти ослепительно. Слишком большая и безнадежно промокшая рубашка облепила хрупкое, но гибкое тело.

— Ви-ир!

В его голосе проскользнули капризные нотки, опасаться больше не было смысла. Как бы сильно я не желал остаться сегодня сухим, у юного бога на всё было свое мнение и свои планы. Он беззастенчиво вцепился в меня, стоило только подойти ближе, и потянул дальше в воду, ничуть не переживая за одежду.

— Мун, ты уже резвился здесь вчера.

— Мне было мало, мне всегда мало, я не хочу скучать один, пока другие боги свободно гуляют по миру.

Длинные прохладные пальцы держали мои запястья. Очередная ультрамариновая волна мягко накатила на берег, погрузив ноги в тепло. Мун шел спиной вперед, забавно морщился, но не отводил взгляд. Мимолетный летний жар коснулся моих щек. Где-то недалеко, от пристани, разносился тонкий перезвон металлических голосов на ветру, колокольчики двигались в такт бескрайнему сверкающему морю. На мгновение показалось, что я вот-вот ослепну, не смогу прикрыть веки, не дам глазам отдохнуть хоть на миг, моя жизнь и всё мое внимание приковано к Луне. Всегда. В каком бы облике она не предстала передо мной.

Остановившись, Мун позволил мне прикоснуться к его порозовевшим скулам. Курносый нос и ямочки от игривой ухмылки заставили сердце дрогнуть. Нежность и невысказанная, невозможная любовь продирались сквозь грудную клетку к моему личному чуду, но я стоял как истукан не в силах подобрать ни одного слова, ни одного выражения, ни одной молитвы, чтобы передать хотя бы крохотную часть этих чувств. Один взмах белесых ресниц повергал меня в благоговение, в трепет, будоражащую негу, за которую я готов был умереть, воскреснуть, жить... для нее.

Неожиданно тихий голос едва не потонул в шуме моря, но я расслышал бы его даже будучи глухим.

— Можно тебя попросить?

— О чем угодно. Вся моя жизнь принадлежит тебе, захочешь забрать ее — только руку протяни.

Снова накатила волна, обрызгав нас с головой. Самым отдаленным краем сознания я отметил, что мы оказались по колени в воде.

— Так много мне не нужно.

Он положил ладони мне на щеки и притянув к себе, едва не коснулся губами моих губ, оставив между нами настолько маленький зазор, что каждое движение, каждый вдох я мог попробовать на вкус.

— Вир, ты покажешь мне город? Свой старый дом, в котором ты жил до Храма? Свою

семью?

— Семейю...

В один момент жара, тепло и ласка лета схлынули, будто окатив меня водой от самых студеных ледников. Сердце пропустило удар. Я хотел бы промолчать, не соврать, так хотя бы утаить, но всё читалось в моих глазах, в моем ужасе и страхе перед неизбежным.

Семья.

Безумный шепот по ночам, бездонные глазницы мертвецов, их голоса и мысли, повергающие в шок. Он думал... не так, как это делали другие люди, не так. Он отвергал моих богов, придумав себе новых, пока я позволял ему сходить с ума.

Ведь он семья.

Открыв было рот, я не смел выдать из себя хотя бы звука протеста. Мой милый юноша глядел невесело, и должно быть уже знал обо всем, иначе не предложил бы, не попросил о таком. Его поцелуй показался горьким, дарующим надежду, но только после долгой, вынужденной боли. Как жестокое лечение, как отсечение больной ноги.

Не нужно трогать, оставь ученого в его мании одного, сжался...

— Обещай проводить меня туда, Вир.

— Конечно, что угодно для тебя.

Мучительно тягостное утро втянуло меня в объятия нового дня почти против воли. С огромным трудом я отыскала в голове осколки прошлой ночи, вечера там под холмом, где вино, виски, шампанское и поцелуи сплелись с музыкой в яркую картину экспрессиониста.

Еще часть времени ушла на то, чтобы отделить себя от Ньярла и разграничить его сон и мои отголоски чувств. Раздрай, потерянности, смутное, неоформившееся осознание, что мне должно быть стыдно, мучительно стыдно, но еще не ясно отчего. Болело всё, особенно ноги, гудящие в такт отяжелевшей голове. Во рту пересохло, хотелось пить, умыться, привести себя в порядок, подспудно надеясь вернуть хотя бы ощущение обыденности в свою жизнь. В последние дни мир вокруг штормило, изменения приходили резко и неожиданно, выставляя перед фактом чужое прошлое, послания мертвецов, переезды и странных личностей.

Наверное, мне давно стоило остановиться и выдохнуть, оглядевшись хоть на секунду. Например, разложив по полочкам всё, что было вчера.

Мягкие, легкие поцелуи расцвели мои ключицы. Первые пуговицы рубашки почему-то расстегнуты, чьи-то руки обнимают талию. Пахнет летом, жарким и пьянящим, полевыми цветами, свежей выпечкой, ванилью и жженым сахаром. Рядом слышится смех Уны и шепот Моргана. Я не чувствую ни тени стеснения, пока они оба словно соревнуются за мое внимание, каждый по-своему, я позволяю им дразнить друг друга и баловать себя. Редкие, четкие моменты всплывают словно из бурного омуты воспоминаний.

Моих ушей касается заполосный голос Грея, моя ладонь легла на его разгоряченную грудь.

— Сэра, станешь моей музой, моим вдохновением, моей яркой звездой?

— Ни на что из этого я не гожусь.

— Нет-нет, ты только послушай, представь... Запах первых солнечных дней, сладчайшего меда и горькой полыни.

— Полынь?

— Это будет твой аромат, духи о тебе в маленьких золотых флаконах, что я навсегда оставлю себе после встречи.

Зажмурившись изо всех сил, я накрыла лицо ладонями, за веками уже давно дрожал свет. Кто-то завозился в постели, я мысленно поблагодарила себя за то, что вчерашняя рубашка стала моей пижамой на эту ночь, оставляя мне хотя бы тень приличия.

Уна без стеснения прижимается ко мне в медленном танце, ее взгляд внимательный и ненасытный, пухлые губы красны то ли от вина, то ли от моих губ.

— Я влюблена в твои глаза.

— Тише, Уна.

— Они так сияют, я не могу перестать смотреть. Воспоминание о них я сохраню как единственную драгоценность, что будет принадлежать лично мне. Оно будет маленькой путеводной звездой в моем одиночестве.

Судорожно выдохнув, я заставила себя встретить новый день, яркими лучами расцветивший незнакомую, но узнаваемую спальню. Тонкий, пудрово розовый балдахин над головой почти незаметно дрогнул, когда рядом кто-то перевернулся.

— Сэра? Ты проснулась?

— Да.

Отбросив одеяло в мою сторону, принцесса села в постели рядом, виновато заламывая руки. Ее светлые спутанные локоны обрамляли порозовевшее, чуть опухшее лицо. Милейший шелковый пеньюар едва доходил до колен, открывая аккуратные светлые ножки. Взгляд еще сонный, разморенный, но уже с отпечатком тревоги и растерянности пробрался мне под кожу сотней мелких иголочек.

— Ох, Сэра, мне так стыдно.

— За что?

— Мы здесь, в постели, ты, наверное, злишься...

— Совсем нет, с чего бы?

— Я потащила тебя в бар, напоила, а там...

— Глупости какие.

Уна виновато опустила плечи, в уголки глаз набежали слезы, слов для спокойствия принцессы откровенно не хватало. Я поторопилась сесть и притянуть ее к себе, поймав в объятья. Нежность, еще недавно невыносимо заполнявшая меня, снова затрепетала в груди. Едва забрезжившие сомнения смела безумная притягательность и явная симпатия Уны. Не о чем было жалеть, так много внимания и любви мне давно не доставалось, давно я не чувствовала себя настолько живой и, может быть, безрассудной. Будто я снова была человеком, а не чужим инструментом или памятником скорби. Уму непостижимо, как редко это удастся ощутить.

— Сэра, мне так неловко.

— Правда? Что-то я не припомню подобного вчера, когда ты до хрипоты спорила с Морганом о вкусе моих губ.

— О, боги...

Спрятав покрасневшее личико на плече, Уна обняла меня в ответ, удобнее расположившись на моих коленях. Пеньюар бесстыже задрался, обнажая в боковых разрезах округлые бедра, расцветенные следами от ткани. От одного их вида меня бросило в жар. Смутное ночное воспоминание подсказало, что принцесса специально выбрала такую

одежду, желая покрасоваться передо мной. Ей нравилось то, что я не могла отвести взгляд.

Осторожно прикоснувшись к оголенной коже, я с благоговением провела ладонью от розоватого колена, выше, к краю шелковой ткани. Такую красоту стоило запечатлеть в камне рукой настоящего мастера, но едва ли вышло бы передать этот потрясающий оттенок.

Может, нарисовать картину? Не дай боже ее кто-то увидит, но для себя, увековечив настолько интимный момент, прежде чем...

Прежде чем...

Уткнувшись в светлую макушку, я вдохнула аромат ванили, мне показалось, что она слегка горчила на языке.

— Как же тебя угораздило стать невестой Аластора.

— Отец оставил завещание Авелю с просьбой позаботиться о моем будущем. Он хотел, чтобы я попала в надежные руки, и лучше Кейна на эту роль никто не подошел. Брат быстро договорился о свадьбе и поставил меня уже перед фактом, по его мнению я должна быть счастлива и благодарна за это.

— Он знает о твоих предпочтениях?

— Конечно, но, как и мама, считает это мимолетной глупостью. Это пройдет, как только я стану настоящей женщиной и пойму, каково это — делить постель с мужем. Я стану счастлива, действительно счастлива под опекой Аластора, родив ему наследника и сидя до конца жизни дома в окружении слуг.

— Уна...

— Обязательно полюблю его, другого и быть не может, не бывает иначе, так что это мой единственный путь. Смириться и стать хорошей, покладистой женой.

Она стиснула в руках мою рубашку, не поднимая головы, и дрожала так, словно я собиралась отдать ее в чужие руки прямо сейчас. Пришлось прижать ее к себе покрепче, притянуть горящие щеки к лицу, мягко расцеловать мокрые следы, напомнив, что я всё еще рядом и всё еще на ее стороне.

— Радость моя, давай я увезу тебя отсюда, украду, спрячу, я знаю как.

— Меня всё равно найдут, из-под земли достанут, и я не могу оставить здесь маму без опеки и Моргана, я всю жизнь провела с ним.

— Тогда, может, мне поговорить с Аластором? Вдруг он откажется?

— От денег? От еще одной огромной компании, к которой уже имеет доступ? Это всё равно нужно передать хоть кому-то, а я главный ключ к благосостоянию Макдоннеллов, это бессмысленно. У меня есть только один выход: подчиниться и сделать так, как просят другие, но знаешь... у меня есть готовый план.

— Какой?

С каким-то странным болезненным воодушевлением Уна села, отпустив меня, и, глубоко вздохнув, начала загибать пальцы.

— Я поговорила с Морганом, и мы решили, что если мне очень сильно повезет, и я буду беременна после первой брачной ночи, то ей всё и ограничится. Маковая настойка уже подготовлена, я надеюсь, все пройдет не очень больно, в лучшем случае я даже не вспомню, что он делал, а после могу постоянно ссылаться на мигрень. Если первым родится наследник, то Кейну от меня больше ничего не будет нужно, он сможет завести любовницу, я обязательно его в этом уличу, и мы проживем остаток жизни в разных домах. Сына всему обучат няни.

— А если тебе не так сильно повезет?

— Ну-у... Маковой настойки у меня много, знакомые в браке говорили, чтобы отвести мужа от спальни, нужно лежать бревном и совсем ничего не делать, правда, это не со всеми работает... но, если мне совсем не повезет, то я выпью весь пузырек за раз. Я не смогу терпеть насилие и прятать синяки за длинными рукавами, как это делают другие. Глубокий, нескончаемый сон будет самым простым выходом. Как видишь, мы все продумали. Морган, наверное, единственный, кто мог понять меня и поддержать в этой ситуации, я так благодарна ему за помощь.

Уна улыбалась грустно, будто бы с потаенной надеждой, пытаюсь то ли успокоить себя, то ли меня убедить в том, что всё находится под ее контролем, но мне стало дурно только от воспоминания о действии опиума. Эльфийская королева при встрече с Ньярлом была словно растение, потерянной кем-то тряпичной куклой. Такое же состояние ждет принцессу? Как много ей нужно яда? Не переборщит ли она? Сможет ли сохранить свой разум?

— Едва ли Морган был рад подсказывать такое, настойка это его идея?

— Да, он сам ее раздобыл и передаст при надобности столько, сколько нужно.

— Даже если будет знать, что ты выпьешь весь пузырек за раз?

Прикрыв веки, Уна отвернулась, будто ей неловко было думать о подобном.

— Ну... он не собирался учитывать такой вариант, мне пришлось уговорить его, — передернув плечами, она вновь посмотрела на меня и придвинулась ближе, запустив руки под рубашку. — Давай не будем о грустном, и вообще, мы говорим только обо мне, может быть, ты тоже что-то расскажешь?

— Например?

— Ты раньше встречалась с девушками?

Ее молочная кожа сияла в лучах утреннего солнца, светлые ресницы чуть подрагивали, еще смахивая остатки слез, но взгляд небесных глаз говорил уже совсем о другом. Мимолетная весенняя гроза прошла, вернув тепло. Принцесса несомненно знала, насколько она красива, и смело пользовалась этим, играясь с моими эмоциями, но это выходило настолько естественно, что я готова была безоговорочно верить и подыгрывать каждой ужимке и полуулыбке.

— Только целовалась, случайно.

— Получается, я была первой?

— Получается так.

Довольно ухмыльнувшись, Уна пригнулась ниже и легко, по-хозяйски расстегнула пуговицы на моей груди, тут же прикинув к ней губами. Беспомощно всхлипнув, я откинулась на подушки, закрыв себе рот, чтобы не застонать громче. В руках Уны я ощущала себя совершенно растерянной, будто за плечами у меня не было отношений, а о том, что любовники делают в постели, я знала только понаслышке из рассказов подруг.

С ней всё было не так, как раньше, в новинку, и чувствовалось острее, чем когда-либо.

— Уна, умоляю, не так быстро.

— Ты так мило краснеешь, и вся твоя бравасть куда-то девается. Моя милая стражница тает в руках своей хозяйки, как первый снег в объятьях осени. Жалко, Морган этого не видит, он был бы в восторге.

— Наверное, сейчас я даже рада, что его не пустили к тебе в спальню.

Ее пальцы мягко огладили живот и словно невзначай оказались еще ниже, заставив меня вздрогнуть и свести колени. Каждое движение, каждый жест принцессы отдавались мурашками по телу, и, кажется, ни один мужчина в моей жизни не знал меня и мое тело так

хорошо, как она.

— Это мы еще нагоним, как будет время, у тебя вся шея в синяках. И это не от меня.

— Б-боги, так заметно?

— Если хочешь выглядеть прилично, придется надеть шарфик, но я не стану ограничивать себя.

В подтверждение своих слов, она впиалась губами в нежную, чувствительную кожу под ухом, а ее пальцы, вторя поцелую, скользнули глубже, вынуждая меня покорно выгнуться навстречу, дрожа от нетерпения и новой волны ощущений. Мне хотелось умолять ее остановиться, чтобы хоть на мгновение вернуть самообладание или, наоборот, просить о продолжении, зайти еще дальше, пока ее фантазия и сладкая пытка не кончатся.

— А-а, моя принцесса осторожней.

— Так?

Уна тихо засмеялась и прихватила мочку уха, ее свободная рука вновь потянулась к моей груди, огладив ореол. Дыхание перехватило, и я чуть не вскрикнула, когда девушка продолжила ласку, постепенно набирая темп.

— Еще, пожалуйста... пожалуйста...

Совсем отдаленно сознание констатировало простой и очевидный факт: я очень-очень давно не любила и не давала себя любить. После всего произошедшего со мной это была запретная, невозможная тема, я не представляла, как могла бы довериться мужчине, пустить его достаточно близко и дать хотя бы толику контроля над собой. Сама мысль о подобном казалась безумной, чудовищной и невероятно пугающей, но Уна... с Уной все конечно было иначе. Моя хрупкая, очаровательная принцесса не имела никаких преград и безоговорочно захватила своим обаянием.

— Мне кажется, Морган совсем не приукрасил, ты правда пахнешь мёдом, и сейчас особенно. Как самая сладкая медовая булочка.

Ее язык коснулся ключиц, словно пробуя их на вкус. Стало невероятно стыдно, но так приятно, что теперь у меня на глаза навернулись слезы. Всхлипнув, я попыталась ответить что-то внятное и даже открыла рот, но Уна тут же заняла его поцелуем.

Наверное, иногда неплохо было бы сойти с ума, и сейчас самый лучший момент для этого. На несколько долгих, но таких сладких мгновений забыть обо всем, кроме того, что я чувствовала в руках принцессы прямо сейчас.

На пике удовольствия я ощутила, как Уна придержала мой подбородок, чтобы я не смела отвернуться и, слегка навалившись сверху, углубила поцелуй. Не сдержавшись, я застонала в ее губы, вновь выгнувшись в постели и стиснув пальцами тонкую ткань пеньюара. По телу пробежал жар, воздуха отчаянно не хватало, но напряжение, скопившееся во мне, резко исчезло, последним аккордом растекаясь под кожей волной слабости и искрами наслаждения.

— Серафина, моя Серафина.

Голова совершенно опустела, но руки так и не отпустили принцессу, наоборот, я притянула ее к себе, спрятав влажное лицо в изящном изгибе шеи. Слезы катились уже против моей воли, подгоняемые смущением.

— Сэра, ну что же ты плачешь, я сделала что-то не так?

— Нет, мне просто очень хорошо.

— Ох, милая моя, тебя еще любить и любить, одной тут точно не справиться.

— Думаешь?

— Я уверена, не беспокойся, мы позаботимся об этом, хотя бы пока меня не посадили в клетку замужества.

Уна обняла меня крепче, начав чуть покачиваться и явно желая успокоить. Бушующие чувства и нега, затуманившая мой разум, постепенно стали отступали, позволяя немного прийти в себя. Подняв глаза, я неуверенно взглянула на принцессу, она улыбалась, светясь довольством и почти что гордостью за проделанное со мной.

— Ничего, мы что-нибудь придумаем, нужно только приехать к Моргану, он наверняка...

В двери спальни неожиданно постучали. В гостиной послышались шаги, тихий шорох юбок горничных, легкий звон посуды, но их тут же заглушил знакомый мужской голос.

— Уна, ты уже проснулась? Я принес завтрак, как и обещал, никаких ватных шариков.

Буквально в доли секунды, принцесса побледнела, словно мертвец, ее руки с силой сжали мои плечи. Испуганное, полное паники лицо повернулось ко мне.

— О боги, это Авель, он не должен увидеть тебя здесь.

Бросив взгляд на разворошенную постель и свой абсолютно неприличный вид, я нервно выдохнула и выскользнула из рук Уны.

— Отвлеки его, я спрячусь.

Подобрав с кресла одежду, я кое-как натянула штаны и принялась за пуговицы рубашки. Принцесса растерянно замотала головой.

— Но куда?

— В шкаф? В ванную?

— Туда заглянут горничные.

Вскочив с кровати, Уна подхватила мою обувь, помогла ее надеть и наспех зашнуровать, пока я натягивала пальто. Вновь осмотрев комнату, я выбрала единственный оставшийся мне выход.

— Значит, окно.

— Окно?

За дверью вновь послышался голос Авеля:

— Уна, я вхожу!

— Постой-постой, я не одета!

— Когда бы это тебя останавливало.

— У меня период очищения, будь снисходителен, в конце концов.

— Боги, что угодно, я жду.

Потянув меня за руку в ванную, Уна распахнула створки и, поежившись от уличного холода, выглянула вниз.

— Высоко.

Тебе не нужно прыгать вниз, здесь довольно широкие выступы, можешь переждать на них.

Боже, храни архитекторов.

Сев на подоконник, я повернулась к улице и встала на карниз из светлого камня, опоясывающий здание. Под ним, насколько я успела заметить, оказались фризы с ветвями незнакомых мне деревьев.

— Сэра, умоляю, будь осторожна.

— Конечно.

Перегнувшись через окно, я поймала очаровательное личико принцессы в свои ладони и заполошно поцеловала ее, стараясь успокоить и одновременно подбодрить. Восхитительно порозовевшие щеки и покрасневшие губы стали прощальным подарком. Створки закрылись, тихо скрипнув петлями, Уна вернулась в спальню, сильнее кутаясь в халат. Мне предстояло отойти и скрыться из виду, пока король с горничными не будут выпровождены из пудрово-розовых покоев.

Ветер неприятно пробирался под полы распахнутого пальто, стирая последнее ощущение неги и тепла томного утра в объятиях Уны. Откровенно хотелось наплевать на всё и вернуться в постель, забрав завтрак и выпроводив Авеля, чтобы еще хотя бы час провести вместе, лениво обмениваясь поцелуями, забираясь руками под одежду, рассказывая друг другу самые тайные желания и секреты. Наслаждаться мимолетной близостью, забыв обо всем, что творится за стенами спальни. Позволить себе просто получать удовольствие от

жизни без оглядок на долг, свадьбу, отношения светлых и темных, будущие и прошлые смерти, перевороты и войны.

Какой же ты засранец, Авель, боги, как же ты не вовремя. Неужели не мог подождать хотя бы час, один чертов час, я утащила бы Уну в ванную, чтобы вместе понежиться в теплой пенной воде, чтобы я тоже что-то сделала для нее. Такое чувство, будто все Блэквуды, все их потомки и прародители, где-то на подкорке чувствуют, что я счастлива и это срочно нужно изменить. Ворваться в мою жизнь и перевернуть ее с ног на голову.

Двигаясь вдоль карниза, я дошла до винтовой колонны, похожей на скрученное дерево, и, кое-как зацепившись за одну из ветвей акротерия, переходящего в балюстраду балкона соседней с Уной комнаты, спустилась на этаж вниз. Было бы неплохо найти чуть менее охраняемый коридор, чем у королевских покоев, чтобы мое появление не вызвало переполоха, но на это пока оставалось лишь надеяться. Судить о том, что скрывается за стеной замка, сложно, и ни единой тени рядом не виднелось. Мне оставалось только подобраться к очередному окну и попробовать прислушаться или осторожно приглядеться к происходящему внутри.

Встав на чужой балкон, я быстро пробежала к выступающей из фасада каменной нимфе, оплетенной кустами роз и будто то ли в муке, то ли в экстазе смотрящей на дверь в комнату. За решетчатым стеклом и пеленой тюли показались чьи-то силуэты, пришлось присесть ниже, спрятавшись за подоконник, и довериться только ушам, благо тонкая грань, разделявшая меня и людей внутри, почти не препятствовала подслушиванию.

До боли знакомый мужской голос начал разговор первым.

— Я надеюсь, вы не забыли о своем обязательстве.

— Боги, зачем ты снова пришел?

— Наш общий друг напоминает вам, что времени осталось мало, десять лет почти прошли, и за кровь, пролитую ради вас эльфами, нужно платить кровью.

— Я в поиске замены.

— Время истекает.

— Но оно ещё есть! Я ищу подходящего по силе человека и не могу отдать Марка, мы оба не можем это сделать. Надеюсь, его душа для тебя всё еще что-то значит.

— Конечно, но вы едва успеваете зачать второго ребенка в качестве дани Каро.

— О-о-о, это не так просто, как тебе кажется!

— Я бы так не сказал, Мирра, но если супруг больше не уделяет вам времени, я готов помочь.

Королева на мгновение замолчала, но затем зашипела настолько тихо и ненавистно, что я едва расслышала ее.

— Только посмей ко мне прикоснуться, темное отребье.

— Вы столь категоричны, но смею похвастать, что от меня никто не уходил обиженным. Рано или поздно вам всё равно придется разобраться с долгом, так почему бы не сделать это с удовольствием? Великодушно обещаю не вспоминать в процессе о том, как много вы разрушили в моей жизни.

Я вздрогнула от звука пощечины и на всякий случай зажала рот ладонью, чтобы не выдать себя.

— Исчезни!

— Сами знаете, где меня найти, буду ждать вашего визита и смею напомнить: наш общий друг может забрать эту дань сам или чужими руками, как посчитает нужным. У вас

не получится защитить близких даже с моей помощью.

— Он не посмеет.

— Вы сами согласились на эту цену, он всё еще в праве забрать первенца, он в праве забрать кого-то вместо ребенка, в том числе до окончания срока.

— Замолчи-замолчи! Морохир!

Тон Мирры показался мне чуть ли не плачущим, кажется, она не на шутку испугалась и переживала из-за слов моего старого знакомого.

Новый встревоженный голос вступил в разговор.

— Да, моя королева.

— Уведи его и больше не пускай, пока я не дам разрешение.

— Я сам уйду, всего хорошего, Мирриан.

— Иди к черту, Давид.

Он попросился в своей излюбленной манере тоном истинного ловеласа, что, должно быть, еще сильнее нервировало королеву. Вспомнив, как подобным образом обращались ко мне, я мысленно пожалела подругу, но лишь на мгновение, она действительно сама была виновна в своих бедах. Раз она сознательно пошла на сделку с подобной платой, то сочувствовать стоило лишь сыну, а не ей. Хлопнула дверь, возвещая о конце встречи. Раздались тихие всхлипы и шорох ткани. Мягкий шепот Морохира и чуть приглушенный голос королевы.

Из любопытства я вытянула шею, лишь краем глаза подглядывая за происходящим. Высокий эльф в легком кожаном доспехе осторожно, боязливо обнял плечи Мирры.

— Я могу приказать его убить.

— Нет, не нужно, он говорит правду, и он моя последняя надежда.

— Моя возлюбленная госпожа...

— Не переходи черту. Мне нужно к Авелю, только он может меня утешить.

Королева резко сбросила чужие руки и, отвернувшись, поспешила выйти из комнаты, тоже хлопнув дверью. Эльф остался один в гостиной и в легкой растерянности застыл, сжимая кулаки. На его лице отразилось смятение и такая неподдельная боль, что даже у меня дрогнуло сердце. Что-то подсказывало, для Морохира выделили роль лишь преданного помощника, но никак не объекта симпатии Мирры.

Пользуясь моментом, я поспешила уйти с балкона, пока хозяин комнаты не заметил меня в окно. Перегнувшись через балюстраду и соскользнув по колонне еще на этаж ниже, я осмотрелась в поисках охраны и спрыгнула на землю, мысленно поблагодарив Аван за мучительные, но такие нужные уроки физической культуры. В прежние времена я едва ли бы повторила подобный спуск.

— Сэ-эра!

Подняв голову, я заметила высунувшуюся из окна Уну, светлые кудри трепал ветер, холод пробрался под пеньюар и халат, но она всё равно задорно улыбалась и дала мне знак подойти ближе.

— Ты сейчас вывалишься из окна, и я не уверена, что смогу тебя поймать.

— Глупости какие, ничего не вывалюсь, а тебе лучше вернуться в свою спальню, Авель отправил слуг на твои поиски, у вас через полчаса урок в библиотеке.

— Еще не легче.

— Не вздумай опаздывать, и приведи себя в порядок.

— Да-да, я поняла, спасибо!

Поправив пальто и поклонившись принцессе, я почти бегом направилась к нужному крылу. Учитывая размеры замка, путь предстоял неблизкий, придется сделать крюк, чтобы пройти к хозяйственной части, но я всё же питала надежду принять душ перед тем, как появиться в читальном зале. После вчерашнего кутежа и настолько бурного утра, я наверняка выглядела не самым лучшим образом, а в одежду или даже самую кожу будто бы вьелся запах ванили. Чуть ли не единственное, что мне осталось после близости.

Обогнув здание, я влетела в двери коридора для слуг и, пробежав сладкое облако запахов у кухни, свернула к лестнице, едва разминувшись на ступеньках с горничной, несущей чей-то завтрак. Желудок болезненно сжался, напоминая, что помимо вчерашних закусок и алкоголя в нем больше ничего не было, но выбирать собственную участь не приходилось. Промедление у столовой и полноценный прием пищи отсекут возможность даже переодеться, а короля нельзя было заставлять ждать.

Отметая мимолетные желания и сожаления, я добралась до собственной спальни так быстро, как могла, и, дернув на себя дверь, вошла внутрь, свободной рукой снимая шарф и скидывая пальто. Невысокая горничная в форменном платье испуганно шарахнулась от постели и спустя мгновение поклонилась, зардевшись и уставившись на мою шею.

— Мисс Серафина...

— А ты кто?

— Ваша горничная.

— Хорошо, вещи без спроса не трогать, в гардеробную ни ногой, делаешь только то, что я скажу.

— Ваша шея...

— Не твое дело.

— Но вы... вы же в королевском замке...

— Ничего не хочу слышать!

Бросив верхнюю одежду на кресло, я уже направилась в сторону ванной, но в комнату постучали. Девушка как расторопная помощница дернулась к двери, но я успела ее остановить жестом. Подняв воротник повыше и переложив волосы так, чтобы горло было менее заметно, сама встретила неожиданного и как всегда неудобного гостя на пороге.

— Я хотел тебя окликнуть в коридоре, но ты словно на пожар бежала, всё в порядке?

— Да-да, вполне, только вернулась с прогулки.

— У тебя будет возможность провести урок через минут двадцать? Или ты снова расследуешь похищения?

— Нет, я свободна, как в прошлый раз в библиотеке?

— Да, как в прошлый раз.

Получив мое согласие, Авель уже было развернулся от двери, но вдруг застыл, принюхавшись и рассеяно взглянув на меня.

— Какой знакомый запах. Это же ваниль?

Сердце в момент забилося чаще, но я упорно сохраняла благостное, спокойное выражение лица.

— Да, очень приятный аромат.

— Кажется, подобный Уна специально заказывает для себя.

— Не было ни единого шанса пропустить знакомство с ее парфюмером. У принцессы отменный вкус.

— Понимаю, иногда создается впечатление, будто его она любит больше, чем

собственного брата, хотя подобная связь явно не к лицу незамужней девушке.

Вежливо улыбнувшись, я неловко отвела взгляд. Что я могла сказать на это? Моргана есть за что любить? В отличие от тебя он понимает Уну? Заботится о ней дольше тебя? Не пытается избавиться от нее? Не хочет насильно подложить под малознакомого мужчину?

Я знала Аластора совсем немного, и он казался мне хорошим человеком, но какой из него был бы семьянин, представить невозможно, да и не важно. Для принцессы всё равно подобная жизнь будет тяжелым испытанием.

В носу отчаянно защипало.

— Встретимся на уроке?

— Да, конечно.

Гость, а точнее хозяин дома наконец-то ушел. Закрыв дверь, я выдохнула и поспешила вновь в ванную, время работало против меня, а фена, чтобы высушить волосы, в этом мире еще не изобрели. Горничная, молча застыв, словно изваяние, кивнула мне вслед, провожая растерянным взглядом.

Скинув остаток одежды, я тут же нырнула в душевую, включив воду настолько горячую, насколько могла вытерпеть. После прогулки по карнизу третьего этажа в промозглую, почти зимнюю погоду хотелось как можно скорее согреться. Вспенив душистое мыло в руках, я невольно припомнила разговор Мирры.

Как она вообще познакомилась с Давидом? Как много он делал по ее указке? Или лучше уточнить, чем он сейчас помогает ей? Знает ли Авель об этой связи? Могу ли я уже сегодня рассказать королю о подслушанном разговоре?

Вылив из флакона на голову шампунь, я запустила пальцы в волосы и с сожалением припомнила, как Авель отреагировал на появление супруги в коридоре.

Не поверит, что угодно ему Расскажи, не поверит. Слишком влюбленно он смотрел на Славку, а она только и рада была попозировать в качестве его личной святыни.

Смыв пену и замотавшись в полотенце, я мимолетно посмотрела в зеркало висевшее над раковиной. Расцвеченная синячками кожа постыдным клеймом бросилась в глаза. Без одежды масштаб бедствия предстал во всей красе, но едва ли меня это расстроило.

Эта проблема только для тех, кто считает подобное проблемой, а мне стоит порадоваться, что в череде бед нашлось время для больших и маленьких удовольствий. Но надеть старое закрытое платье всё же придется, иначе я так всех слуг распугаю, еще ввинят мне склонение к всеобщему разврату.

Собравшись в рекордные сроки, я, как и обещала, пришла в королевскую библиотеку вовремя, отыскав среди массивных стеллажей тот самый закуток, в котором еще несколько дней назад виделась с Авелем.

За длинным столом, правда, никого не оказалось. Бумаги как и в прошлый раз были разложены в беспорядке, но подносов с едой не было. Присев на стул и обратившись к чужим записям, я решила провести свободное время с пользой, лишь изредка отвлекаясь от бесконечных указов о назначениях и распоряжений о выплатах на созерцание фрески высоко над собой. Необычайная тишина укутывала словно ватное одеяло.

Со временем пришло чувство, будто про меня забыли. Авель всё не приходил, горничные не появлялись, за дверьми библиотеки не слышно было ничьих шагов, и голоса случайных прохожих не доносились из-за ряда шкафов. Здесь было тепло, сухо, а за окном, словно на зло, тихо зашуршал ледяной дождь, постукивая редкими каплями по стеклам. Разморенная после душа и насыщенного утра, я всё реже опускала голову к аккуратному,

каллиграфическому почерку министров и клерков, всё больше останавливаясь взглядом на сцене, множество веков назад замершей на потолке замка. Божество лучезарное и солнцеликое держало звезду в своих ладонях, передавая ее кому-то из людей. Судя по короне — королю. На поясе мужчины висел необычный меч, будто выкованный из шелкового камня. Он не выглядел как нечто металлическое, на нем не виден был характерный блеск и размер казался каким-то необычным, несуразным, словно некий художник ошибся в расчетах и преувеличил.

Откинувшись на спинку стула, я рассеяно осмотрела углы, подпираемые подобием местных атлантов: мужчины и женщины неопишуемой красоты, оплетенные каменными цветами, листьями и ветвями, глядели друг на друга с блаженной улыбкой и злобой. Приглядевшись, я заметила среди растений акацию, скрывавшую молодого юношу с особенно печальным лицом, он смотрел на свою подругу, запутавшуюся в бутонах лилии. На них обоих как на врагов глядел мужчина, по пояс скрытый ветвями сосны, а рядом с ним по соседству притаилась девица, смущенно отвернувшая лицо в заросли иммортели.

За этим точно должно что-то скрываться, вот только что именно.

Тихий шорох бумаги заставил меня вздрогнуть, в плечо легонько ткнулось что-то и почти неслышно упало на пол. Растерянно оглянувшись, я опустила взгляд, на каменной плите лежал самолетик из листка кремового цвета. Подняв его и развернув, я обнаружила портрет себя в анфас, нарисованный явно детской, но умелой, талантливой рукой.

Оглядевшись, я никого не увидела, но где-то на втором ярусе зала раздались шаги и тихий смех.

— Кто здесь? Покажись, пожалуйста, мне очень понравился рисунок.

Вновь послышалось шуршание и топот за стеллажами. Звонкий мальчишеский голос уточнил:

— Правда?

— Правда. У тебя очень хорошо вышло.

За шкафом совсем близко упал карандаш, из-за полку показалась чья-то светлая макушка. Спустя мгновение мальчик выступил вперед, пытаясь уместить в кармане жилетки утерянный инструмент. Пшеничные кудри торчали в беспорядке, рукава дорогой белой рубашки были испачканы серым грифелем. Из рук едва не выскользнул альбом с плотной бумагой для рисования.

Ясные и яркие, словно предзакатное летнее небо, глаза посмотрели на меня с интересом.

— Я впервые тебя тут вижу.

— Да, недавно стала жить в замке.

— И как тебе? Он большой, но тут весело играть.

— Да, но можно потеряться.

Незнакомец улыбнулся и, бросив альбом на стол, вытер правую ладонь о штанину и протянул мне.

— Марк.

— Сэра.

Пожав руку принца, я невольно заметила его сходство с Славкой, но больше конечно с Авелем. От матери ему достались губы и лоб, может быть, брови, но остальное явно от отца.

Довольно покивав, Марк обошел стол и, плюхнувшись на стул передо мной, подтянул к себе бумагу.

— Если ты не против, я бы еще порисовал тебя. У меня полно черных оттенков, а рисовать ими нечего.

— Пожалуйста.

Ловко достав из кармана темно-серый карандаш, принц сел коленями на стул и склонился над листами, начав что-то малевать и полностью игнорируя бардак на столе.

— Спасибо, у тебя очень красивые волосы, у моего друга тоже когда-то такие были, пока он не поседел.

— Что-то случилось с ним?

Замерев на мгновение, Марк поднял голову, растерянно посмотрев перед собой, и с некоторым удивлением на лице пожал плечами.

— Наверное, я не помню.

— Может быть, потом вспомнишь.

— Скорее нет, чем да. В последний день рождения почти ничего не осталось, слишком давно всё было, и мама ругается, когда я называю его другом, от этого еще хуже вспоминается.

Бросив на меня внимательный взгляд, принц вновь уткнулся в бумагу. Свободная ладонь поправила альбом и откинула волосы от лица, потеряв лоб. По светлой коже растянулся след от карандаша. На шершавой поверхности листа проступал еще один мой силуэт в платье с высоким горлом и очень просто, но крайне умело обрисованными локонами, рассыпавшимися по плечам, словно их своим зорким глазом и твердой рукой обозначил опытный художник.

Четверка Мечей

— Доброе утро, госпожа, ваш завтрак готов.

Горничная прошла вглубь спальни и поставила поднос на стол. Я сама просила ее будить меня, чтобы не залеживаться надолго в постели, но не предполагала, что подъем в замке настолько ранний. Девушка, кажется, ориентировалась на собственный график работы, а у слуг он традиционно начинался чуть ли не с самой зари.

Покой мне только снился, и сон этот который день подряд оказывался слишком короток.

Доброе утро, Ньярл.

И тебе.

Сев в кровати, я откинула одеяло, сонно глядя на бледные солнечные лучи, проглядывавшие через голые ветви деревьев за окном, и попыталась в уме прикинуть, как лучше всего скорректировать пробуждение. Горничная, словно специально, шумно разложила тарелки и приборы, громко звякнув, убрала крышку с каши. Даже с моего места было заметно, что пар над едой не идет, второй день подряд завтрак был уже остывшим. Вчера это еще можно было списать на случайность, но теперь...

По коже пробежали мурашки, рука сама потянулась помассировать и почесать затылок, а за ним ниже, к спине. Будь я сейчас одна, с радостью потерлась бы об косяк как медведь. Тонкая линия кружева по подолу сорочки красными следами отпечаталась на ногах.

Может быть, стоит сменить ночной наряд? Или ткань постельного белья?

— Лара...

— Да, мисс? Подготовить ванну?

— Нет-нет.

Светлые брови горничной скептически дрогнули, она промолчала, но по ее взгляду и так было всё ясно, наверняка я выглядела довольно помятой, особенно в сравнении с ней. Ларунда не была писаной красавицей, но попала во дворец явно не только из-за профессиональных качеств. Точеное лицо и аккуратные черты укладывались в принцип «не слишком». Не слишком выделяющаяся, не слишком яркая, не слишком привлекающая внимание. Серые глаза с темной каймой радужки и бледными ресницами, светло-русые волосы, забранные в пучок, чуть впалые щеки, тонкие губы и чуть вздернутый нос. Она явно чуть выше своих сверстниц, но не настолько, чтобы это было заметно. Фигура не слишком выражена, но изящная, как у фарфоровой статуэтки.

Ей бы в балет или просто в танцы, чтобы хрупкостью и гибкостью тела сердца покорять, а не перебирать чужое белье длинными холёными пальчиками.

— Подготовить вам платье?

— Нет, я сама.

— Заправить постель?

Тяжело поднявшись на ноги, я подцепила со спинки кровати халат и, завернувшись в него, зевнула.

— Хорошо, заправь постель. И... приходи меня будить попозже.

— Насколько?

— Не знаю, на час хотя бы.

— Завтрак совсем остынет.

— Да, он уже.

— Вы же еще не попробовали.

Сев за стол, я подхватила ложку и отправила первую порцию овсянки в рот.

Нисколько не соврала, каша и правда едва теплая, хотя вроде бы под крышкой была.

Обнаружив рядом с тарелкой небольшую вазочку темного джема, я попробовала и его, но ягоды оказались слишком кислыми, сахара на десерт явно пожалели. Мелочь, но неприятно, из приятного остался только чай, хотя портить в нем было нечего.

Стоит сделать выговор за холодную еду.

Ты правда так думаешь? Мне как-то неловко.

Искоса взглянув на горничную, я проследила, как она честно принялась за хлопоты, шустро и осторожно заправив кровать. Ее движения были выверены и настолько продуманны, что она почти не касалась ткани, но при этом отточено расправила все складки.

В целом она неплохо работает, может, дело именно в кухне? Мне не полагается вкусная еда?

У тебя уже там есть знакомая.

Неплохо бы заглянуть к ней. Сразу после урока с Авелем, надеюсь, хотя бы сегодня он дойдет до библиотеки, и я не просижу там полдня впустую.

Прям-таки впустую?

Не совсем, конечно...

Если подумать, пару дней назад я позировала Марку и даже подсказала, как проще всего можно обозначить пятнами свет и тень, но удовольствие от встречи с принцем мешалось с неловкостью от осознания чей это ребенок. Я словно специально втиралась к нему в доверие, чтобы потом, возможно, предать его или его мать. Или убить отца.

И убить отца.

Нужно было держаться от него подальше, но мальчишка сам находил меня уже с готовыми рисунками, показывая их и спрашивая совета. Запрещенный прием, при котором я просто не могу пересилить себя и отказать в беседе. Стыдно от собственной слабости, но Марк оказался одарен не по годам настолько, что мне было действительно интересно обсуждать с ним искусство. Обсуждать теорию цвета простым языком, делиться идеями и предпочтениями, сравнивать его тягу к портретам и мою, к архитектуре.

В этот раз, застав меня за просмотром бумаг на привычном рабочем месте, он не стесняясь сдвинул документы и сел на край стола.

— Как ты думаешь, что значат эти колонны?

— По углам библиотеки?

— Ага. Почему девушка в углу отвернулась, в то время как остальные смотрят друг на друга?

Откладывая очередной желтый лист с крайне сухим, но невнятным прошением о зачислении средств за поимку преступника, я подняла голову, проследив, куда именно смотрит Марк. Болтая ногами в перепачканных гольфах, он чесал голову карандашом и словно пытался заглянуть в лицо отвернувшейся статуе с иммортелью.

Не припомнив ничего из местного фольклора, я пожала плечами.

— Представить не могу, а есть какое-то объяснение?

— Если подойти совсем близко и забраться на карниз или шкаф, можно увидеть вторую половину головы, там в волосах спряталась змея.

— Девушка мертва?

— Нет, на самой грани, зубы совсем близко к щеке, и возможно она уже укушена, но яд не успел повлиять. Самое главное, статуя сама подставляется, будто не против, но смотрит на того злого мужчину перед ней.

— А он что?

— Ненавидит возлюбленных, но они этого не замечают, занятые друг другом.

Развернувшись к другим колоннам, Марк, словно руководя оркестром, показал рукой сначала на одну скульптуру, а затем на другие две. Желая рассмотреть их поближе, я поднялась с места и сделала круг по залу, посмотрев на всех персонажей в композиции. Они казались мне довольно красивыми, хоть и не слишком интригующими, пока я не дошла до последней фигуры в лилиях. До боли знакомое лицо смотрело на любовника со смесью нежности, смущения и страсти. Сердце пропустило удар, припоминая, какого было когда-то давно ощущать на себе любовь богини.

Она всегда смотрела на меня так, после разлуки с ней от одного присутствия руки начинали дрожать. Внимание Луны было подобно высшему благословению.

Ньярл, ты помнишь, кто был остальными колоннами?

В мимолетной вспышке, в отголоске сна на миг показалось лицо злого мужчины, строго поджимающего жесткие губы. Темные глаза будто прожигали взглядом кожу, но под ними пролегла заметная тень. Черные волосы лежали в беспорядке и покрывали щеки неровной, колкой щетиной. В его руках какой-то прибор, странный, самодельный, подобный стеклянному шприцу. На губах почудился вкус металла и горечь лекарств.

Не помню, кто это, не помню, но он так близок и знаком, руку протяни, и позовет...

— Что же ты наделал, наделал с...

— Сэра? Ты что-то сказала?

— Нет, ничего.

— Лилия мне нравится больше всех.

Подобравшись, я сделала глубокий вздох, расправив плечи. По коже снова пробежали мурашки, неприятно, словно под одеждой собрались муравьи.

— Да-а, мне тоже.

— Поможешь ее нарисовать? У меня не получается передать этот взгляд.

— Едва ли даже у меня это получится.

— А вдруг выйдет? Пожа-алуйста, Сэра, с меня краски и холст хороший, и мольберт, и папу попрошу не беспокоить хотя бы пару дней.

— Не далеко ли ты заходишь?

— Конечно нет!

Совсем рядом послышался тихий шорох ткани и чьи-то шаги. За стеллажами из выбеленного дуба показался Авель. Удивительно спокойный и даже посвежевший за последние пару дней.

— А мне кажется, далеко. Марк, слезай со стола.

— Привет, пап.

Мальчишка послушно прыгнул на пол и подбежав к отцу, быстро, порывисто обнял его и тут же отстранился, словно смущаясь своего поведения. Авель мягко потрепал сына по голове и присев на корточки, тепло улыбнулся ему, поправив рукава потрепанной рубашки Марка.

— Всё хорошо?

— Да, Сэра учит меня рисовать, она столько всего знает.

— Надо же, я могу украсть ее для своего урока?

Принц зарделся и, опустив голову, покивал, глядя куда-то в сторону.

— Если ты настаиваешь...

— Спасибо, Мелуни искал тебя для тренировки.

Вернувшись к рабочему месту, я села за стол, продолжив наблюдать со стороны. Марк поморщился и, огладив ладонью карандаши в кармане, ответил, все ещё смотря в пол.

— Пускай идет к черту.

— Марк.

— Так мама говорит.

— Тебе не стоит всё повторять за ней.

Передернув плечами, мальчишка промолчал, отвернувшись от отца к соседним стеллажам. Авель вздохнул, он выглядел немного обеспокоенным, светлые брови сдвинулись к переносице, образовав морщинку. Совсем как у Каина, когда он хмурился. От такого сходства на миг стало дурно и неудобно.

— Мне важно знать, что ты можешь постоять за себя, ты будущий король, — дождавшись кивка сына, Авель поднялся на ноги и похлопал по плечу. — Иди, предупреди Мирру, что я буду только к ужину.

— Хорошо.

Сорвавшись с места, Марк со всех ног бросился к выходу, будто отец мог его поймать или остановить. Король же, проводив его взглядом, сел передо мной и, коротко поприветствовав, потянулся к бумагам. На его лице отразилась тень усталости, простой камзол и отсутствие короны делали его образ каким-то особенно уязвимым и простым, словно я проводила урок для обычного человека.

— Что-нибудь нашлось в документах, пока меня не было?

— Нет, ничего, но... возможно мы не там ищем?

— Возможно.

Поджав губы, Авель задумался о чем-то, неотрывно и слепо глядя на лист бумаги перед собой и явно забыв, что у нас вообще-то был запланирован урок.

Неловко скрипнув стулом по каменному полу, я собрала остатки своей храбрости для вопроса, мучающего меня в последние несколько дней. Лезть в это дело было настоящим безумием, но не попытаться я тоже не могла.

— А-авель, я... кхм, скажи, пожалуйста, свадьба Уны действительно обязательна?

— Я рад, что вы быстро нашли общий язык.

— Да. Можно и так сказать.

Нарочито сосредоточенно рассматривая документы, Авель помолчал, подбирая слова, и с некоторой обреченностью ответил:

— Для своей сестры я желаю всего самого наилучшего, даже если она это не всегда может понять.

— Но как же чувства?

— Они здесь не при чем, брак не всегда говорит о любви, чаще всего это всего лишь договор между двумя семьями.

— В твоём случае тоже?

Взгляд пронзительных голубых глаз все же достиг меня, король смотрел прямо, не отрываясь и словно бы предупреждающе, но едва ли меня можно было этим напугать или

удивить.

— Мой случай исключение. Я люблю Мирру и всегда ее любил.

— Даже когда она разрушила две чужих страны?

— Сэра, ты правда хочешь сейчас поговорить об этом?

— Да, потому что я не понимаю твоих поступков.

Раздражение, лишь невесомо, незаметно задевшее нас обоих в начале разговора, вспыхнуло теперь неожиданно ярко. Пальцы сами стиснули бумагу в руках, и кроме ее шороха в библиотеке вдруг пропали все звуки. Ни шелеста веток за окном, ни шагов за закрытыми дверьми, ни мимолетного дуновения сквозняка, ни трепещущих тонких хрустальных подвесок огромной потолочной лампы в зале.

— Тебе и не нужно их понимать, Серафина. Я король, у меня есть ответственность за своих близких и за свою страну, и у меня есть обязательства, которые я должен выполнять.

— Хорошо, если в случае с Сомной я еще могу понять эту логику. Понять, но не оправдать. Что произошло с Беллатором? Их тоже захватили по ошибке?

— Эльфы узнали о засилье демонов в столице и приняли должные меры. Целестия им помогала. То, что мы встретили у замка Глав, было противоестественно этому миру.

— Или просто непонятно конкретно тебе.

Он откинулся на спинку стула, сжав зубы и шумно выдохнув через нос. Морщинка на переносице вновь стала явной. Тонкий лед доверия между нами проходил проверку на прочность.

— Ты говоришь о том, чего не представляешь. Настолько сильную и разумную тварь еще никогда не видели и, надеюсь, больше не увидим.

— Авель...

— Можешь спорить со мной сколько угодно, но это пустая трата времени, лучше покажи мне новое заклинание или прием из темной магии.

— Тебе не приходило в голову, что Мирра просто воспользовалась тобой и...

Ладонь громко хлопнула по столу, заставив меня вздрогнуть от неожиданности и прикусить язык. Авель заговорил снова после паузы, не спеша выверяя каждое слово, как порцию опасного лекарства.

— Сэра, я не потерплю ни одного плохого слова в ее адрес. Она мать моего ребенка, я люблю ее, и я всегда буду на ее стороне.

— Это глупо.

— Это называется ответственность, слово, непостижимое для Уны и ее детской инфантильности. У нее есть долг перед своей семьей, перед отцом, и она обязана выйти замуж, чтобы передать состояние тому, кто сможет им распорядиться.

— И тебя даже не смущает, что столько денег и власти окажется в руках одного человека?

Король вновь ответил не сразу, с заминкой, и на мгновение даже показалось, что он мог передумать, изменив решение.

— Смущает, но это вынужденная мера, если бы можно было поступить иначе, я бы так и сделал.

— Неужели нельзя было привлечь того же Грея? Он хоть и молод, но...

— Парфюмеру? Огромное дело с многовековой историей?

— Он хотя бы понимает Уну и поддерживает.

— Да, и надо признать, он чуть менее легкомысленный, чем моя сестра, но совершенно

необучен, а происхождение его, мягко говоря, сомнительно.

— Ах, как жаль, что он не выбрал для рождения семью получше.

— Сэра, ты паясничаешь как ребенок. Отец Моргана неизвестный эльф, и если он вдруг объявится, то может претендовать на часть компании Уны, что я никак не могу допустить.

— Объявится спустя столько лет?

— А ты думаешь, никому не захочется урвать кусок благосостояния Макдоннеллов? Уверен, допусти я такой вариант, и у Моргана сразу после свадьбы объявится не меньше десятка потерянных отцов.

Смутившись, я растерянно открыла рот. Об этом ни полуэльф, ни принцесса еще ни разу не упоминали, хотя стоило бы и самой догадаться.

— Я не думала об этом в таком ключе.

— Как хорошо, что об этом подумал я. Сэра, понимаю, ты переживаешь за Уну, но лучшим вариантом было бы помочь ей смириться и осознать свою роль.

— Лучшим вариантом была бы возможность самой Уне распоряжаться своим состоянием так же, как и остальным женщинам Целестии, чтобы не пришлось искать мужчину, который мог бы о них « позаботится ».

— Чем меньше прав, тем меньше ответственности, можно сказать, им повезло, и кто-то всегда сможет защитить их, взять на себя все хлопоты и обеспечить, чем сейчас и занимаюсь я. Уна не ищет себе жениха сама.

— Но ей и не дают это сделать.

— Потому что ей это не нужно, будь у нее подобная возможность, она предпочла бы остаться одна.

— И что в этом плохого?

— Она растратит деньги отца и не оставит наследника.

— Ты ставишь деньги и компанию выше ее собственных потребностей и выше ее жизни. Потерев ладонями лицо, Авель покачал головой. Выглядел он настолько разочарованно, что, кажется, еще немного и закончил бы весь урок, но замолчать было выше моих сил.

— Сэра, это пустой разговор.

— Когда-нибудь эта чертова система ценностей выйдет тебе боком, Авель, помни мое слово.

— Еще чуть-чуть, и я сочту это угрозой.

— О, нет, мне и делать ничего не придется, я уверена.

Подтянув к себе пустые листы и ручку, я сочла разговор оконченным. Хотелось еще немало сказать королю, напомнить о многом и пожурить за столь наивную самоуверенность, но я заставила себя сдержаться изо всех сил. В конце концов, в правоте моих слов он может увериться и сам на собственном опыте рано или поздно, хотя скорее всего даже не доживет до этого момента. Не представляю, что именно Каин сделает с Миррой, прибыв в Санктум, но нынешние политики еще не раз пожалеют о том, что она не сможет организовать темному достойное сопротивление.

Боль и неприятное жжение разбудили меня утром раньше, чем окончательно встало солнце и на пороге спальни появилась горничная. Пальцы гадко царапнули кожу, их коснулась влага и легкое онемение, как при сильной аллергии. По телу прокатилась волна мурашек и зуд, мучавший меня всю ночь, окончательно выкинул из дремы.

— Как чешется...

Рука мгновенно дернулась к уже припухшей и покрасневшей ключице. Жжение на этом месте усилилось, в нетерпении я провела ногтями по покрытой пупырышками коже, но крохотную долю удовольствия от чесотки потопила в себе отвратительная боль и саднящее ощущение как от свежего синяка. Пальцы вновь коснулись влаги. Оторвавшись я заметила на них засохшую и еще мокрую кровь.

Зуд не прекращался.

— Боги, да за что мне это.

Вскочив с постели, я пробежала через всю спальню к зеркалу, где в отражении увидела не меньше трех таких расчесов. Всё тело словно одели в грубый шерстяной комбинезон, который беспрестанно колотся и щекотал, вызывая адское раздражение. Я не чувствовала себя человеком, невыспавшийся мозг плохо обрабатывал информацию. Я стояла посередине комнаты и не могла даже просто опустить руки, убрать их от себя как страшное оружие, позволить себе включить голову хоть на секунду и унять болезненный зуд.

Сотни, тысячи муравьев, мелких жуков и многопалых пауков бегали по мне, тревожили, нервировали и буквально сводили с ума. Они опутали меня в свои тонкие щекочущие сети, оставили множество следов от своих ног, позволили себе задержаться на коже и, перебирая лапками, танцевали только им известный танец, в такт которому мои ногти впивались в плоть, норовя вырвать ее в надежде хотя бы на миг покоя.

В ванную Софи, в ванную!

Я повиновалась, послушно поплелась в соседнюю комнату и как была, в белье и в сорочке, встала под холодную, удивительно приятную струю душа, в мгновение ока смывшую с меня и кровь, и невидимых насекомых, и самое главное лихорадочный зуд. В первые секунды этого блаженного, ничем не замутненного, истинного счастья, я даже не поняла, что собственно произошло. В кабинке, омываемая самой благодатной и священной в мире влагой, я ощущала себя словно заново родившейся и настолько довольной жизнью, что в пору было наконец-то ее закончить. На звонкой чистой ноте.

Но в спальне отчетливо хлопнула дверь, звук чьих-то шагов привел меня в чувство. Неохотно повернув вентиль, я повязала поверх мокрой одежды полотенце и вышла к горничной. Лара как всегда шумно расставляла завтрак, но увидев меня, замерла, с занесенной над подносом сахарницей.

— Г-госпожа...

— Это похоже на аллергию или, может, болезнь.

Прикрыв рот, девушка не глядя поставила вазочку на стол и сделала шаг назад, разглядывая то немногое, но красноречивое, что не скрывало полотенце.

— Я не... знаю...

— Кажется, я испачкала постель, заменишь белье?

— Да, конечно.

Забыв про посуду, Лара бросилась к кровати, быстро стягивая простыню и пододеяльник. Она выглядела испуганной, в глазах явно читался ужас, но руки всё так же аккуратно и крайне отточено порхали над тканью, словно боясь ее лишней раз задеть.

Посмотрев еще раз в зеркало, я поморщилась от собственного отражения, стараясь не думать о том, как для придворных будут выглядеть полупрозрачные следы засосов и расчесов. Моё тело было словно поле боя, где в неравной схватке сражались похоть и кожные заболевания.

Подхватив скомканное белье, горничная остановилась у дверей и вновь повернулась ко мне.

— Вам бы к доктору. Возможно, это не все проблемы, с которыми вы могли столкнуться.

— Это ты на что намекаешь?

— Ни на что. Просто... ну... после некоторых связей последствия могут быть не только...

Не веря своим ушам, я позволила себе повысить голос.

— Каких связей?!

— Вы сами понимаете...

— Не-ет, ну-ка расскажи мне, что это за связи такие.

— Простите, не следовало это упоминать.

Лара, словно напуганная мышь, хотела было развернуться к выходу, но я успела подскочить к ней и поймать руку.

— Ты сама это придумала, или надоумили?

— Так... весь двор говорит о том, как вы по местной тропинке от казарм утром с синяками возвращались. Как раз с пересменой.

— Да ты что?

— Мужчины пытаются выяснить, с кем вы были, но пока никто не признался.

— «Пока»?

— Э-это же не значит, что у вас действительно что-то было, но кто-то может похвастаться или просто слух пустить. Для своих же.

— А мне с этим клеймом жить?

— Простите, но другие придворные дамы для таких разговоров и повода не дают. Может, вам лучше было бы переехать в отдельный дом? Для собственного спокойствия и спокойствия придворных.

Вспышка злости на горничную и на весь придворный свет быстро сменилась ощущением полной беспомощности. Как бы ни были глупы и жестоки языки, они были отчасти правы, я сама дала повод, хотя их никак не касались подробности моей личной жизни.

Было бы приятно разбить нос каждому болтуну или рот зашить, но едва ли мне кто-то позволит это сделать.

— Я и недели не прожила здесь.

— Тогда стоит быть осмотрительнее, вас легко подставить, вы чужая здесь, а король и королева не станут разбираться в сплетнях.

— Это ты меня так предостерегаешь?

— Вы помогли моей подруге на кухне, но это в очередной раз показывает, что вам тут не место.

Возможно я слишком привыкла жить в тени Блэквудов или незамеченной гостьей у Карвенов?

— Я поняла тебя. Иди.

Лара послушно поклонилась и выскользнула за дверь, оставив меня наедине с мыслями.

Руки потянулись за сухой одеждой. Сегодня по графику стояла встреча с Уной, мы хотели заглянуть в ее любимую пекарню, а после выпить кофе, пользуясь тем, что ей сегодня не нужно было встречаться с распорядителями праздника и родственниками. Редкое свободное время хотелось провести вместе, пока есть возможность, и пусть никто из нас об этом не говорил, но ситуация и без этого складывалась вполне очевидная. Наша интрижка, легкий роман существует, лишь пока не настал день свадьбы, пока принцесса имела хоть какую-то власть над своей жизнью и могла встречаться со мной или Морганом в попытке притупить собственное внутреннее опустошение.

В моей памяти навсегда отпечатался момент, когда Уна выпивала залпом бокал за бокалом в баре в надежде забыться. Вечер выдался бурным, я тоже не знала меры, и оттого еще отчаяннее оказалась наша взаимная симпатия. Она поцеловала меня первой, в конце танца прижав к краю сцены и повиснув на шее. Шла ва-банк, готовая принять и мою злость, и ненависть, но во мне не было ни того, ни другого.

В то время как Морган ластился и аккуратно, мягко, ненавязчиво занимал моё внимание и чувства, Уна ворвалась как ураган, как безумный поток нерастраченной любви и подарила мне ее столько, сколько могла успеть в этот короткий срок. У нее нет времени ждать и медлить, ее право желать закончится совсем скоро.

Что тогда будет со мной и с Морганом? Он же не оставит ее, не бросит, но... будет смотреть, как она тлеет в чужих руках? Слушать о том, как страшно ей входить в спальню?

Кто из них потеряет надежду быстрее?

Софи...

Я не могу перестать об этом думать, но стоит представить, как в груди всё холодеет, и бьет дрожь.

Ты принимаешь всё слишком близко к сердцу. Через это пройдешь не ты.

А какая разница?

Большая, у тебя в руках оружие и твоя обязанность убить Авеля. Всё, что вне этой задачи, будет иметь значение только тогда, когда переворот закончится и Каин займет своё место.

Хочешь сказать, что до этого времени мне и не жить вовсе?

Почему же? Жить, в свое удовольствие, не пугая себя страшным будущим и не цепляясь за лишние проблемы.

Они не лишние.

Конечно, но твои переживания потеряют смысл, если Каин отдаст приказ раньше, чем случится свадьба.

С некоторым недоумением я посмотрела в зеркало, будто надеясь там увидеть Ньярла. Он говорил удивительно правильные вещи, собственно, как и всегда. За эту хрупкую надежду можно было зацепиться, держаться за нее как за соломинку и надеяться на относительно лучший исход. Если таковой вообще мог быть.

— Спасибо.

Скинув мокрую одежду и распахнув шкаф, я быстро надела одно из старых платьев. Никто не должен был видеть расчески, тем более вкуче с синяками, нужно было хоть немного

подождать, пока слухи утихнут, не поднимать еще больше шума, но... Стоило мне застегнуть ворот, как новая волна мурашек прокатилась по телу. Ткань неприятно терлась о расцарапанную кожу еще больше раздражая ее и испытывая мои нервы на прочность.

Ничего, надо потерпеть совсем немного, потом либо привыкну, либо найду лекарство.

Это не нормально, Софи.

Я знаю.

Тебе нужен доктор.

Дей, кажется, говорил, что его дед хороший лекарь, возможно стоит съездить к нему. В замке меня всё равно едва ли кто-то примет, но тратить время, отведенное принцессе, страшно не хочется.

Натянув остатки одежды, я быстро обулась и, съев завтрак почти не жуя и не глядя, вышла из спальни, отправившись в сторону комнаты Уны. Несмотря на ранний подъем, я слишком долго возилась с сборами и теперь почти опаздывала, настенные часы в коридоре щелкнули, забрав у меня еще одну драгоценную минуту.

Проход к королевским покоям снова встретил меня обилием стражи, каждый из них теперь мне виделся врагом, молчаливой пешкой королевы, что готовы были доносить ей и остальным придворным каждый мой шаг, вдох и любое изменение на моем теле. Их пристальный взгляд прилипал, цеплялся, как кусок тины, неприятно отзываясь мурашками по телу и усилившимся зудом под одеждой. Стало настолько гадко от внимания, навязчивости и подспудного интереса, что к горлу подкатил заметный ком.

Они мне виделись драконами, охраняющими принцессу.

Преодолев проклятый коридор, я постучала в двери Уны, обратившись в слух. Мое сердце за считанные мгновения стало биться быстрее, ладони предательски вспотели, и, если бы не стража за спиной, я бы даже позволила себе показать волнение и, может быть, тихонько позвать принцессу отрывком из песни или стиха.

Представляю, насколько глупо это выглядело бы, но уверена, ей бы понравилось.

— Сэра! Наконец-то ты здесь!

Дверь распахнулась резко и настолько неожиданно, что я растерялась и дала втянуть себя в гостиную. Руки Уны быстро обвили мою талию и заскользили выше, от запаха ванили закружилась голова, а губы, теплые и мягкие, словно зефир, коснулись моих, окончательно забрав остатки моего разума. Я робела как девчонка и не нашла ничего лучше, чем ответить на поцелуй, пока тонкие пальчики ловко добрались до застежки моего платья.

— Я так скучала, ты просто не представляешь, мне было так одиноко без тебя. Сэра, милая Сэра, не смей оставлять меня так надолго, я с ума сойду от тоски.

— Я знаю, знаю, всё хорошо, я с тобой.

— На людях мне не обнять, не прикоснуться.

Первые крючки на груди охотно расстегнулись, ладонь Уны нырнула под ткань. С трудом я вспомнила, что скрывается под ней, и попыталась остановить принцессу, предупредить, но это было всё равно, что задержать поезд на полном ходу.

— Уна, постой, лучше не трогай.

— Ой...

Тонкие ноготки задели утреннюю рану на ключице. Вынув руку, принцесса испуганно посмотрела на кровь. Округлившиеся глаза выглядели словно два бездонных, переполненных озера.

В беспомощной попытке подобрать слова и придумать хоть какое-то оправдание моей

«болезни», я открыла рот, но пальцы Уны резко дернули ворот, оголяя расчесы.

— Что? Что с тобой?

Пухлые губы поджались, во взгляде читалось недоумение. Принцесса отшатнулась, осмотрев меня с ног до головы, и мне впервые стало стыдно за свой внешний вид. Стоило привести себя в порядок, прежде чем идти к ней, я даже волосы толком не уложила, и платье это годилось больше для похорон.

И уж тем более стоило сначала разобраться с зудом.

По мне снова будто бы ползали насекомые, кусали, щекотали своими мерзкими лапками и норовили забраться к еще ноющим ранам, чтобы я вновь и вновь мысленно возвращалась к ним в надежде расчесать еще сильнее, вновь до крови, до воспаленных гематом и незаживающих корочек.

В отличие от меня, Уна к встрече явно готовилась и стояла сейчас передо мной в новеньком шелковом пеньюаре кремового цвета с множеством цветочных кружев. Молочная кожа чуть ли не светилась от ухода. Светлые локоны сбегали с плеч аккуратными волнами. Во всей ее внешности сквозила нежность, женственность и хрупкость, в то время пока я ощущала себя побитым чудовищем.

— Я, пожалуй, пойду.

— Сэра...

Ее голос заглушил громкий стук в дверь. Уна чуть не подпрыгнула на месте и, всплеснув руками, огляделась в поисках халата. Пока она одевалась, я второпях застегнула воротник и прошла к выходу, встретив неожиданных гостей. Чужие пальцы в металлической перчатке сомкнулись на моем плече так быстро, что я не успела даже возмутиться подобной грубости. Стальная хватка выдернула меня в коридор к уже знакомому мне эльфу с неестественно темными для его сородичей волосами.

За спиной послышались легкие шаги и движение воздуха, принцесса выбежала к нам, почти истерично повывисив голос.

— Что вы делаете?! Отпустите ее! Мор, ради всего святого, что ты творишь?!

— Задерживаю преступницу, миледи, прошу, не мешайте следствию.

— Она мой страж, ты права не имеешь арестовывать ее без моего ведома.

— Моя госпожа стоит выше вас, миледи, мне очень жаль.

Считая разговор оконченным, Морохир отвернулся и направился в сторону основного крыла, его помощник грубо потянул меня следом, не дав успокоить Уну. Чуть не свернув шею, я обернулась к принцессе, прошептав почти одними губами.

— Всё хорошо.

Она явно не поверила, по побледневшим щекам скользнула слеза. Запахнув халат посильнее, Уна бросилась за нами, лихорадочно вцепившись в мою ладонь. Охраннику пришлось сбавить скорость, чтобы принцесса поспевала за размашистым мужским шагом. Он, в отличие от своего начальника, не выглядел озлобленным или жестоким, но ко мне относился с явной опаской, стараясь держать немного на расстоянии, словно я в любую секунду могла его укусить или достать нож.

Мы прошли по уже привычному мне пути обратно к спальне и чем ближе подходили, тем сильнее волнение охватывало меня. Двери комнаты оказались распахнуты, внутри кто-то хозяйничал, с шумом двигая мебель. Там явно искали за что меня можно было наказать, посадить, назвать преступницей. В голове лихорадочно пронеслись все запрещенные и неоднозначные вещи, припрятанные в гардеробе. Куколки? Легенды страны грёз? Трость?

Что еще там можно было откопать?

Вопросы к вещам конечно будут, но они вроде не настолько компрометирующие, чтобы тащить меня будто на эшафот.

Почему ко мне пришли так внезапно? Кто дал наводку? В чем нашли повод?

— Сэра.

Голос Марка вывел меня из подобия паники, оглядевшись, я нашла принца у окна, где он стоял с хмурой, необычно серьезной матерью. Ее рука придерживала сына в подобии объятий, не давая ему дернуться ко мне или вмешаться в обыск.

А они что здесь забыли?

Если они выкинут тебя из замка и откажут в обучении, тебе придется искать другие способы убить Авеля, либо решить его судьбу сейчас.

Нет-нет-нет. Я не готова. Вообще не готова к подобному.

Мирра даже не посмотрела в мою сторону, строго поджав губы и с какой-то отрешенной усталостью смотря на дверной проем спальни. Кажется, она вообще не готова была к подобным разборкам и мысленно была далеко отсюда, но Морохир всё же заставил ее обратить на себя внимание, поклонившись и подобострастно поцеловав кончики пальцев.

— Моя госпожа, я рад исполнить свой долг. Мне стало известно о пропаже из комнаты вашего сына.

Марк заметно поморщился, стоило эльфу оказаться рядом. Уткнувшись в материнский подол, он постарался скрыть свое лицо. Дети так часто делают в надежде на то, что спрятавшись от человека или закрыв глаза, можно было от него избавиться. Честно говоря, я и сама бы так сделала, если бы был шанс на то, что это сработает.

— Делай всё, что нужно, надеюсь, мы здесь не зря.

— Конечно, госпожа. Мои стражи не лгут.

Глава внутренней охраны все больше походил на кота, принесшего хозяйке назойливую крысу и ожидающего щедрой похвалы, но королева явно не была настроена на любезность. Она отводила взгляд, пальцами цеплялась за сына и выглядела болезненно. Да, именно болезненно. Последняя мысль взбудоражила меня словно разряд тока.

После бурных вечеринок и ярких вечеров в клубах Слава именно с таким лицом приходила ко мне за водичкой и пожаловаться на жизнь. Зеленоватая, помятая и невыспавшаяся.

Смутная догадка отозвалась новой волной мурашек. Зуд пробежал по спине настолько сильно, что я чуть не взвыла от отчаяния. На миг стало плевать на всё происходящее, пускай хоть охоту устраивают, только поскорее бы попасть в душ и не содрать при этом всю кожу.

Прикрыв глаза, я глубоко вздохнула, стараясь удержать самообладание, но Уна, почти незаметно встав позади, вдруг аккуратно начала чесывать спину вдоль позвоночника, чуть не сорвав с моих губ неприличный стон. От нахлынувшего счастья едва не подкосились ноги.

Моя дорогая принцесса, ты даже не представляешь, насколько я люблю тебя.

— Ради чего меня выдернули с совещания?

Голос Авеля заставил меня вернуться в реальность, но вставить хоть слово мне не дали. Мирра шагнула к супругу, угодив в его объятия, и хоть она не выглядела столь помпезно и нарядно как раньше, король всё равно с неприкрытым обожанием смотрел на нее, как на свою главную драгоценность.

Почти синхронно с королевой из моей спальни вышел один из стражей, держа в руках вытянутый серебряный футляр с гравировкой. Марк звучно ойкнул и подбежал ближе.

— Мои краски!

— Вот видите, госпожа, всё нашлось, осталось лишь наказать воровку.

Морохир повернулся ко мне, за долю секунды в его руках возник клинок, опасно блеснувший лезвием у моего горла, но Уна злобно зашипела, отдернув меня и защитив собой. Оружие тут же склонилось к полу. Направлять его на королевскую особу не мог даже глава стражи.

— Ты не посмеешь ее тронуть, длинноухий! Авель! Авель, останови его!

Мирра, в возмущении сдвинув брови и дернув мужа за рукав, тихо возразила:

— Авель, футляр нашли в ее спальне. Ты сам видел, ошибки быть не может, она выкрала его.

— Да кому этот короб сдался, Сэре явно подбросили его!

— Ты обвиняешь моих стражей во лжи?

Я даже испугаться не успела и уж тем более не видела смысла перекрикивать королеву с принцессой. Мор на всякий случай убрал клинок, но глаз с меня не спускал, явно вознамерившись избавиться от моего присутствия в замке.

Зачем мне воровать краски? Пускай даже они были в серебряном чехле, смысла в этом всё равно нет, к тому же я их вижу в первый раз. Марк всегда был с карандашами.

Но Мирра стояла на своем, повысив голос. Она явно доверяла своему помощнику и готова была отдать ему суд надо мной. Интересно, что Мор выбрал бы: отсечь руку или просто погрозил бы и изгнал из дворца? А может, всё сразу? Чтобы порадовать свою хозяйку. Молодец, хороший пёсик, тешь себя надеждой, что королева когда-нибудь предпочтет главу внутренней стражи, а не короля.

Глупость какая.

— Пап, я сам отдал краски, я просто забыл. Пап, послушай меня...

В общем шуме спора, голос Марка почти не выделялся, но он не собирался отступать, хоть и едва не плакал, вцепившись в руку отца. Прижимая к себе футляр, принц заставил Авеля наклониться и прислушаться к себе.

— Папа, я же говорил, что мы будем рисовать, ты же слышал.

— Конечно, я помню это.

— Я случайно, я забыл, что отдал их. Пап, прости, пожалуйста, я правда не хотел. Я просто не нашел их и попросил горничных помочь...

Марк громко всхлипнул, заставив мать и тетю замолчать. Взгляды присутствующих одновременно обратились к принцу, и самыми удивленными из них оказались мой и Морохира.

Королева, заметно взбодрившись после перепалки, но едва не хватаясь за сердце, присела рядом с королем, протянув руки к сыну.

— Марк, ты хорошо подумал? Ты уверен? Не стоит выгораживать преступницу.

— Да, папа подтвердил, он слышал, мы должны были рисовать красками статую в библиотеке. Я сам отдал краски, я просто забыл, я совсем забыл... — разразившись новой чередой всхлипов, принц принялся тереть глаза рукавами, продолжив еще жалобнее, чем раньше: — Простите, пожалуйста, простите, я правда не хотел, я случайно, я виноват...

Мирра вновь недовольно поджала губы, но всё же обняла сына, пользуясь возможностью отвернуться от остальных. Авель погладил принца по голове успокаивая и, мимолетно поцеловав в висок, поднялся на ноги, выжидающе взглянув на моего охранника. Стальная хватка на плече наконец-то разжалась, к онемевшей руке снова прилила кровь.

Мужчина невнятно извинился, сделав шаг назад и будто слившись со стеной.

— Я думаю, это станет хорошим уроком на будущее, любое обвинение, наказание или арест госты теперь прежде всего будет обсуждаться со мной.

Эльф заученно поклонился, явно пытаюсь как-то сгладить свою вину, но Авель выглядел, мягко говоря, недовольным.

— Мой король, мы лишь хотели как лучше, некромантка опасный враг во дворце, не стоит ее недооценивать.

Король отправил супругу и сына отдыхать, коротко попрощавшись с ними. Не оборачиваясь и не извиняясь, Мирра увела Марка за собой, словно они не участвовали в самосуде, а просто гуляли вместе по дворцу.

Уне он тоже хотел что-то сказать, но она красноречиво взяла меня за руку. Авелю пришлось вновь вернуться к разговору с Мором.

— Гостыя, Морохир, гостыя. Раз для тебя это понятие настолько сложно, то впредь согласовывай свою работу в замке с Мелоуни.

— Ваше величество...

— Ты заставил свою королеву нервничать из-за коробки с красками, и не дай Солар, это отразится на ее здоровье.

— П-простите...

— Исчезни.

Затравленно кивнув, эльф послушно кивнул и поспешил уйти с глаз короля. От бравости и наглости Мора ни осталось и следа, но я чувствовала, что это будет далеко не первый и не последний раз, когда он превысит полномочия и попытается избавиться от меня.

Придется быть действительно осмотрительнее, как и говорила Лара.

— Сэра, Уна, мне жаль, что вам пришлось в этом участвовать.

Потерев переносицу, Авель подошел ближе к нам и устало выдохнул, постепенно избавляясь от маски строгого страшного короля, но Уна явно не желала так просто сдаваться. По-детски обиженно надув пухлые губы, она показала ладонью на дверной проем моей спальни. Мне было боязно туда заглядывать, но даже из коридора было заметно, что стражи сдвинули кровать, бросили мою одежду на нее и разворошили мелкие шкафы.

— Они там всё вверх дном перевернули, как ты прикажешь спать в этом бардаке?

— Попроси горничных, они всё уберут.

— Но это сколько времени уйдет! Эти больные, вонючие мужланы даже не потрудились обувь снять, шаркая своими грязными сапожищами по ковру!

Мне показалось, что король вот-вот завоюет или просто развернется и уйдет, молча, как его супруга, но нервы Авеля оказались крепче, чем я представляла.

— Уна, просто скажи, чего ты хочешь?

— Пока идет уборка, Серафина будет жить со мной.

— В твоей гостиной?

— Н-ну да.

— Если вам будет так удобно, — король несколько растерянно поднял брови, впервые обратив на меня внимание, — Но вообще для тебя могут подготовить чистую комнату и просто перенести вещи туда.

— Гостиная тоже вполне устроит.

— Хорошо, тогда я надеюсь, конфликт исчерпан?

— Более чем, спасибо братец.

Уна быстро обняла Авеля и звучно чмокнула в щеку, вызвав на его утомленном лице неловкую улыбку. Пересекшись с королем взглядом, я несколько смущенно кивнула.

— Спасибо.

— Не за что, без помощи Марка я бы не вспомнил, что вы там собирались делать.

Авель ушел, как только убедился, что я в порядке и мне не нужна помощь.

Всё закончилось даже в мою пользу, но неприятное послевкусие всё же осталось. Морохир слишком сильно стремился выслужиться, хоть и нашел для этого не самый лучший вариант. Не знаю, что именно заставило его это сделать, но он явно недооценил отношение короля ко мне и влияние королевы.

— Ты хочешь что-то забрать?

Уна сжимала мою ладонь, наплевав на все приличия. Она всё еще была напугана, нервно кусала губы и заглядывала мне в глаза в поисках хоть какой-то реакции, но на меня навалилась апатия. Тело зудело, комната была перевернута вверх дном, и казалось, во всем дворце у меня не осталось безопасного уголка. Хотелось уйти, махнуть на всё рукой и съехать в какую-нибудь комнатку близ трущоб, где я могла бы не переживать, что чужой серебряный футляр с красками вдруг окажется в моей спальне.

— Не знаю, одежду, наверное, хотя бы какую-то.

— Хорошо, идем и поищем, надеюсь, они не испортили твои вещи.

Потянув меня за собой, принцесса осторожно вошла в разгромленную комнату и, переступая через сброшенные на пол подушки, направилась к гардеробу. Кровать сдвинута к стене, на ней лежала комом большая часть одежды, на светлом ковре отпечатались бледные следы от обуви и красный росчерк упавшей кому-то под ноги помады. Дверцы всех шкафчиков распахнуты, пусты и будто взирали на беспорядок в том же шоке, что и я.

— Ты не видела моё белье?

— Полагаю, оно тоже на кровати.

Вручив мне томик легенд страны грёз и футляр с ожерельем, Уна прошла к постели и осторожно сдвинула часть вещей. Нижнее белье и сорочки действительно оказались там.

— Взять?

— Оставь это на стирку горничным.

От мысли о том, что стражи вытащили это всё на «проверку», копались в одежде своими грязными руками, стало мерзко и тошно. Повезло, что я этого не видела, иначе драки не получилось бы избежать.

По коже прошла новая волна мурашек, заставив меня вздрогнуть и потянуться к новому месту зуда в районе солнечного сплетения.

— Идем отсюда, я очень хочу в душ.

— Да, я вижу.

Принцесса недовольно поджала губы и, опустив голову, выудила из кучи черную рубашку из плотного хлопка. Осмотрев ее со всех сторон, она взгляделась в воротник, что-то потеряла, а затем вновь повернулась к кровати.

— А постельное белье где?

— Испачкала утром, когда расчесала ключицу. Горничная забрала в стирку.

— То есть зуд был и после сна?

— Да, а что?

Тихо выдохнув, Уна вдруг потеряла ворот рубашки о собственную кисть и, замерев, стала наблюдать, как по молочной коже расползаются красные пятна.

— Чесоточный порошок, я так и думала. Кто-то из здешних барышень пытался тебя

скомпрометировать или просто насолить. Кто послал к тебе горничную?

— Без понятия, она просто появилась. И даже предупредила меня сегодня утром об опасности. Как могла.

«Стоит быть осмотрительнее, вас легко подставить, вы чужая здесь, а король и королева не станут разбираться в сплетнях.»

Будут, Авель будет, теперь я точно знаю.

— Надо ее найти. Как зовут горничную?

— Лара. Она наверняка сейчас возится с бельем или скрылась, увидев стражу.

— Что-то еще она передала?

— Только то, что скоро у меня объявится любовник в казармах. Самопровозглашенный.

Бросив рубашку и почесав раздраженную кожу, принцесса сильнее нахмурилась и опустила голову, будто пыталась сдержать чувства. Уголки ее пухлых вишневых губ скорбно опустились вниз, голос прозвучал глухо:

— Почему им просто не оставить тебя в покое?

Уна была расстроена едва ли не больше меня. Сделав робкий шаг к ней, я хотела обнять свою принцессу и хоть немного утешить ее, но в дверной косяк вдруг постучали. Повернувшись, я обнаружила одного из стражей на пороге.

Мы забыли закрыться.

Желудок неприятно сжался, обещая вернуть завтрак. Невысокий поджарый парень в стандартных для внутренней охраны легких доспехах с вежливой, почти незаметной улыбкой.

Как много он слышал?

— Простите, миледи, меня отправили присмотреть за сохранностью вещей и проконтролировать уборку.

Короткие темно-русые волосы, тонкий росчерк шрама на виске, ямочка на подбородке. Расслабленная поза и чуть вздернутые брови. Выглядит так, словно пришел просто постоять и выполнить скучную работу. Ничего необычного, ничего настораживающего, но мне всё равно было не по себе.

— Ой, мы уже уходим, не будем мешать.

Быстро оглядевшись, Уна прошла ко мне, подхватив под локоть. Ничего ценного в спальне больше не оставалось. Моя трость висела на поясе, внутри футляра, осторожно подняв подложку, я заметила край ткани куколок для Каина и Аван. Одежда, мои любимые закрытые наряды были явно испорчены и нуждались в чистке. Не так уж много осталось «моего» в моих руках, но я держалась за то, что есть, и не собиралась сдаваться. Может, Мирра или Морохир считали, что на меня действительно действуют эти уловки и ловушки, но пока они явно не дотянули в своих стараниях. Пока со мной была моя принцесса и хоть какая-то поддержка во дворце, я могла сражаться дальше. Уставшая, вымотавшаяся, немного озлобленная, но упрямая, как и все Блэквуды.

— Надеюсь, скоро всё разрешится.

Мы вышли в коридор и под присмотром местной охраны с достоинством прошествовали обратно в спальню Уны. Принцесса висела на моей руке так, словно мы были старые подруги, ее явно не смущал мой болезненный вид, она вновь улыбнулась мне, будто желая подбодрить, хотя несколько минут назад это нужнее было ей самой.

Смотря в такое родное, любимое лицо, я поверить не могла, что эта ласковая, нежная девица действительно бросилась защищать меня и честно отстаивала мою жизнь в споре с

королевой.

Кудряшки цвета хлопка чуть подпрыгивали в такт шагам. Легкий румянец на щеках перекликался с краснотой губ. Аромат ванили снова манил, притягивал к себе, будто предлагая наклониться и попробовать кожу Уны на вкус. Тонкий халат, доходивший до пят принцессы, чуть оголил ее плечо, и, сама того не осознавая, девушка кокетливо повела им, едва заметила мой взгляд. Такое страже нельзя было видеть, у здешних псов слюна дотянется до пола, а глаза вылезут из орбит, но как же сладко отзывались во мне гордость и едкое превосходство над ними.

Смотрите, пока вам повезло, когда мы скроемся за дверь спальни и в моих руках окажется та, о которой вы не мечтали даже в самых смелых фантазиях.

— Сэра, ты выглядишь так, словно желаешь меня съесть.

— Может быть и так.

Мы говорили шепотом почти неслышно, пока входили в гостиную, и на несколько долгих секунд мне пришлось прикусить щеку с внутренней стороны, чтобы не выглядеть слишком довольной для охраны. Не хватало, чтобы о нас поползли слухи, но держать серьезное лицо, ощущая захватывающую волну счастья, было крайне сложно.

— Проходи в ванную, полотенце я сейчас принесу. Будем смывать с тебя эту дрянь.

— Как скажешь, моя принцесса.

Уна тут же сбросила халат ненужной тряпкой и, проследив за моим взглядом, перекинула локоны за плечо, оголив соскользнувшую лямку пеньюара.

— Я готова обработать все твои раны, моя милая телохранительница, конечно, если ты позволишь быть с тобою ближе.

Сказать, что у меня перехватило дыхание от такого простого жеста — не сказать ничего. Уна была слишком хороша, лучшая из картин Рембрандта, светящаяся будто бы изнутри и напоминающая мифических красавиц с полотен золотого века голландской живописи.

— Что угодно, моя принцесса, я готова вынести любую боль ради твоего поцелуя, но если ты продолжишь меня соблазнять прямо сейчас, то я умру от чесотки, не добравшись до ванной.

Покраснев сильнее, Уна бесстыдно закусил губу и подошла ко мне ближе, встав на цыпочки и остановившись на расстоянии вдоха от моего лица.

— Значит, придется выдать тебе аванс, обещание и один маленький... — ее губы невесомо, обещающе коснулись моих, и такая мизерная часть ее ласки показалась каплей влаги в пустыне. — Поцелуй.

— Ты сводишь меня с ума, Уна.

— Еще скажи, что тебе это не нравится.

Руки сами потянулись к девушке, но новая волна мурашек по телу отрезвила меня. Надо идти в душ, я не могу рисковать и тянуть принцессу в объятия, когда одежда может вызвать такое же отвратительное раздражение на ее коже. Пришлось с сожалением отложить вещи на ближайший стол и отвернуться от Уны, направившись в ванную. Там, чувствуя себя неотесанным деревянным болванчиком в мраморной кремовой шкатулке, я скинула с себя опостылевшее платье и обувь. Отражение ростового зеркала на кованых ножках с прискорбной дотошностью показало, насколько жутко выглядит мое тело в расчесах и покраснениях.

Твоя плата за невнимательность.

Скривив губы, я отвернулась к душевой, отделенной узорчатой стеклянной стеной в самом углу ванной комнаты. Напротив дверцы на десятке узких, полупрозрачных полок расположились многочисленные средства принцессы: парфюмированные лосьоны, мыла, шампуни, крема, ароматы для тела, небольшие щеточки и мягкая пемза, щипчики и маленькие ножницы, сахарные скрабы в фигурных банках и отрезки люфы, подвешенные на крохотные крючки.

Я снова буду пахнуть Уной.

Возможно, стоит навестить полуэльфа?

О, и это ты мне говоришь.

Любовь Мари была тем единственным, что долгое время давало мне силы бороться. Я никогда не был против легких романов для тебя.

Мне всё еще неловко думать, что ты принимаешь в этом косвенное участие.

Увы, мне некуда деться.

Знаю-знаю, но честно говоря, думала, что ты будешь против отношений со светлыми.

Я четко вижу конец этих отношений и вижу, что ты не забываешь о том, зачем здесь находишься.

Правда?

Доверие Авеля нам будет на руку.

Нервно царапнув ногтями по предплечью, я поспешила зайти в душевую и включить воду. Пускай она смоет с меня все переживания и позволит ненадолго забыться в руках принцессы. Всё, что можно сейчас сделать для собственного благополучия.

— Сэра, ты не против небольшого ухода? Мне безумно хочется опробовать на тебе свою косметику.

Голос Уны послышался, когда я последний раз смывала пену с волос. Запах сдобы, булочек и ванильного крема разнесся по всей ванной сладкой пеленой, и я тонула в нем, впервые за день ощущая невероятное спокойствие и уверенность в себе.

Горячие струи расслабили мои мышцы, раны пощипывало, и периодически я наблюдала, как на мокрый пол падают красные капли, но это было сущей мелочью. Подобные царапины быстро заживут, лишь бы их больше не тревожили.

— Серафина, вылазь, дай я хоть немного обработаю расчески, пока ты не сварилась в этом кипятке.

— Глупости какие, это еще не кипяток.

— Всю комнату наполнил пар, и жарко как в бане.

— Извини, привычка.

Выключив воду, я убрала лишнюю влагу с волос и робко вышла из душевой, вдруг смутившись собственной наготы. Принцессу это правда не остановило. Накинув на плечи огромное толстое полотенце, она мигом закутала меня и легко чмокнула в нос. Раскрасневшиеся щеки Уны и дивный взгляд ее ясных глаз забрали у меня остаток воли. Ей стоило лишь слегка потянуть меня за собой, и мои ноги безропотно шагнули следом.

Шелковый пеньюар бесстыдно намок, облепив фигурку принцессы. Хотелось прикоснуться к ней, обнять, но полотенце сковывало движения, оставляя возможность лишь смотреть на прекрасное создание передо мной. Оголенная тонкая шея Уны словно манила прильнуть к ней губами, мягкие округлые бедра, вопиюще розовые от тепла в ванной, были открыты ласке.

— Я уже рассказывала сегодня, насколько ты прекрасна?

— Нет, но можешь заняться этим прямо сейчас.

— Мне хочется нарисовать тебя, показать другим насколько ты красива, дать хотя бы небольшое представление о том, как сильно мне повезло увидеть тебя, но я умру от ревности раньше, чем закончу картину.

Моей наградой стала смущенная, но озорная улыбка и кокетливый взгляд из-под светлых ресниц. Уна жестом показала мне сесть, стянула полотенце и, промокнув волосы, унесла его, вернувшись с жестяной коробкой от печенья.

— Ты позволишь?

Восхитительно пошлым жестом она поддержала и без того короткую сорочку, сев мне прямо на колени. Наконец-то мои руки были заняты, я без стеснения запустила их под шелковую ткань, огладив спину принцессы, и тут же скользнула ниже. Тем временем коробка, пахнув каким-то травяным сиропом, открылась, явив кусочки ваты и специальный раствор для обеззараживания. Им, аккуратно промакивая края царапин, Уна начала обрабатывать всё то, что я успела расчесать.

Не имея возможности помочь своей принцессе, я занялась тем, что у меня получилось лучше — мешать ей.

— Сэра, я свяжу твои руки, чтобы они не блуждали по моему телу.

— Ты хочешь от меня невозможного.

— Чутьочку послушания.

— Только не когда я наконец-то могу вдоволь обнимать тебя, наблюдая, как мило ты смущаешься.

— Засранка.

— Еще скажи, что тебе это не нравится.

Она вздрогнула, стоило мне чуть сжать ее бедра. Лицо вспыхнуло багрянцем до корней волос. Уне пришлось всё же отвлечься и, отодвинув аптечку, подарить мне больше внимания, скользнув прохладными пальцами по моим горящим щекам.

Ощущая, как меня гипнотизируют ее глаза цвета спокойного бескрайнего моря, я сказала то, что хотела сказать весь сегодняшний день.

— Благодарю за спасение, моя принцесса.

— Но разве не ты должна спасать?

— Должна, только скажи, и я отдам долг.

— Живи для меня, чтобы я могла тебя целовать, моя милая телохранительница.

Мне стало неловко, взгляд сам соскользнул на пшеничные кудри, блестящие в мягком полумраке скрывшегося солнца.

— Уна...

— Правда, иди ко мне, пообещай прийти в мою тюрьму, в мою запретную башню, если у меня будет свободно место горничной.

— Я не знаю, смогу ли.

— Никто не знает даже то, переживу ли я первую брачную ночь, но ты главное пообещай, я буду знать, что ты меня не бросишь.

— Не брошу.

— Вот так, теперь я могу быть уверена, в доме Кейна у меня будет самая лучшая помощница.

Обняв Уну крепче, я отодвинула кружева и шелк с ее груди, прильнув к трогательно покрасневшему ореолу. Язык скользнул по чувствительной коже, дыхание принцессы

сбилось, и тихий довольный стон сорвался с ее губ. Тонкие пальцы скользнули в мои волосы, прижимая сильнее к податливому, желанному телу.

— Сэ-эра, моя... ах...

Ее руки сжались. Уна склонилась, словно желала скрыть меня от всего мира за собой. Одурающий запах ее кожи вскружил мне голову, а может даже не он, а обретенное счастье слышать смущенные всхлипы девушки.

Мне было мало, мало ее, такой нежной, хрупкой, мягкой и такой отважной принцессы. Хотелось всю ее спрятать в своих руках, осыпать поцелуями, опутать лаской, чтобы целая бесконечность была доступна только нам двоим.

— Уна, моя сладкая Уна, что же я буду без тебя делать.

Осторожно наклонившись вбок, я уложила принцессу на постель, не отпуская и потянувшись губами к тонкой коже на шее. Чувство собственности тихо шептало мне оставить небольшой укус на молочной ключице или выше, под розовевшим ушком, но я отгоняла от себя эту идею, опасаясь еще большего количества слухов и длинных языков горничных. Уж они-то точно не станут церемониться и сами придумают моей любовнице с десятков поклонников всех мастей. К черту их, к черту сплетни, я не потеряю и минуты вместе впустую.

Не зная, как можно отблагодарить Уну, как вернуть должок с нашей прошлой встречи, я по наитию опустилась вниз, к дрожащим бедрам, решив сделать то, что понравилось бы мне самой. Может быть, в первый раз получится не слишком удачно, но у меня точно будет время довести технику до совершенства.

— Сэра, я так люблю тебя... так люблю...

Я слышала это не один раз за весь вечер, но на каждый отвечала по-своему, доводя свою прекрасную принцессу до иступления. Время летело незаметно, я не заметила, как окончательно зашло солнце, как комната погрузилась во мрак. В замке стало намного тише, но я это почувствовала, только впервые отвлекшись от объятий, поцелуев и ласки Уны, когда среди шороха ткани и наших глухих вздохов послышался аккуратный стук в дверь.

Не веря своим ушам, я замерла, сидя в постели и пытаясь понять, не показалось ли мне, но стук повторился снова.

Принцесса вздрогнула и растерянно посмотрела сначала на меня, а затем на часы, едва заметные благодаря уличному освещению.

— Поздновато для гостей.

— Тебе придется открыть самой, меня не должно быть здесь в такое время.

Неприязненно поморщившись, Уна с трудом поднялась на ноги и отыскала в темноте свой халат, криво повязав пояс, но тщательно запахнувшись. Подойдя к двери гостиной, она спросила не повышая голоса:

— Кто?

— Это Марк, позови, пожалуйста, Серафину.

— С чего ты решил, что она вообще здесь?

— Я видел, как ты на нее смотришь, и в собственной спальне ее нет.

— Маленький проворный жук.

— Сама такая.

Соскользнув с постели, я растерянно огляделась в поисках хоть какой-то одежды. Пришлось заглянуть в гардеробную и выудить оттуда еще один халат, чтобы, вернувшись к двери, встретить на пороге принца с маленьким альбомом и знакомым футляром краски в

руках.

— Что-то случилось? Мне кажется, сейчас поздновато для рисования.

— Я часто выбираюсь погулять ночью, не могу просто так уснуть, когда небо красивое.

Приходится выходить на пленэр. Если хочешь, можем порисовать так вместе, я знаю хорошие места.

— Солнышко, я не против, но точно не сегодня.

Марк разочарованно вздохнул, огладив ладошкой штанины пижамы, но быстро совладав с чувствами, продолжил:

— Хорошо, тогда ты можешь мне помочь? В старой части замка у прачечной я нашел горничную, она заперта в одной из сушильных комнат, и я не знаю, как ее достать.

По спине пробежал неприятный холодок. Дурное, недоброе предчувствие собралось где-то в желудке тяжелым тошным комом. Это ни к чему хорошему не могло привести, и я была почти уверена в том, какая именно горничная оказалась взаперти.

— Ты видел, что с ней? Она ранена?

— Там темно, окон нет, я увидел только край платья в щели под дверью.

— Она звала на помощь?

— Нет, только всхлипывала, так я ее и нашел.

Судорожно сжав в руках края халата, я серьезно посмотрела на Уну, задавая немой вопрос. Она с готовностью покивала, несмотря на явный испуг, отразившийся на побледневшем личике.

— Я пойду с тобой.

— Мне нужна еще одежда.

— Мой костюм для верховой езды должен подойти.

Принцесса скользнула передо мной к гардеробной. Кремовый шелк подола вспорхнул следом в полумраке словно привидение. Марк, заметив нашу тревогу, нервно щелкнул пальцами, стараясь поймать мой взгляд.

— Что-то случилось? Я думал, ее случайно заперли.

— Надеюсь на это, но не могу сказать наверняка.

— Значит, кто-то специально это сделал?

— Возможно, увидим.

Брови мальчишки сдвинулись к переносице, на миг он безумно отчетливо скопировал мимику своего отца, но обкусанные губы тут же вытянулись в какой-то незнакомой, слегка зловещей улыбке.

— Уверен, это Морохир, я маме не раз говорил, что ему не хватает ошейника.

— Марк.

— Он слишком деятельный и бежит вперед господ, хотя должен жить в рамках их воли.

— Ты описываешь не воина и начальника стражи, а раба.

— Между этим не такая большая разница.

— Но она есть.

— Не защищай его, он бы тебя не защитил.

— Вопрос свободы чуточку сложнее простой неприязни.

Пальцы принцессы мягко коснулись моей ладони, отвлекая от разговора. Она почти невесомо потянула меня к гардеробной.

— Идем, не будем терять время, а Марк пока расскажет, как смог пройти через охрану. Ты ведь как-то ухитрился это сделать, негодник?

— Эм, да-а... Наверное, вам придется пройти так же.

Принц опустил голову, шаркнув носком мягких домашних туфель по полу, словно бы пристыженный за проказу, но прежде, чем закрыть за собой двери примерочной, я заметила, с каким интересом он искоса поглядывал на разворошенную постель.

Ну и плут. В кого он такой? Неужели в мать?

Или в отца.

Авель довольно прямолинеен.

Пока что.

Мне было не по себе. Вечер не должен был закончиться так внезапно, и меня вновь посетило ощущение неправильности происходящего. Будто ранее я ненароком совершила ошибку, откликнувшись мне только теперь. Стоило мне расслабиться, выдохнуть, как проблемы догоняли, с гиканьем и улюлюканьем семимильными шагами настигая и выдергивая из обретенной неги. Опять бежать, опять спасать, решать проблемы, служить щитом, мечом и громоотводом всех бед.

— Уверена, это просто чья-то дурная шутка.

Уна помогла мне закатать коротковатые рукава рубашки и, пользуясь случаем, мимолетно, словно пугливая девица, чмокнула меня в губы. Пришлось поймать ее ладони, удержать и вернуть поцелуй так, как полагалось. Едва ли у нас в ближайшее время найдется возможность повторить что-то сделанное за день.

— Уверена, что хочешь пойти со мной?

— Конечно!

— Тогда надень под халат хотя бы сорочку, в подвалах может быть холодно.

Принцесса смутилась, но всего на мгновение, прежде чем упорхнуть из моих рук. Пока она искала себе приличный «домашний» наряд, я надела сапоги чуть ниже колена и заправила узкие брюки в них. Для прогулок такой одежды было явно маловато, по ночам сейчас была почти что зимняя погода, а для выхода во двор или в неотопливаемую часть замка самое то.

Из гардеробной мы вышли вместе и, не обнаружив Марка на прежнем месте, даже успели испугаться, но он быстро дал знать о себе, тихо позвав в гостиную.

— Сюда.

Принц сунул свой альбом за пазуху и, едва дождавшись, пока мы подойдем, сунулся в пустой проем камина, аккуратно нажав там на едва заметный крючок за краем корпуса. Спустя секунду часть мраморной облицовки сбоку, где не было аккуратного узора мастеров, с тихим шелестом сдвинулась вглубь очага, открывая узкий, невысокий, темный проход внутрь стены. Он явно не был рассчитан на взрослого человека, Марк скользнул в него без проблем, словно тайный ход проектировался именно для него, а мне с Уной пришлось прямо-таки протискиваться в лаз, стараясь не задевать край внутренней кладки камина.

Согнувшись и на всякий случай держа меня за ладонь, принцесса прошла последней, заметно вздрогнув, когда «дверь» вновь закрылась.

— Как ты вообще нашел этот проход?

— Случайно, когда играл в прятки. Он длинный и ведет ко всем каминам.

— А в подвале?

— К котельным, где для стирки греют воду.

— Что ж, теперь я никогда не забуду запереть дверь в спальню.

— Да сдалась ты мне, я к Сэре могу ходить в гости.

За спиной послышалось недовольное сопение Уны. Поймав руку принца и наконец-то выпрямившись, я слепо двинулась за ним по абсолютно черному коридору, где шагать приходилось боком, осторожно ступая в темноте с надеждой не пропустить ступеньку или поворот. Нос неприятно щекотал запах дыма и пыли. Каменные стены, шершавые и грубо обтесанные, то чуть выступали острым сбитым углом торчащего из общей массы блока, то внезапно предательски выпрыгивали у пола, навязчиво уговаривая запнуться.

После края одной такой едва заметно выглядывающей на полу плиты, Уна едва слышно

зашипела и дала мне знак остановиться. По шуршанию ткани и легкому движению воздуха я поняла, что она наклонилась, потирая что-то.

— Марк, может быть, повесишь светлячок?

— Магию может почувствовать стража, терпи.

Он послушно подождал, пока принцесса будет готова продолжить путь. Детские пальцы постукивали то по запястью, то ниже по костяшкам, словно пытаюсь их запомнить на ощупь.

— Сейчас будем всё время спускаться вниз, двигайтесь осторожнее, ступеньки крутые.

— Сэра, ты же меня подхватишь, если я оступлюсь?

— Подхватчу, не переживай.

Уна хотела спросить что-то еще, но Марк нетерпеливо дернул меня за руку, уводя вперед. Как он и обещал, в скором времени под ногами возникла первая ступенька: грубая и неровная, обрубленная, словно под небольшую ступню.

Мысленно проклиная коллег-архитекторов, слепивших такие тайники, я чуть наклонилась к принцу, стараясь не повышать голос.

— А для кого эти проходы придумали, ты не знаешь?

— Нет, но я находил тут зубы, листья клевера и цветы примулы, какую-то мелкую сломанную дудку и пару сухих веток яблонь.

Чуть не соскользнув со сколотого края очередной короткой высокой ступеньки, я вцепилась в каменный выступ на стене. К моему удивлению он оказался теплый, даже почти горячий. Видимо где-то за ним скрывался еще один камин. Принцесса, подслушав разговор, тихо шепнула мне на ухо.

— Наверняка это фейри оставили.

— Им разве нужен такой коридор?

— Некоторым из них да, и вообще это удобно. Замок стоит на холме, где-то далеко внизу точно есть секретный зал, где древние короли собирали пир в честь маленького народца.

Дожидаясь, пока я снова пойду вперед, Марк нетерпеливо дернул рукав, но стоило мне сделать шаг, как будто бы в награду тихо добавил:

— Не просто секретный зал, а целые катакомбы, где когда-то давно первый человеческий король оставил свой священный меч для тех потомков, что смогут совладать с его волей. Мама говорит, что всё это сказки, но я надеюсь отыскать его, когда сменю отца на троне.

Он двинулся дальше, утягивая нас в почти бесконечный спуск в бездонные чертоги замка, полные кромешной тьмы и словно сгустившимся воздухом. Дышать тут стало заметно сложнее, я поначалу списала это на стыд и неловкость от разговора с принцем, но осторожный кашель Уны переубедил меня. Ближе к подвалам к самой старой и ветхой части этого огромного комплекса температура упала, а застывшая в коридоре затхлость и влага щекотала легкие при каждом вдохе.

— Пришли.

Марк на ощупь отыскал на стене что-то и аккуратно открыл узкую деревянную дверцу, за которой тоже стоял мрак, но чуточку бледнее за счет щелей и трещин между разошедшихся досок. Прощмыгнув в новое место, я чуть не ткнулась лбом в скошенный потолок. Судя по ощущениям мы оказались под лестницей.

— Выходим?

Я почувствовала, как принц дернул мою руку, призывая замолчать, но через несколько

секунд тишины всё же ответил.

— Да, тут вроде никого.

Дверца чулана, где даже инструменты больше не хранились, жалобно скрипнула, отворившись, но в коридоре за ней и правда не оказалось ни души. Мы осторожно выбрались наружу, я помогла Уне и Марку переступить высокий порог. Принцесса, оказавшись на свету, с силой вцепилась в меня, слепо шурясь и привыкая к освещению.

— Второй раз я бы, пожалуй, воспользовалась нормальной лестницей.

— Если будет такая возможность.

Приобняв и поцеловав девушку в висок, я направила ее через арку к широким проходам, выложенным из потемневшего камня. В этой части замка, как ни странно, больше не пахло стоялой водой, а наоборот, воздух словно пропитался ароматами мыла, трав и совсем немного костра. За целой вереницей дверей, приоткрытых или распахнутых настежь, виднелись небольшие бассейны для стирки с горячей водой, льющейся из настенных невзрачных фонтанов. На полках теснились «чудодейственные средства» для выведения пятен, куски хозяйственного мыла и тканевые мешочки, кои обычно клались в шкафы, чтобы спасти вещи от моли.

— Сюда.

Марк бегом преодолел длинный коридор и, чуть не поскользнувшись на влажной плитке, подошел к самой крайней из дверей. Рядом с ней, как от печи, шло сухое тепло, приятное окутывающее тело будто мягкий уютный кокон, но вместе с этим носа коснулся тревожный металлический запах. Дернув ручку, я обнаружила чуть ниже нее довольно увесистый амбарный замок.

— Отойдите.

Я проследила за тем, как принц и принцесса послушно отступили к стене. В моих руках коротко вспыхнул небольшой язычок некроза, лизнувший и без того подъеденную ржавчиной дужку. Дернув замок посильнее, я услышала характерный хруст и, сдвинув остаток стали, открыла дверь, пуская в сушилку тонкий луч света. Фигура, сидящая на полу у самого дальнего и темного угла, дрогнула, что-то протестуяще замычав.

— Тише-тише, я хочу помочь.

— М-м-м... м... эм...

Сделав еще пару шагов вперед, я разглядела в куче собственной одежды горничную. Она отчаянно замотала головой и бросила в меня тряпку, пытаясь отодвинуться подальше. Присев, я протянула руку, осторожно коснувшись ее перепачканного подола.

— Уна, уведи Марка отсюда и найди нам машину.

— Я не хочу уходить! Я тоже могу помочь!

Принц едва сунулся в сушилку, но Уна успела его поймать за шиворот, резко отдернув от дверного проема и не давая увидеть то, что происходило внутри.

— Куда ты поедешь?

— К лекарю. Если увидишь моего водителя, Финиана, то сразу предупреди, что мы едем к деду Дея Уинна. Мне кажется, он должен знать, где это.

— Хорошо.

Позади послышались шаги и возня. Марк явно упирался, не желая уходить так и не узнав, что творилось в запертой комнате, но принцессе хватило сил его удержать. Вскоре шум затих. Стражи на этом этаже не было, и, видимо, сюда редко кто заходил, мы не потревожили никого своим появлением, но пройти отсюда на улицу или к гаражам должно

было быть заметно сложнее.

— М-м-м...

Лара попыталась отпихнуть меня ногой, но я воспользовалась этим, чтобы подтянуть горничную к себе. Залитый кровью фартук и грудь показались в блеклом свете желтоватых камней в коридорах. Следы от синяков на щеках и челюсти девушки ярко выделялись на коже даже в полумраке комнаты.

— Тебе помогут, не бойся, открой рот.

— М-м...

Слезы покатались по грязным разводам и засохшим бордовым пятнам на скулах. Лара отчаянно замотала головой, ударила меня кулаком в грудь и, не выдержав, разревелась в полную силу. Всхлипывая, она натужно шмыгала носом, но старалась держать потрескавшиеся, опухшие губы сжатыми.

— Как хочешь, но к лекарю я тебя всё равно отвезу, здесь тебе навряд ли кто-то поможет.

— Ми-ми-миа.

Заикаясь, горничная показала наверх и жестом изобразила корону.

— Она тебя точно не вылечит, поверь на слово, ей не до этого.

Приобняв сопротивляющуюся девушку, я отыскала среди своих вещей пальто с капюшоном и, надеясь на то, что на ткани не осталось порошка, завернула Лару в него, стараясь зафиксировать ее руки. Горничная возмущенно вскрикнула, попытавшись освободиться, на мгновение мне показался обрубок ее языка и свежий, едва покрывшийся корочкой порез.

— Дура, и ты дура, и я дура, не иначе. Сиди смирно!

— М-м-м!

Поймав покрытые гематомами, тонкие кисти, я вынужденно сжала их, спрятав под пальто и подхватив Лару на руки. Не ожидав такого, та затихла, большими, заплаканными глазами неотрывно глядя на меня и стараясь отдышаться. Только вынеся горничную на свет, я смогла заметить, как сильно и безобразно остаток языка распух, грозя перекрыть единственный проход воздуха.

— Не высовывайся, я надеюсь, мы быстро домчим до лекаря.

Прижав девушку крепче к себе, я накинула на ее голову капюшон. Весила она всего ничего, хрупкая, хоть и выше сверстниц, а оказавшись беспомощной теперь, наконец-то успокоилась, уткнувшись в плечо. Осторожно убаюкав ее по дороге на верхние этажи, я направилась по хозяйственному крылу к выходу, следуя на звук голоса принцессы. Она что-то возмущенно объясняла страже на улице, и помимо стука пластин на легких доспехах, ей ответом было нестройное мычание мужских голосов, то ли пытающихся оправдаться, то ли согласиться с повышенном тоном Уны.

Постучав носком ноги в двери, я дождалась, пока мне откроют, в проеме взлохмаченный и встревоженный возник Финиан.

— О, я рада, что ты еще здесь, машина уже готова?

— Д-да, аптечка тоже, что-то нужно срочно обработать или забинтовать? Я кое-что умею, хотя медиком уже с десятков лет не работал.

— Ничего не нужно, только довези скорее.

— Конечно!

Он отошел, открывая мне путь, и у дороги к воротам, я увидела его машину, а рядом с

ней Уну и парочку стражей. Их обмундирование немного отличалось, на одном я заметила нашивку с замковой стеной, а на другом символ солнца.

— Ваше величество, я уверяю вас, гостей во дворце сегодня не было вовсе, мы строго следим за теми, кто приезжает и уезжает.

— Значит, это кто-то из здешних обитателей. Морохир один раз сегодня уже проявил себя в невыгодном свете.

— Он землю носом роет, ваше величество, сегодня вся охрана на ушах, их чуть ли не вдвое больше в замке, чем обычно. Случись что, и об этом все узнают.

— Но оно случилось! И никто этого не видел и не слышал!

Кутаясь в длинный шерстяной кардиган, принцесса нервно стискивала рукава. Завидев меня, она с готовностью открыла дверь, пропуская нас в салон. Финиан скрылся на водительском сидении, как только удостоверился, что мне не нужна помощь.

— Сэра, что-то еще нужно?

Уна дождалась, пока я сяду на сидение и, заглянув внутрь, прикоснулась к моей руке. Ее лицо было печальным, уголки побледневших губ скорбно опустились вниз.

— Нет, моя принцесса, извини, что так внезапно уезжаю.

— Ничего, главное, чтобы всё было поправимо.

— Надеюсь.

Она судорожно вздохнула и посмотрела на меня, словно желая что-то еще сказать, но, бросив взгляд на горничную, промолчала, натянуто улыбнувшись и опустив голову.

— Жду тебя, моя охранница.

Дверь машины закрылась, отрезая меня от внешнего мира. Уна отступила к стражам, мотор зашелестел, и ночной двор за окнами дрогнул. Лара уснула на моих руках, и, удостоверившись, что она не задыхается, я позволила и себе немного расслабиться.

Да, не так должен был закончиться день, совсем не так.

Ты думала, за что ее так наказали?

Я догадываюсь, но пока не узнаю подробностей, не стану делать ранних выводов. Она ведь сама может сказать... написать имя или описать внешность того, кто это сотворил и зачем.

Мы и так знаем, зачем.

Не факт.

Ньярл замолчал, но я чувствовала его немой укор. Что и сказать, я правда надеялась на лучшее, насколько хорошим оно могло быть. Пока Лара не подтвердит мою вину, мне не хотелось верить в собственную оплошность.

— Как она?

Финиан посмотрел на нас через зеркало заднего вида. Видя его встревоженность, я проверила горничную. Ее лоб горел, сама она была жутко бледна, но в целом состояние достаточно терпимое.

— Она полдня или даже дольше провела взаперти. Сейчас раны ее беспокоят настолько же сильно, как жажда и голод, но я боюсь ей что-то давать. Порез плохой, язык опух, и Лара может просто захлебнуться.

— Ты даже имя ее знаешь.

— Конечно, это... моя горничная, но я не знаю, почему это случилось.

Мы остановились на перекрестке, пропуская чужую машину. Водитель внимательно взглянул на меня, будто проверяя, лгу ли. Мои щеки вспыхнули, голова сама отвернулась к

окну.

— Что ж, будем рассчитывать на умения дядюшки Томаса.

— Томас?

— Да, Томас Уинн. Один из лучших врачей в городе.

Авто вновь тронулось с места. Ночные бледные огни города едва рассеивали тьму, и среди множества улиц ни одна не узнавалась, как бы я ни присматривалась. Мокрые темные дороги, одинаковые домики, словно сотканные из каменных ветвей, редкие сонные жители, семенящие по тротуарам.

— Приехали.

Мы остановились, когда я уже успела задремать. Фин открыл двери машины, впуская в салон прохладный, морозный ночной воздух. Ощувив его прикосновение на себе, Лара встрепенулась, закашлялась и сипло задышала, сжавшись в моих руках и будто желая скрыться, чтобы ее больше не тревожил окружающий мир. Наклонившись к ее лбу и осторожно коснувшись его губами, я ощутила, что жар стал еще сильнее. Усталость или начавшийся сепсис постепенно отбирали остатки сил горничной.

— Сразу позови доктора, чтобы я не ждала на пороге. Может, его вовсе дома нет.

— Как скажешь.

Водитель взглянул на нас, едва различимый в полумраке, но даже так я почувствовала, разглядела его беспокойство. Развернувшись к тропинке у дома, он быстро скрылся в темноте. Моим ориентиром стали только шаги и стук, разрезавший тишину полуночи.

На оголенные кустарники возле ворот опустились крупные, но словно бы невесомые хлопья первого снега. Они быстро оседали гроздьями на ветках, собирались вместе, словно подражая цветам в слепой попытке вернуть красоту лепестков.

— Когда я стану умирать... Ты перенести меня вели в наш сад, в то место, где цвели Акаций белых два куста. М. Лермонтов. Мцыри

В двери вновь постучали, и в ответ наконец-то послышалось приглушенное:

— Кто?

Сухой сонный голос прозвучал недовольно, но стоило Фину ответить, как свет озарил подъездную дорожку, а дверь отворилась, показав мне силуэт невысокого, сутулого старика с абсолютно седыми, чуть включенными от сна волосами. Он шустро зашуршал верхней одеждой, по брусчатке, разгоняя тень снегов, зашаркали теплые тапочки. Длинный, поломанный когда-то нос с горбинкой сунулся в машину раньше своего хозяина, словно на нюх собираясь определить болезнь. Недовольно вздохнув, старик забрался на ступеньки и, держась за поручень, склонился надо мной.

— Показывайте, что тут у вас.

Поддержав девушку и усадив на колени, я чуть похлопала ее по щекам, но та только отвернулась, тихо всхлипнув.

— Лара, Лара, проснись, пожалуйста, открой рот.

Томас отточенным движением выудил из кармана небольшую лупу, украшенную маленькими продолговатыми камнями. От одного прикосновения к ней кристаллы засветились мягким белым светом, позволив лекарю осмотреть сначала синяки на лице, а затем, ловко избегая их, нажать на челюсть горничной, чтобы разжать ее зубы. Моего носа коснулся неприятный сладковатый запах.

— Плохо, очень плохо. Надо было сразу везти ко мне.

— Мы только нашли ее, Лару заперли, а мы не сразу заметили пропажу.

— Хм, Лара, значит, действительно, кто хватится какой-то горничной, в замке, полагаю, их полно.

Я хотела было возмутиться, но Томас выглядел максимально сосредоточено и серьезно, похоже, его замечание не было «шуткой» и не подразумевало колкость, только констатацию факта.

— Идемте, попробую исправить то, что натворили с ней, хотя бы отчасти, но говорить она точно больше не сможет.

— Я понимаю.

— Ты-то понимаешь, а ей еще придется смириться с этим.

Лекарь хмыкнул и, выключив свет на приборе, снова сунул его в карман пальто. Неловко спустившись обратно на землю, он не стал дожидаться меня, зашаркав обратно домой. Мне ничего не оставалось, кроме как подхватить Лару и под пристальным взглядом Фина проделать тот же путь, с каждым шагом ощущая, как усталость и недостаток сна сказываются на моем состоянии. Происходящее всё больше напоминало грёзы в лихорадке: я черте где с раненной горничной на руках, хотя еще пару часов назад нежилась в постели с принцессой. Как это всё понимать?

— Сюда-сюда.

За полупустой прихожей, наполовину обшитой темным деревом, за простой аркой у лестницы на второй этаж, где предполагалась гостиная в обычном доме, мне встретился настоящий процедурный кабинет с парой коек, разделенных плотными шторами на правой стороне, и металлическим подъемным столом, перед стареньким потертым секретером, на левой. Всё выглядело добротно, тут явно принимали пациентов постоянно и следили за чистотой. Запах мыла, лекарств и едкого средства для пола приняли в свои объятия, нарочито разделяя жилую и рабочую части дома.

Остановившись на пороге, я проследила за тем, как Томас жестом фокусника расправил простыню на рабочей поверхности и кивком указал на нее.

— Клади и посиди тихонько в уголочке, я пока надену халат.

Послушно покивав, я выполнила указание, забрав у горничной накидку, в которой я ее привезла. В углу кабинета, между секретером и шкафами, забитыми приборами напололам с медицинской литературой, обнаружился скромный с потертой клетчатой обивкой стул. Присев на него, я постаралась не привлекать внимания, молча наблюдая за тем, как лекарь, накинув на пижаму халат, тщательно вымыл руки в раковине у входа в комнату и надел чистые белые перчатки.

На этом моменте я даже понадеялась вновь немного подремать, но Томас включил большую кристальную лампу, висевшую над процедурным столом. Пара десятков камней вспыхнули ровным белым светом от единого касания, осветив каждый кровоподтек на открытой коже горничной.

— Придется повозиться.

Он выбрал с закрытых на ключ полок несколько темных непрозрачных пузырьков и пару стеклянных шприцов. В отдельный лоток ушли вата и марлевые салфетки. В воздухе сильнее запахло спиртом. Обработав руку девушки, он сделал два укола, но Лара даже не дернулась. Прислушавшись к дыханию горничной, Томас проверил сердцебиение и удовлетворенно кивнул. В ход пошли небольшие распорки для рта, как у стоматологов. Поморщившись, я предпочла отвернуться, облокотившись на ближайший шкаф.

— Когда вырасту, стану врачом, как мама, и буду лечить тебя от всех болезней.

— Тогда я построю тебе самую лучшую больницу.

— И мы там найдем лекарство от рака, нас запомнят, будут уважать и сделают памятники в нашу честь или аллею.

Слава опрала перешитый с взрослого плеча медицинский халат, украшенный

серебристой мишурой. Самый странный наряд для новогодней елки в школе, но самый простой в исполнении. Тетя Оля смастерила его, сидя на постоянных ночных дежурствах в больнице.

— Деда, тебе нужна помощь?

Из полусна меня выдернул появившийся в дверном проеме кабинета Дей. Он сонно потирал опухшие глаза и осоловело оглядывал горничную. Без интереса, но явно стараясь понять, какая именно помощь могла бы сгодиться лекарю и как много работы предстоит.

— Нет, тут уж я сам, но можешь напоить гостью чаем или выдать ей накидку, чтобы она поспала на свободной койке.

Томас махнул рукой на одно из мест на другом конце комнаты, где за плотной молочной занавесью действительно можно было скоротать ночь, но при одной мысли о больничной обстановке утром и запахе желудок скручивало в нервный комок.

Не сосчитать время, проведенное когда-то в подобных условиях с постоянной болью и равнодушными взглядами врачей.

— Лучше чай.

Дей встrepенулся от моего голоса, будто только заметил в уголке на стуле. Нахмурившись, он несколько раз поморгал, словно окончательно проверяя, не померещилась ли я, и, взглянув снова на Лару, с вздохом кивнул в сторону выхода.

— Ну идем, я поставлю чайник.

Дважды меня звать не пришлось. Уже спустя пару минут я уже сидела за стареньким, обтертым столом из лакированного дерева, в небольшой, но безумно уютной кухоньке, где большая часть шкафов была отведена медицинским прибрлудам, колбам, бутылкам и ящиками для обработки. На стенах радовали глаз грубоватые голубые обои в цветочек. Пол в доме оказался неровен и скрипуч. Ковров, хотя бы тонких, чтобы скрадывать звук шагов, заметно не хватало, а выцветшие громадные разношенные тапки, доставшиеся мне как гостье, совершенно точно принадлежали самому хозяину.

Не так я представляла дом королевского детектива.

Тщательно отмыв две единственные чашки от коричневых колец, Дей поставил их передо мной, дожидаясь, пока закипит чуть помятый латунный чайник с пожелтевшей эмалированной ручкой.

— За срочность и работу ночью заплатишь деду вдвое больше того, что он попросит.

Парень нервно схватил с полки жестяную банку и, с трудом открыв ее, присмотрелся к содержимому, словно там мог найтись клад. Ко мне он старательно не поворачивался, то ли от неловкости, то ли от обиды.

— Как скажешь.

Поерзав на стуле, я снова осмотрела интерьер: тут явно не хватало женской руки, всё крайне аскетично, но при этом не сказать, чтобы бедно. На кухне будто бы никто не «жил». Помимо лекарственных штучек, посуды и утвари здесь был минимум — только то, что могло понадобиться непосредственно здесь и сейчас. Никаких тебе венчиков для взбивания, симпатичных раскрашенных тарелок, праздничного сервиза из тонкого фарфора, пестрого блюда для фруктов. Из роскоши на столе только плетеная корзинка с печеньем и фаянсовая неказистая сахарница с отбитой ручкой.

В сравнении с этим, убранство процедурного кабинета было в высшей степени богатым и разнообразным, не говоря уже об обилии кристаллов в работе.

— Впервые увидела такую большую лампу в работе, очень яркая. Подобные у всех здешних лекарей есть?

— Не знаю, не спрашивал. Эту деду подарила леди Катарина Кейн за успешное лечение ее неврозов.

— Дорогой подарок.

— Ага.

Вода в чайнике забурлила. Дей снял его с конфорки и, засыпав в глиняный заварник немного чая, залил кипятком. Ко мне он так и не повернулся за весь «разговор», спина осталась напряженной, парень сильно ссутулился, то ли копируя Томаса, то ли подспудно желая стать незаметнее. Я бы тоже так сделала, хоть и не чувствовала за собой вины. Отказаться от расследования было моим правом, тем более после того, как у меня раз за разом ничего не получалось, но теперь, понимая, что я оставила напарника в этой каше одного, стало немножечко стыдно.

Не зная, куда мне деться и как еще разрядить обстановку, я решила резать на живую.

— Как продвигается поимка похитителя?

Вздрагнув от неожиданности, Дей гулко приложился головой о кухонный шкафчик. Заварник в его руке дернулся, чуть не облив оголенную кожу, и я подскочила с места, осторожно перехватывая его, пока парень, зашипев от боли, жмурился, потирая ушибленный затылок.

— Сэ-эра.

— Ты можешь не отвечать, я пойму.

— Да что там.

Уткнувшись лбом в застекленную дверцу, он последний раз проверил ладонью будущую шишку. Я успела пожалеть о своем вопросе, но Дей вдруг всё же повернулся ко мне и посмотрел прямо в глаза. Он выглядел уставшим, безумно уставшим, но довольно спокойным, словно он наконец-то закончил долгую, муторную и неприятную работу.

— Всё нормально, у меня есть зацепка, на днях я ее проверю.

— Звучит действительно неплохо.

Напарник попытался улыбнуться, но получилось крайне вымученно. Смотря на него, я всё же задумалась, не совершила ли ошибку. Может, стоило просто взять перерыв? Может, мне вернуться теперь? Хотя черт знает, могу ли я вообще сейчас чем-то помочь, вдруг, в самый ответственный момент я нужна буду Уне, или Авель потребует очередной урок. Неловко поджав губы, я отвела взгляд, поставив заварник на стол. Очень не хотелось давать лживых обещаний.

— Не перетруждайся, ты выглядишь так, будто тебя самого пора лечить.

— Я постараюсь.

— И... зови меня, если нужна будет подмога.

Краем глаза я заметила, как в удивлении приподнялись брови Дея, но, убрав на место банку чая, он только молча покивал и сел вместе со мной за стол. Казалось, что пусть между нами и осталась недосказанность, но дальнейший разговор всё равно потек значительно легче. Чуть подсохшее печенье и горячий напиток подействовали крайне благотворно. Макая десерт в чай, мы провели на кухне еще пару часов за пустой болтовней. Я рассказала о том, что случилось с Ларой, как прошли мои первые дни в замке. Опустила большую часть пикантных подробностей, но намекнула на хорошие отношения с принцессой и показала расчески на руках.

— Такие порошки делают из высушенных роз. Я даже знаю одно местечко на границе с трущобами, где можно задешево найти такое средство круглый год. Ничего необычного, так что надеюсь, расчесы быстро заживут.

— Хотелось бы.

Из коридора послышалось шарканье тапочек и скрип пола. В дверном проеме показалась седая макушка Томаса, а затем и его морщинистое, сухое лицо, будто вырезанное в коре древнего исполина. Белесые, почти бесцветные глаза чуть покраснели и заметно слезились, спина сутулилась почти так же, как у внука. Худые бледные руки с чуть опухшими суставами были похожи на лапы неведомого паука. Они выудили из кармана халата очки с желтоватыми стеклами в тонкой оправе и, надели их на горбинку носа, чтобы лекарь наконец посмотрел на меня:

— Я сделал всё что мог, рану вычистил. Отёк уже спадает, как и температура. Теперь главное дать отдых и избежать обезвоживания.

Неплохие новости, но проблема была не только с языком.

— А... а остальное?

— Синяки заживут до свадьбы. Если захочет, я дам ей мазь, чтобы сошли быстрее, но ничего другого не заметил.

— Хорошо, спасибо.

— Потом поблагодаришь, сейчас нужно еще кое-что сделать. Помощница моя только с утра придет, а до этого времени хорошо бы девушку переодеть в сорочку и уложить на бок.

— Сделаю.

— Славно, одежду я оставил на койке. Дей подсобит, если нужно, не смущайся его, он с детства тут за больными присматривает, а я пока отдохну хотя бы пару часиков до вызовов. После ночных гостей всегда жди раннего подъема, иначе не бывает.

Он развернулся обратно к двери и с тихим вздохом, заложив руки за спину, скрылся в коридоре. Шелест тапок по полу и чуткий скрип половиц подсказали мне, что он поднимается на второй этаж, туда, где, как я полагала, должны быть спальни. Вскоре ночная тишина вновь окутала дом, и показалось даже, что невесомый полет снежных хлопьев ощущался даже здесь, заглушая присутствующих.

— О девушке есть кому позаботиться? Дед не любит оставлять больных здесь надолго.

— Не знаю, понятия не имею.

— Значит, завтра спросим. Ларе бы еще недели две постельного режима, у нас так долго не задерживаются.

Дей поднялся с места и загремел посудой, словно специально стараясь развеять сонливость, вдруг напавшую на нас. Неловко поджав губы, я и сама поспешила встать, собирая остатки сил.

— Я даже не представляю, есть ли у нее ребенок или немощные родители, оставшиеся сейчас одни, без опеки.

Поставив чашки в раковину, напарник повернулся ко мне и, наклонив голову в задумчивости, вдруг отчетливо кивнул.

— Я разужнаю утром, думаю, за одну ночь ничего не случится.

— Спасибо.

Оставив за спиной оплот ночных откровений и уюта, мы не сговариваясь одинаково осторожно прошли в кабинет, стараясь ступать так, чтобы не тревожить спящий дом.

Большая лампа была выключена, на стенах желтоватыми кругами разгоняли тьму

мелкие бра. Лара лежала на столе, дыша ровно и спокойно, будто действительно только спала, выбрав для этого не самое удачное место.

Дей подхватил с заправленной постели простую белую длинную рубашку с пуговицами на спине и, расстегнув ее, положил на пустой столик рядом. Руководство процессом досталось мне.

— Посади ее, я развяжу фартук.

Напарник послушно просунул руку под талию девушки и, наклонившись, аккуратно посадил ее, придерживая безвольную голову на плече. Я быстро развязала тесемки пояса и, дав Дею знак не двигаться, стянула фартук с рук, откинув на пол. Следом шли пуговицы форменного платья на шее девушки, освобождая их из петель, я все больше замечала, как под ним на нательной сорочке открываются багровые пятна. Часть из этих пятен уже сцепилась непрочной коркой с тканью формы, благо, это всё была лишь кровь от раны во рту, на коже Лары не было заметно увечий.

— Подними ее руки.

— Угу.

Присев на край процедурного стола, Дей оказался за спиной горничной и, мягко подняв ее руки, сам смиренно отвернулся уставившись в стену. Мне оставалось только стянуть одежду, подцепив подол и не торопясь освободив голову из объятий накрахмаленного воротничка.

— Можно где-то взять полотенце и стереть то, что осталось на коже?

— Возьми у домохозяйки, там же и намочишь.

Я отбросила платья на пол бесполезной грудой ткани. На Ларе осталось еще нижнее белье и плотные, теплые чулки, но напарник всё равно явственно ощущал себя не в своей тарелке. Упорно рассматривая свежую побелку на потолке, он целомудренно придерживал девушку за плечи, стараясь даже краем пальца не коснуться ее бюстгалтера, но всё равно отчаянно краснел, пока я полоскала в холодной воде полотенце.

— Ты долго?

— Нет-нет, я просто тоже успела испачкаться.

Хорошенько отжав полотенце, я вернулась к столу и бережно прикоснулась к пятну чуть ниже ключицы, желая убрать следы, но Лара вдруг вздрогнула, тяжело вдохнув и явно просыпаясь. В панике я вскинула руки и, чуть нажав на виски горничной, зашептала чуть слышно:

— Ой, баю, баю

Не ложися на краю...

Дей, не решаясь повернуться и будто бы окаменев всем телом, прикрыл глаза, гулко сглотнув, пока я мысленно зывала к той части силы, которую не пользовалась уже очень давно.

— Придет серенькой волчок

И укусит за бочек...

Лара скривила опухшие губы напоследок и вновь уложила голову на плечо напарника, уткнувшись ему в шею. Медленно выдохнув, Дей украдкой посмотрел на меня, тоже зашептав, хотя горничная уже явно не слышала его, усыпленная чарами.

— Это было какое-то заклинание?

— А?

— Какой-то незнакомый язык.

— Да, заклинание. Древнее.

— Буду считать, что это не заметил.

— Мне можно пользоваться магией.

— Не уверен, что король имел в виду именно эту.

Настала моя очередь краснеть. Молча покивав, я предпочла вновь заняться делом и, быстро убрав остатки крови с кожи Лары, подхватила больничную рубашку, вдев тонкие руки девушки в рукава. Дей в свою очередь начал застегивать пуговицы на спине, доверив поддержку горничной мне.

— Всё?

— Всё. Теперь только перенести на койку.

— Верно-верно.

Осторожно подхватив горничную на руки, напарник соскользнул со стола и пронес ее к постели. Дождавшись, пока я отогну одеяло, он уложил Лару на бок, мягко поправив ее волосы и сорочку.

— Утром ее покормит помощница, деда проверит рану вновь, а я уточню у знакомых, есть ли у девушки родственники.

— Спасибо. Как только доберусь до замка, пришлю оплату, я что-то не додумалась взять с собой кошелек или хоть какое-то украшение в залог.

— Ничего, я предупрежу Томаса, хотя он, кажется, и так понял, что мы знакомы.

Поплотнее укутав Лару, мы погасили свет в кабинете и вновь вышли в прихожую. Снегопад на улице, кажется, так и не собирался заканчиваться, но там, за белесой рябью и пеленой кружащихся хлопьев, я неожиданно заметила машину Фина. Он не уехал, как я предполагала, а всё еще ждал, чтобы отвезти меня домой.

— Пожалуй, я больше не стану задерживаться, спасибо, что помог, Дэй.

— Пальцы немеют.

— Да, от некроза кожа часто теряет чувствительность. Это нормально, если не увлекаться. Нужно периодически давать телу восстановиться.

— Кажется, я стал немного больше понимать, почему темные любят короткие, но действенные удары. Как же мало я учитывал подобные тонкости при возврате территорий.

Растирая ладони, Авель задумчиво опустил голову, явно не совсем отдавая себе отчет о сказанном, для этого он был чересчур уставшим. Мы практиковали теневой полог уже битый час, но без особого успеха. Раз за разом ему что-то мешало: произношение, боязнь отпустить магию настолько, чтобы ее хватило на очерченную мной территорию, рассеянность, словно мыслями он был бесконечно далеко от обучения.

— Попробуешь снова?

— Последний раз.

Без особой надежды я кивнула в ответ и откинулась спиной на неровное, прохладное каменное ограждение, обозначавшее тренировочный полигон. Здесь, вдали от основного здания, совсем рядом с казармами внешней охраны, можно было позволить себе немного побаловаться темной магией. Именно побаловаться: с таким отношением и подготовкой Авеля всё происходящее слабо походило на урок. Я думала, что, находясь рядом в замке, у нас будет больше времени для подготовки, и мы сможем повысить продуктивность встреч, но то неумелое распределение дел, то постоянный форс-мажор постоянно норовили помешать. Авель с трудом выкроил для меня несколько часов только через полторы недели после первого снегопада.

— *Tenebris conopreum.*

Покрасневшая, замерзшая ладонь в очередной раз коснулась серых плит. Угольное клубящееся облако, растекшееся под ней, занимало едва ли треть от той площади, что я поручила скрыть.

— Ты пытался.

— Звучит крайне уничижительно, тем более от тебя. Давай еще раз.

Морозный воздух щекотал лёгкие, древние исполинские падубы, разграничивающие тренировочные поля, изредка сбрасывали на прохожих стражей свои белые пушистые шапки. Хотелось в тепло, условное «домой» и в постель к своей принцессе, чтобы погреться и вместе выпить горячего пряного вина. Встретить в гостиной комнате Марка с новеньким холстом и до вечера, пока еще не совсем короток световой день, рисовать вместе пейзажи, людей и случайные предметы на столе.

А не смотреть, как хмурый и раздурявшийся король тонет где-то в своей голове и заботах, вымучивая из себя никому не сдавшийся полог. Встряхнуть его что ли, покричать, окунуть лицом в снег, растормошить, напомнив, что он вообще-то и своё время попусту отнимает, не только моё.

— Только если ты дашь мне помочь, иначе это бессмысленная трата времени. Ты снова пытаешься взять всё под контроль, удержать вместо того, чтобы дать свободно течь по твоим жилам. Хватит просчитывать затраты сил, ты не сможешь измерить смерть и ограничить ее, это не суп в блюде.

Каин не позволил бы себе такого халатного отношения, а Аван тем более, и мне

кажется, новое поколение Блэквудов также серьезно подошли бы к обучению, не мусоля одно единственное заклинание весь вечер.

Отстав от стены и отряхнув налипшие снежинки, я подошёл ближе к Авелю и, присев на одно колено, поймал руку юноши. Он вздрогнул, явно не ожидая такой смелости, но сопротивляться не стал. Поправив куртку, подбитую мехом, он сел в ту же позу, что и я, с некоторой растерянностью разглядывая моё лицо, будто бы чувствовал или даже заметил внезапную перемену.

— Сэра?

— Ты слушаешь меня?

— Да, конечно.

— Если тебе так сложно представить действие заклинания, то представь, что весь некрос в тебе это кувшин воды. Ты не узнаешь объем этого кувшина, пока не выльешь из него содержимое, поэтому необходимо произнести нужные слова и лить столько, сколько потребуется.

— Полог неоднородный, и он...

— Шевелится, да, вода тоже имеет свойство растекаться, но позволяя ей остаться лужей на полу, ты со временем путем проб и ошибок начнешь чувствовать нужное количество магии, чтобы заполнить хотя бы этот круг. Ты не узнаешь, сколько тебе нужно вылить, если будешь жадничать. *Tenebris conopreum*.

Не давая Авелю опомниться, я потянул магию из него, не спеша, но и не рассчитывая останавливаться, даже если он и попытался бы закрыться. Моего опыта, даже учитывая состояние, хватало с лихвой, чтобы не дать королю и шанса улизнуть. Раз уж потребовалось моё вмешательство, нужно было довести дело до конца.

— Сэра, подожди, дай я сам.

— Сам ты уже пробовал. Видишь? Не так это и страшно, теперь ты чувствуешь, сколько нужно некроса для заклинания? А лучше даже больше, чтобы уплотнить слой, но это уже оставим на следующий раз.

Порывисто выдохнув, Авель огляделся, с тревогой рассматривая черный туман, чуть выходящий своими полупрозрачными тонкими щупальцами за очерченный круг. Заклинание никуда не пыталось «растечься», хотя явно было подвижно, будто что-то постоянно перетекало под толстым слоем магии.

— Я не давал разрешения пользоваться моими силами.

— Но и не запрещал.

Я отпустила руку короля и, встав, сделала шаг назад, в самый раз чтобы заметить подошедшего к ограждению посыльного, заметно побледневшего при виде «лужи» некроса.

— В-ваше величество, королеве снова нездоровится, она просит вас прийти.

— Снова.

Тяжело поднявшись на ноги, Авель даже не попытался скрыть досаду, шумно вздохнув. Потянувшись и разминаясь после неудобной позы, он поднял лицо к небу и потер глаза, пытаясь то ли сосредоточиться, то ли сдержать выражение, неподобающее королю.

Припомнив, как последний раз при встрече выглядела Мирра, я с некоторым сожалением для себя всё же решила дать совет, пускай и непрошенный.

— Мне в такие моменты помогали лимоны, хотя бы кусочек с чаем. И имбирь, можно даже всё вместе. Отлично снимает тошноту.

Посыльный юноша с ужасом посмотрел на меня, широко распахнув глаза, словно я

совершила какое-то непростительное святотатство. Не желая влезать в споры и обсуждения, я развеяла полог и направилась за сумкой, висевшей у выхода, пока слуга, боясь даже шелохнуться, медленно перевел взгляд на Авеля.

— С-сир...

Король не торопился с ответом. Подхватив вещи, я думала уже попрощаться, но голос Авеля оборвал мысль:

— В такие моменты?

— У королевы в последнее время слишком явный зеленый цвет лица, нетрудно догадаться, почему все так с ней носятся.

— Я не... неважно, — король повернулся к слуге: — Передайте совет Мирре, скажите, что он от меня, вдруг ей правда станет легче.

— Хорошо, сир. Вас ждать в покоях?

— Конечно, как только найду в замковую часовню, я должен удостовериться, что за мной не тянется след из некроа.

— Я вас понял, передам это госпоже.

Получив дозволение уйти, посыльный исчез так же неожиданно, как и появился, будто только и ждал, как бы поскорее сбежать с полигона. Честно говоря, хотелось поступить так же.

— Тошнота может быть из-за множества причин.

— Да, конечно, и, если бы королева заболела, ее бы наверняка уже лечил десяток лучших лекарей в стране.

— Верно.

Заметно расслабившись и покачав головой, Авель подошел к выходу и забрал перчатки с припорошенного снегом камня. Оттряхнув их, он задумчиво рассмотрел швы и вдруг улыбнулся, посмотрев на меня:

— Не знал, что у тебя есть ребенок.

На мгновение стиснув зубы, я не смогла не улыбнуться в ответ, но едва ли так же счастливо.

— У меня его нет.

Не тратя время на прощание, я повернулась к тропинке в сторону замка и заставила себя сосредоточиться на стене впереди. Предательские слезы всё равно наворачивались на глаза, но мне не хотелось плакать, это выглядело бы так, будто мне нужна жалость, будто я специально поставила Авеля в неловкое положение и пользуюсь своей «слабостью». От этого становилось невыносимо тошно на душе.

Я просто уточнила. Всего лишь небольшое уточнение. Ничего превратного.

Это не значит, что ко мне нужно особое отношение или специально понижать голос при разговоре о детях.

И уж совершенно точно мне не нужен снисходительный, жалостливый взгляд или извинения.

Мне нужно только в спальню к Уне и немного горячего,пряного вина. Определенно.

Погрузившись в собственные мысли и отчасти самобичевание за излишнюю разговорчивость, я не заметила, как дошла до нужного мне корпуса, обогнула его и не спеша, не видя никого и ничего вокруг, добралась до этажа, где жила принцесса. Только там меня выдернул в немилосердную реальность недовольный, шипящий от злости голос королевы, гордо шествующей по коридору в окружении четырех служанок.

— Снова пахнет муравьями.

— Ваше величество, но откуда они в начале зимы...

— Откуда мне знать? Возможно у кого-то отвратительный парфюм, или может, кто-то из вас специально нашел муравьиную настойку, чтобы мучать меня.

— Никак нет, госпожа, как бы мы посмели.

Облаченная в теплую домашнюю одежду из тонкой мягкой шерсти Мирра направлялась от покоев в дальнюю старую часть замка, где располагались открытые галереи и можно было прогуляться, не выходя из-за каменных стен на улицу. Не желая попадаться королеве на пути, я осталась стоять на лестнице, притулившись к двери. Стражи, заметившие меня, подобрались на мгновение, но не почувствовав угрозы отвели взгляд, следя за своим главным сокровищем при дворе.

— Надеюсь, Авель не заставит меня ждать и не выкрадет еще больше времени для темной. Где он, когда так сильно нужен.

Тон королевы неожиданно изменился, став чуть ли не плачущим. Погладив чуть выпирающий в нарочито свободном наряде живот, она на миг остановилась и, судорожно вздохнув, вновь двинулась вперед, только уже медленнее.

— Мне срочно нужен Аврелиан.

— Вот-вот появится, ваше величество.

Вся процессия дошла до поворота в основной коридор, даже не посмотрев в мою сторону. Слава явно была слишком занята собственными проблемами, ее помощницы нервно и заботливо заглядывали ей в рот и тихонечко подбадривали, стараясь как-то успокоить растревоженную королеву. Охрана готова была простить мне столь близкое присутствие за то, что я не собиралась доставлять им проблем. Всё в этой встрече сложилось удачно, пока мимо меня по лестнице не промелькнул чужой силуэт. Высокая девушка в простеньком коричневом платье бросилась к Мирре, лишь в последний момент пойманная кем-то из стражей. Грубо заломив гостю руку, ее отточенным движением поставили на колени, заставив склонить голову.

— Миа, Ми-иа!

— О, Солар, что это такое.

Королева остановилась, с ужасом и отвращением взглянув на сгорбившуюся перед ней Лару. На ее лице не проступило и тени узнавания, а дрогнувшие руки на миг засветились, предвосхищая появление божественного оружия.

— Помохихе...

Хрупкая девичья кисть, не удерживаемая стражами, дернулась к подолу дорогого одеяния Мирры, но не сумела даже коснуться его. Послышался громкий всхлип, в последней попытке попросить о помощи Лара открыла рот так, чтобы был виден ее язык, но это возымело скорее негативный эффект.

Преодо мной предстала картина достойная барочной живописи настоящих гениев моего родного мира. Королева, прикрывая губы ладонью, медленно отходит назад, чуть не наступая на край собственного длинного наряда. Ее щеки заметно бледнеют, жест сдерживает то ли тошноту, то ли вскрик. Удивительная, неповторимая корона на светлых кудрях едва не падает вниз, а помощницы, обязанные помогать и защищать, беспомощно тянутся за спину своей мнимой святой. Два охранника перед ними, в доспехах и с оружием, удерживают исхудавшую, измученную девицу, беззвучно плачущую, распахнув губы.

— Уберите это!

Возмущенный, полный ненависти крик заставил вздрогнуть всех присутствующих. Помощницы, опомнившись, потянули руки к Мирре, предчувствуя истерику своей госпожи.

— Королева, моя королева, пойдёмте, не смотрите на это.

— Уберите эту мерзость сейчас же! Вон!

Лару резко дернули вверх, заставляя встать на ноги, и даже со своей позиции я слышала, как клацнули ее зубы. Чуть не заскулив, она растерянно замотала головой.

— Ваше величество, неужели вы за обе своих войны ни разу не встречали чужих увечий?

Выступив вперед, я не спеша подошла к напрягшейся охране. Пересекаться со Славкой откровенно не хотелось, но сейчас она явно перегибала палку.

Светлые глаза королевы сузились при виде меня. Испуг и отвращение слетели будто невесомая вуаль. Всего мгновение, и Мирра, выпрямившись, воинственно вздернула подбородок, готовая отразить любой мой упрек.

— С каких пор ты, темная, позволяешь себе смеяться надо мной в моем же замке?

Встав позади горничной, я миролюбиво подняла ладони, показав мужчинам, что при мне нет оружия, и слегка поклонилась королеве в качестве извинений.

— Я не хотела вас обидеть, и, если вы позволите, уведу девушку отсюда. Как видите, она пострадала недавно, и тогда я сама доставила ее к лекарю, полагаю, ее душевное равновесие пошатнулось, и предстоит продолжить лечение.

— Мои воины разберутся и без вмешательства гостей.

— Я понимаю, но едва ли они могут помочь девушке, ей нужен уход и осмотр. Стражи сделают только хуже, неужели вы допустите насилие к увечной бедняжке?

Охранники незаметно переглянулись во время разговора и даже ослабили хватку. Лара тихо всхлипнула и собралась было что-то ответить, возмутиться, но я предупреждающе стиснула пальцами ее плечо. Слава недовольно поджала губы. Кажется, она ответила бы мне отказом, но ее помощницы что-то зашептали, с тревогой косясь на Лару. Королеве пришлось их выслушать, в тонких голосах слышались просящие нотки.

— Ладно. Будь по-твоему. Возможно прогулка с темной будет достаточным наказанием для этой сумасшедшей. Она не имела права появляться здесь и пугать меня своим... мерзостью.

Вновь покладисто склонив голову, я дождалась, пока стражи отойдут, но Лару пришлось чуть ли не пинками сгонять с места. Она до последнего не желала уходить, с надеждой и болью глядя на Мирру, даже когда она отвернулась и продолжила путь к галереям вместе со своими помощницами.

— М-миа...

С покрасневших век снова сорвались слёзы. Обняв девушку, я потянула ее за собой к хозяйственному крылу, мысленно представляя, что же делать с бывшей горничной дальше. Отвезти ее снова к лекарю? Но на каком основании? Только за успокоительным? Можно было бы отправить ее домой, но кто скажет, где ее дом и не сделает ли она что-то по дороге?

— Лара, ты сможешь показать водителю, куда тебя отвезти?

Всхлипнув громче, девушка закрыла лицо руками, не глядя шагая со мной по лестнице. Тяжело вздохнув, я пошарила по карманам и вытащила платок, вложив его в ладонь Лары.

— Я помогу тебе, мы во всем разберемся, но для начала тебе нужно хотя бы немного собраться.

Замотав головой, она шумно высморкалась, остановившись на ступеньках. Мы шли так медленно, что желание взять девушку на руки и унести ее пошустрее из дворца нарастало с

каждой секундой.

— А дом? Ты жила здесь с горничными, или у тебя есть место в городе?

Особенно яркие от слёз глаза цвета первых сумерек посмотрели на меня из-под мокрых ресниц. Девушка слушала меня, постепенно успокаивалась, но отвечать явно не собиралась, даже намека не дала.

— Не доверяешь мне?

Лара пристыженно отвела взгляд.

— Ну да, действительно, с чего бы. Тогда я тебя только провожу, как и обещала.

Она покивала, послушно последовав за мной к коридору для слуг. На душе скребли кошки, день явно не задался, но винить в этом было некого. Бывшая горничная не обязана была делать то, что я считаю нужным, слушать и благодарить за помощь. Чесоточный порошок на одежде и, возможно, краски в спальне, точно не были показателем хорошего отношения ранее, а теперь и вовсе не оставалось шанса на взаимопонимание.

— Лара! О, Солар, я тебя обыскала, думала, уже тебя выгнали из дворца.

Знакомый голос послышался из дверного проема столовой, оттуда, нервно стискивая в руках тонкое полотенце, выглянула спасенная мной ранее кухарка. Чуть не заплакав от облегчения, она, задержавшись всего на мгновение, бросилась навстречу, пролетев мимо меня и порывисто обняв Лару.

— Как же ты меня напугала, дуреха, я так переживала. Даже не представляла, куда ты могла пойти теперь. Неужели нельзя было предупредить? Я только на минуту отвернулась помешать суп, а ты...

— О-ови.

— Экономка для тебя расчет принесла, всё, что ты успела заработать, и даже написала рекомендательное письмо для нового места. Подойди и забери, пока она тут, а я пока дела доделаю. Потом вместе твои чемоданы заберем и ко мне поедем, с родителями я договорилась, они комнату младшенькой отдадут, она всё равно сейчас из пансиона не вылезает.

Тактично промолчав, я отодвинулась к стене, стараясь не мешать снующим мимо рабочим. Слуги, выходящие в коридор, пробегали по своим делам, игнорируя открывшуюся им сцену.

— Ох, не лей слёзы, дорогая, всё будет хорошо, я обещаю. И работу, и жениха найдем, я Джера попрошу, он тебе из своих ребят самого хорошего мужа выделит. Чтобы тебя на руках носил и щеки целовал.

Горничная грустно улыбнулась, замотав головой и в очередной раз шмыгнув. Кухарка потянула ее к столовой, вновь затараторив что-то успокаивающее. Моя скромная персона осталась будто бы незамеченной, хотя я не слишком расстроилась по этому поводу. Помявшись немного на месте, я проводила взглядом нескольких служанок и хотела было подняться обратно на свой этаж, но голос кухарки вновь остановил меня:

— Леди Серафина! Сэра, вас ведь так зовут?

— Да, всё верно.

— Я Оливия Платт, работаю на кухне... ох, вы наверно видели, вы спасли меня недавно.

— Да, я помню.

— Спасибо вам огромное, правда, я так благодарна, но позвольте попросить вас еще об одной услуге.

— Какой?

Боязливо оглянувшись, Оливия взяла меня за руку и увела в крохотную каморку под лестницей, едва позволявшую мне выпрямиться во весь рост. Девушка на несколько секунд прислушалась к происходящему снаружи и, как только шаги слуг затихли, достала из кармана платья небольшой кожаный кошелек.

— Вы могли бы наказать того, кто напал на Лару? Если нужно, я заплачу, у меня есть кое-какие сбережения...

— Я не наемница.

— Упаси боже, конечно я понимаю, но мне больше некому поручить это, а вы, я знаю, очень сильны, вы сможете справиться с обидчиком.

Тонкие пальцы кухарки коснулись моей рубашки, будто девушка вот-вот готова была вцепиться в ткань, как в свою последнюю надежду, но медовые глаза смотрели на меня в полутьме не с угрозой, а с мольбой. Отказывать ей было сущей пыткой.

— Не представляю это возможным. За убийство мне не грозит ничего хорошего, и сама Лара не дала знать о том, кто ее покалечил.

— Моя подруга бывает не в меру глупой и упертой, но я точно знаю, кто отрезал ее язык. Это юноша, Лео, у него на виске шрам от клинка, а на подбородке ямочка. Он из внутренней стражи, так что найти его будет несложно.

Мы видели его.

— Это лишь полбеды.

— Наказать тоже можно! Совершенно законно, я не прошу вас убивать кого-то.

— И как же это сделать?

— Дуэль. Вы учитель короля и можете считаться воином, а также вызвать кого-то на честную дуэль у тренировочного корпуса. В вашем праве призвать к ответу за оскорбление себя или вашей горничной, и я прошу, умоляю, сделайте это, отомстите за мою подругу, никто другой этого не сможет сделать.

Снег снова шел хлопьями. Ложился на уже укрытую землю легким белым покрывалом и неизбежно внушал спокойствие своей невесомостью, тихой пеленой и уютом.

Пар изо рта. Покрасневший нос. Навевают воспоминания о школьных каникулах и веселье с ребятами во дворе — таком понятном и простом, но невыносимо далеко. Казалось, что в настолько мягкий, настолько приятный снегопад не могло произойти ничего плохого и худшая из бед за день это случайно получить снежок за шиворот, и то, обидчику всегда можно было отомстить, пожаловаться на него или призвать к ответу перед остальными детьми.

Сейчас, пожалуй, так уже не выйдет. Насколько вероятен шанс того, что король, послушав меня, поверит и накажет кого-то из стражи своей супруги? Притом, что пострадавшая сторона явно не торопилась выдвинуть хоть какие-то обвинения.

Но зачем мне тогда эта месть?

Помявшись на снегу, я поправила ворот, отороченный мехом, и невольно втянула голову в плечи. Дыханием согрела озябшие руки, носом втянула далекий запах дыма из печных труб. Сделав первый шаг, я предпочла не загадывать исход драки и понадеялась на то, что всё пройдет почти безболезненно и быстро. Как Аван учила.

Перед внутренним взором всё еще стояли медовые глаза. Оливия цеплялась за меня и заискивала, будто точно зная, что на меня это сработает. Привычка ли или какая-то внутренняя чуйка помогла, но такую просьбу и в такой манере я не могла пропустить.

«Отомстите... никто другой этого не сможет сделать.»

От одной этой мысли ладони обдаёт холодом и не только из-за погоды. Клинок намекает, тянется в руки и шепчет в моей голове: «у нас есть право, есть, мы должны им воспользоваться». Как ему отказать? Как вообще не мстить после того, как я сама под светом полусотни кристаллов видела каждый сантиметр пореза и каждый синяк на теле девушки?

Мсть не бьет первой, но заставляет держать ответ.

Ты сам сказал бы «нет»?

Никогда не мог, лишь единожды я был удовлетворен исходом и никогда не счастлив после. Можно быть правым, можно вершить судьбы, вложить клинок в ответственное сердце, но первый удар я всегда упустил, и чаще всего он смертелен. А мертвых... не вернуть.

Значит, мне даже повезло.

Это всё равно не должен был быть твой бой. Ты рискуешь не выполнить возложенное на тебя задание, что если тебя покалечат? Отравят? Победят в конце концов. Софи, это глупо, это безответственно и наивно.

Но ты же мне поможешь?

На миг моего сознание коснулись усталость и раздражение Ньярла. Ощутимые, но не настолько сильные, чтобы помешать мне продолжить путь к тренировочным площадкам впереди.

Конечно помогу.

Я знала, что могу на тебя положиться, но если мы не хотим лишних смертей, то придется работать с обычным оружием. Нужно придерживать Мсть во время боя, чтобы она не мешала мне.

Я постараюсь.

Сунув руки в карманы в последней попытке отогреть их, я проследила взглядом, как из трехэтажного здания серого камня по окончании очередной смены выходят стражи без форменной легкой брони, а в мягких удобных костюмах для отдыха. Болтая о чем-то своем, двое мужчин прошли мимо, даже не заметив меня, а третий, явно не в компании, вдруг остановился у ограждения, полукругом обрамляющего территорию казарм. Облокотившись на входной столб, он скрестил руки на груди и с интересом посмотрел на меня, довольно цокнув языком:

— А вы к кому, дамочка?

— И вам здравствуйте. Не могли бы вы позвать бравого товарища по имени Лео, из внутреннего отделения?

— А кто его спрашивает?

— Дуэлянтка.

Понимающе покивав, парень сделал вид, будто воспринял мои слова всерьез.

— О-о-о, дуэль, а зрителем позовете?

— У вас работы нет?

— Видать, в этом и проблема, раз ты стоишь тут, языком чешешь.

Новый, неожиданно низкий и насмешливый голос раздался у прохода в казармы. Страж передо мной как по команде выпрямился и, коротко кивнув, поспешил отойти в сторону тренировочных площадок. На его место вышел высокий широкоплечий мужчина в стеганке нараспашку. Оглядев меня с ног до головы, он хмыкнул и, уперев руки в бока, одарил хитровой улыбкой.

— Чем обязаны вниманием некромантки?

— Хочу вызвать на дуэль одного из охранников, обидевших мою горничную.

— Я-ясно, Оливия надоумила?

Я открыла рот, но не нашлась с ответом. Раз он спрашивает, значит, в курсе ситуации, хоть и не выглядит как человек способный помочь мне.

— Иди-ка ты обратно под крылышко принцессы, темная, нечего тебе тут делать. Молодая девчонка, зачем тебе эти дуэли, тебе еще детей рожать.

Губы сами собой сжались, выдавая мои чувства. Вздохнув, мужчина осуждающе покачал головой и ладонью стряхнул с коротких волос собравшиеся снежинки.

— Да-а, правильно мне ваш разговор передали. Только женщина без будущего так отчаянно бросается в драку.

— Вы просто спустите ему это с рук?

— Доказательств нет, горничная обвинений не предъявляет. Ради чего ты пришла сюда? Неужели тебе мало проблем? Тебе не приходило в голову, что Лара посчитала увечье заслуженным наказанием?

Судя по тому, как она лила слезы на коленях перед Миррой, горничная так точно не считает. Этот белобрысый тип становится всё неприятнее.

— Как много отговорок для прикрытия какого-то засранца.

— Упертая, значит.

— Как вас зовут?

Мужчина приосанился, во рту мелькнул край зубочистки. Светлые глаза смотрели серьезно, под распахнутой стеганкой и плотной рубахой показался край сложной татуировки на шее.

— Джеральд Мелоуни, командир внешней стражи.

Тот самый? Всё время в замке он казался призраком, выдуманым мифом. На виду был только эльф королевы, а о Мелоуни только слухи. И как Марк умудрялся его избегать? Такой здоровый, и не выглядит он как дурак, я бы с ним не связывалась лишний раз.

Сбоку, от тропинки к ближайшему полю для подготовки стражей, послышался скрип снега и чей-то быстрый шаг. Огибая каменную ограду, ко мне вышел уже знакомый парень с шрамом у виска. Увидев меня, он фальшиво удивился и, остановившись, нарочито церемонно поклонился.

— Леди Серафина, вы могли бы подождать, пока я сам к вам приду, негоже девушке каждый раз посещать казармы ради моей скромной персоны.

Потрясающе наивный идиот. Вот о ком меня предупреждала Лара.

Я не смогла сдержать ухмылки, повернувшись к Мелоуни. Теперь-то не получится отговориться молчаливостью горничной и за слова придется ответить.

— Олух царя небесного.

Неодобрительно вздохнув, Джеральд потянулся к поясу и достал из ножен простой полторный меч с оплетенной ручкой. Вручив его мне, командир кивнул в сторону подозрительно присмирившего Лео.

— Третья арена, без меня не начинать, иначе обоих отправлю отдохнуть в подвале.

— Джер, с какой стати?

— Хлеборезку нужно было прикрыть вовремя, неужели Морохир не предупреждал даже не дышать рядом с командованием, когда мы говорим с кем-то из замка?

Пристыженный страж на миг оробел, но, встретившись со мной взглядом, поспешил вновь нацепить на лицо маску добродушия и доброжелательности.

— Неужели вы и правда решили устроить дуэль?

— Кажется, не тот человек лишился языка.

Сжав рукоять, я направилась к нужному месту, следуя старым, побледневшим деревянным указателям на углах отгороженных площадок. Вся территория «арен», а точнее полигонов для обучения, была разграничена грубо отесанным камнем, рядами деревьев и повторяющимися домиками с тренировочным оружием. Тут и там звучала ругань, где-то разминались новобранцы, у стоек с настоящим оружием толпились воины, что-то обсуждая между собой. В воздухе ощущалась магия и электрические разряды от посохов, стражи учились действовать слаженно, раз за разом повторяя одни и те же движения, заканчивая их коротким выбросом снопа искр.

Волосы зашевелились на затылке, стоило вспомнить, как болезненно отдается эта энергия в теле.

— У тебя еще есть возможность передумать.

Лео ускорил шаг, опережая меня, и первый вошел на нужную арену. Сюда, как пчелы на мед, потянулись и другие воины, предчувствуя бесплатное развлечение.

— А ты прилюдно извинишься за содеянное и оставишь работу стража?

— С чего бы?

— Тогда я не вижу причин для раздумий.

Мы оказались на припорошенной снегом площадке примерно пять на пять метров, над которой будто купол тянулись к друг другу ветви старых, кряжистых дубов. Деревья явно немало повидали на своем веку, а постоянное присутствие магии исказило их облик. Кривые корни вздымались над землей настолько высоко, что будто собирались переступить через

ограду и сами всем скопом пуститься в драку меж собой.

Странное место, тревожное, недоброе, и, ступая на неровные плиты, я внутренне подобралась, ожидая подвоха. Чужое внимание начало ощутимо давить на нервы. Чтобы хоть как-то отвлечься от ожидания, я сняла куртку, бросив ее на край стойки с оружием. Прохлада тут же забралась под свитер, одолженный у принцессы, но так мои руки не сковывал приталенный крой.

— Итак, леди Серафина, вы готовы поделиться с нами причиной дуэли? Хотя бы отчасти?

Джеральд подхватил со стойки еще один меч и, встав между мной и Лео, внимательно посмотрел на обоих.

— Ваш страж очень болтлив, не в меру хвастлив и обидел мою горничную. Этого хватит?

— Вполне. Лео, ты принимаешь эти обвинения?

— Нет, конечно.

— Тебе же хуже. Сэра готова?

— Да.

— Лео?

— Готов.

— Бой до первого серьезного ранения, его я определю сам и прикажу остановиться, а вы так и сделаете, иначе получите техническое поражение. В вашем праве сдать первыми или отказаться бить противника. Нарочитые смертельные удары влекут за собой наказание. Каждый из вас должен быть в силах продолжить работу после дуэли. Ясно? Отлично. Начали!

Меллуни дал отмашку рукой и тут же отошел от нас, позволив сблизиться с дуэлянтам. Мой меч плавно рассек воздух и замер на уровне груди. Лео скопировал это движение, мягко сделал шаг в сторону и почти незаметно ближе ко мне.

— Надеюсь, некромантов хорошо учат фехтовать. Будет жаль испортить такое прекрасное лицо.

Специально пытается вывести из себя, проще было бы вовсе заткнуть уши, но тогда я пропустила бы шорох и чуть слышимый шелест снега. Они достигают меня чуточку раньше, чем осознание: Лео подгадал время и резко сократил расстояние.

Первый удар — колющий. Мечи сошлись друг к дружке, зазвенела сталь, полотно дерзко сцепилось и тут же отпрянуло будто в нерешительности. Мы сделали шаг назад, а затем ещё один в бок. Наше противостояние только начиналось, и никто не бил в полную силу, ибо первый выпад это всего лишь проба пера, лишь насмешливое соприкосновение металла, вопрос «Много ли в тебе удали? Не сдашься ли после первого тычка?». Не сдамся. Ответ был у нас на лицах, в наших руках, в шепоте собравшихся у ограды.

Больше Лео не отвлекался на разговоры, второй раз этот трюк со мной бы не прошел, но стоило сделать полукруг на площадке, как он вновь сделал выпад, на этот раз неожиданно с левого бока и горизонтально, будто проверяя, не буду ли я справляться с защитой хуже. Металл сверкнул совсем близко, но недостаточно для того, чтобы стать чувствительной помехой. Я отразила удар, вместе с этим в голове вспыхнула подсказка Ньярла.

Слишком просто, будь внимательна.

Пытаюсь.

Еще шаг, два, три, снова выпад, но теперь снизу по диагонали к левому плечу, рубил

словно наотмашь, не желая действительно задеть, но, едва остановив лезвие своим, я ощутила, как Лео плавно двинулся вперед, желая продолжить удар. Меч опасно скользнул к правой руке, вынуждая меня отскочить назад, пока меня не достала наточенная кромка. Швы плит под ногами предательски мешали равновесию.

Уже второй подлый прием. Не такой, как, например, песок в глаза, но неприятно, исподтишка, проверяя мою бдительность и ловкость.

— Лео, давай! Собери себя в руки!

— Уложи ее на лопатки!

Голоса вокруг напомнили, что мы не одни. Раззадоренный противник самодовольно улыбнулся, и я не смогла сдержаться, не использовав такой прекрасный момент. Край меча охотливо скользнул к правому плечу парня, точным уколом собираясь вывести его из строя. Чужое стальное полотно отвело лезвие в сторону. Любой другой на месте Лео тут же отпрянул, но дуэлянт наоборот резко сократил расстояние, а я, отвлеченная на оружие, запоздало ощутила подножку. Колено предательски подкосилось, выводя меня из равновесия. Пришлось опереться на руку, и, не давая приставить меч к своей шее, я развернула корпус, вскинув свое оружие. Лезвие едва коснулось подбородка отпрыгнувшего противника.

— Шустрая.

Стерев выступившую кровь, Лео нехорошо нахмурился, опасаясь ко мне подходить, пока я вновь не встану на ноги. Пользуясь его же приемами, я постаралась вложить в голос столько яда, сколько было возможно.

— Привык драться только с безоружными? Какого это выступить против равного противника?

— Кто сказал, что ты равная мне?

— И правда, я сильнее буду.

Скривив губы, Лео заметно раздул ноздри и бросился напролом с колющим ударом в живот. Отразить его было несложно, но как я и ожидала, дуэлянт не отступил, едва его оружие было отведено в сторону, а попытался сместить корпус в бок и сбить меня с ног плечом. Моя подножка быстро охладила пыл юноши, удар локтем по затылку, надеюсь, заставил задуматься, но несмотря на силу инерции и ускорение противник не упал, быстро восстановив равновесие. Багровое лицо развернулось ко мне, Лео разозлился еще больше. Сделав прыжок в мою сторону, он вновь ударил наотмашь, теперь сверху, целясь то ли в плечо, то ли в голову. Под строгий оклик Джеральда я отпрянула от лезвия и взмахнула мечом сама, по диагонали распарывая куртку юноши на животе и боку. По ткани быстро расплзлось красное пятно, но рана была неглубокой, не страшнее длинной царапины.

Удостоверившись, что продолжить бой можно, Лео не долго думая вернулся в стойку и вновь атаковал, сделав низкий выпад и взмахнув мечом снизу. Пришлось отступить на шаг назад, чтобы отвести полотно в сторону, но как только опасность миновала, я вновь двинулась вперед, ударив противника ногой по голове. Оружие дуэлянта выскользнуло из рук, он ошалело и рассержено взглянул на меня, придерживая покрасневшее ухо.

— Ну ты и сука.

— Можешь пожаловаться королеве.

От собравшихся послышались разочарованные возгласы, а Джеральд довольно кивнул, захлопав в ладоши. Слегка смутившись, но чувствуя ужасную гордость за свою победу, я повесила меч на пояс, собравшись подойти к начальнику стражи. На краю зрения что-то

подозрительно шевельнулось, нервы ударило чувство опасности.

Софи, клинок!

Не отдавая себе отчета, я ощутила, как пальцы обхватили Мечь, а рука дернулась вперед, оставляя на голове Лео отметину, ровно там же, где был до этого шрам. Только долгое мгновение спустя до разума донеслась отчетливая мысль: страж держал в ладони короткий клинок, спрятанный в обуви, именно на это движение среагировал Ньярл, но...

— Сэра, положи оружие! Дуэль закончилась, отойди от него!

— Но клинок...

— Отойди, я сказал!

Джеральд в два шага подлетел к нам и закрыл собой Лео, но к тому времени ушлый страж вновь спрятал свой козырь, деланно хватаясь за лицо и изображая страж.

— Сумасшедшая! Истеричка!

— Да пошел ты.

Мечь исчезла, но на это никто не обратил внимание. Еще несколько воинов подошли к моему противнику, поднимая его на ноги и уводя с площадки. Джер оттеснил меня от процессии и, стоило только мужчинам скрыться, поймал за руку, ловко защелкнув наручники на запястье.

— Нет, постойте, у него был клинок, он хотел меня ударить!

— Король разберется, а пока отдохни немного.

— Не смей меня трогать!

Я попыталась оттолкнуть его, но это было всё равно, что отбиваться от каменной глыбы. Силен, чертовски силен и здоровый, как бык, чем его только Оливия кормит. Лапищи ловко скрутили мою руку за спиной, не дав и шанса сбежать. На втором запястье звонко щелкнул браслет, мир будто разом схлынул, потерял четкость, краски, а голову накрыло тяжелым ватным одеялом. Из чувств: лишь под носом пробежало что-то горячее.

— Шевелись, не буду тебя нести.

Легко было сказать. Я побрела вперед почти не осознавая, что со мной происходит. В ушах пульсировала кровь, череп давило, распирало что-то изнутри, будто желая выбраться из оков. Боги, как тяжело, как непонятно, я словно попала в туман, в кисель, забыла кто я и что я. Звуки доносились через плотную пелену, перед глазами мелькали люди. Накатывала жуткая усталость.

Сейчас присесть бы, поспать, но меня упорно тянут куда-то, как мешок с картошкой.

— Давно не виделись, ваше величество! Примите меры, без вашего внимания ну никак нельзя.

— Что опять случилось?

— Руки распускаем в честной дуэли.

Меня аккуратно подтолкнули вперед, к светлому рабочему столу передо мной, но ноги тут же зацепились за ковер. Потеряв равновесие, я упала на колени, с тупым безучастием наблюдая, как капли крови падают на кремовый ворс. Виски прострелила боль, но вместе с ней будто что-то прояснилось, нечто старательно отгораживало мое сознание от действия оков.

О, Ньярл, если бы ты только знал, как сильно я тебя люблю.

Его ответом было неразборчивое эхо. Неловко шмыгнув, я приподняла голову, встретившись с Авелем взглядом.

— Он сам в конце боя потянулся за клинком в сапоге, я просто чуточку быстрее

среагировала.

Бледные брови сошлись на переносице, прямо как у Каина.

— Это кто-то может подтвердить? Кто-то видел оружие у Лео?

— Никак нет, ваше величество. Народу было немало, но никто не заметил его клинка.

— А если и заметил, то промолчит из солидарности.

Я вновь шмыгнула носом, пытаясь хоть немного задержать кровь, но стало только хуже.

Еще несколько капель упало на ковер.

— Из-за чего была дуэль?

— Юный страж решил похвастаться своими успехами в личной жизни.

— Он отрезал моей горничной язык и во всеуслышание рассказывал, что я приходила к нему в казармы.

— А ты не...

С вызовом посмотрев на Авеля, я процедила сквозь зубы:

— Вам рассказать о моей личной жизни, ваше величество? Что вы еще о ней можете не знать?

— Я не... не важно. Сэра, перестань ерничать, лучше скажи, почему я о горничной ничего не знаю, она предъявляла обвинения?

— Вы хотите спросить, не рассказывала ли немая девушка о том, кто ее обидел? Нет, конечно нет.

— Ты невыносима.

— Всегда пожалуйста.

— Мне придется назначить тебе наказание.

— Кто бы сомневался.

— Тебе стоит быть сдержанней.

— И пропускать чужие удары, чтобы заслужить доверие.

Ладонь звучно хлопнула по столу, заставив меня замолчать. Пользуясь случаем, я запрокинула голову, мысленно припоминая, что еще может помочь в таких случаях.

— Как сильно она ранила дуэлянта?

— Царапина, ему повезло.

— Тогда неделю в заключении, и позовите ей уже лекаря.

Я скривила губы, рассматривая люстру и осуждающее выражение лица Джера. Хотелось плюнуть в него, но был шанс, что плевок прилетит обратно. Крепкие руки дернули меня за плечо вверх, вынуждая встать, но пол под ногами тут же закачался.

— Ваше величество! Ваше величество!

В двери кабинета кто-то бесцеремонно влетел. Краем глаза я разглядела светлый костюм посыльного и его огромные, испуганные глаза.

— Мой король, в трущобах нашли демона! Того самого, что похищал людей!

Авель неловко сел в кресло и несколько долгих секунд собирался с мыслями, застыв словно изваяние. Прикрыв глаза, он медленно и глубоко вздохнул. Я ощутила легкий укол некрота от него, браслеты предупреждающе нагрелись, собирая энергию.

— Где Дей Уинн, курирующий это дело?

— Уже там, милорд, он и послал в замок предупреждение

— А с ним кто?

— Н-никого, сир.

— Джер, отправишь туда своих ребят и попроси дядю выделить храмовников.

— Ни за что, блять, на свете. Я не стану его ни о чем просить.

— Это не просьба, это приказ.

— Мои ребята и сами справятся.

— Если ты собираешься сделать из них пушечное мясо.

Джеральд шумно выдохнул, словно рассерженный дракон. Король поджал губы, стиснув их добела, его взгляд из-под полуприкрытых век упал на меня.

— Сэра...

— У меня отпуск неделю.

— Твоя помощь...

— Я буду очень занята.

На мгновение послышался скрип зубов. Не в силах сдерживаться Авель вновь поднялся на ноги и, словно тигр в клетке, начал ходить от одной стены к другой, заложив руки за спину.

— Что тебе нужно?

— Снимите с меня обвинения, я не собираюсь сидеть неделю в клети после того, как убью вам демона.

— Как ты вообще можешь сейчас торговаться?

— Я стараюсь быть сдержанной и законопослушной, в рамках наказания.

Король резко остановился. Ладонь Джеральда предупреждающе сжалась на моем плече, но едва ли это могло меня остановить. Обида за исход дуэли была сильнее, власть перешла в мои руки, а пара минут всё равно не решат проблему. Дольше король точно не станет думать.

— Ты чудовище.

— На службе у короля. Вам всё ещё нужно избавиться от демона?

— Джер, отпусти ее.

Над головой послышался недовольный голос начальника стражи:

— Мой король...

— Нам нужно меньшее зло, чтобы справиться с этой бедой.

— О, как приятно, что вы уважаете некромантов и их труд, я было решила, что вы воспринимаете меня как удобный инструмент.

Склонившись ко мне, Джеральд не особо церемонясь грубо стянул наручники, но даже так я была приятно удивлена и обрадована вернувшемуся мироощущению и быстроте мыслей в голове. Никогда бы не подумала, что моя разработка, одна ладная идея, обернется вдруг против меня. Авель, будто бы слегка растерявшись от моей колкости, продолжил с

запозданием.

— Серафина, я...

Упершись ладонями в колени, я с трудом поднялась на ноги, ощущая легкое головокружение после действия оков.

— Не утруждайтесь в вежливости, у меня всё ещё нет выбора, кроме как подчиниться любому указу. Просто приятно иногда позубоскалить, прям чувствую себя человеком.

— Я не просил бы тебя о помощи, если бы лучшие охотники на демонов успели хотя бы обучить своего сына перед смертью.

— Что?

— Дею достались только книги, но едва ли они помогут ему всерьез бороться с тем, что отъедалось так долго в трущобах.

Я не могла поверить своим ушам.

— И вы нарочно не дали ему помощников?

— Он мог их набрать сам, сколько угодно, но, насколько я знаю, пригласил только тех, в ком был уверен и кому доверял. Воинов при замке он подозревал в причастности.

Чувствуя, как предательски зашипало глаза, я сжала кулаки, не давая себе показать слабину. Взглянув Авелю прямо в глаза, я произнесла то, что ему точно стоило услышать:

— Надеюсь, ты понимаешь, что в случае его смерти будешь виноват ты, а не я.

— Сэра, не смей...

— Это твои воины и твои министры не дали решить проблему раньше, твоё руководство привело к этой беде. Всего хорошего.

Развернувшись к двери, я не оборачиваясь вышла из кабинета, направившись в спальню. В замке царила необычная суматоха. Стражи, услышавшие о новостях, переговаривались, кто-то обсуждал усиление охраны самого замка. Видимо, Морохир уже преступил к действиям, опасаясь, что демон может добраться до королевской семьи.

— Говорят, он огромный...

— Столько человек...

— Я видел мельком, он возвышался над домами...

— Людей вывели из района, тех кого могли...

— На месте видели с десятков разорванных тел...

— Слыхали, что это был бывший водила, прятался в трущобах...

Страх и тревога будто рой муравьев пробежал под кожей, заставляя ускоряться с каждой новой фразой, случайно брошенной вслух. К собственной комнате я подлетела уже бегом и, дернув дверь, схватила с постели трость. Единственное оружие, что мне могло помочь. Наспех вытерев под носом кровь, я взяла новую куртку и, сунув ее подмышку, вновь вернулась в коридор, на полной скорости врезавшись в чью-то грудь.

— Я как раз тебя искал!

— Фин!

— Я от Дея, он попросил привезти тебя.

— Знаю-знаю, идем!

Сунув трость за пояс, я вцепилась в руку водителя, потянув его к хозяйственному крылу. Финиан, чуть ли не обгоняя меня, помчался следом, взъерошенный, побледневший и тоже уже в крови.

— Что с тобой?

— Довез парочку раненных.

— Много их?

— Нет, большая часть пострадала несильно и им уже помогли добровольцы.

Перепрыгивая через ступеньки лестницы, я чуть ли не кубарем прокатилась до первого этажа и не глядя миновала столовую, куда красноречиво вели красные следы от выхода. Машина Фина нашлась прямо у крыльца, запрыгнув внутрь, я услышала недовольное ворчание рабочих, с трудом обходивших транспорт, но всё это осталось позади спустя какую-то секунду, стоило только водителю сесть на место. Не представляю, как он завел мотор так быстро, а уж тем более набрал скорость, но, выехав на дорогу, мы неслись к району трущоб словно на пожар.

— У него хотя бы было оружие? Умоляю, скажи, что был меч.

— Ну какой-то он точно раздобыл, но я не уверен, что это было что-то стоящее.

— Боже, какой же он идиот, просто редкостный дурак.

— Он на допрос всего лишь шел, просто уточнить детали, никто не думал, что из барака вырвется эта тварь.

Уточни внешность, что это было?

— На что похоже чудовище?

— Ну... такое... такая... да хер его знает, Сэра, я не рассматривал! Просто здоровая черная штука с кучей зубов!

Шоггот.

Ты знаешь, что это?

К сожалению.

Это будет сложнее, чем дуэль с зазнавшимся засранцем?

Считай, что это была легкая разминка.

Черт.

— Смотри!

Машина резко вырулила по узкой улочке к мосту через очередной темный, мутный канал, обитый каменными плитами, но не он привлек моё внимание. Открывшийся мне вид на нижний город, старую столицу, на краю которой словно грязный, ржавый ободок раскинулись древние трущобы. Среди ветхих крыш и кряжистых деревьев нечто темное, почти неразличимое на фоне потемневшего вечернего неба, вздымало свои странные руки-отростки, цепляясь за покрытую снегом черепицу. Заметить это можно было лишь благодаря наступившей зиме и частым белым всполохам, отмечавшим силуэт твари и словно бы отбивавший азбукой Морзе просьбу о помощи.

— Он слишком близко к морю, кажется, его зажали на берегу.

— Видимо хотел отвести демона подальше от центра города и выживших.

— Либо упадет в воду, либо его поймают.

— Придется поверить в его силы, ехать быстрее физически невозможно.

Чужое сражение снова скрылось за высокими фасадами простых дешевых домов. На улицах появились люди, большинство из них, собрав самое ценное, спешили к мосту в надежде спастись и отгородить себя хотя бы полосой воды. На укрытой белой пеленой мостовой в сумерках темные фигуры без зазрения совести шли прямо по проезжей части, всё чаще заставляя Финиана сбросить скорость и ехать аккуратнее. Тревожность, отдаваясь в голове нарастающим звоном, предлагала выйти из машины и припугнуть парочку идиотов мечом или магией, чтобы не мешались на пути.

— Может, всё же сами как-нибудь отпрыгнут?

— Сэра, так нельзя, хотя не то, чтобы я был против наплевать на правила.

— Пустоголовые засранцы, неужели так сложно отойти?

Где-то вдали послышался грохот, судя по звукам, одно из зданий обрушилось, но всплеска за этим не последовало. Осталась надежда на то, что Дей не пострадал и просто гоняет демона по самым значным местам. Дернувшись к двери, я услышала голос Фина:

— Терпи, не смей выходить, еще чуть-чуть, и мы будем рядом!

— Мы просто теряем время!

— Машина всё равно доберется быстрее, чем ты добежишь на своих двоих.

Ударив по гудку, водитель несколько раз посигналил и свернул куда-то во дворы, ловко объехав прохожих. Мы оказались в совсем крошечных проездах между домами и, едва протискиваясь, вновь набрали скорость. На мгновение показавшаяся торговая улица с магазинчиком Кейна мелькнула сбоку и вновь скрылась. Я впервые узнала район, где мы оказались.

— Остановись где-нибудь здесь, дальше всё будет забито бараками!

Сосредоточенно кивнув, Финиан наклонился к самому стеклу и резко затормозил у импровизированного двора-колодца. Рядом отчаянно залаял пёс, слепленные между собой постройки перекрывали дальнейший проезд, сделав из внутреннего сада с фонтаном какое-то подобие прачечной. Застиранные тряпки бурого цвета подрагивали на веревках в метре над землей.

— Спасибо!

— Я подожду здесь, чтобы забрать вас.

— Если первым доберется Дей, то меня не ждите.

— Сэра!

— Не спорь!

Финиан дернулся в мою сторону, но нас разделяла спинка сиденья. Перегнувшись через нее, я чмокнула водителя в щеку в знак благодарности и выпрыгнула из салона, чуть не растянувшись на льду. Вода с выстиранных тряпок образовала по всей площадке опасный каток. Осторожно держась за каменные стены, я засемила в сторону моря. Добраться оставалось всего ничего, и уже здесь я чувствовала типичное зловоние твари из-за Завесы: гнилое мясо с примесью серы.

— Как только Дей продержался тут так долго.

Преодолев арку под домом и еще одну грязную, но широкую дорогу, я вновь погрузилась во дворы. Запах стал заметно сильнее, этот факт радовал и одновременно удручал. Спустя еще один дом я смогла увидеть белые вспышки, отражавшиеся на стенах. Пospешив к ним, я в какой-то момент едва остановилась перед мелькнувшим впотьмах щупальцем демона.

— Дей!

Рука обхватила набалдашник, клинок сверкнул рунами в бледных отблесках света, и, несмотря на крик, шоггот даже не повернулся ко мне. Протискиваясь в узкий переулочек у последней линии построек перед морем, он будто пытался выскоблить кого-то, но собственные размеры и редкие удары светлой магии мешали достать добычу.

— Цветы! Недорогие цветы! Цветы!

Услышав тоненький детский голос, я встала как вкопанная, отчаянно завертев головой, но кроме демона на улицах никого не было видно.

— Дешевые цветы! Возьмите! Пожалуйста! Не трогайте меня! Уйдите! Цветы!

— Что за...

Огромная черная тварь дернулась и пошла рябью, словно гигантский студень, совсем близко ко мне открылся большой темный провал с двумя рядами зубов.

— Мы совсем скоро приедем! Приедем! Да! Да! Господин!

Новый голос был непохож на предыдущий, он явно принадлежал мужчине, взрослому мужчине, не ребенку.

— Больно! Больно! Больно! Помогите!

— Помогите! Пожалуйста! Не нужно! Не трогайте! Ах!

Третий голос был женским, он сорвался на плач, всхлипы и редкие болезненные вздохи. Ребенок вторил ему, разразившись душераздирающим ревом, мужчина отчетливо закричал в унисон. Дополняя и перебивая, они словно не слышали друг друга, но каждый испытывал такую невыразимую муку, будто их вот-вот убьют или кто-то стал истязать.

— Цветы! Мой господин! Не так грубо! Больно! Оно раздирает меня! Раздирает!

Я не могла заставить себя двинуться, хотя сознание отчетливо отдавало приказ ударить шоггота и начать бой. Рты не затыкались, двигались по этой зловонной кляксе, высовывали длинные языки и всё громче молили о пощаде. Лишь порядок слов выдавал в них фальшь, демон не понимал, что именно выкрикивают люди, но копировал их безумно точно. Хватит просто закрыть глаза, чтобы поверить в существование бедолаг рядом со мной.

Дыхание на миг сбилось, руки занемели, и клинок в моей ладони дернулся вперед, воткнувшись прямо в пасть «девушке». Голос захлебнулся криком и умолк, тело демона содрогнулось, а отростки потянулись в мою сторону.

— Папа! Где мой папа?! Он обещал меня забрать отсюда! Папа!

Заторжено наблюдая, как на черной смолянистой поверхности проклюнулись глаза, я вновь размахнулась и ударила теперь и по ним. Шоггот недовольно булькнул, но, не прекращая воя, начал разворачиваться быстрее, видимо всё же посчитав меня заметным противником.

Софи, шевелись! Не стой столбом!

Это отвратительно, мерзко...

Это шоггот, они умеют перенимать голоса жертв. Двигайся уже!

Ощувив волну мурашек на коже, я попятилась, стараясь отвлечься от голосов. Ньярл, к сожалению, звучал в моей голове столь же отчетливо, сколь и демон, еще сильнее создавая впечатление полного сумасшествия.

— Сюда иди отродье Завесы, сюда...

Обретая над собой контроль, для профилактики я ударила тварь еще несколько раз, уворачиваясь от пока не слишком проворных отростков. Неловко, неуклюже, наращивая себе подобие рук и всё больше глаз, он создал еще десяток ртов, они не кричали, но заинтересованно потянулись ко мне, шевеля острыми, как у акулы, зубами.

Самое время спросить, как убить эту штуку.

Сжечь, заморозить и разрубить, либо разрубить рунным оружием на множество частей.

Боги, вот это работенка меня ждет.

Я же говорил.

Надеюсь, хотя у Дея хватит мозгов уйти из-под раздачи.

Окончательно выбравшись из плена стен, шоггот вдруг резко замолк и, вытягиваясь в высоту, будто нарастающая морская волна, вдруг явил свою самую большую, нечеловеческую пасть. Она заговорила новым низким, рокочущим голосом.

— Врата, я чую врата, открой же их!

— Ну попробуйся.

Инстинктивно огладив свободной пальцами кулон на шее, я приготовилась отразить атаку демона, и она не заставила себя ждать. Смоляной поток обрушился на меня сверху как зловонный водопад. Мне оставалось лишь хорошенько взмахнуть клинком, срезая отростки и стараясь не попасть под особенно агрессивные щупальца.

— Сэра!

Оклик напарника был совершенно не к месту, и на секунду даже показалось, что это снова кричит шоггот, но светлая бледная фигура мелькнула в проходе у дома сбоку. Держась за окровавленный бок, парень с ужасом смотрел, как слизь чудовища стекает по моим рукам, медленно разъедая куртку, но совершенно не вредя коже. Сам Дей таким иммунитетом похвастаться явно не мог, половина лица, шея и часть руки были сильно обожжены, воспаленно краснели на светлой коже и уже начали покрываться волдырями. Правый глаз он держал закрытым.

— Уходи! Вон отсюда! Слышишь? Фин увезет тебя!

— Но ты...

— Вон!

Воткнув в тучное, податливое тело клинок, я вдруг ощутила, как мерзкое слизкое тело вдруг вытянуло его из моих рук, обхватив кисть и потянув внутрь непроглядной темной жижи. С отчаянием я дернулась назад, надеясь хотя бы самой не попасть в этот отвратительный гнилостный студень, но мелкие и тонкие мокрые отростки тут же ринулись навстречу, оплетая мои руки плотной паутиной.

— Да чтоб тебя, чертова тварь!

На границе зрения Дей дернулся в мою сторону, этот идиот действительно решил помочь, несмотря на собственное состояние, и вот-вот должен был подставиться под удар. Вытянув голову и отклонившись назад, на весу я собрала остатки сил и сосредоточенности, чтобы припомнить случайные пару строчек из прошлого.

— И я вернусь домой со щитом, а, может быть, на щите. В серебре, а, может быть, в нищете, но как можно скорей!

Напарник замер на полушаге с удивлением и неверием глядя на меня, но не послушаться не мог. Я чувствовала, что большую часть магии в это «заклинание» вложил именно Ньярл, оно тянуло сознание Дея прочь и навязывало одну единственную мысль, хоть он до последнего не желал отворачиваться.

— Врата! Ты обязана впустить других! Наш господин оставил их тебе!

К горлу подкатила тошнота, стало настолько дурно, что воззвать к Ненависти не было никаких сил. Вонь забила нос, заполнила легкие и отвлекала разум от любых мыслей помимо голоса шоггота. Желудок скрутило болезненным спазмом, словно в животе появилась дыра. Горечь пробралась по горлу, обжигая наполнила рот, и где-то в самом отдаленном участке головы мелькнула радость за то, что обед я пропустила, а завтрак был уже слишком давно. Я упиралась ногами как могла, ощущая, что и они постепенно теряют подвижность. Слабо отплевывалась от желудочного сока, я с содроганием переживала одну вспышку рвоты за другой, будто меня угостили тухлой плотью демона. Ладонь, словно по наитию следуя забытому мной приказу, шарила в неровном комковатом студне, желая найти потерянный клинок.

— Открой! Открой их!

Одно из влажных щупалец скользнуло по шее с явным намерением забрать кулон.

Спасаться было бесполезно, любое движение против норовило порвать тонкую цепочку и лишит меня последней защиты перед демоном. Пришлось наоборот податься слегка вперед и, задержав дыхание, сделать последний рывок в поисках оружия. Зажмурившись, я мысленно взмолилась всем богам сразу в надежде, что хоть кто-то из этих засранцев поможет мне, пока новая зубастая пасть гостеприимно раскрылась перед лицом, дыхнув на меня теплым, сладким запахом разложения.

Нет-нет-нет-нет-нет...

Тонкое металлическое щупальце рукояти прикоснулось к пальцам. Выбросив руку вперед, я вцепилась в набалдашник, последнюю соломинку, и резко выдернула из туши демона, обрезая облепившие меня отростки. Шоггот недовольно взвизгнул как свинья, челюсти перед лицом захлопнулись в попытке укусить меня хотя бы за нос. С остервенением я принялась размахивать клинком, вновь и вновь с трудом втыкая лезвие в смоляное пузо твари. Черные кляксы, вылетающие из него, словно кровь, сухим, угольным налетом оседали на руках, стоило им только отделиться от тела. На мгновение я ощутила себя гребаным шахтером, а не некроманткой.

Это очень долгий метод, лучше дождись, пока он сделает новые отростки.

Сделав несколько шагов назад, я наткнулась на обломки дома, за спиной нагроможденной кучей камней лежала древняя постройка неперезжившая вмешательства демона. Щупальца твари подозрительно потянулись к кускам побольше, а безразмерное тело с хлюпаньем двинулось навстречу. Множество ртов зачмокали губами, будто подзывая меня:

— Текели-ли! Текели!

Первый удар валуном был кривым и неровным, так что мне почти не пришлось уворачиваться. Слизь передо мной недовольно запузырилась, рты забормотали что-то бессвязное. Еще два щупальца подобрали часть стеной кладки и попытались швырнуть их в меня, но студенистые «руки» в очередной раз промахнулись. Воспользовавшись удобным моментом, я срезала их и прыгнула к самому большому рту, угрожавшему мне ранее. Лезвие клинка легко вошло в «десну», заставив тварь болезненно высоко вскрикнуть.

— Убери!

Под нижней губой появился новый отросток, он с силой оттолкнул меня к обломкам. Еще несколько щупалец отрасли на концах толстые округлые шишки, возмущенно забарабанив ими по земле, как кувалдами. На смоляной поверхности начали расцветать мелкие глазницы, как сыпь укрывшие демона. Они флуоресцировали бледным зеленым светом и все как один уставились на меня. Одна из кувалд тут же прицельно полетела в меня, почти не оставив времени уклониться. Приземлившись на остатки дома, она подняла столп пыли и каменной крошки, осыпавшей мою голову и закрывшей обзор. На ощупь я дернулась к этой руке, выставив перед собой клинок, металл почти завяз в плотной массе, но тело шоггота всё же поддалось. Сгусток рассыпался черными хлопьями, а второй такой же вдруг обернулся когтистой лапой. Ловко поймав мою ногу, он резко дернул меня наверх, держа над землей, будто надоедливого жука. Огромная пасть расщедрилась на новые треугольные зубы, сделав рот монстра подобием мясорубки.

— Текели-ли! Текели!

Глаза, обрамляющие губы, довольно закатились, иные отверстия защелкали в предвкушении. Шоггот оказался чуточку проворнее, чем я думала, и даже обрежь я сейчас гнилостную лапу, держащую меня, тут же улечу в темный провал жаждущей глотки. Ладонь быстро нашарила на поясе выскальзывающий футляр трости. Вложив клинок в нее и заперев

до щелчка, я мысленно попрощалась с любимым оружием. В другой ситуации я бы даже проронила слезу, переживая такую огромную утрату.

— Прости, Ньярл.

К голове прилила кровь, в ушах неприятно зазвенело, а зловонное дыхание окутало лицо. Зажмурив глаза и опасаясь в последний момент передумать, я сжала трость посередине и вытянула руки. Если мне очень сильно повезет, то всё пройдет быстро, и руки-ноги останутся целы, хоть и не невредимы.

Чувствуя, что меня вот-вот опустят, я с усилием подтянулась, обняв колени. Когти монстра тут же разжались, я полетела вниз и, вытянувшись в воздухе как солдатик, нырнула в кишасую зубами пасть. В сознании услужливо промелькнула мысль: это была моя последняя глупая идея в жизни, больше их точно не будет.

Задержав дыхание, я досчитала до трех, пока неровные бритвы челюстей не чиркнули по икрам, разрывая ткань брюк. Мой последний поток воздуха остался снаружи, всё тело с легкостью уместилось внутри гигантского студня, словно я была всего лишь мелкой закуской для его мясорубки. Позволив себе всхлипнуть от боли и досады, я крепко вцепилась в трость и со скрежетом заставила ее встать поперек горла шоггота, остановив падение в его бездонный желудок.

— Э-эк!

Короткий спазм, сопровождаемый странными тошнотворными звуками, сотряс внутренние стенки твари. Он отчаянно старался меня проглотить, сжав рот и собрав в гармошку мешающуюся зубочистку, но неровная поверхность клыков лишь вспорола одежду, неглубоко расцарапав бока. Ладони, к счастью, не пострадали, хотя держаться на весу было тяжело. Моё единственное оружие жалобно скрипнуло. Металлический набалдашник и наконечник выдержали испытание костяными бритвами, но деревянный чехол явно проигрывал в этой неравной схватке. Покрывшись трещинами, он будто бы жалобно стонал, лезвие вот-вот должно было освободиться, проткнув угольную шею демона и обозначив мой личный конец в агонии перевариваемой заживо.

Стиснув ладони посильнее, я вновь зажмурилась, хотя остатки лунного света, мелькнувшие на улице, уже не поступали в пасть чудовища. Зубы надо мной начали смыкаться, сильнее давя на трость. Что-то склизкое прикоснулось к рваной штанине, слизывая капающую кровь.

Язык, я совсем забыла про язык, хотя его и не было видно.

— S-sol sanctus... da mihi radium lucis, tenebras dispe-erge... et fluat gratia tua. A-amen.

Это было отвратительно плохо, особенно для единственного шанса выжить.

У Авеля наверняка получилось бы лучше, и без заиканий, но мне можно было простить откровенно слабое произношение. Светлой магией я владела ужасно, да и не нужна она была мне. Наверное, я бы и не воспользовалась ей в ближайшие годы, если бы не этот чертов шоггот.

Трость надломилась, и я инстинктивно разжала ладони, чтобы не срезать лезвием клинка пальцы, их резко обожгло холодом, забрав чувствительность и на мгновение мне показалось, что я вдруг ухватила за Мечь, но ее точно не могло быть.

Отдаленно, через толстую пелену шума и звона в ушах, я неожиданно услышала взрыв. Дыхание перехватило, голова закружилась, я будто на секунду потеряла сознание и, не чувствуя опоры, беспомощно взмахнула руками, желая зацепиться и продлить падение, но пальцы мазнули пустой воздух. В ужасе распахнув глаза, я едва разглядела приближающуюся

землю и черные разводы на ней. Инстинктивно выставив ладони вперед, я невыносимо больно приземлилась на каменную мостовую, чуть не пропахав носом грязь. Воздух выбило из легких, несколько долгих секунд я пыталась вздохнуть, будто рыба, выброшенная на сушу, но грудь горела изнутри отвратительным пламенем. Организм словно отказался подчиняться мне.

— Тише-тише, дыши медленно.

Кто-то помог мне перевернуться и усадил, аккуратно похлопав по спине и помогая вновь сделать вдох. Вцепившись в куртку мужчины, я закашлялась, боль снова обожгла легкие, но с каждым вздохом становилось чуточку легче. Неприятный шум в ушах схлынул, сознание заполнили звуки: чей-то топот, переговоры, суета. Навернувшиеся слёзы мешали рассмотреть происходящее, я, словно слепой котенок, замотала головой в попытке понять, что происходит.

— Шоггот! Осторожнее!

— Всё-всё, справилась ты с демоном, громко бахнуло, половина столицы слышала, до сих пор ошметки дождем летят.

По телу будто прошел разряд тока, дернувшись в руках Джеральда, я потянулась руками к глазам, но тот ловко перехватил их. Судя по шуршанию, он достал свой платок и мягко вытер им мои веки, едва не поплевав на ткань, как заботливая мамочка. Наконец-то я смогла рассмотреть его лицо и насмешливую улыбку. Рядом показалась часть охраны дворца, несколько особых воинов в тяжелых доспехах и пара полевых медиков. Большая часть приглашенной помощи сейчас стояла без дела, лишь несколько человек проверяли окрестности.

Шоггота не было видно. Он словно спрятался или исчез, и я бы так и подумала, если бы не угольные хлопья, падающие с неба. Оседая на руках, они размазывались в безобразные кляксы, пачкали одежду и укрывали землю своим грязным покрывалом.

Замерев в удивлении от этого зрелища, я запоздало ощутила, как меня начало внутренне потряхивать. Переживания, голод, страх и усталость нахлынули разом, будто кто-то нехороший повернул для этого нужный вентиль.

— Идем, а то жопу застудишь.

Теплые ладони подхватили меня на руки. Дойти к лекарю сама я даже не пыталась.

Остаток вечера мне не запомнился. Я уснула в чужих руках до того, как Джеральд дошел до машины, и, сколько бы меня не тормозили после, не нашла в себе сил хоть как-то ответить. Всё тело отвратительно болело и ныло, порезы пульсировали, руки жгло после долгого контакта с шогготом. Хотелось пить и есть, горло пересохло. Язык будто прилип к небу, и, кажется, прошла целая вечность, прежде, чем отвары тонкой струйкой влили мне в рот, осторожно придерживая за плечи. Это был единственный яркий просвет сознания среди бескрайнего черного болота, в которое я попадала каждый раз, как меня оставляли в покое.

В какой-то момент в сон неожиданно прокрался чудовищный свист флейт, они словно кричали в безумном припадке, но ноты, если можно было назвать так адские звуки вдали, складывались в неистовую мелодию. У нее было ни начала, ни конца, инструменты играли невпопад, хаос правил балом, но, прислушавшись к нему, я находила странную закономерность в этом сумасшедшем хоре. Это неприятно было слышать, хотелось закрыть ладонями уши, но я отчетливо осознавала: эти страшный концерт играет прямо в моей голове.

Вот бы черепушку вскрыть и вытащить всё это, выкинуть, заткнуть... Выдрать всё с корнем, пока флейты не замолчат, пока мой разум вновь не отгородится от этого проклятья в смерти или еще большем безумии.

— Софи? Софи, ты слышишь меня?

Шею что-то нестерпимо обожгло, концерт заглох, виски прострелила боль. Открыв рот и вдохнув больничный запах полной грудью, я вновь почувствовала себя живой и отвратительно слабой. Забинтованная ладонь слепо нашарила кулон, сползший чуть выше ключиц.

— Д-да?

Мой голос показался почти беззвучным шелестом, но Каин его расслышал. Нотки нервозности прокрались в тон некроманта.

— Что случилось?

— Уже... ничего, все в порядке.

— Не похоже, кулон всю ночь твердил о том, что ты серьезно ранена. Почему ты не ответила раньше?

— М-мне встретился демон, пришлось его убить, я проснулась только сейчас. Спасибо.

— За что?

— Снился крайне мерзкий сон.

В моем сознании промелькнул чужой тяжелый вздох. Оставалось лишь гадать, была ли это усталость или облегчение.

— О тебе есть кому позаботиться?

— Я уже у врача.

— Не допускай, чтобы тебя лечили светлой магией.

— Помню-помню, будут проблемы.

Каин вновь замолчал. Я собралась было попрощаться, но он неожиданно добавил.

— Весной я прибуду в Санктум.

— Х-хорошо...

— Береги себя.

Голос некроманта исчез из моей головы. Кулон потух и снова стал прохладным, оставив меня наедине с мыслями. Времени осталось не так много, больше, конечно, чем я думала изначально, но теперь, когда я привыкла к столице, пара-тройка месяцев показались ничтожным сроком.

Интересно, успеет ли Мирра родить к тому времени, и что делать с Марком... а Уной? Хотя она наверняка уже выйдет замуж.

От внутренних переживаний и головной боли меня отвлек шаркающий звук чьих-то шагов в кабинете лекаря. Морщинистая рука аккуратно отодвинула тканевый полог, явив мне знакомый лик Томаса Уинна.

— Доброе утро, леди Серафина. Как себя чувствуете?

Он с недюжинной силой ловко подхватил меня под руку, помогая сесть в постели, длинные пальцы неприятно ощупали ребра и предплечья.

— Хочу проспать до лета и поесть.

— Ну это все хотят. Как голова? Как ноги?

— Всё болит.

— Это хорошо, раз есть чему болеть.

Кивком лекарь указал на одеяло, и я послушно стянула его, показав забинтованные икры и часть бедер. За ночь тело настолько привыкло к повязкам, что их наличие сейчас показалось мне чем-то неожиданным. Шершавые ладони прикоснулись ко мне, обдав холодком магии.

— Я боялся, что будет воспаление и гной после такого мерзкого демона, но вроде бы обошлось.

— Руки жжет.

— Кожа немного облезет, как при легком ожоге, но через месяц даже рубцов не останется, не переживай. Дею в этом плане повезло куда меньше.

— А что с ним?

Томас тяжело вздохнул и замешкался, опустив глаза. Подумав немного, он сел на край кровати и, сняв очки, зажмурился, надавив пальцами на внутренние уголки век.

— Светлых разъедает куда сильнее, правая рука и половина лица потеряли чувствительность. Бок... тоже, но там я рад, что кровь вымыла большую часть заразы.

— Мне жаль.

— Ну что ты, какие глупости, я знаю, благодаря кому он остался жить, остальное не важно.

Подняв на меня взгляд покрасневших глаз, лекарь грустно улыбнулся и осторожно положил ладонь на мою руку.

— Я заметил остатки заклинания, что ты наложила, Дей пришел сам не свой и до сих пор кажется обижен, но не воспринимай это близко к сердцу. Он молод и глуп, а ты всё сделала правильно.

— Дей злился из-за того, что я отправила его домой?

— Для него убийство демона было делом чести.

Подтянув колени к себе, я обняла их, чувствуя, как натянулись бинты. В душе начала разрастаться тревога.

— Спасибо вам, но у меня есть еще одна просьба, не говорите никому, что видели заклинание на Дее.

Седые брови Томаса поползли вверх.

— Не хотите, чтобы другие знали о вашей истинной магии?

— Да.

— Боюсь, это уже невозможно. Джеральд точно видел белую вспышку перед смертью демона.

— Может, получится как-то отговориться.

Покачивая головой, лекарь едва не рассмеялся.

— Милая моя, он не глуп, Авель наверняка уже в курсе дела.

Стиснув зубы, я ощутила, как в груди словно сжимается в напряжении неведомая пружина. Как на эту новость отреагирует король, сложно было представить.

— Не беспокойтесь, уверен, в этом нет ничего страшного.

— Да как сказать.

— Мой вам совет, отдохните, восстановитесь, навестите Дея и только потом бросайтесь в новый омут проблем. Пока вы здесь на лечении, даже Аврелиан не посмеет прийти к вам. Сейчас вы мой пациент и нуждаетесь в уходе.

— Спасибо, пожалуй, так и стоит сделать.

— Мальчишка на втором этаже, в своей спальне. Можете заглянуть к нему, а через полчаса сюда принесут обед.

— Благодарю.

— Зовите, если почувствуете себя хуже, я буду на кухне, замешаю еще немного обезболивающей мази.

Проводив Томаса взглядом, я оправила больничную сорочку и, отыскав на под кроватью тапки, медленно поднялась на ноги, ощущая, как уставшие мышцы постепенно отзываются ноющей болью. Первые несколько шагов я естественно прошаркала, не отрывая ступней от пола и подражая старому лекарю, но чем дальше я двигалась к заветной лестнице в прихожей, тем больше тело привыкало к движению. Достигнув прохода на второй этаж, я уцепилась за перила и осторожно занесла ногу на первую ступеньку.

— Леди Серафина, вам помочь?

Голос показался безумно знакомым. Подняв голову и присмотревшись к полутьме впереди, я к удивлению заметила на втором этаже Аластора. Чуть помятый, словно не спавший этой ночью, он выглядел усталым, но глаза смотрели с привычной уверенностью и ехидцей.

— Здравствуйте, было бы неплохо на самом деле, я хотела навестить друга.

— О, понимаю, самому было интересно, как поживают наши главные защитники города. Вчера вечером я тоже приехал к трущобам, но на меня легла забота о первых раненых. Алиса по доброте душевной приютила в магазине часть бедолаг, бежавших из района.

Легко спустившись ко мне вниз, мужчина закинул мою руку себе на плечи и поддерживая, помог преодолеть проклятую лестницу. Несмотря на внешнюю потрепанность, в нем было еще немало энергии и сил. Оказавшись наверху, мне стало даже неловко за собственную неспособность. Перед тем, как отключиться после боя, я не чувствовала себя так паршиво.

— Мне еще придется преодолеть путь обратно.

— Я могу подождать вас.

— Не хочу отнимать время, и мы вроде бы были на «ты».

— Если настаиваешь, после того, что ты сделала, даже неловко фамиллярничать, и не

беспокойся, я подожду сколько нужно.

— Глупости какие. Тогда я постараюсь не задерживаться, всё равно ему нужен покой.

— Как скажешь.

Криво улыбнувшись, я повернулась к коридору и тут же заметила приоткрытую дверь в залитую солнцем спальню. Пошаркав к ней поближе, я постучала по косяку и заглянула внутрь. Дей, словно мумия в бинтах, сидел в постели и молча смотрел в окно на светлое снежное марево за стеклом.

— Можно зайти?

Парень заторможено кивнул, но ко мне голову не повернул. Аккуратно притворив за собой дверь, я подошла ближе, не осмелившись присесть на край кровати. В комнате напарника оказалось невероятно уютно, намного приятнее, чем в той же кухне. Зеленоватые простые обои с силуэтами мелких цветов, чуть скошенный из-за крыши потолок, одно большое окно с кружевным кремовым тюлем. Под окном просторный письменный стол с множеством блокнотов и книг, у выхода громоздкий старинный комод с зеркалом в старой золоченой раме. Доски под ногами слегка поскрипывали, но пол был натерт до блеска. В воздухе витал запах лекарств и воска.

— Как ты?

— Хорошо.

— Твой бок...

— Пройдет.

Дей явно не был расположен к разговору. Неловко помявшись рядом с ним, я решила спросить о насущных вещах, надеясь, что это немного взбодрит напарника.

— Что насчет дела? Будем искать дальше? Того, кто послал демона?

— Нет.

— Почему?

Медленно повернувшись ко мне, он безэмоционально, абсолютно беспристрастно вынес вердикт:

— Демон мертв, дело закрыто.

Не веря своим ушам, я всё же села на постель рядом с ним, глядя на воспаленную половину лица и опухшие красные веки. Возможно, он просто устал? Ему определенно нужна помощь, наверняка он всего лишь переживает из-за собственной неудачи.

— Но ты же знаешь, что это не так. Мы оба видели некроманта в трущобах.

— У нас нет доказательств, что он связан с похищениями.

— Как это нет доказательств? Мы же слышали разговор!

— Ты слышала, не я.

— Но ты мне верил! Ты сам втянул меня в это дело!

— Я думаю, ты могла ошибиться.

— Да с чего бы вдруг?!

Бледные, сухие губы поджалась, Дей отвернулся обратно к окну. Его голос прозвучал сухо и надтреснуто, словно парень силой заставлял себя отвечать.

— Этот человек нам не по зубам, Сэра. Забудь.

— Ты с ума сошел?! Дэй, люди продолжают пропадать и это будет на твоей совести.

— Нет, думаю, что нет. По крайней мере, не так открыто.

— И ты готов сдать? Оставив всё как есть?

— Сэра посмотри на меня, как много у меня осталось? Я даже демона убить не смог. Не

отомстил. Куда мне тягаться с некромантами.

— Ты какие-то глупости говоришь.

— Глупости, наверно, глупости.

В дверь вновь постучали. На пороге неожиданно появилась Лара с подносом в руках. Комнату быстро наполнил запах каши на молоке и свежей выпечки. Поставив свою ношу на стол, она достала из кармана небольшой блокнот и быстро написала что-то карандашом. К моему изумлению, через несколько секунд она показала запись мне: «Обед уже вас ждет, и не переживайте, я позабочусь о Деа.»

— Спасибо, ты, кажется, неплохо устроилась здесь. Тебе нравится помогать?

«Очень.»

Поднявшись с постели, я оправила сорочку и повернулась к двери. В голове не укладывалось произошедшее. Слова Деа были словно злой шуткой или мимолетной слабостью, но точно не обдуманном решением.

— Что ж, тогда я и правда пойду, надеюсь, скоро напарнику станет лучше.

— Я не откажусь от своих слов.

— Но я все равно дам тебе время подумать.

— Не стоит, я не хочу подвергать опасности близких, у меня нет сильных покровителей.

— А Авель? Неужели он за тебя не вступится?

В отражении зеркала я заметила, как Дей болезненно сгорбился. Отвечать он явно не собирался. Лара, оказавшись рядом с ним, тут же скрыла парня юбками, поправляя на нем бинты.

— Ну как твой напарник? Ран немало, но мне показалось, что могло быть и хуже.

Аластор встретил меня на своем прежнем месте. Увидев мое лицо, он удивленно поднял брови и подошел ближе.

— Ты выглядишь расстроенной. Неужели всё так плохо?

— Нет... не совсем. Дей обязательно поправится, но он собирается закрыть дело.

— Учитывая смерть демона, мне кажется это логичным решением.

Разочарованно вздохнув, я потерла руками лицо и глаза. В душе боролась тревога, злость и печаль. Я отчасти понимала напарника, ему действительно пришлось тяжело, но бросать всё на полпути, явно зная что-то важное и понимая, сколько людей может пострадать... и скольких жертв еще не нашли. Боги, дайте мне сил, я не представляю, как помочь Дею.

— Демон тут не при чем, его смерть ничего не решила. Я уже видела похитителя раньше, и это был некромант, возможно хозяин твари в трущобах.

— Его удалось опознать? Вы уже просили о розыске этого человека?

— Нет, он был в старой театральной маске. Такая белая, с жуткой улыбающейся гримасой, у меня... я... была такая...

Натянутая пружина в груди обернулась ядовитой змеей, ужалив прямо в сердце. Меня словно гром среди ясного неба поразило узнавание. Почти забытые воспоминания об эльфийках в подвалах младшего Фоули заставили желудок болезненно сжаться, застряв в районе горла.

Я готова была поклясться, на некроманте в трущобах была именно моя маска, но как... неужели их было две одинаковых? Это совпадение? Или... Если так подумать, то я давно не видела ее в своих вещах, как бросила в шкаф, так больше и не доставала. Горничные едва ли могли ее достать из вещей сами, в доме Блэквудов они были крайне аккуратными и

не лазили по полкам хозяев. Сама я не могла выбросить эту безделушку, а больше никто не совался к ней, не так уж много гостей было в моей спальне.

Хотя, если подумать, был один.

Как раз в шкафу.

По невероятному стечению обстоятельств он тоже сейчас в Санктуме, а покровитель у него выше некуда. Если я всё правильно понимаю, Мирре как раз нужна была плата за поддержку эльфов, а о беременности знают только самые близкие люди, и явно не Давид. Рассеяно посмотрев на дверь в спальню Дея, я невольно ощутила вину за то, что не додумалась до этого вывода раньше. Напарник не пострадал бы, удели я чуть больше внимания ему.

— Этот гад украл мою маску...

— Сэра, на тебе лица нет.

— Видимо, действительно придется забыть об этом деле.

— Ты что-то узнала? Я могу как-то помочь?

— Боюсь, даже твои связи и власть тут не помогут.

А Авель едва ли вступится. Узнай он о произошедшем, либо защитит королеву, либо вовсе не поверит мне.

Со странным выражением лица Аластор осторожно протянул ко мне руки и мягко сжал плечи. Остатки моих сил ушли на то, чтобы не расплакаться, словно ребенок, чувствуя собственную усталость и беспомощность. Призрак самообладания не дал мне уткнуться в чужое плечо, постыдно полив его слезами. Столько времени ушло впустую, столько людей погибло, и Дей... что теперь будет с ним?

Ладони опалило ненавистью, заставив меня стиснуть кулаки и прижав их к груди, рвано выдохнуть, стараясь унять глухую, бессильную злобу внутри.

— Мне стоит отдохнуть и немного подумать.

— Если ты решишь всё же расквитаться с преступником, обязательно сообщи мне, я постараюсь раздобыть тебе парочку помощников.

— Спасибо, я правда благодарна за твою поддержку. Давно не ощущала себя так глупо. Вроде бы стараюсь помочь, изменить хоть что-то и каждый раз упускаю из виду самое главное.

— Ничего-ничего, со всеми такое бывает. Мы не боги, чтобы знать обо всем.

Приободрившись, Аластор отпустил меня, но тут же отошел к лестнице. Поняв намек, я оперлась на мужчину, приняв его помощь и осторожно спустилась обратно на первый этаж. Едва оказавшись внизу, мы услышали как громко хлопнула входная дверь, впустив волну холода в полупустой, неуютный холл дома Уинн.

— Сэра!

Звонкий голос Уны ударил по нервам словно кожаный хлыст. Не успев и рта открыть, я увидела, как девушка побежала ко мне навстречу, прижимая к груди саквояж с вещами, и в упор не замечая моего спутника, но стоило ей оказаться совсем близко, как румянец отхлынул от ее обеспокоенного личика. Взгляд, полный смертельного ужаса, обратился на Аластора.

— В-вы...

— Леди Уна, рад вас наконец-то увидеть после стольких отказов.

Губы Кейна растянулись в самой дружелюбной улыбке, чуть поклонившись, он протянул руку и дождался, пока девушка подаст ему свою дрожащую ладонь. Принцесса,

кажется, даже забыла дышать, пока мужчина вежливо склонился перед ней, приветствуя невесту вежливым поцелуем кончиков пальцев.

— Я не знала, что вы здесь.

— Понимаю, иначе бы вы не приехали сюда, но смею заверить, эта встреча чистая случайность.

Уна испуганно посмотрела на жениха и растерянно открыла рот, словно желая как-то оправдаться, рука сама потянулась назад, будто ее хозяйка опасалась, что драгоценную конечность откусят.

— Вы... вы надолго? Мне кажется, мне... мне нельзя видеться с вами вот так... без свидетелей. Вас могут понять превратно.

— Едва ли кто-то расскажет об этом, Сэра, вы же умеете хранить секреты?

Повернувшись ко мне, Кейн выпрямился, поймав ускользающую ладошку принцессы. Уна заметно вздрогнула и замерла, словно соляной столб, еще чуть-чуть, и в пору было искать нашатырь. Силы девушки вот-вот должны были ее покинуть. Обратив внимание на саквояж, я рискнула сделать предположение.

— Едва ли об этом стоит переживать в доме лекаря, но, честно говоря, хотела бы сейчас немного отдохнуть. Уна, ты принесла мне из замка одежду?

— Д-да, я очень переживала за свою... охранницу...

— О, Сэра, не знал, что тебя назначили на эту должность.

— Совсем недавно, Авель не хотел подпускать к принцессе мужчин.

Неодобрительно покачав головой, Аластор вновь обратился к невесте.

— Иногда меня поражает его строгость.

— Д-да, брат очень строг.

— Надеюсь, хотя бы цветы до вас доходят.

Прикрыв веки, девушка будто бы смутилась, хотя тихий, осипший голос выдавал ее настоящие чувства.

— Ой, да... они... чудесные.

— Рад, что могу проявить к вам внимание хотя бы таким образом.

Неловко глядя, как Кейн снова склонился перед принцессой, мне невольно хотелось развернуться и сбежать обратно в палату или вовсе из дома, хоть куда-нибудь, лишь бы не видеть эту безумную встречу. Я ощущала себя лишней, отвратительно неправильной, так как честно доверяла Аластору и любила Уну, но смотреть на них как на будущих супругов не было никаких моральных сил. Если и было на свете что-то в корне неверное и противоестественное, то оно было прямо перед моими глазами.

— Скорейшего выздоровления, Сэра, и старайся не перетруждаться, ты заслужила полноценный отдых.

— Да, спасибо.

— Уна, я искренне восхищаюсь вашей красотой и уже сам себе завидую, надеюсь на скорую встречу.

— Ох, я передам брату...

— Пообещаете не отказывать мне?

— О-обещаю...

— Благодарю, ваше величество.

Довольно кивнув, он наконец-то отпустил невесту и, коротко попрощавшись, ушел из дома лекаря, явно в приподнятом настроении. Уна, дрожа как осиновый лист, принялась

вытирать хлынувшие из глаз слёзы с ужасом смотря на меня.

— Вы что, друзья? Ты правда на его стороне?

— Уна... конечно нет.

— Вы вели себя как друзья!

— Можно сказать, что он друг моей семьи. Боги, прошу тебя, не плачь, милая.

— Я так переживала, думала тебя убили, а ты... влезла в дуэль, уехала убивать демона и даже слова не сказала! Авель ничего не говорит, никто не знает, что с тобой, все такие деловые и только повторяют: подождите принцесса! Не лезьте под руку! Ой, а Сэра одна осталась в трущобах, и напарник ее еле живой уже уехал! Я ночь не спала! А Марку столько всего наговорили! Даже что тебя в тюрьму посадят!

Бросив саквояж, принцесса зашла в натуральной истерике. Закрыв лицо ладонями, она расплакалась во весь голос, и никакие мои увещевания не могли ее унять. Обняв девушку и прижав к себе, я заметила высунувшегося из кухни Томаса, и через минуту у меня в руках появился успокоительный отвар, пахнувший ромашкой и мелиссой. Уна выпила его неохотно, только после клятвы предупредить ее о всех планируемых дуэлях и честном заверении не подпускать к ней Аластора хотя бы на протяжении ближайшего месяца.

Тончайшие материи

— Не перетруждайтесь в ближайшее время, позвольте себе отдохнуть хоть немного, а то вы что-то ко мне зачастили. Не думал увидеть так много Блэквудов в своей жизни.

Свежее морозное утро окутало меня легкой сонной дымкой. Нос щекотал легкий, но колкий ветерок, стряхивающий с голых ветвей пушистые белые шапки. Отдав Финиану сумку, я остановилась на пороге лекарского дома, прощаясь с Томасом. Его бледное худое лицо тотчас порозовело от холода.

— Так много? Был еще кто-то?

— Ваш отец, и тетя конечно. Когда меня к первому привел Таранис, я думал, он шутит. Тёмный маг, это еще понятно, но труп... где видано, чтобы лекари поднимали из мертвых.

Удивленно подняв брови, я сильнее закуталась в куртку и дала знак водителю подождать. В груди стойким пламенным лепестком разгоралось любопытство.

— Всё было так плохо?

— Ужасно, едва увидев его, я хотел отказаться от работы, но Данган в меня так вцепился, что я едва ли слово мог сказать против. Решил всё-таки осмотреть бедолагу и только потом вынести известный вердикт, но и тут меня ждал сюрприз. Ваш отец оказался жутким упрямцем, не желавшим погибать. Мне стало интересно, сколько вообще он может протянуть, я не верил, что от лекарств и припарок будет толк, но каждый день жизни Каина мне оплачивался прямиком из кармана Тараниса, — усмехнувшись, Томас поправил очки и многозначительно посмотрел на меня. — Сумму, потраченную на уход за вашим отцом, мне предлагали умножить вдвое за то, чтобы я молчал о некоторых ммм... выводах, которые я сделал во время осмотров непосредственно головы, но я отказался взамен на часть информации и безопасность в будущем. Надеюсь, вы также поддержите это решение.

— Смотря, что вы имеете в виду.

— Если великое солнце вдруг упадет со своего небосвода, мне и моей семье будет даровано укрытие и помощь. Понимаете, о чем я?

— Д-да. Вполне.

— Я рад, ваше присутствие в столице мне кажется недобрым знаком, но теперь я еще больше благодарю прошлого себя за такую огромную услугу для себя нынешнего.

Звучно шмыгнув, лекарь горделиво расправил сутулые плечи и сложил руки на груди, запахнув посылнее старенькое, поношенное пальто. Подтвердив соглашение, он будто бы почувствовал себя уверенней.

— Разве вы попали бы под раздачу?

— Попал или нет, вопрос случая, иногда можно просто оказаться не в том месте и не в то время, поэтому мне хотелось бы, чтобы вы предупредили меня обо всем заранее.

— Постараюсь.

Он довольно улыбнулся и кивнул. От машины послышался короткий гудок, оповещающая, что терпение Фина кончилось. Кивнув Томасу в ответ в знак прощания, я быстро сошла по ступенькам на заснеженную тропинку перед домом. Самой уже не терпелось отправиться в замок, чтобы напугать своим героическим возвращением охрану, но тихий голос лекаря заставил меня задержаться и обернуться.

— Прекрасно, надеюсь, у вас всё получится, тучи сгущаются, и время течет не в нашу пользу, уже весной многое решится.

— О чем вы?

— Да так, ни о чем, не обращайтесь внимания на бубнеж старика.

Мне хотелось переспросить Уинна и, если нужно, слегка встряхнуть его для надежности, но Томас предусмотрительно скрылся за входной дверью дома. Сложно было сказать, нарочно он предупредил меня или нет, но пришлось сделать себе мысленную зарубку. Лекарь что-то знает, возможно, он как-то связан с Каином, но, вероятнее, в Санктуме тоже грядут изменения, хотя они явно не сравнятся с моими планами.

Сев в авто и подтянув к себе колени, я облокотилась о спинку сидения, наблюдая за водителем и его сосредоточенным лицом. На скуле Фина виднелась легкая гематома, костяшки пальцев, лежащих на руле, чуть ободраны, будто он ввязался в драку, но держался спокойно, будто ничего не случилось и ничего не болело.

— Ты еще и сам успел влезть в неприятности?

— Это мелочи, в труппах была такая суматоха поначалу, что пришлось поработать кулаками, иначе у меня отобрали бы машину.

— Спасибо, что помог мне и... Дею?

— Да, его тоже я отвез домой, правда, состояние у парня было такое, что он и пешком бы дошел, даже если бы пришлось ползти весь путь на животе.

Неловко вышло, в этом наверняка минус песен и стихов для заклинаний. Сложно задать конкретные условия. Ньярл, а как ты использовал магию разума?

Молча, не нужно было ничего говорить, но умения у меня были совершенно на другом уровне.

Когда-нибудь и я до них доползу.

Придвинувшись ближе к водителю, я заметила среди свежих ссадин парочку уже довольно старых и белесых шрамов. Прежнее любопытство направилось в новое русло.

— Фоули однажды говорил, что ты бывал в Кадате.

Темная бровь мужчины чуть приподнялась, в зеркало над лобовым стеклом он глянул мимолетно, но достаточно явно показав недоумение от неожиданного вопроса.

— Да, был.

— И как тебе город?

— Он был лучше до того, как я туда явился.

— Надо же.

— Мне правда жаль, это не было ни честным, ни справедливым, но то, что я там видел, до сих пор является мне в кошмарах.

— Некроманты?

— Твари. Полчища тварей с зубами, крыльями, щупальцами, ядом, пламенем и прочим.

— Они значительно увеличили количество воинов с темной стороны.

— Да, я знаю, и это было ужасно. Наши генералы хвастали победой, но едва ли она была таковой. Если бы не перемирие, мы бы все сгинули на Саррубе, причем не только от прирученных демонов, но еще и от чудовищ, живущих там повсеместно.

Пошарив рукой под сидением, я выудила небольшой сложенный плед. В салоне было не слишком уютно, машина не была утеплена, и едва ли кто-то рассчитывал, что в ней будут ездить на далекие расстояния, чтобы нельзя было отдохнуть и погреться в придорожных местечках, поэтому небольшое покрывало в салоне было обязательным. Развернув полотно, я накрыла ноги, пожалев, что не могу снять обувь, но затем с готовностью повернулась обратно к водителю, приготовившись выслушать его часть истории.

Финиан покосился на меня и, цокнув, неодобрительно покачал головой.

— Если ты ждешь полноценных приключений, то мне нечего рассказать. Там было море боли и крови. Стоит отойти хотя бы немного в кусты или, упаси Солар, в лес, на тебя тотчас нападало что-то с шипами, ранило внезапными укусами, пугало, перекликаясь голосами падших товарищей, а твои сослуживцы неожиданно доставали нож, чтобы убить себя или друзей. Чистое безумие.

— Полагаю, тебе ещё повезло.

— Конечно. Когда мы подошли к Ултару, я по случайности не пошел в город с отрядом, даже хотел чуть позже нагнать ребят, но, когда мы с сослуживцами заглянули туда, в городе уже никого не было. Кроме котов. Толстых отъевшихся котов. Их был сотни, в домах, на дорогах, на крышах. И ни одного жителя, как и светлых. Командир запретил нам туда соваться.

— Насколько знаю, ултарцев увели в горы заранее.

— Да, мы тоже примерно этого и ожидали, поэтому собирались просто разбить лагерь, но коты... До сих пор не люблю кошек.

Припомнив своего маленького помощника на рынке, я не смогла разделить чувства Финиана, но прекрасно понимала опасения. Эти четырехлапые создания точно не были обычными кошками, и нигде в мире таких странных зверей не водилось, Ньярл подтвердит.

На Саррубе в принципе не может водиться что-то «обычное», тем более недалеко от Ведьминого дола.

Теперь я жалею, что не съездила в свое время к Гекате и не потискала подольше колдовских питомцев.

— Авель просил, чтобы ты зашла к нему сразу по прибытии.

— Что-то срочное?

— Можно и так сказать. Готовься к тому, что тебя будут ругать.

Встрепенувшись, я чуть не вскочила с сидения. Даже когда меня нет во дворце, я оказываюсь в чем-то виновата.

— За что опять?

— Е-есть ряд проблем. Не могу сказать больше.

Фин замолк, будто пожалев, что предупредил, и сколько бы я не пыталась выведать у него о цели разговора, он не признавался, ссылаясь то на правила, то на указания короля, то на собственную совесть. К концу пути от него пришлось всё-таки отстать, удостоверившись, что водитель действительно ничего больше не хочет рассказать, и, воспользовавшись свободной минуткой, я позволила себе задремать, сжавшись в углу обитого бархатом диванчика.

Усталость всё еще преследовала меня, шла по пятам, словно небольшое лечение отняло у меня уйму сил, а болезнь еще подъедала внутренние ресурсы. У Томаса я часто спала и, даже несмотря на хорошее питание и своевременную помощь, ощущала себя потерянно и рассеянно в четырех стенах клиники. Хотелось поскорее вернуться в любимившийся гадюшник, попасть в чьи-то интриги, бодренько поругаться с королевой и, самое главное, заключить принцессу в объятия, посвятив ей хотя бы одну полную ночь, но, переступив порог служебного корпуса, я почувствовала еще большую усталость. Только запах выпечки из кухни заставил меня улыбнуться и прийти в себя хотя бы для разговора с Авелем.

Поднявшись к нему в кабинет, где мы встречались на первом «уроке», я обнаружила Джеральда, стоящего посередине комнаты с видом каменного истукана. На его лице застыла

добродушная улыбка, но в глазах отчетливо читалось раздражение. Повернувшись ко мне, начальник внешней стражи приветственно кивнул:

— Давно не виделись, Сэра. Как прошло лечение?

— Неплохо, спасибо.

— Готова снова шокировать общественность?

— Ну...

— Джер, хватит увиливать от ответа, я задал тебе прямой вопрос. Почему ты не призвал на помощь храмовников?

Голос Авеля послышался словно гром среди ясного неба. Вздвогнув, я с трудом отыскала светлый силуэт на фоне большого белого проема окна. Король буравил взглядом двор и словно не собирался участвовать в разговоре, но грозный тон его не подразумевал пререканий.

— Не видел в этом необходимости.

— Я отдал приказ, это и есть твоя необходимость.

— Извините уж, ваше величество, туговат немного, не понял, что вы имели в виду.

— Значит в следующий раз я буду отдавать приказ иначе. Иди.

Не поворачиваясь, Авель поджал губы, стараясь сдержать гнев. Меллуни соорудил еще более беспечное лицо и, нарочито вежливо поклонившись, быстрым шагом вышел из кабинета.

— Здравствуй, Сэра. Как ты себя чувствуешь?

Неловко встав возле пустующих мест министров, я украдкой посмотрела на закрывшуюся дверь. Джер явно был зол не меньше, чем король, хоть и скрывал это за маской дурачка.

— Томас славно постарался, хотя на новую дуэль я соберусь не скоро.

— О, я надеюсь.

Тяжело выдохнув, Аврелиан всё же развернулся ко мне, не спеша сделав шаг к столу. При всей внешней собранности и строгости, он почему-то выглядел крайне задумчиво, будто не до конца осознавая, что хочет сделать или с чего начать разговор.

— Каждый раз, когда мне кажется, что я знаю достаточно для понимания твоих мотивов, ты выдаешь что-то новое.

— Не совсем понимаю, о чем идет речь.

— Ты использовала светлую магию.

Звучало это не как вопрос, а именно как утверждение, да и глупо было отрицать очевидное, но я всё же послушно кивнула в ответ.

— Да.

Потерев переносицу, король на мгновение зажмурился, подбирая слова, но всё же не сдержался, переходя на простую речь, словно он говорил с кем-то равным себе.

— Ты не говорила о том... Боги, Сэра, ты хоть представляешь, насколько опаснее стало твоё пребывание здесь? Почему не предупредила? Почему скрывала настолько важную информацию? Почему я об этом узнаю от Джеральда?

— Даже мой отец не знает о светлом спектре, а вы, поставив клеймо некромантки, не слишком торопились проверять искру дара.

— Кроме меня и Мирры её всё равно никто не мог почувствовать, недостаточно сил.

— Тогда тем более не вижу причин для беспокойства. Твоя супруга и до этого не слишком интересовалась магией противника, так с чего это должно быть важно сейчас?

Осуждающе покачав головой, он нахмурился, едва не закатив глаза и словно собираясь закончить разговор.

— Ты снова о ней. Сэра, прекрати...

— Мирра своими глазами видела, как Ньярл использовал светлый щит, но всё равно его убила. Можешь спросить ее сам, едва ли она станет скрывать такую мелочь.

— Он был тоже?

— А как иначе он получил бы должность при дворе? Сильнейший маг разума в свое время, он лишился семьи из-за первого проявления некроса, люди в ненависти своей сожгли невинных, но даже после этого Ньярл верил, что мнение общества можно изменить, поэтому он оказался при дворе.

— И был изгнан.

— Из-за ложного обвинения. Это сейчас не доказать, но спасенные им люди создали Кадат в надежде избежать руки короля, а сам маг передал свой дар потомкам. Не все из них получили весь спектр магии, но для меня это был козырь в рукаве и вопрос выживания. Никто не должен был знать об этом, кроме матери.

Тонкие пальцы забарабанили по столешнице. Авель отвернулся, переведя взгляд на бумаги, белеющие перед ним, словно именно в них были ответы на все его вопросы.

— Потомок?

— Ты наверняка догадывался.

— Да, предполагал. Значит, я единственный, кто знает о твоей силе.

— Помимо Джеральда.

— Он будет молчать, его преданность почти безгранична.

Медленно выдохнув, король вновь посмотрел на меня и приблизился на расстояние вытянутой руки. Расстегнув рукава рубашки, он закатал их и показал мне открытую ладонь.

— Создай мне небольшой светляк.

Припоминая простейшее заклинание, я произнесла его едва слышно, шепотом, чтобы не позориться с произношением, и, подняв руку, создала крохотную прохладную искру, осторожно положив ее в середину ладони Авеля. Оказавшись у короля, светляк стал заметно ярче, заставив меня сощуриться, но спустя несколько мгновений потух, спрятанный в сжавшихся пальцах.

— Хорошо, допустим. Теперь попробуй применить разум.

— Меня за это не потащат к эшафоту?

— Нет, не беспокойся.

— А если я задумаю внушить какое-то непотребство?

Моя щека нервно дернулась, переминаясь с ноги на ногу, я старалась не смотреть в глаза Аврелиана, чувствуя себя воровкой на очной ставке.

— Попробуй.

Он поднял ладонь к моему лицу, и, дернувшись, я едва не шарахнулась от него, хотя король даже не попытался прикоснуться.

— Не хочу ни любви, ни почестей:

Опьянительны. — Не падка!

Даже яблочка мне не хочется

Соблазнительного — с лотка...

Что-то цепью за мной волочится,

Скоро громом начнет греметь.

Как мне хочется,
Как мне хочется —

Потихонечку умереть.

Пока я читала набившие оскомину стихи из прошлой, уже такой далекой, жизни, от руки Авеля послышался тихий звон. Скосив взгляд и запоздало отметив на пальцах невзрачное кольцо с мелкими камнями, я поняла, что у короля на случай чужого вмешательства в сознание уже имелся защитный амулет.

— Достаточно. Насколько понимаю, повлияй ты на меня, я это сразу сразу узнал бы.

— Как видишь.

— Тем более странно, что ты не воспользовалась этим, а предпочитаешь ругаться на пустом месте.

Неприязненно поморщившись, я всё же посмотрела в глаза Авреллиана, желая возмутиться, но его неприкрытое любопытство и уважение в выражении лица окончательно смутили, так что слова застряли в горле.

— Ты используешь необычный язык для магии.

— Это вышло случайно, ты придумал себе нечто иное?

— Я король, мне хватит лишь отдать прямой приказ.

Он медленно опустил ладонь и довольно улыбнулся. Неприятное предчувствие кольнуло сердце. Король явно что-то понял, узнал или додумал, но не сказал, что именно. Чувствуя себя как уж на сковородке, я невольно собралась сбежать, надеясь обдумать произошедшее.

— Я могу идти?

— Нет.

— Что-то еще?

Авель вновь посмурнел, прикрыв веки и покачав головой. Сделав шаг назад, он начал поправлять рубашку.

— Юноша, с которым у тебя была дуэль, скончался в госпитале. Врачи не смогли остановить кровь.

Как неприятно получилось, хотя не могу сказать, что ощущаю вину за это.

— Надо же.

— Ты использовала яд?

— Нет.

— Магию?

— Клянусь, что не использовала заклинания и сам некрос на дуэли.

— Тогда от чего он погиб?

Неопределенно пожав плечами, я решила идти по проторенной дорожке Джера, прикинувшись душой.

— Я не знаю, может, он болел?

— Мы бы знали это.

— Авель, я не собиралась его убивать и ударила защищаясь, увидев, как он тянет из сапога клинок. Бой был уже выигран, с чего бы мне вновь на него нападать? Видимо с ним было что-то не так с самого начала.

Застегнув запонки, король покосился на меня, словно пытаясь разглядеть раскаяние или вину.

— Служители Нокса верят, что их бог всегда найдет способ наказать тех, кто это заслуживает. Надеюсь, что это как раз тот случай.

— Будем ждать, пока меня настигнет кара?

— Если бы. Архиепископ Мелоуни желает тебя наградить в главном храме столицы.

— Я не слишком люблю Солара и скопления Целестинцев.

— Да, я так ему и передал, но он всё равно хочет тебя увидеть и поблагодарить, хотя бы наедине. Загляни к нему завтра, это пойдет на пользу репутации темных.

— Как пожелаешь.

Достойная награда

Расправив складки на одном из своих лучших платьев, я подхватила ленту для волос и перевязала ее на уровне шеи в низкий хвост.

Наряд не слишком праздничный по целестинским меркам, темно-бордовый цвет в столице почти не носили, но ничего лучше в короткие сроки не нашлось, да и незачем было искать. Едва ли старший Мелуни ожидает увидеть меня одетой по последней моде, а бархат сам по себе выглядел вполне достойным вариантом для приема у архиепископа в главном храме страны.

Перчатки бы еще найти, но они как назло потерялись.

Покрутившись еще немного у зеркала, я надела сапоги и накинула на плечи любимый шерстяной кейп. Погода для него была довольно прохладной, но пешком я не собиралась никуда идти. Да и само награждение должно было быть коротким. Не будет же святоша со мной чай пить и вести светские беседы.

— Сэра, ты идешь? Я уже заждался.

Голос Фина послышался из-за двери спальни, он даже не пытался стучаться или посылать за мной кого-то, позволяя себе топтаться в коридоре и привлекать внимание повышенным тоном. Кто другой, глядя на это, решил бы, что за мной явился жених или любовник.

— Финиан, ты мог бы проявить хотя бы толику вежливости.

Оглядевшись, я привычно похлопала ладонью по бедру, проверяя со мной ли трость, но пальцы лишь огладили ткань. Еще одна пропажа, и хоть бы остатки набалдашника нашлись в качестве памятной вещи, но и этого не нашли на месте демона. Где теперь такую же драгоценность отыскать.

— Я проявляю, церковники терпеть не могут опоздания, так что я тебя, считай, спасаю.

— Не просила их приглашать меня, пускай терпят и ждут.

— Как скажешь. Жди лекцию о самом важном и почитаемом боге среди людей и эльфов.

Распахнув двери, я чуть не сбила водителя с ног и, дождавшись его неловкого приветственного кивка, первая свернула к лестнице в хозяйственное крыло.

— Я им тоже много чего рассказать могу, если нужно.

— Чувствую, они еще пожалеют о своем приглашении.

Путь от замка короля до главного храма Солара был недалек и в основном пролегал через главные улицы с самыми дорогими салонами, лавками и конторами, связанными с торговлей. Все здания министерств располагались тут же, но в более тихих и закрытых местах, по большей части в стороне от толп жителей, спешащих за покупками. Заметить их можно было только по воротам с охраной под каменными арками и островерхим крышам, торчащим за плотным рядом разнообразных домов с растительными барельефами и зелеными куполами оранжерей. Создавалось впечатление, будто власть в стране старается максимально оградиться от народа, защищая себя так тщательно, что даже близко не подступишь. Дом Лилит в Кадате на этом фоне казался просто проходным двором, куда мог заглянуть любой желающий.

Правда, едва ли кто-то решится потревожить губернаторов, даже видя их

прогуливающимися по главной улице. Блэквуды только выглядели обычными жителями. Как и Ньярлу, им не нужны были короны, дорогие торжественные наряды и море охраны, чтобы горожане узнавали своих покровителей и относились к ним в крайней степени уважительно.

Целестинцам еще далеко до такого почтения.

В груди сердце заняло от тоски по мрачным серым стенам Кадата.

— Серафина, старайся не болтать лишний раз и отвечать только когда тебя напрямую спросят.

Преодолев очередной мост через узкий речной канал, машина вырулила напрямик к главной площади города. Финиан, глянув в зеркало заднего вида, довольно улыбнулся, заметив, как я хмурюсь.

Какой дельный совет.

— С чего бы это?

— О твоей склочности и отвратительном характере вот-вот начнут слагать легенды.

— Какое жуткое упущение, давно пора слепить несколько небылиц, чтобы светлые дважды думали прежде, чем беспокоить меня своими измышлениями.

— Габриэль не слишком приятный человек даже по меркам темных, просто будь осторожна. Честно говоря, я думал ты откажешься от встречи, учитывая твои хорошие отношения с Уной.

— А при чем тут принцесса?

Машина чуть подпрыгнула на мостовой, но едва дорога выровнялась, водитель мимолетно пересекся со мной взглядом через зеркало. Заметив моё удивление, он неопределенно пожал плечами.

— Да так, ни о чем. Сама потом у нее спросишь.

— Что-то у меня плохое предчувствие.

— Не переживай, разговор с ним будет явно проще сражения с демоном.

— Ну знаешь, между одним светлым церковником и одним гнилым шогготом я предпочту выбрать второго, его хотя бы ударить можно.

Фин осуждающе покачал головой, но искренне улыбнулся, показав ямочки на щеках. Сколько бы он не придерживался правил и норм целестинцев, юмор и мировоззрение у него были точно с Сарруба.

Притормозив у широкого моста через воду, водитель заглушил двигатель и кивнул в сторону огромного светлого здания, виденного мной ранее.

— Приехали. Надеюсь, всё пройдет быстро.

— Да, спасибо, я тоже.

Застегнув поплотнее кейп, я вышла на улицу, ступив на тонкий снежный покров перед храмом. При дневном свете солнца, отражавшегося от сверкающих, едва наметившихся сугробов, создавалось впечатление, будто обитель Солара стоит на облаках где-то среди небес. Еще незастывшая вода в каналах, обрамляющих здание, тихо журчала и отбрасывала веселые подвижные блики на витражи в стенах. Желтоватые стеклянные лучи дрожали в легком танце, привлекая внимание жителей, и дети, гулявшие по площади, жадно прилипали к витиеватым металлическим оградкам, наблюдая за открывшейся сказочной красотой.

Даже я, как бы не была негативно настроена к светлым, не могла отрицать очевидное: храм делал крайне искусный и гениальный мастер, вложивший в это чудо большую часть своих умений. И если в храме Ньярла освещение было редким и нежелательным явлением, то здесь архитектор будто бы наоборот желал сделать каменные стены и колонны

невесомыми, а пространство наполнить ярким, ослепительным светом.

В восторге и подобии транса я медленно прошла к главным дверям из белого дерева и толкнула одну из створок. С удивительной легкостью та поддалась и пустила меня в сияющий зал, полный аккуратных деревянных лавок. Убранство внутри оказалось довольно простым и невычурным и крайне лаконичным. Большая часть узоров и украшений были продолжением здания, вырастая из колонн второго этажа в изящные перила и отделяя возвышение амвона для чтения проповедей на первом.

Помявшись немного у входа, я растерянно огляделась в надежде найти хоть кого-то из прихожан или охраны, но зал был пуст, и каждый шаг в нем разносился довольно звонким эхом. Поборов смущение, я постаралась как можно осторожнее пройти к главной части храма, обнаружив, что место, где у Элеоса располагались исповедальни, утопленные вровень полу, здесь оказалось возвышением с искусной купелью и столами для даров божеству.

Вот она разница в понимании богов. От Нокса так просто не откупиться, придется признать свои ошибки, в то время как Солара можно задобрить. На мраморных столешницах щедро громоздились дорогие десерты, украшения с изображением солнца и даже прозрачные драгоценные камни специальной огранки.

Засмотревшись на это богатство, я не сразу заметила движение сбоку, услышав тихие шаги только совсем рядом с собой.

— Понравилось что-то из принесенных даров?

— П-простите?

Я повернулась к подошедшему и, встретившись с ним взглядом, оказалась неприятно удивлена. О, я уже видела этого святошу раньше, и не раз, к сожалению. Высокомерное худое лицо, очерченные складки возле губ, выдающие неприязненный характер, и льдистые глаза. Кажется, в прошлую нашу встречу я для него была «женщина из темных, одичавших земель». Плюнула бы ему в лицо еще тогда, но моим телом управлял Ньярл.

Успокойся, Софи, возможно, он поменял мнение о тебе, сейчас для всех ты убийца демонов.

— Если желаете, можете взять что-то себе в качестве подарка, но прежде хотелось бы вручить вам достойную награду.

Меллуни предельно вежливо улыбнулся, но меня едва не вывернуло от этого вопиющего лицемерия. Архиепископ, значит, не просто священник или проповедник, неожиданно забывший о своей неприязни в часовне у замка. О, я помню тебя, засранец, даже не пытайся показать себя добряком.

— Позвольте?

Он достал из кармана просторной дорогой, узорами переливающейся робы небольшую бархатную коробку абсолютно того же цвета, что и моё платье. Растерявшись, я проследила за тем, как длинные пальцы открыли футляр и выудили оттуда брошь размером с ладонь: крупная жемчужина в обрамлении золотых лучей.

— Я занимаю свою должность уже полвека и никогда бы не подумал, что однажды стану награждать темную.

— Да, понимаю.

Меллуни склонился ко мне и, открыв булавку, аккуратно придержал край кейпа, чтобы прицепить на него украшение, но каждое мгновение рядом с архиепископом вдруг стало отдаваться жутким, просто чудовищным отвращением. В горле резко пересохло. Руки задрожали, и лишь сознание запоздало пыталось понять, что именно меня так поразило в

безобидной фразе.

Занимает должность уже полвека.

Уже полвека архиепископ.

Целых полвека.

От догадки болезненно скрутило желудок. Долгий срок, какой же долгий, целое поколение выросло за это время.

— Вы наверное застали расцвет семьи Макдоннеллов.

Тонкая игла прошила ткань и с тихим щелчком закрепила «достойную награду». Одна мысль о ней жгла кожу не хуже каленого железа.

— Да, так и есть.

Габриэль выпрямился, всё также улыбаясь, но в его взгляде уже не было напускного спокойствия. Все мои силы ушли на то, чтобы не ударить этого наглеца кулаком прямо в нос.

— Слышала, вы даже вручили отцу семейства крайне дорогой подарок.

— Что вы, леди Серафина, неужели вы будете верить слухам?

— Слухам нет, но своим друзьям я охотно верю.

Маска вежливости сползла с лица архиепископа, обнажив уже знакомое мне презрение и ненависть, но вместе с тем что-то еще. Я смотрела в холодные, бесцветные глаза и ужасалась тому, как много пороков скрывает их обладатель. Чужая рука едва заметно дрогнула и больно схватила меня за подбородок, притягивая ближе к Габриэлю, его губы оказались совсем близко, но он не торопился меня поцеловать, лишь понизив голос.

— Некоторые вещи так и хочется сломать.

— Катись в бездну, ублюдок!

Ладонь слепо потянулась к поясу, старый рефлекс сыграл против меня, дав Мелуони пару секунд форы. Он успел поймать мое запястье и, дернув к себе, заставил сделать шаг вперед, вплотную встав к архиепископу. Пальцы сильнее стиснули моё лицо, отвернув его к пустому залу.

— Я надеюсь, ты будешь сопротивляться очень и очень долго, такая, как ты, заслуживает тщательной работы и внимания. Только посмей сдаться на половине пути, только посмей поддаться прежде, чем мне надоеет уничтожить твоё тело и твою душу.

— Больной урод, не смей меня трогать!

— Дай мне повод объявить тебя еретичкой, только дай повод, и ты никогда не выйдешь отсюда. Ударíš меня? Нашлешь проклятье? Этот храм станет для тебя тюрьмой, он был создан для защиты от таких, как ты.

Замерев, словно пойманная мышь, я с трудом сглотнула, чувствуя, как застарелая паника и страх сковывают меня не хуже самых тяжелых и неподъемных кандалов. Свет из окон проходил через витражи передо мной, и солнечные лучи слепили своей яркостью, отражаясь от белых колонн. Чужое дыхание, такое близкое и омерзительное, щекотало кожу, пока Габриэль не склонился ниже, зарываясь носом в мои волосы.

Целый десяток шогготов был лучше одного целестинского архиепископа.

— Пусти меня...

— Еще, проси еще.

— Отпусти. Меня. Иначе, видит Солар, я убью тебя даже ценой своей жизни.

— Обещаешь?

— Клянусь.

— Потрясающе!

В голосе Мелоуни действительно слышалось искреннее восхищение, отпустив мою руку, он тут же завел свою мне за спину и дернул край ленты, позволив локонам свободно рассыпаться по плечам. Это была небольшая плата за свободу. Попятившись, я с ужасом проследила, как Габриэль прячет своё приобретение в пустой футляр от «награды».

— Жаль, я не взял с собой ножницы, мне пригодилась бы прядь.

— Безумец...

— Мне кажется, это более чем равноценный обмен, ты недовольна?

— Ненавижу тебя.

— Великолепно! Значит, есть повод встретиться вновь.

— Ни за что на свете.

— Я найду возможность. Не беспокойся. Даже после смерти я не обрету покоя.

Едва не задохнувшись от злости и обиды, я сбежала по ступенькам в зал и почти бегом бросилась к дверям храма, на ходу отрывая от груди чертову брошь. Стоило мне перешагнуть порог, я, ни секунды не раздумывая, бросила украшение в канал под удивленные возгласы прохожих. Фин, спокойно куривший у машины, чуть не поперхнулся, сделав шаг навстречу.

— Сэра, что случилось? За тобой словно гонятся все демоны бездны.

— Ох, лучше бы они, лучше бы сотни омерзительных тварей напали день и ночь на этот проклятый город, чем получить одну... одну... «награду» от...

Заметив заинтересованные взгляды людей вокруг, я закрыла рот и быстро села в салон, обняв себя за плечи. Всё тело дрожало как от озноба или холода, сердце стучало как бешеное в груди. Хотелось одновременно ругаться и плакать, но сил не было ни на то, ни на другое.

— Сэра, тебе нужна помощь? Можем заехать к лекарю или в бар.

Водитель сел на свое место и, повернувшись ко мне, с тревогой смотрел, как меня трясет. Замотав головой, я постаралась сохранить хотя бы остатки рассудка и запретила себе плакать, хотя бы пока не окажусь в безопасности. Руки тут же потянулись к шторам, закрыв обзор, а пальцы щелкнули замком в двери. От одной мысли, что архиепископ мог попытаться остановить меня, стало настолько невыносимо страшно, что хотелось бежать куда глаза глядят.

— Серафина... я могу чем-то помочь?

— Отвези меня к лавке Грея. Мне нужно срочно его увидеть.

— Хорошо-хорошо, возьми плед, закутайся в него, можешь не отдавать. Мы вмиг доберемся до парфюмерной.

Благодарно закивав, я звучно клацнула зубами. Машина отъехала от храма, и с каждым мгновением вдали от него я ощущала себя спокойнее. К середине поездки мне даже хватило храбрости всё же достать плед из-под сидения и, завернувшись в него, окончательно прийти в себя. Фин, заметив это, глянул на меня через зеркало.

— Так что случилось? Он что-то сделал?

— Понюхал, украл ленту и обещал уничтожить.

Вздрогнув от нахлынувшего отвращения, я поглубже завернулась в теплую ткань.

— Оу... это... странно. Ты сообщишь об этом Авелю?

— Он всё равно не поверит, хотя я теперь понимаю, почему Джеральд наотрез отказывается взаимодействовать со старшим Мелоуни.

— Тогда передай хотя бы ему, ну, начальнику внешней стражи, на всякий случай.

— И что он сделает? Посмеется?

— Не скажи, он по возможности может оградить тебя от церковников и не допускать вашей встречи в замке. Архиепископ довольно часто заглядывает в королевскую часовню.

— Да... видела его там однажды.

Тогда же пропали перчатки. А я говорила, Ньярл, нужно было его ударить еще при той встрече.

Искренне сожалею об этом упущении, Софи.

Спасибо.

Нервный смешок сорвался с моих губ, но голос мага в голове заметно обнадеживал и успокаивал. Я проходила через этот кошмар не одна, и нечто или некто был со мной, прекрасно понимая меня и поддерживая.

Боги, спасибо за то, что у меня есть Ньярл.

— Приехали.

Машина неожиданно остановилась, заставляя меня вынырнуть из собственных переживаний. Отодвинув занавеску от окна, я с облегчением увидела знакомые хрустальные цветы на витрине.

— Можешь не ждать меня, Фин.

Заглушив двигатель, водитель развернулся ко мне, с недоумением выгнув бровь.

— Ты не вернешься в замок?

— Да, я останусь здесь как минимум до утра. К полудню, если будет желание, можешь забрать меня обратно.

Лицо Финиана приняло самое одухотворенное выражение. С пониманием покивав, он с уважением протянул.

— Я-ясно, что ж, хорошо отдохнуть вам.

— Спасибо.

Стянув с плеч покрывало, я на мгновение задумалась, нужно ли мне оно, и всё же оставила на сидении, выходя из салона. Думаю, Морган, если нужно, предоставит мне и тепло, и объятия, если я захочу, осталось только встретиться с ним, посмотреть в глаза и заговорить... хоть о чем-то.

Да, часть вечера самая сложная, но насколько важная, и представить страшно. Надеюсь, он примет меня также легко и еще не отказался от своего предложения, иначе придется возвращаться в замок пешком.

Толкнув деревянную дверь с полупрозрачным окошком, я оказалась в знакомом зале, где у рядов полок с парфюмерией толпились покупательницы. Неожиданно много покупательниц.

Растерявшись, я осталась стоять на входном коврикe и, пошарив взглядом по салону, отыскала среди искусных шляпок и дорогих пальто владельца лавки, Грея. Морган вежливо улыбался окружившим его девицам и с каждой поддерживал спокойный диалог. Его спрашивали то об оттенках парфюма, то о стеклянных резных флаконах, то о планах на вечер.

Ощувив себя неудобно, я хотела было уйти и не мешать, но одна из помощниц в магазине выросла будто из ниоткуда с фарфоровой чашкой чая в руке.

— Рады вас приветствовать в парфюмерной лавке Грея, леди Серафина. Пройдемте со мной, я уведу вас в отдельный кабинет для особых гостей.

Обворожительно улыбнувшись, девушка дождалась моего кивка и резво скрылась в глубине салона. Едва успевая за ней, я последний раз бросила взгляд на Моргана и чуть было

не споткнулась на ровном месте. Разошедшиеся дамочки у прилавка отодвинулись, явив мне полуэльфа в полный рост, а также его необычный наряд: белая свободная рубашка с вырезом, брюки из дорогой ткани и... кожаные сапоги на высоком каблуке. Остановившись, я не смогла отвернуться, даже если бы хотела, и без того длинные стройные ноги казались теперь настолько безумно утонченными, что я позавидовала каждой из покупательниц, оказавшихся близко к этой сумасшедшей красоте.

Не меньше семи сантиметров, а может, и все десять. Бо-оги...

Морган посмеялся с чьей-то шутки и, повернувшись ко мне, кокетливо подмигнул, но то, что должно было стать флиртом, наоборот, расстроило. К смущению и восхищению ложкой дегтя упала горечь.

Что нужно было сделать с ребенком, чтобы день, когда он располосовал себе лицо, считался счастливейшим в жизни? Что сотворил Габриэль?

— Леди Серафина?

Неловко огладив распущенные волосы, я почти слепо последовала за помощницей. На глаза навернулись слезы, а руки вновь начали трястись. Свернув в едва заметный коридор, мы прошли в небольшой кабинет с витриной самых дорогих ароматов, остановившись у золоченых полок с черными, непрозрачными флаконами. Не находя себе места и не в силах сидеть спокойно в ожидании, я отказалась от чая и осталась стоять, попытавшись отвлечься хотя бы на тонкий медовый запах, исходивший от пузырька, стоящего на небольшом пьедестале среди остальных.

Стоило приоткрыть крышку, как помимо мёда почудился запах полыни, солнца и самую каплю крови. Потрясающее сочетание.

— Я думал, ты уже забыла про меня.

Мягкий, нарочито бархатный голос Моргана послышался прямо за спиной, стоило мне только вернуть парфюм на место. Чуть не потеряв дар речи, я повернулась к полуэльфу и открыла было рот, чтобы укорить его за ревность, но взгляд вновь остановился на шрамах. Заметив моё беспокойство, Грей вмиг стал серьезнее.

— Что-то случилось, Сэра?

— Морган, можно тебя поцеловать?

Вопрос вышел тихим, хриплым, чуть ли не плачущим, но полуэльф всё расслышал и, протянув ладонь, коснулся моих дрожащих пальцев.

— Конечно. Всё, что пожелаешь.

Теплая кожа и запах цветочного луга успокаивали меня, словно отделяя от внешнего мира. Есть они и есть Морган, готовый принять меня в любой момент и отдать всё свое внимание.

— А так?

Неловко подняв свободную руку, я нашарила кулон на шее и небольшой хвостик замка. Стоило только повернуть его, как бутон полыни скользнул вниз, но я успела поймать его и осторожно убрала в карман. Не хватало еще случайно связаться с Каином в такой важный момент.

Сила, запертая во мне, недовольно заворочалась, но уже достаточно ослабела, чтобы я могла держать ее в узде какое-то время.

Грудь и шею словно сильнее стянуло неровно сведенными краями прежних ран.

— Можно ли поцеловать такой, Морган?

Рвано выдохнув, я подняла голову и встретила взглядом с полуэльфом. Побаиваясь его

отказа, я вновь ощутила себя робкой школьницей перед первой любовью детства, но Грей смотрел с восхищением, растроганно и смущенно, будто я предстала перед ним обнаженной. Склонившись к моему лицу, он нежно коснулся скул и трепетно оставил невесомый, осторожный поцелуй на шраме у губ, боясь потревожить его даже дыханием.

— Как угодно, душа моя, как угодно.

Желания и обязательства

Одного кабинета мне было решительно мало. Мягкость и нежность Моргана сводили с ума. От одного лишь мимолетного поцелуя в щеку сердце дрогнуло, сдаваясь на милость полуэльфу, стучало в груди и в ушах, заглушая тихое неровное дыхание. Руки потянулись к рубашке, хотелось обнять, сжать ткань и спрятать лицо на плече, забывшись на мгновение и ощутив чужое тепло, но незванная мысль разрядом тока заставила меня остановиться, подав голос:

— Я... если ты не против...

— Доверюсь тебе, если ты доверишься мне.

Вкрадчивый шепот коснулся моего виска. Морган раскрыл объятия, давая самой решить, хочу ли зайти дальше. Я не стала терять и секунды на промедление, обвив руками его шею и ощутив горячие ладони на своей спине. Ласковые губы коснулись моих, умело и бережно запечатлев наше странное соглашение, обещая намного больше, если я того захочу. Его присутствие, его касания, его внимание было похоже на сон среди жаркого, беззаботного лета, будто в предках любовника оказались настоящие фейри из старых сказок. Им стоило лишь поманить путника за собой, чтобы на годы спрятать в своих владениях под горой.

Возможно это выглядит жутко наивно, но Ньярл, надеюсь, ты простишь мне эту глупость.

Оторвавшись всего на мгновение, я поймала взгляд колдовских зеленых глаз полуэльфа, за них в пору было продать душу, а то и две, тем безумнее казалась мысль о том, что эта красота сейчас предоставлена мне. Прижавшись к Моргану сильнее, я коснулась подушечками пальцев его щеки.

— Околдовал, с ума свел, так что ноги едва держат.

— Ничего, я помогу удержаться.

— Возможно наоборот, не стоит.

Чужой огонек азарта отозвался в моем сознании, без кулона все чувства были настолько обострены, что я всё сильнее ощущала себя будто бы опьяненной или одурманенной. Прикрыв веки, Морган поймал мою ладонь и быстро поцеловал ее, сжав в своей руке.

— Тогда смею пригласить тебя на небольшую экскурсию. Обещаю, там найдется место для полноценного отдыха и даже завтрак с утра.

— Как мило с твоей стороны. Неужели ты приготовишь его сам?

— Конечно. Знаю, что у нас есть не так много времени, но позволь мне сделать тебя чуточку счастливее. Я так ждал этого момента.

Смутившись, как девчонка, я медленно кивнула, чувствуя, как щеки начал заливать румянец. Нельзя же так откровенно и неприкрыто желать мне счастья. Я ведь и привыкнуть могу. К хорошему быстро привыкаешь. Дыхание и без того перехватило от уже забытого с годами предвкушения. Вечер намечался крайне приятный, и лишь мысль о продолжении повергала в трепет. Обо мне действительно хотят заботиться, действительно любят, и я сознательно позволяю это сделать мужчине. Невероятное, безумное стечение обстоятельств, особенно после того, что произошло днем. Надеюсь на встречу, я не представляла, что всё будет так легко.

— Идем, моя сладкая польнь, тебе пора отдохнуть.

Морган сделал шаг назад, выпуская из объятий, но придерживая руку. Без лишней

пошлости и намеков он спокойно провел меня через закрытый служебный кабинет по лестнице на второй этаж. За молочно-серой дверью со стеклянными окошками-лепестками открылась просторная, богато обставленная гостиная комната с дорогой резной мебелью цвета слоновой кости. Тканевые обои бледно-изумрудного цвета переливались узорами в теплом свете торшера. На полу заглушал шаги зарский ковер ручной вышивки с изящным бежевым рисунком. На кофейном столике у простого, но симпатичного камина с кремовыми изразцами в виде цветов лежали открытыми несколько книг о модных выкройках и фасонах с блеклыми, акварельными картинками кукольных дам.

— Ты еще и шьешь?

Наклонившись к столику, я перелистнула страницы, заметив закладку с моим именем, но ладонь Моргана тут же закрыла иллюстрации.

— Позволь, это останется сюрпризом.

Ощувив его волнение, я послушно отвернулась от книги, умерив своё любопытство. Бледные скулы и острые кончики ушей полуэльфа очаровательно вспыхнули багрянцем, взгляд забегал, словно он вдруг испугался осуждения, хотя у меня и мысли подобной не возникло.

— Хорошо, только скажи, если тебе нужно снять мерки.

— Уна уже неплохо постаралась для этого.

Уголки губ Моргана дрогнули в полуулыбке, тонкие пальцы мягко переплелись с моими. Заметив, что я не злюсь и даже не удивлена, он сделал еще шаг вперед и склонился к шее, чуть коснувшись губами мочки уха. Ужасно интимно и чувственно, до мурашек по коже.

— Пожалуй, экскурсию можно на этом закончить.

Слегка присев, он вдруг крепко обнял мои бедра и, подняв, удержал над полом, будто ценный приз или антикварную вазу. Чуть не вскрикнув от неожиданности, я вцепилась в плечи полуэльфа, боясь упасть или ненароком покалечить еще несостоявшегося любовника, но Морган без особого труда унес меня в соседнюю комнату и аккуратно уложил на постель. Руки, еще мгновение назад обращавшиеся со мной как с величайшей драгоценностью, скользнули ниже, остановившись на щиколотке.

— Можно?

Подобно слуге, он сел передо мной на колени, готовый помочь. Уже заметно разгоряченный, но нарочито вежливый, словно специально дразнил нас обоих. Стоило мне лишь кивнуть, как сапожки легко слетели с ног, позволив любовнику отточенными движениями пальцев размять стопы.

— М-морган...

— Да-да?

Стыдливо прикрыв рот ладошкой, я откинулась спиной на постель, закрыв глаза. Лицо пылало словно от печного жара. Имя сорвалось случайно, само собой, едва массаж расслабил уставшие мышцы, но прозвучало жутко неприлично.

— Неужели героиня, победившая демона, робеет передо мной?

— Смешно тебе.

— Нет, приятно. Я ведь чувствую себя точно так же.

Постаравшись хоть немного расслабиться, я ощутила, как Морган оперся на край кровати и, нависнув сверху, коснулся губами шеи, мелкими поцелуями прокладывая дорожку к ключицам и самым большим шрамам на ней. Поврежденная кожа сильно уступала в

чувствительности, мне даже смотреть на нее было мерзко, но он делал это так ласково, так нежно, что я не могла не поддаться этому настроению. Распахнув веки, я встретила взгляд замершего любовника и, поймав воротник его рубашки, притянула к себе, осуществив тайное желание, появившееся еще при первой встрече. Каждый порез на щеках полуэльфа был отмечен моим вниманием и любовью.

— Сэра... почему это так похоже на состязание?

— Потому что я выигрываю.

Морган тихо засмеялся, обняв и прижимая крепче, ладонь почти незаметно юркнула к застежке платья, ловко расцепив несколько крючков. Прежде чем я успела что-то сказать, его губы, стянув край лифа, опустились на оголенную грудь, обдав кожу горячим дыханием.

— Ты...

На мой возмущенный вздох Морган не ответил, скользнув языком по ореолу и вызвав очередной мучительный стон. Любовник открыто игрался, вынуждая просить больше, но вместо провокаций я стянула его рубашку, желая сравнять счета хотя бы в одежде. Отвлекшись, он послушно снял верх, отбросив его на пол. В рассеянном теплом свете ночника, полуэльф предстал предо мной настолько удивительно прекрасным, что я растерялась, засмотревшись на него как на картину или статую искусного мастера. Изящный, гибкий, слаженный не хуже королевского воина. Он склонился ко мне, желая снова поцеловать, но я мягко отстранила его коснувшись ладонью груди. Морган замер, растерянно взглянув на меня, темные брови непонимающе изогнулись.

— Что-то не так?

— Просто божественно красиво.

Довольно улыбнувшись, я провела кончиками пальцев к крепким плечам. Каштановые локоны мягкой волной и неверными тенями очертили тонкие ключицы. Огладив их, опустилась ниже к напрягшимся мышцам на животе. Там бы и стоило остановиться, но я позволила себе небольшую шалость, начав расстегивать пуговицы на брюках. Всего три штучки, никакой молнии, и судя по тому, как сильно выпирала ткань, мой нежный любовник заждался нашей близости.

— Не своди меня с ума, Сэра.

— А то что? Не останется терпения меня дразнить?

Закусив губу, я приподнялась, положив руку на заметный бугор, Морган вздрогнул, на мгновение закрыв глаза и тяжело вздохнув. Казалось, что даже невесомое движение заставляло его дрожать сдерживая растущее желание.

— Не останется.

Поймав мою ладонь, он вновь расцеловал ее и отвел от себя, соскользнув к моим ногам. Подол платья бесстыдно задрался, пальцы любовника освободили от нижнего белья. Мягкие губы заполошно отметили оголенные бедра, словно это было особое заклинание для того, чтобы я позволила вклиниться между ними. Вновь склонившись совсем близко, он поймал мой взгляд, будто желая что-то спросить, но я недвусмысленно сомкнула ноги на его талии. Не торопясь, плавно сделав первый толчок, Морган вошел в меня, заключив в объятия. Я ощутила это словно в первый раз, странно и непривычно, с лихорадочной сладкой истомой сводящей все нервы в единое чувство.

— Только не останавливайся.

Мой шепот был едва слышим, но любовник послушно продолжил двигаться судорожно выдохнув и вернувшись к моей груди. Прислушиваясь к собственным ощущениям, я почти не

верила, что снова получаю удовольствие, снова доверяю и люблю. Каждый легкий хлопок, заглушаемый разгорячённым дыханием, отдавался в теле разливающимся наслаждением, вымещая из головы всё лишнее. Не было на свете ничего кроме нас, кроме этой комнаты и постели, и губ Моргана на моем теле. Ворот платья скользнул еще ниже, оставшись где-то на поясе вместе с юбкой, фарфоровая кожа полуэльфа на бардовом, почти черном бархате выглядела особенно выразительно. Цепляясь за его плечи, я отмечала краем сознания, как множатся симпатичные красные полосы.

— Моя сладкая полынь, моя Сэра, моя...

Морган набирал темп, словно постепенно отпуская жесткий контроль над собой, но не стал грубее, даже когда его пальцы вновь оказались на моих бедрах. При всей любвеобильности он не пытался взять верх и не забывал о том, что мне тоже должно быть хорошо. Только доведя меня до самого пика, выслушав надрывный стон, он позволил себе остановиться и переждать собственную вспышку чувств. Первую, но не последнюю за эту ночь.

— Нужно было попросить водителя приехать как можно позже, а то и вообще не приезжать. Я бы и сама неплохо добралась до замка.

Не желая вылезать из постели, я нежилась под утренними солнечными лучами, то и дело проваливаясь в легкую дрему. Одежда, брошенная ненужными тряпками на пол, не выглядела интересной. Дорогое шелковое постельное белье скользило по коже, будто лаская. Одна мысль о возвращении в королевский серпентарий вызывала внутренний ужас, особенно в противовес бесподобно шикарному мужчине в объятьях. Морган честно принес мне на завтрак блинчики с медом и кофе, как и обещал, но даже это не было уважительной причиной, чтобы отпустить любовника из рук дольше, чем на десять минут. Обмениваясь ленивыми, сонными поцелуями, мы говорили обо всем и ни о чем, разглядывая друг друга почти в ангельском ореоле холодного зимнего солнца в окнах.

— Ты всегда можешь вернуться. Ты знаешь, где меня искать.

— Еще бы дал кто-нибудь вернуться. В последнее время всё идет кувырком, даже оглянуться не успеваешь, как стоишь посреди дуэли с каким-то юнцом или в трущобах перед мерзкой склизкой тварью. Меня даже наказывать за глупость не успевают.

— Это может быть к лучшему.

— Может.

Теплая ладонь погладила по плечу, пальцы поднялись выше к шее и скулам. Морган тихо вздохнул, коснувшись губами виска. Его голос прозвучал так хрипло и мягко, что до меня не сразу дошел смысл.

— Оставайся насовсем. Рано или поздно обучение короля закончится, Уна выйдет замуж, а мы могли бы жить вместе.

— Морган...

— Хотя бы ты... не оставляй меня.

Я открыла рот, но слова застряли в горле. Хотелось оправдаться или успокоить его, но язык не поворачивался соврать. Сама идея жизни со мной казалась абсурдна, но Грей говорил так уверенно, так спокойно, словно действительно планировал это.

— Ты же меня совсем не знаешь.

Любовник опустил голову чуть ниже, с удивлением заглянув в мои глаза. Стало так неловко и стыдно, что в пору было провалиться сквозь землю.

— Неужели? Что ж, будет достаточно времени узнать.

— Морган, я не... это невозможно.

— Почему?

Потому что, когда всё кончится, ты не захочешь меня видеть.

— Я не распоряжаюсь своей жизнью в полной мере. После обучения отец наверняка попросит вернуться и помогать ему.

Пухлые, зацелованные губы поджалась в обиде. Морган отвел взгляд, вернувшись на прежнее место и вновь уткнувшись мне в макушку. Я представляла, как выглядит моё оправдание, и знала, что ударила по больному. Еще одна подневольная птица, как и Уна.

— Прости...

— Я понял тебя. Не бери в голову.

«Если будет возможность, я останусь». «Если найду хоть шанс, я буду рядом». Я уговаривала себя это сказать, но упрямое сознание вторило наперекор: всё кончится, как только умрет Авель, тебя не будут ждать здесь после кровавого переворота, и дело даже не в смерти короля, а в тех жертвах, что последуют после.

Водитель постучал в двери квартиры, как только часы пробили полдень. Морган помог мне собраться и вернул на шею кулон, никак не выказывая своих чувств, будто этого неприятного разговора и не было между нами. Обняв уже у порога, он со всей возможной любовью и нежностью поцеловал меня на прощание, и, только сев в машину, я ощутила, что карман кейпа потяжелел. Два серебристых ключа от дверей идеально уместились в ладони.

— Кажется, ты еще грустнее, чем была. Ты точно заезжала отдохнуть?

Звонко шмыгнув носом, я честно постаралась сдержать слезы, но мои моральные силы на этом иссякли. Каждая попытка хоть немного наладить свою жизнь терпела поражение за поражением.

— Фин, я такая дура, ты просто не представляешь.

Остановившись на перекрестке, Финиан с интересом взглянул на меня через зеркало и тяжело вздохнул, покачав головой.

— Представляю.

Выученным движением он достал из нагрудного кармана носовой платок и отдал его мне, позволив хотя бы немного привести себя в порядок. Остаток пути мы проехали молча, и только у самого крыльца в хозяйственную башню водитель, затормозив, вдруг обернулся и коснулся моего плеча.

— Сэра, если у тебя сейчас найдется немного времени, загляни на кухню. Оливия обещала подогреть обед к твоему приезду и угостить пирожками.

— Мне бы сначала до ванной добраться.

— Да-да, как только переступишь порог спальни, тебя снова куда-нибудь вызовут и что-то попросят. Пожалуйста, задержись здесь, обещаю, это не займет много времени, она переживает за тебя.

Устало откинувшись на спинку сидения, я с укором посмотрела на Фина. Парень едва руки не сложил в мольбе и выглядел так, будто просит о величайшей милости.

— Если ты так настаиваешь.

— Я знал, что с тобой можно договориться.

— Когда-нибудь мне выйдет это боком.

Дождавшись, пока водитель откроет двери, я вышла на улицу и, попрощавшись кивком головы, прошла прямо на кухню, еще на подходе поймав сладкий запах выпечки. В самой столовой оказалось неожиданно пусто, хотя я предполагала, что в самый разгар дня

приходилось большая часть дел в замке. Кухарки собрались у плит, тихо переговариваясь между собой, деревянные столы, вычищенные до блеска, приветливо ожидали едоков. Мелкие пылинки вились в лучах света из решетчатых окон. В зале было очень тепло и так уютно, что я осталась бы сидеть тут до конца дня.

— О, Серафина, ты уже здесь! Проходи, не стесняйся.

Оторвавшись от огромной кастрюли с супом, Оливия вынула черпак и, кивнув подруге, вышла ко мне навстречу. Горячие мягкие ладони подхватили мои руки, потянув к обеденному месту у рабочих столов.

— Я не хотела тебя отвлекать.

— Глупости, ты так много сделала, а сколько слухов ходит, это кошмар, я думала никогда не поймаю тебя, чтобы поблагодарить.

— Не за что благодарить.

Усадив меня, Оливия глянула на настенные часы, тикавшие почти в такт со стуком ножа второй кухарки, и заполошно обняла за плечи, клюнув в висок.

— Почему? Ты всё сделала как надо и даже город защитила, одна, своими силами. Ой, подожди минутку, сейчас всё будет.

Не дожидаясь ответа, она вернулась к плитам и, выудив пару глубоких тарелок, достала еще и глиняный кувшин с простыми бокалами. Догадываясь, что сейчас меня будут потчевать еще и вином, я поняла, что уйти из кухни мне дадут еще не скоро. Пальцы потянулись к пуговицам кейпа и, расстегнув его, скинули с плеч. Где-то на сковороде шумно зашкворчало мясо, Оливия открыла печь, доставая немаленький противень, полный румяных пирогов. Ловкими, быстрыми движениями она стала закидывать их на большое блюдо, стараясь не обжечься.

Ощущая себя ребенком в гостях у бабушки, я, словно замороженная, смотрела за работой кухарок.

— Сэра! Как удачно я тебя застал.

Новый голос заставил меня вздрогнуть и обратить внимание на проем коридора. В зал столовой, снимая куртку на ходу, зашел Джеральд, еще красный после улицы и с каплями растаявших снежинок на волосах. Поймав в объятья Оливию, он звучно поцеловал ее в щеку и шумно сел за стол со мной. Крохотный уютный мирок, в котором я пребывала в спокойствии и тепле, рассыпался, стоило начальнику внешней стражи туда сунуться.

— Как поживаешь? Раны не беспокоят?

— Почти всё зажило, спасибо.

— Я рад, я рад.

Кухарка скоро выставила перед нами по тарелке запеченного картофеля с мясом, за ними кувшин с вином, металлические бокалы и самыми последними пироги с небольшой буханкой еще горячего хлеба. Девушка даже не попыталась сесть с нами, поглощенная работой, и видимо знала о приходе возлюбленного с самого начала. Поблагодарив ее, Джер сам налил мне напиток и, взяв хлеб, с хрустом разломил его на две части, протянув одну из них.

— Я слышал, тебя даже удостоили награды.

Чувствуя себя всё более неловко, я несколько заторможено посмотрела на кусок, видя в этом что-то библейское, и все же взяла в руки, начав трапезу. После первых же ложек сытного, безумно вкусного обеда настроение стало существенно лучше.

— Да, если это можно так назвать.

Горько усмехнувшись, я отпила вина. Сладкое, совсем молодое и легкое, оно идеально подошло как разговору, так и еде. Джеральд задумчиво повторил жест за мной и, глядя в бокал, спросил уже напрямую:

— Что он сделал?

От одного воспоминания я нервно передернула плечами. Даже несмотря на то, что все беды и невзгоды, обрушившиеся на мою голову, в стенах столовой были словно несущественны, мне было сложно подобрать слова, будто я собиралась жаловаться на какую-то глупость. «Он грубо схватил меня за руку и нюхал волосы, каков засранец».

В сравнении с тем, что я пережила здесь раньше и что слышала в свой адрес, это были словно и не угрозы вовсе, хотя в тот момент мне было дико страшно, и рядом с светлым храмом я точно больше не появлюсь.

Джер, не дождавшись ответа, медленно выдохнул и поднял голову.

— Хорошо, спрошу иначе. Что он у тебя забрал?

— Ленту, для волос.

— И всё?

— Перчатки при прошлой встрече, правда я думала, что потеряла их.

— Ясно.

Он вдруг нахмурился, словно я сказала что-то действительно плохое, но не торопился делиться мыслями. Отщипнув кусочек хлеба, я закинула его в рот и снова запила вином. Пока была возможность, захотелось расспросить о ситуации побольше.

— Насколько понимаю, это частое явление?

— Более чем.

— Тогда почему его еще не наказали?

— Кто?

— Да хотя бы король, например.

Пожав плечами, Джеральд продолжил есть, но над тарелкой он заметно ссутулился, будто уже давно несет тяжкую ношу.

— В его положении обезглавить церковь равно потерять большую часть народной поддержки. Каков бы не был Габриэль, о его делах знают немногие.

— А ты? Неужели ваша семья не в курсе?

— Собственноручно лишить влияния целый род не каждый решится. Благодаря ему большая часть родственников попала на высокие должности. Сам архиепископ им благоволит, куда деваться.

По-новому взглянув на начальника внешней стражи, я покивала, вновь потянувшись за вином.

— Вот оно что.

— Не смотри на меня так, я здесь своими усилиями оказался и был бы выше, если бы не Габриэль. Пока не пришел эльфийский пёс, я контролировал весь замок и изнутри, и снаружи, но за постоянные ссоры с Авелем меня немного понизили.

— А при чем тут архиепископ?

— Я запретил водить к нему Марка, хотя ему по статусу положено ходить на службы к главе церкви. Даже на личные исповеди, как уверял этот засранец.

Сладчайшее, вкусное вино вдруг словно скисло во рту. С трудом осилив очередной глоток, я отложила приборы, чувствуя нарастающую тревогу.

— Ты говорил королю о происходящем?

— Пришлось, когда другие аргументы закончились. На повышенных тонах выдал то, что знаю, и даже Моргана припомнил, но наш Авель очень не любит бездоказательные «сплетни». Жертвы, как ты понимаешь, не сильно стремятся к разговору и огласке, если вообще понимают, что происходит.

— Он не поверил?

— Точно не до конца, но прислушался и держит сына под охраной. Я в свою очередь пытаюсь научить мальчика хоть какой-то самообороне.

Бездумно вода ложкой по полупустой тарелке, Джер выглядел то ли расстроенным, то ли рассеянным, явно с головой окунувшись в те самые беспокойные дни ссор. Неловко отщипнув себе еще немного хлеба, я припомнила встречу с принцем в библиотеке.

— Марк эти уроки терпеть не может и тебя не слишком любит.

— Пускай, мелкий он еще, чтоб всё понимать. Пока няньки его силком на тренировки тащат, он будет в безопасности, спасибо потом скажет, как подрастет.

— А я?

— А ты внимательнее смотри по сторонам и чуть что используй силу. Мои ребята будут тебя предупреждать о приездах. Я бы в храм тебя не пустил, но узнал об отъезде слишком поздно.

— Хорошо, тогда последнее. Почему ты спрашивал про вещи?

— Потому что после трех этого безумца остановить будет крайне сложно. Можно сказать, что количество повышает его интерес.

Отголоски прошлого

Следуя в дом за Луной я еще не представлял, чем всё обернется.

Для кого-то другого богиня выглядела бы совершенно безмятежно, но я ощущал ее злость, страх и напряжение. Считывал это в чуть нахмуренных бровях, дрожании пальцев, неестественной зажатости и прямой, будто закаменевшей осанке. Луна явно не собиралась прощать, понимать и смиряться с чужим любопытством, перешедшим всякие границы, а мне, как допустившему это безумие, нужно было помочь избавиться от последствий.

Переступив порог родного дома, я впервые ощутил его иным, изменившимся, чуждым мне настолько, что я на мгновение замер, пытаясь совладать с этими мыслями. Мое сердце ныло от неприязни, сознание вторило, подтверждая: что-то неминуемо исчезло, пропало в водовороте нечестивых экспериментов брата. Он сделал что-то, впустил или наоборот отдал на заклятие тем, кого слышит из уст мертвых.

— Моя богиня...

— Молчи, сейчас не время.

Луна нахмурилась сильнее, я видел ее такой впервые и никогда не смог бы передать эту тревогу в камне.

Мы проследовали дальше, через просторную галерею с видом на внутренний двор, к наиболее поздней пристройке, где брат, как он обещал, должен был заниматься медициной и искать лекарства, способные продлить жизнь. Там же, по его заверениям, обещала остаться девушка, получившая змеиный укус. Найденная в зарослях бессмертника, она случайно стала отправной точкой в исследованиях того, что кроется за гранью нашего мира.

— Вир! Я же просил меня не беспокоить! Зачем ты...

— Прочь!

Брат остановился в проеме дверей, загородив собой вход, но богине едва ли нужно было отдельное приглашение. Легко оттолкнув мужчину, она ступила на каменный пол, заставленный огромным множеством разных кувшинов. В них, тихо зашипев и шелестя не громче шороха бумаги, зашевелились многочисленные змеи, пойманные братом с начала его сумасшедшего увлечения.

— Познание не остановить, разум не остановить, рано или поздно иные поделятся с людьми всем тем, что вы так жадно, так мелочно скрываете нас.

— То, что ты отыскал, отравляет саму жизнь, это поклонение сущностям, чье внимание ты не должен был привлечь.

— Это ты так говоришь.

— Я и любое другое божество объяснит тебе тоже самое.

— Только потому что вы слишком слабы, вы не видите и дальше своего носа, а она...

— Видит? Как много теперь? Может быть, ты сам покажешь, что сделали с ней твои поиски? Получила ли эта девушка обещанное тобой бессмертие?

Он открыл было рот, но не нашелся с ответом. Луна, осуждающе покачав головой, сделала шаг к дальней двери зала, она наверняка уже представляла, что именно встретит. Брат дернулся следом, желая остановить, но я успел перехватить его и позволил богине пройти до конца, открыв проход в святая святых этого места. В небольшой больничной палате с плотными занавесями штор я разглядел то, что осталось от нашей помощницы по дому. Исхудавшее тело покоилось на перине под тремя шерстяными одеялами, черные

волосы спутанной паклей лежали на лице. Кожа серая, сухая, словно пергамент, губы с черным ободком от яда. Даже в зале я слышал тяжелое, хриплое дыхание, будто даже это действие тратило все силы девушки.

Открыв воспаленные, потемневшие веки, она обратила взгляд на вошедшую. Ослепленные угольные глаза белыми пятнами роговиц дернулись к свету и задрожали от натужного вдоха.

— Я слышал крик Луны,
Задушенной в ее же ореоле,
Что пожирает черная Звезда.
Ей так велит Каркоза.

Услышав шелестящий, неживой голос, брат едва не вывернулся из моих рук, потянувшись к девушке. Он знал, что сейчас произойдет, но в последний раз хотел услышать ее безумные речи, всем нутром обратившись в слух.

— Я слышал песнь Гиад,
Безмолвную, как песнь моей души...
Но вот приходит Он — и все стихает,
И стихни ты, Мой голос неживой,
Как слезы, что иссохли,
В Каркозе Богом проклятой.

Серебряный клинок в руках богини пронзает едва бьющееся сердце. Мой брат кричит в отчаянии так сильно, словно сам сейчас лежит на ложе, проткнутый божественным оружием.

Меня выдернуло из сна так резко, что тяжесть собственного тела вдруг показалась неподъемной. Легкие с трудом расправились, взгляд лихорадочно обвёл комнату, постепенно узнавая ее. Эту ночь я провела в своей спальне, хотела отдохнуть и хоть немного привести мысли в порядок, но богиня рассудила иначе. Новая часть воспоминаний осела в голове, опутав чувства липкой неприятной паутиной.

— Ньярл.
Мне тяжело это объяснить, я знаю не больше твоего.
Мне кажется, я видела того человека, твоего брата.
Что?

Смутно, но я помню его среди бесконечного черного моря, помню боль и когти какой-то твари, раздирающей мою шею.

Тебе, наверное, показалось.

Нет, я более чем уверена. Еще в библиотеке мне почудилось сходство, но сейчас я готова поклясться, что это один и тот же человек. Темные глаза, черные волосы, колкая щетина и жесткие губы. Подумай только, он же и есть тот первый, кто заговорил с мертвецами, он сам доводил людей до грани ядами, чтобы те заглянули за край мира, как помощница. Всё сходится.

Я отказываюсь принимать нашу связь.
Это глупо, нам стоит обдумать это.

Конечно, но я сделаю это сам.

Ньярл!

Его голос больше не раздавался в моей голове, а присутствие почти стерлось из сознания. Упрямец, намного продуктивнее всё обсудить, он ведь мог вспомнить что-то еще. Как минимум ответить на вопрос: зачем за Завесой мне оставили метку? Не для того ли, чтобы найти лазейку в наш мир, как говорил сам Ньярл когда-то. Полагаю, действия Каина совершенно не вписались в планы этого безумца.

Закрыв глаза, я попыталась успокоиться и еще раз сопоставить факты, но раз за разом они приводили к одному единственному, очевидному выводу. Сон больше не шел, сердце всё еще тревожно билось в груди, отдаваясь набатом в ушах, и, ворочаясь с боку на бок, я не придумала ничего лучше, чем встать и надеть на себя халат поплотнее. Ноги сами, вторя большой голове, повели меня в коридоры замка, где, слегка поплутав среди похожих друг на друга галерей, я всё же наткнулась на высокие резные двери королевской библиотеки.

Ученый, желавший отыскать своё бессмертие, стоял всё там же, еще страшнее глядя на влюбленных во мраке из своего угла. Льющийся из окон свет луны, падающий на скульптуру через дрожащие голые ветви, играл тенями в складках одеяния и на полуоткрытой груди.

— Ну привет, засранец.

Присматриваясь к каменному лицу и рукам, сжимающим незнакомый прибор, я вскоре услышала, как за окном вдруг усилилось завывание ветра, и без того напоминающее непрерывное стенание женщины, будто прячущейся где-то в сугробах. На одной долгой ноте она выла то ли от боли, то ли от печали, заставляя весь сад за стеклом качаться в такт. Свет резко дрогнул, и, скрывшись за облаком луна на мгновение исчезла, но едва показалась вновь, как статуя передо мной набрала в легкие воздух.

— Сэра?

Я не вскрикнула только благодаря тому, что от ужаса сдавило горло. Знакомый голос послышался совсем близко, у стеллажей, и, обернувшись, я смогла увидеть его владельца, бледнеющего словно привидение посередине библиотеки.

— Боги, Авель, что ты здесь делаешь в такой час?

— Я мог бы спросить у тебя тоже самое. Решила приобщиться к искусству?

— Мне снились кошмары, я не могла уснуть.

— Поэтому тебе понадобилось напугать себя сильнее?

— Не-ет, просто не знала, куда еще пойти.

Вернув рассудок, я похлопала себя ладонью по груди в безуспешной попытке вернуть нормальное сердцебиение. Ужасов для одной ночи было слишком много, и хотелось бы уже закончить на них, а Авель, словно оплот стабильности в происходящем, идеально подходил для утешительной беседы или привычного, слегка раздражающего разговора, перемежающегося уже полюбившейся пикировкой.

Вежливым кивком король дал знак идти за ним и, не дожидаясь ответа, скрылся за шкафами. Ничего не оставалось, кроме как пойти за ним, я наблюдала, как Авель в непривычно домашнем одеянии ведет меня куда-то вглубь обширной библиотеки.

— Слуги оставили немного чая.

— Это предложение?

— Приглашение, я всё равно хотел поговорить с тобой.

— Звучит крайнестораживающе, тем более посреди ночи.

— Мне кажется, ночные разговоры выдаются самыми честными и спокойными.

— Я думала, ты здесь чем-то занят.

— Да, но задачка непроста, и я всё равно упустил слишком много, чтобы ее решить.

Оказавшись у стены рядом с деревянной винтовой лестницей, король невесомым движением отодвинул один из стеллажей, открыв проход в небольшой тайный кабинет. С удивлением ступив за его порог, я обнаружила небольшое узкое окно с ромбовидной решеткой, простой камин из красного камня и низкий кофейный столик с парочкой потрепанных, но уютных кресел. Сев в одно из них, я позволила себе подтянуть ноги на сидение и обнять колени в ожидании возможных вопросов, но Авель не торопился на допрос. Задвинув дверь, он подбросил поленья в огонь и не спеша сел рядом, подобрав со стола какие-то документы. В неверном свете пламени король перечитал страницу за страницей, заметно хмурия брови, кремовые листы, исписанные округлым подчеркиком, чуть дрожали в его пальцах будто в такт щелчкам и шепоту камина.

— Что за задачка?

Я не выдержала первой, кажется, на то и был расчет. Документы с шорохом переключались в мои руки, взгляд зацепился за описание твари, убитой в трущобах.

«Судя по тому, какие голоса использовал демон, верно предположить, кого именно он поглотил...»

— Отчет Уинна?

— Так и есть. Он пишет мне, что основой для демона стал водитель Карвенев, но не говорит с чего вдруг он на тебя напал, откуда взялись рабочие и кто достал «ядро» шоггота. Тварь не могла появиться сама по себе, ее должны были призвать.

— Водитель обратился к Завесе?

— Хорошо, но почему? Для этого должна быть цель.

— Дей предполагал, что меня могли подставить.

— Тогда непонятно, зачем на тебя нападали рабочие.

— Предупреждали? Пытались избавиться?

— Я предполагаю, что кто-то намеренно хотел настроить тебя негативно по отношению к власти страны, но это всё еще бессмысленная работа для водителя. За этим должен стоять кто-то еще, кому выгоден такой расклад, но твой напарник упорно утверждает обратное.

— Звучит так, будто у тебя появился конкурент.

— Помимо меня и Марка в королевской семье нет претендентов на трон. Королева не может править одна.

— Интересно.

Отложив листы, я откинулась на спинку кресла, рассеяно смотря на огонь. Получалось и правда как-то неправильно. Неужели за этим действительно стоит Слава? Хотела меня припугнуть, послав рабочих, а затем, чтобы замести следы исчезновений, попросила Давида призвать тварь? Теоретически похоже на правду, но складывается ощущение, будто натягиваю сову на глобус.

Мне кажется, если королева действительно хотела бы от тебя избавиться, она бы это уже сделала во дворце. А Давид не вел бы себя так странно при встрече в трущобах. Он не стал с тобой драться, предпочел сбежать и даже попытался помочь, когда ты падала в воду. Не похоже, чтобы ты была реальной помехой.

И рабочие взяли бы инструменты с собой, прежде чем напасть на машину. Хотя бы гаечный ключ или молоток, но в картине заботы обо мне пока только демон никуда не вписывается. Он вполне мог убить и почти сделал это.

Для него взяли жертв, которых ты и Дей точно знали. Пропало немало людей, почему основой стали именно они?

Чтобы мы точно связали тварь с исчезновениями, хотя это могут быть совершенно разные происшествия.

Никто не мог сказать наверняка, вмешешься ли ты, но даже если бы напарник погиб, демона убили бы храмовники или отряд Джера, тоже связав его с похищениями и завершив расследование. Для них нет смысла копать дальше и пытаться искать иную причину возникновения шоггота.

Уинн сказал, что похищения закончатся, либо будут не такими явными. Получается, кому-то очень нужно было отвести внимание и продолжить работу, но случайно или специально он упомянул покровителей? И о ком в действительности шла речь? О королевской семье или о ком-то, кто по мнению Авеля стал его конкурентом во власти?

Нервно забарабанив пальцами по подлокотнику, я чуть прикрыла веки, чувствуя тепло, разливающееся по комнате. Спать всё еще не хотелось, и сознание упорно сгребало в кучу всё произошедшее со мной в последние месяцы в тщетной попытке отыскать совпадения и пересечения фактов.

Почему-то не к месту вспомнились слова Лилит в башне. Она считала, что сыну что-то угрожает, и я по глупости своей решила, что призрак просит меня не выполнять приказ Каина, но стала бы она просить о защите убийцу? Может, она тоже видела иную опасность и пыталась предупредить?

Судя по тому, что тебя при этом настраивают против короля, а не пытаются уничтожить вместе с ним, в будущем либо ты, либо Каин будете нужны. Можно ли считать, что этот «конкурент» наш косвенный союзник?

Нам нужны в союзниках похитители? Способные скормить одну часть людей шогготу, а вторую часть... куда они вообще исчезли? Это точно не Ориаб, для их Жреца подобная работа слишком мелкая, а кроме них нечестивыми ритуалами занимались только эльфы, они же немало прибрали к рукам людей во время войны и в теории могут захватить Целестию, но Сомна не станет им союзником, и забота обо мне им не нужна.

Поморщившись, как от зубной боли, я втянула голову в плечи. Невнятное расположение сил раздражало, хотелось точно знать, что и где происходит, но пока картина складывалась крайне мутной. Кроме того, что у Авеля было слишком много врагов, ни о чем нельзя было сказать точно.

Король, проследив за моим лицом, тяжело вздохнул, будто вторя моим мыслям. Наполнив свою чашку чаем, он поставил ее передо мной и убрал бумаги со стола в неприметную коробку у кресла.

— Я смотрю, ты пришла к каким-то выводам.

— Да, к тому, что ничего не понимаю.

— Что ж, я тоже, как ни прискорбно. Пожалуй, стоит вернуться к этому позже и обдумать всё еще раз, — он проследил за тем, как я отхлебнула чай и, отвернувшись, тоже уставился в огонь. — Иногда завидую в этом плане твоему отцу. У него всегда есть с кем посоветоваться и обсудить всё.

— А у тебя не с кем? Я думала, Мирра в курсе большинства дел.

— Увы, она не слишком интересуется подобными заботами и, скажем честно, не особенно вдумчива в принятии решений. У королевы несомненно множество других достоинств куда важнее для меня, чем дипломатичность или стратегия, но когда я впервые

сел за стол переговоров с Аван, то поверить не мог, насколько умной и расчетливой может быть эта женщина и насколько преданной семье. Не будь она некроманткой, я бы предложил ей место советника. Откажись она от фамилии, и я нашел бы ей достойного супруга в Санктуме, где ее дарование могло пригодиться.

Смутившись так, будто хвалили меня, я скрылась за чашкой, осуждающе цокнув языком.

— Надеюсь, ты не додумался ей это сказать.

— Я не настолько глуп и безумен, но искренне удивлен, что Эреб продержался рядом с ней так долго. По-моему, это просто не могло случиться.

— Могло, как раз из-за семейной преданности. Это вышло ей боком.

— Возможно таков итог всего, во что веришь слишком слепо и ярко.

— Пожалуй.

Опустив взгляд, я подавила рвущийся наружу нервный смешок. Наш светлый король еще сам не знает, как сильно прав и как сильно ошибается сейчас. Возможно, кому-то стоит прислушаться к собственным советам и суждениям.

— А во что веришь ты, Сэра? Какая у тебя цель?

— Обучить тебя магии.

— И всё? Должно же быть что-то еще, чего ты хочешь добиться в будущем или к чему стремишься.

Хороший, блять, вопрос. Я понятия не имею. В последнее время никому неинтересно было, чего я желаю, даже мне самой. День прожили, и хватит. Когда-то я пришла в Санктум с твердой уверенностью отомстить и ненавидеть, но делать это крайне сложно, когда один «враг» округляется в беременности прямо на глазах, а второй подпускает так близко, будто мы уже лучшие друзья. Как-то сбились ориентиры, не найдешь теперь даже при свете факела в середине дня.

— Мне, наверное, ближе всего видение Аван. Семья и спокойная жизнь. Желательно, конечно, не в составе Целестии.

— Что ж, к этому еще предстоит прийти, но я честно постараюсь найти выход. К сожалению, одной, пусть и важной, бумажки для этого мало, хоть ее подлинность и подтвердили эксперты.

— Кажется, ты сам всё усложняешь.

— Ничуть, просто я как король вижу все последствия отказа от Сомны и понимаю, что мне не осилить их в одиночку, по крайней мере не сейчас. Министры против темных, а люди непременно спросят, ради чего их дети, братья и мужья погибали.

— Давишь на жалость?

— Прошу меня понять и помочь, насколько возможно. Я ведь могу на тебя рассчитывать?

— Можешь, куда я денусь.

Мои пальцы дрогнули, едва не разлив остатки чая, сердце предупреждающе сжалось в груди. Не всё моё тело оказалось согласно с этим обещанием.

Смотри не заиграйся, Софи, не забывай, ты всё еще оружие Каина.

— Надень еще вот это колье.

— Уна, зачем?

— Ну надень, оно так твоим глазам подходит!

Перебирая в очередной раз все свои шкатулки с бархатными подложками, принцесса выудила аккуратное украшение с тонкой вязью золотого узора, плотно облегающее шею, и с поблескивающими на солнце желтыми камнями, будто кто-то легкой рукой соткал из драгоценного металла паутинку, окропив ее прозрачными брызгами шампанского.

— Так?

Я поправила колье, присматриваясь к отражению, в нем, к счастью, не замечен был цветок полыни. Снять артефакт перед Уной я бы не решилась, хотя Морган наверняка уже доложил подруге о том, как я выгляжу на самом деле. Иногда я ловила на себе задумчивые заинтересованные взгляды принцессы, но она постоянно уверяла меня, что просто любовалась моим лицом. Можно было даже поверить, но как-то слишком часто и нарочито аккуратно девушка стала гладить меня по щекам и шее, будто надеясь найти шов или стык магии с кожей. Бесполезное дело, но безусловно заманчивое, если знать, что обе половины моего лица слегка разнятся в мимике. Об этом Грей рассказал уже на третьем свидании и клятвенно заверил, что это не бросается в глаза, если не знать заранее и не быть в курсе особенностей таких чар. Он сам когда-то хотел скрыть лицо подобным образом, используя дорогие вещицы с маскировкой, но в его случае движение мышц настолько различалось, что Морган не смог привыкнуть к переменам.

Возможно, меня тоже смутила бы даже крошечная разница, если бы я чуть чаще смотрела на свои отражения. Слишком привыкла ощущать себя какой-то безликой.

Пропавав в своих мыслях, я запоздало ощутила невесомое дыхание на шее и обволакивающий запах ванили. Тонкие пальцы Уны вдруг коснулись моих бедер и, поднявшись выше, скользнули по шелковой ткани рубашки к груди, бесцеремонно, по-собственнически огладив ее контур.

— Может, нам не идти никуда? Сэра, милая, давай останемся тут и проведем весь день в постели?

— Уна...

— Пускай нам принесут горячее вино и пряные сладости, мы отметим этот дурацкий праздник наедине.

— Нас ждут на главной площади.

— Пускай ждут.

Руки словно невзначай опустились ниже, норовя спрятаться за пояс юбки, но я успела их поймать, притянуть к губам и расцеловать розовые костяшки.

— Мы еще успеем отдохнуть, но сейчас нам пора.

— Никакого настроения нет.

— Можем уйти с праздника пораньше.

— Правда?

— Нам никто не запретит списать всё на недомогание.

— Точно! У меня заболит голова! Или закружится! Или скрутит живот! Боги, может, я отравлюсь, чтобы наверняка?

— Не стоит.

— Ну как хочешь.

В зеркальном отражении я заметила озорную улыбку принцессы, мимолетно обняв меня, она сделала шаг назад и отдала пальто, купленное ей в качестве подарка совсем недавно. Темно-коричневая шерстяная ткань приятно льнула к коже и оказалась удивительно теплой, несмотря на внешнюю легкость. Надев его, я довольно поправила рукава и дала Уне завязать на шее изящный плотный шарфик.

— Обещай, что не подпустишь Аластора ко мне.

— Этому может помешать Авель.

— Обещай.

— Я постараюсь. Надеюсь, Кейн будет занят устройством ярмарки.

Насупив свой прелестный носик, принцесса отвернулась и чуть нервно закончила сборы, не давая мне помочь, будто в отместку за то, что не в моих силах было изменить. Я восприняла это привычно спокойно, упрямо последовав за Уной во двор замка, а там и в машину. Королевская чета разместилась в экипаже перед нами, впервые на моей памяти выбираясь в город всей семьей под неустанным присмотром обоих командиров стражи. На месте Авеля я бы оставила Морохира дома, просто на всякий случай, но с тех пор как о беременности королевы объявили во всеуслышание, количество охраны рядом с ней возросло в несколько раз, оберегая Мирру, как самую большую драгоценность империи, коей она, возможно, и была.

Надо отдать должное, с этого момента мои проблемы во дворце закончились, ко мне еще относились предвзято, но вместо того, чтобы доставлять неприятности, наоборот, пытались скрыть моё существование от остальных. Охрана периодически предупреждала, куда идти не стоит и через какой коридор мне лучше пройти в библиотеку или на встречу с королем, чтобы не встретить королеву, министров или пожаловавшего в часовню старшего Мелоуни. Такой расклад меня вполне устраивал и, более того, позволил полюбить своё пребывание среди светлых.

Откинувшись на спинку сидения, я проводила взглядом украшения в виде солнца, висящие на витринах лавок и на окнах домов. Блестящие диски с острыми лучами весело играли на свету, переливались и отбрасывая на прохожих свои яркие, слепящие зайчики. До нашей процессии донеслись первые далекие отзвуки музыки с главной площади.

— Надеюсь, Морган тоже посетит праздник.

— Он не пропускал еще ни одно весеннее равноденствие. День обычно проводит со мной, а вечер с местными фейри, они так любят его, что до глубокой ночи носят подарки.

— Это со всеми эльфами так?

— Нет конечно, и сами они не признаются откуда такое отношение, но я уверена, всё дело в родителях Моргана. В лучшие времена было немало смешанных браков.

— А сам он помнит хоть кого-то из родственников?

— Очень смутно остроухого отца и неродную тетку, у которой жил перед тем, как попасть в церковь, кем была мать неизвестно, и куда она пропала тем более.

— В Сомне я слышала историю о лесной деве, ставшей супругой человека, но спустя некоторое время она вернулась к своему озеру.

— Нашим фейри некуда вернуться. Скорее всего ее магия иссякла, и она исчезла, как и многие другие.

Поджав губы, Уна опустила взгляд, рассматривая белые кожаные перчатки в руках. Мне

хотелось ее поддержать, увидеть вновь улыбку и порозовевшие щеки. Этот праздник должен был развеселить принцессу, но пока лишь давал поводы для расстройств.

Пересев на ее сторону, я осторожно прикоснулась к бледной прохладной ладони. Она примирительно положила голову на мое плечо, прикрыв глаза. В молчании мы проехали остаток пути, слушая, как нарастает игра оркестрионов, гул и счастливые крики голосов, редкие объявления выступлений и конкурсов на ярмарке. На улице собиралось всё больше людей в ярких праздничных одеждах с подарками, цветастыми сладостями и блестящими украшениями из слюды и стекла. Девушки прикалывали на шляпки искусственные полупрозрачные цветы, щеголяли в переливающихся на солнце платьях со сверкающими пайетками, бусинами и бахромой, призывно выглядывающими из-под светлых пальтишек. Мужчины на их фоне выглядели довольно строго, но даже так старались поддерживать общую атмосферу, разнообразив цвета костюмов, добавив драгоценные запонки, украсив нагрудные карманы живыми цветами или аляповатыми шелковыми платками. Дети, толпившиеся группками или гуляющие в сопровождении родителей, выделялись больше всего, совершенно не стесняясь перебарщивать ни в украшениях, ни в палитре, ни в сладостях или игрушках. Яблок в карамели, леденцов, конфет в пестрых обертках, кукол и мягких животных, зажатых в кулачках, было так много, словно где-то на площади нас ждал Дед Мороз, раздающий всем желающим подарки.

Поделившись с принцессой наблюдениями, я проследила, как наша машина свернула к краю площади, где у большого красочного шатра для королевской семьи нас уже ждала охрана, но прежде чем распахнуть двери и выйти, Она ткнула меня локтем в бок, кивнув в сторону помощников Джеральда в парадных военных костюмах. Поначалу я даже не поняла, на что она хотела мне указать, но, выбравшись из салона и еще раз оглядев часть толпы неподалеку, я заметила одну повторяющуюся особенность.

Украшение.

На всех посетителях праздника висел небольшой светящийся кристалл-слеза голубоватого цвета на шнурке или тонкой цепочке, висевший на самом видном месте или приколотый к одежде. На разодетых по случаю посетителях камень еще не так выделялся, но на охранниках с их строгой формой выглядел крайне инородно, почти сразу бросившись в глаза.

Наскоро попрощавшись с принцессой на время официальной части выступления Авеля, министров и остальной королевской семьи, я поспешила к главной сцене, чтобы не пропустить поздравительную речь, но стоило мне оказаться в толпе, как парень в красочном костюме шута звонко махнул колокольчиками на голове и мимоходом вручил мне уже знакомый кулон на вощенном шнуре.

Это какой-то инструмент?

Не похоже, скорее маленький накопитель магии.

Накопитель? У каждого?

Они не больше ногтя и без наложенных чар, возможно, их делали из остатков основного производства. Много сил они не дадут, но для людей без дара станут возможностью сделать светляк, получить искру для поленьев или залечить мелкий порез. Ничего особенного, но вполне подходит для приятного знака внимания.

Тем не менее меня слегка поражают масштабы. Неужели Кейн весь год собирал «обрезки»?

Почему бы и нет? Возможно, в другое время они продаются за бесценок.

Протиснувшись к наиболее свободному краю площади, я огляделась в поисках хотя бы одного знакомого лица, но в пестром многообразии форм, цветов и украшений внимание размывалось и тонуло, как среди безумного калейдоскопа. На всей огромной территории в центре столицы, между торговыми улицами и главным храмом, расположилась не просто ярмарка, а настоящий палаточный городок, подобный аккуратному, но сложному лабиринту. В мелких лавках и магазинчиках можно было купить дешевые безделушки или сладости, пряное вино или симпатичный платок ручной работы втридорога, получить шарж от местного художника или с помощью дротиков выбить себе мягкого медведя. Но всё это и близко не стояло в сравнении с самой главной галереей под цирковым шатром, возвышающимся прямо за сценой.

Где-то рядом резко грянул оркестр, на деревянный помост, устланный красным ковром и украшенный тяжелыми золотыми занавесями на столбах, вышел Аластор, приветствуя гостей ярмарки широкой озорной улыбкой. На его дорогом кремовом костюме не нашлось кристалла, но зато в трости под крепкой ладонью ясно угадывался набалдашник из яркого округлого камня, светящегося мягко и размеренно, словно крохотная звезда.

— Благодарю за посещение моего скромного праздника и надеюсь, вы все замечательно проведете время, достойно отметив силу и свет нашего славного, восходящего солнца!

Толпа грянула аплодисментами и Аластор, словно покорный слуга народа, вежливо поклонился в ответ. Не задерживаясь больше на сцене, он сошел, давая возможность Аврелиану произнести свою речь. Король же, состроив самое серьезное выражение лица, одним взглядом успокоил людей, пока за ним на помост выходили оба начальника охраны, Мирра, Марк и Уна. Все в праздничных нарядах, сверкающие так, что на солнечном свету глазам становилось больно, а дух перехватывало от красоты и сложности платьев на первых «леди» страны.

— Я рад вас приветствовать на празднике весеннего равноденствия...

Авель выглядел настолько торжественно и строго, что я на мгновение потерялась, чуть не приняв его за кого-то другого. В расшитом серебром костюме и алмазной короне, с коротким плащом на одно плечо, он смотрел на людей так, словно правил уже целый век и мысленно отделял себя от присутствующих. Не человек, но еще и не божество, и, надо сказать честно, что-то знакомое прослеживалось в этом поведении, что-то определенно от Ньярла.

Каину таких особенностей точно не досталось, даже будучи отрешенным и закрытым, он никогда не казался чуждым для своих подданных, понимая их чуть ли не больше, чем они сами понимали себя.

Авелью досталась часть моей искры.

Думаешь это из-за магии?

Отчасти, мне кажется, когда ты пытаешься отстоять себя, то выглядишь также странно для остальных.

Возможно, но у меня на это всё же иные причины.

Заметив движение за спиной Аврелиана, я обратила внимание на Уну, взглядом устремившуюся куда-то в толпу. Ей со сцены было намного больше видно, чем мне, и, проследив за направлением, я неожиданно узнала среди гуляк знакомую каштановую голову, чуть возвышающуюся над остальными. Двинувшись в его сторону, я постаралась как можно аккуратнее лавировать среди людей, боясь отдавить кому-то ногу или ткнуть локтем, но уже на половине пути на меня вдруг завалился изрядно раскрасневшийся мужчина,

попятившийся в самый неудобный момент. Едва увернувшись от него, я споткнулась сама, угодив в чьи-то крепкие руки, за спиной послышался знакомый вкрадчивый голос.

— Ожидал вас встретить здесь, леди Серафина.

— Простите?

Прежде чем я развернулась к говорившему, его хватка на плече стала ощутимо болезненной. На голову будто вылили ведро ледяной воды, заставив в ужасе оцепенеть. Запоздало сознание отметило, что мне не стоит дергаться и уж тем более пытаться пройти к Моргану. Не хватало, чтобы на него вновь пало внимание этого человека.

— Что вам опять нужно? Еще одна вещь?

— Немного послушания.

Его дыхание было совсем близко, касалось волос и щекотало кожу, отзываясь в моей груди волной отвращения и брезгливости. Выпивоха, оказавший мне медвежью услугу, ушел в сторону каналов на негнущихся ногах, но запах алкоголя остался легким неприятным флёром вместе со мной, и я честно винила в этом незнакомца, пока Габриэль в очередной раз не открыл рот. Он определенно еще не был пьян, но пропустил как минимум бокал вина, прежде чем прийти на площадь. Казалось бы, какая мелочь, но в моих глазах она усугубила ситуацию в десятки раз, особенно когда чужой нос вновь уткнулся в мою прическу.

— Могли бы постыдиться своих прихожан, что будет, если я сейчас подниму шум?

— По приказу своего архиепископа они готовы будут растерзать вас раньше, чем мой племянник сойдет со сцены.

Чувствуя, как горло вмиг сдавило спазмом, я подняла взгляд, стараясь представить, как много людей откликнется на этот приказ. Габриэль выпрямился, приняв приличный вид, но только для того, чтобы поздороваться с кем-то прохожим. Человек прошел мимо, улыбаясь архиепископу, и получил вежливую улыбку в ответ. На меня не обратили внимания,

С тех же успехом можно было кричать во всю глотку в толпе, и никто даже головы не повернет, как тогда при аварии посередине города, с перевернутой машиной и десятками рабочих, исчезнувших в мгновение ока.

Никто ничего не видел, никто ничего не замечает, если ты не светлый.

К глазам отчаянно подступали слёзы, но я упрямо поджала губы, ощущая себя холодной каменной статуей, Габриэль не дожидается от меня никаких эмоций, кроме ненависти и искреннего презрения. Даже когда его лицо так близко к моему, а губы почти коснулись шеи.

Интересно, если я прочитаю стихи Цветаевой ему, это подействует? Хотя бы немного, хотя бы ненадолго, пока в руках не окажется что-то острое, чтобы выполнить моё наставление.

На сцене снова показалось какое-то движение. Сморгнув пелену перед глазами, я встретила взглядом с Джером, он сжал зубы так, что желваки заиграли на скулах. Останься у него любимая зубочистка во рту, он бы всю ее сжевал и выплюнул, но едва ли это помогло бы мне.

Неожиданно голос Авеля стал громче, я запоздало вспомнила, что речь продолжалась и всё это время всех поздравляли с победой света над тьмой, отмечая то, что день ныне станет длиннее и Солар вступает в свои права, но стоило перевести взгляд на него, тело будто ударило током. Король смотрел на меня, на нас, и в его глазах читалась такая неистовая злость, что неестественно спокойный тон звучал как странное гипнотическое заклинание. Возможно, в этот момент он понял, каким дураком был в глазах младшего Мелуони.

— Передаю слово нашему уважаемому архиепископу, пожалуйста, поздравьте от себя прихожан.

Габриэль, не ожидавший внезапного приглашения, запоздало отпустил меня, приняв самый невинный вид. Едва ли кто-то из повернувшихся и рукоплещущих его появлению целестинцев успел понять, что происходило до того, как их святой архиепископ поднялся на сцену, но мне в тот момент было всё равно на справедливость, месть или изобличение этого чудовища. Облегчение и свобода нахлынули на меня так резко, что колени чуть не подкосились, а ноги поскорее понесли меня в объятия Моргана.

— Сэра, с тобой всё в порядке? Ты мертвецки бледна.

— Я почти, почти мертвец, умоляю, давай уйдем отсюда куда-нибудь подальше, пока меня не встретила еще какая-нибудь тварь.

Грей удивленно посмотрел на меня, аккуратно поддерживая за талию, с его губ вот-вот бы сорвался вопрос, на который я не смогла бы спокойно ответить. Не без удовольствия пришлось занять их более приятным занятием, отгородившись от всего мира каштановой пеленой и запахом наступившей весны. Тепло лета, мягкая осторожная ласка и убежище в любимых руках могли стереть любой пережитый ужас, стоило только почувствовать, как обо мне искренне заботятся и стараются защитить от невзгод.

— Прошу тебя быть осторожнее, Сэра, я не глуп и вижу, что-то случилось. Мне страшно за тебя.

— Пока ты рядом, я в безопасности, и я счастлива.

Морган осуждающе покачал головой, но всё же взял меня под локоть, уводя с площади к раскинувшемуся за сценой шатру. Оттуда, как из диковинной музыкальной шкатулки, вдруг заиграл цирковой мотивчик. Голос Аластора громко пригласил гостей внутрь:

— Дамы и господа, позвольте представить мою маленькую коллекцию чудес, собранную как образец нынешнего машиностроения и первой восточки нового вектора развития! Корабли, поезда и трамваи — лишь отголоски настоящего будущего Целестии! Посмотрите, на что способны настоящие гении, уже живущие среди нас!

Полосатый полог сдвинулся по краям высоченных столбов, на которых держалась вся галерея. У импровизированных сцен зашевелились цветастые фигуры.

— Приложите полученный у наших шутов кулон, дайте машинам каплю магии и познакомьтесь с новыми изобретениями человеческого разума!

Глазая по сторонам, люди, собравшиеся у входа, плавно стекались к длинным рядам удивительных и иногда непонятных автоматов, подобных тем, что я когда-то видела в доме Кейнов. Большинство из них выглядели, как настоящие люди с кукольными лицами, неестественными пропорциями и яркими костюмами с кучей оборок, рюшей и украшений. Завороженный не меньше меня, Морган подошел к одной из таких фигур, замершей в позе поклона, и, достав из кармана кулон, прикоснулся им к протянутой фарфоровой ладони. Получив небольшой заряд, девушка подняла на нас свое раскрашенное личико в облаке белых жестких кудрей и, потянувшись, выполнила движение, похожее на какое-то балетное па, вытянув тонкую ножку вверх, обхватив ее руками, и, выгнувшись в спине, вновь вернулась в исходное положение. Ее кукольные шарниры самую каплю трещали, выдавая металлический каркас, но в целом, благодаря закрытой одежде, создавалось ощущение, что это настоящая артистка цирка.

— Если дать большой заряд, она исполнит весь танец, но это будет чуточку дольше. Для выставки я решил использовать вариант попроще.

Появившись словно из ниоткуда, Аластор приветственно улыбнулся мне и показал на соседнего автоматона:

— А вот тут кстати мощности хватило на представление побольше, посмотрите.

Маленький мальчик, сидящий за партой положив ладони на столешницу, смотрел стеклянными глазами перед собой. Простой, чуть поношенный костюм и котелок на вихрастой голове придавали ему какой-то комичный и одновременно трогательный вид.

Потянув к нему Моргана, я почувствовала, что следует он неохотно, будто наоборот желая меня остановить. Растерянно повернувшись к полуэльфу, я заметила тень недовольства на его лице и короткий неприязненный взгляд в сторону Аластора.

Черт.

— Морган...

Усмехнувшись, Кейн примирительно поднял руки, делая шаг от нас. Он не выглядел обиженным, скорее его даже позабавила сложившаяся ситуация.

— Прости, Сэра, я, кажется, рискую испортить вам свидание.

— Нет-нет...

— Отдыхайте, ничего страшного, если понадобится, я всегда готов провести личную экскурсию.

— Спасибо.

Нас с Греем оставили одних, но на душе у меня вновь скребли кошки. Аластор успел немало сделать для моего благополучия и отменить это или закрыть глаза, даже чувствуя несправедливость по отношению к Уне, я не могла. Хотелось бы, чтобы полуэльф и принцесса разглядели в Кейне не просто будущего тирана, а человека, но надеяться на это было глупо. Даже если Аластор не хочет никому вредить, он по определению будет чудовищем для них.

Понурился головой, Морган тяжело вздохнул, поцеловав мои пальцы в своей ладони.

— Извини, Серафина.

— Ничего, я понимаю и на вашем месте тоже ненавидела бы Кейна, но мне он, к сожалению, уже успел помочь и показал себя с наилучшей стороны.

— Мне жаль, что так вышло. Я могу загладить это парой напитков?

— Только не вино.

— Тогда пряный кофе?

— Подойдет.

— И булочки с корицей.

Он мимолетно чмокнул меня в щеку и, улыбнувшись, скрылся среди зрителей механического цирка, оставив меня напротив неподвижного мальчишки. Порыскав по карманам, я выудила свой кулон и прикоснулась им к специальному проему для кристалла. Получив заряд, кукла дрогнула и, склонившись над партой, выудила из стола красный лист бумаги. Шарнирные пальцы, выполненные из темного дерева, тихонько постукивали по столешнице отточенными движениями, складывая что-то на моих глазах, и спустя всего половину минуты на ровной поверхности появилась яркая угловатая роза. Придвинув ее ко мне, мальчик вернулся в исходное положение, вновь уставившись перед собой.

— Какая тонкая работа.

Новый голос рядом со мной послышался необычно тихим и глухим впервые за сегодняшний день. Повернувшись к Авелю, я удивленно подняла бровь и проследила за тем, как он протягивает ко мне ладонь.

— Позволь немного помочь.

— Пожалуйста.

Подняв руку, я дала королю прикоснуться к плечу, от его пальцев почувствовался холодок, снимая саднящие следы после встречи с архиепископом. Мне не были страшны синяки, из-за них переживали бы только Уна или Морган, но избавиться даже от мелкого неудобства было приятно.

— Спасибо.

— Теперь эта сцена будет приходить ко мне в кошмарах. Не ее я ожидал увидеть, поздравляя целестинцев с праздником.

— Извини?

— Тебе не за что извиняться. Надеюсь, это было в первый и единственный раз.

— Зря надеешься.

— Но... почему ты не рассказала?

— А ты бы поверил? Что уважаемый архиепископ, занимающий свою должность уже полвека, на самом деле жуткий извращенец и фетишист? Чем мои слова будут отличаться от истории Моргана или рассказов Джера?

Авель убрал руку, закончив лечение, и, задумчиво кивнув, поджал губы. Он явно не был доволен напоминанием о своем споре с начальником внешней стражи и едва ли до конца понимал, что пришлось пережить Грею.

— Видимо, Джеральда придется снова повисить.

— Да, было бы неплохо, он честно старался защитить меня и Марка.

— Быть королем значит не видеть однозначно правильных решений и всегда быть готовым принять любые последствия. Мне жаль, правда, я не хотел, чтобы ты пострадала.

— Я понимаю.

Ощувив, как губы сами собой вытянулись в улыбку, я неловко помялась, опустив голову. Никогда не понимала, как можно сохранять спокойствие, когда перед тобой кто-то извиняется.

— Хорошо отдохнуть на празднике, Сэра.

— И тебе.

Вновь кивнув, Аврелиан посчитал разговор законченным и вышел из галереи, не придав особого внимания автоматам. Морган не торопился возвращаться, полагая, потерявшись где-то в очередях за напитками. Высокий мужчина в праздничном фраке, стоящий на небольшом постаменте рядом, снял с головы цилиндр и, прижав его к груди, вежливо поклонился посетительнице, восхищенно ахнувшей перед ним. Спустя мгновение шарниры щелкнули и кукла вернулась в исходное положение, надев головной убор. Где-то через ряд от нас, заиграл огромный оркестрион со светящимися лампочками и изображением легкомысленных танцующих девиц. Инструменты внутри машины весело напевали какой-то прилипчивый мотивчик, пока дети, запустившие механизм, смеялись и хлопали в ладоши, придерживая свои кулоны.

В шатер набивалось всё больше народу, и, не желая теряться в толпе, я направилась к выходу, задержавшись лишь у яркой красной будки прямо в проходе. Женщина с хитрым лицом и игриво изогнутыми бровями предлагала предсказать судьбу на картах таро. Дав ей нужный заряд, я проследила, как деревянные руки выудили из колоды знакомую мне карту «Повешенного».

— Будто у тебя других в колоде нет.

Гадалка засмеялась за стеклом неестественно и жутковато, вызвав неприятные мурашки по спине. Свет в будке потух в ожидании нового клиента.

— И какой безумец тебя создал.

Спрятав в кармане кулон, я поспешила выйти из галереи, до самого конца пути словно чувствуя на себе мертвый взгляд стеклянных глаз автоматона. В своей схожести с людьми эти машины шокировали и пугали, даже несмотря на довольно простое исполнение. Перепутать их с реальным человеком было крайне сложно, краска блестела на вычурно разрисованных лицах, губы не шевелились, движения скованы, но вот дернется такая кукла, и прям мороз по коже пробирает.

Отступив к торговым рядам и стараясь держаться как можно заметнее, я огляделась в поисках полуэльфа. Занятие было не из легких — то тут, то там попадались остроухие смутьяны, довольно сильно выделяясь среди целестинцев. Один из таких неожиданно нашелся возле тира, где, окружив двух соревнующихся и королеву плотным кольцом, зрители чуть на шею друг другу не залезали, выкрикивая слова поддержки и перешептываясь в ожидании.

Подобравшись ближе, я даже разглядела довольную ухмылку Джера, наблюдавшего, как его дротик вновь попадает в цель.

— Теперь буду знать, что нашему эльфу лучше не доверять лук.

— Длинный язык еще не значит выдающийся результат.

— Ну так это смотря в чем...

Уши Морохира постыдно вспыхнули, выдавая его с головой. Рука, отправившая дротик, заметно дрогнула. Среди зрителей раздалась новая волна смешков и переговоров, явно нелестных для начальника внутренней стражи, но даже несмотря на конфуз Мор старался выглядеть безмятежно. Рядом с ним, отчаянно сучая, стояла Мирра, поглядывающая больше на толпу, чем на состязание. Часть стражей закрывали ее от остальных людей, а невысокая помощница тщательно следила за тем, чтобы никто не мог даже пальцем, коснуться госпожи.

Лениво проводив взглядом последний дротик, немолодой хозяин тира отстал от стены и собрал все снаряды, подсчитывая результат обоих воинов.

— Джеральд Мелоуни выиграл.

— Да!

— Нет!

— Ты мне завидуешь, Мор, просто признайся.

— Как этот неотесанный мужлан мог выиграть?

— Этот дурак ни одной ярмарки не пропускает лет с пяти, нашел с кем соревноваться.

Мужчина за стойкой с видом вселенской усталости посмотрел на эльфа и протянул ему утешительный приз в виде небольшого раскрашенного имбирного пряника в яркой, веселой обертке. Джеральду в свою очередь достался здоровый мягкий медведь, чем-то похожий на самого Мелоуни-младшего.

— Не скучай, Мор, обещаю рассказать, как там в галерее.

— Да пошел ты...

— Ну-ну, длинный язык.

Озорно подмигнув коллеге, Джер хохотнул и, подобно ледоколу, протиснулся через зевак. С ближайшей скамейки к нему вспорхнула хрупкая фигурка Оливии. Девушка встретила «добытчика» целым ворохом поцелуев, окрасив его лицо красной помадой.

Игрушка едва умещалась в ее руках, но я была уверена, если понадобится, Меллуни просто подхватит возлюбленную вместе с подарком и пронесет хоть через всю ярмарку, показав ей каждого автоматона.

В противовес ему Морохир попробовал подойти к своей любви, отдавая свой скромный дар:

— Моя королева, позвольте...

— Нет, спасибо, не стоит, лучше принеси мне чая с лимоном. Я буду очень благодарна.

— Да, конечно, моя королева.

Зрелище настолько жалкое, что едва слезы не наворачиваются. Что-то мне подсказывало, Мирре не сдался этот дурацкий чай, но так ее верный воин снова почувствовал себя нужным. Получив от него пряник, королева быстро передала его помощнице, стоило только эльфю отойти.

Утолив любопытство, я развернулась обратно к шатру, чувствуя, что на поиски Моргана пора отправлять целый отряд, но не успела и глазом моргнуть, как нечто, врезавшись в меня, чуть не сбило с ног, заключив в объятия.

— Сэра! Мы всю галерею облазили, а ты тут!

Ловкие пальчики забрались под полы пальто и бесцеремонно ущипнули за попу, пользуясь тем, что за плотной тканью ничего не будет видно. Морган, следуя за Уной, осуждающе качал головой, держа в руках обещанные напитки.

— Мы правда успели перепугаться, я предполагал, что ты снова влезла в неприятности.

— Только наблюдала за ними.

— Значит, мы вовремя, предлагаю немного прогуляться и продолжить вечер в более приятном месте.

Небольшая деревянная кружка переключалась ко мне, сладко запахло кардамоном и корицей. Полуэльф мягко поддержал меня, приобняв за талию.

— А нас не потеряют?

— Я уже договорилась. Авель не против, ты в деле?

Растерянно уставившись на двух самых дорогих мне людей, я не смогла сдержать улыбки. Уна игриво и слегка смущенно прикусила нижнюю губу, не спеша убирать свои руки из-под моего пальто. Морган, наклонившись ниже, оставил легкий теплый поцелуй на щеке.

— Конечно, я в деле.

— Ненавижу его, хочу, чтобы он умер.

Сдерживая очередной порыв расплакаться, Уна сгорбилась, сжалась, словно пружинка, и сцепила руки, глядя куда-то в пол. Нормально отдохнуть перед свадьбой она так и не смогла, как бы я ни старалась. Всю последнюю неделю стоило уложить ее спать, как кошмары тревожили и без того уставший разум принцессы. Просыпаясь среди ночи, она жалась ко мне и тихо всхлипывала, дрожа всем телом. Шепчущий, слабый голос слышался мне в темноте, пока я слепо гладила голову девушки в надежде хотя бы на пару часов покоя.

— Может быть, мне стоит попросить снотворное у лекаря?

Предложение было не лишено смысла, и я бы даже согласилась, если бы не успела достаточно хорошо узнать Уну.

— Ты же знаешь, что с твоим состоянием он не даст больше одноразовой дозы?

— Да, но я могу сложить их в тумбочку, за несколько дней накопится нужное количество.

— Я не дам тебе это сделать.

— Ты очень жестока, Сэра.

— Наверное так и есть.

Она громко шмыгнула носом и уткнулась в промокшее плечо моей пижамы. Слезы обычно кончаются к утру, и, когда в спальню врывается новый день, принцесса уже достаточно вымотана для истерик, переживаний или сопротивления. Распорядители праздника забрасывают ее делами, заботами и вопросами для решения здесь и сейчас, не давая вспоминать о чувствах даже в обед. Так проходит время до самой ночи, пока Уна не достигает постели и, положив голову на подушку, вдруг не осознает, что своими руками приблизила «казнь» еще на сутки.

Переминаясь с ноги на ногу, я поправила упругие завитки светлых локонов у самого лица принцессы и привычным жестом достала платок, убирая собравшиеся в уголках уже накрашенных глаз слёзы. Уна смотрела на меня, полная грусти, сожалений и потаенной надежды, словно я могла ее тотчас поднять на руки и увезти из города, спрятав от всех невзгод.

— Я предлагала тебе уехать. Ты отказалась.

— Меня всё равно найдут, и если не я, то мама...

— Не нашли бы.

— А ты бы осталась со мной? Там, в неизвестности, в чужой стране без денег, среди незнакомцев.

— Нет, но не по той причине, что тебе может показаться. Мой поводок гораздо короче твоего, и ошейник не снять так просто.

Громко шмыгнув, принцесса отвернулась к окну, глядя на разгорающееся за окном лето. По моим меркам, всё еще была весна, но в Целестии зимы короткие, и в первый день пятого лунного месяца во дворе уже припекало солнце. Лучше времени для свадьбы не придумаешь, еще не слишком жарко и уже не холодно — прохладный ветер с моря приятно контрастировал с теплыми лучами. Столица цвела и пахла в предвкушении праздника, в честь такого события все главные улицы усыпали гирляндами, цветами и лентами, почти как в день рождение Авеля. Пускай сестра и не была родной, он достаточно показал ее важность

другим — как-никак королевская кровь.

Я бы порадовалась такому вниманию хоть на йоту, если бы мне не предстояло сейчас спрятать небольшой стеклянный пузырек маковой настойки где-то в шикарном ангельском платье невесты. Первый и самый важный свадебный подарок на сегодня. Повертев вещьцу в руках, я с сомнением оглядела тугой корсет.

— Найдется место в бра или...

— Даже мне там места нет.

— Тогда... в волосах?

— Легко вылетит, может, на подвязке? Ее можно утянуть.

Опустившись на колени, я помогла Уне поднять подол, чтобы на бледной ножке как можно аккуратнее и крепче подвязать рельефную склянку размером со средний палец.

— Если дергаться не будешь, то я думаю, всё продержится до конца дня.

— Мне хотя бы вздохнуть...

Воспользовавшись моментом, я напоследок поцеловала бедро принцессы, ласково огладив ее кожу ладонью, и отстранилась до того, как Уна успела предупреждающе зашипеть на мою вольность.

За дверьми гардеробной послышался шум, к нам вернулись горничные с новой порцией украшений, длинной фатой из ручного кружева, расшитой, как и платье, мелкими прозрачными камнями, выглядело это так, словно на утреннем солнце переливались капли росы на паутинке. Каждое движение заставляло свет играть на незаметных гранях, превращая ниспадающие складки шейфа в удивительный водопад, полный крохотных брызг.

Почувствовав, что время на исходе, Уна сделала шаг вперед и, не стесняясь слуг, обняла меня, жадно, отчаянно поцеловав. Я ответила ей почти с той же болью, едва ли для кого-то из присутствующих стали открытием наши отношения, и, как сказал мне в свое время Джер, принцессе простят что угодно, пока ее невинность не будет под вопросом. Для него было ясно как день, что Авель приставил меня к Уне специально, чтобы я приковала всё внимание девушки. Идея звучала странно, но объяснить иначе выборочную слепоту и глухоту короля не получалось, если я еще старалась как-то соблюдать рамки приличий, то Уна порой могла себе позволить открытое кокетство со мной на каком-нибудь официальном приеме или распустить руки в коридоре, полном стражи.

— Принцесса, ваша матушка прибыла во дворец.

Голос горничной звучал глухо и тихо, она бубнила под нос, опустив голову и упершись взглядом в подол своей формы. Уна, услышав о матери, нервно вздрогнула и вцепилась в меня сильнее.

— Не оставляй меня с ней!

— Если она меня выгонит...

Горничная семенящими шагами подошла ближе, нетактично перебив.

— Она просила, чтобы мы предоставили возможность поговорить наедине. Госпожа хочет проверить вашу готовность...

— Она просто хочет меня добить, чтобы даже дернуться не смела!

Поймав трясущиеся в страхе ладони Уны, я убрала их от себя и успокаивающе расцеловала, стараясь пройти каждый бледный пальчик. Мне хотелось ей дать сейчас столько любви и поддержки, что никакие другие слова или действия больше не могли ранить девушку. Была бы моя воля, вовсе разогнала бы весь людоедский балаган под

названием «свадьба» и увезла принцессу в далекий замок, став ее личным драконом.

— Уна, я всё еще буду с тобой, даже за дверью.

— Ты точно не уйдешь?

— Точно.

— И будешь слушать?

— Конечно буду.

— Обещай не бросать меня после того, что ты услышишь.

— Обещаю.

Громко шмыгнув носом, Уна судорожно вздохнула и, в последний раз, потянувшись, чмокнула в губы, будто надеясь одолжить толику моей храбрости. Горничные, увидев, что я всё-таки собираюсь уходить, отмерли и, засуетившись, наскоро поправили платье невесты.

Норма Макдоннелл, сестра Адама и внучка Леброна, она не похожа была ни на одного из них, словно наперекор выбрав сероватый оттенок лица и такие же пепельно-русые волосы. Аристократку в ней выдавали только темные брови и отпечатавшийся в коже капризный изгиб губ, отмеченный мелкими морщинами, но в целом даже с ними женщина выглядела крайне молодо для своих лет. В матери для Уны и Авеля она точно не годилась.

Я видела ее лишь однажды, в коридорах замка, Норма не любила скопления людей и из своего уединенного поместья редко выбиралась, предпочитая общение через слуг, но когда она что-то выясняла у Авеля, он до конца дня ходил хмурый, как туча. Еще тогда для меня это должно было стать тревожным звоночком, но большую часть сил и внимания съела подготовительная неделя перед свадьбой. Если подумать, всё самое плохое в жизни приходит именно так, неожиданно, без уведомления или ощущения неправильности происходящего. Иногда конечно ощущаешь себя будто на гладиаторской арене, встречаясь с проблемой один на один, но как правило не можешь вспомнить, с чего вдруг ввязалась в это дело и кто решил выставить против тебя такого соперника. Матушка Уны явилась также внезапно, стоило мне перешагнуть порог покоев принцессы, как она скользнула внутрь, стремительно и спокойно, подобно змее. Только когда дверь захлопнулась и почтенная мадам открыла рот, я поняла, что стала стражем на неравном, показушном бое.

— О, Солар, как же ты располнела, нам пришлось перешивать платье три раза.

— Извини, мам.

— Какие отвратительные опухшие глаза, ты могла бы хотя бы это не портить.

— Прости, мам.

— Хватит сутулиться, как дворняга, мало тебя учитель хлестала по хребту, в твою пустую голову даже через силу ничего не заложишь. Выпрямись!

— Да, мам.

— Мне передали новость о новом охраннике, это правда? Женщина?

— Да, она за дверью.

— Видимо, ей очень не повезло в жизни, но Авель это правильно сделал, он всегда прислушивается к мнению старших. Ты и так достаточно скомпрометировала себя с этим... питомцем. Имей в виду, если он тебя уже пользовал, то обратно не приму, даже не надейся, мне не нужна такая дочь, об этом я даже специально договорилась с леди Катариной и подписала договор. Судьба Макдоннеллов теперь на твоей совести, себе я оставила только дом и сумму для безбедной жизни, не включая никаких дополнительных трат.

— Ты меня продала?

— Не говори глупостей, кто бы тебя купил! Я, между прочим, передаю тебя в руки

знающих людей, они прекрасно понимают, с какими трудностями я сейчас сталкиваюсь. Твой отец затянул с помолвкой так сильно, что все приличные женщины твоего возраста либо замужем, либо вдовы, либо в монастыре. И как прикажешь искать тебе мужа, когда любая молоденькая пигалица будет цениться выше, чем ты? Кому нужна старородящая жена? Тем более с таким отвратительным характером.

— Я хотела оставаться свободной и делать, что хочу.

— Зря твой отец не выбил из тебя эту дурь, пока был жив. От тебя и так не требуется многого, выйти замуж и родить ребенка, но даже тут ты умудряешься найти себе испытание!

За стеной послышался стук каблуков и невнятное бормотание. Застыв, словно изваяние, я чувствовала, как жуткая липкая неприязнь словно покрыла кожу грязным, пыльным налетом. Даже с шогготом приятнее было общаться, а тут я даже в диалог не вступила, всего лишь слушаю. Челюсть сжалась так, словно я собиралась колоть орехи.

Где-то рядом, в стайке горничных, раздался едва слышимый всхлип, но его тут же прервал голос Нормы.

— Платье как-то странно сидит, ты точно не беременна?

— Нет, мама.

— Живот этот... ужас, мне придется извиниться перед Кейнами за этот внешний вид. Какой стыд, честное слово.

— Я не полнела, даже наоборот

— Ты ещё поспорь тут! В глаза смотри. Ты принимала те пилюли, что я присылала?

— Нет, меня от них тошнило.

— Так в этом же и смысл! Боги, ну за что мне такая дочь! Почему у меня не родился Авель?

Потому что ты не Лилит и даже ногтя ее не стоишь.

Ньярл...

Это невыносимо.

— Да даже просто сын, а не дочь, он бы явно умнее тебя был. Зачем ты меня так подводишь? Ты вообще не ценишь моих стараний? Столько сил потрачено на тебя, и всё впустую...

Открыв рот, я попыталась набрать воздуха в легкие, ощущая себя так, будто в груди всё сжалось, скукожилось, прячась от мерзкого иррационального страха перед деспотичной матерью. Чувствовала я себя так, словно каждое слово Нормы было пропитано ядом, медленно отравляющим тело.

— Сэра?

Чужой шепот вывел меня из подобия транса. Теплая рука приобняла, пряча в запахе любимого цветочного луга под летним солнцем. Морган пришел как никогда кстати, и один его вид внушал надежду на лучшее.

— Что, в первый раз?

Прислушавшись к голосу матушки за стеной, Грей даже глазом не повел, лишь задумался над чем-то и уверенно выдал:

— Вот-вот выйдет, это ее любимая финальная тема, давить на чувство вины.

— Как вы ее терпели...

Огладив меня по плечам, Морган отстранился и внимательно посмотрел на наряд. Запоздало смутившись, я поспешила поблагодарить его за помощь.

— Костюм сидит как влитой, кажется, я впервые ношу что-то настолько удобное.

— О, я рад, редкая женщина наденет брюки на праздник в королевском замке.

Я бы сказала, что вовсе никто не додумался бы до столь откровенного наплевательства на целестинскую моду и культуру, хотя мою репутацию сейчас не тронуло бы даже чудо от самого Солара, случившееся на глазах у всех королевских гостей. Люди уже довольно твердо и четко обозначили меня как неприятное, но полезное зло, которое будут терпеть, пока от этого есть толк. Мужской официальный костюм-тройка с жилетом и сюртуком, перешитый в приталенный женский вариант общество тоже должно было простить или хотя бы признать, что я выгляжу в нем потрясающе. Черная плотная ткань брюк облегла бедра и подчеркивала длину ног, полы сюртука целомудренно скрывали заднюю часть, а впереди показывали в разрезе низ жилета. Просто и со вкусом, особенный повод выдавала лишь рубашка с аккуратным жабо. Такой наряд больше подходил для жизни в Сомне, а не Целестии, и это, наверное, мне нравилось больше всего. Я собиралась стать надоедливой, неприятным пятном на светлом белом празднике.

— У тебя золотые руки, Морган.

— С такой музой любой дурак станет гением.

Мы бы продолжили щебетать, как двое влюбленных, забыв обо всем происходящем хотя бы на пару минут, но короткий оклик велел горничным продолжить работу, и те, склонив головы, шустро скользнули за двери, оставив нас с Морганом наедине.

Где-то там, за стенкой, тонул в мягкости ковровина шум множества каблучков и прятались тихие переговоры слуг. Норма действительно не заставила себя долго ждать, спустя всего пару минут она вышла из комнаты первой, легонько, но заметно хлопнув ладонью по бедру, будто подзывая собаку. Морган тотчас бесшумно прошел к ней, послушно поприветствовав, но не получив даже кивка в ответ.

— Как радуется, что я сегодня со всем этим наконец-от разберусь, сколько же проблем мне оставил Макдоннелл, нужно было настоять на том, чтобы он это решил еще при жизни. Не будь он таким упертым дураком, я бы уже жила в своё удовольствие.

Норма капризно поджала губы и внимательно проследила, как дочь вышла из спальни, бледная и скованная, словно изваяние. Пальцы нервно сжимали свадебный букет, на лице застыла бесчувственная маска, будто все эмоции были надежно заперты под замок где-то глубоко в душе. Через тонкую вуаль, она выглядела неживой, ослепшей и оглохшей, и только голос матери заставлял ее кротко опускать голову и двигаться по коридору за Нормой. Я и пара горничных завершали шествие к главному залу как раз за спиной невесты, и чем дальше я смотрела на неестественно прямую выправку, тем сильнее ощущала себя конвоиром.

Как же так получилось...

Венчание «молодых» должно было пройти у королевского трона, провести обряд вызвался сам Авель, полагаю только для того, чтобы не приглашать отлученного от замка Габриэля. За это я в некоторой степени была благодарна, ибо праздник, освещаемый старшим Мелоуни, благородно возносящим молитвы за счастье супругов, мои нервы не выдержали бы не при каких обстоятельствах. И без того насквозь лживый парад лицемерия стал бы совершенно катастрофичным.

Незаметно отставший от матери Морган выдернул меня из потока невеселых мыслей.

— Ты отдала настойку?

— А? Да, конечно, должна быть уже у Уны.

— Чудно, чудно, хотя бы что-то.

— Надеюсь, не пригодится.

— Я уже ни на что не надеюсь.

Проводив невесту до главного коридора, мы свернули к проходу, ведущему к гостям. Дальше идти с Уной нам не дали бы, в специальной комнате она должна была дожидаться основного действия, музыки, приветственной речи Авреллиана и только потом выйти под восторженные вздохи толпы, пока я с Морганом пропускаю бокал-другой в соседнем помещении, уже подготовленном для фуршета. Единственное, что я надеялась сделать до того, как напьюсь, это увидеть Катарину и попытаться уговорить ее позаботиться об Уне. Глупо, самонадеянно, но это всё, чем я могла сейчас помочь.

У самого порога к фойе Грей остановился, поглядывая в сторону красного сада, видневшегося из окон.

— Подожди здесь, я проверю, на месте ли фейри, они помогут, если она решит-таки сбежать.

— Как ты вообще провел их в замок?

— Никак, это их холм, даже если кто-то решил воздвигнуть на нем огромную каменную громадину.

Поправив борт его пиджака, я чмокнула Моргана в щеку и получила такой же легкий поцелуй в ответ. В отличии от меня, он не выделялся, полагаю, чтобы не злить лишний раз Норму, так что костюм был довольно простой, цветом напоминавший тростниковый сахар. Сейчас это было даже на руку, никто не обращал внимания на полуэльфа, давая ему беспрепятственно ускользнуть из виду как еще один гость, решившего переждать время до торжества на воздухе.

Проводив Грея, я смело шагнула в общий холл и тут же ощутила на себе пристальные взгляды ближайших людей. Кто-то замолчал, кто-то просто понизил голос, неодобрительно перешептываясь, а третьи вовсе демонстративно цокнули языком. Захотелось даже извиниться за то, что я испортила бедным целестинцам праздник одним своим появлением среди кремовых и белоснежных букетов роз в пышущем богатством фойе, драгоценных бра, огромных многоярусных ламп, безумно ярких вычурных колонн с серебрянными ветвями у потолка, среди блеска и шика приглашенных, надевших свои самые дорогие и сложные наряды, украсив их всеми бриллиантами из тайных шкатулок. Увы, их торжество было моим трауром, и я даже не подумала устыдиться этого, но на всякий случай держалась у стены, чтобы все присутствующие были перед глазами.

— Женщины в последнее время что только не делают, лишь бы быть похожей на мужчину. То и больше прав подавай, то оплату работ наравне, и даже мода, вы видели? Прически эти короткие, прям под мальчика. Мозги надо иметь, как у мужчины, чистый разум, а не волосы. Смешно же выглядит. Скоро, поди, в костюмы рядиться начнут, как вот она, например.

Ироничный тон говорившего звучал снисходительно, будто он отчитывал ребенка. Повернув голову, я заметила стайку министров, замерших у окна. Главный из них с улыбкой указал ладонью в мою сторону.

— И всё, не видать будет наших хрупких целестинских красавиц с фарфоровой кожей. Всё займут эти склочные бабищи, коим только деньги и подавай. Мерзко это, мерзко, господа. Стоило только мужчинам из дома ступить, как они свои порядки делают, нет бы хозяйством заниматься. Пытаются восполнить свою неполноценность властью, да чтоб управиться с такой ношей мало только прически. Хотя, это же только мы видим, как осознанные наблюдатели, а девицы эти... Видать забывают, чем отличаются мужчина и

женщина.

Изогнув бровь, я сделала шаг вперед, чувствуя острую необходимость ответить, но за стеной вдруг грянул оркестр, двери главного зала распахнулись.

Венчание

Тревога свернулась в груди грубым неотесанным валуном. Всё произошло так резко, так неожиданно, что первую секунду я не могла поверить в то, что свадьба действительно началась. Гости единым потоком хлынули в главный зал, музыка переливалась счастливой трелью, фанфарами, помпезным маршем, поддерживая атмосферу благоговейного торжества, люди занимали свои места, переговариваясь оценивали богатое убранство, огромное море цветов вокруг, лепестки роз, медленно падающие под высоченным сводом каменных исполинов.

Лишь я осталась стоять в фойе, онемев, но внутренне неистово желая, чтобы приглашенные повернули назад, подождали еще немного, еще чуть-чуть. Словно проснувшись ото сна, не понимая, куда так жизнь несется. До последнего мгновения казалось, что прощание далеко.

— Сэра, нам пора.

Морган взял под локоть и, как сомнамбулу, осторожно повел внутрь, в тот миг он был явно сильнее меня и физически, и морально.

Мы остановились снова на самом краю, незаметно, неслышно, даже если нервы откажут, пока все жадно приникли взглядами к пьедесталу. Там вместо тронов сегодня были резные колонны из мрамора толщиной с руку, по которым сплетенным куполом тянулись ветви живых цветущих померанцевых деревьев, их дивный запах был слышен даже на пороге зала. Белые бутоны пятиконечными звездами гроздьями собрались среди листвы, став чуть ли не продолжением, частью холодного камня. У этих прекрасных колон как главные стражи и предводители праздника замерли двое. Король в серебряном одеянии: в длинном белом плаще и с покрытой капюшоном головой, будто подчеркивая, что не он сейчас главный, а рядом с ним в дорогом костюме цвета слоновой кости и с неизменной вежливой улыбкой на губах Аластор, он был без трости и будто бы в образе великого, но скромного добродетеля.

Музыка утихла на звонкой ноте. Авель подал голос, спокойно, но громко, обволакивающе и подчиняюще, как умеет только правитель.

— Перед ликом Солара, на зените его, во славе его, с его благословения и благодаря его могуществу, я, король Целестии, Аврелиан призываю вас стать свидетелями венчания, свидетелями любви и нового союза. Аластора Кейна и Уны Макдоннелл.

На последней фразе оркестр снова заиграл, но на этот раз мягкую, нежную мелодию, подходящую невесте. Из дверей с правой стороны от пьедестала вышла принцесса, всё также укрытая драгоценностями и кружевом, восхитительная и сказочная в ярком свете солнечных лучей. Весь зал разом затаил дыхание, замер, следя за каждым движением девушки, ловя каждый шорох ткани ее платья и отмечая каждый тихий стук каблучков на каменных ступеньках. Время, и без того завязшее, будто в киселе, растянулось, стоило Уне оказаться перед Аластором. Под многочисленными взглядами особенно явно и вызывающе карикатурно читалась ее нерешительность. Шепотки самых дальних гостей донеслись до нас.

— Бедняжка так волнуется.

— Так переживает.

— Она выглядит так невинно.

— И не скажешь, что уже старая дева.

Авреллиан внимательно проследил за сестрой и, дождавшись, пока она замрет перед женихом, одобрительно кивнул, продолжив речь о венчании, семье, любви и высшем благе пары.

В моих ушах от напряжения нарастал звон, хотелось спрятаться, уткнуться в плечо Моргана, забыться до конца дня, но тихая, почти неслышимая клятва Уны всё равно пробралась в моё сознание.

— Сегодня, в окружении близких, я выбираю тебя своим супругом. Я клянусь поддерживать тебя, вдохновлять, любить и радоваться твоей любви ко мне все годы нашей жизни.

Шагнув назад, я спряталась за спиной любовника, где-то там, далеко на пьедестале, что-то громко возвестил Авреллиан, две фигуры на миг сошлись и полотно, укрывавшее лицо невесты, было откинута. Я закусила фалангу большого пальца, чтобы не закричать.

— Серафина, потерпи, еще чуть-чуть.

Грей поймал мою руку, стиснул почти до боли и выудил платок. Перед глазами всё плыло от слез, и его пальцы тщетно постарались убрать всё, пока королевский оркестр торжественно не возвестил о конце официальной церемонии.

— Мне нужно выпить.

— Выпьем, оба, пойдем и выпьем прямо сейчас.

Он расцеловал мои алые щеки, ничуть не стесняясь гостей. Щебетал и подбадривал, пока мне не стало хоть чуточку легче. Мелодии быстро переменялись на новую трель специально для танцев и тех, кто не спешил набрасываться на обед. Следующий зал по бокам пьедестала призывно распахнул двери, за ними виднелись подарки для молодых, бокалы с шампанским и вином, закуски всех мастей.

— Сэра, я вижу Катарину, ты, кажется, хотела поговорить...

— Да! Хотела, боги, я совсем расклеилась.

— Я постараюсь подобраться к Уне ближе и поддержать ее, приходи к нам, как освободишься, ей нужна наша помощь.

— Да, конечно.

Собрав остатки воли в кулак, я послушно покивала и заставила себя двинуться вперед, направившись к столу с множеством пестрых коробок, каждый из гостей принес что-то своё, и по большей части это были драгоценности, редкие реликвии или дорогие безделушки, показывающие степень интереса и внимания к Кейну. За упаковками с прозрачной пленкой, специально напоказ, я заметила открытки с именем дарителя, запонки, инкрустированный камнями кубок и даже набалдашник для трости. За всем этим богатством, принимая последние подарки от гостей, приглядывала Катарина, взявшая на себя немалую организационную часть свадьбы. Облаченная в темно-бежевое платье строгого фасона, украшенное тонкой летящей тканью с узорами перьев, она выглядела как настоящая фея крестная, заботливая и внимательная к окружающим. Увидев меня, она удивленно подняла брови и, просияв, протянула руки, приветствуя объятьями, как собственное дитя.

— Дорогая Серафина, я так давно тебя не видела!

— Простите, леди Катарина, жизнь в столице меня совсем замотала.

— Ох, уж я наслышана, убить шоггота, подумать только, эта тварь не из слабых.

— Леди Катарина, я могу попросить вас об услуге?

— Да, милая моя, конечно, что-то случилось?

— Позаботьтесь об Уне, прошу вас, это очень важно.

Огладив меня по плечам и заглянув в глаза, женщина поймала мои ладони, будто желая согреть и заранее успокоить.

— Ты так сильно переживаешь?

— У нее была не слишком счастливая жизнь.

— О-о-о, с такой-то матерью, я бы отдала половину своего состояния просто за возможность с ней никогда не встречаться.

— Она и до вас добралась?

— Да-да, просила гарантировать свободу от Уны, я бы и сама ни за что в жизни не подумала отдать ей девочку, не заслужила. И внуков она тоже не увидит, уж я постараюсь, не переживай. Принцессе не помешает любящая семья, может быть, даже уехать ненадолго, пока не появится первый ребенок, ей самой будет так спокойнее, я уверена.

— Эм, да, наверное...

— Не беспокойся, Сэра, я сделаю всё, что в моих силах.

Пока я неловко переминалась с ноги на ногу, Катарина вновь обняла меня, легонько похлопав по спине, а отпустив, отвлеклась на подошедших гостей, дав мне возможность улизнуть.

Ты выполнила свою задачу?

И да, и нет, и чувствую себя ужасно глупо. Принцессе определенно помогут, но ее «счастье» и ее мнение снова будут проигнорированы. Понятия не имею, как это можно изменить.

Возможно никак.

Спасибо, Ньярл, я всегда ценила твою поддержку.

Ты можешь злиться сколько угодно, но тебе ли не знать, что всем помочь и всех спасти невозможно. Оставь всё как есть, ты уже сделала многое, Уна в надежных руках.

Родит еще одно несчастное дитя, жизнь которого определят другие. Будет не любить его так же, как ее саму не любила мать, и избавится, как от обузы, при первой же возможности. План надежнее некуда, так скажем, проверенный не одним поколением.

Подхватив с обеденного стола бокал шампанского, я осушила его залпом и едва не выронила при попытке поставить обратно. Руки заметно дрожали, я инстинктивно стиснула челюсть в напряжении. Хотелось уйти со свадьбы и забыть всё как страшный сон хотя бы до завтра, но дальше в моем маленьком невнятном плане значился поиск Моргана где-то рядом с принцессой. Она, в свою очередь, нашла вместе с супругом в глубине малого зала, за одним из столиков для гостей. Аристократы нестройным потоком подходили к паре желая лично высказать поздравление главе семейства, пока неестественно застывшая Уна молчаливо сверлила взглядом скатерть и руку, сжимавшую ее ладонь. Казалось, поставь вместо нее одну из механических кукол Аластора, и никто не заметит подмены, настолько редко принцесса интересовалась происходящим с ней, но на все еще прелестном, хоть и печальном лице мне чудилась одна единственная мысль, уже озвученная сегодня.

«Ненавижу его, хочу, чтобы он умер.»

Неужели я одна так ясно вижу, как Уна несчастна?

Вторя мыслям как продолжению кошмара, до меня донеслись голоса: бесконечные приторные пожелания, лицемерные, как всегда бывает на публике.

— Ох, дорогие, желаю вам долгой и прекрасной совместной жизни!

— Молодая семья должна быть подобна ветке цветущего дерева: должна радовать глаз, благоухать и намекать на скорое появление плодов!

— Хочу поздравить с обретением истинного счастья! Нет ничего прекрасней, чем найти человека, с которым ты готов разделить свою жизнь.

— Аластор, надеюсь, ты не станешь затягивать с наследником, у нас вот-вот родится прекрасная дочь, неплохо было бы обговорить сотрудничество на досуге.

— Пусть ваша любовь крепнет с каждым годом!

— Кейн, завидую твоей удаче, такую красавицу отхватить...

На весь неистовый водоворот речей и неуместных предложений сам Аластор отвечал спокойно и легко, как будто каждый из гостей был его хорошим другом или давним приятным знакомым. Не требуя от супруги реакции, он за двоих поддерживал и диалог, и видимость счастливой семейной пары, выдавая напряженное молчание Уны за робость.

— Мне действительно достался лучший из даров Солара, даже не представляю за что.

Подняв ладонь принцессы, Кейн мягко, нарочито медленно коснулся губами ее пальцев, ловко и настойчиво вынуждая девушку на него посмотреть. Скванная тревогой кукла будто в тягучем сне подняла голову, испуганно взглянув на мужа. Распахнутые от ужаса глаза предательски блестели в свете солнца.

Уж тут-то можно было догадаться о настоящих чувствах Уны, но толпа восторженно вздохнула.

— Она так смутилась, какая прелесть, нежное создание!

Я дернулась к столу, желая вырвать принцессу из чужих рук, но Морган поймал меня раньше, буквально оттащив в дальний конец зала.

— Ты сделаешь только хуже, Сэра, умерь свой пыл, прошу тебя.

Нехотя мне пришлось поддаться его тихим увещеванием и сесть, угрюмо наблюдая за происходящим с выданным бокалом вина.

Не прошло и часа с начала праздника, как в сопровождении начальника охраны Мирра под звон фанфар явилась в малый зал и величественно направилась к своему месту, крепко держась за суетившегося рядом Мора. Ее живот стал чересчур объемным для долгих прогулок, и на большинстве мероприятий она показывалась всё реже, только подтверждая своё присутствие и тут же скрываясь в покоях. Учитывая размеры замка, даже спуск сюда теперь был настоящим испытанием.

— Позовите Аврелиана, я не хочу здесь оставаться одна.

Гости и подчиненные, видимо, не входили в расчет, как и виновники праздника. Почему-то я этому уже не удивлялась. При виде Мирры у меня каждый раз складывалось ощущение, будто она живет в каком-то своем, параллельном мире, далеко от нас всех, копошащихся под ногами. Ей можно не замечать вельмож, игнорировать знать, требовать к себе безграничное уважение и короля в любое время дня и ночи. Фактически, если королеве что-то понадобилось, то окружающие обязаны в ту же секунду исполнить любое желание, даже самое странное и несвоевременное, чтобы выглядеть в ее глазах хотя бы подобием человека.

Глупо было бы сравнивать, но иногда я с удивлением напоминала себе, что девчонка в перешитом мамином халате на ёлке в новый год это тот же человек, что сейчас передо мной, в дорожном наряде из муслиновой ткани с вышивкой из самых тончайших драгоценных нитей.

Страшно представить, когда всё так поменялось.

Джеральд и Морохир провели Мирру к самой дальней стене малого зала, туда, где стоял отдельный стол для королевских особ, он был укрыт подобием балдахина, а одно из широких

мягких кресел специально заполнили небольшими атласными подушками. Сев поудобнее, королева дождалась, пока эльф осторожно сложит поддержку для ее поясницы и, прикрыв глаза, с облегчением выдохнула, завершив нелегкий для себя путь. Джер отдал знак ближайшей охране, сдвинув часть стражи поближе к Мирре, но Мор тут же вскинулся, оглядев количество людей.

— Нам нужно больше охраны.

— Тут лучшие воины.

— Этого мало.

— Я тоже здесь, если ты не заметил.

— А должен был уже отправиться за королем.

— Морохир, я выше тебя, может, сам сходишь?

— Ни один человек не сравнится силой с эльфом.

Пользуясь тем, что нас с Морганом было не видно за рядом цветочных украшений, я наострила уши, бесстыдно наблюдая за перепалкой. Оба воина были уже на взводе, ни один из них на вид не собирался уступать, с вызовом глядя друг на друга, пока королева упорно игнорировала происходящее. Всё закончилось бы еще большей ссорой, но к столу вдруг выдвинулся один из министров. Громко приветствуя Мирру, он спокойно дошел до балдахина, лишь слегка пошатываясь, но у самого кресла в поклоне вдруг безобразно завалился вперед. Морохир отреагировал на это мгновенно, резко выбросив руку и вцепившись в горло мужчины, весь флёр безобидной наивности влюбленного эльфа исчез без следа, когда ноги министра оторвались от пола.

Тяжело вздохнув, королева не без удовольствия посмотрела на помощника, тихо окликнув и даже одарив его лёгкой улыбкой:

— Хватит, Мор, оставь его. Не будем чинить Авелю еще больше неприятностей.

Разжав ладонь у побагровевшего лица, Мор послушно отбросил нарушителя в сторону, с неприкрытой злобой глядя на него, как на мешок помоев. Вернувшись к своей хозяйке, как верный пёс, он присел перед ее креслом на одно колено и склонил голову, невесомо поцеловав кончики пальцев. Не проронив ни слова, Джеральд развернулся и ушел, дав знак страже внимательнее следить за балдахином.

— Никогда не сомневалась в твоих силах, Морохир.

— Лукавишь, моя королева, не из-за них ли ты предпочла мне Авеля?

— Ты всё еще обижен? Я позволила тебе остаться рядом.

— Крохи в сравнении с тем, что было раньше.

— Мор...

— Я честен с тобой и буду совершенствоваться столько, сколько нужно, пока не представится возможность исправить это недоразумение.

Эльф точно говорил серьезно, таким тоном, будто уже приготовил план, но Мирра лишь улыбнулась, глядя на него, как на расшалившееся дитя. Она ни на йоту не верила, что Морохир исполнит обещание, ставшее для него настоящей целью в жизни.

Поежившись, я отвернулась к Моргану, мне показалось, он даже не был удивлен.

— Ты слышал?

— Больше твоего, оставь это, у нас своих проблем хватает.

— Но он буквально признался...

— Это не наше дело. Авель венчал принцессу, насильно выдав замуж, так что его благополучие меня волнует меньше всего на свете.

Растерянно открыв рот, я хотела было объясниться, но вовремя одумалась. Не мне стоило защищать короля, даже если я понимала его мотивы.

— Кажется, чуть ли не каждый в Санктуме в тайне ждет смерти Авеля.

Хмыкнув и пожав плечами, Грей откинулся на спинку стула, мрачно наблюдая за столиком Уны. Вино крайне неохотно уменьшалось в его бокале, а обсуждения шли вяло. Скрывшись в собственных невеселых мыслях, мы дождались конца гуляний, лишь изредка вступая в диалог, и встрепенулись только, когда молодожены вышли на последний и единственный свой танец. Он должен был быть завершающим штрихом всей свадьбы, после которого пара тут же отправится в свой дом. Подарки, собранные в зале, будут переданы им позже, а гости при желании и милости хозяина замка могли остаться еще ненадолго, пока большая часть приглашенных не разойдется.

Поднявшись из-за стола, мы прошли в главный зал, где оркестр уже начал играть подобие вальса, но пока тягуче, мягче, чем он должен быть. Люди не спеша собрались возле стен и с интересом наблюдали, как супруги под руку медленно шествуют к центру свободного овала для танца. Стоило им на мгновение остановиться, замереть, как музыка заиграла бодрее. Ладонь Аластора легла на талию Уны, поддерживая ее, как мне показалось, особенно собственнически, принцессе оставалось лишь подчиниться и тоже принять нужную позу. Упрямо не смотря в лицо мужа, она отвернулась в бок и едва не пропустила первый шаг в танце. Кейн повел довольно быстро, плавно и твердо, не изменяя своему характеру даже в этом, но Уна неожиданно быстро приспособилась. Уже на второй минуте вальса она не уступала Аластору, и пусть их взгляды были порознь, в какой-то момент они действительно показались настоящей парой. Тончайшее кружево взмывало в воздух, подобно яблоневым лепесткам, пойманым ветром, в лукавой улыбке Кейна виделось всё больше восхищения. Теплый солнечный свет заливал зал, отражаясь украшениях и создавая туманный ореол вокруг танцующих. Каждый шаг, каждое движение были согласованы какой-то особенной внутренней чуйкой, и, честно говоря, меня это даже ослепило, увлекло, заставив забыть о том, что на самом деле творилось в этот день в замке до этого самого мгновения. Словно все были счастливы, словно всё было хорошо, как тогда на весеннем празднике, и в будущем нас ждет только взаимопонимание и любовь.

Но вот уже конец вальса, и, сделав оборот, Уна бледнеет на глазах.

Я запоздало слышу звон стекла, тонуций в аплодисментах окружающих.

Самая длинная ночь

Осознание хлестнуло по нервам словно кнутом. Танец закончился, и люди потянулись к молодоженам, слушая благодарственную речь Аластора. Вцепившись в руку Моргана, я дернула его в сторону, где среди множества ног и юбок мелькнул сосуд с маковой настойкой.

— Она потеряла лекарство, Морган, она потеряла пузырек.

— Ты можешь задержать Кейна, пока мы не найдем его?

— На глазах у всех во время официальной части?

— Проклятье...

Грей нахмурился и, добела поджав губы, ринулся через толпу. Звон склянки на мраморном полу отчетливо вел нас через гостей, звал сквозь шелест тканей, тихие переговоры и цокот каблучков, но стоило лишь подойти поближе, как чье-то неловкое движение, шаг или длинный подол смахивали желанную добычу в сторону, продлевая нашу безумную охоту. Раз за разом, едва вытянув руку, едва преодолев очередную преграду и пихнув локтем в бок закаменевшего министра, мы оказывались еще дальше от цели, чем были раньше.

— Еще раз благодарю всех, кто решил сегодня поддержать наш скромный праздник, надеюсь, мы в скором времени увидимся с вами снова.

Аластор замолчал, снова послышались аплодисменты, гости двинулись к центру зала, расходясь и позволяя больше не толкаться в плотном кольце зрителей. На мгновение я даже облегченно вздохнула, теперь найти пузырек должно быть значительно легче, большинство приглашенных вот-вот пустятся в пляс или вернуться к столам, но едва подняв голову, ощутила подступившую тошноту. Супружеская чета Кейн уже подходила к распахнутым дверям, времени на поиски не осталось.

— Морган!

Еще лелея в душе слепую надежду на чудо, я огляделась, отыскав любовника в самом дальнем углу. Рядом с ним с надменным видом стоял один из гостей, выговаривая что-то на повышенных тонах и потрясая рукой в воздухе. Присмотревшись, я с ужасом обнаружила в пальцах незнакомца склянку с опиумом, он явно не собирался ее отдавать, крепко стиснув свою находку, то ли как сокровище, то ли как доказательство преступления.

— Чертов светлый.

Двинувшись к ним и почти физически ощущая, как истекают последние драгоценные секунды для спасения Уны, я вдруг увидела, как кулак Моргана влетел в чужую челюсть. Ближайшие зрители шокировано ахнули, отпрянув и громко возмущившись. Грей выдернул пузырек и, повернувшись ко мне, бросил его над людскими головами. Всего за краткий миг сердце ушло в пятки, я испуганно вскинула руки и только благодаря фантастическому везению поймала настойку, чуть не сбив проходившую мимо даму. Королевские стражники как цепные псы ринулись к Грею, раненый гость возмущенно что-то закричал, но я не могла себе позволить и мгновения задержки.

Закатное солнце слепило глаза, огромные двери замка были распахнуты, немалая часть приглашенных расходилась по домам, нестройным потоком вылившись к подъездной дорожке и ожидая свой экипаж. Осматривая окружающих с верхней площадки крыльца, я заполошно искала знакомую светлую голову и шлейф кружев, но принцесса словно исчезла,

пропала без следа, будто ее и не было никогда. К глазам быстро подступили слезы, хотелось по-детски расплакаться или закричать во всю глотку, взывая к справедливости этого дрянного мира, но я не могла позволить себе настолько бесполезные вещи.

Нет-нет-нет-нет...

Беспомощно озираясь, я спустилась по лестнице к собравшимся машинам в самый раз для того, чтобы увидеть, как в последних лучах заката к воротам замка отъезжает авто с большой буквой «К». В стекле заднего вида мелькнуло испуганное личико Уны.

— Стойте!

Бросившись вперед, я ощутила, как нога предательски соскользнула с последней ступеньки, щиколотку прошила резкая, острая боль. Моего упрямства хватило еще на несколько мучительных шагов, прежде чем я бессильно опустилась на бордюр у края дорожки. Гости удивленно зашушукались, кто-то откровенно посмеялся, заметив, как я едва не упала в глупой попытке догнать машину.

От обиды и жалости к моей бедной любви захотелось взвыть. Проклятый пузырек с маковой настойкой остался в моей ладони, в то время как Кейны окончательно скрылись за крепостной стеной.

— Не успела... боги, да за что...

Подхватив под руку, кто-то помог мне подняться и потянул обратно к лестнице. Повернувшись, я с удивлением обнаружила Моргана. В помятом пиджаке и с наливающейся багровым пятном скулой, он показался мне хмурым, серьезным, но не отчаявшимся.

— Это еще не конец. Я попробую передать настойку через фейри, но ничего не обещаю. Они не слишком отзывчивы в праздники и очень зависимы от Аластора.

— Есть хотя бы шанс?

— Я надеюсь, попытаю удачу, а ты пока выпей за меня и эту ночь, хорошо бы ей быть короткой, хорошо бы ей вовсе обойти принцессу стороной.

Его голос прозвучал отвратительно наивно, мы оба знали, что сегодня ждет Уну, мы оба понимали, что для нее это будет насилием. Надеяться на лучшее в нашем положении было в высшей степени глупо, единственное спасение девушки всё еще лежало в моей руке.

— Всё так быстро закончилось, я только привыкла к этой счастливой жизни здесь с вами. До последнего момента казалось, что так будет всегда.

— Мне тоже, Сэра, мне тоже.

Морган провел меня до холла, до дверей в злополучный главный зал, и склонился, было проверить распухающую щиколотку, но я придержала его за плечо.

— Иди, я справлюсь, у меня есть время отлежаться.

— Обещай не забрасывать лечение.

— Обещаю.

Внимательно взглянув в моё лицо, будто проверяя серьезность намерений, Грей неожиданно притянул к себе, крепко обнял и заполошно поцеловал на прощание. Его руки держали меня как единственное сокровище, губы скользнули к виску, горячо шепча последнюю просьбу:

— Подумай еще раз над моим предложением.

— Морган...

— Я буду тебя ждать.

Растерянно отстранившись, я встретила взглядом с его колдовскими зелеными глазами, в них было столько уверенности, столько любви, что я ни на секунду не

засомневалась: Морган будет ждать даже после сотого отказа.

Солнечный диск окончательно скрылся за горизонтом, забрав с собой последнее тепло. Двор королевского замка погрузился в полумрак, в сумерки, серой дымкой окутавшие город. Незримо всю столицу и все дворцовые сады затянуло мистической мантией, сделав тени глубже и темнее, забрав яркость цветов и придав любому белому цвету пыльный грязный оттенок.

Музыка свадебного оркестра стихла, последние гости вяло тянулись к крыльцу. На башнях крепостных стен тревожно вспыхнул огонь, будто в пугливой надежде рассеять мрачное запустение.

— Есть ли какой-то смысл бороться дальше?

Я спросила это в пустоту, не ожидая ответа даже от Ньярла. Для него исход моего стремительного романа был предрешен заранее и не удивителен ни на йоту, в то время как в моей голове прошедшая буря чувств показалась сумасшедшим водоворотом эмоций, где нашлось место даже слабой надежде.

Еще в начале весны всё казалось удивительным сном, который будет длиться маленькую вечность.

Тебе нужно обработать ногу.

Да, точно.

Оторвавшись от созерцания внутреннего двора замка, я повернулась было в сторону комнаты, но, подумав немного, сделала крюк и стянула с обеденного стола в малом зале бутылку красного вина. Первый же глоток сладкого напитка подарил легкий шум в ушах и безразличие, которого так долго мне хотелось, а уже они позволили преодолеть весь путь мимо бывших покоев принцессы.

— Нужно было брать с собой больше вина.

Половину бутылки я уже осушила. Дверной замок поддался плохо, алкоголь стирал грустные мысли всё неохотнее. Переступив порог, я тяжело вздохнула, заперла дверь изнутри и села на пол возле кровати. Инстинктивно хотелось забиться в темный незаметный угол и переждать проблемы, но остатки разума упрямо напоминали, что это невозможно. Рассеяно потеряв большую щиколотку, я с трудом вспомнила самое простое лекарское заклинание, оно едва ли могло полностью убрать растяжение, но облегчить ощущения и снять отек запросто.

— *Oste... Ostende grati-tiam tuam.*

Холодные белые искры мелькнули под пальцами, защекотав кожу. Последние силы ушли на то, чтобы снять обувь и блаженно вытянуть ноги.

В темноте спальни, показалось особенно уютно и спокойно, сюда не проникали звуки, здесь можно было погрузиться в легкую невесомую дрему, словно вокруг больше ничего и никого не существует. Рука вновь потянула бутылку ко рту. На миг грудь будто бы обожгло вино, но, прислушавшись к чувствам, я быстро поняла, что это был кулон для связи. От неожиданности голова заметно прояснилась, пальцы нашарили бутон полыни.

— Д-да?

Знакомый голос, тихий и приветливый, раздался в моей голове.

— Привет, Сэра, это Клеон, надеюсь, ты еще помнишь меня.

— Конечно! Боги, я так давно тебя не слышала, даже не понимала насколько соскучилась.

— Надо же, поэтому от тебя ни весточки не было?

— Я... была занята, немного.

— Да, даже до нас уже слухи дошли, что ты в столице убиваешь демонов.

— Не только.

— Охотно верю, но я связался не для этого, ты просила сообщить, когда Академия будет готова, так вот... ммм... осенью начнутся первые занятия, пока добираем преподавателей. Общежития для первого курса уже готовы, основной учебный корпус закончили сегодня. Осталось внести мебель и можно вести уроки.

Не до конца веря в происходящее, я подтянула колени и растерла лицо свободной ладонью. Новость слишком сильно походила на пьяный бред.

— С ума сойти...

— Да, быстро закончили, впереди еще немало работы, но фактически главная часть работы выполнена, можешь отпраздновать у себя в Санктуме.

— Спасибо, без твоего руководства ничего бы не вышло.

— Глупости, у тебя была прекрасная задумка и чертежи. Только уточни, пожалуйста, ты точно хочешь, чтобы Академия принадлежала Гани? Еще не поздно записать ее на твоё имя.

— Нет. Мне хватит того, что она построена, ты сам прекрасно знаешь, что я могу и не вернуться, пускай всё будет в надежных руках.

— Кстати об этом...

Прервавшись на полуслове, Клеон замолчал и, выждав несколько секунд, будто скрываясь от кого-то, тише зашептал:

— Сэра, послушай, уже утром корабли Каина отплывут из Сомны, ты сама знаешь зачем. Со дня на день он отдаст тебе приказ, но до этого времени прошу, предупреди Карвена, заставь его уехать из столицы, я очень не хочу, чтобы сестра пострадала.

Сердце неприятно укололо застарелой болью. Что ж, такое совпадение можно было посчитать удачей. Хотя бы немного.

— Я... они уже уехали, можешь не переживать.

— Слава богам, я боялся не успеть и не знал, как связаться. Если у тебя есть еще кто-то из дорогих тебе людей в столице, обязательно предупреди их, знаю, что времени мало, но чем дальше от города, тем безопаснее, Каин не собирается использовать честные приемы, сейчас даже смерть будет предпочтительнее встречи с ним.

— Не предоставляю, как спасти... помочь остальным. Клеон, я ведь влюбилась в принцессу, только сегодня она вышла замуж, в разгаре первая брачная ночь.

В сознании послышался тяжелый вздох моего друга, теперь его голос звучал грустнее и мягче:

— Мне жаль, Сэра, правда. Я понимаю тебя, и, если хочешь, при встрече мы выпьем, и ты всё расскажешь.

— Ловлю на слове.

— Да куда я денусь, ты только вернись, твой дом здесь в Сомне, какой бы обманчиво привлекательной Целестия не была.

— Ты как всегда отвратительно прав. Спасибо, что связался, мне это было нужно.

— Пожалуйста, буду наблюдать за ситуацией.

Убрав пальцы от остывшего кулона, я откинулась спиной к стене и постаралась собраться с мыслями. Клеон появился очень вовремя, всегда вовремя, и у меня явно теперь есть пару дней форы, только нужно было решить, кого предупредить. Но с этим была главная проблема.

Если я найду способ увезти Уну и Моргана из города, то оставлять ли тут Аластора? Он же наверняка тоже уедет, и если так подумать, то он не против темных, но его брак... И дома Катарина, которую ни в коем случае нельзя упустить, она одна помнит Лилит при жизни, она одна сохранила ее вещи и может рассказать о старой королеве детям.

Помимо них, самых важных людей в моей нынешней жизни, мне вспоминается семья Уинн, помнится, я обещала Томасу защиту, а вместо с ним Дею. После них в списке Джеральд и Оливия, но как выгнать из города начальника королевской стражи? Он же до последнего будет защищать Авеля, помогать ему, в то время как стоило бы помочь себе. Может, спровадить его с Миррой? Но ее будет защищать Морохир, и королева на последнем месяце, так что едва ли куда-то сбежит. В ее положении даже нервничать опасно. Есть вариант увезти хотя бы Марка, но это опять же большой риск, и непонятно куда его из столицы деть.

По глупости хочется защитить сразу всех, даже ту странную продавщицу из цветочного магазина. Она, наверно, единственная будет рада увидеть на улице Каина, но вспомнит ли он ее? Пощадит ли при встрече?

— Как много важных людей оказалось в Целестии, неужели им суждено умереть? Это неправильно, нечестно.

Что я почувствую, увидев ту же Оливию с распоротым животом? Я своей жизнью рискнула, чтобы сохранить ее жизнь, а помимо кухарки горничная Лара не первый месяц трудится у Уиннов.

Как же мне спасти всех?

Прижав бутылку к груди, я ощутила, как меня накрывает паника, столько всего нужно было предусмотреть, тут даже не неделя работы, а намного больше. Кем-то придется пожертвовать? Ну уж нет, я не могу вот так решать кому жить, а кого оставить на погибель.

От раздумий меня вдруг отвлек легкий стук. Повернув голову, я обнаружила за окном маленькую белую голубку. Во тьме неосвещенной спальни она будто светилась, сияла среди теней как божественная слеза.

Что ж, возможно, так и было.

Я дернулась, чтобы подняться и открыть створки, но птица, вспыхнув холодным серебристым пламенем, вдруг обратилась в знакомого мне юношу в снежном одеянии. Он мягко ступил в комнату, словно не заметив стеклянную преграду, и, оправив рукава монашеской робы, приветливо улыбнулся как старому верному другу.

— Здравствуй, Софи, давно не виделись.

Настолько давно, что я не раз считала горячечным бредом нашу встречу в лесу, и только Ньярл упорно отметал мои сомнения. Два года прошло, за два года многое могло измениться, я не меньше сотни раз повторяла в голове весь договор, боясь, что Глас уйдет от ответа и не выполнит обязательства, что они оба лишь обманули меня и никакой души нет, что... всё творящееся безумство с момента прогулки к месту смерти подруги происходит лишь в моей голове.

— Здравствуй.

— Ты выполнила условие, и академия для некромантов построена.

— Не только для них.

— Точно, это славно, мой друг как раз обходит ее, сторожит. Он больше всех пострадал от ненависти к Сомне.

— Что ж ты не остановил свою посланницу?

— С тех пор как Трейн отдал ей часть своей крови, она больше не может связываться с нами.

— Надо же...

— Это прискорбно, но, как мы видим, всё произошедшее поправимо, со временем.

— Мой ребенок теперь будет жить?

— Конечно, я выбрал лучшую семью во всем королевстве, и душа вот-вот должна родиться. Можешь не переживать, о девочке позаботятся.

Софи.

Голос Ньярла в голове послышался почти страдальческим, будто предостерегая, но я и сама почувствовала в словах Гласа подвох, какой-то скрытый смысл. Солар уже не раз показывал себя двуличной дрянью, и здесь он тоже явственно подгадил мне.

— Лучшая семья во всей Целестии?

— Конечно. Если ты всё сделаешь правильно, то даже увидишь дитя.

Улыбка на лице посланца стала еще фальшивей, чем обычно, на миг он даже показался не живой плотью, а драгоценным, но бездушным истуканом. Слепящим и холодным, обманчиво прекрасным и жестоким, всё худшее, что можно было придумать, скрывалось в нем под маской блага, понимания и любви, а целая страна лишь вторила мерзкому божеству, являя собой его подлинное отражение.

— Ну ты и тварь...

Не желая разумом верить в свою догадку, я всё же чувствовала в душе, что поняла всё правильно. Рука мгновенно обхватила горлышко и тут же зашвырнула бутылку в Гласа. Вино расплескалось по комнате, стекло вдребезги разлетелось о стену, рядом с которой еще секунду назад стоял белесый силуэт. Посланник просто исчез в воздухе, будто его и не было, но его злое смех остался в комнате:

— Придется спасти Мирру, чтобы увидеть ребенка. Придется помочь мне.

Поэт говорит с равным Убеждением об опустошении и страданиях, Которые следуют за великими конфликтами, И умоляет о спокойных временах. "Мои две любви: утешение и отчаяние, Которые, как два духа, до сих пор говорят со мной, Лучший ангел — мужчина, справедливый, правильный, Худший демон — женщина, охваченная болью." (Saltillo — Gatekeepers и мой очень вольный перевод)

Сжавшись в болезненный клубок в своей постели, я раз за разом захлебывалась слезами, не в силах противиться жалости к себе.

Мне казалось, эта ночь не закончится, и я в конце концов исчезну, останусь призраком собственного горя на измятой простыне, но солнце, словно упрямый истязатель, поднялось над горизонтом, светом обнажив мою отвратительную слабость и покорность судьбе.

Я закрыла шторы. Стянула одежду и вместо завтрака попросила еще одну бутылку вина. Затем еще две. Я пила их так упрямо, будто это могло мне помочь, пока желудок не вывернулся от такой пытки.

Зато после я смогла наконец-то заснуть. Глубоким тревожным сном, липким и мерзким, как в лихорадке. Чувствовала, что Ньярл пытается хоть как-то помочь, обуздать мои порывы, но я с таким упорством хотела себе вредить, сминать разум своей же силой, что мой бедный сосед оказался беспомощен. Все последующие дни алкоголь отбирал у него возможность влиять на меня, отнимая голову от остального тела.

Плохо запомнилось, что происходило в это время — только то, что приходили слуги и честно пытались ухаживать за мной, Оливия насильно кормила и била по щекам, пока я не начинала ее слушаться. В ее глазах я каждый раз видела отражение моих чувств даже с ноткой ненависти.

Эта ненависть как славный проводник сопровождала и во снах, где раз за разом в темной мгле являлись чужие руки на бледной коже и пятна крови на простыне.

Я честно хотела не просыпаться, пропасть, провалиться сквозь землю, чтобы боги, посланцы и короли разбирались во всем как-нибудь без моего участия, но мир будто нарочно вторгнулся в темный угол моего существования, цепляясь всеми конечностями для решения одной единственной задачи: выбрать, кто будет жить.

Не хотела выбирать, мне самой жить не хотелось, если бы мне позволили сделать это, то всё закончилось бы еще тогда, но на пятый день моего самовольного заточения в спальне возник Морган. Бледный, заметно осунувшийся, встревоженный, будто всё сущее обязано было рухнуть в глубокую бездонную дыру, но такой же прекрасный, как и в день нашего знакомства. Легкая нервозность придавала ему особый шарм, в отличии от меня — моё тело за недолгий срок затворничества словно портилось, гнило изнутри.

Дождавшись, пока горничные уйдут, любовник подошел ближе, не без удивления наблюдая, как я сгорбившись сижу на кровати, тупо уставившись в стену. Чтобы поймать мой взгляд, Грей сел передо мной на пол и протянул лист бумаги.

— Сэра, это ты мне отправила послание? Почему ты просишь меня уехать?

— Потому что иначе ты погибнешь, глупый наивный полуэльф. Неужели я непонятно

выразилась?

— Как сказать... Сэра, я понимаю, ты подавлена, но мы вместе...

В мимолетном порыве злости я повысила голос, эти эмоции не были обращены непосредственно к Моргану, скорее к себе, мысленно запрещая даже желать иного исхода.

— Не будет уже никаких вместе, как же ты не поймешь! Не будет, никогда. Забудь об этом, как о страшном сне, и беги, пока можешь. Я дала тебе фору, я дала тебе шанс, чего еще тебе нужно? Приглашение? Официальное объявление?

— Постой...

— Я убийца, Морган, меня послали избавиться от короля, я обязана это сделать со дня на день, пока черные корабли не прибыли в порт. Мне жаль, что ты решил, будто я могу распоряжаться своей жизнью, но я лишь орудие в чужих руках. Беги, пока не поздно, иначе подобные мне убьют тебя.

Лицо Моргану стало совсем серым, брови взметнулись вверх, рот прикрыла ладонь. Задумавшись, он отвернулся, с явным недовольством перебарывая сказанное мной, но я уже почувствовала, что он не отступит сразу, раз для встречи пробрался во дворец.

— Мы можем уехать вместе, и гори всё синим пламенем, пускай они сами делят власть меж собой.

— У меня очень короткий поводок, он не даст мне отклониться от курса.

В сознании упрямо шевельнулась навязчивая мысль Ньярла, нервно сцепив руки, я оглядела комнату, надеясь найти хотя бы одну недопитую бутылку, но горничные, кажется, забрали их все, не оставив замены. Застарелый, почти забытый испуг, коснулся сердца.

Если Ньярл вернется, я окончательно потеряю возможность выбора.

С трудом сглотнув ком в пересохшем горле, я вновь встретилась взглядом с Морганом. Он молчал и смотрел на меня так, словно ждал чего-то.

Пришлось задать мой самый ненавистный и животрепещущий вопрос:

— Как там Уна?

— Хорошо, наверное, не знаю. Я не смог передать мак, но от нее даже пришла записка. Вроде бы с ее почерком, хотя подделать его не такая большая проблема.

— И что в ней было написано?

— Что с ней всё хорошо, что она какое-то время не может появиться на публике и... я всё гадаю, увижу ли ее вообще и связано ли ее недомогание с синяками на видном месте.

— Морган...

— Давно я не был в таком отчаянии.

Мне было жаль любовника, я видела, как мечется его душа, и несмотря на отведенную мне роль, хотелось утешить его хотя бы в последний раз. Сморгнув набежавшие слёзы, я протянула руки к Моргану, коснувшись его шрамов на щеках. Они, такие родные и любимые, легли в ладонь, привычно ожидая ласки. Затрепетали длинные ресницы, глаза цвета летних лугов глядели на меня с нескрываемым обожанием. Бледные губы, уже целованные не раз, оказались совсем рядом, прикрыв веки, я сама потянулась к ним.

И ощутила, как разгорается на груди проклятый бутон полыни.

Отпуская Грея, я словно вырывала остаток собственного измученного сердца, в пору было отдать всё, что было ему, прекрасному любовнику. Время наших встреч безудержно иссякло, и я была не в праве желать чего-то большего.

Коснувшись пальцами кулона, я услышала в голове знакомый голос и как всегда чуть уставший раздражённый тон:

— Завтра к закату солнца наши корабли придут в порт, Софи. Не подведи меня.

— Я поняла.

— Отчитайся мне, как всё будет готово.

— Да.

Голос мой казался до безумия глухим и слабым, немощным, как собственная жизнь.

Отняв ладонь, я вновь встретила с Морганом взглядом, и он без слов всё понял. Не в силах перебороть стыд, я отвернулась, внутренне страшась увидеть отвращение.

— Отец связывался с тобой?

— Завтра вечером он придёт сюда.

— У нас мало времени.

— У меня его нет совсем.

Было бы проще, если бы Грей ушел сразу после этого, получив достаточно причин уехать, но вместо этого он встал на колени и порывисто стиснул меня в объятьях.

— Я постараюсь предупредить Уну и уеду сам, но как только всё закончится, надеюсь, ты найдешь путь к моей лавке.

— Найду, обещаю.

По крайней мере мне хотелось в это верить.

Расставшись с Морганом, я попыталась привести себя в порядок, но болезненный озноб сморил меня, прежде чем я стерла с лица сомнительный отпечаток недели в хмеле.

Тревожные сны, заполонившие разум, склизкими когтистыми щупальцами скользнули в зияющую пустоту в груди, непрерывно копошась, царапая стенки оголенной плоти и пытаясь оттуда пустить своих грязных, отвратительных паразитов во всё тело. В какой-то момент показалось, что они вот-вот захватят горло, острыми чешуйками проложат себе путь, окончательно завладеют сознанием, вынудив стать покорной куклой, а в ином случае задушат, застряв где-то внутри.

Мне снилась королевская спальня и окровавленный клинок в ладони. Мертвая Мирра и ее развороченный живот.

— Госпожа, поторопитесь, иначе вы опоздаете на охоту.

Горничные суетились в спальне ни свет, ни заря. По приказу Авеля я обязана была присутствовать на сборище гостей в охотничьих угодьях близ столицы. Мне это конечно было на руку, ничего не скажешь, но остатки алкоголя выветрились из головы, и Ньярл вернулся туда чуть ли не полноправным хозяином.

Надеюсь ты понимаешь, что подобного я больше не допущу.

Я промолчала, остервенело оттирая от себя липкий, гадкий пот, оставшийся отголоском пьянства и кошмаров. Помощницы резво перестилали постельное белье и собирали мне костюм для верховой езды. Где-то у входа звякнула столовая утварь, завтрак должно быть уже ожидал на столе.

Это было в высшей степени безрассудно и глупо.

Смыв пену, я с трудом намылила голову, разбирая пальцами спутавшиеся локоны. Одна из горничных провела меня в ванной и, заметив проблему, окунула руки в одну из баночек, подаренных ранее Уной. С ее помощью дело пошло быстрее.

Из-за тебя всё едва не оказалось разрушено, все многолетние труды, неужели ты настолько эгоистична?

Закончив с волосами, я несколько раз промыла их шампунем и, наскоро замотавшись в

полотенце, села за письменный стол, спешно принимаясь за завтрак.

Каин положил все силы на то, чтобы свершить свою месть, и мне искренне жаль, что у него не нашлось более ответственного исполнителя.

Еще влажные пряди пришлось убрать в высокий хвост. Завершив трапезу, я принялась натягивать на себя белье и приготовленный наряд, кое-как управляясь с тем, что мои размеры за это время истаяли. Брюки, рассчитанные на прежний объем, сейчас пришлось хорошенько закрепить на бедрах. Не хватало потерять их при скачке.

Я был искренне разочарован, видимо, слишком мягко обходился с тобой, раз ты решила, что можешь пойти наперекор.

Собравшись с приготовлениями, я бегло оглядела себя, отметив, как славно поработали помощницы, толика косметики скрыла истинную глубину цвета синяков под глазами, так что я вполне могла сойти за прежнюю себя. Рука привычно потянулась к поясу и мазнула воздух. Трости отчаянно не хватало.

Если твоя ладонь дрогнет, я сам закончу начатое.

Попрощавшись с отражением и горничными, я вышла из спальни, направившись к хозяйственному крылу. Рядом с ним меня уже ждала машина.

Охотничьи угодья его величества Авреллиана находились за северным выездом из столицы. Судя по картам и известному мне расположению, небольшой горный хребет огораживал эти владения своей заботливой рукой, словно сами боги подготовили для королевской семьи заповедник для прогулок, отдыха и конечно же охоты.

Разномастные, смешанные деревья довольно приличного вида окружали двор старинного шале, уже не раз перестроенного и расширенного благодаря каждому из владеющих им поколений. Коричневый замшелый и грубо отесанный камень украшал основную часть здания, самую дряхлую из всех и неуловимо кривую. Даже просто глядя на стены, становилось ясно, что как бы их не укрепляли и не ухаживали за впитавшими непогоду плитами, они уже отслужили своё, потрескались и безбожно пропускали сквозняки в едва заметные щели. В этой части расположился большой зал и обширная кухня с отдельным входом и пристройкой для разделки охотничьих трофеев. Распахнутые дубовые двери встречали всех подъезжающих гостей, безмолвно приглашая присоединиться к компании у роскошного громоздкого камина, выложенного будто бы из горных обломков. Неровная поверхность серого фартука закрывала портал, где на вертеле с легкостью поместился бы целый поросенок.

— Не думал, что в нашей приятной компании будут женщины.

Один из мужчин, стоявших в ожидании начала основного действия, повернулся ко мне, с явной насмешкой приветствуя поднятым стаканом чего-то похожего на виски. Приглядевшись, я узнала в этом незнакомце того министра на свадьбе, что вещал о значении нынешних модных причесок. Облаченный в костюм по случаю, он выглядел как самый настоящий охотник, самодовольно взирая на окружающих и поглаживая свободной рукой небольшой арбалет, закрепленный на поясе.

Проигнорировав его и, кажется, впервые сознательно промолчав в ответ на подобную колкость, я направилась было к потертому креслу в самом углу, но за спиной послышались шаги, взбудоражившие гостей.

— О, господин Кейн, рады вас видеть! Даже не надеялись встретить вас так скоро.

— Не могу же я пропустить часть своего праздника.

Сияя, словно начищенная монета, Аластор вошел в шале, снимая на ходу фетровую шляпу с пестрым фазаньим пером. Приветствуя собравшихся, он любезно пожал им руки, принимая очередную волну поздравлений, и кивнул мне, лукаво улыбнувшись.

Министр, недобро встретивший меня, повысил голос, привлекая внимание:

— Мало ли, вдруг у вас было занятие поинтересней охоты. Признавайтесь, как прошла эта неделя? Как ваша супруга? На вашем месте я бы не торопился выйти из спальни так скоро.

— Всем нужен отдых, к тому же кто, если не я, сможет подстрелить оленя.

— Подстрелить рогатого верный знак расположения богов, будем ждать наследника? Или вы предпочтете, чтобы первой была дочь? Расхожее целестинское гадание в охоту после свадьбы: подстрелишь самца — жди первым сына, подстрелишь самку — первой будет дочь.

— На то воля случая, я не собираюсь торопить события.

— Что ж, пожелаю удачи, искренне завидую вашему приобретению. Если не против, я навещу вас в свободное время, допустим, вечером на неделе?

Глядя на гостя, я не могла поверить своим глазам, он говорил вежливо, обращался к Аластору как к близкому другу, но дурное предчувствие подсказывало мне, что он не собирается застать Кейна дома.

— Это дохлый номер, лучше предупредите заранее о поездке.

Виновник праздника ответил добродушно, явно отмахнувшись, но взгляд его был внимательнее некуда. Министру пришлось умерить своё любопытство.

Неприязненно пожившись, я отступила в тень, не желая вступать в беседы и участвовать в этом цирке, но Аластор будто назло направился в мою сторону, избегая дальнейших расспросов своих гостей. Неловко замерев, я посмотрела на него, как на дикого зверя, не зная, чего ожидать. Чувства и опыт общения с этим человеком были столь противоречивы, что сознание порывалось одновременно спросить об Уне, либо послать Кейна куда подальше.

— Сэра, у тебя найдется минута времени? Я очень хотел бы поговорить с тобой и лучше всего наедине.

— Если ты так настаиваешь.

— Да, очень, это крайне важно.

На какой-то краткий миг Аластор вдруг показался мне каким-то нервным, это мало считывалось внешне, так как истинный аристократ умеет держать себя в узде, но именно это сейчас и стало тревожным звонком. Открытый и активно жестикулирующий, как артист на сцене, он обыкновенно занимал собой всё видимое пространство и приковывал взгляды, а тут... будто нарочно старался лишний раз не показывать характер.

Кивнув в сторону лестницы на второй этаж, где уже давно не использовались комнаты, Кейн направился к ней, проследив, чтобы я послушно шла за ним. Чучела некогда пойманных животных проводили нас своими стеклянными глазами до первых ступенек, будто силясь подслушать будущий разговор, но стоило лишь ступить на скрипучую доску крутого подъема, как в проеме кухонного входа появился Авель. Мельком приветствовав гостей, он тут же повернулся к нам с Аластором. Голос короля показался таким же твердым и непререкаемым, как на весеннем празднике:

— Сэра, Аластор, проходите к конюшням, всё уже готово, слуги уже ждут. Господа, мы отклоняемся от графика, до обеда нам нужно преодолеть хотя бы часть леса, поблизости всё равно никакой дичи уже не найдете, даже кабаны предпочитают уходить ближе к горам.

— Как скажете ваше величество.

— Без проблем, выдвигаемся.

— Предчувствую славную охоту.

Присутствующие послушно потянулись к выходу, попутно разбиваясь на группы. Аврелиан, выпустив первых из них, встретился со мной взглядом, жестом подзывая к себе, а я, в свою очередь, беспомощно посмотрела на Аластора, он улыбался как всегда, но в хитром прищуре глаз читалась потаенная злость. Наклонившись ко мне, Кейн быстро прошептал:

— Сэра, прошу, найди меня на привале или после охоты, не забудь.

— Я поняла тебя, постараюсь.

Ускорив шаг, он вышел передо мной, оставив нас с королем наедине. Тщетно пытаюсь сохранить спокойное выражение лица, я готова была ограничиться лишь формальным приветствием, но Авель крепко сжал моё плечо, не давая возможности сбежать, его тон не предполагал никаких обсуждений.

— Тебя я беру в свою группу, ты же не против?

— Как бы я была против.

— Отлично, твоя лошадь уже готова. Идем.

Король потянул меня за собой к отдельным загонам, где расположились самые лучшие скакуны. Ощущая себя ребенком посреди воспитательного процесса, я тщетно попыталась освободить руку.

— Стесняюсь спросить, с чем связано такая исключительная забота?

— С твоим глупым и безрассудным поведением, я знаю, как ты провела эту неделю, и хочу получить хоть какие-то разъяснения, почему даже урок со мной не стал уважительным поводом отложить бутылку.

Мне хотелось рассказать ему, объявить во всеуслышание, что я думаю об этой чертовой свадьбе и королевской семье в целом, но открыв рот, у меня не получилось издать и звука. Набрав грудью воздух, я попыталась заговорить снова и снова, каждый раз ощущая, как отнимается и будто немеет собственное горло.

— Молчишь? Даже не похоже на тебя, Сэра. Надеюсь, ты осознаешь, насколько пагубно алкоголь сказывается на женском здоровье.

Ох, да неужели!

От обиды и несправедливости в уголках глаз собрались слезы.

В молчании мы дошли до конюшен, а после не переговариваясь выехали по общей тропе в лес, стараясь удалиться на достаточное расстояние от остальных участников, за нами по пятам вышла пара охранников из уже знакомых мне помощников Джеральда.

Зеленые подвижные кроны над головами, приветственно зашумели, обсуждая меж собой незваных гостей. Стройные высокие стволы зашевелились, заскрипели, запели в унисон только им ведомую песню. Вдали настойчиво и звонко перекликались неведомые голоса птиц. Огромные, раскидистые листья папоротников, укрывших каждый свободный клочок земли, словно нарочно будоражили внимание, чуть подрагивая от коснувшегося их дуновения ветра. В начале пути лес казался дружелюбным, просторным и совершенно пустым, не считая носящихся по веткам белок, но стоило солнцу подобраться к зениту, как спокойствие прибранных человеческой дланью территорий сменилось на тревожное, неудобное молчание чащи. Кустарники и молодые деревца сплетались меж собой в неровный узор лабиринта, где приходилось аккуратнее подбирать путь и пристальнее приглядываться к странным фигурам в тени.

— Я не хотел тебя ругать, но твой поступок был слишком неожиданным.

Спустя несколько часов безмолвного пути голос Авеля показался отвратительно инородным и резким. Поморщившись, я коснулась шеи, надеясь, что Ньярл всё же даст мне заговорить.

— Ты надеешься, что я посчитаю тебя слепым идиотом, или действительно не понимаешь, почему меня так расстроила свадьба?

— Я... не верю, что всё настолько серьезно.

— О, надо же. Почему же, позволь спросить?

— Вы женщины.

— Потрясающая наблюдательность, ваше величество.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду, это путь в никуда, семья служит в первую очередь продолжением рода.

— Значит, я никогда не смогу иметь семью, ведь у меня этого продолжения не может быть.

Медленно преодолев еще несколько метров, Абель вдруг замедлился и, придерживав лошадь, поравнялся со мной, явно желая что-то сказать. Бледные губы дрогнули, но голос тут же потонул в визге коня одного из охранников. Встав на дыбы, животное испуганно отпрянуло и резко свернуло вбок, впечатав седока в стоящий рядом ствол. Среди мха и опавших веток что-то черное шевельнулось, быстро удирая под прелую листву.

Остановившись, я проследила, как второй охранник помог первому, удержав под уздцы его коня. Аврелиан тоже задержался рядом.

— Кажется, змея.

— Эти лошади привычны к ним, как и к некросу, я специально попросил учесть это при выборе.

— Может, ее укусили?

— Может, но выглядит это странно.

Где-то наверху за многочисленными ветвями послышались отдаленные раскаты грома, солнце, будто больше не желая помогать своему венценосному дитя, скрылось за набежавшими тучами, грозясь пролить на землю первые капли дождя.

Поморщившись, я с недовольством оглядела подозрительно притихший лес, холодный ветер пробежал по нему тихими шепотками листвы и движением колючих кусов поблизости. Сгустившийся полумрак отобрал последнее хорошее впечатление об этом месте, окутав нас поистине неприятной, чуждой атмосферой дикого леса, где каждый путник воспринимался как вероломный враг.

Повернувшись к Авелю, я уточнила с некоторой нервозностью:

— Вернемся в шале?

— Долго, и мы уже достаточно близко подошли к дому лесничего у подножья гор.

— Я не заметила при вас карты.

— Конечно, эту чашу я знаю так же хорошо, как свой дом.

Раненого стража было принято отправить обратно, в седле он держался еще неплохо, хотя нога заметно опухла. Сломал он ее или нет, сказать было сложно, король не решился применять лечение, коснувшись икры лишь каплей некроста, желая унять боль. Спустя несколько минут мы продолжили движение, быстрее, чем прежде, но даже так Аврелиан упрямо продолжил наш разговор:

— Сэра, ты прекрасно понимаешь, почему я был вынужден отдать Уну замуж, и знала

всё с самого начала.

— Зная заранее о том, что тебе в качестве лечения отрежут руку, будешь ли ты меньше горевать по ней?

— Хм... конечно нет.

— Тогда к чему эта тирада?

Придержав коней, мы спустились в низину, похожую на широкое русло давно пересохшей реки. Деревья там собрались небольшие, не такие пугающе высокие и крепкие, как в остальной части, но ветер и часть дикого зверья довольно тщательно собрали на земле бурелом и безумное количество сухих веток. Перебираясь через них, мы ненароком вызвали несколько звонких щелчков, а последний, самый громкий, вовсе спугнул кого-то на противоположном овражистом берегу.

— Олень.

Темный силуэт мелькнул так быстро, что я бы не сказала наверняка, но Авель, словно выпущенная из лука стрела, тут же бросился в погоню, ударив шпорами по бокам лошади. Взбрыкнув от неожиданности, бедное животное в считанные мгновения добралось до берега и запрыгнуло на травяной край. Не теряя и минуты я отправилась следом, чуть не слетев с седла в прыжке. Охраннику, что шел со мной бок о бок, повезло меньше, под копытами его гнедой кобылки комья земли неудачно вывернулись, будто намеренно сбросив лошадь обратно в низину. Где-то за спиной послышалась такая отборная ругань, что я мысленно пожалела беднягу.

Что ж, судьба мне подарила прекрасный шанс.

Действуй.

Ладонь призывно нагрелась, оружие вперед меня просилось в бой, будто припоминая, как тяжело мне было в Целестии, как жестоко здесь обращаются с теми, кто мне дорог, и сколь много бед принесла бесполезная братоубийственная война. Мой разум охотно воскресил слёзы Уны, шрамы Моргана, тайную печаль Элизы Картер, потерявшей свою магию совсем юной, самодовольство министров, монстра-архиепископа, ненависть Нормы...

Элеоса, собственноручно похоронившего единственного важного человека в своей жизни, Августа Уэста, погибшего одним из первых при захвате, и Блэквудов, каждого со своей болью и раной, после столкновения с светлыми. Потеря конечностей, пытки, насилие и бескрайнее море боли.

Открытая спина виновника мелькала передо мной, самозабвенно преследуя новую жертву.

Я отвела руку и выпустила копьё как можно дальше от головы лошади, но она всё равно испугалась и поскакала быстрее. Для удара оставалась какая-то доля секунд, я послушно направила огненный наконечник в цель, и он почти коснулся Авеля, но впереди вдруг послышался резкий хлопок. Подозрительно резвый угольный олень взорвался плотной сетью клякс между деревьев и, облепив паутиной, сбил нас обоих из седла.

Животные закричали в агонии, послышался хруст. Дух выбило, во рту разлился вкус металла. Перед ускользящим взором в свете молний мелькнул знакомый южный профиль.

Последствия

Лежа на кровати, глядя в потолок, Ждешь, пока что-нибудь произойдет, и зная все время, что вы здесь Для чего-то лучшего. Чувствуя это. Желая это, Сколько вы сможете продержаться? Сколько вы сможете продержаться, прежде чем сломаться? Yonderboi — Before You Snap

Мирра

Одетый в золото и зелень, Санктум прощался с последними лучами своего бессмертного небесного покровителя, привычно ожидая, что это расставание прервется с обычным ходом времени спустя всего одну упрямую в своей сути, но не бесконечную ночь.

Так было и так будет, я верила в это, как и в то, что в свете солнца мои силы и моя власть неоспоримы, а дар божий вправе вершить историю, сминать чужие государства и определять весь мир как продолжение моей воли. У меня были на то все основания, Траиллан с момента нашей первой встречи постоянно повторял, что оружие в моих руках есть высшее проявление всех замыслов Солара, и без особой нужды он бы не стал его кому-то доверять, а значит, я обязана пустить Гордыню в дело. Спрятать столь ценный артефакт было сродни кощунству, закрыть глаза на мою волю значит идти против богов, и об этом он не раз напоминал своему народу, целестинцам и светлой церкви. Подтверждение моей близости к небесной длани было более чем серьезным, игнорировать его было бы просто глупо, и даже самому ярому скептику, коим стал мой будущий муж, пришлось со временем принять тот факт, что я святая. Моя сила значительна, мое желание — путеводная звезда, определяющая быт обеих стран под присмотром Солара, и первой необходимостью, отмеченной мной, стало наведение порядка в Беллаторе. Первые воины, поклявшиеся служить мне и продолжать мою волю, были как раз оттуда. Я встретила их случайно, в клетках, словно животных, и, изъявив Трейну свой ультиматум, получила в руки самых верных послушников и почитателей. Можно сказать, что они стали моей первой ступенькой к славе, будь я всё еще в прошлом мире, это было бы началом сюжетного квеста в ролевке или в видеоигре. Создатели будто специально показывали, что где-то нужна помощь главного героя, творится беззаконие и жестокость, целая страна, живущая за счет рабства, всем своим видом умоляет прийти и спасти бедный народ.

Я не смогла отказаться от такого щедрого подарка, и Трейн тоже был не против. Он и стал моей второй ступенькой, представив Аврелиану и подтверждая моё влияние. Тогда же я получила свой сайд-квест, увидев Авеля, всё поняла без слов, мне суждено было стать королевой, добиться этого было, в общем-то, несложно. Я в центре повествования, не найдется никого, кто бы имел такую же власть и влияние, даже сравнивать глупо.

Хотя, конечно, не всё вышло так гладко, как я думала, но эти детали можно опустить. Эльфийский король честно поддерживал меня и положил немало воинов на алтарь моих побед, он заслужил свою награду, пусть с ее размером я и не была согласна.

Тем не менее обе кампании прошли неплохо, я честно победила главного злодея и закончила эту ветку заданий. Под конец военные действия стали по большей части утомлять, но так всегда бывает. Приходится немного попотеть, чтобы окончательно избавиться от заразы, хотя именно это мне так и не дали сделать. Предчувствие упорно вторило, что эта

слабость еще аукнется.

— От Аврелиана не было вестей?

Придерживая отягощающий мою жизнь живот, я с трудом поднялась в зал переговоров, где собралась большая часть гостей с охоты и министров. Они уже битый час плясали вокруг карты столицы и обсуждали поток грязи, сошедший с ближайших гор. Как говорили местные, грозовая туча чуть ли не неделю болталась поблизости, гоняемая ветром через нижнюю часть хребта, поливая всё сущее то редкой капелью, то настоящим ливнем. Не то, чтобы это было каким-то удивительным событием, подобное случается почти каждую весну, но королевским охотникам явно не повезло встретить последствия этой непогоды. Где-то там был и сам Аврелиан, по чужим прикидкам конечно же не попавший под сель и находящийся на значительном отдалении, но всё еще не вернувшийся ни к одной из хижин или охотничьему домику.

Министры, будто чрезмерно занятые работой, не подняли головы ни при моем появлении, ни при вопросе, явно надеясь на то, что какой-нибудь недалёковидный смельчак вместо них откроет рот и возьмет на себя ответственность, представ передо мной, но время шло, и идиот всё не желал показываться. В конце концов, когда крохи моего терпения были уже на исходе, ситуацию спас посыльный, ворвавшийся в зал как на пожар. Взмыленный и покрасневший, он с трудом отдышался, готовясь выпалить свою срочную новость, несмотря на предупреждающе замахавших руками придворных.

— Лошади! Лошадей его величества нашли, у края оползня. Они мертвы и страшно пострадали перед смертью, но короля с ними нет.

А значит, он либо под слоем грязи, либо где-то еще, потерял и, может быть, ранен.

— Олух царя небесного...

Один из мужчин у стола громко вздохнул, закрыв лицо и медленно оседая в кресло. Большая часть присутствующих выжидающе, украдкой повернулись в мою сторону, с придыханием ожидая реакции, но а я сама едва могла сделать вдох. Резкая, неожиданная боль расцвела под грудью безумным алым цветком, и только остатки самообладания позволили удержаться на ногах. Крепкие руки Мора тут же подхватили меня, бережно стараясь усадить на стул. Замершие, как соляные столбы, министры будто по волшебству отмерли, засуетившись и отправив кого-то за лекарем.

Мир вокруг вдруг стал слишком шумным, слишком громким и оглушающе болезненным, вытеснив из головы все прочие мысли, мучительное, тянущее чувство в животе отдавалось противным писком, звоном в ушах и слабостью в остальном теле.

— Живее, черт возьми!

Мой верный помощник гаркнул так, что я вздрогнула, перепугавшись. Кто-то принялся обмахивать меня платком, окна в зале распахнули, прохладный вечерний ветер самую каплю привел в чувство, позволив сосредоточиться на лицах перед собой. Один из министров, заметив это, подлетел ближе, отпихнув остальных и присев на колени перед стулом.

— Моя королева, моя королева, послушайте, умоляю, услышьте меня, нам нужна ваша помощь.

— Я несколько занята.

— Знаю, знаю, но прошу, дайте своё разрешение назначить наместника, нам нужен тот, кто правильно организует поиски и сможет заменить короля, пока его нет.

— Пока его нет...

Слова отдавали горечью на языке, правда ли Авель вернется?

Министр быстро коснулся губами моей руки.

— Я верю в лучшее, и вы верьте, пожалуйста, дайте своё согласие. Королева не может править одна, и вы не в том положении, чтобы взять на себя управление страной.

— Бо-оги, кроме Авеля в королевской семье лишь мой сын, предлагаете поставить его?

— Н-нет, боюсь он слишком молод, но помимо него, формально, Аластор Кейн стал частью семьи, позвольте пригласить его во дворец?

— Кейн...

За пеленой красного тумана и новой вспышкой боли я едва могла вспомнить, где слышала раньше эту фамилию, она казалась смутно знакомой. Морохир возмущенно зашипел на министра, пытаясь прогнать, но мужчина стойко выдержал всё и даже пояснил свой выбор:

— Женившийся на сестре короля.

Образ этого хитроватого предпринимателя мелькнул в моём сознании, но Аврелиан доверял ему. Точно. Он же отдал свою сестру за этого человека.

— Да... Пускай, я даю своё дозволение.

Брачная ночь.

Изрядно уставший после целого дня в королевском террариуме, я расстегнул первые пуговицы рубашки, скинул сюртук на стул и закатал рукава, разминая затекшую спину. В супружеской спальне всё было готово для первой ночи, я специально попросил парочку доверенных горничных прибрать это место перед тем, как сюда войдет Уна. Сам я редко оставался тут, предпочитая сон близ рабочего пространства, пренебрегая советами семейных врачей и полноценным отдыхом на мягкой перине — обычаи изнеженных аристократов мне претили. Руки требовали работы, а мозг лихорадочно обдумывал детали ближайших планов уже после нескольких часов бесцельных прогулок, болтовни с гостями или представления в театре. Мой труд, моя высшая страсть — он заменял мне все привычные радости жизни, оттесняемый разве что коллекционированием. Последнее значительно отразилось на интерьере комнаты.

Я был горд тем, как удачно разместились на полках редкие вазы, украшения талантливых мастеров и цветы, подаренные нам как молодоженам. Картины на стенах, искусно выписанные чьей-то твердой дланью, поддерживали умиротворенное настроение образами романтической сельской пасторали и незатейливых домашних натюрмортов. Громоздкий напольный торшер, увенчанный плотным абажуром с рядом бахромы по краю, разливал по спальне приглушенный теплый свет. Сверчки за приоткрытым окном тихо напевали что-то своё, будто вторя едва доносящейся с первого этажа музыке.

Всё в эту ночь казалось идеальным и выверенным, без излишней скупулесности, просто и обыденно, как бывает в моменты, когда жизнь просто идет своим чередом, и всё стоит на своих местах, хотя... тут я конечно слукавил.

Была одна деталь, отчаянно не вписывающаяся в выстроенную мной реальность, замершая на пороге спальни и отчаянно прячущая дрожащие от страха руки за спиной. Она вошла так тихо, так нарочито незаметно, будто надеялась спрятаться и избежать всеми силами нашей встречи. На ней уже не было пышного платья, фаты и стягивающего корсета,

но даже так супруга едва дышала, напряженная и бледная, как фарфоровая кукла. Изысканные чулки, обрамленные кружевом на бедрах, чуть прикрывались шелком короткого снежного халата.

Белье по последней целестинской моде, и навряд ли Уна сама его выбирала, дай боже, это делала одна из горничных, а нее ее мать.

— Проходи, я не кусаюсь.

Я постарался произнести это как можно мягче, проще, но глаза Уны распахнулись в таком неподдельном ужасе, будто ее на ужин пригласил людоед.

И конечно она даже не попыталась сдвинуться с места.

Опустив плечи, я развернулся к сервировочному столику, где меня уже ожидала бутылка сладкого вина и пара хрустальных бокалов. Рубиновый напиток охотно скользнул в прозрачные стенки, воздух наполнился запахом спелого граната и винограда. Потайное отделение в моем фамильном перстне с черным квадратным агатом бесшумно раскрылось, высыпая белый порошок в один из бокалов. Спустя долю секунды никто не смог бы сказать точно, где именно было использовано секретное средство.

— Прошу, не бойся меня, я не желаю тебе зла.

Отодвинувшись, я дал ей увидеть напитки и выжидающе протянул руку.

— Иди ко мне.

Губы Уны дрогнули, но она сдержала всхлип. Глаза наполнились влагой, так что девушка побоялась сомкнуть покрасневшие веки, чтобы слезы не стали явными. Двинувшись в мою сторону, она медленно развязала пояс, открывая мне остальную часть нижнего белья, и будь я хоть трижды закоренелым трудоголиком, Уна выглядела потрясающе настолько, что любой мужчина был бы готов убить за эту красоту.

Ее портило только явное нежелание приблизиться ко мне и травяной флёр успокоительных капель, кои не могли перебить даже дорогие духи.

Не в силах перебороть себя и сделать последние пару шагов, Уна остановилась и едва не отпрыгнула, когда я сам подошел к ней, протянув бокал вина. Трясущиеся пальцы кое-как удержали стекло.

— Выпей, не стесняйся.

Первые прозрачные капли скатились по кукольным щекам, смешавшись с мелкими крупичками туши. Осторожно, словно боясь спугнуть, я прикоснулся ладонью к пояснице супруги, предупредительно поддерживая бокал свободной рукой. Пухлые губы припали к краю, тихий всхлип всё же вырвался из уст, но Уна жадно выпила вино до последней капли в явной надежде забыться хотя бы чуть-чуть. Обняв ее крепче, я проследил, как из ослабевших рук стекло скользнуло вниз, разбиваясь на части.

— Нет, не надо...

Упрямо пытаюсь оттолкнуть меня, Уна быстро теряла силы, обмякая в моих объятьях. Веки сомкнулись, голова безвольно склонилась набок, ноги перестали удерживать хозяйку. Убедившись, что порошок подействовал, я аккуратно убрал рассыпавшиеся пряди волос с лица девушки и, приложив некоторое усилие, подхватил ее тело на руки, развернувшись к расправленной кровати.

Рассчитывая, что Уна уже не владеет собой, я положил ее на простыни, но девушка вновь всхлипнула, пролепетав что-то против. Ресницы задрожали от непролитых слез.

Неплохо было всё же избавить ее от неудобной одежды, но я не решился вновь потревожить супругу. Вместо этого потянув одеяло, я укрыл Уну, мягко подоткнув один край

под матрас. Матушка так часто делала, когда мне снились кошмары.

Залпом выпив свой бокал, я отодвинул столик, закрыл вино и принялся собирать осколки. До утра в спальню не должна войти ни одна горничная, и мне совершенно не хотелось, чтобы супруга случайно порезалась, встав среди ночи или на завтрак.

Легкий мелодичный джаз ласкал мои уши, прохладный весенний ветер игрался с тюлью на окнах. Когда я закончил уборку, время уже перевалило за полночь, но сна я не чувствовал ни в одном глазу. Предстояло еще так много сделать, и уставший организм отказывался сдаваться прежде, чем я уточню дела на фабрике. Что ж, возможно, мне суждено будет подремать в дороге.

Проверив Уну, я убедился, что она крепко спит и, коснувшись лба губами, оставил её отдыхать в спальне.

— Фейри полночи кружили у дома, и как бы я их не успокаивала, не хотели уходить, пока не увидят принцессу.

С удобством расположившись за обеденным столом с чашкой ароматного чая в одной руке и блокнотом в другой, Катарина проверяла планы на день, изредка пометчая что-то перьевой ручкой с фамильным гербом. На ней традиционно лежала добрая половина дел, связанных с магазинами и фабрикой, касающихся в основном поддержания порядка, поставок и регулярной работы. Всё то, к чему моя душа не лежала в силу обыденности и заурядности задач: контроль выгрузок, контроль персонала, встречи с партнерами. Она с легкостью решала любые проблемы, позволяя мне бесконечно отлаживать процесс и вести разработку с главным подрядчиком. Последнего она жутко недолюбливала и стремилась держать от себя подальше, но не могла не отмечать, как благотворно повлияли его идеи на наше маленькое предприятие.

— Я бы не доверял этим болтливым созданиям.

Отпив глоток кофе из крохотной фарфоровой чашки, я уткнулся в страницу свежего выпуска газеты. Ничего необычного не происходило, моя свадьба случилась только вчера, затмевая большую часть разворота, и чтение новостей в целом губительно сказывалось на моем сознании, но после очередной трудовой ночи нужно было как-то проснуться и приступить к дневным задачам.

— Простите...

Совсем тихий, едва заметный голос слегка коснулся моего слуха, вместо него я скорее увидел движение в дверном проеме и большой одеяльный кокон, из которого торчала взъерошенная голова моей супруги.

Матушка, повернувшись на шорох, тут же поднялась на ноги, приглашая девушку на свое место.

— О, Уна, проходи к столу, мы уже поели, не стали тебя будить, подожди чуть-чуть, я попрошу горничных принести тебе завтрак.

— Спасибо.

Хитровато подмигнув Уне, Катарина с присущей только ей легкостью скрылась в коридоре, оставив меня с супругой одного.

А ведь могла просто позвать служанку.

Предстоящая беседа легла на мои плечи, как непомерный груз, и по возможности я бы вверил ее в руки матушки, но она явно была против.

Строя долгосрочные планы, прорабатывая их год за годом, проживаешь его этапы

сильно заранее как уже свершившийся факт, и когда приходится заняться задачей по-настоящему, часто ощущаешь это вторичным трудом, который хочется как можно скорее преодолеть.

И тем не менее поговорить было важно.

Отложив газету и кофе, я поднялся из-за стола, поправляя рукава своего повседневного твидового пиджака. Стараясь выглядеть несерьезно и как можно более расслабленно, я кивнул на свободный стул, вежливо улыбнувшись.

— Обещаю, в этом завтраке не будет снотворного.

Такая честность была особенно рискованной, Уна имела право злиться на меня, уйти или закатить истерику, но супруга лишь вздрогнула, со страхом и растерянностью сверля взглядом:

— Зачем?

— Мне кажется, тебе стоило отдохнуть. Надеюсь, ты выспалась сегодня.

— Да... но моя одежда...

— С ней что-то случилось?

— Она всё еще на мне.

— Я не рискнул ее снять без твоего разрешения.

— Не понимаю.

Катарина настоятельно просила меня не вываливать на принцессу всю ситуацию разом, но бессмысленный диалог из полунамёков начал порядком раздражать.

— Моя дорогая супруга, я уже получил от тебя всё, чего желал, и не намерен брать что-то сверх необходимого. Свою невинность можешь предложить тому, кому это будет действительно интересно.

Изумленно хлопая глазами, Уна продолжила лепетать, явно сбита с толку. Видит бог, я старался говорить так откровенно, как мог.

— Но как же наследник? Рано или поздно...

— Подберём кого-нибудь в кабинете секретно-беременных, там частенько появляются знатные бастарды, либо купим дитя на ночном рынке. Это даже удобнее, там легко будет найти кормилицу и ммм... личную горничную для твоего развлечения.

Бледные щеки вспыхнули от смущения, как только супруга осознала, что я в курсе ее маленького секрета.

— Но... почему? Почему ты не...

Воспользовался? Возжелал? Самый животрепещущий вопрос большую часть моей жизни, один человек успел уже получить за него по лицу. Изрядно устав от разговора, я позволил себе повысить голос:

— Уна, в жизни меня интересуют только три вещи: деньги, власть и ценные предметы. Как видишь, люди в этот список не входят, более того, даже в первую десятку не попадут. Ты выполнила свою роль и можешь заниматься чем угодно от скупки бутиков до любовниц, пока окружающие считают нас счастливой семьёй. Но если вдруг я от кого-то узнаю, что не выполняю свой долг супруга, мне придется потратить время и уделить тебе достаточное внимание, чтобы округлившийся живот пресек всякие слухи. Я ясно выразился?

— Более чем.

Втянув голову в плечи, девушка поджала губы, готовясь вот-вот расплакаться. Запоздало я напомнил себе, к чему готовили бедняжку всё это время и какой была ее мать. Честно, мне стало даже совестно за мимолетную вспышку гнева. Неловко опустив взгляд, я добавил уже

тише и, насколько мог, мягче, сделав шаг к супруге и положив ладони на ее плечи.

— Прекрасно, мне пора на фабрику. Матушка покажет дом. Советую какое-то время не показываться на публике, если станет скучно, пригласи ювелиров, пускай придумают что-нибудь этакое. Ни в чем себе не отказывай.

Склонившись к Уне, я чуть коснулся губами ее лба. Жуткая вольность, если подумать, но я надеялся, что она меня всё же поймет.

Оставив супругу с Катариной, я наконец-то отправился в путь.

Руки, еще не знавшие мозолей, вцепились в двери комнаты, где держали отца. Я слышал его крик, его ругань, его сдавленный кашель и проклятия, но всё еще не понимал, за что королевский палач явился по его душу. За что его бьют? Почему это нельзя прекратить сейчас же? Сколько еще будет продолжаться эта пытка?

— Предатель...

Оброненное слово звучит оскорбительно, нечестно и совершенно неподходяще моему отцу. Неужели Мартирас этого не понимает? Неужели не видит, что старания его уходят впустую? Он настолько глуп?

А самое главное... Как сильно пострадал Кейн-старший?

Матушка плачет рядом, захлебывается слезами и встает на колени перед охранником, она умоляет прекратить, ведь у отца слабое сердце, только недавно перенесен тяжелый приступ. Приступ. Точно, я испугался тогда, Ламонт всегда казался мне непоколебимой скалой, но тогда, схватившись за грудь, он не мог сказать и слова. В центре города я почувствовал себя будто в середине пустыни, никто не мог помочь.

— У него сердце, — шептал я в крохотную щель у двери, и за стеной всё неожиданно быстро стихло.

Машина резко свернула с основной дороги, мы преодолели уже половину пути к фабрике. Дрема не пошла мне на пользу. Разбуженные призраки прошлого напомнили о себе, терзая мою память, как бешеные уличные шавки терзают нашедшие в канаве потроха. Настроение разительно испортилось, как и погода в этих местах. За окном начал накрапывать дождь, неприветливое небо молчало, но выглядело достаточно хмуро, чтобы пустить парочку молний.

Руки, чуть дрожащие ото сна, хотелось по-детски спрятать в карманы, но такого я себе давно не позволял. Наверное с тех пор, как детство кончилось. Не могу сказать, когда именно это случилось. В подвале дома, в королевском зале, когда Катарины отправили в темницу, или когда я окончательно вступил в наследство, обнаружив, что почти все источники кристаллов под землей были исчерпаны. Убыточный бизнес, траур, похороны, моя сходящая с ума от горя мать. Где-то там закончились последние игрушки, деревянные сабли и относительно светлое будущее, тогда же начались долги с распродажей почти всего имущества, чтобы было у нашей семьи.

В целом ничего, что нельзя было бы решить побегом в ту же Сомну, но я упрямо впрягся в эту кабалу, собственноручно отыскивая и разрабатывая даже самые мелкие и никудышные месторождения божественной крови.

Проехав мимо высоких каменных ворот лишь с парой охранников, машина остановилась

напротив поистине огромного замка, разрушенного некогда и восстановленного лично мной не так давно. Конечно от прежних обитателей и истории этого места не осталось ни следа, но довольно обширные катакомбы говорили многое о пристрастиях бывших хозяев. Мне это было на руку, как и удаленность от города и небольшой морской пирс в полудне езды к западу. Ничего лучше я и представить бы не мог для своего маленького предприятия.

Ступив на площадку перед воротами, я ощутил привычный запах гари и дыма, высокие трубы над головой почти круглосуточно исторгали черные облака, от гулких механизмов, ленно перемешивающих составы изобретенных мной удобрений, земля слегка вибрировала. Шепот поршней встретил меня при входе, крики немногочисленных рабочих — чуть дальше в залах обработки камней. Мутные огромные окна под потолком пропускали свет, выхватывая станки ювелиров, кропотливо придающих форму кристаллам, доставляемым с самых нижних этажей.

Прекрасно отлаженный процесс, венец творения и моя гордость, если забыть о цене, семейной реликвии, странице великого произведения, выписанной на человеческой коже старым безумным богохульником.

— Эй! Ты! Еда для машин! Заставь их пасть ниц.

Нет времени ждать, напомним рабам,

Что сегодня им больше не жить! Feed the machine — poor man's poison. Надеюсь, вы не забыли — эту пасхалку мы оставили для вас ещё 4 февраля в рубрике песни на нашем канале

За дверьми моего личного кабинета послышался хлопок в ладоши, перебивающий музыку из проигрывателя и голос главного подрядчика. Неприятный запах табачного дыма ударил в нос. Я ненавидел чужие вредные привычки и готов был избавиться от каждого глупца, причиняющего неудобства, но этого человека приходилось терпеть несмотря ни на что.

— Надеюсь, ты не просто тратишь время впустую и всё же выполнил поручение.

Переступив порог, я закрыл за собой замок и, поморщившись, подошел к мужчине, нагло стряхивающему пепел на дорогой кожаный диван. Специально, чтобы меня бесить.

Выхватив сигарету, я хотел уже ее выбросить, но ловкая рука южанина крепко схватила запястье, дернув меня к нему.

— Конечно, я отдыхаю. А ты решил провести со мной всю брачную неделю? Я польщен.

Нарочито театрально, не отрывая от меня взгляда серых глаз, он медленно сделал новую затяжку, откровенно и пошло прижавшись губами к моим пальцам. Любой другой человек на моем месте уже сгорел бы от стыда.

— Закончил?

— Что-то ты не в духе сегодня, я могу как-то помочь?

Выдохнув тонкую струйку дыма, Давид разочарованно покачал головой, за все годы знакомства он ни разу не изменил себе, постоянно пробуя что-то новое и хотя бы из спортивного интереса проверяя, поведусь ли я на провокации. Иногда казалось, что он весь состоит из дурных привычек и чужих пороков, просто не умея жить иначе, и даже сейчас, будто невзначай, он придвинулся ближе, держа голову на уровне моего пояса.

— Помнится, ты однажды пообещал попробовать некоторые мои умения.

— Как только главная цель будет выполнена, если ты не забыл. Не обольщайся раньше времени и побереги старания для тех, кому они интересны.

Смяв сигарету в ладони, я высвободил руку и отошёл к столу. На нем, совершенно незаконно для Целестии, лежали черные браслеты с почти незаметной гравировкой в виде

дерева.

— Даже не поблагодаришь за работу? Пришлось отыскать конкретную страницу некрономикона, чтобы этот хитрый жук отправил из Сомны блокаторы.

— Кто их может открыть?

— Парочка главных лекарей в госпитале Кадата и Блэквуды.

— Это хорошо.

Прикоснувшись к металлу, я ощутил его неестественно сильный холод, будто чары наручников не просто запрещали магию, но и отбирали часть души. Неприятно, мерзко, но довольно знакомо. Я часто имел дело с подобным.

— Как там новый урожай?

— Цветет и пахнет, в прямом смысле, этот сброд смердит на весь этаж, где ты откопал этих страдальцев?

— Привезли с севера, там выдалась довольно жестокая зима.

Прибрав блокаторы в личный сейф (насколько он личный, сказать было сложно), я достал из ящика письменного стола вручную выписанный календарь с ежедневными отметками. Судя по нему, кристаллы росли действительно исправно, хотя материал для них подобрали на редкость низкопробный. Ничего крупного, подходящего для особенно ценной техники ждать не стоит, но это и не был товар постоянной необходимости.

— Пошли проверим.

— Мне придется содрать кожу, чтобы избавиться от этой вони.

— Ничем не хуже сигарет, употребляй ты нормальный табак, я бы еще прислушался.

— Не доставь ты девчонку на корабль, я бы не умирал от скуки.

— Поплачь еще. Ничего, найдешь новую любовницу.

— Ты же знаешь, что таких, как она, больше нет. Я проверил.

Давид поднял руку и постучал пальцем по макушке. С этим я конечно не мог не согласиться. Главная вдохновительница моего предприятия была поистине исключительной, и тем сильнее я был благодарен себе за ее спасение из рук этого засранца.

Скинув пиджак, я закатал рукава. Предстоял долгий путь вниз и немало грязи, рабочий лифт с плотной металлической сеткой и специальным замком не поддавался обычным сотрудникам, так что многоуровневые катакомбы уже долгое время приветствовали своим могильным холодом только нас двоих. В коридоре характерно пахло сыростью, землей и... ммм... разложением. Я искренне старался не открывать рот, боясь ощутить на языке всю гамму вкусов здешнего воздуха.

— Третья и пятая камера, остальные выше.

Давид был более привычен к такому, чем я, хоть и старался показать обратное. Подземные проходы приводили его в какой-то странный восторг, а все мерзкие подробности лежащих подолгу тел едва привлекали внимание. Мне было еще далеко до такой выдержки, с другой стороны, я бы предпочел даже не знать, каким образом он закалял свою волю.

На входе привычно надели высокие перчатки из мелкой кольчуги, тяжелые кожаные фартуки и пару сумок. Кристаллы следовало взять на пробу, проверить и понять, на какой конец рынка можно их отправить.

Южанин прошел вперед, отпирая металлические ржавые двери первой камеры.

— Вот же... почти всё сгнило. Из старика ничего путного не получилось, только мелочь.

— Она тоже пригодится.

— А остальное? На удобрение?

— Видимо да, но такое, пожалуй, даже фейри есть не станут, придется устроить распродажу.

Земляной пол мягко пружинил под ногами, мелкие флуоресцентные грибы слабо засветились на стене, освещая крохотную комнатку с единственной широкой полкой. На ней, как на витрине, покоилось тело дряхлого, поистине древнего старца, от коего осталась только пергаментная, покрытая пятнами кожа и пучки седых волос в общем невнятном месиве. Сквозь обрывки ткани и большую часть туловища прорастали невысокие сияющие кристаллы мутного, болотного оттенка.

— Не густо, но после обработки сойдет для мелких приборов.

Протянув ладонь к бедру, я аккуратно потянул один из наиболее крупных камней на себя. Основание отделилось от кости с характерным хрустом.

Последующую неделю до злополучной охоты я провел в хлопотах. Супругу едва ли видел, пересекаясь с ней в основном во время завтраков. День ото дня она всё больше обвыкалась в доме, сходилась с матушкой и мягко, почти незаметно ощупывала границы дозволенного.

Как я и просил, она не выходила в свет, для аристократов первая неделя замужества была самой важной, большая часть знакомых не трогали пару, давая достаточно времени для отдыха друг с другом. Я не понимал таких ритуалов и тем более не представлял, чем можно заниматься наедине так долго, чтобы вид возлюбленного (возлюбленной ли?) не засел в печенках за этот срок. Полагаю, подавляющая часть супругов в это время разбирает подарки, оплачивает счета и всячески приводит свою жизнь и финансы в порядок после такого грандиозного события.

Уна занималась примерно тем же.

Строго выполняя моё пожелание, она пригласила ювелиров и скупила у них немалую часть украшений. Их я отметил на девушке не сразу, а только после намека Катарины, но стоило мне только бросить взгляд, как примерная сумма сего удовольствия отсчиталась в моей голове. Не сказать, чтобы очень крупная, я потратил на картины Остадов значительно больше, но благодаря нарочитой яркости и обильности этих цацок к концу недели до меня дошел маленький бунт дорогой супруги.

— Ты сегодня прекрасно выглядишь, Уна.

Я встретил принцессу в гостиной комнате, куда пришел хотя бы немного отдохнуть, пока есть возможность. Ее тонкая фигурка разместилась в мягком кресле, ноги поджаты, тонкий халат открывал прелестные розовые колени. Кудри прихотливо спадали с плеч, освещенные лишь теплым светом камина.

— Лучше, чем вчера?

— Да, конечно лучше.

Ее ресницы изумленно трепетали, я вернулся необычно рано с охоты, еще солнце не успело окончательно скрыться за горизонтом, и большая часть знати до сих пор болталась где-то в лесах, но мне хотелось отдохнуть и немного подумать, пока есть момент.

Сев на диван и устало откинувшись к спинке, я невольно обратил свой взгляд на Уну.

Изначально я предполагал смотреть на огонь, но супруга оказалась гораздо занятнее пламени. Очаровательно смутившись, девушка постаралась одернуть край халата и, поджав пухлые губы, отгородилась от меня пеленой волос. Потрясающее зрелище, надо сказать. Смотря на нее, я искренне восхищался и недоумевал, как у такой карги, как Норма, могла появиться такая славная дочь.

С самой первой встречи принцесса казалась мне сказочной героиней, сошедшей со старых полотен романтических художников, такой было не место в нашем мире, но она всё же оказалась здесь, безмерно хрупкая, как птица в неволе.

— Я скоро уйду, извини, что тебя прервал.

— Нет-нет, ничего, это же твой дом.

— И твой тоже. Хочешь ремонт делай, хочешь перестрой тут всё и хоть до основания снеси, предупреди только, я вынесу всё самое ценное.

— Это что, например?

— Тебя, чтобы не поранилась.

Отчаянно краснея, Уна протянула руку к кофейному столику, забрав с него бокал вина. Скрывшись за ним, она добавила тихо:

— А как же матушка?

— Она кувалдой орудовать будет. Ты ее не знаешь, она была главной любительницей перестановок среди ночи.

До меня донесся легкий мелодичный смешок. Отпив глоток Уна вернула бокал на место и обняла колени, положив голову сверху. Ее губы дрогнули, невысказанное слово оборвал королевский посыльный, появившийся на пороге гостиной. Отчаянно захотелось его ударить за вероломство, но я уже знал, этот человек принес важную весть.

— Господин, вас просят явиться во дворец.

— Что-то случилось? Я только вернулся с охоты и хотел бы отдохнуть.

— Это крайне важно.

— Так назовите причину, почему я должен оставить молодую супругу и, вместо свадебного отдыха, вновь отправиться к королю?

— Группа Аврелиана не вернулась с охоты, король пропал.

Не то, чтобы это было чем-то новым для меня, но нужно было отыгрывать свою роль до конца, хотя отпирался я из чистой вредности.

— О, боги... Но как так получилось?

Неожиданно озадаченный вопросом юноша замялся на мгновение, явно не представляя, какую версию можно объявить.

— Сель или... Хм... Происки некромантов, с ним была та придворная магесса.

— Какой ужас.

Тут я почти не слукавил.

— Прошу, поторопитесь.

— Конечно, только дайте переодеться.

Посыльный вновь смутился, но под моим пристальным взглядом всё же согласился дать мне время, обязавшись ждать у машины. Маска изумления и почти натурального испуга исчезла с моего лица, уступив откровенной усталости. Что ж, пора перенимать управление страной, как жаль, я не смог немного подремать перед этим моментом.

— Что ты сделал с братом?

— Прости?

Невероятно для себя я почти и забыл, что был в гостинной не один. Поднявшись на ноги, Уна настороженно подошла ближе, сменив милость, на гнев. Пришлось тоже встать, бледный кулачок ударил меня в грудь.

— Ты... Ты причастен к этому, я же вижу! Где Сэра и Авель?!

— В надёжном месте, моя дорогая супруга, можешь не беспокоиться понапрасну.

Мне послышался всхлип, по раскрасневшимся щекам текли злые слезы. Она перестала меня колотить, но все еще выглядела так, будто не могла выбрать между ненавистью и грустью.

— Зачем...

— Я думаю, ты сама можешь догадаться, какой статус даёт родство с тобой.

Сделав ставку на сообразительность принцессы, я выжидающе наблюдал, как на ее лице проглядывает замешательство, а затем и понимание. Приятно было узнать, что она не только лишь красива.

— Ты займешь трон...

— Кроме меня, больше некому.

— Но Серафина?

— Попалась случайно.

Тут я был готов даже извиниться, слишком надеялся, что получится поймать ее до начала охоты, совсем не подумав о том, что некромантка может опоздать, а Авель — устроить сцену. Если подумать, то я вообще не учитывал Сэру в изначальном плане и тем более не понимал, какого черта ее пригласили в лес, так что получилось, что получилось. Теперь оставалось мысленно воззвать к богам в надежде на то, что наши отношения с некроманткой достаточно доверительные и близкие, чтобы она мне помогла.

— Чудовище.

— Вовсе нет, до Аврелиана мне далековато.

— Ты убьешь его?

— Скорей всего, мне не нужен живой соперник. Можно сказать, что всё затевалось ради этого.

Ее молчание, полное ненависти, было ярче любых слов.

— Уна, я вижу в твоих глазах ярость и обиду, но смею заверить, ты можешь рассказать обо всем любому из министров и отправиться вместо меня во дворец прямо сейчас.

— Что?

— Мы провели мало времени вместе, но даже этот период я всячески старался не вмешиваться в твою жизнь и не ограничивать. Это было одним из главных условий твоего пребывания здесь, настолько полная свобода, насколько это возможно, и я надеюсь, ты это заметила.

Сбитая с толку супруга смотрела на меня, как на истинного безумца, наверное, так оно и было, конечно, но этот выбор я сделал сам, поставив на кон всю свою удачу.

— И ты правда не станешь меня удерживать? Я же разрушу весь план!

— Конечно, и понесу за это наказание, вероятно, казнь, а тебя в ближайшие полгода передадут в иные руки. Полагаю, один из холостяков-министров будет осчастливлен свадьбой, и даже в случае моего изгнания аннулировать наш брак будет довольно просто, любой врач подтвердит твою невинность и мою несостоятельность как мужа.

Кровь отхлынула от ее лица так неожиданно, что я заподозрил скорый обморок, но Уна выдержала этот удар, по крайней мере первую его часть. Напряженно вглядываясь куда-то

мимо меня, она выглядела так, словно снова пришла ко мне в брачную ночь.

— Нет...

— В этом случае ты будешь даже более желанной добычей, с вами будет моё состояние и фабрики. Надеюсь, наши доблестные мужи хотя бы не станут выкрадывать тебя насильно, если ты всё же примешь такое решение, попроси брата усилить охрану.

— Нет-нет-нет!

— Авель не допустит, чтобы такое ценное имущество было без присмотра, Уна, и, если ты действительно готова защитить его, я не стану этому препятствовать.

Закрыв рот ладонью, Уна безмолвно плакала, опустив голову и словно потеряв ход времени. Грешным делом мне показалось, что я сказал слишком много, слишком жестко, хоть это и было всё чистейшей правдой, но стоило мне вытащить платок и прикоснуться к вновь покрасневшей щеке, я заметил, что в глазах девушки ясно отражается понимание. Уверен, она раз за разом продумывала, возможно ли избежать нового замужества и настоящей клетки в чужом доме.

Спустя пару минут или даже больше, я вновь услышал ее тихий голос:

— Я хочу знать точно, что ты меня не тронул.

— У меня есть один неболтливый семейный лекарь.

Уна кивнула, принимая ответ. Опустив руки, она прикусила губу, чтобы вновь не расплакаться, и встретилась со мной взглядом, продолжив так серьезно, насколько могла:

— И... я хочу свою кондитерскую.

— Кондитерскую?!

— Я с детства мечтала печь сладости.

Не веря своим ушам, я внимательно посмотрел на супругу и всё равно не мог до конца уложить в голове этот ультиматум, но чем больше думал об этом, тем больше восхищался.

Будет ли Уна так сильно гореть своим делом, как я горю своим?

— Продашь короля за пару булок?

— Не говори глупостей, кто бы купил его так дорого.

Последние слуги мягко прикрыли за собой двери храма. Службы на сегодня были окончены. Покой и благоговение разлилось по залу чувствительнее и ярче любых молитв, выражая мою любовь не пустыми словами, но мыслями, желанием и искренним стремлением души.

Свободный от мирского шума, наедине с искусной собственноручной статуей богини, я сделал глубокий вдох и закрыл глаза, прислушавшись. Воздух наполнился тихим, мелодичным пением арфы, баюкающей еще один знойный, солнечный день в колыбели разгорающегося заката. Совсем скоро начнется новая служба, в полночь обязательно придет полнолунная, сегодня она впервые угостит меня амброзией. Я трепетно предвкушал нашу встречу, с дрожью представляя, к какой святыне, какому чуду прикоснусь и сколь велико доверие моей дорогой богини. Это чувство захватило меня, раз за разом я представлял, как нектар богов касается губ... Каким он будет на вкус? Сладкий, как самый прекрасный в мире плод? Нежный, как теплое парное молоко? Пьянящий, как настоявшееся вино, или богатый оттенками, как разнотравные эфиры?

Мои чувства бушевали на грани исступленной страсти и восторга, занимали разум, пробирались под кожу мурашками глубоко в тело и не находили достаточно места, чтобы хоть на мгновение подарить передышку, осознанность в замершем течении времени. Ни один из жрецов о такой милости и помыслить не мог, пока я терял голову от счастья не в силах поверить в столь огромную близость к Луне.

— Небороденное льется сиянье на темную землю
От головы ее вечной, и все красотой великой
Блещет в сиянии том. Озаряется воздух бесцветный
Светом венца золотого, и небо светлее, едва лишь
Из глубины Океана, омывши прекрасную кожу,
Тело облекши блестящей одеждою, издали видной,
И лучезарных запрягши коней — крепкошеих, гривастых, —
По небу быстро погонит вперед их Селена-богиня
Вечером, в день полнолуны. Великий свой круг совершая,
Ярче всего в это время она, увеличившись, блещет
В небе высоком, служа указаньем и знаменьем людям.

Распахнув веки, я воззрился на прекрасное каменное лицо скульптуры, смотрящее на меня в ответ с особенной лаской, пониманием и заботой. В тонкую прохладную ладонь я положил свою, прикоснулся лбом к мрамору и хотя бы на миг постарался представить, что передо мной именно богиня. Остатки зажженных благовоний окутали меня будоражащим, пьянящим ароматом мирры.

— Благодарю тебя, сребролика, за дары твои, за веру твою, за внимание твоё, за любовь...

— О! В самом деле? Она дала тебе так много?

Голос, вероломно и грубо прервавший мой гимн, раздался от входа в храм. Высокие резные двери неприятно хлопнули, стоило мужчине переступить порог зала и нарушить окружающий покой. Его неприветливая, снисходительная улыбка зловеще осветила лицо в отражении искусного серебряного щита и клинков, украшавших зал. Каждое из них было

даром моей госпоже, теперь будто оскверненными ненавистью Альхазреда.

Отпустив ладонь своего творения, я оперся руками на алтарь, предчувствуя неприятный разговор.

— Брат... я не надеюсь, что ты меня поймешь.

— И правильно делаешь!

— Но ты не можешь отрицать ее влияние. В руках Луны часть нашего мира, мы все подчинены незримым правилам.

— Но не я.

— И ты тоже, сколь бы не отпирался.

— Я... принял решение отречься.

Только глубоко больной, поистине сумасшедший человек решит отречься от своих создателей, тем более в месте веры, напрямую бросая вызов тому, кто выстраивал поклонения долгие годы.

Я знал, что допустил непоправимое, позволив брату проводить эксперименты, но до конца надеялся на лучшее.

— Бо-оги, дайте сил.

— Ты зря зовешь их, едва с силой твоих покровителей можно это как-то исправить. Я нашел иных, и, даже уничтожив свет моей безумной звезды, вы не смогли остановить то, чему давно суждено было случиться.

— Прекрати, Альхазред, я не верю...

— Я даю тебе шанс, Вирбий, шанс стать одним из первых бессмертным жрецом существ действительно могущественных, а не этих...

— Не богохульствуй!

— Самозванцев, кои рядятся в людей и не способны поделиться настоящим знанием, высокомерно и наивно полагая, что их народ достаточно слеп, чтобы безоговорочно следовать даже за такими бесполезными лицемерами.

— Хватит! Не заставляй меня пожалеть о твоей защите перед Луной!

— А то что? Что она мне сделает, брат? Проклянет? Убьет? Чем ты хочешь меня напугать?

— Я не пытаюсь пугать, лишь воззвать к остаткам твоего разума.

— Я более чем разумен и знаю больше, чем когда-либо. Прислушайся ко мне или стань ступенью.

— Стать ступенью?

Выпрямившись, я ощутил на душе тяжелейший груз, всё мироздание сейчас легло на мои плечи, непомерно возлагая надежду, на то, что я вновь смогу остановить безумца с моим лицом. Мою худшую половину.

Злость жгла меня изнутри, а с ней и обида, и боль, и недовольство, но жалость была сильнее их всех. Я не видел врага в человеке передо мной и не собирался разделить его ненависть.

— Что ты задумал?

— Действо! Ты же любишь представления, Вир? Ты так был вдохновлен театром, так что я предлагаю поучаствовать тебе в еще одной мистерии, где тебе выпала важнейшая роль.

Глядя на Альхазреда, я пожелал ему верить, несмотря на лихорадочный огонь в глазах. Приветственно распахнув объятия, он прошел ко мне с дикой, сумасшедшей улыбкой на губах.

— Ты же не откажешь мне?

— Откажу в чем?

Аль остановился почти вплотную, левая рука хлопнула меня по плечу, и только я потянулся сбросить ее, как правая вытащила из складок хитона что-то блестящее. Золото вспыхнуло в прощальных лучах горящего светила, резкий удар в грудь выбил дух, и боль, мучительная, острая и жгучая боль, прошла тело словно иглой, забирая на своем острие мою жизнь.

Я изумленно уставился на рукоять короткого копья и кровь, залившую ткань. Никак не получалось осознать, чему именно я дал произойти.

— Стать агнцем, моей первой жертвой на закланье настоящим богам, но тш... не трать силы понапрасну, лучше позови её...

Открыв рот, я попытался возразить, но вместо слов закашлялся, едва не задохнувшись. Пальцы судорожно вцепились в чужой хитон, ноги подкосились от слабости. Взглядом нашел взгляд брата и внутренне ужаснулся от тех чувств, что щедро отражались в нем, в этой бескрайней, голодной до чужой жизни инородной тьме.

Не может быть такого, не может, он не настолько ненавидит...

— Зови!

— Нет...

— Ох, Луна, что же ты медлишь, дорогая, он умирает на моих руках, ужель ты бросишь его? Оставишь истекать кровью? Страдать с твоим именем на устах?

Словно тряпичную куклу Аль опрокинул меня на алтарь, наконечник копья чиркнул по камню, омерзительно грубо дернув рану. Вскрикнув от новой волны боли, я бездумно потянулся к краям, пытаюсь хотя бы немного свести их, пока пальцы утопали во влаге.

Не приходи, не вздумай приходить, я умоляю, заклинаю тебя, Луна, не появляйся здесь, не нужно...

— Вир!

Ее надрывный, звонкий голос полоснул моё едва живое сердце. Закрыв глаза, я застонал, но брат, тут же вынув копьё, отбросил меня на пол, заноса оружие над алтарем. Сквозь пелену боли и мутное сияние сумерек я разглядел, как моя богиня впервые плачет, не в силах сдвинуться с места от открывшегося ей чудовищного и жестокого действия.

— Не нужно ронять свои драгоценные слезы.

Даже теперь я чувствовал в себе необходимость подбодрить Луну, сжавшись в луже собственной крови на полу собственноручно возведенного храма в ее честь. Это была бы неплохая смерть, действительно неплохая, но за спиной вдруг послышался характерный хруст и звук, будто кто-то решил расколоть скорлупу огромного ореха. Земля на секунду ушла из-под ног, стены тряхнуло, и лишь чудом колонны устояли на месте, осыпав зал мелкой мраморной крошкой. Голос брата прозвучал грозно и громко, как приговор:

— Когда дорога луны и дорога солнца пересекаются на небесах, тогда Йог-Сотот приходит, восторженный и мощный, чтобы открыть пространства между звездами...

Первой осознав, что именно произошло, богиня в мгновение ока схватила один из клинков и нещадно вонзила в спину предателя, но даже я почувствовал, что было уже поздно. Не для меня и не для алтаря, но для того, кто неожиданно неистово закричал, ощутив, как оскверненная святыня стала прорехой в теле мироздания.

— Мундус...

— ОГТРОД АИ'Ф

ГЕБ'Л — ИИ'Х
ЙОГ-СОТОТ
'НГА'НГАИ'Й
ЗХРО!

Выплывавая свой проклятый призыв, брат будто бы и не заметил удара, крепко цепляясь за золото в своих руках. Под его пальцами из неровного чудовищного раскола впервые выплеснулась зловонная черная жидкость, толчками, будто болезненный, нечестивый фонтан. Луне пришлось отступить, сама мысль, что ее может коснуться подобная мерзкая слизь, приводила меня в ужас.

Земля снова судорожно дрогнула, стены храма покрылись мириадами трещин, но самым страшным был мучительный вой Мундуса, чье тело бесцеремонно разрушали чужеродные врата. Люди, связанные с ним, чувствовавшие его волю и желания, также ощутили это вторжение, в невыносимой для смертных агонии падая замертво или корчась на земле, раздирая собственную плоть. Я знал это наверняка, но моих сил уже не хватало прервать пытку.

Где-то во тьме за окнами послышался далекий раскат грома, и молнии иных измерений раскрасили небо, возвещая о прибытии древних чудовищ. Те не лезли из угольной гнойной язвы в храме, а спускались с небес, привлеченные зовом Альхазреда. Гордый своей работой, он, шатаясь, вскинул руки, в безумной радости приветствуя поглощающий его сок бездны.

Не видя иного исхода, я сам прикоснулся к огромной пасти, разверзшейся рядом, черное мешалось с красным, последние капли утекали в провал, приближая мою участь.

— Прощу, умоляю, мне нужны силы. Дайте мне сил, дайте мне возможность.

Я воззвал к пустоте, что раскинулась под моими руками. У меня не было шанса помочь своей богине, я даже не мог дотянуть до конца мира, но там, в бездонной глубине, я отчетливо знал, что меня кто-то слышит, кто-то наблюдает за мной и может прийти.

Над храмом разнесся зов Солара и Нокса. Их силы, пущенные чтобы изгнать Йог-Сотота, подходили к концу, но едва ли их хватало, чтобы закрыть прорыв. Надежда таяла с каждой секундой. Солнце и звёзды за окном почти погасли, обнажая бескрайний омут, откуда на конец крохотной вселенной смотрели глаза сотен чудовищ, призванных одним единственным ритуалом.

— Не увидать тебе больше ни одного бога, кроме своего.

В зале послышались шаги, громкий вскрик и звук вгоняемого в тело металла. Луна вновь воткнула клинок в сердце предателя и в ярости ударила его еще, с каждым разом плача всё громче. Ее голос наполнился болью и отчаянием. Силы ее утекали, словно вода, в жадную пасть алтаря. Чужие боги ступали в ее мир, пока старший брат вопил, не в силах умереть. Чума из иных миров прорастала, словно плесень, захватывая всё к чему прикоснется. Близнецы тщетно оставили жизни в попытке остановить этот ужас, и их тела, тела демиургов, разъела эта чудовищная магия, что пролилась по земле, становясь бескрайним черным океаном.

Ни в одном уголке вселенной не суждено было спрятаться от вероломства Йог-Сотота и ему подобных, пространство наполнилось трелью невиданных костяных свирелей, заставляя сжаться от первобытного, животного страха.

Разве можно в этом сумасшествии спастись?

Из последних сил я потянулся к тому, кто скрывался в темноте, я чувствовал, что он один может понять мою муку. Самый человечный из всех иных, имеющий тысячи обликов

ползучий хаос, он мог подарить мне толику своей силы, чтобы выиграть еще один вздох и продлить мою жизнь хотя бы на мгновение.

— Ты вечно наблюдал за страданиями таких, как я. Ты и сейчас с довольством смотришь на мою быстротечную смерть, но... молю, продли мои страдания, моё мучение, подари мне большее безумие, большую агонию, позволь помочь той, кому я нужен! Я дам всё, что у меня есть...

Что-то коснулось моей ладони, и я запоздало различил в бездне угольно-черное лицо и руки, что протянулись ко мне. Человек, хотя существо никогда не было им, смотрел на меня с ухмылкой, но не говорил, не сказал ни слова. Я знал, что он откликнулся, пришел ко мне и так, безымянным и безмолвным, забрал то, что я предложить на откуп никогда бы не смог.

Грудь будто обожгли каленым железом, нечто наживую вырезало все чувства, трепетавшие внутри. Вся моя нежность, вся ласка к моей богине ушли, оставив за собой слой пепла среди пустыни. Я больше не желал, не дорожил, не любил, не понимал, как мог вообще ощущать такое, но помнил, ради чего отдал то единственное, что оставалось от моей сущности. Мне повезло, как же мне повезло, что древние — истинные боги хаоса, во много противоборствующие себе подобным.

Мое сердце растянуло удары. Остатки разума заставил меня встать. Запоздало я ощутил, как меня обняла Луна. Она что-то лепетала, всхлипывала, умоляла, пыталась докричаться, но будучи оглушенным своей новой явью, я не смог осознать ни слова. Вместо этого я попытался предупредить ее сам:

— Лишь одно мгновение. Лишь. Одно.

Я крепко сжал ее хрупкие плечи, что-то внутри разъедало меня, размывало, стирало в общую тошнотворную массу, но вместе с тем иная сила противилась этому.

Луна замолчала. Она посмотрела на меня с ужасом, с отвращением и испугом, но за этим проглядывала толика понимания. Я уже не был Виром и не мог вспомнить какого быть им, но теперь в моих силах было остановить быстротечное время. Замереть, не дать первой жертве свершиться, пока богиня не закроет брешь.

Болезненно сжавшись возле останков алтаря, я наблюдал, как, отколов часть собственной плоти, Луна острым лезвием клинка из пористого серого камня разделила мир Завесой. Туда пришлось отправить тех, кто разлагался телом и душой под влиянием иных. Мне было почти жаль их, им не предоставится возможность умереть и переродиться, вместо этого сливаясь в один огромный студень, бесчисленное количество людей станут черным океаном и частью своих хозяев. Буг-Шаш, слизкий и огромный, причмокивая тысячею ртов, стал центром этой странной жизни, едва проглотил тело своего призвателя. То был лишь первый день.

Во второй день, если можно было его таким назвать без солнца и звезд, Луна делила тела Мундуса и его людей. Те, кого еще можно было спасти, она отправила на прочие земли, оставив старшему брату малый остров и отдав еще немного лунного камня на обитель, где его никто не смог бы потревожить. Там, в одиночестве, потерявший силы и рассудок бог, смог погрузиться в сон, отвлекшись от кровоточащих ран.

В третий были похоронены Солар и Нокс. Луне самой пришлось зажечь солнце и звезды. В тот день я увидел своими глазами первый культ. Жрица светлого бога собрала возле себя выживших, они вместе воззвали к Шуб-Ниггурат и другим созданиям. Черный человек, следивший за моей медленной смертью, ушел вместе с этим народом. Мое время

подошло к концу, магия иных разъела остатки души, плоть рассыпалась черной сажой, словно я сгорал изнутри. Последним, что я видел, был ущербный лик Луны, расколотой и покрывшейся трещинами.

Среди бескрайней боли и мрака, захлебываясь в зловонном океане, я отчаянно гребла в студенистой воде, не видя берега. Мгновение назад я была в старом квартале, среди гаражей, где разбилась подруга, а теперь утопаю безумном кошмаре.

Жить, я так хочу выжить...

Сердце отчаянно билось в груди за того, кто прятался под грудью.

В голове раздался голос черного как ночь, Жреца:

— Вы всё вспомните, не переживайте, но могу заверить, я выполнил свою часть нашей сделки.

— Просыпайся, спящая красавица, просыпайся. Я знаю, что ты сильнее, чем кажешься.

Чья-то теплая ладонь легла мне на щеку и, придерживав подбородок, заставила поднять голову. Едва уловимый свет за сомкнутыми веками встревожил внимание, окончательно выдержав из долгого, длинного и тревожного сна.

Как много в нем было, и как много еще предстоит осознать.

Софи...

— Отойди от нее! Не трогай ее!

Я узнала голос Авеля. Резкий, шумный звон цепей в другом углу комнаты говорил мне о том, что он совсем рядом, беснуется, наверняка переживает.

Тем временем тело ломило, как от сна на холоде, в руки впивались металлические тяжелые обручи, спина упиралась во что-то мягкое. Сильно пахло землей, какими-то грибами и сыростью, я точно сидела на слегка влажной почве. Звуки в комнате странным образом приглушались, так что голос рядом прозвучал до ужаса интимно.

— Давно не виделись, Софи.

С трудом разлепив веки, я встретила взглядом с Давидом. Хотелось бы конечно обознаться, ошибиться, перепутав его с кем-то другим, но только у одного знакомого мне южанина были седые волосы и такие пронзительные, отвратительно красивые серо-голубые глаза с темной обводкой радужки. Будто мироздание намеренно решило сделать этого человека настолько привлекательным, чтобы ему за единственную вежливую улыбку можно было простить любое совершенное зло.

Благо, на меня это не действовало.

— Надо же, нос цел.

— У меня был умелый лекарь, но отдам должное, удар тоже был неплохим.

Дернувшись в сторону от руки Давида, я смогла разглядеть за его спиной Авреллиана, сильно потрепанного внешне, но всё еще бойкого, даже несмотря на кандалы. Он был прикован короткой цепью к каменной плите в полу, едва выглядывающей из-под земли. Земли. Да, наша небольшая камера с решеткой по одной стороне оказалась где-то под слоем почвы, с единственным освещением в виде странных флуоресцентных грибов на потолке.

Заметив, что я пришла в себя, АVELЬ встрепнулся, уверенно выпрямившись.

— Кто бы ты ни был, не навлекай на себя еще больше проблем...

— А то что?

— Нас всё равно найдут, ты можешь уменьшить своё наказание.

— И отпустить вас?

— Как король я могу проявить милосердие...

— «Как король», — передразнил его Давид. — Ты правда решил, что я могу не знать, кого именно похитил? Хотя нет, извини, позволь поправить, ты уже не король, полагаю, твоё место уже заняли.

— Я уверен, Аластор уже ищет...

— Аластор уже получил все причитающиеся права и зорко следит за процессом поисков, он точно знает, куда отправить отряды так, чтобы тебя не нашли. Можешь не беспокоиться об этом.

Давид ехидно улыбнулся, с явным удовольствием обернувшись к Авелю, веселясь и

наслаждаясь его растерянностью, пока я с трудом обдумывала произошедшее в своей голове. Информации за последние пару часов было слишком много, но ждать, пока я расставлю всё по полочкам, никто не станет. Более того, нужно корректировать планы уже сейчас.

Кейн — предатель, если я вообще в праве говорить так о ком-то. И самое главное, он, видимо, прибрал к своим рукам Целестию. Умный, действительно умный Аластор. Как на это отреагирует Каин? Смогут ли они договориться? И останется ли королева на своем месте? Бо-оги, надеюсь, с ребенком всё будет в порядке, нет ничего важнее сохранности Мирры сейчас.

В груди свернулась болезненная тревога, отдаваясь в теле то тошнотой, то полчищем огненных муравьев, копошащихся под кожей.

— Теперь ты понимаешь своё положение.

Южанина, кажется, искренне забавляла эта перепалка, не оставляющая пленнику надежду на спасение. Подозрительно притихший король ответил спустя несколько долгих секунд, его голос звучал глухо и холодно:

— Освободи хотя бы Серафину, вам же нужен только я. Дай ей уйти.

Уперевшись ладонями в колени, Давид выпрямился, едва сдерживая смех. Кивнув в сторону Авеля, он обратился ко мне, как к старому другу:

— Слышишь? Так переживает за тебя, будто ты не прирежешь его, едва освободив руки, кажется, он до сих пор считает тебя другом.

Прозвучало по меньшей мере жестоко, и не только по отношению к королю. Прикусив губу и переждав волну стыда, опалившую щеки, я вновь ощутила себя чужой марионеткой.

— Заткнись, пожалуйста.

— А я бы на это посмотрел, чудное, должно быть, зрелище. Испуганный ягненок и справедливая кара, настигшая его.

Авреллиан вновь вмешался, явно цепляясь за доверие ко мне, как за последнюю соломинку:

— Верить преступнику себе дороже. Сэра, ничего не бойся, мы выберемся, я обещаю, это лишь вопрос времени.

В полнейшем изумлении я посмотрела на пленника, чувствуя иррациональное уважение и симпатию к нему. Авель наивно хорохорился, мужался, и, может, за счет моего спокойствия утешался сам, но я не могла противиться его уверенности и упрямству.

Поведение настоящего короля, если подумать, в первую очередь, думает о других.

— У меня есть идея, но надо сказать, я давно не практиковался в этом искусстве, так что заранее прошу извинить за некоторые шероховатости и за сцену, но я не могу промолчать.

С какой-то зловещей веселостью и наигранностью Давид скинул пиджак, повесив его на ржавые прутья камеры, а затем, закатав рукава, подошел близко к Авелю, нависнув над ним.

— Подожди... стой!

Я поддалась вперед, едва не срывая голос, цепи дернули запястья, отдавшись болью в остальном теле, будто кругами на воде. Спина южанина загородила короля, но в полутьме отчетливо мелькнула рука и послышались глухие удары. Забыв, как дышать, я замерла, с ужасом ожидая, когда всё закончится и не в силах отвести взгляд.

Не так, не так, не нужно мучать его.

— Давид, прекрати, пожалуйста... Давид!

Вцепившись в волосы Авеля, Давид заставил его поднять голову и, присев рядом, вытер

косяшки о чужой охотничий камзол. В неверном зеленоватом свете лицо короля казалось мертвенно бледным, а кровь совсем черной.

— Мне нравятся такие сопляки, как ты, Авель. Строишь из себя непойми что, пытаешься доказать, что всё под контролем, что ты будешь храбро держаться до последнего, что ты весь такой благородный воин и великий мученик! — рассмеявшись, южанин дернул волосы вбок, управляя королем, как собственной марионеткой. — Посмотрите на него, он — преданный окружением король, он великодушно доверял врагам и был обманут, но разве не ты пришел с мечом в Беллатор? Разве не ты помог убить глав? Разве не ты привел своё войско в Сомну? Не твоя ли дорогая женушка всадила рунный клинок в твоего славного предка? Сколько крови на твоих руках, Авреллиан? Как долго ты будешь носить образ честолюбивого святого? Ты правда решил, что Аластор, отца которого замучал твой отец, будет тебе верным помощником и ни разу, никогда не подумает отомстить лично тебе и твоей семье за то, что жизнь Кейнов была разрушена по прихоти Адама? Нет? Скажи мне, как можно пригласить во дворец девушку, чью страну ты разрушил и чьих родных ты самолично пытался уничтожить?

— Прекрати...

— Сколько в тебе лицемерия, Авреллиан, сын Лилит Блэквуд и правнук великого темного тирана?

— Чу-ушь...

Авель хотел добавить что-то еще, но его голос сорвался на хрип, пальцы Давида отпустили волосы и крепко ухватились за горло.

— Да что ты? Тогда расскажи мне, почему Ньярл не напал на Целестию первым? У него было время, достаточно времени, пока ты был ребенком, а наместником считался Макдоннел. Ну? Пораскинь мозгами, иначе за тебя это сделаю я.

— Я не знаю...

— У него была армия, были тысячи некромантов, но он не пришел к тебе, дав вырасти и окрепнуть, дав занять трон.

Послышался новый булькающий хрип, в углу, где сидел король, едва ли видны были очертания тел, но я отчетливо различила и разбитые губы, и кровь, заливающую рот.

— Он не хотел...

— В то-очку! Он не хотел, потому что его дражайшая внучка погибла от рук безумного мужа, едва родив тебя, и твоя дуальная магия должна был обеспечить мир с некромантами в будущем. Так скажи мне, Авреллиан, каково быть предателем собственной семьи? Каково убить прадеда, поделившего с тобой дар? Каково это — запытать собственного брата в темнице? Каково это — отдать приказ, убить свою сестру? Напомни, сколько длилась осада поместья? Год? Да, тогда же твоя племянница потеряла руку, в попытке спасти мать, но едва ли ты заметил такую мелочь, там, на Саррубе, все что-то или кого-то теряли.

До меня донесся тихий всхлип, Давид тряхнул рукой, удостоверившись, что Авель не потерял сознание и, понизив голос, буквально зашипел:

— Тебе понравилось? Только не говори, что тебе не понравилось, я не поверю. Я же вижу, ты был горд собой, горд проделанной работой. Так держать, юный король, ты очень рано повторил судьбу отца, в свои годы ты убил даже больше людей, чем он. Поздравляю, Авреллиан, я искренне восхищен, настолько, что даже похлопаю.

Со стороны короля раздался кашель, перемежающийся тихими всхлипами, его заглушили хлопки южанина. Он, вновь выпрямившись во весь рост, действительно

заплодировал Авелю.

— Молодец. Я посоветую тебе цепляться за эту гордость, должно же хоть что-то держать тебя на плаву, пока всё не закончится. А пока давай проверим твое предположение, — оставив короля в покое, Давид вернулся к пиджаку, не спеша накинув его на плечи. — К Сэре у меня действительно нет претензий, она попала сюда случайно и скована лишь для того, чтобы мой нос не пострадал раньше времени. Если она освободится, а она освободится, то имеет полное право убить тебя и уйти, пока я наверху завариваю чай. Перед Кейном, конечно, придется оправдаться и найти иную жертву для нашего общего друга, но я думаю, это тоже вполне решаемая задача. В конце концов, у королевы появилась дочь, кстати, Аврелиан, мои поздравления, ты дважды отец, пускай и ненадолго. — Он повернулся ко мне: — Софи, ограничивающие браслеты были только одни, извини, не предусмотрел гостей, так что ты можешь свободно пользоваться своей магией и не только ей.

Посчитав свою работу законченной, южанин направился к двери, на его светлой рубашке чернела россыпь пятен. Дернувшись в оковах, я с трудом подала голос, ощущая, как слова царапают пересохшее горло:

— Ты слишком много знаешь.

— Правда? — Давид улыбнулся. — Уж не думала ли ты, что одна на всем белом свете посвящена в тайны прошлого?

— Нет...

Закашлявшись, я предпочла отвернуться и, подтянув колени к груди, уткнуться в них, пережидая приступ. Кажется, сам воздух в подземелье был каким-то грязным, едким и слишком влажным, невесомым налетом оставаясь в легких.

За пеленой собственного дыхания я расслышала шорох, запоздало удивившись, я ощутила, как пальцы Давида поймали моё лицо, заставив посмотреть вперед. К губам ткнулся край металлической фляги с прохладной водой.

— Конечно я знаю, и даже больше, чем ты думаешь. Мой путь начался давно, в древней пещере Беллатора, где голос мертвого ученого нашептывал мне забытые знания.

Дав мне напиток, южанин убрал флягу и аккуратно заправил мои волосы за уши. Его голос вновь стал тише:

— Не подведи тех, кто на тебя надеется, мы все ждем приговора и его исполнения, золотое копьё не просто так подчинилось именно тебе.

— Но я не подчиняюсь Альхазреду.

— Ты ведома чужой судьбой, так или иначе ты ее примешь.

— Я не хочу.

С укором покачав головой, Давид постучал пальцем по моему виску:

— А у тебя есть выбор?

Софи, не слушай его, забудь об этом, он лишь пытается тебя запутать.

Стиснув зубы, я отвернулась, закончив разговор, с южанином всё было ясно, осталось лишь выслушать Ньярла, мне казалось, он должен был пересмотреть свои взгляды.

Так ли это?

Я уверен. Софи, самое главное сейчас это помочь собственной семье, Каин ждет, его флот наверняка уже у берегов, и ему нужен твой ответ, он ждет твоей отмашки.

Мы можем договориться с Аластором.

Аластор не откажется от трона Целестии, и он связан с Альхазредом, пользуясь его

поддержкой. Мы сможем противостоять этому злу, только взяв всё под свой контроль, Луна на нашей стороне.

В голове невольно всплыл момент давнего разговора с... Жрецом, страшно подумать, чем он являлся на самом деле.

— Какой бы выбор вы не сделали, для вас он не будет ни приятным, ни правильным, это есть часть нашего уговора.

Ты предлагаешь всё же убить Авреллиана?

Мне жаль, но он помеха, подобная прочим. Иного выбора нет.

Хорошо, я поняла тебя.

С трудом вывернув ладонь так, чтобы копьё не поранило меня, я призвала его, едва не вскрикнув, когда раскаленный металл коснулся кожи. Едва пережитые воспоминания ярко отозвались в сознании, солнечное сплетение заныло, ломота в теле усилилась, припомнив отвратительные ощущения первой смерти Ньярла. Тяжело дыша и чувствуя, как бешено колотится сердце, я замерла, стараясь успокоить себя и сосредоточиться на плане.

— Я должен был догадаться, почему очередная попаданка оказалась у меня во дворце, но ты была так откровенна, что мне хотелось верить.

Услышав хриплый, шелестящий голос Авеля, я обернулась, чуть не полоснув себе руки. Ожидая увидеть, что король готовится к борьбе, к сопротивлению, я оказалась неприятно поражена обратным. Авреллиан даже не думал пресечь собственную смерть.

Вернувшись к кандалам, я отомкнула их копьём, освободив запястья.

— Почему ты решил, что я попаданка? Из-за отвратительного характера, как у Мирры?

Не думала, что она вообще поделилась своим происхождением с Авелем.

— Нет, ты сама сказала мне об этом. Язык... Кхм. Как же там было? Что-то цепью змной волочится, скоро громом начнет греметь. Как мне хочется, как мне хочется, потихонечку...

— Умереть.

Мне тоже следовало бы догадаться, что он чему-то научился от супруги.

Поджав губы, я подошла ближе к Авреллиану, в глазах, залитых кровью и прикрытых опухающими веками, блеснул только свет моего копьё, никого страха, никакой гордыни, лишь сожаление.

— Я хотел бы желание напоследок.

— Какое?

— Можно я продолжу считать тебя другом?

— Конечно, будем друзьями.

— Спасибо.

Мою грудь болезненно сдавило спазмом, словно ребра внезапно оказались малы. Пальцы жгло оружие, поторапливало, напоминая, что чем сильнее оно, тем слабее буду я. Пламя, разящее врагов, в первую очередь обязано ранить меня.

Кара обязана свершиться, иного просто не дано.

Обхватив рукоять обеими руками, я занесла копьё над головой и резко, не раздумывая ни мгновения, ударила острием вниз.

Встревоженный металл выдал сноп искр, но блокаторы не поддались.

— Какая мразь сделала их такими крепкими...

— Софи...

Размахнувшись, я скрипнула зубами и, собрав всю свою злость, ударила снова, едва не

зарычав. Разгоряченное копьё измяло толстые звенья, еще чуть-чуть, еще совсем немного, и Аврелиан сможет подняться.

Софи.

Голос Ньярла стал поистине угрожающим, его воля тут же вмешалась в моё сознание, пальцы дрогнули, и оружие предательски мигнуло.

Нетушки, оно подчиняется ТОЛЬКО мне.

Прекрати немедленно!

— Нет ни выбора, ни свободы, ни желаний, лишь цели, пустые цели и чертов поводок. Когда говорят «фас», обязана напасть, когда тянут цепь, обязана сидеть в уголочке смирно, пока не дадут новый приказ.

На выдохе вновь опустила острие на металл, от Ненависти сноп искр, они жгутся, больно жгутся, но Авель не двигается, молчит и, кажется, забыл, как дышать.

Софи, ты всё испортишь!

— Если бы ты знал, как мне плевать, ты бы заплакал.

Еще удар.

СОФИ, НЕ СМЕЙ!

— Ну давай! Скажи апорт! Скажи, что я непослушная, бешеная псина!

Боль резко прострелила виски, в глазах потемнело. Охнув, я упала на колени, зажав голову ладонями и выронив копьё на землю рядом. Отчаянно хотелось зарыться всей кистью, всеми пальцами в мозг и, отыскав среди извилин изъян, выковырять оттуда маленького предателя, затаившегося в моем сознании.

— Софи, тише-тише, лучше уходи, уходи, пока можешь.

Язык будто онемел, так что я упрямо замычала в ответ, наощупь расковыряв еще теплые остатки звеньев. Оковы отпустили пленника, но не освободили его от блокаторов.

Боль в голове стала еще сильнее, вытесняя всё остальное: любые мысли, любые попытки осознать себя.

— Посмотри, посмотри на меня, Софи, что с тобой?

— Ммм...

Холодные дрожащие руки Авеля откинули мои, приложив браслеты прямо к вискам. Спустя мгновение боль отступила, хотя я еще чувствовала, как Ньярл пытается уничтожить, сожрать мой разум. Зато в полутьме передо мной наконец-то показалось встревоженное лицо короля. Протянув к нему свои ладони, я с трудом уложила пальцы на самые большие раны, заставив себя сосредоточиться на заклинании лечения. Мелочь, но зато остановит кровотечение и даст что-то увидеть из-за опухших век.

— Зачем?

— Авель, Аврелиан, пообещай мне две вещи... Поклянись!

— Чем? Или кем?

— Родом, жизнью, неважно... Поклянись, что ты примешь меня и всех тех, кто со мной придет во дворец и в столицу. Не будешь ставить преград, не станешь направлять на нас оружие, не попытаешься убить. Ты примешь нас как гостей, как самых важных людей, что могли прибыть в город. Уяснил?

Инстинктивно король отрицательно замотал головой, но, глядя мне прямо в глаза, ответил уверенно:

— Я клянусь.

— Второе...

Кисть Авеля дрогнула, и я ощутила, как в голову, куда-то позади глаз, воткнулась тонкая, острая игла. Вскрикнув от боли, я едва не потеряла сознание, но неестественно ледяной металл снова коснулся кожи.

— Что второе?

— Второе... ты во что бы то ни стало защитишь свою новорожденную дочь, как минимум до совершеннолетия. Пускай при ней будет столько охраны, что даже муха не проскочит, пускай лекари из кожи вон лезут, няни пылинки сдувают, но ты обязан защитить ее от любых бед и невзгод. И не дай боже, она погибнет по чьей-то глупости, я приду во дворец и перережу всех, кого достану.

Удивленно воззрившись на меня, Аврелиан замер, словно истукан, но губы его послушно выдали:

— Клянусь.

Силы постепенно утекали от меня, нужно было быстрее уходить или принять бой в своем сознании в надежде вырвать зубами хотя бы призрачную возможность выбора. Сложно бороться с противником в собственной голове, невозможно настолько противиться огромной части своей сути. Мы с Ньярлом уже немало времени вместе, стали продолжением друг друга и соседствуем так тесно, что плоть больше не бунтует из-за его вмешательства в жизнь.

Как вообще победить при таких обстоятельствах?

— А третье?

— Что?

Сосредоточившись на собственной боли, я на миг даже забыла о том, что АVELЬ рядом. Внимательно посмотрев на него, я невольно дернула рукой в попытке убрать прилипшие ко лбу из-за черных пятен крови белые пряди.

— Всегда есть третье желание. Назови его.

Тупо уставившись перед собой, я глубоко вдохнула влажный, душный воздух подземелья. Что-то явственно защекотало в легких, заставив меня закашляться. Жар прокатился по коже, оставив неприятный липкий пот. С трудом подавив приступ, я поспешила вынести вердикт:

— Слушай Блэквудов, доверяй прежде всего Аван, несмотря на всё, она готова идти тебе на встречу и видит брата, а не врага.

— Хорошо.

— Ты не поклялся.

— Клянусь.

— Так-то лучше.

Ломота в теле резко усилилась, заставив меня пошатнуться, по ощущениям мои кости словно разъедало что-то, но зато перестала болеть голова. Ньярл решил подойти к проблеме с другой стороны.

— Какой у тебя план, Софи?

— План? Нет никакого плана, я просто делаю то, что считаю нужным, пытаюсь не сдохнуть в процессе.

— Выходит так себе.

— О, дашь совет, умник?

— Нет, но нам точно нужно двигаться.

Вторая своим выводам, АVELЬ склонился ко мне и, обняв одной рукой талию, помог

встать, придерживаясь свободной ладонью за земляную стену. Он выглядел неважно и явно был слишком слаб, чтобы нести кого-то на себе, но всё равно упрямо потащил к решетке, пока меня мелко потряхивало от боли.

Вновь призвав своё копьё, я крепко стиснула его онемевшими пальцами и ударила в замок. Ржавая дверца поддалась с первой попытки, со скрипом отворившись.

— Слишком просто.

— Что это за оружие?

— Ненависть. Всё, что у меня есть.

— Да, тебе подходит.

Поджав губы, я передернула плечами и первой перешагнула порог в неосвещенный земляной коридор. Единственными указателями в нем оказались бледные очертания проемов камер, таких же, как у нас, с грибными наростами. Эти странные жители подземелья собирались под потолком, облепляли прутья и стекали к дальним стенам, очерчивая нары и кучи тряпок на них.

— Зажги светляк. Только крохотный, чтобы видеть пол.

Авель прошептал это едва слышно, у самого уха, но его голос всё равно показался чересчур громким, как шумный, гулкий стук сердца в груди, как моё сиплое, тяжелое дыхание.

Копье послушно исчезло, чуть зашипев, его место заняла крохотная мерцающая бусина белого света в ладони. Привычно взвесив ее в руке, я приготовилась идти вперед, но заклинание спустя всего пару мгновений жизни будто бы сдуло с кожи потусторонним порывом ветра. Даже мой вдох не успел достичь этой искры, а она уже соскользнула вниз и пролетела через решетку.

— Софи?

— Я ничего не делала.

Хмуро глянув на меня, король чуть качнул головой. Точно не поверил, хоть и видел всё своими глазами, но наверняка списал это на усталость или ту неведомую для него силу, жрущую меня изнутри. Желания разубеждать его не было, вместо этого я с интересом проследила путь светляка прямо до края черного волокнистого древа, замещавшего кому-то кровать. Заклинание остановилось и, вспыхнув на короткий миг, потухло, очертив напоследок грязно-желтый остов чьих-то ребер, выступающих из вороха трухлявой черной ткани и мертвенно сероватых останков плоти.

На нарах точно лежал труп, причем далеко не самый свежий, единственные оставшиеся целыми участки кожи на лице выглядели крайне древним пергаментом. Там не было жизни, и уже давно, очень давно, никто не мог существовать в таком виде, но едва магия рассеялась, как мы с Авелем отчетливо слышали вздох. Невесомый, почти неразличимый вздох и шорох ветхой ткани на грани слышимости.

Рука не поднялась создать новый светляк, коридор и камеры снова погрузились в кромешный мрак, и лишь тщательно присмотревшись, сосредоточившись на флуоресцентных грибах, можно было заметить слабое подобие движения у дальней стенки комнаты.

Молча, не говоря ни единого слова, Авель вцепился в мою кисть и дернул вперед, подгоняемый жутким видением в камере, и, к моему сожалению, теперь в каждой из них моё воображение рисовало хрупкое шевеление того, что осталось от прежних владельцев тел.

Свет нам больше не требовался.

Переговоры

Кассий

Приходи Антоний, Октавий молодой, сюда!

И отомстите лишь Кассию! Устал от мира Кассий!

Любимому не мил, противен брату,

Изруган, как холоп. Всё, в чем виновен,

Записано, затвержено на память, чтоб в зубы ткнуть.

О, вся моя душа слезами изойдет.

Вот мой кинжал, вот грудь моя открыта,

Сердце в ней дороже и ценнее,

Чем Плутоса подземные богатства...

Уильям Шекспир. Юлий Цезарь

— Ищи остальных! Тут точно должен быть кто-то еще!

До тошноты знакомый голос едва пробивался до меня, как через толстое, ватное одеяло. Веки казались тяжелыми, неподъемными, сознание — вязким и болезненным, как на утро после изматывающей болезни, когда всю ночь сражаешься с лихорадкой и тревожными мучительными снами, с собственным сгорающим телом и болезнью, выедающей плоть.

Я по крохам собрала мысли, воспоминания и личность, с каждой деталью всё сильнее ощущая огромный груз ответственности и усталости от жизни.

Вот бы меня не нашли, оставили здесь в земле, но я уже чувствовала, как чьи-то руки торопливо вырывают землю рядом и осторожно стараются вытащить меня из-под завалов. Нос, помимо запаха почвы, уловил табак и хвою.

Где-то над головой снова послышался голос:

— Мом! Ты нашел кого-нибудь?

Целая минута тишины, я либо успела вновь потерять сознание, либо действительно так долго не было ответа. Каин тихо выругался под нос и вновь крикнул:

— Мом!

— Нет, здесь никого больше нет!

Хотела бы не согласиться, но горло так пересохло и саднило, что я решила отдать всё на волю судьбы. В конце концов работники могли и уйти, спастись, а Давид под завалами давно мертв.

Аккуратно потянув меня вперед, некромант поспешил очистить мое лицо, удостоверившись, что я могу дышать. Где-то рядом предупреждающе скрипнул металл, я распахнула глаза, испугавшись, что нас снова накроет обломками, но выгнутая стенка ковша, как щит накрывшая моё земляное убежище, лишь неловко покосилась. Мне снова повезло, повезло выжить и дожидаться помощи. Глаза цвета грозových туч смотрели на меня недобро, но с явным беспокойством.

— Прости.

— Потом поговорим, сейчас нужно успеть вернуться на корабль, стражи уже близко.

Послушно кивнув, я вновь закрыла веки, благодарно приняв путешествие на чужих руках. Сон быстро утянул в свои объятия под мерное дыхание Каина и нарастающий шум

моря, лишь под конец разбавляемый скрипом канатов и мачт.

Из темноты, из разума полного видений, мне показывался силуэт мужчины с жестким, пристальным взглядом. В плотной движущейся дымке он смотрел неотрывно, пристально и будто бы уже давно, не первый раз, не первый день, не первый месяц и даже не первый год.

В горле запершило, и я закашлялась во сне, во рту почувствовался гнилостный привкус, он нарастал, будто от длительности надзора зависело количество слизи, заполнявшей мой рот. Я тщетно пыталась отплеваться, но скованное сном тело не разжимало губ. Сглатывая жидкость, отдающую чесноком, я ощущала, как она просится назад приступами тошноты, а Альхазред всё смотрел, смотрел, не отвлекаясь и не шевелясь, будто он полноправный хозяин в моей голове, и я всего-то гость, забредший сюда случайно.

В припадке паники я мысленно обратилась к Ньярлу, слабо ощущая его присутствие:

— Прогони его! Скажи, чтоб он перестал на меня глядеть!

Спустя несколько долгих секунд послышался растерянный голос спутника:

— Но о ком ты, Софи?

Надеясь проснуться, я бросила все свои силы в крик, но наяву лишь жалобно завывала и тонко всхлипнула, как раненое животное.

Чьи-то грубые ладони легли мне на щеки, лоб соприкоснулся со лбом, видения и тревожные образы в мгновение ока смыла буйная прозрачная вода, очистив и успокоив мой разум.

— Не для того, я так долго с тобой боролась, чтобы ты так легко победил, Альхазред.

Обоняние уловило стойкий запах трав и металла. Перед мутным, затуманенным взором показался новый человек, тоже знакомец, но тот, которого я никогда не ожидала больше увидеть. Голубые яркие, как лунный свет, искры скрылись под пушистыми черными ресницами, вернув их хозяину привычное недружелюбное выражение, омраченное теперь еще и увечьем. Правую глазницу прикрывала повязка, а часть лица под ней была красноречиво изрыта когтями некоего зверя.

— Мом?

Парень не потрудился ответить, равнодушно отвернувшись и оставив меня в небольшой темной каюте одну. Ему на смену всего через минуту-другую вновь пришел Каин, осунувшийся и заметно уставший, но всё такой же жесткий и спокойный, как раньше. Скинув свой угольный пиджак на спинку стула, он не спеша закатал рукава рубашки, невольно показав перебинтованные по локоть руки, и аккуратно проверил повязку на моем горле.

— Расскажешь, что случилось?

Я стыдливо поджала губы. Просьба некроманта была настолько тихой, что мгновенно потонула в шуме за бортом, пении половиц и стуке шагов по палубам, но даже лишившись слуха, я бы поняла сказанное по губам. Конечно ему было интересно знать, какого лешего я оказалась на заводе, почему при мне нет подаренного артефакта и почему его приказ еще не был выполнен.

— Я... мы были на охоте, я почти достала короля, но на нас напали, желающих занять престол оказалось неожиданно много.

— Ясно. Дальше.

— Нас посадили в подземелье, там были пленники с кристаллами, как у Аван когда-то. Когда я выбралась, на меня напали, всё стало рушиться...

— А Авель?

— Сбежал.

Даже на экзаменах мне не было так страшно отвечать на вопросы, как сейчас. В груди разрастался холодок, голос предательски дрожал, пальцы Каина, лежащие на горле невесомо, скользнули по коже, проверив, нет ли цепочки на шее, будто цепляясь за ускользающую надежду.

— Не мог он сам забрать кулон.

— Не мог.

— Не оправдала ни моих средств, ни ожиданий.

— Я всё еще могу исполнить долг!

Некромант поморщился, как от зубной боли, в его глазах нарастало пламя злобы.

— Да неужели.

— Но перед тем, я прошу, поговори с братом.

— Софи! Какая глупость тебе в голову ударила?

— Он примет нас во дворце как желанных гостей, он выслушает, я клянусь.

— А что дальше?

— Я в праве убить.

— Это он тоже примет желанно?

— Нет, но нужно хотя бы попытаться решить всё мирно.

— Для чего? Для его мира или для моего?

— Ньярл годами пытался смешать черное с белым.

— Ньярл мертв.

Дыхание перехватило так неожиданно, словно я погрузилась в ледяную воду. Скрывать нашу маленькую тайну больше не было смысла, но нужные слова с трудом находились в голове.

— Он за свою жизнь немало сделал ошибок и большую из них хотел бы предотвратить, вместе вы сильнее, чем порознь.

— Тебе-то откуда знать, Софи! Не выдумывай лишнего!

— Со мной вся его память, все его прошлые и нынешние чувства.

Каин вздрогнул, прожигая меня взглядом, на его лице смешалось удивление и робость. Поднявшись на ноги, он, будто тигр в клетке, заходил по комнате, ладонью нервно потирая щеку на щеках.

— Не верю.

— Так проверь, спроси меня о чем угодно, я расскажу.

— Он не отказался бы от мести.

— И не откажется, путь может быть иным, и виновен в беде Сомны не только Авель.

Подумай сам, как много помогали целестинцам иные народы, в том числе эльфы.

— Ты говоришь о...

— Древе, ему нужно было пропитание, о нем заботится эльфийский король, а от короля мир узнал о святой.

Остановившись возле стула, Каин замер. Руки потянулись к многочисленным карманам в пиджаке, вытаскивая на свет смятую пачку сигарет. Надеясь достучаться, я продолжила увещания:

— Убьешь Аврелиана сейчас и потеряешь союзника. Ты погрязнешь в междоусобных стычках здесь и будешь слаб.

— С любой из них по силу мне расправиться в кратчайшие сроки.

Выпустив струйку дыма, как-то он странно посмотрел на меня, с вызовом и строгостью, будто я посмела усомниться в мощи некроманта. Смутившись, я отвернулась, подтягивая одеяло к груди. Тело ныло, но множественные повязки исправно стягивали конечности, неприятно охлаждая кожу остатками магии и мазей.

— И тем не менее Ньярл просит подумать.

Кто бы мне голос дал.

Молчи, ты уже достаточно сделал.

— С чего бы ему просить!

— Он сам потерял многое из-за недомолвок! Представь хоть на секунду, как сложилась бы судьба, знай Авель о старшем брате, который мог бы направлять его, дать свой пример и помогать.

— Так говоришь, будто король — лишь малое дитя.

— Конечно нет, но даже он осознает сколь сильно ошибался. Авель насильно был лишен возможности понять тебя и прочих некромантов.

— И что, теперь мне нужно всё немедленно прощать?! Кланяться в ноги и раздавать советы?

— Нам хватит и простого объяснения, расскажи о себе и Аван.

— Королю в посмертии не все ли равно будет...

— Не всё равно, я могу сказать об этом твердо.

Очередное облако дыма пролетело совсем рядом. Смяв остатки сигареты, Каин поджал губы и подхватил пиджак, явно собираясь уйти. Чуть не подскочив за ним, я постаралась произнести как можно тверже.

— Так просит Ньярл. Поговори с братом.

— Дед всегда был слишком мягок и первый же страдал от этого.

Напряжение спало так же резко, как и появилось. Время для уговоров вышло. Некромант не торопясь развернулся к выходу и сдвинул щеколду, короткий отзвук неожиданно резко полоснул слух.

— Я расскажу о нас сестрой, но большего не будет. Уже к закату Целестия падет.

Дверь хлопнула прежде, чем у меня прорезался голос. Каин оставил последнее слово за собой, отрезав даже мизерную возможность оспорить его мнение, но честно говоря, несмотря на всё, я была рада. Такая крохотная победа в моем случае это уже огромное достижение.

И чего же ты добилась?

Капли мира, отсрочки и целого дня без кровопролитий, сам бы сделал так много?

Пожалуй, нет...

То-то же.

Мне бы не понадобилась такая блажь.

Ну да, конечно, лучше ведь, чтобы все перерезали друг другу глотки.

Софи...

Тебе сложно меня понять, но оглянись и подумай, чего больше всего всем не хватало? К чему все так стремились, отказывались и от чего страдали? Проще всего судить, когда ты сам слеп и невежен, как люди вокруг, как все остальные слепцы и глупцы.

К чему ты клонишь?

К знаниям я всех клоню, к тем самым, что так достигаемы и непонятны. Сокрытые и лежащие у толп на виду, о прошлом, о будущем, о запретном, об иных, о чувствах, о

родственников, о жизни вокруг. От них мы мучаемся, приобретаая, но без таковых еще сильнее грешим.

Считаешь, что это что-то поменяет?

Уже. И если мне суждено пройти по одному из двух путей, стать копьём иль плотью его принявшей, то уж лучше я буду на той стороне, где мне будет ясна и причина, и исход.

Наивно предполагать, что ты знаешь всё.

Но больше, чем остальные, по этому пути меня ведет судьба и внутренний компас. В свое время ты построил Храм в честь собственной веры в то, что уже почти забыл, а мне поручено строить иное. Свой храм ради знаний, не такой, как у Альхазреда, но всё же...

Маловато, чтобы потягаться с ним.

Конечно, и впереди меня ждет путешествие к тем, что три тысячи веков по-своему сохраняли мироздание, от запретных тайн оградив.

Кочевники.

Да, зарцы, ежедневно рыщущие в пути.

Но ради чего?

У меня есть возможность победить зло его же оружием и не только жальщим владельца копьём.

Наивно надеяться «победить».

Может быть, но, оттянув время... Кто знает, вдруг у меня выйдет если не избавиться от скверны, то хотя бы найти возможность разделиться с тобой, или даже наоборот.

Объединиться?

Уступить место, но только попав в тупик и прежде всего испробовав иные варианты.

Мне остается лишь еще немного подождать.

Думай как хочешь, но, желая смерти Авеля, ты ничуть не лучше его отца.

Как много гадостей ты собираешься еще сказать? Зачем вообще ты вцепилась в жизнь этого мальчишки? Так сильно прониклась к нему доверием? Неужели влюбилась? Может, он слишком сильно напоминает тебе другого человека из твоей жизни, которому ты привыкла угождать?

Предположение Ньярла прозвучало как самое настоящее предательство, как нож в спину, и уж кто-кто, а воплощение мести лучше всех был на такое способен. Мгновенно вспыхнув ненавистью и смущением, я, несмотря на боль, вскочила с постели, вскипая и задыхаясь от злости.

— Не смей вспоминать это, гадливый ты старый хрыч! Не смей заикаться о нем! Я прокляну тебя и весь твой род, если ты еще раз подумаешь о подобном! Я глотку перережу, чтоб ты и все остальные Блэквуды разбирались со своим дерьмом сами! Чтобы еще раз, еще раз я помогла хоть кому-то из вас, неблагодарных чертей! Столько раз рисковала зря, столько сил потрачено впустую, ради такой награды?!

За спиной крайне некстати с шумом захлопнулась дверь. Развернувшись к ней едва не с кулаками готовясь прогнать любого, кто посмел без стука сунуться ко мне, я с удивлением встретила взглядом с Момом. Сам он, тоже изрядно изумленный, молча протянул тарелку с супом, то ли ограждая себя, то ли объявляя перемирие.

— Обед.

Вышедшая из берегов ненависть остыла так же быстро, как и загорелась. Совершенно не зная конкретно этого Блэквуда, я даже близко не представляла его реакцию.

— Я... ты слышал?

— Это не моё дело.

— Извини за эту сцену.

— Я устраивал куда хуже, тут тебе нечем поразить.

Стушевавшись еще сильнее, я приняла тарелку из рук и села на край постели, подув на еще горячий суп и взяв ложку в руки. В этом безумном мире такой спокойный и беспристрастный Мом вдруг показался лучшим собеседником.

— Я была едва знакома с тобой, но даже так, ты... довольно сильно изменился.

— Да, есть такое.

— Как Гекате это удалось?

Парень равнодушно пожал плечами, садиться он не желал, но и уходить не торопился, будто ему тоже было о чем поговорить.

— Не знаю, она меня так ловко освежевала и выпотрошила, шкуру выкупала, высушила и заново надела.

От неожиданности я едва не проглотила ложку, бульон неприятно обжег гортань. Мом тут же оказался рядом, аккуратно поддержал тарелку и умело постучал ладонью по спине. Справившись с кашлем, я услышала его тихий извиняющийся голос.

— Это шутка, вышло не очень удачно.

— Мягко сказано, ты уже пробовал ее на ком-то?

— Н-нет, с остальной семьей я предпочитаю не говорить вовсе.

— Почему?

— Так... будет лучше. Тебе я не успел навредить, а их... я боюсь.

— Наверяд ли кто-то решит отомстить.

— О, месть — это мелочи, с ней всё было бы проще. Реши кто-то из Блэквудов наказать меня за прошлое, я буду только рад и первый предложу орудие на выбор, но видеть призраки их боли, нанесенной мной, гораздо-гораздо хуже. Невыносимо. С тех пор как Геката заставила меня сопереживать, каждый день, каждый час и каждая минута рядом с семьей — это страшнейшая пытка. Проклятье, дарованное мне, чудовищнее любой фантазии, я вижу, что сотворил, и вынужден жить с этим.

Я заметила, как мелко трясутся пальцы Мома, держу пари, его кинжал уже не так легко попадает в цель. Смутившись, будто сказал лишнее, парень отвернулся было к двери, но я поймала его ладонь. Вопрос, вертевшийся на языке, был болезненный и жестокий, но я не могла не задать его.

— Ты уже виделся с...

— Я надеюсь, что судьба никогда не сведет нас вместе.

— Но она...

— Она же простит меня, наверняка уже простила, и такого я выдержать не смогу.

Считая разговор законченным, он выдернул руку, не прощаясь развернулся и вышел за дверь. Будто бы вторя смятению, корабль, чувствительно дрогнув, замер. Громкой бранью моряки на палубе объявили прибытие в столицу.

«Мы отправим солнце в нокаут Безудержным импульсом. Сила, которую не услышать, Обрушится громче, чем слова.» Les Friction — Louder Than Words

Я поспешно выбежала на палубу, мысленно готовясь к новой схватке. Против собственных слов, я была не уверена в том, что охрана порта или стража возле него не нападет на корабль темных, тем более полный не только моряков, но и магов, типичных воинов Сомны в черных накидках и с безликими светлыми масками. Простой фокус, если подумать, человек, скрывая лицо, не столько прячет личность, сколько снимает с себя некоторые внутренние барьеры, в таком виде можно проявить чуть больше жестокости, чем обычно позволяют рамки морали.

— Вернись и возьми меч, я не смогу присматривать за тобой постоянно.

Накинув на плечи легкое пальто, Каин нарочито осторожно поправил рукава рубашки и вновь закурил. На молочной ткани у локтя предательски яркой точкой показалось красное пятно. Мне хотелось спросить, что всё это значит, что задумал некромант и почему настолько спокоен внешне, собираясь прийти в столицу к светлым, но интуиция подсказывала, что ответ мне не понравится.

Невысокий моряк неприятной наружности что-то неразборчиво промямлил Каину своими полными губами и, выпучив глаза, уставился на меня. Его отекшая бледная лысина мокро поблескивала на свету.

— Что-то не так?

— В Санктуме небольшой переполох, но нам позволили пришвартоваться и даже сойти на берег.

— С условиями?

— Конечно, будто они могут их диктовать.

Кивнув помощнику, некромант подозвал к себе двух магов, отдав им приказ идти вперед. Невысокая девушка с белыми, волосами, выглядывающими из-под капюшона, звонко подтвердила приказ и потянула напарника за собой. Спустившись на пирс первыми, странная парочка с явным знанием дела скрылась среди теней, будто их и не было. Чуйка подсказывала, что они точно бывали тут раньше, возможно, как и многие в Сомне, родились среди светлых, но бежали отсюда, как Уэсты когда-то.

— Не видела их раньше.

— У них всегда особые задания. Парень... из древнего рода целестинских аристократов.

— И ты даже ему доверяешь?

— Им обоим.

Выкинув окурки в серые мрачные воды, Каин развернулся к трапу, не спеша собираясь сойти на пирс. Нервно оглядев собравшихся у причала работников, я догнала некроманта, заметив, как к берегу подходят еще несколько кораблей из Сомны. Угольные смолистые борта занимали всё больше пространства, грозно возвышаясь среди мелких суденышек для местной перевозки.

— Какой у тебя план? Что ты вообще задумал?

— Занять как можно больше территории в столице.

— Но... этого мало, чтобы подавить армию короля, тебе понадобится больше людей.

— Нет, мне не нужны люди, только помощники, батарейки, если так будет понятнее.

Идем.

Сделав первый шаг на скрипящий настил у пирса, Каин как ни в чем не бывало сошел вниз, ведя за собой как по команде собравшихся воинов в масках. За длинными черными полами одеяний не было видно никакого оружия, ни кинжалов, ни мечей, но сам их вид и количество приводили работников в ужас. Вместе с тем, взглянув в настоящее лицо Блэквуда, те, кто видел собственного короля, робели, не в силах запретить или остановить темный поток гостей. Авель не часто выступал на публике, но те, кто появлялся на праздниках или хоть изредка открывал газеты, не перепутал бы лик своего господина ни с чьим другим. Каин точно знал, что так и будет, рассчитывал на силу и неожиданность, но сейчас с явным удовольствием отдавал приказы и красовался перед светлыми начальниками.

— Господин, вы не Аврелиан, вы не можете быть им.

— Ты что, не узнаешь своего господина, щенок?

Капитан порта, немолодой мужчина с седыми бакенбардами на обрюзгших щеках, вышел вперед остальных на пирс, держа в руках меч наготове. Выставив его перед Каином и недвусмысленно замерев в стойке, он, кажется, собрался лично защищать свои владения от вторженцев. Его подчиненные, будто пробудившись от дурного сна, заметались, засуетились в панике, передавая сообщение остальным сослуживцам, к кораблям темных постепенно начал собираться народ из зевак, гостей и работников.

— Не смейте идти дальше, пока я не получу разрешение от короля.

— Я разрешаю.

— Вы...

Договорить капитан не успел, сделав всего шаг вперед и только намереваясь коснуться Каина кончиком лезвия, он оказался сбит чем-то похожим на крупного бульдога с кривыми когтистыми лапами. Из черных клякс под маслянистыми бортами кораблей полезли первые твари, призванные некромантами, один за другим они поднимались на берег, выползали, шурша плотной чешуей, стучали крепкими панцирями по гранитным плитам, цокали отростками, повизгивали, переговариваясь меж собой. Это были не те дикие чудовища, выдернутые Давидом из преисподней, а уже осознанные, сформировавшиеся помощники, занимавшие места у своих людей, если таковые были.

Этих демонов собралось такое огромное множество, что я не сразу поняла — их намного больше, чем тех воинов, что привел с собой Каин, и все эти «свободные» души действовали слаженно, как один, собираясь возле огромного, поистине страшного василиска, выбравшегося на сушу одним из последних. К этому времени рукава рубашки некроманта почти полностью наполнились красным. Излишки крови капали с них редкими каплями, недолетающими до земли и исчезающими в очередной зубастой пасти.

— Каин...

Виски сдавило от шума монстров, криков людей, от осознания, как долго и сколь много потребовалось для призыва этих тварей. Целая армия, настоящая и почти непобедимая, пока жив ее глава. Блэквуд, не шелохнувшись на пирсе, вокруг него бесновались чудовища, едва сдерживаемые, готовые пуститься в бой и разорвать всё, что увидят на пути, но Каин просто продолжал стоять, будто наслаждался произведенным ужасом, и лишь запоздало я увидела, как он бледнеет, как сжимаются плотно губы и подрагивают от напряжения пальцы. Он не отдышал, а уже сражался, заставляя монстров слушать свою волю. В таком виде он точно не

мог выступить против Авеля, но мог захватить Санктум, рассредоточив тварей по улицам. Как выяснила практика, никто толком не умел сражаться с порождениями Завесы, светлые были сильны в основном в убийстве людей, а не их чудищ.

— Тебе пригодится хотя бы клинок.

Мом подошел неслышно, словно перемены в характере сделали его абсолютно бесшумным и настолько тихим, что каждое появление казалось сюрпризом. Незаметной тенью встав рядом со мной, он тоже вперился взглядом в Каина, но в сияющей голубым радужке я отчетливо видела взор Гекаты. Похоже, наш серый кардинал использовал потомка как одного из своих бесчисленных воронов, для передачи посланий.

— У меня хватает оружия.

— То, что скрыто в твоих руках, решает судьбы слишком быстро.

Похлопав по многочисленным потайным карманам и портупее, Мом вытянул на свет небольшой клинок с ручкой в кожаной оплетке, едва оружие легло мне в ладонь, как искры чужой магии исчезли из глаза парня. Чуть поморщившись, он двинулся к остальным воинам, уже занявшим всю территорию порта.

Если я скажу, что черная волна, захлестнувшая столицу, прошла миролюбиво и без кровопролитий, это будет ложью, хотя видят боги, Каин не отдавал приказа нападать, только защищаться и занять оговоренные раннее точки на карте города. Полагаю, всему виной был внешний вид тварей и их количество, чей спокойный ход по улицам навел паники больше, чем некроманты и прочие маги, тянувшиеся следом.

Я видела, что можно было все сделать иначе, не пугать местных, не заставляя их в панике укрываться в домах или бежать на окраины, но Блэквуд совершенно точно не собирался церемониться. Верхом на одном из наиболее страшных и грозных чудищ, он специально шел в первых рядах, позволяя окружающим увидеть лицо их короля, он улыбался, мрачно и торжественно, как темная мессия, пришедший на земли к еретикам. Мне было жутко только от одного вида этого безумного парада, врезавшегося словно острие меча в плоть светлой столицы. Я чувствовала внутренне, что всё должно быть иначе, но против такой силы, такого зловещего празднества чужого превосходства просто опускались руки.

Маги, шедшие рядом, предложили мне накидку и маску, предоставляя возможность влиться в общий поток, но я отказалась, моё лицо, каким бы оно ни было, должно было послужить пропуском в королевский замок, если это еще было реально. Городская стража, спешащая к некромантам, захлебывалась только на подступи к главным улицам, ни их количество, ни качество не предполагало сопротивление такому вторжению, подмоги со стороны королевских воинов не ожидалось. Мне было искренне жаль этих людей, попавших не в то время и не в то место, многие из них были молоды и едва ли знали, какова на деле магия темных, это были не те, кто убивал в Сомне, не те, кто когда-то так же явился в Кадат. Глядя на них, я видела лишь случайные, совершенно необязательные смерти, причисленные к водовороту чужой мести.

Можно ли было сделать иначе? Можно ли было обойтись без лишней жестокости? Специально Каин наводит страх на жителей или только повторяет то, что когда-то видел сам?

— Сэра!

Знакомый голос окликнул меня совсем рядом, замотав головой и выбираясь из королевской «свиты», я нашла взглядом Томаса, нервно прижимающего к груди саквояж и замеревшего перед чем-то, что напоминало помесь кольчатого червя с собакой. Отогнав

демона коротким приказом, я поспешила к лекарю, чуть подрагивающему от пережитого страха и смотрящему на мое лицо с неподдельным ужасом.

— Что... что с вами стало, Сэра? Я едва узнал вас.

— Ничего, я так выглядела всегда, просто маска спала, и теперь я мне не нужно скрывать уродство.

— Не говорите так, уж мне ли не знать, что такое может случиться с каждым и жизнь после этого не кончается.

Неподалеку от нас послышался визгливый, мерзкий крик очередной твари, колокола у главного храма на площади тревожно зазвенели, собирая народ под сводами крепких священных стен. Что-то подсказывало, Габриэль может выпустить своих воинов для защиты или, не дай боги, возомнить себя настоящим генералом, первым напав на некромантов. Задерживаться надолго и самой провожать Томаса до дома не представлялось возможным.

— Я дам вам парочку наших в помощь. Сможете укрыться дома?

— Никак нет, нет, мне... нам нужно уехать из столицы как можно скорее.

— Не совсем понимаю, как это устроить, на выездах сейчас будет не проехать.

— А порт?

— Порт нам принадлежит сейчас, если хотите...

— Очень хочу, Сэра, это вопрос жизни и смерти, ни мне, ни Дею нельзя оставаться здесь.

Чувствуя неладное в голосе Томаса, я присмотрелась к нему получше, для человека под защитой темных он переживал слишком сильно.

— Почему?

— Я... не был честен ни с кем из тех, кому помогал.

Пришлось напрячь память, последний раз я встречалась с Уиннами довольно давно, когда привела на лечение горничную и когда навещала Дея с...

— Кейн.

— И не он один. Простите, если это разочарует вас, но ни один лекарь в Санктуме не был вовлечен в такое количество тайн. Мне довелось увидеть вашего отца при лечении у Дангана, я видел завод и творящееся в нем, я знал о том, что ваша сила куда больше, чем вы показываете людям, — дрожащими пальцами Томас поправил съехавшие очки, отворачиваясь от меня. — Не знаю, зачем говорю это сейчас, но просто знайте, если рухнет хотя бы один из этих столпов, вся моя семья будет погребена под завалом.

— Уже рухнул.

Старый хитрый жук с огромной светящейся лампой в процедурной комнате. Уинн побледнел, поджимая губы, и, сильнее стиснув саквояж, покачал головой.

— Значит, нужно бежать, хотя бы Дею, мой мальчик ничего об этом не знал...

— Я помогу вам, отдам должное, но посоветую всё же быть осторожнее в связях.

— Премного благодарен.

От главной площади, всего в паре кварталов отсюда, послышался жуткий шум и еще больше криков. Быстро оглянувшись, я хотела было окликнуть кого-то из воинов Каина, но двое стражей вдруг сами подошли ко мне, отозвавшись почти забытыми голосами.

— Давно не виделись, госпожа Софи, Джуд о вас вспоминала и часто ругалась.

— Джуд?

Нахмурившись, я попыталась понять, кто стоит передо мной, прозвучавшее имя было знакомо, но не настолько, чтобы сразу догадаться. Один из юношей, чуть замаявшись, поднял

маску, показав лицо, второй спустя мгновение сделал так же.

— Эхион, Ерит, боги, я думала, больше не встречу вас.

— То-то и видно, совсем не приезжаете в поместье.

— Кто бы мне позволил.

— У вас какое-то дело?

— Д-да, сопроводите, пожалуйста, семью Уинн в порт и оттуда куда они скажут, в Санктуме они в опасности.

— Вас поняли.

Близнецы одновременно кивнули и послушно повернулись к Томасу. Старый лекарь, вновь заволновавшись, поймал мою руку, стиснув ладонь в своих пальцах.

— Спасибо, спасибо Сэра.

— Присмотрите и за Ларой, пожалуйста, я хочу, чтобы она была в безопасности.

— Конечно-конечно, уж Дей без нее точно никуда не уедет. К зиме буду нянчить правнуков.

Благодарно улыбнувшись, он отпустил меня и наконец-то направился к дому под чутким надзором Эхиона и Ерита. Тем временем шум на главной площади уже затих, рядом не осталось больше воинов Каина, но саму процессию еще было слышно где-то вдаль.

Если потороплюсь, то успею настигнуть их на половине оставшегося пути до замка.

Словно в укор моим надеждам, над головой послышался раскат грома от подступающей к столице непогоде. С моря, и без того прохладного и темного сегодня, тянулись свинцовые тучи, низко склоняясь к крышам домов, заглядывая в плотно закрытые окна и обещая еще больше бед для оставшихся на улице горожан. Солнце, обычно яркое в Санктуме, тускло прямо на глазах, воздух словно подернулся едва заметной дымкой, наполнился напряженным ожиданием и густой тишиной, будто намеренно заглушавшей и крик воинов, и плач целентинцев.

Сердце сжалось в предчувствии грозы.

Тревожная судорога осознания заставила меня сделать первый шаг и тут же бегом пуститься к темным, лишь мельком отмечая, как опустели дороги, дворы и даже торговые проспекты, все, кто мог, уже ушли или спрятались, те, кто не мог, лежали на светлых тротуарных плитах в багровых лужах растекшейся крови. Демонам не было приказа есть людей, или собирать останки, жуткое расточительство для некроманта и неожиданный шаг навстречу светлым.

На открывшейся моему взгляду площади раскинулась подобная же картина, только погибших было явно больше. Там, где еще в начале весны был праздник, ярмарка и огромный шатер автоматов, сейчас виднелись выщербленный камень, кровь и плоть на бледной брусчатке. Плотными кольцами сомкнув ряды, потрепанные, но стойкие храмовники держали защиту своего храма, огромными, серебристыми щитами выстроив настоящую стену перед входом. Могу поклясться, они первые атаковали некромантов, надеясь отбросить их с главной площади за реку и заставив рассредоточиться на обходных мостах, но силы были явно неравны. Теперь, отступив к самому безопасному зданию в городе, светлые замерли в ожидании.

Осмотрев беглым взглядом тела, оставшиеся под накапывающим дождем, я не увидела среди них Мелуни-старшего, чудовище укрылось в собственных владениях. Сколь сильно мне ни хотелось бы достать этого засранца, сейчас стоило продолжить путь, оставив этот акт мести на потом.

Спасая Авеля, ты поощряешь появление вот таких людей в Санктуме.

О, что ж, если мы убиваем всех плохишей, то давай и к Томасу вернемся, избавимся от него, от Дея и от Лары, а потом нагоним Каина в замке и уничтожим всех его обитателей, кроме разве что детей, хотя Марк, возможно, тоже успел где-то совершить ошибку.

С тобой невозможно говорить.

Тебя никто и не просит.

Над головой послышались новые раскаты предстоящей бури, резкий холодный ветер подтолкнул меня в спину, вынуждая ускориться. Мимо пролетел газетный лист, на первой полосе всё еще красовалось фото со свадьбы Аластора. Как давно это было, хоть и совсем недавно. Ощущение времени обманывало как никогда.

Я догнала безумный темный марш из некромантов, магов и их зверинца только у самых ворот, под разразившийся ливень на столичных мрачных улочках. Внешняя стража хмуро смотрела с башен на простирившееся внизу черное море и, судя по всему, собралась стоять насмерть, защищая свой последний рубеж, бесценный замок и королевскую семью, но Джер, единственный, кто остался на дороге перед Каином, не выглядел так же грозно, как его люди. С неизменной зубочисткой в зубах он скалился не хуже клыкастой твари под наездником. Понимая, что некроманты первыми атаковать не торопятся, начальник стражи будто даже расслабился, лишь оббегая взглядом воинов. Заметив меня и радушно протянув руку, он словно пригласил поболтать, на деле же расправив плечи и сильнее насторожившись.

— Сэ-эра, не расскажешь мне, к чему этот цирк?

— Авель обещал меня впустить, с кем бы я не пришла.

— Да, но...

— И принять как гостей. Не думаешь ли ты, что он может отвергнуть брата и племянницу?

— Брата...?

Выгнув бровь и повернувшись к Каину, Джеральд проследил, как Блэквуд спустился со своего монстра на землю и подошел ближе, с вызовом глядя на начальника стражи.

— Старшего брата, ты, я полагаю, защитник короля?

— Да...

— Значит, должен служить мне.

— Авреллиан...

— Узурпатор, но это ненадолго.

Джеральд поднял вторую бровь, его взгляд обратился ко мне.

— Джер, я прошу тебя, я всеми силами пытаюсь обойтись без лишних смертей.

— Заметно.

— Авель клялся мне, если не желаешь его смерти, топусти нас.

— Племянница, значит.

— Как видишь.

— Вижу.

С другой стороны ворот Джера кто-то окликнул и подозвал к себе. Ему пришлось взять перерыв в переговорах, но выслушав послание, мужчина странно на меня посмотрел. Спустя мгновение раздался короткий приказ и двери начали открываться, как можно громче Джеральд объявил:

— Велено пустить не больше пяти человек.

Я успела только рот открыть, как Каин с усмешкой отозвался:

— Ты же понимаешь, что я могу сейчас пройти со всеми сразу?

— Каин, пожалуйста, не нужно, это лишнее.

— Я имею право явиться как король, а не как гость.

— Но ты никогда не кичился положением и никогда не собирал вокруг себя охрану, как Аврелиан.

Манипуляция была бестолковой, чуть ли не детской, Джер укоризненно посмотрел на меня, тоже не надеясь на действие моих уговоров, но Каин неожиданно ответил:

— Что ж, я всегда могу призвать своих подручных, раз брат так держится за свое превосходство.

От воинов за спиной Блэквуда отделилась уже виденная мною парочка, ушедшая с корабля раньше всех, и Мом, словно только обретший собственную сущность среди безликих магов. Увидев его, часть стражи заметно дрогнула, в ближайшей башне показалось движение и переговоры, но Каин будто не заметил этого.

— Веди нас, защитник.

Джеральд не выглядел довольным, впус­тив нас на мост веду­щий к замку, он сохранил внешнюю уверенность и спокойствие, но взгляд то и дело метался от черного роя клоко­чущих монстров за хлипкими, мало что значащими для них стенами, к Каину, величавому, перепачканному в крови и такому похожему на Аврелиана. Еще больше внушала навязчивый трепет улыбка Блэквуда. Да, он улыбался, смотрел на высоченный замок перед собой, на богатство витиеватых украшений, на людей, испуганно льнущих к окнам, охрану, не сводящую глаз с лица гостя. Наверняка он уже представил всё это своим, уже готов отдать первый приказ, руку только протянуть и смахнуть ладонью незваных засильцев.

Не представляю, какой бардак и паника скрывается за молочными каменными лозами и колоннами-деревьями внутри. Испуг домочадцев, слуг и подчиненных ощущался кислым привкусом на корне языка. Гроза высекала на хмуром небе новый росчерк, почти сразу после нее послышался раскат грома, да такой силы, что отдавался легкой дрожью в груди. Чернильные сгустки опустились так низко к крышам, что самый верхний этаж королевского замка быстро скрылся за ними.

Расторопные стражи распахнули главные двери обители светлых, выжидающе глядя на Джеральда и готовясь вот-вот напасть или запереть лже­короля в фойе, как в ловушке, но их старший молчал. Угрюмо и напряженно, упрямо и холодно. Молчал, когда мы впятером последовали за «защитником» на лестницу к переговорной, молчал, когда редкие золоченные иконы Солара вдруг побледнели и потрескались, осыпаясь на дорогие ковры сухими кусками краски, молчал даже когда Марк, выглянувший в коридор и с любопытством встретивший дядю, наотрез отказался уходить, пока его силой не увела охрана.

В отполированных дорогах канделябрах, в зеркалах с массивными рамами, отблеске многочисленных подвесок из горного хрусталя виднелись наши темные отражения, невольно приглушая яркость и помпезность дворца. Еще никогда я не чувствовала так сильно свою отчужденность, и еще никогда эта красота вокруг не казалась такой хрупкой. Дорога до третьего этажа показалась бесконечно долгой, мы словно стали тенями на празднестве света, и лишь безликая помощница Каина едва слышно посмеивалась и что-то шептала про себя каждый раз, когда та или иная икона приходила в негодность. Мне хотелось осадить девушку, попросить прекратить, но стоило мне повернуться, как ее спутник заметно покачал головой. Пришлось промолчать и идти дальше, к приветственно распахнутым дверям, за которыми скрывался уже давно знакомый зал переговоров с длинным дубовым столом и Авелем во главе него.

— Здравствуй, братец, не думал, что когда-то встречу тебя.

Даже не пытаясь притвориться, что был занят, Аврелиан замер возле своего места и нервно вздрогнул, взглядевшись в посетителей, как и многие в замке, он не мог ни спрятать своего изумления, ни отвернуться, лишь с беспокойством теребя пальцами кандалы. Он, как и Каин, тоже не был готов к дуэли, хоть и успел сменить одежду и смыть грязь, но бледное бескровное лицо застыло, как маска, камни на браслетах явственно светились золотым, следы от побоев Давида были стерты не до конца. Полагаю, супруга еще не успела достаточно восстановиться для помощи королю.

— А я ждал, когда этот день настанет. Готов попрощаться с дворцом? Хочу как можно скорее начать ремонт. Нынешняя обстановка слишком... светлая.

— Каин, прошу, позволь мне объясниться...

— О, не утруждайся, я не собирался тебя слушать.

— Но есть еще шанс всё исправить.

— Тебе так кажется, и ты, как всегда, обманут собственной недалечностью.

Исправить, увы, уже ничего нельзя, лишь выгадать время, раз уж я обещал Софи рассказать о нас с сестрой, то пускай так и будет, мне даже жаль, что она осталась в Кадате.

— Я могу вернуть тебе Сомну, есть документы...

— О, этот бесполезный мусор? Хотя бы в одном из них рассказано, как великий светлый король взял двух младенцев и распорядился уничтожить их?!

— Нет.

— Говорило ли хотя бы одно донесение, куда именно пропали пленники, взятые в Сомне? Или, может быть, есть информация о том, как вы пытаете неугодных?!

— Каин, я клянусь, что это больше не повторится.

— Больше и не надо, спасибо, нам всем вполне хватило целестинских щедрот.

— Каин...

— Мне мерзко слышать свое имя из твоих уст, ты даже это умудряешься испортить.

— Я всегда стараюсь исправлять свои ошибки, если ты поможешь мне...

— Тебе?! Помощь?!

— Мы можем договориться.

— Умрешь ли ты сразу или придется тебя довести до этого длинным путем?

Распаляясь в высказываниях, Каин подходил к Аврелиану всё ближе, то и дело стараясь перейти ту черту, за которой король больше не был бы в безопасности, но Джер и Мом вовремя вклинились между ними. Уверена, ни один из помощников не верил в хороший исход, и я сама не могла подобрать таких слов, чтобы примирить братьев хотя бы чуть-чуть, но младший Блэквуд, вдруг подошел ко мне и, отведя в сторону, вновь испугал неожиданной переменной внешности и голоса.

— У тебя есть немного времени, чтобы закончить дела, я присмотрю за ними.

— Геката? Ты сможешь помочь мне?

— Если ты надеешься, что, щелкнув пальцами, я сотру их разногласия, то нет. Даже забравшись в их головы, ты не сможешь поменять убеждения.

— Значит, всё бесполезно?

— Если ты так решила, то да, бесполезно, а если ты не готова опускать руки, то кое-что еще сделать можно. Никто во всем мире не может предоставить тебе «правильный» вариант событий, тебе придется придумать всё самой.

— Не понимаю.

Выждав тяжелый осуждающий вздох ведьмы, я чуть не сгорела со стыда, но она всё же ответила:

— Делай то, что считаешь нужным. Вот и всё.

Послушно кивнув, я повернулась к выходу, последний раз посмотрев на Каина. Его руки дрожали, пальцы крепко вцепились в спинку ближайшего кресла. Он явно был на взводе, но большую часть сил уже съело демоническое войско.

— Хватит трусить, Авель! Хватит бояться, поздно жалеть о прошлом, пришло время расплачиваться за содеянное. Я припомню, чья кровь на твоих руках и как жестоко ты обошелся с нами.

Воспользовавшись очередной вспышкой агрессии Каина, я выскользнула из зала

незамеченной, чуть ли не бегом направившись к старой спальне. Большая часть стражи, дежурившей в коридорах, смотрела на меня ошалело, упорно стараясь создать видимость нормальности, обыденности ситуации, будто ничего странного в этом дне, в этой работе сегодня нет, но нашлось немало и тех, кто отнесся к моему появлению отстраненно и неожиданно равнодушно. Последние собирались в небольшие компании и, пользуясь переполохом, обсуждали что-то, склонившись друг к другу и почти неслышно споря. Лишь самым краем уха я смогла разобрать:

— Кейн был прав... Авель в стоворе с темными...

Как же хрупки чужие убеждения.

Еще бы, короли за последние несколько дней меняются как перчатки.

Преодолев отвратительно длинный коридор, полный истуканов в начищенной броне, я перешла в жилой корпус и поднялась на этаж собственной спальни. За обманчиво надежной дверью я готова была встретить что угодно: от погрома до опустошенных стен, но мироздание сделало крохотный шаг навстречу — в моих покоях я не нашла следов чужого вторжения.

Распахнув створки шкафа, я, не церемонясь, вытряхнула украшения и безделушки, пытаясь вспомнить, куда убирала куколок для Каина и Аван. Тревожное сознание словно специально мутило память, а пальцы, будто искривившись вмиг, перестали крепко цепляться за вещи в них.

— Да что ж такое... Ньярл! Я уверена, ты знаешь где они!

Там же, где и всё связанное с Лилит.

— Колье!

Отбросив всё лишнее, я забралась вглубь полок и вытащила нужный футляр, под кровавым украшением, зловеще блеснувшим в полутьме, действительно нашлась пропажа. Осталось вернуть подарок матери ее детям.

Спрятав куколок в кармане своей потасканной куртки, я вышла из спальни и уже направилась к лестнице, считая, что дела мои на этом закончены, как в боковом проходе к королевским покоям послышался тихий стук каблучков. Взъерошенная, чуть взмыленная горничная с ворохом пеленок и тряпок, нервно оглядываясь, пробежала мимо, торопясь отдать белье в прачечную. Видимо, присматривать за новой драгоценностью Целестии было не так-то просто. Проводив ее взглядом, я прошла в темный закуток на стыке старых и новых колонн, это место в свое время использовал еще Ньярл, чтобы передвигаться в тени, не привлекая внимания светлых.

Что ты задумала?

Тихо.

Припомнив внешность служанки настолько, насколько возможно, я провела ладонью перед лицом, как когда-то давным-давно учил меня маг. Пухлые щечки, пучок русых волос на голове и простая форма с длинным платьем и фартуком, ничего необычного, на прислугу в принципе редко обращает внимание аристократия, и это как никогда шло мне сейчас на руку.

Софи?

Не мешайся, мне нужно сосредоточиться.

Вылетев из закутка, я быстрым шагом направилась по знакомому коридору прямо к спальне королевы, мимо многочисленных псов-охранников и любимой двери комнаты принцессы.

Можно было, конечно, поискать потайные проходы или даже дернуть Марка в помощь, но всё это займет слишком много времени, на работу обыкновенной горничной, одной из десятка закрепленных здесь, едва ли посмотрят. Лишь старший из стражей, замерший у входа, недоуменно поднял бровь, при виде помощницы.

— Полотенце забыла.

Вздыхнув, но понятливо кивнув, мужчина открыл дверь, пропуская меня внутрь. Просторный холл, где обычно принимали самых близких и важных гостей, встретил меня полумраком, задернутыми шторами и стойким запахом молока. В груди неприятно екнула обида, но ноги уже несли меня к приоткрытому проходу в самую спальню.

Среди роскошных интерьеров с витиеватыми узорами трав, позолоты и посеребрения каждой ручки и выступа рисунка на шкафах и ящиках, среди обилия дорогих тканей и вопиющего богатства, на рукотворном ковре, ласково льнущем к ногам, нашлась люлька с длинными изогнутыми ножками в виде стеблей мирта, трогательными белыми цветками, наивно распахнувшими свои лепестки и явившими свету всю удивительную и скромную красоту. Подкравшись к кровати, как к драгоценному экспонату, я, забыв, как дышать, забыв даже моргать, склонилась к тонкому бархатному одеялу и впервые взглянула на ребенка, унаследовавшего душу моего покойного дитя.

— Здравствуй...

Я не представляла, что сказать, что сделать перед этим маленьким чудом, как отпечатать в памяти ее образ, как остаться рядом подольше, наблюдая, как ясные голубые глаза с любопытством обратились ко мне. Светлый кучерявый вихор на голове забавно торчал из-под шапочки, пухлые губы младенца звонко причмокнули, умилительно засопев, девочка вытянула ручку ко мне, рефлекторно хватая воздух. Словно замороженная, я протянула к ней ладонь и замерла, боясь спугнуть или ненароком обидеть ребенка.

— Даже имени твоего не знаю, но милая моя, надеюсь, ты будешь счастлива.

Розовые пальчики сомкнулись на моем пальце, и, дернув его к себе, девчонка, на миг замерев, вдруг одарила меня довольной улыбкой, с восторгом задрывав ногами и закряхтев. Моя дорогая кроха была рада провести время вместе, даже несмотря на то, что я для нее пока была никем.

— Если бы ты только представила, как сильно я тебя люблю.

Сердце гадко кольнула застарелая боль, настолько привычная, насколько и ядовитая, разъедающая изнутри и мучающая уже так долго, что стала моей полноценной частью. У меня не было выбора, даже если бы я осмелилась выкрасть ребенка у Мирры, моя жизнь оставалась настолько непредсказуемой и жестокой, что я едва ли могла спасти себя, не говоря уже о ком-то ином. Мозг лихорадочно просчитывал варианты, принимал и отвергал их один за одним, ведь можно было отвезти дочку куда-то в Кадат, может быть, к Гекате, или взять с собой к Блэквудам, но даже просто вынести ребенка из спальни было проблемой. Представляю, что бы сказали Каин с Авелем, заявись я с украденным дитя к ним.

Не время, никак не время, и никогда оно видимо не настанет, учитывая, сколько врагов я себе нажила даже внутри «семьи». И Каину невдомек, в какой кошмар он превратил мою жизнь, считает, что раз он жертвует многим, то и остальные должны, как бы не так.

— Ты могла бы уже научиться ходить, болтать без умолку и разрисовывать обои своими первыми шедеврами. За что они так со мной? За что они так с нами?

В безумном, глупом порыве чувств я протянула руки к ребенку, желая достать ее из люльки, но кровать предательски скрипнула. Из ванной комнаты по соседству со спальней

послышались шаги, в дверном проеме возникла тонкая, хрупкая фигура Мирры, облаченная в просторную светлую сорочку и длинный шелковый халат, расшитый серебряными нитями.

— Что ты делаешь?

Ее голос дрожал, синяки под глазами и изможденный вид говорили о бессонных ночах.

Я замаялась буквально на пару мгновений, всего какие-то секунды, но королева тут же призвала свой лук и натянула тетиву, хмуро и недобро глядя на меня. Воздух вокруг похолодел, предвещая появление стрел, магия готова была сорваться с пальцев. Мирра была решительна как никогда, настоящая защитница и хранитель своего дитя, но я не торопилась бежать или в панике прятаться, наоборот, я вновь присела возле люльки и прикоснулась к крохотной ладошке.

— Твои стрелы слепы, отпустишь тетиву и ранишь ребенка.

— Мразь. Кто ты, что тебе нужно от Марси? Я же вижу, ты — не моя горничная.

— Конечно, я не горничная так же, как и ты не королева, Слава.

— Ты...

— Помнишь, как мы пели в детстве? Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко, не будь ко мне жестоко, жестоко не будь...

Медленно опуская руки и ослабляя тетиву, она потрясенно смотрела на меня, поджав губы, будто не веря и не желая верить в свою догадку.

— Финка?

— ... без выхода и входа, к напрасному далёко, в напрасное далёко ты не пройдешь свой путь.

— Финка, ты... почему ты не сказала сразу? Почему прчешься за чужим лицом? Как... как ты вообще попала сюда?!

— Так же, как и ты, случайно, правда, мне не повезло получить эльфийского короля в помощники. Приходится выживать иначе.

Окончательно убрав оружие, она прикрыла рот ладонью, обдумывая мои слова, и быстро подошла ближе, коснувшись предплечья.

— Ты можешь остаться здесь, рядом со мной, я помогу тебе привыкнуть к новому миру.

— Не-ет, уже не нужно. Он меня ненавидит.

— Кто?

— Мир. С того самого момента как я попала сюда. Давит, мучает, выживает отсюда, как досадную оплошность, лишнюю деталь общего плана.

— Уверена, это не так, Финка, Фина, дорогая, я могу показать тебе иное, иную жизнь.

— Ты о себе то позаботиться не можешь, не то, что о других.

— Я — королева.

— Ты — глупая девчонка, возомнившая себя героем, бестолковая, непонимающая ценности чужих жизней и наивно полагающая, что многого добилась здесь.

— Да что ты вообще...

— Ньярл не был злодеем, хотя бы это ты должна была осознать после того, как твой главный союзник попросил у тебя такую огромную плату. Да-а, я в курсе этой дани. Давид мертв, но не думай, что тебе так легко спишут этот долг. Трейн заберет свое, глазом не успеешь моргнуть, как лишишься самого дорогого в жизни.

Отпрянув от меня, Слава вновь нахмурилась и сильнее запахнула полы халата. В таком виде она жутко походила на возмущенное приведение.

— Это ты так мне помочь хочешь? Спасибо, без советов справлюсь, я большего

добилась, чем ты можешь себе представить.

— Гордыня, чистая гордыня.

— Я уж думала, что хотя бы старая подруга меня поддержит, а ты такая же, как остальные.

— Я не собираюсь поддерживать убийства невинных и уж тем более кичиться этим.

— Да какая разница?! Что тебе с этих людей? Разве они все хоть на толику важны в сравнении с теми, кто остался в нашем мире?!

В ответ на повышенный тон Марси завозилась в кроватке, недовольно захныкав и словно обещая, что дальнейший разговор в таком тоне перерастет в настоящую истерику. Бросившись к дочери, королева отодвинула меня, принявшись успокаивать ребенка.

— Про свою семью так же скажешь?

— Они единственные, кто имеют значение здесь.

— Тогда не обессудь, я тоже защищаю своих.

Прижав к себе дочь, Слава хотела что-то сказать мне, но вновь отвлеклась. Воспользовавшись моментом, я выскользнула из спальни и поторопилась уйти. Не хватало еще случайно показать свое настоящее лицо. Стража косо посмотрела на меня, когда я оказалась в коридоре, но промолчала, лишь проводив своим цепким, изучающим взглядом.

Рассчитывая на то, что мои приключения в замке закончились, я завернула в свой темный угол, сбросив чужой облик, и двинулась к лестнице, но навстречу неожиданно как черт из табакерки вдруг вышла Катарина, облаченная в траурный черный цвет и растерявшая всю напускную моложавость. Завидев меня, она тут же поймала меня за руку, да так крепко, будто я была ее единственной надеждой.

— Сэра, мне нужна твоя помощь.

Лишние проблемы

Мне больно было смотреть на Катарину, больно было представлять, что переживает сейчас эта женщина, но вместе с тем я не могла не задаться вопросами: знала ли она о том, что делает ее сын? Помогала ли она ему? Поддерживала ли? Как сильно она связана с происходящим на фабрике?

— Аластор...

— Жив, хотя мне и сказали, что от него уже избавились, как от предателя, но он жив, и я прошу тебя найти способ освободить его. Серафина, умоляю, мне больше не к кому обратиться!

— Полагаю, на заключение были причины, к слову, из-за них же я не могу согласиться помочь вам. Я была в жутком месте, я видела, что там происходит, я знаю, как много кристаллов вы поставляете по всему миру, и моя семья уже единожды пострадала из-за этой чудовищной технологии. С чего вы вообще решили, что я пойду вам навстречу?

Катарина вздрогнула и отпрянула, как от пощечины, ее пальцы разжались, отпустив мою руку, во взгляде отразилось разочарование, но я ничего не могла поделать с тем, что Кейн, как никто другой, заслужил свою участь. Он мне нравился как человек, безумно нравился, все произошедшее не укладывалось в голове и отзывалось тянущей болью в сердце. В конце концов, в моей жизни было не так уж много людей, которым искренне хотелось верить.

— Вы уже спасли одного убийцу, а с другим гордо вошли во дворец, так почему Аластор не имеет права на спасение? Аврелиан сделал куда больше зла и для вас, и для Блэквудов, его вы защищаете, а нас нет, почему?

— Я не...

— Вижу в этом только корысть, вы оставляете только тех, кто может быть полезен вам, кого можно использовать.

Ее голос дрожал, угрожая вот-вот сорваться на плач, но с каждым словом в Катарине мне виделось все больше напряжения. Видела я таких женщин — при опасности, в момент трудностей они становятся настолько жесткими, насколько нужно, чтобы пережить все невзгоды. Пожалуй, наша Аван была точно такой же.

— Лично я вообще ничего не могу и ни за что не отвечаю, я только орудие и всё.

— Но вам решать, кого смерть поразит. Сэра, не оставляйте нас в беде, пожалуйста...

— Я не готова рисковать жизнью ради этого.

Госпожа Кейн поджала губы и отвернулась, будто уже собираясь оставить меня, но рядом прозвучал новый голос, его я не готова была услышать сегодня:

— Тогда, возможно, ты рискнешь ради меня?

— Уна...

Принцесса вышла ко мне, нервно стискивая в руках платок. В противовес образу свекрови, она была одета в светлое кремовое платье, расшитое бисером — наряд, подходящий больше для гостей или вечеринки с друзьями, был на ней только потому, что в гардеробе моей легкомысленной красавицы просто не предусмотрено было грустное траурное одеяние.

— Сэра, прошу, прислушайся к нашим мольбам, помоги ему хотя бы ради моего счастья, ты же любила меня.

— Но как же... как же ты...

— Он не тронул меня, Сэра, ни разу. И дал то, что никто и никогда на всем белом свете не мог раздобыть. Сэра, он подарил мне свободу, настоящую, без преград. Пожалуйста, не отнимай ее у меня.

Пришла моя очередь стыдливо отвести взгляд. Я правда не могла подарить Уне подобное, свобода — это слишком дорогая роскошь.

— Ты останешься замужем за сбежавшим преступником.

— Мы выиграем время, чтобы спрятать его и оформить документы надлежащим образом. Я больше не хочу, чтобы другие люди распоряжались моим счастьем.

Судорожно выдохнув, я опустила глаза в пол, желая мысленно подобрать слова для отказа. Не из вредности, а из чистого непонимания, как справиться с такой сложной задачей, но пока сознание перебирало варианты, пара идей задержались в голове, напомнив о том, как сама Катарина сбежала из темницы и что мне обещал один хитроватый водитель в королевском замке.

Отступив обратно к уже полюбившемуся мне закутку, я постаралась как можно подробнее и вернее повторить образ Мирры на себе. Не без помощи Ньярла, но это получилось крайне правдоподобно, к сожалению, сил ушло столько, что я едва ли еще раз повторю этот фокус в ближайшее время.

— Идем.

Увидев меня, чета Кейн немало удивилась и даже растерялась, но задавать вопросы они не стали. Время играло против нас, мы не знали, когда именно Аластора отправили под стражу и, тем более что с ним за это время успели сделать. Не знаю как Уна, но леди Катарина наверняка была наслышана о том, что порой творится в подобных местах, и дай боги, чтобы не прошла через этого самолично, как когда-то Каин.

Преодолевая многочисленные проходы и коридоры с охраной, я старалась не привлекать внимание и хотя бы не бежать как пожар, едва ли королева в ее состоянии могла себе это позволить, но стоило только перешагнуть порог подвала, судя по кладке одного из самых старых мест замка, как новый оклик заставил меня чуть ли не подпрыгнуть на месте.

— Моя королева, что ты здесь делаешь?

Подскочив ко мне в мгновение ока, Морохир, не глядя ни на Кейнов, ни на остальную стражу, тут же подхватил меня под локоть и помог спуститься с крутой лестницы на входе в прохладный затхлый этаж. Множество металлических, изъеденных ржавчиной дверей, тусклые кристальные фонари и жутковатое эхо напомнили мне о тех временах, когда Ньярл проводил в крохотной конуре день за днем, потеряв всякие человеческие права, и ужасное отношение охраны к нему.

Неприязненно передернув плечами, я чуть ошалело осмотрелась и постаралась говорить как можно тише, жестом дав знак Кейнам отойти и не попадаться на глаза.

Морохир лучше всех на свете должен знать свою госпожу и возлюбленную, так что отыгрывать ее придется осторожно, как никогда в жизни.

— Мор, ты можешь мне помочь?

— Что угодно, если это заставит тебя вернуться в постель.

Чувствуя излишнюю близость эльфа к себе, я попыталась мягко отстраниться от него, подняв ладони, но он расценил жест по-своему, поймав мои руки и начав согревать их. В неверном блеклом свете он на миг показался мне зловещим, чужеродным из-за странного отблеска света в угольных глазах. Первый черноволосый эльф, встреченный мной, если

подумать, даже странно, что создание Солара появилось таким.

— Освободи пленника, пожалуйста, это важно.

— Нет-нет-нет...

— Мор!

— Попроси что-нибудь другое.

— Но мне нужно это!

Опустив голову, он упрямо растирал мои пальцы, как собственную драгоценность, отчего мне еще сильнее захотелось сбежать. Где-то внутри нервное напряжение сжималось в тугую спираль, тело задеревенело, едва не дрожа от холода и неожиданной тактильности Мора. Как Слава вообще терпит такое отношение?

— Подобное больше не в моих силах.

— Свобода Аластора даст мне отсрочку дани, неужели ты это не понимаешь?

Словно пристыженный пес, он молча покачал головой, не в силах снова озвучить отказ своей хозяйке. Как последний упрямец, он казался непробиваем, а эльфийское терпение было будто бы безграничным.

Не видя иного пути, я мысленно пожелала себе удачи и достаточного упрямства, чтобы вытерпеть все последующие действия. Сделав шаг вперед, сократив расстояние между нами, я, почти не глядя, потянулась к Морю и коснулась своими губами его губ, тут же попав в мягкую ловушку объятий. Внутренне закаменев, замерев, боясь собственного гнева и истерики, я лишней раз постаралась даже не дышать, отрешившись от чувств, но нарочитая аккуратность, трепетность эльфа будто подкупили. Чуть дрожащими руками он прижимал меня к себе так осторожно, словно боялся навредить, надавить или излишне удержат рядом, и вместе с тем сердце, стучащее в груди под ладонью, едва не выпрыгивало, пока сам Морохир сгорал от нахлынувших эмоций.

Разорвав поцелуй и судорожно вздохнув, он скользнул губами по виску и тихо зашептал, чуть касаясь мочки уха:

— Слава, что же ты делаешь... нельзя... нельзя...

Стараясь унять вспыхнувший жар, он уткнулся в мои волосы, все еще обнимая так, что я могла выскользнуть, как только захочу, без намека на принуждение.

Еще никогда мне не было его настолько жаль и настолько стыдно перед ним.

— Я думала, что могу на тебя положиться.

— Можешь, конечно, можешь... бо-оги... да хоть жизнь мою забери, не жалко, только побереги себя. В подвале, в легкой сорочке и халате, как тебя вообще пропустили сюда.

Пряча глаза и отпустив меня, он быстро стянул с плеч куртку и накинул ее на плечи, получше закутывая меня и удостоверившись, что это вся одежда, которую он может отдать мне. Закусив губу и опустив голову, я дождалась, пока Морохир найдет стража с нужными ключами и жестом пригласит следовать за собой, в полутьму коридоров.

Уна и Катарина быстро оказались за моей спиной, молчаливыми тенями неслышно ступая по каменным плитам, я не видела их, не могла сказать, какие чувства отразились на их лице и чем томятся чувства, но извиняться за сцену я не собиралась. Мы были не в том положении, чтобы выбирать способы достижения целей.

Низкий потолок и близкие стены давили на нас, нехотя расступаясь только при движении крохотного светляка. Холод, тянущийся от пола, ощущался даже через подошву обуви. Воздух, спертый и затхлый, разбавлялся лишь редкими дуновениями из незримых щелей, принося с собой запах земли и стоялой воды. Жуткое место, совершенно

отвратительное, оно казалось еще страшнее, стоило только представить, что у большинства заключенных не было отсюда пути. Толстые дубовые двери, обитые железом, не оставляли шанса на побег, крепко запертые сразу несколькими замками. Остановившись возле одной из них, я проследила, как Морохир торопясь скидывает засовы и избавляется от преград. Поблескивающей влагой металл заскрипел в петлях, будто возмущаясь вторжению.

— Кейн...

Я позвала его, не будучи уверенной, что в небольшой неосвещенной камере вообще кто-то есть, но силуэт в углу заметно дрогнул, загремев цепями на руках.

— Надо же, какие гости.

Катарина прошла за мной внутрь, повесив над полом крохотный бледный светляк, отчаянно раздражавший уже привыкшие к темноте глаза, но вместе с тем отлично показавший, в каком состоянии сейчас находился Аластор. Последний раз, когда мы виделись в хижине королевского леса, он выглядел как настоящий аристократ и уважающий себя торговец, а сейчас... Обида еще теплилась в душе, мне хотелось отчитать, может, даже возненавидеть Кейна за его аферу, но как минимум лет через пять, когда кровоподтеки сойдут, когда разбитое лицо станет похоже на того харизматичного предпринимателя, что я встречала ранее, когда грязная порванная одежда сменится костюмом, а неестественно согнутая нога вновь будет прямой.

— Мор, найди, пожалуйста, водителя, зовут Финиан, пускай приготовит машину и будет ждать нас тут у выхода.

— Я пошлю за ним.

На мгновение замешкавшись, но все же оставив дверь открытой, эльф ушел, оставив нас одних. Уна звучно всхлипнула, не в силах заставить себя перешагнуть порог, Катарина, став белее мела, плотно поджала губы, старательно и аккуратно ощупывая опухшую ногу. Ее молчаливые слезы поблескивали, лишь падая на задубевшую от крови ткань.

Не зная, что сказать, мне оставалось лишь подобрать ключи и освободить руки Аластора под его пристальным взглядом.

— Надо же, Ньярл снова одержал верх.

— Не понимаю, о чем ты.

— Глаза, они тебя выдают, Сэра, ты часто хмуришься, а здесь, — он мельком показал на радужку. — Аж искры горят.

— А Ньярл...

— Об этом мне Давид сказал, он много всего знает и сразу понял, что семья моя родом с Сарруба, хоть и наше поместье отобрали после бесславной смерти маркиза.

Сняв последний, покрытый то ли ржавчиной, то ли запекшейся кровью обруч, я замерла, складывая пазл в голове с помощью неожиданного признания Кейна. Несмотря на собственное положение, он вновь улыбнулся мне весело, как раньше, будто мы оба в какой-то момент стали заговорщиками с общей тайной.

— Похищение Леброна.

— Похищение, спаситель и борьба за трон.

— Безумие.

— Как сказать, может, так и есть, раз я надеялся, что кончится всё иначе, чем когда-то.

Присев рядом с сыном, Катарина мягко коснулась ладонями его груди, проверяя, в порядке ли ребра, неловко вздрогнув и наклонившись к ногам, Кейн рвано выдохнул:

— Не беспокойся, матушка, большая часть проблем из-за ноги.

— Я не знаю, как увести тебя в таком состоянии, Сэра, ты можешь... подлечить его?

— Могу, но даже если мы выправим ногу, кость срастется криво.

— Не в нашем положении выбирать, он уже потерял немало крови. Милый, пожалуйста, потерпи, сейчас будет больно.

Закатав рукава халата, я переместилась к ногам Аластора и постаралась припомнить все случайно полученные когда-то знания об анатомии и медицине. Выходило, конечно, довольно скверно, и всё, что я собиралась сделать, было априори неправильно, но это позволит выиграть время, пока Кейны не скроются и не найдут врача.

— Не будет больно, но уточню, что Уинны уже уехали из столицы, а онемение спадет часа через три. Надеюсь, вы сможете разобраться с этим.

Призвав сначала некрос, я обволокла ею штанину до колена и только затем коснулась раненой икры.

— Уна, поддержи здесь.

Принцесса пробормотала что-то о собственной беспомощности, но послушно опустила рядом, дрожащими руками придерживав колено, где я попросила, и нескончаемо шмыгая раскрасневшимся носом. Улучив подходящий момент, пока помощница не успела действительно испугаться, я резко выправила ногу, услышав при этом довольно неприятный, тревожный звук. Уна отпрянула от раненого, прикрыв рот ладонью, чтобы не расплакаться сильнее, Аластор, обратившись к ней, принялся успокаивать, тихо благодаря за помощь.

Назвать это лечением язык не поворачивался, но, чтобы как-то зафиксировать результат, я обратилась к другой стороне магии, прохладным мягким светом восстанавливая часть повреждений. В это же время в коридоре вновь послышались шаги, и встревоженный Финиан показался на пороге, с удивлением оглядев представшую перед ним картину.

— В-ваше величество...

Оставив многотрадальную ногу в покое, я поспешила встать и подойти к водителю, поймав его за кисть и заставив внимательно посмотреть в глаза.

— Помнишь ты обещал мне помочь, увезти так, чтобы никто ничего не узнал...

На осознание того, кто действительно предстал перед ним, Фину потребовалось несколько долгих секунд, в течении которых брови водителя поднимались все выше.

— Сэ...

Вовремя закрыв его рот рукой, я кивнула на пленника, Катарина осторожно помогала Аластору встать.

— Спрячь Кейнов, пока шумиха не уляжется.

— А... а ты?

— Уже не нужно, я ненадолго здесь.

Диковато осмотрев пассажиров, Фин произвольно огладил карман со слегка очерченным силуэтом, похожим на пачку сигарет. Подумав несколько секунд, он молча ступил к Аластору и дал ему опереться на свое плечо.

Хотелось попрощаться со всеми, особенно с Уной, сказать всем хотя бы пару слов напоследок, но некстати появившийся на пороге Мор полностью отметал эту возможность. Взяв под контроль побег из замка, он повел всех из тюремных коридоров к выходу, самолично оправдываясь перед коллегами, охранявшими эти владенья. Мне оставалось лишь выскользнуть за остальными и затеряться в общей шумихе, пока все внимание было нацелено на Кейнов.

Скрывшись в первом попавшемся тихом месте, между хозяйственных зданий у

протоптанной сотней ног тропинки в казармы, я легко сбросила облик, ощутив лишь легкое головокружение. Сил было потрачено немало, но на сегодня это должно быть всё.

Собрав остатки уверенности в завтрашнем дне, я направилась в противоположную от хозяйственного крыла сторону, решив не стесняясь пройти в замок через вход для высокопоставленных гостей. Аккуратная дорога из отесанных временем плит провела меня к широкому крыльцу с парой ступенек, обрамленному буйно цветущими рододендронами, чьи белые массивные шапки гордо возвышались над остальным узорчатым ковром у окон королевского дворца.

К моему удивлению, у громоздких толстых дверей гостей не наблюдалось, лишь безразличная охрана, едва окинувшая меня взглядом. Преодолев ее, я беспрепятственно прошла к лестнице и поднялась наверх, заслышав раздраженный голос Каина только поднявшись на нужный этаж.

— Это не к добру. Ты чувствуешь?

— Некрос, много некроста.

Тревога подхлестнула меня с новой силой, чуть ли не бегом я преодолела последнее расстояние до нужного зала. За стенкой послышался шум, Джеральд крикнул что-то в ответ, но стоило мне открыть дверь, как выпущенная Каином магия впечатала здоровяка в створку рядом. Авель в защитном жесте поднял руки, стараясь отойти подальше от надвигающегося брата, в его взгляде отразился неподдельный страх.

— Каин прошу тебя...

— Хватит слов, брат! Ты тратишь моё время...

В руке некроманта вновь появился темный сгусток, тогда как Авель... у него точно не было шансов, камни на браслетах нахально ярко вспыхнули, вбирая в себя очередной всплеск магии владельца. Поймав ворот белой рубахи, Блэквуд крепко вцепился в короля, с улыбкой, с явным удовольствием протянув к нему опаленную смертью ладонь.

— *Mori liar.*

— Каин!

Бросившись к нему со всех ног, я втиснулась между братьями, отпихнув Авеля в самый последний момент. Некрос неприятно, болезненно чиркнул по старым шрамам, Каин открыл рот и дернул меня за плечо в сторону, но я, даже не думая отступать, выбросила ладони вперед, поймав его голову. Золотые искры вспыхнули под пальцами, теряясь в черных локонах, темно-серые глаза подернулись поволокой. Оставалось лишь подобрать нужные слова.

— Не с теми я, кто бросил землю

На растерзание врагам.

Их грубой лести я не внемлю,

Им песен я своих не дам.

Я следила за тем, как магия пробирается в сознание Каина, кровь громко застучала в висках.

— ...Но вечно жалок мне изгнанник,

Как заключенный, как больной.

Темна твоя дорога, странник,

Полыню... пахнет хлеб чужой.

Мое тело пронзило судорогой, заклинание было закончено, и ноги подкосились от непомерной усталости. Остатки самообладания ушли на то, чтобы не упасть в обморок и

поймать зашатавшегося Блэквуда, потерявшего контроль даже над собственным телом. Заметно присмирив и сонно потирая ладонью лицо, он выглядел так, словно переборщил со спиртным. Золото, застилавшее его разум, нещадно тормозило мага, мутило мысли, мешалось, как стайка паразитов, не давая сосредоточиться даже на элементарных вещах. Управлять ими было, мягко говоря, непросто, я валилась с ног, лишь на чистом упрямстве доводя дело до конца, и уже подсознательно проклинала тот день, когда решила примирить братьев.

Потерянный и словно смущенный, Каин оперся на меня, невнятно попросив что-то и уткнувшись лицом в плечо. Кажется, в этом бормотании я услышала что-то о сестре.

Опасливо подошедший ближе король с удивлением осмотрел поверженного некроманта.

— Софи, ты...

— На тебе коронация. Он подпишет все бумаги, и после Аван уже не даст ему отступить и отказаться.

— Что ж, я постараюсь все сделать в кратчайшие сроки.

Потянувшись к стулу, Авель перевел дух, постепенно приходя в себя, недовольно покачав головой, я осадил его надежды на отдых.

— Три дня Авель, у тебя есть три дня, подготовь портал в Кадат.

— Как ты вообще представляешь себе провести всё за это время?!

Хороший вопрос, и даже удивительно, что я знала на него ответ. Отыскав взглядом Мома, я вновь отметила изменения в его внешности и не без удовольствия указала на него:

— Ведьма найдет выход.

Ожидающая в тени

Юноша передо мной вздрогнул, будто до последнего цепляясь за собственный разум, но магия уже меняла, плавилась его образ, замещая тело одного человека другим. Зрелище сложно было назвать обыденным, такое совершенно точно неподвластно простому магу, хотя ведьма выполнила всё так быстро и филигранно, что окружающие едва успели испугаться. Толстые смоляные косы с тихим шорохом коснулись пола, скользя по нему кончиками-кисточками, серый подол невзрачного, но аккуратно расшитого черной ниткой сарафана закрыл собой разношенные домашние туфли. В коротком, явно рабочем переднике еще лежали пучки трав, словно Гету застали за разбором нового урожая или лекарств.

Оценив обстановку и оглядев убранство дворца, как собственных владений, Геката обратила яркие, сияющие глаза провидицы к парочке помощников Каина. Хмурые, воинственно настроенные, но неестественно замершие в углу, под взором ведьмы они окончательно присмирели, явно боясь привлечь ещё больше внимания.

— На вас ляжет забота о тех, кто стоит у ворот, им нужен будет кров и тепло. Я надеюсь, ты помнишь, где тебя примут, Элрик.

Маг, скрывавший лицо за маской, замешкался, но всё же склонил голову в подчинении. За ним пришел и мой черед отвечать перед Гекатой. Сердце в груди затрепетало, стыд и привязанность Ньярла раздирали душу изнутри. Он очень давно не видел свою дочь, и примерным родителем его нельзя было назвать, пропадая большую часть жизни черт пойми где, древний некромант только теперь начал понимать, как много он пропустил в погоне за собственными целями.

Не без доли ехидства, я ощутила смущение Ньярла. Оставив ребенка, он едва ли представлял себе, насколько могущественной она станет там, у себя в глуши.

— Гета...

Головная боль усилилась, напоминая мне, что силы на исходе, нужно было срочно добиться портала и отыскать Аван раньше, чем мое сознание окончательно сдастся, пав изломанными оковами чужого разума.

— Тише-тише, не перетруждайся, Софи, я знаю, это нелегко.

Сделав неловкий шаг ко мне, а за ним и еще один, Гета протянула руки и мягко обняла меня, огладив ладонью по голове. Давление в висках стало заметно меньше, темный ореол, затмевающий зрение, рассеивался, пока душу и мысли, будто омыло студеной водой. Объятие ведьмы оказалось подобно божественному дару, я наконец-то смогла свободно вдохнуть и выдохнуть.

— Я знала, что ты меня поймешь, что поймешь мою дочь.

— Ты могла бы и сама это сделать.

Слегка отстранившись, она с улыбкой покачала головой, по одному ее взгляду стало понятно, что я не знаю и толики ее дел и бед, да и куда мне.

— Без влияния извне все наши пути ведут к одному и тому же финалу — погубивший брата, умрет сам. Чу, слышишь? Кажется, мыши завозились в стенах. Или это фейри? Оголодавшие без магии помощники уже были на стороне мстящего за отца мальчишки, и кто знает, сколько еще людей поддержит двух талантливых звездочек. Особенно, когда найдется меч, чья воля тяжелее любого камня.

Открыв рот, я слушала Гекату, не зная, что ответить. Всем присутствующим ее речь

наверняка показалась безумной. Звезды, мышата, феи, оружие... мы будто придумали свой язык.

Посчитав разговор со мной законченным, она повернулась к стоящему у выхода Джеральду. Глава стражи чуть пошатывался, но под взглядом ведьмы, заметно вытянулся, боясь ударить в грязь лицом. Мне показалось, ему должны были выдать поручение, но голос Геты перебил другой, раздраженный и непривычно строгий:

— Кто вы такая? И откуда знаете...

— Аврелиан, твой черед ещё не наступил.

Воинственно вытянувшись и сжав кулаки, Авель с поистине королевской выдержкой вновь спросил:

— Еще одна Блэквуд?

Гекате пришлось обернуться к нему, но она не выдала и тени злобы, смотря на внука, лишь как на расшалившееся дитя. Уперев руки в бока, ведьма чуть склонила голову к плечу:

— Конечно нет, моя дочь придумала это имя, уже сбежав от меня, знаете, как это бывает, дитя жаждет увидеть больше, чем могут показать родители, поэтому рано или поздно уходит из дома, ищет приключений, а в приключениях ищет себя, свою истинную силу.

— О чем вы...

— Ева Блэквуд когда-то поступила так же, но увы, встретила вашего отца, наверное, стоит радоваться, что при жизни я его не встретила. Радоваться, конечно, нужно ему, а не мне, я и после смерти не перестану его поминать дурным словом. К слову, не будь его, был бы иной мерзавец, хуже или лучше, глупее или умнее, но он найдется, случайный или нет, отмеченный терновым цветом, красными листьями жертвенного дерева, снопом бессмертия или венком апельсиновых ветвей, — наступая на короля, она ткнула его пальцем в грудь, с укором повысив голос: — Подумай только, Авель, какого растить жертву с молодых ногтей и видеть, как всё, что от нее осталось, пытается друг друга уничтожить!

Аврелиан, растерянно и удивленно глядя на Гекату, тоже не нашелся с ответом, краснея перед ней, как Марк за свои проказы.

— Вы все мне нужны, все до единого, я не желаю больше томиться в глуши, брошенная один на один с превосходящим меня врагом. Я не хочу, чтобы еще кому-то пришлось через это пройти.

Высказав всё и наконец-то выдохнув, Гета опустила плечи и повернулась ко мне, легким жестом указав на дверь. Джер заметно вздрогнул от новой перемены в поведении ведьмы.

— Иди, Софи, ты еще успеешь застать Аван дома, пусть проложат портал куда-нибудь поблизости.

— А ты?

— У меня дела, как только всё будет готово, мы явимся в Кадат, а пока постарайся отдохнуть, тебе понадобятся силы для последнего рывка к нашей маленькой победе.

Она посмотрела на меня с явной надеждой и одобрением, но нутром я ясно почувствовала тревогу. Что-то не слишком хорошее ждало меня на пути, что-то, для чего точно не хватит обычных сил.

Ньярл пристыженно замолчал, упиваясь виной и посыпая макушку пеплом, Каин скорее дремал, чем бодрствовал, хотя его сознание изредка металось в приступах паники. Мне хотелось допросить ведьму, выведать у нее всё, что меня беспокоило, но та почти незаметно

покачала головой:

— Не вижу реки, для меня ты пустой лист, и только потому у тебя получается влиять на чужие течения. А я, заглядывая в них, могу что-то узнать о тебе.

Послушно кивнув, я ощутила, как в сердце, вновь завозилась привычная ноющая, ядовитая обида, застрявшая там, словно отравленный терновый шип. Отметая ее, игнорируя, как и всегда, я поддержала Каина и медленно повела его из зала. Не время думать о себе, еще дела ждут дела, когда-нибудь я снова смогу стать счастливой.

Джеральд, ступая по пятам, смог провести меня в отдельный холл и обширный пустой кабинет с множеством чуть светящихся огромных кругов на полу, исписанном мелким убористым почерком. Там, в полутьме, под охраной чьей-то твердой рукой на латыни было расписано не одно и не два заклинания, а целый десяток, хитрым образом сплетенный меж собой и сложный настолько, что при одном взгляде начинало ломить виски. Труд множества магов и множества бедолаг, что, как и я, когда-то проверяли эту работу на себе.

— Встаньте в середину, я позову еще помощников.

Указав в самый центр круга, начальник охраны вышел из кабинета, оставив нас лишь с парочкой дежурных магов. Окон в комнате не было, сливочного цвета панели на стенах подсвечивались лишь небольшими, маломощными камнями, чтобы не дай боже не повлиять на течение магии. Я слышала, что для перемещения одного человека требовался резерв как минимум пяти средних колдунов или трех особенно сильных. В нашем случае, их скорей всего приведут целый десяток, если не больше, на всякий случай. В саму комнату уместилось бы едва ли тридцать человек, учитывая, что в круг вступать нельзя.

— Ты выглядишь подавленной.

Тихий голос над ухом чуть не заставил меня вскрикнуть, не ожидая такой активности от своего невольного пленника, я с удивлением рассмотрела его сонное лицо, обращенное ко мне, и взгляд полуприкрытых глаз.

— Есть такое.

— Что-то случилось?

— Можно сказать.

Губы Каина дрогнули, но ответить он не успел, Джер вновь распахнул двери, впустил за собой около дюжины магов в светлых длинных робах, использовавшихся для повседневной работы. Выученными движениями помощники заняли свои места в каком-то только им знакомом порядке. Джеральд в последний раз уточнил место назначения и, внимательно посмотрев на меня, прошептал:

— Спасибо.

Почти бесконечное и путанное, как нити судеб, заклинание мгновенно вспыхнуло под нами. Я не успела попрощаться, дыхание захватил резкий порыв ветра, до меня странным, смазанным эхом донесся первый слог невнятного напева. Голова вдруг закружилась, желудок болезненно подобрался к горлу, ноги потеряли опору, но я в водовороте искр не полетела вниз, проваливаясь в неизвестную пустоту, охватившую окружающий мир, а наоборот, вдруг подлетела туда, где еще мгновение назад был потолок. Вместо него во всей красе предстало вечернее небо, пунцовый закат и звезды, совершенно точно невозможные для этого времени дня, но упрямо разбежавшиеся в вышине и нагло подглядывающие за людьми через мелкие облака.

Наверное, я просто потеряла сознание, другого объяснения быть не может.

Не желая проверять, что творится под ногами, я зажмурилась, крепко вцепившись в

Каина, не хватало еще потерять будущего короля Сомны по пути домой.

— Едва успели, солнце почти село, а без него портала не сделать.

Вкрадчивый, неестественно спокойный для ситуации голос заглушил и собственные мысли, и шум воздуха в ушах. Не на шутку перепугавшись, я проверила чары, нас связывающие, но они всё еще удерживали часть мыслей и памяти мага, буквально стерева брата и Целестию из его жизни. Он не понимал, где мы находились, и тем более, что произошло в замке.

На краткий миг я и сама вдруг перестала ощущать себя, но тело тут же налетело на холодные полированные плитки пола, отмечая прибытие в Сомну.

— Черт!

Отбитый бок быстро отрезвил меня, сметая обволакивающее чувство легкости и восторга от перемещения.

Кабинет для портала в здании администрации встретил нас прохладой и тонким слоем пыли, чуть мутноватые окна глядели на задний двор, а сама комната оказалась чуть ли не вдвое меньше целестинской. Потухли последние лучи догорающего в суматошном дне заката, погрузив город в туманную дымку сумерек.

— Ушиблась?

— Мелочи.

Не глядя, я потеряла пострадавший локоть, еще явственно помня, как отвратительно его прострелила боль. Действительно мелочи в сравнении с тем, что мне пришлось пережить в последнее время, но всё равно неприятно.

— Нужно было сказать тем магам... сказать...

Каин схватился за голову и с трудом удержался на ногах, цепляясь за стену, новый приступ мигрени мы разделили на двоих.

— Неважно, забудь, забудь о них, нам нужно к Аван. Сестра ждет тебя.

— Да-а?

— Конечно, мы... нам нужно будет ей помочь.

Закинув его руку на плечо, я вновь дала опереться на себя и плавно вывела Блэквуда из комнаты в пустующие коридоры, а за ними во двор, надеясь, что найдется хотя бы один водитель, способный безвозмездно помочь своему правителю. К моему вящему удивлению, такой человек объявился довольно быстро, стоило мне лишь окликнуть его по имени.

— Клеон!

Уже почти сев в машину, Клеон обернулся, с растерянностью на лице заведя меня, оно заметно вытянулось. Кажется, я никогда не видела своего приятеля настолько изумленным.

— Сэра?!

— Довези нас до дома, быстрее.

Открыв рот, он собрался было что-то ответить, наверняка задать немало вопросов по поводу того, что творилось на его глазах, но вновь зашипевший от боли Каин заставил всех поторопиться и усадить Блэквуда в салон. Не знаю, какие планы были у Клеона после работы, но мне пришлось их расстроить.

— Сэра, скажи хотя бы, мы выиграли или нет?

Прежде чем я шикнула, Каин успел подозрительно нахмуриться, потеряв лицо, он отвернулся к окну, внимательно уставившись на улицу. Бледные губы сжались в тонкую нить. Я чувствовала, как он отчаянно сражается с оковами, как пытается ответить себе на этот вопрос и как сильно его волнует ближайшее будущее. Словно замурованный заживо в

своем сознании, он пальцами пытался разобрать каменную кладку.

— Я забыл что-то важное. Должен был сделать... что-то...

Откинувшись на спинку сидения, я закрыла глаза, отстраняясь от ощущений. То, что казалось Каину неприступной стеной, на деле было живой плотью, мучительно пульсирующей от каждого вмешательства.

Я едва слышала собственный голос:

— Уже сделал, показал свою силу и власть. Последующим займется Геката и остальная семья, они любят тебя, ценят тебя и обязательно сделают всё как нужно.

— А ты?

Сдвинув брови, я с трудом разлепила веки, не понимая, о чем он спрашивает. Хотелось спать, сбежать от мира хотя бы на полчаса и только потом контактировать с людьми.

— Что?

— Любишь меня?

За стеклом промелькнула знакомая улица, совсем недалеко от дома, где-то за серыми холодными исполинами мелькнула крохотная белая церковь для тех светлых, что еще почитали своего бога. Привычные ритуалы, мировоззрение и общество десятилетиями спасали беглецов из Санктума, далеко не все из них были некромантами, и далеко не все обвиненные в темной магии вообще умели колдовать.

Я думала о чем угодно, только не о вопросе. Не получив ответа, Каин повернулся ко мне, поймав взгляд:

— Софи?

— Скорее да, чем нет. Ты важен, всегда был важен, хоть я и не всегда согласна с тобой.

Мне сложно было подобрать что-то более нейтральное, но задумавшись на мгновение, он неторопливо кивнул, принимая эти слова и погружившись в собственные мысли. Я искренне надеялась, что на этом разговор окончен, и вроде бы так оно и было, но Каин, медленно выдохнув, протянул перепачканную багровым руку и спрятал в ней мою ладонь.

— Спасибо.

Огладив грубоватой подушечкой линию жизни на коже, он чуть надавил на середину, рассеяно тронул рубцы от Ненависти и неожиданно сцепил наши пальцы, вновь отворачиваясь к окну.

Кажется, такая мелочь, а я всё равно вспыхнула как школьница на первом свидании.

За сгущающимся полотном сумерек на улице все меньше узнавался город, но на краткий миг вдруг показался храм, принадлежавший Элеосу — эти высокие черные шпили я узнала бы из тысячи подобных. Наш короткий путь подходил к концу, в надвигающихся на тротуарную плитку ветвях терялись лучи фонарей и очертания кованых ворот. В доме с флигелем в виде медведицы, держащей в лапах луну, золотистым потоком разливался свет на кухне. Даже от подъездной дорожки наметанным глазом там можно было разглядеть две фигуры. Сердце сжалось в забытой тоске по тихим вечерам с чашечкой ароматного чая, со сладостями, разговорами обо всем и ни о чем, с небрежными набросками на случайных салфетках и клочках бумаги.

Машина остановилась, и Клеон, открыв двери салона, помог нам выйти. Каин уже заметно крепче стоял на ногах, но я нутром чувствовала, это лишь временно, стоит появиться новому триггеру, новому крючку, невнятному воспоминанию, как мне снова придется удерживать Блэквуда на себе.

— Благодарю, Клеон. Могу заверить, что всё хорошо, и Аван наверняка утром свяжется

с тобой, если не раньше.

— Чего же в этом хорошего... Сэра, надеюсь, ты хоть немного побережешь себя.

— Когда-нибудь, когда-нибудь.

Ободряюще улыбнувшись другу, я коротко попрощалась с ним и потянула Каина к двери. Короткий звонок колокольчика показался неожиданно громким в вечерней тиши. Едва ли он мог разбудить соседей, но появившись на пороге Гани или Гемера, я не найдусь, что ответить и как объяснить свое возвращение. Не знаю даже, в курсе ли они родства с Авелем. Что-то мне подсказывало, это будет сюрпризом, который, слава богам, объявлять не мне.

В доме скоро послышались торопливые шаги, едва слышно я уловила голос Тара, наверное, он сам предлагал открыть, переживал и оттого замер совсем рядом, когда Аван наконец распахнула двери.

— Каин? Что? Что ты...

Стремительно бледнея, некромантка не веря своим глазам бросилась к брату, тут же принявшись осматривать его лицо и грудь. Дрожащие пальцы искали рану, такую, из-за которой Блэквуд не смог бы продолжать борьбу, но к счастью, ее не нашлось.

— Что случилось?

Замявшись в самый ответственный момент, я покосилась на присмирившего Каина, но решила объявить напрямую:

— Ваша коронация через три дня. Гета и Авель готовят свою часть.

Я навсегда запомню этот взгляд цвета прохладного осеннего неба. С каждой секундой, с каждым прошедшим мигом он наполнялся пониманием и изумлением, обращаясь то ко мне, то к Каину, вновь хмурому и рыщущему в поисках ответов в своем сознании. Аван всегда была на стороне брата, сколько я помню и сколько помнил Ньярл, она старалась поддержать его, даже когда не могла быть рядом или когда Эреб почти прекратил их общение. Потому у меня не было уверенности в ее помощи, но была надежда, малый огонек, сохранившийся за счет давнего подслушанного разговора после встречи с оборотнями. Тогда я не поняла, насколько важной была просьба некромантки поговорить с Авелем и объединиться, ведь у них всех был общий враг.

Желая помочь, Тар сделал шаг к возлюбленной, но она тут же дала знак отойти. При виде светлого Каин заметно напрягся и сжал кулаки, будто подспудно был готов ввязаться в драку с любым целестинцем на своем пути. Чтобы успокоить брата, Аван пришлось спрятать его лицо в объятьях, лишь так некромант наконец-то расслабился, закрыл глаза и глубоко вздохнул, будто желая всем нутром потеряться в сестринской заботе.

— Идем внутрь, ты объяснишь всё подробнее.

С этих слов началась наша скорая подготовка к поистине масштабному, королевскому празднику, собранному буквально на коленке всеми приближенными Блэквудов, пока маги, пришедшие в Санктум, одним своим видом делали целестинских министров значительно сговорчивее. Авелю пришлось в срочном порядке объявить отделение Сомны от светлых, что повлекло еще больше смуты и беспорядков, но только там, где вообще еще была возможность их устроить. Большая часть столицы, особенно в районах, где видели черный парад, оказалась сильнее заинтересована в родстве чуждого им «короля» с Аврелианом, чем в утерянных землях. Мало от кого укрылось сходство братьев, благодаря чему споры и предположения не утихали до самой коронации, в ход шли самые безумные и странные предположения, прораставшие из замеченных ранее «грехов» почивших правителей. В конце концов это привело к почти единогласной теории о темном бастарде Адама. Да, такой исход был маловероятен, да, Адам не мог бы допустить внебрачного ребенка, так как сам когда-то остервенело избавлялся от конкурентов, порожденных собственным отцом, но мысль о хитрой некромантке, обольстившей короля и спрятавшей ребенка на Саррубе, оказалась достаточно романтической и понятной для большинства. Выслушивая эту историю от Тара, присматривавшего за мной в период подготовки и получавшего все последние сплетни от старых друзей и коллег через украшение, подобное моему, я не могла не восхититься тому, как близко к правде подобрались целестинские болтуны. При некотором умалчивании остальных фактов можно было сказать, что они попали точно в цель: была некромантка, был ребенок, спрятанный у темных, но дьявол как обычно прятался в деталях.

— Еще Геката принесла Блэквудам две короны, она их, видимо, заранее заказывала у мастера. Едва ли кто-то успел бы сделать такой заказ за два дня.

Разлив по маленьким фарфоровым чашкам ароматный черный чай с мятой, Таранис пододвинул ко мне небольшую хрустальную вазочку, полную цветастого мармелада в сахарной посыпке. Буквально единственное, что я сейчас могла есть без проблем на третий день моей вынужденной опеки над Каином. Если бы не снотворное для нас обоих, я бы уже сдалась и потеряла все силы, но даже так ночи не хватало для полноценного отдыха —

передышка, не более, пока с каждым днем тело всё меньше справлялось с нагрузкой. Мигрень, посещавшая в первый день лишь вспышками, сегодня стала постоянным спутником, выстукивая молоточками по вискам, подкатывая тошнотой к горлу и обручем сжимая голову. Мир вокруг преобразался и суматошно готовился к новому этапу, даже солнце соизволило устроить в Кадате жаркие деньки, пока я, морщась, как от зубной боли, пряталась в самых темных углах дома, заливая усталость бесконечным потоком чая.

— У ведьмы всё всегда продумано наперед.

Стыдно признаться, что я не допускал ее вмешательства.

Никто не допускал, все привыкли, что она сидит в лесу и только воронов посылает, а теперь...

Я бы хотел поговорить с ней.

Сам знаешь, не раньше коронации, если мы сейчас начнем меняться местами и без того хрупкая связь прервется. Нам бы только остаток дня простоять.

Жаль, что я так поздно обратил внимание на то, что преследовало меня всю жизнь.

Взяв в руки чашку, я с недовольством проследила, как сильно она задрожала. Пальцы, словно частично онемев, задеревенели, не слушались, на неровную рябь чая упала первая алая капля.

— Черт.

Тар бесшумно и быстро встал с места, жестом настоящего джентльмена достав из нагрудного кармана тонкий шелковый платок. Такой белый, что к нему прикоснуться было стыдно, не то, что безвозвратно пачкать кровью.

— Такое бывает при перенапряжении. Как голова? Не кружится?

— Пока нет, спасибо. Аван не передавала об успехах?

— Еще пару часов, и мы выдвинемся в Аркхем. Должен отметить, ты создала удивительно подходящее место для подобных мероприятий.

— Да уж, подгадала.

Промокнув тканью нос, я рассеяно проследила, как на снежном полотне растекаются багровые пятна, вызывающе яркие и большие, будто одним своим видом раздражавшие моё воспаленное сознание. Прикрыв веки, я сгорбилась над столешницей, пережидая очередной скачок давления в черепной коробке.

— Поскорей бы всё кончилось.

— У тебя будет много времени отдохнуть, постарайся думать прежде всего об этом.

— Не выходит, я не знаю, что меня ждет, не могу представить, как проснусь завтра в обед и просто начну жить так, как прежде. Спустишь сюда на кухню и за столом с братом позавтракаю яичницей.

Аккуратно забрав у меня испорченный чай, Таранис обновил напиток и поставил чашку передо мной, многозначительно положив рядом с ней кусочек апельсинового мармелада.

— Что ж, Гани действительно сложно представить вставшим в такую рань.

Отняв платок от лица, я не смогла сдержать улыбку. За эти пару дней, что я была под чутким надзором целестинца, мне не раз удалось отметить, насколько он бывает внимателен и предусмотрителен, будто всегда заранее готовый к любому развитию событий, и даже неожиданная для Аван опека над братом оказалась почти полностью устроена Таром с таким спокойствием и знанием дела, будто будущий король был просто еще одним воином под присмотром бывшего генерала.

— Господин, мы закончили приготовления.

В дверном проеме кухни, отчаянно робея перед нами, показался юнец, один из тех приглашенных слуг, что обхаживали Каина, приводя его в надлежащий статусу внешний вид. Чувствуя, как выделенное на отдых время утекает, я заполошно запихнула в рот сладость и залпом выпила чай. Заметив это, Таранис вздохнул, явно недовольный поспешностью.

— На это у нас хватило бы времени. Раньше подписания акта о ненападении ты всё равно не сбежишь с коронации.

— Я просто хочу поскорее доехать на место, мало ли что случится в дороге.

Понимающе покивав, светлый повернулся к помощнику, вынося свой вердикт:

— Готовь машину.

— Да, сир.

Юноша послушно поклонился и вновь исчез в коридорах, всего через пару минут подогнав автомобиль Блэквудов к крыльцу. К этому времени мы с Таром подошли в прихожую, встретив виновника торжества. Каин, рассеянный и особенно задумчивый, даже не повернулся в нашу сторону, сверля взглядом входную дверь. Его мысли то и дело обращались к сестре, уже ожидавшей нас в Аркхеме.

Похлопав будущего короля по плечу, Таранис внимательно посмотрел в его глаза. Недовольство, отразившееся на лице Каина, тут же сменилось узнаванием, Аван потратила немало сил, чтобы светлый без ее присутствия воспринимался частью семьи.

— Каин, ты готов ехать?

— Д-да, конечно, не понимаю только, для чего меня так нарядили.

«Нарядили» явно было не слишком подходящим словом — для одного из самых значимых событий страны в рекордные сроки был обновлен угольный костюм, в котором Блэквуд был на приеме в Санктуме. Небольшую часть золотой вышивки заменили, добавив в нее новые элементы с тонкими изогнутыми ветками в мелких шипах. Мне осталось непонятно назначение такого узора, но это, как и прочие странные детали, осталось на совести Гекаты. Своими пожеланиями ведьма будто сплетала всю церемонию в единый непонятный ритуал, нам оставалось только смириться и сыграть роли вслепую.

Спустя еще чуть больше полчасика преодолев путь по проторенным каменным дорогам, мы въехали по главной улице в мрачный, древний Аркхем, знавший еще времена беззакония на забытых целестинцами землях, а теперь ставший колыбелью для огромного количества магов со всех уголков света. Будущие ученики уже постепенно стекались в город, некоторые, насколько я знала, помогали в последней подготовке общежитий, прибираясь и расставляя мебель в комнатах, где сами собирались жить. Мне жутко хотелось побывать здесь во время учебы, чтобы оценить дело рук своих и понаблюдать за жизнью этого сумасшедшего муравейника. Посмотреть, как люди впервые увидят высокие серые стены, непривычно похожие на чей-то старинный храм. От одного вида фасада сердце в восторге замирало, одно дело представлять всё на бумаге и совершенно иное увидеть Академию вживую, холодно возвышающуюся над жилыми корпусами.

— Ты проделала огромную работу, даже не представлял, что ты можешь придумать такое.

Неожиданно мягкий голос Каина заставил меня оторваться от созидания и вернуться к более насущным делам. Повернувшись к нему, я неловко кивнула, чувствуя, что это скорей всего будет последним комплиментом в мою сторону.

— Спасибо, приятно слышать.

Дождавшись, пока машина остановится у малого входа, мы вышли из салона и как

можно быстрее преодолели расстояние до дверей. За ними, суматошно семеня по широкой каменной лестнице, к нам спустилась Аван в платье цвета самой темной ночи, расшитом самыми яркими звездами. Мелкие драгоценные камни переливались на бархате, обнимая тонкие плечи и пряча руки в разрезанных рукавах. Будущая королева выглядела как никогда потрясающе, но болезненно бледно.

— Я так рада, что вы уже здесь. Как Каин? Меня с самого утра отвратительно мутит.

Быстро чмокнув брата и Тара в щеку, Аван попала в руки последнего, позволив себе на миг замереть в его объятьях.

— Ты хотя бы ела сегодня?

— Немного, у завтрака был неприятный привкус.

— Попросил приготовить твое любимое.

— Я так сильно нервничаю, что даже от чая тошно. Потерплю, пока всё не кончится. Идем.

Дав знак спустившимся за ней помощникам, Аван повела нас через коридоры к залу, где по моей задумке должны были проходить общие мероприятия и приветствие учеников в начале года. Множество скамей, ожидающие своих гостей, заполнили пространство перед сценой, украшенной цветами. За ней, как за алтарем в церкви Элеоса, поднимались три высоких стрельчатых окна. Без витражей, но вид на обширную реку Мискатоник, разрезающую горы Хатег-Кла вдалеке, был лучше любого рукотворного узора.

— Софи, ты можешь подождать в прилегающей комнате до начала церемонии, знаю, что тебе сейчас непросто.

Поймав мою ладонь, Аван подождала, пока остальные пройдут вперед, и быстро указала мне на небольшую дверь сбоку, за ней, насколько я помнила по плану, располагалась гримерка для будущих постановок учеников. Оценив свои силы, я послушно покивала и направилась к ней, внутренне порадовавшись тому, что мне не придется сидеть в зале с нарядными гостями. Для такого помпезного праздника я даже не пыталась соответствующе выглядеть, ограничившись скромным и опрятным костюмом.

— Благодарю.

— Позови, если тебе станет хуже, мы будем рядом в кабинете. Последний раз проверим все документы и договора.

Она скрылась с остальными за высокими дверьми ближайшей аудитории, где на мгновение в проеме мелькнула светлая шевелюра Авеля, чье лицо и костюм пока что были закрыты кейпом и маской некромантов Сомны.

Спрятавшись ото всех в темной гримерке и подглядывая за залом только через тонкую полоску приоткрытой двери, я принялась ждать, мысленно перебирая возможные варианты событий дальше. В лучшем из них Каин, конечно, поймет, ради чего я ограничивала его сознание, и послушает сестру с бабкой, а в худшем... сложно было что-то предопределить. Блэквуд знал, что в моей голове остался Ньярл, может быть, заставит отказаться от тела в его пользу.

Я не хотел бы тебе такой участи.

Правда? Мне казалось, ты первый будешь за.

Это заблуждение. Напомню, я не просил меня возвращать и, наверное, предпочел бы не видеть происходящего. Очень неприятно понимать свою неправоту.

Надо же. Значит, ты всё же согласен с таким перемирием?

Нет, хотя в нынешней ситуации это лучший исход, но я бы предпочел не делать те

ошибки, что были совершены мной.

Чудо какое. Это надо отметить.

У тебя будет время, много времени, чтобы пожить для себя.

В зале начали собираться первые гости, красивые, с дорогими украшениями и цветастых тканях, из Целестии и Сомны, они с немалым удивлением оглядывали друг друга, холодно приветствовали знакомцев. Немногих светлых сюда привели чуть ли не под угрозой казни, как обязательных свидетелей церемонии.

Закрыв глаза, я позволила себе немного расслабиться, задумавшись о том, что ждет впереди. Непременно хотелось съехать из дома Блэквудов и самолично обшарить столицу до начала учебного года, чтобы потом, устроившись где-то в Академии, продолжить скромное изучение местной магии. Может быть, даже познакомиться с местными ведьмами. Будут ли они такими же сильными, как Геката? Каковы их силы? Могут ли они предсказывать будущее, или у них свои особенности...

Чуть не задремав, я вздрогнула от неожиданности, когда в зале раздалась музыка, нанятый Ганимом оркестр восторженно встретил Аван на сцене и спустя короткий проигрыш позволил ей поприветствовать гостей, коротко объясняя сложившуюся ситуацию.

— ... Нами было принято решение отринуть вражду и открыть путь для нового сотрудничества, не как зависимое королевство и метрополия, а как полноценные, равные друг другу партнеры.

Выученные множеством официальных приемов гости деловито кивали и зааплодировали в такт вновь разразившимся фанфарам, хотя на их лицах едва ли нашлось одобрение. Возможно позже, когда они хотя бы успеют осознать сложившуюся ситуацию, у них получится в полной мере понять причины такого внезапного поступка обеих сторон.

— Помимо этого я хотела бы объявить во всеуслышание, что Аркхемская Академия, храм знаний, воссозданный руками нашей семьи, примет к себе не только детей Сомны, но и учеников Целестии, как основу для мира в будущем. Возглавит это слияние не кто иной, как юный принц Марк Люций, наследник целестинского трона.

Последние слова Аван потонули в общем ропоте, и даже музыка не смогла заставить гостей затихнуть. Кто-то в зале довольно громко возмутился, его поддержал голос рядом, и только вышедший на сцену Авель смог погасить поднявшееся волнение. Встав рядом с сестрой, уже не скрывая ни лица, ни одежды, он привычно вошел в роль строгого правителя, добавив значимости заявления для светлых.

— Я понимаю, что это решение может вызвать у вас вопросы и сомнения, но прошу отнестись к нему со всей серьезностью. Мы долго разделяли наши силы и наши возможности, сознательно ограничивая себя, не давая заглянуть за устаревшие рамки. Итогом этого стали конфликты, кровопролитие и недопонимание, сохранившееся не один век, а самое главное, потеря редких и важных для развития стран магов, чьи таланты оказались загублены на корню. Мой сын, получивший от меня дар разума, выразил желание обучиться некромантии наравне с магией света. Я поддерживаю его выбор, так как хочу, чтобы во главе Целестии был сильный и мудрый правитель, который проложит лучший путь к будущему нашей страны.

Аврелиан закончил речь, и как ожидалось, возмущение присутствующих сошло на нет. Только теперь я задумалась, насколько странно и дико для светлых может выглядеть темная правительница, вещающая что-то со сцены. Что-то мне подсказывало — не все из заморских гостей вообще восприняли ее появление всерьез.

Был бы тут хотя бы Каин, но увы, едва ли он порадует нас подобным ораторским искусством.

В зале вновь зазвучали фанфары, Авель мягко взял ладонь сестры в руку и провел ее к столу, где в двух красных папках с золотым тиснением были заготовлены документы для обеих сторон: об отделении Сомны, о признании ее независимости и акт о ненападении сторон сроком на целый век. На сцену под чутким присмотром Тара наконец-то поднялся третий в этом поколении Блэквудов.

Голову мгновенно обожгло жуткой, едва терпимой болью.

Невероятно видеть их вместе спустя столько лет, столько... мучений и... утраченных жизней.

Рада, что хоть кто-то получает удовольствие от происходящего.

Присев у стены, я ощутила, как из носа вновь хлынула кровь, заполошно вынув из кармана перепачканный платок, сквозь багровую пелену вновь посмотрела на поблескивающие на свету фигуры. Двое из них склонились над столом.

Нет, ты не понимаешь, я перестал мечтать об этом дне так давно, что и вспомнить сложно, я не верил в такую удачу, в воссоединение и... Я не смогу простить Авелю то, что он сделал, и едва ли остальные сделают это, но оставить месть и строить жизнь дальше, кажется безумием, которое мы все заслужили.

Сморгнув накатившие от напряжения слезы, я заменила платок рукавом. Кровь не заканчивалась, сознание плыло, как от жары при солнечном ударе, тошнота стала почти невыносимой.

Каин получил ручку, Аван что-то шепнула ему почти незаметно, и Блэквуд чуть нахмурился, будто стараясь прочесть документ. Я почти взвыла, мысленно поторапливая коронацию.

— Шустрее, черт возьми.

Темная фигура всё же склонилась и вытянула руку к красному пятну на столе, спустя бесконечно долгое смазанное движение, еще две фигуры, коими должны были быть Гемера и Ганим, принесли что-то на сцену. Собрав остатки воли в кулак, я заставила себя сосредоточиться.

— Аван Блэквуд, с этого момента ты объявляешься королевой Сомны, независимого государства земель Сарруб.

Аврелиан подхватил с подушки темную из черненого золота корону в виде переплетенных терновых лоз, мелкие драгоценные камни алого цвета поблескивали на свету, как свежие капли крови. Первые королевские регалии легли на голову старшей из Блэквудов.

— Каин Блэквуд, с этого момента ты объявляешься королем Сомны, независимого государства земель Сарруб.

Вторая корона, почти неотличимая от первой, едва коснулась волос Каина, когда я явственно ощутила, как оборвалась нить заклинания. Король Сомны заметно вздрогнул, ощутив тяжесть регалии и неожиданно осознав себя на сцене перед гостями. Заметив перемену, Аван тут же взяла свою папку в руки.

— Да здравствует король и королева Сомны!

Предусмотрительно сделав шаг назад, Авель захлопал в ладоши, подняв целую бурю аплодисментов и громкие возгласы жителей Сарруба. Воспользовавшись моментом, я постаралась как можно шустрее выскользнуть из примерки, по стенке прошмыгнув в

коридор. Нехорошее предчувствие точило меня изнутри, сил не осталось даже на простенькое заклинание, а последние чувства, пойманные мной от Каина, оказались довольно однозначны. Нужно было забиться в самый дальний темный угол и переждать основную вспышку гнева.

Я не думаю, что он действительно может сделать что-то плохое, Софи.

Давай не будем проверять.

Но тебе сейчас прежде всего нужна помощь, ты истощена, магически и физически, всё может стать еще хуже.

Плевать, мне сейчас никто не поможет, ты не понимаешь.

Ввалившись в самый крайний кабинет на этаже, я с трудом прошла к окнам и задернула шторы, погружая комнату во мрак, чтобы свет не резал чувствительные глаза. Пульсация боли в висках слегка затихла. На ощупь, как могла, я прошла к письменному столу, стоящему поодаль, и, отодвинув стул, села под столешницу, обняв колени. Кровь из носа уже не ощущалась, хотя, кажется, она всё еще была, но большая часть лица будто онемела, сдаваясь перед основным источником моих страданий где-то в голове.

Будто прячась от себя самой, я замерла, выравнивая дыхание и стараясь отрешиться от ощущений. Тишина кабинета постепенно обволакивала мое сознание. Наслаждаясь этим покоем, этой навалившейся легкостью, я позволила себе вновь задремать. Тело тянуло в сон, как в спасительный отдых, где меня больше ничего не потревожит.

— Вот ты где.

Кто-то грубо схватил меня за голень и резко вытянул наружу. Что-то тяжелое навалилось сверху, сильные пальцы вцепились в волосы и, приподняв голову, резко ударили ее об пол. От нахлынувшей боли я чуть не задохнулась, выставив руки, я попыталась оттолкнуть обидчика, но кисти неприятно заломили и тут же припечатали к груди. В темноте мелькнула золотая вышивка на ткани.

— Слишком серьезное задание для такой идиотки.

— Постой...

Я дернулась в надежде хоть чуть-чуть увернуться. Новый удар пришелся по уху, оглушив меня на несколько секунд, голос Каина раздался словно за ватной пеленой:

— Если понадобится, я выбью каждый потраченный на тебя день, каждый час твоего существования за мой счет, каждую каплю доверия.

— Стой-стой, пожалуйста, позволь... позволь сказать...

С силой схватив мою челюсть, он заставил меня повернуться и даже слегка наклонился, чтобы слышать мой слабый голос. Не видя возможности бегства, я решила не стесняться и не держать язык за зубами, выдав то, что уже давно хотелось сказать.

— Знаешь... теперь ты знаешь, какого потерять единственную желанную цель в жизни... когда ее отнимают против воли...

Я позволила себе улыбнуться последний раз, воспользовавшись моментом и выдернув руки из хватки. Кое-как закрыла голову, злость первого короля Сомны не заставила себя ждать, удары посыпались один за другим, но это уже было так неважно, что я словно отрешилась от себя, спряталась вглубь сознания, будто со стороны наблюдая за происходящим. Пускай отыграется, этим ничего теперь не изменишь.

— Каин, прошу прекрати!

Дверь кабинета хлопнула, на миг выхватив силуэт Аван. Она бросилась к брату, вцепившись в его плечо, и я только чудом успела схватить его руку, не давая Каину

отпихнуть сестру локтем. Не хватало и ее лишить всего.

— Ты тоже была околдована? Или ты вновь предала меня, Аван?

— Я никогда тебя не передавала и никогда не шла против тебя.

— А это тогда что?

— Другое сражение, сложнее, чем предлагал ты, но действенной.

Отдышавшись, Каину пришлось всё же повернуться к сестре, ожидая объяснений. Аван присела рядом, начав говорить быстро, но твердо, явно ровняясь на манеру речи младшего брата.

— Эту идею мне дала Софи, она сама создала идеальный инструмент, подумай сам. В наших руках целое поколение юных магов, которые готовы слушать нас и учиться так, как мы того пожелаем, а в будущем, если мы правильно распорядимся ресурсами, они останутся здесь в Сомне, развивая нашу страну, а не Целестию.

— Ты же не всерьез веришь в эти безумные мечты?

— Почему же? Куда как не мне знать, что мы вольны вкладывать в чужие головы то, что пожелаем. К чему вести бессмысленные кровопролития? Наша армия никогда не будет настолько же большой, как в Целестии, но мы можем брать не числом, а качеством, отринув воины и выстраивая страну лучше, желаннее, чем у светлых. У нас уже есть всё, что нужно.

— Это чу-ушь, Аван.

Разочарованно застонав, Каин тем не менее опустил руки, дав сестре осторожно приобнять его шею и успокаивающе погладить по макушке.

— Хотя бы попробуй вспомнить, ради чего к Ньярлу стекались люди со всего света. Мы даем возможность взять судьбу в свои руки, не боясь набегов, жертвоприношений и давления церкви. Так у нас появились Уэсты, Клеон, так у тебя самого появились помощники, тот беглый аристократ и монахиня, которую он спас. В стране некромантов никогда не жили только некроманты, а для первого года обучения в Академии у нас в руках уже есть принц, неужели этого, по-твоему, мало?

Уткнувшись в шею Аван, Каин молчал, но явно задумался о словах королевы. Ее голос стал тише, словно сильнее убаюкивая, уговаривая брата.

— Да, это будет долгий путь, я знаю, это займет не одно десятилетие, но те, кто с Ньярлом выстраивал свою жизнь здесь, до сих пор на нашей стороне, такая преданность и не снилась Авелю.

— Я... понял тебя, но есть одно, но.

— Что же?

— За предательство семьи я изгоняю Софи из рода.

— Каин...

— Это моё условие.

— У нее память Ньярла.

— Но не его характер, а разум... Испорчен ей.

— Так нельзя...

— Или я, или она, Аван.

Обняв брата крепче, девушка тихо выдохнула и покачала головой:

— Конечно ты, Каин

— Хорошо. Бумаги я подготовлю сам, это будет мой первый приказ как короля, но уже сейчас я запрещаю Блэквудам ей помогать, ты поняла?

— Да.

Голос Аван прозвучал так уверенно, что у меня не осталось сомнений, она уже придумала обходной путь или какую-то уловку, о которой мы пока и представить не можем. Спустя мгновение они оба поднялись на ноги. Каин даже не посмотрел в мою сторону, просто молча потянув сестру к выходу. Двери тихо хлопнули, оставляя меня одну.

Очень сильно повезет, если меня тут кто-то найдет. Сознание отказываясь помогать, постепенно угасало, вновь стремясь к отдыху. Сквозь плотную завесу сна и неподъемной усталости тела я с трудом расслышала, как в комнате зашуршала ткань. Чьи-то дрожащие руки подхватили меня с пола, носа коснулся запах яблок и винограда.

Старые знакомые

«А крыши видели закат, И стены помнили войну. А я так счастлив, я так рад, Что кто-то счастлив» Птица — АукцЫон

Долгий и глубокий сон, поглотивший меня, словно омут, показался долгожданным, блаженным и почти бесконечным отдыхом. Я не ощущала, как проходит время, и меня не тревожили видения, весь мир исчез и не смел больше появляться, оставив вместо себя пустоту, обнявшую меня теплым тяжелым одеялом. Никогда в жизни мне не было так спокойно, как в этом беспомыслии, когда само понятие личности перестало существовать. Пока я была никем и ничем, все беды, вся ответственность и весь груз прошлого лежал на чьих угодно плечах, но не на моих.

— Софи... вернись, пожалуйста...

Тихий, почти незаметный плачущий голос заставлял что-то тревожно сжиматься в груди. Он был мне знаком, очень знаком, в какой-то мере даже родным, но его появление несло за собой непосильную ношу чувств, которые я не хотела испытывать.

И тем не менее он звал. Упорно. Настойчиво. Отголосок моего сознания со временем привык к мысли о пробуждении, но начать действовать это не помогало, пока всё тот же человек вдруг не объявил:

— Я уйду за тобой, как только твоё сердце остановится. Мне нет места в Кадате без тебя.

Что-то болезненно екнуло на пепелище чувств. Ощутив ладонь под своей рукой, я сжала ее так сильно, как могла сейчас.

— Не смей, Элеос.

Пересохшее горло мучительно дрогнуло, заставив меня закашляться. Свинцовые веки едва поднялись, открыв мне обзор. Развернувшись к тумбочке, Элей чуть дрожащими пальцами налил воду в крохотную кружку с вытянутым носиком-поилкой на крышке. Вещица явно для детей, но сейчас ее поднесли к моим губам, за что я оказалась благодарна, как только вода скользнула внутрь.

Сесть не представлялось возможным, открыть рот тоже стало сложным заданием, бинты и повязки крепко фиксировали челюсть, не давая лишней раз сдвинуть ее куда-то в сторону и уж тем более открыть. Каждый вдох отдавался волной боли в ребрах. Затылок чуточку ныл. И тем не менее даже с этим списком я отделалась относительно удачно, Каину ничего не стоило прибить меня на месте. Полагаю, останься у него магия после нашего ритуала, и он дал бы себе волю. Или нет... в конце концов, не поверю, что в кабинете не нашлось хотя бы ножа для писем. Хотел бы убить — убил бы.

— Софи...

— Всё плохо?

— Как сказать.

Элей судорожно выдохнул и проверил температуру, а затем и пульс. Я чувствовала себя трупом, кем-то нагло оживленным трупом, но в целом неплохо настолько, что закрадывалось сомнение, вдруг моё приличное состояние — это работа таблеток или некреса?

— Что ж, зато я исправила ошибку Ньярла и...

— Ты, как и он, посадила наследника на трон и оказалась им же изгнана.

— Эм...

Поджав губы, я рассеяно подняла руку и коснулась лба, будто проверяя, на месте ли моя пустая голова. Взгляд Элея поставил меня в тупик. С каких пор я топчусь по кругу?

В уголки глаз незвано пробралась влага, но не от грусти, а от смеха, распиравшего меня изнутри. Подумать только, куда не сунься, всюду уже история случалась, а ты идешь по протоптанному кем-то пути.

— Как же так?

— Надеюсь, это было последнее совпадение. Последнее же?

— Дальше только путешествие к эльфам, но туда мне еще идти и идти.

Я позволила себе улыбнуться, хотя момент не подходил, да и губы, мягко скажем, не готовы были двигаться сегодня. Повернувшись к Элеосу, я наконец-то разглядела свою новую «камеру»: небольшая комната в кирпичном доме, прямо под крышей. Обстановка бедновата, но опрятна, минимум мебели компенсировался выцветшими обоями в мелкий цветочек и двумя окнами с кружевным тюлем. Миленько, помещение будто бы без постоянного хозяина, но все равно хорошо выглядит.

Сам Элей впрочем смотрелся куда плачевнее. Синяки, залегшие под глазами, и прохладные ладони немало пугали, но только меня, когда как Ньярл мгновенно приготовился поговорить со своим подчиненным:

— Элеос, ты уже раздобыл вино?

— Я не приму вашу кровь.

— Примешь, если я прикажу.

— Ньярл...

— Что я буду делать, когда тебя не станет? Куда мне идти? Тем более теперь, когда даже семье я стал ненужным, лишним элементом.

Горло снова запершило так, словно я несколько дней жил в пустыне. Чужое тело горело от усталости и жара. Перед глазами вдруг закружился потолок, пришлось снова зажмуриться, что, к сожалению, не помогло мне отрешиться от внешнего вида самого верного из близких мне людей. Настолько старым, настолько измученным я видел его впервые. Будучи рядом, я старался отдавать свою часть силы вовремя, чтобы не допустить таких последствий.

Скрипнув стулом, Элей вдруг положил мне на голову влажное полотенце.

— Не говорите так. Уверен, это временные трудности.

За тонкой дверью спальни вдруг раздались громкие быстрые шаги, будто кто-то поднимался по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Едва успев насторожиться, я чуть двинул шеей, глядя на вход, в то время как Элеос даже не шелохнулся, словно заранее зная, кто войдет.

— Софи! Боги, ты пришла в себя!

Бесцеремонно ворвавшись внутрь, вихрастый юноша одной рукой пихнул Элею саквояж, какой обычно на домашние приемы носят врачи, а второй рукой бросил пальто на старомодный громоздкий комод у стены. Несмотря на все запреты и, как мне помнится, серьезный тон Каина, младший из Блэквудов держался так вальяжно, будто презирал все законы разом.

— Гани, тебе нельзя здесь находиться.

— Ну во-первых, запрет действовал на то, чтобы помогать тебе, в то время как я помогаю Элею. А во-вторых, что они мне сделают? Пожурят? Посадят в тюрьму? Даже лишить карманных денег не выйдет, благодаря твоему неожиданному подарку, я теперь могу обеспечивать себя сам.

Вальяжно усевшись рядом на кровать, Ганим приподнял полотенце и чмокнул меня в лоб. От него пахло весенней прохладой и влагой, какая бывает после дождя.

— Знал бы, что ты проснешься, взял бы с собой сладостей.

— Ее сладости в ближайшие дни должны быть ограничены лекарствами. Я рад, что Каин не запретил Уэстам делать назначения.

— Какая разница, ведь ты или я, или Гера, всё равно можем попросить что-то для себя.

Недовольно покачав головой, Элей промолчал и, поставив саквояж на тумбочку, принялся перебирать склянки и кипу инструкций, приложенных к ним. На желтоватых листочках я заметила знакомый почерк Мэгги, уже заботившейся обо мне когда-то очень давно. Отвернувшись, я дала Гани знак придвинуться ближе.

— Ты и сестру готов утянуть в незаконную деятельность?

— Будто это так сложно. Она тоже не согласна с решением старших, но... ты же понимаешь, ей куда сложнее противиться. Гера чуть ли впервые столкнулась с тем, что ее мнение отличается от мнения матери и дяди, так что она справляется как может. Сбежала в останки Храма и планирует его восстановление, раз запрет снят.

— Ты же поможешь ей?

— Куда я денусь, конечно помогу, и строительная группа в Кадат прибудет напрямик из Архема. Я прослежу, чтобы всё прошло гладко, пока ты будешь замещать меня в Академии.

— Ох...

— Только не вздумай отказываться, я уже нашел тебе место и подготовил документы. К осени ты как раз встанешь на ноги.

— Я... Не уверена, что это удобно.

Покосившись на притихшего Элея, я заметила, как его бледные губы поджалась, Ньярл, отозвавшись в сознании, тоже никак не был рад.

Я уже надеялся, что смогу остаться в этом доме на долгий срок.

Как тяжело выбирать.

Проследив за моим взглядом, Гани вдруг неловко передернул плечами и слегка отстранился, поправляя за собой сбившееся одеяло и подушки.

— Да, точно, Ньярл. Я успел забыть о нем, жаль, ты не рассказала раньше.

Только не ревность или обиды, я этого не выдержу сейчас.

— Га-аним.

Громко стукнув очередной стекляшкой, моему голосу вторил Элеос необычно строго, словно бы отчитывая Ганимеда:

— Тебе не стоит переживать, мой друг. Из Кадата до Архема ехать минут сорок, не так уж много, если подумать. Софи может спокойно приезжать на работу в Академию, но жить там я ее не отпущу. Раны и истощение довольно серьезны, Уэсты предлагали забрать ее в стационар, и я не думаю, что лета хватит для полного восстановления.

Повернувшись к стушевавшемуся и пристыженно затихшему Гани, Элей вздохнул, глядя на него, и добавил мягче:

— Я знаю, ты скучал, но позволь Софи наконец-то отдохнуть под надзором.

— Да-а-а... извини, я понял.

Облегченно выдохнув и отпустив стиснутый в руках край пододеяльника, я блаженно прикрыла веки, наслаждаясь долгожданным покоем. О будущем можно было больше не переживать, хоть его и решили за меня, но на этот раз в мою пользу.

Следующие дни проходили сумбурно, мешаясь с мутными, ускользающими от сознания образами в снах, и редкими периодами яви, где я точно могла отдавать отчет происходящему, со стыдом наблюдая за тем, как тщательно Элеос ухаживает за мной, компенсируя полную беспомощность. В такие моменты я всегда отходила на второй план, давала Ньярлу перебраться хотя бы парой слов, поблагодарить за заботу, за беспокойные ночи у кровати, за множество лекарств, притираний, мазей, за простую и сытную еду, стакан воды на тумбочке и больничную утку в кровати. Уже спустя неделю такой жизни я готова была отдать хоть всю свою кровь этому безумно преданному и потрясающему человеку.

Возможно еще в тогда, в церкви, стоило согласиться сбежать с ним от Блэквудов. Куда-нибудь в глушь, чтобы единственным страхом в жизни стал недостаток яблок для изумительной шарлотки от епископа темной церкви.

Отдавая мне в руки очередную тарелку с этим славным угощением, Элей сел на стул и принялся выполнять привычный ритуал, доставая флаконы из темного стекла и отмеряя травяные отвары и настойки. Теплый фарфор еще дрожал в моих руках, но я упорно ела сама, крепко вцепившись в посуду и быстрее орудуя ложкой.

— Мне неудобно просить, но я хотела бы принять ванну.

— Я подогрею воду к вечеру.

— Волосы в таком ужасном состоянии, может, их срезать?

— Я распутаю, не беспокойся.

— На это уйдет немало времени.

— Ничего страшного.

Открыв очередной пузырек, Элей отлил коричневой жидкости в чайную ложку и протянул мне. Носа коснулся запах корня солодки. Проглотив сироп, я заела его кусочком пирога, перебивая ненавистный с детства вкус пряной сладостью яблок с медом и корицей.

Казалось, всё время моего лечения будет ассоциироваться у меня прежде всего с шарлоткой и запахом лекарств, но их затмило мое первое купание.

Опираясь на локоть Элеоса, я впервые вышла из спальни и, преодолев короткий коридор, попала в просторную комнату с потертой коричневатой мозаикой на полу и фартуком белой плитки в половину высоты стен. Под круглым окном, откуда едва виднелся фруктовый сад на заднем дворе, на толстых ножках меня ждала чугунная ванна, наполовину заполненная теплой водой. На самой глади, слегка покачиваясь, лежал небольшой пучок лаванды, наполняя воздух успокаивающим ароматом. Чудо и только, страшно подумать, что мой помощник подготовил это всё своими руками, пока я спала, отыскав даже новую сорочку по случаю, лежащую на спинке стула рядом.

— Забирайся в воду, я возьму шампунь и... мне дали какое-то средство, сказали, оно поможет расчесать волосы.

— Хорошо.

Взяв с чугунного края небольшую мочалку и мыло, я принялась не спеша, совершенно медитативно тереть покрасневшую кожу, наслаждаясь видом разлетающихся пузырьков на солнечном свете, удивительным ощущением чистоты и теплом, обнимающим плечи, стекающим по голове и вызывающим волну приятных мурашек по телу.

Щелкнув крышкой, Элеос выдавил немного шампуня мне на макушку и уже после

первой помывки взял второе средство, распределив его по ладоням и запустив пальцы в гнездо на моем затылке. Не желая лишний раз мешать процессу, я замерла, ощущая легкое подергивание локонов. От безделья невольно всплыла в голове старая песня. Занимая себя и боясь задремать разнежившись в ванной, я вполголоса напела запомнившиеся строчки:

— Я сам себе и небо, и Луна
Голая, довольная Луна.
Долгая дорога, да и то не моя.
За мною зажигали города,
Глупые чужие города,
Там меня любили... любили...
Софи?
Любили, только это не я.

Рука Элея дрогнула, больно дернув прядь волос. Зажмурившись, я переждала неприятные ощущения.

— Жаль, что я не могу полностью перевоплощаться в Ньярла, так было бы заметно проще.

— Что именно?

— Воспринимать то, что со мной происходит, твою заботу и... прочее.

— Кажется, я уже говорил, мне неважно, как выглядит хозяин.

— Но мне важно, как я выгляжу. Моё тело — это моя история, все вехи, все зарубки говорят обо мне и моем пути, а не о Ньярле. Шрамы на ладонях, на груди, на лице и все отсутствующие органы. Даже меняя сознание, я не могу избавиться от ощущения жизни взаимы. Ньярл старается этого не замечать, но он чувствует то же самое.

Сзади послышался тихий вздох, Элей отпустил мои волосы, явно задумавшись о чем-то. Неловко передернув плечами, я откинулась спиной к бортику и поймала его рассеянный взгляд.

— На самом деле я размышлял о чем-то подобном.

— И как? Есть идеи?

— Не то чтобы, но... поставь передо мной вопрос о жизни после смерти или о перерождении, я бы пошел с этим к кочевникам. Они единственные, кто может знать подобное.

— Значит, нам нужно к ним?

— Когда-нибудь, а пока отдохни и узнай что-то из местных источников. Как минимум просто добраться до Зара стоит немалых денег и сил.

Чуть не подскочив на месте от догадки, я вдруг ощутила, как в груди разгорается новая надежда, цель, на далекое, но вполне реальное будущее. С этим можно было работать, к этому можно было стремиться. Не то чтобы я верила во всемогущество кочевников, но узнать всё то, что меня так давно мучало, страсть как хотелось. Заметив перемену настроения, Элей улыбнулся мне с укором покачав головой:

— Уже готова броситься в путешествие?

— Ты же поможешь мне?

— Конечно, куда я денусь, но сначала подготовка.

— Спасибо!

Поднявшись и снова сев в ванной, я в порыве чувств потянулась к Элеосу и быстро чмокнула его в щеку. За это стало почти сразу стыдно, но озадаченное и смущенное

выражение лица моего друга явно того стоили. Коснувшись кончиками пальцев порозовевших скул, он прокашлялся и постарался совладать с собой, снова вернувшись к работе и нацепив маску серьезности, но улыбка, легкая мальчишеская улыбка осталась напоминанием о нашем договоре.

Пожиная плоды

— Софи, завтрак ждет!

Голос Элеоса донесся с первого этажа, весьма красноречиво подкрепленный изумительным запахом яблочных оладий с каплей меда, разогретого на румяной поверхности небольших кругляшей. Завтрак не просто звал, он манил к себе как к лучшему началу дня, что может случиться в моей жизни, и тем не менее я колебалась, раз за разом поглядывая в новенькое зеркало. Мы с швеей немало повозились, придумывая фасон новой одежды так, чтобы скрыть все недостатки и отойти от бесконечных оттенков черного в гардеробе. Если бы не финансовая помощь Гани, всё могло бы вообще закончиться лишь на этапе примерки, даже учитывая должность и сбережения Элея, мне жутко не хотелось разорять его на подобные глупости, особенно учитывая, что мое восстановление уже отняло у него немало средств и сил.

— Софи?

— Да-да, иду.

Последний раз поправив высокий ворот кремовой рубашки, я неловко улыбнулась, в сотый раз уверяя себя, что шрамы не так уж сильно кривят лицо и к этому можно привыкнуть.

Всё же это дети Сомны, едва ли их напугаешь подобным, но боги, если испугается хоть один, я еще неделю не ступлю на земли Академии.

Уверен, ничего страшного не случится, дети быстро привыкают к подобному, если, конечно, прилично воспитаны.

Значит, буду опасаться только целестинских отпрысков.

Там всё еще проще, если Марк примет тебя, то остальные тоже подтянутся за ним. Никто не посмеет ослушаться мнения будущего правителя.

Хоть бы так, хоть бы так.

Подхватив небольшую сумку с парой толстых тетрадей для записей, я быстро накинула ее на плечо и наконец-то выбралась из комнаты, на ходу проверяя всё ли взяла для первого дня работы. Мой прелестный помощник предлагал мне разные варианты преподавания на новом месте, должности заведующих, заместителей и прочего, но я остановилась пока на скромных обязанностях библиотекаря. Самое то, чтобы узнать о мире побольше, имея достаточно свободного времени на некоторые личные эксперименты в местных лабораториях. Если честно, некоторые изыскания Азуры, привезенные мне Ганимом, показались настолько интересными и необычными, что стоило бы погрузиться в них поглубже и развить мысль, но как только я достаточно освоюсь в Академии. Некромантка, которую я знала лишь по личным записям, не гнушалась использовать призывных демонов для мелкой работы, заставляя их постоянно меняться в угоду хозяйке.

— Чай или кофе?

Почувяв знакомый горький аромат, я замерла у обеденного стола, поведив носом.

— У нас есть кофе?

— Да, насколько я знаю, торговые пути с Ориабом вновь ожили, не знаю, как Блэквуды договаривались с нынешней царицей, но жертв ей точно не отсылали.

— Возможно, она вошла в наше положение и проявила дружелюбие, как темная к темным?

— Даже мысль об этом чудна и невидана. Нет, я полагаю, все обязательства по перевозке легли на Макдонеллов. Твоя подруга довольно шустро прибрала к себе все старые связи супруга.

— Ах, как жаль, что беглеца так и не нашли.

Губы сами растянулись в хитрой усмешке, даже без камней и «удобрений» Уна со своим новым помощником триумфально возвращала влияние, пускай осталось от него немного и немалая часть средств была потрачена только на то, чтобы сестра короля получила безоговорочную власть над компаниями, но работа шла, хотя слухи о ней доходили медленно.

Заметив мою ухмылку, Элей осуждающе покачал головой и отвернулся к плите, где на керамическом диске нагревалась маленькая медная джезва.

— Помяни моё слово, рано или поздно эти двое переберутся к нам, как и все, кто не нашел себе места в Целестии.

— Наверяд ли, в Кадате Кейну точно не будут рады, я боюсь представить, что случится, если он пересечется с Таранисом.

— Кроме столицы есть полно и иных мест, например, Ултар близ старого поместья.

— Да, помню Аластор говорил, что хотел бы увидеть его, но для этого ему придется оставить работу. Немыслимая жертва для такого трудоголика.

— Кто знает.

Засучив рукава, Элей ловко снял кофе с плиты и разлил по двум крохотным чашкам, явно давно пребывавшим в обиходе епископа. Вылепленные вручную, чуть неровные темные стенки глазури на глиняных боках уже успели потрескаться. Даже в этой мелочи мне виделся характер хозяина дома, хотя прежде всего о сердце Элеоса расскажет уютная гостиная с парой кресел и резным камином в виде переплетенных между собой яблонь. Аккуратно вырезанные листики в кронах чуть скрывали созревшие плоды, а среди корней у пола были заметны края корзин с яблоками в них. Работа руки Ньярла, конечно, и сколько бы ей ни пользовались по назначению, Элей упорно вычищал камин, трепетно ухаживая за камнем.

— Садись, не жди, пока остынет.

— Да-да.

Усевшись за обеденный стол, я послушно принялась за завтрак, но уже после половины съеденных оладий пальцы слегка онемели, чуть не выпустив приборы. Проследив за переменой в моем лице, Элей встревоженно вздрогнул и открыл было рот, но я привычным жестом дал ему понять, что беспокоиться не надо.

— Ньярл?

— Он самый.

— Так и думал, что ты не пропустишь медовые оладьи.

— Кто я такой, чтобы сопротивляться настолько вкусной еде.

Неловко улыбнувшись, Элеос опустил взгляд, склоняясь над тарелкой, доев последний кусочек, я протянул ладонь к другу:

— Пообещай мне, что мы отметим первый учебный день вином. Ты долго отговаривался слабостью Софи, но теперь...

— Разве она согласится?

— Она уже меня поддерживает.

Вложив дрожащие пальцы в мою руку, Элеос смутился, нервно поджав губы. Ни один

подобный ритуал не проходил для него бесследно, и, опьянев от магии в крови и алкоголя, он не меньше трех дней приходил в себя, попутно принимая изменения и жуткую ломоту в теле, будто учился жить заново.

— Что ж, видимо, выбора нет. Я... так волнуюсь.

— Не стоит, ты мне нужен здесь и сейчас, твоя забота позволила мне жить дальше.

— Ты снова меня перехваливаешь.

— Ничуть, мы оба знаем, что случилось бы с Софи, останься она одна в том кабинете.

Элей еще сильнее помрачнел, так всякий раз бывало, как только он вспоминал о коронации. Полагаю, Аван, притащив епископа, не потрудились предупредить его о состоянии Софи, и до сих пор эта картина отзывалась ужасом в его сознании. Для Элеоса ничего не предвещало беды.

— Мне пора идти, машина Гани вот-вот приедет.

— Не задерживайся в Аркхеме, к концу занятий я подготовлю всё необходимое.

— Хорошо, тогда с меня возвращение вовремя.

Переглянувшись, будто проверяя серьезность обещаний, мы вместе поднялись из-за стола, и Элеос, замывшись на секунду, заключил меня в объятия, судорожно сжав плечи и словно испугавшись вновь потерять. Руки сами потянулись к нему в надежде хотя бы немного успокоить, заверить, что я всё ещё здесь, рядом с ним.

— Элей, ведь это я должен оберегать тебя, помнишь?

— Всё меняется, и, честно говоря, я счастлив стать полезным.

— Ты всегда им был, кто знает, что бы я делал без тебя.

— Береги себя, пожалуйста, Ньярл.

Попрощавшись с Элеосом, я вышла на улицу под короткий, но звонкий гудок подъехавшей машины. Ступеньки кирпичного крыльца мелькнули под ногами, пышные яблони у ограды приветствовали шелестом крон, где-то на границе взгляда на миг показался темный надгробный камень, но я не повернулась к нему, упрямо игнорируя и быстрым шагом пробежав до самой калитки. Водитель, присланный за мной, вежливо распахнул дверь и закрыл ее за мной, окончательно отделяя меня от уютного дома и горестного призрака прошлого, затаившегося на краю сада.

Дорога до Аркхема пролегла под колесами обновленной аккуратной лентой каменных плит. Один из самых главных путей из столицы сиял чистотой и праздничными знаменами с изображением пера и книги. Даже если захочешь, не потеряешься и точно доберешься до праздника, где уже собирались ученики обеих стран, где еще на подъезде, после всех аккуратных мрачных домиков, слышна была музыка, и доносился смех.

Сев поближе к окну и дождавшись, пока машина получит свою очередь остановиться у площади в тени громадных пепельных стен, я оглядела собравшуюся толпу. Все дети в строгих парадных костюмчиках цвета кофе собирались в группки, обсуждая что-то между собой и изредка вытягивая шеи, чтобы поискать взглядом знакомые лица. Они пихались локтями, обнаружив что-то любопытное, а такого здесь было достаточно. Самая большая компания ребят почти перегородила проход к высоким дверям Академии, упоенно сгрудившись возле мальчишки с настолько светлыми локонами, что они сияли ореолом в солнечных лучах, привлекая еще больше внимания.

Надеюсь, Марка встретили без ненависти и неприязни.

У нас и без него светлых хватало.

Но не принцев.

Едва ли статус иностранца важен для тех, кто привык видеть своего правителя по утрам по дороге на работу или на прогулке в парке. Скорее вопрос в том, не напугает ли это мальчишку.

Он не из робких.

Дождавшись возможности выйти, я, почти не озираясь, отправилась в сторону входа, стараясь не выпускать Марка из виду. За чужими головами его почти не было видно, но присутствующие наседали и не удерживали принца, позволяя ему в любой момент направиться к главному холлу.

— Софи! Пстой!

Выскользнув из окружения, Марк бросился ко мне, едва не растянувшись на ступеньках, цепкие руки быстро поймали меня в объятия, сомкнувшись на талии.

— Ой, подожди, не при всех...

— Я всё видел! Там в кабинете, я всё видел!

— Нет-нет-нет, Марк, погоди...

— Спасибо, правда, спасибо, я так испугался за папу.

Голос мальчишки стал тише, мне показалось, что вот-вот послышится всхлип, но несмотря на покрасневшие веки, принц стоически сдерживался, крепко поджимая губы и уткнувшись мне в живот. Обняв его в ответ и мягко погладив по голове, я осторожно освободилась, взяв ладошку Марка и потянув за собой в Академию. Скрывшись от заинтересованных глаз стенами-исполинами, я смогла продолжить разговор, усевшись на самую дальнюю скамью холла.

— Не стоит рассказывать другим о том, что было в кабинете Авеля.

— Я... знаю... просто я увидел тебя и вспомнил.

Вытянув из кармана носовой платок, я молча вложила его в нагрудный карман пиджака принца, оставив выглядывать лишь маленький белый уголок. Пользуясь моментом, Марк, протянув руку, бестактно коснулся пальцами шрамов на моем лице.

— Откуда они? Их так много. Когда ты жила с нами, такого не было.

— Я прятала их, это последствия встречи с демонами.

— Папа говорил о них, и священник. Хочешь я убью всех-всех чудовищ?

В глазах принца вспыхнул знакомый огонек азарта, охота на демонов явно показалась ему какой-то забавной игрой.

— Не стоит, Марк, и запомни на будущее, в Сомне многие используют тварей как собственных помощников и слуг, ты же не станешь избавляться от всех собак, если парочка из них бешеные?

— Ну... если они ранили тебя...

— Вижу, ты чувствуешь себя уже гораздо лучше.

— Нет! Конечно, нет, с чего ты взяла?! Мне все еще нужна твоя помощь. Побудешь со мной на открытии? В Аркхем в сопровождение прислали несколько слуг и личную стражу, но поговорить не с кем.

— Мне показалось, ты стал популярен здесь.

— Это всё не то, не те, с тобой мне лучше, ты меня понимаешь. Хочешь, сходим в выходные на пленэр? Краски я взял, могу даже ту коробку отдать, серебряную. Морохир ей больше не интересовался.

Опершись ладонями на скамейку, Марк заболтал ногами в воздухе, будто уже готовый сорваться и бежать вслед собственным планам.

— Еще бы, у него сейчас других проблем по горло.

Тихий, но по-детски звонкий смех отразился от строгих стен, Марк покачал головой.

— Он с мамой поругался, она так разозлилась, что определила его личным рыцарем Марси. Будет целыми днями сидеть у колыбели, присматривать за младенцем.

— Может, оно и к лучшему.

Точно ли это наказание? Или...

— А меня отправили сюда. Мама твердила, что это для моего же блага, и вдали от страны я безопасности. Кажется, я ей больше не нужен.

— Неправда, зная Мирру, могу сказать с уверенностью, что ты ей дорог и она в жизни не согласилась бы тебя отпустить, если бы дома действительно не было опасно.

В мгновение ока вскочив со скамьи на ноги, принц обвинительно ткнул в меня указательным пальцем.

— Ты что-то знаешь! Я же вижу, ты тоже утаиваешь!

— Немного, но это не моя тайна.

— Давид тоже так говорил, но... он пропал, ты тоже пропадешь?

— Наверяд ли. У меня есть важная работа, буду книги вам выдавать, так что в свободное время можешь заходить ко мне в библиотеку почаще.

— О-о-о... Договорились!

— Тогда пойдем на открытие, иначе пропустим всё интересное.

Главный зал, где еще совсем недавно прошла коронация Каина и Аван, в этот раз показался мне совершенно другим. Озаренный теплым светом он вычерчивал резные колонны у стен, уходящие в высь, и протянувшие строгие линии теней друг к другу, образуя ребра-арки. Когда я создавала этот минималистичный рисунок, то опиралась на виденные когда-то кладбищенские скульптуры аргентинского архитектора, взяв за основу форму и стерев лица. Таким образом фигуры лишь отдаленно напоминали длинные одежды, струящиеся вниз и надежно скрывающие тенью вырез капюшона. Пока шла поздравительная речь Гани как владельца Академии, Марк заинтересовано задирает голову, смотря как мерцание света оживляло серый камень, заставляя линии медленно и почти незаметно дрожать.

— Страшно?

— Неа, меня таким не напугать. Вот свирепый мужик в королевской библиотеке...

Как только торжественная часть завершилась, я отправилась в правое крыло здания, где в самом конце просторного коридора под стрельчатой аркой меня ждали дубовые двери главного хранилища книг. Ступив внутрь, я с теплотой обвела взглядом высокие крепкие полки на два этажа, еще блестящие от лака, новенькие томики для выдачи учащимся и тонкий запах типографской краски. За наполнение библиотеки в свое время отвечала Гемера, вытряхнув из перешедшего ей в руки городского архива всё, что хоть немного могло пригодиться для обучения.

— Простите, это вы выдаете нужные материалы?

Вздвогнув и развернувшись к входу, я увидела очень высокую, фигуристую женщину в простой кремовой рубашке и брюках. Она не была похожа на кого-то из преподавателей, а взгляд густо подведенных карих глаз буквально пригвоздил к месту, совершенно сбив с мысли. Выкрашенный алым рот растянулся в улыбке.

— Д-да, я.

— Прекрасно, тогда могу ли я забрать всё причитающееся моей дочери? Бедняжка

заболела, так что будет наверстывать упущенное дома.

— Конечно, одну минуту. Как ее зовут?

Сбросив с себя оцепенение, я поспешила юркнуть за длинную стойку в центре зала и, бросив сумку на стул, прошла к двустороннему ящику для картотеки.

— Пятая, Квинси Картер, моя музыкальная пташка, все ее таланты заключаются в игре на клавишах, и едва ли осталось на здоровье.

Пятая? Она назвала ребенка порядковым номером при рождении?

— Картер... Да... Где-то я слышала эту фамилию.

Отметив выданные учебники, я собрала все нужные книги и сложила стопкой на стол. Мадам Картер подхватила их без особого труда.

— Планировала остановиться на Октавии, но думаю, чем черт не шутит, может добраться до Дикс. Хорошего дня, леди Серафина, заходите к нам на чай.

Она упорхнула к выходу прежде, чем я нашлась с ответом, оставив за собой чувство какой-то недосказанности. Будто мы прежде были хорошими друзьями или должны быть давно знакомы, но я могла поклясться, что вижу эту дамочку в первый раз. Случайно забыть о ней или перепутать с кем-то было совершенно невозможно.

Главная ведьма Аркхема.

Что? Она... Абсолютно не похожа на Гекату. Разве, что волосы тоже черные.

Еще бы, но советую не пренебрегать приглашением, это может быть полезная связь.

Постараюсь не забыть.

«Постараюсь» — это хорошее слово, уже тогда я представляла, что случится, когда учеников постепенно начнут отправлять ко мне за всем необходимым. Закрутившись как белка в колесе, я раздавала комплекты книг малому, но будто бы бесконечному потоку желающих, как-то незаметно укравших у меня целый рабочий день. О пропущенном обеде и тем более о боли в ногах с непривычки напомнил только громкий перезвон в коридоре, возвещающий о конце учебы на сегодня.

— Надо же... опомниться не успеешь, и всё закончилось.

Так только первый день, завтра сюда уже навряд ли кто-то доберется.

Будет время посидеть.

Почти неслышно, словно мышка, у стеллажей промелькнули каштановые косички одной из учениц. Остановившись у мальчишки с тяжелым томом истории Сарруба, она затараторила, цепляясь за рукав близнеца.

— Эй, ты видел? Принц плачет.

— Чего? Еще пару минут назад смеялся с остальными подхалимами.

— Я застала его у лабораторий.

— А я видел у главного крыльца, и ничего он не ревел.

— Он прятался и не хотел, чтобы его заметили.

— Тебе показалось! Или ты опять выдумываешь.

— Ничего я не выдумала, он боится высунуться, а ты...

Нервно стиснув кулаки, я мельком глянула на часы и выбралась из-за стойки. Едва ли дети успеют что-то стянуть за каких-то десять минут отсутствия, но проверить Марка было безумно важно. Если ему действительно успели навредить так, что принц не сдержался, всё обернется сущим кошмаром для Ганима.

Боги, еще утром стоило его попросить не задерживаться среди толпы, кто знает, что дети могли придумать за день.

Странно, он не попросил твоей помощи.

И это пугает еще сильнее.

Выбрав самый короткий путь до лабораторий, стоящих отдельно от главного корпуса здания, я постаралась как можно тише подойти к ним, еще на подходе расслышав всхлип. У крестообразного строения, поделенного напополам с исследовательской оранжереей, сейчас не найдется посетителей, но один из кабинетов уже носил моё имя, и именно рядом с ним под окнами нашелся хрупкий силуэт Марка, сидящего на земле и обнимающего колени.

— Марк! Что случилось? Тебе нужна помощь?

Обогнув кустарники вдоль тропы и не торопясь подобраться ближе, я присела рядом с мальчишкой, взглянув в его покрасневшее лицо. Опухшие глаза он растер чуть дрожащей ладонью, колени были перепачканы в траве, на щеке темным росчерком виднелся грязный след. Судорожно втянув воздух, принц порывисто обнял меня, едва не уронив.

— Они... они...

— Тише, не торопись, всё хорошо, тебя больше никто не обидит.

— Они напали, ударили...

— Давай я отведу тебя к врачу.

Марк истово замотал головой, звучно шмыгнув носом и едва сдерживая новый порыв слез. Сделав шаг назад, он рассеяно вытер ладони о жилетку и цепко сжал моё запястье.

— Мне нужна помощь, ты же поможешь мне?

— Конечно.

— Папа, они напали на него.

— Что? Авель? Подожди, но как...

— Идем! Я покажу! Ему очень больно, ему нужна ты.

Стиснув мою руку, принц без промедления потянул меня за собой, куда-то дальше от лабораторий, где начинались деревья и тонкая полоска леса за небольшим пустырем для будущих построек. Окончательно растерявшись, я попыталась освободиться, но мальчишка только громче всхлипнул.

— Марк, подожди, пожалуйста...

— Идем! Он так голоден, у него совсем нет сил!

— Я не понимаю...

— Софи! Со-офи!

Новый голос раздался позади, и ни его тон, ни принадлежность не вызвали у меня сомнения, но по телу всё равно расползлись неприятные мурашки. Встав как вкопанная, я заторможено проследила за тем, как детские пальцы разжали мою руку, принц в обиде поджал губы, но позволил мне развернуться на зов.

По тропинке, где после занятий еще бродили ученики, ко мне со всех ног бежал покрасневшийся златовласый мальчишка, совершенно такой же, что остался в шаге от меня позади.

— Софи!

Время будто бы окунулось в густой сироп, испуганные глаза Марка смотрели будто бы сквозь. Буквально кожей я ощутила вдруг подкраивающую опасность, страх едкими щупальцами обжег спину. Что я увижу, обернувшись? Будет ли оно таким же? Или может, это тот бегущий ко мне принц окажется фальшивкой?

Спустя всего миг, какое-то краткое мгновение, острая, резка боль прошила хребет и лезвием ткнулась в живот, выбив дух. Горячая кровь свободно хлынула из раны, выкрашивая

рубашку в пронзительный красный оттенок. Кто-то впереди истошно закричал, мои ноги стремительно теряли силы, пока багровый кленовый ковер на земле шелестел в такт только ему слышимой нечестивой молитве.

Прости, кажется, мне не вернуться вовремя, Элей.

Больше книг на сайте - Knigoed.net